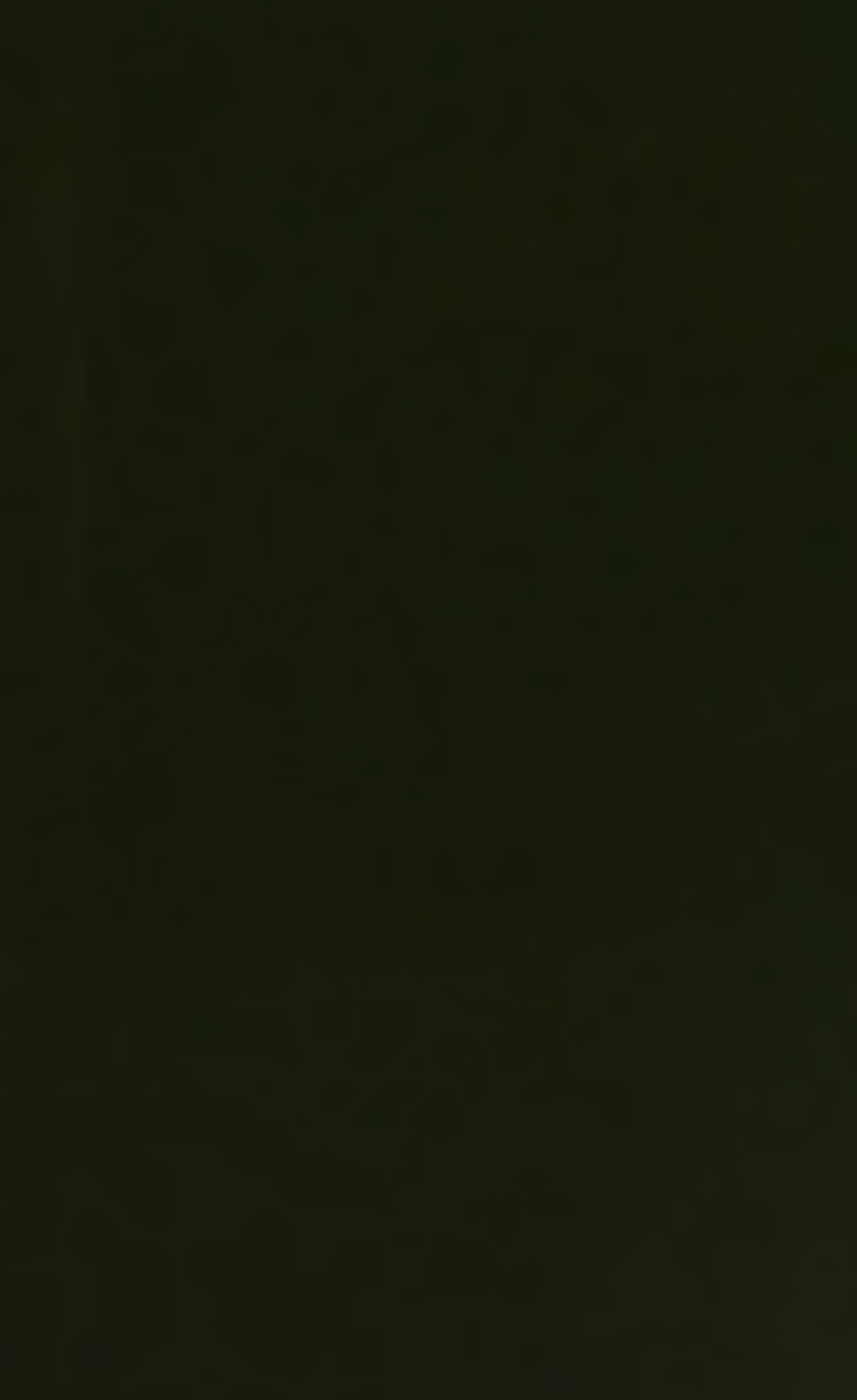

ЧТЕНІЯ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1868

Апрѣль — Іюнь.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
1868.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

Труды и Лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г. ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Понта, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсунскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

Повѣствованіе о Россіи, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 руб., перес. за 13 ф.

Книга посольская метрики Великаго княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или **Галицкой Руси** до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Книга, Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ Казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана. съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ завѣдываніемъ

О. М. Бодянскаго.

1868

Апрѣль — Іюнь.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1868.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ихъ народа; по этому и первые законы носятъ на себѣ всегда отпечатокъ этѣхъ послѣднихъ. При.томъ такъ какъ родовое начало не легко уступаетъ мѣсто государственному, хотя мало по малу и вытѣсняется имъ, то законы этѣ обнаруживаютъ обыкновенно характеръ неопредѣленности и, выражая преобладаніе того или другого начала, носятъ на себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отпечатокъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ. У всѣхъ народовъ въ первобытномъ ихъ состояніи мы не находимъ разграниченія сферы гражданскаго права отъ сферы права уголовнаго. Образованіе положительныхъ законовъ всякого народа начинается съ правилъ уголовныхъ; часто гражданское право пребываетъ еще въ состояніи неопредѣленности и несовершенства, между тѣмъ какъ уголовное находится уже на нѣкоторой степени развитія. Такъ было, вѣроятно, по естественному порядку вещей, и въ Россіи; и дѣйствительно, мы видимъ, что въ первыя времена Русскаго Государства, когда гражданскія отношенія были еще совершенно не опредѣлены закономъ, уголовныя наказанія излагались имъ даже съ нѣкоторою подробностію.

Нѣкоторые ученые раздѣляютъ то мнѣніе, что первые законы принесены въ Россію извнѣ: такъ, Рейцъ выводитъ ихъ изъ Скандинавіи; Шлецеръ, Эверсъ, Струбе, Чацкій и др. изъ Готскихъ и Франкскихъ странъ, Даніи, Германіи и иныхъ земель. Это мнѣніе кажется на первый взглядъ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что нѣкоторыя мѣста нашихъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ сходствуютъ съ постановленіями этѣхъ народовъ; но, разсмотрѣвши ихъ поближе и обративши вниманіе на слова нашего перваго лѣтописца, [1] должно будетъ согласиться, что Русскіе имѣли свои собственныя, народныя законоположенія. Быть можетъ, пришедшіе къ намъ Варяги имѣли нѣкоторое вліяніе на туземныя постановленія, но едва ли они внесли свои цѣликомъ; напротивъ, Исторія показываетъ намъ, что они сами, вскорѣ по пришествіи на Русь, подверглись Славянскому вліянію, а съ теченіемъ времени даже совершенно стерлись. При томъ, вліяніе Ва-

[1] Несторъ говоритъ: «имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ.» См. «Полное собраніе Русскихъ лѣтописей.» Томъ I. Лаврент. лѣтоп., стр. 6.

риговъ на древнее законодательство можно, пожалуй, допустить еще относительно государственныхъ и полицейскихъ законовъ, которые всегда зависятъ болѣе отъ Правительства, чѣмъ отъ обычаевъ, существующихъ въ народѣ, но ужь ни какъ не по отношенію къ гражданскимъ законамъ. Ни Рюрикъ, ни его преемники, не создали Русскихъ законовъ; зачатки ихъ коренились въ самомъ народѣ и слѣды ихъ видны въ самыя древнѣйшія времена. Предки наши, принявъ Христіанскую Вѣру отъ Грековъ, заимствовали также отъ нихъ и нѣкоторые законы. Греческіе законы служили дополненіемъ Русской Правды, Судебниковъ: они служили дополненіемъ и источникомъ Уложенія Алексѣя Михайловича. Не только духовныя мѣста и власти, но и гражданскія судебныя мѣста, въ случаѣ недостатка отечественныхъ законовъ, прибѣгали къ Греческимъ узаконеніямъ и рѣшали по нимъ дѣла. Словомъ, Греческіе законы служили въ древней Россіи, такъ сказать, вспомогательнымъ правомъ.

Древніе законодательные памятники наши распространяются наиболѣе о наказаніяхъ, пеняхъ, сословіяхъ; что же касается до гражданскаго права, то они ограничиваются почти одною только его стороною—судопроизводствомъ. На этѣхъ началахъ основаны и Русская Правда, и законы Ивана III, и Судебникъ Грознаго. Немногія начала гражданскаго права, по ихъ близкому отношенію къ судопроизводству, обращали на себя вниманіе тогдашнихъ законодателей. Только Уложеніе Алексѣя Михайловича даетъ имъ болѣе мѣста, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, оно далеко оставляетъ за собою всѣ прежніе законодательные памятники. Сдѣлавъ этѣ предварительныя замѣчанія, приступаемъ къ обозрѣнію самыхъ памятниковъ.

Древнѣйшій изъ нихъ, конечно, есть Русская Правда. Она есть одно изъ древнѣйшихъ выраженій юридическихъ идей, какимъ только могутъ похвалиться новые народы; но ни одинъ изъ послѣднихъ не имѣетъ законодательнаго памятника, который бы, подобно Русской Правдѣ, былъ составленъ спустя столь не много лѣтъ по основаніи Государства. По этому поводу нѣкоторые ученые, на пр., Каченовскій, заподозривали ея подлинность и считали не возможнымъ, чтобы подобный памятникъ могъ

явиться такъ скоро по основаніи Государства. Но нашъ почтенный ученый Калачовъ доказалъ неосновательность такихъ сомнѣній, сравнивая Русскую Правду съ кодексами Исландскихъ законовъ, извѣстными подъ названіемъ Gragas и съ другими. [2]

Не смотря на довольно обширную литературу Русской Правды, памятникъ этотъ во многихъ отношеніяхъ остается еще и до сихъ поръ невполнѣ разъясненнымъ. Мы, основываясь на выводахъ, сдѣланныхъ людьми, занимавшимися изученіемъ этого важнаго памятника, скажемъ вкратцѣ о составѣ Русской Правды, ея обязательной силѣ и отчасти коснемся ея содержанія.

Однимъ изъ спорныхъ вопросовъ по отношенію къ Русской Правдѣ, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, былъ тотъ: есть ли она произведеніе жизни Русскаго народа, или же принесена къ намъ изъ чужихъ странъ? Эверсъ считалъ законы Русской Правды заимствованными изъ уложеній Салическихъ и Рипуарскихъ Франковъ. Шлецеръ и Струбе считали источникомъ ея Шведскіе и Датскіе законы, а Рейцъ смотрѣлъ на нее, какъ на законодательство чисто Нѣмецкое. Конечно, отвергать совершенно вліяніе Нѣмецкой стихіи на Русскую Правду нельзя; ибо самое содержаніе ея указываетъ отчасти на это вліяніе; но изъ этого же содержанія оказывается несомнѣннымъ также и то, что главная ея основа—народная, туземная. Если въ Русской Правдѣ и отражается, въ извѣстной степени, Нѣмецкая стихія, указывающая на то, что туземное Русское право подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ пришлыхъ Варяго-Руссовъ, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы она имѣла своимъ единственнымъ источникомъ чужеземные законы. Варяги, будучи призваны для введенія порядка и устроя въ Россіи, обратили все свое вниманіе на подчиненіе разрозненныхъ племенъ своей единой власти и на управленіе ими; внутреннихъ же отношеній и народной жизни они почти не касались. Слѣдовательно, вліяніе ихъ ограничивалось преимущественно государственными отношеніями,

---

[2] См. его «Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской правды.» Москва, 1846 г. Введеніе, стр. VI.

а не частными, гражданскими, основа которыхъ и при нихъ осталась та же, что и прежде. [3] Такимъ образомъ, вѣрнѣе всего будетъ, если скажемъ, что Русская Правда есть собраніе обычаевъ чисто народныхъ, Славянскихъ, и только отчасти Нѣмецкихъ.

Теперь спрашивается: есть ли она Правительственное собраніе, или сборникъ, составленный частными лицами? Первоначальное изложенія Русской Правды намъ не извѣстно; она дошла до насъ въ спискахъ не ранѣе XIII вѣка. Въ этомъ видѣ она едва ли можетъ быть признана Правительственнымъ сборникомъ, а есть не что иное, какъ собраніе законовъ, составленное и въ разное время дополненное частными лицами; это подтверждается разнообразіемъ формъ изложенія отдѣльныхъ статей, неодинаковымъ порядкомъ размѣщенія ихъ въ различныхъ спискахъ, недостаткомъ статей, которыя есть въ спискахъ болѣе древнихъ и которыхъ нѣтъ въ спискахъ позднѣйшихъ. [4] Не смотря, однако, на то, что Русская Правда была составлена частными лицами, она имѣла обязательную силу и признаваена была Правительственно источникомъ права; послѣднее можно заключать изъ того, что она вносима была въ Кормчія и другіе сборники, писанные по повелѣнію Князей, которыми руководствовались при разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ.

Трудно также опредѣлить, гдѣ именно имѣла силу Русская Правда: во всей ли Россіи, или только въ нѣкоторыхъ областяхъ ея? Скорѣе, однако, нужно принять первое; ибо вездѣ, гдѣ ни встрѣчаются памятники законовъ, которыми руководствовались жители древней Руси, въ нихъ замѣтны слѣды Русской Правды.

---

[3] Профессоръ Пахманъ, въ своемъ сочиненія «О доказательствахъ по древнему Русскому праву» (стр. 30) говоритъ, что этотъ взглядъ на Варяговъ впервые высказанъ Морошкинымъ. Но это не совсѣмъ справедливо. Взглядъ этотъ еще ранѣе высказанъ былъ Раковецкимъ. См. его «Prawda Russka». Т. I, стр. 134.

[4] Что Русская Правда могла быть составлена частными лицами, а не самимъ Правительствомъ, это подтверждается отчасти и тѣмъ, что когда, на пр., Псковитяне поднесли В. Князю Ивану Васильевичу свои древніе права и уставы, то онъ, посмотрѣвъ на нихъ, отдалъ назадъ и будьто сказалъ: «Сіи грамоты писаны не Великими Князьями.»

Очень можетъ быть, что первоначально дѣйствіе ея ограничивалось одною только мѣстностію, а въ послѣдствіи ею стали руководствоваться и жители другихъ областей. Въ особенности общность ея для всей Руси видна изъ того, что Русскіе Князья дѣлали въ ней измѣненія съ общаго согласія: такъ Владиміръ Мономахъ, при ограниченіи закона о ростахъ, совѣщался съ Ратиборомъ Кіевскимъ, Прокопіемъ Бѣлогородскимъ, Станиславомъ Переяславскимъ и Чудиновичемъ, Княземъ Черниговскимъ.[5] Если бъ Русская Правда дѣйствовала въ одномъ только мѣстѣ, то съ какой стати Мономахъ прибѣгалъ бы къ согласію этѣхъ Князей и требовалъ отъ нихъ мнѣнія о томъ, до чего имъ не было ни малѣйшаго дѣла? Изъ этого слѣдуетъ заключать, что Русская Правда дѣйствовала и въ ихъ Княжествахъ. И по тому мнѣніе Рейца, будьто Русская Правда не была никогда общимъ земскимъ уложеніемъ для всей Россіи,[6] падаетъ передъ этѣми очевидными доказательствами.

Наконецъ, представляется еще одинъ вопросъ: какія статьи Правды приписывать Ярославу, а какія его преемникамъ, на пр., Владиміру Мономаху? Болтинъ и Погодинъ приписывали первыя 17 статей, помѣченныхъ «Соудъ Ярославль Володимирица,» Ярославу I, а слѣдующія за ними Владиміру Мономаху, принимая озаглавленіе: «А се оустави. Володимиръ» за грань, съ которой начинается другая часть законодательства. Карамзинъ и Эверсъ не соглашаются съ этѣмъ и утверждаютъ, что эта надпись указываетъ только на одно новое постановленіе, о третныхъ ростахъ, сдѣланное Владиміромъ Мономахомъ.

Что касается до содержанія Русской Правды, то она не затрогиваетъ многихъ сторонъ права, на пр., права семейственнаго. Причина этому простая: семейственныя отношенія были въ тѣ

---

[5] См. Введеніе въ изданные Строевымъ и Калайдовычемъ «Законы Ивана Васильевича и Судебникъ Ивана IV,» стр. VIII.

[6] См. его «Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ,» стр. 395.

времена дѣломъ чисто семейнымъ, домашнимъ, въ которое законодатель не видѣлъ необходимости вмѣшиваться; ибо главы семействъ дѣйствовали въ этѣхъ дѣлахъ съ неограниченною властію. Наслѣдственному праву также дано въ ней не много мѣста. Въ Правдѣ главнымъ образомъ встрѣчаются статьи, относящіяся къ обязательствамъ, къ праву полицейскому и уголовному; о другихъ родахъ права говорится весьма мало, а о нѣкоторыхъ даже ни чего. Очевидно, что она имѣла цѣлью удовлетворить только самымъ необходимымъ потребностямъ народа, такъ недавно еще вступившаго въ государственныя отношенія.

Мы упомянули выше, что съ принятіемъ Христіянства отъ Грековъ, въ Россію стали проникать Византійскіе законы, вносимые духовенствомъ, которое состояло на первыхъ порахъ главнымъ образомъ изъ Грековъ. Примѣненіе Византійскихъ законовъ не прекратилось даже и въ послѣдствіи, когда духовенство состояло уже по преимуществу изъ Русскихъ, благодаря постояннымъ сношеніямъ его съ духовенствомъ Греческимъ и Болгарскимъ. Первоначально Византійскіе законы проникли въ южнымъ Славянамъ, а оттуда уже въ Россію. [7] Въ XII, XIII и XIV стол. въ Россіи дѣлаются извлеченія изъ Византійскихъ законовъ, съ тою цѣлью, чтобы гражданскіе и духовные суды руководствовались ими въ тѣхъ или другихъ дѣлахъ. [8] Наиболѣе проникли въ Россію сборники каноновъ Іоанна Схоластика (составленный имъ въ VI вѣкѣ) и Фотія (въ IX в.); они принадлежатъ къ числу первыхъ сочиненій, которыя были переведены на Славянскій языкъ. [9] Номоканоны этѣ обнимаютъ, какъ извѣстно, не одни только церковныя постановленія, но и гражданскія; такъ, на пр.,

---

[7] Розенкампфъ «Обозрѣніе Кормчей въ историческомъ ея видѣ,» стр. 9. См. Калачова «О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права.» Въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ. Исторіи и Древностей Россійскихъ 1848 г., кн. III, стр. 8—10.

[8] См. рѣчь Рождественскаго: «О вліяніи Греко-Римскаго права на Русскіе гражданскіе законы», помѣщенную въ «Актѣ Петербур. Университета» за 1843 годъ.

[9] Розенкампфъ стр. 43.

помѣщенный въ нихъ Градскій законъ есть не что иное, какъ извлеченіе изъ Юстиніянова Кодекса и Прохирона Императора Василія Македонянина. Этотъ Градскій законъ имѣлъ въ Россіи значительное примѣненіе, вліяніе его замѣтно отражается въ нѣкоторыхъ памятникахъ, а мѣстами онъ даже включенъ въ ихъ составъ почти безъ всякихъ измѣненій; такъ, на пр., статьи его, относящіяся къ наслѣдству, вошли цѣликомъ въ Судебники и Уложеніе.

Конечно, Византійскіе законы не могли имѣть въ Россіи всеобщаго примѣненія, такъ какъ они во многомъ не согласовались съ условіями Русской жизни; но что по нѣкоторымъ вопросамъ они имѣли значительное дѣловое примѣненіе, это видно изъ того, что они вносимы были въ систему свѣтскаго законодательства. Все это указываетъ на огромную важность и значеніе нашихъ Кормчихъ въ системѣ древняго Русскаго законодательства.

Византійскій Номоканонъ дѣйствовалъ на жизнь Русскаго общества мало по малу. Духовенство, пожалуй, не прочь было ввести Греческія узаконенія сразу, но жизнь говорила свое: старые обычаи упорно отстаивали свое существованіе, и потому дѣйствіе это не обошлось безъ борьбы. Какъ трудно было идти противъ народныхъ обычаевъ, доказываетъ, на пр., то обстоятельство, что Владиміръ, отмѣнившій, по вліянію духовенства, право мести за обиды, за которыя, на основаніи Градскаго закона, наказывалось смертію, въ послѣдствіи, по совѣту того же самаго духовенства, согласился на возвращеніе къ прежнему обычаю (т. е., къ праву мести). [10] Начало Русской Правды глубоко коренелись въ обычаяхъ народа и неохотно уступали свое мѣсто новымъ. Но какъ бы то ни было, Византійскіе законы мало по малу проникли на Русь и сдѣлали въ законодательствѣ ея нѣкоторый переворотъ; достаточно указать на порядокъ наслѣдованія по Русской Правдѣ, и по Уложенію, чтобы убѣдиться въ этомъ. Разница большая! Мы не имѣемъ достаточно памятниковъ, по кото-

---

[10] Розенкампфъ, стр. 103—104.

рымъ бы можно прослѣдить этотъ переворотъ шагъ за шагомъ. Единственный, извѣстный теперь, подобный памятникъ есть Псковская Судная Грамота, которая представляетъ намъ законы о наслѣдованіи уже сильно измѣненными противъ Русской Правды и во многомъ очень сходные съ Номоканономъ.

Псковская Судная Грамота принадлежитъ XV вѣку (1467 г.), но первоначальный изводъ ея относится ко времени между 1327 и 1337 г. Постановленія ея заключаютъ въ себѣ много новаго, чего нѣтъ въ Русской Правдѣ, на пр., право наслѣдованія женщинъ. Вообще то, о чемъ въ Правдѣ находимъ не рѣдко одни только намеки, представляется въ Грамотѣ развитымъ уже довольно подробно, на прим., имущественныя отношенія между братьями, отвѣтственность за долги и др. Псковская Грамота представляетъ, какъ мы сказали уже, измѣненную систему наслѣдованія въ сравненіи съ Русскою Правдою и болѣе согласную съ Номоканономъ; сдѣсь уже не исключаются отъ наслѣдованія ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра, ни другіе родственники умершаго. [11] При томъ порядокъ наслѣдованія признается одинаковымъ и въ Боярскихъ семействахъ и у смердовъ, между тѣмъ какъ по Русской Правдѣ только у Бояръ и дружинниковъ допускалось наслѣдованіе дочерей, у смердовъ же наслѣдовали одни только сыновья, а если таковыхъ не было, то наслѣдство шло къ Князю. Все это показываетъ, что законодательство на столько уже развилось, что не смѣшиваетъ семейныхъ отношеній лица съ его отношеніями общественными.

За Псковскою Грамотою, въ порядкѣ времени, слѣдуютъ законы Ивана III и Судебникъ Ивана Грознаго. Оба эти памятника составлены изъ статей, писанныхъ въ разное время безъ всякого порядка и системы. Нѣкоторыя статьи встрѣчаются по два раза, при чемъ одна изъ нихъ пространнѣе другой. Сличая эти памятники между собою, мы замѣчаемъ совершенное, почти буквальное, сходство ихъ въ главныхъ положеніяхъ; вся разница

---

[11] Смотр. «Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Грамотѣ». Спб. 1855 г., соч. Энгельмана.

между ними состоитъ только въ дополненіяхъ. Сравнивая же ихъ съ Русскою Правдою, замѣчаемъ, что представленія о наслѣдованіи развились уже до нѣкоторой степени; такъ, на пр., Судебники признаютъ право наслѣдованія дочерей. Но оба они, также какъ и Русская Правда, касаются весьма мало вещныхъ правъ по обязательствамъ, а о нѣкоторыхъ въ нихъ нѣтъ даже ни малѣйшаго намека.[12] Оба Судебника занимаются наиболѣе судоустройствомъ и судопроизводствомъ; впрочемъ, въ нихъ есть и политическія узаконенія касательно правъ и обязанностей сословій, есть и уголовное право, и даже нѣкоторыя постановленія по праву частному; но, повторяю, послѣднихъ весьма мало. Это обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что и въ тѣ еще времена главную роль играли обычаи: семейственныя и имущественная отношенія гражданъ устроивались на основаніи обычаевъ предковъ.

Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича заканчивается древній періодъ нашего законодательства. Оно прикасается уже многими сторонами къ новому времени и приспособлено къ новымъ потребностямъ жизни, такъ что, собственно говоря, Уложеніе составляетъ грань между древнимъ и новымъ законодательствами. Источники его, какъ извѣстно, весьма разнообразны: Правила Св. Отцовъ, Византійскіе законы, прежніе Судебники, Указы Государей, Боярскіе приговоры и другія; но всѣ этѣ различные первоосновы соединены въ одно цѣлое и, не смотря на эту разнородность, Уложеніе представляетъ уже извѣстное единство и систему, которыхъ мы не замѣчаемъ въ предшествующихъ памятникахъ.

Что касается до его содержанія, то уголовное право Уложенія взято по преимуществу изъ Градскаго Закона и другихъ Византійскихъ законовъ; судопроизводство и преступленія противъ собственности изъ Литовскаго Статута; что же касается гражданскаго права, то оно почти все взято изъ прежнихъ Русскихъ узаконеній, изданныхъ до Уложенія. Но и въ Уложеніи, какъ вооб-

---

[12] Вѣроятно, въ этѣхъ случаяхъ законы Греческихъ Царей, помѣщенные въ Кормчихъ, служили дополненіемъ Судебникамъ.

ще во всѣхъ древнихъ законодательныхъ памятникахъ, о гражданскомъ правѣ, сравнительно съ другими, говорится мало; притомъ оно не представляетъ еще болѣе или менѣе удовлетворительной системы и во многихъ случаяхъ такъ недостаточно, что непремѣнно нужно допустить, что и тогда еще оно дополнялось обычаями, существующими на практикѣ, но нигдѣ въ законѣ письменно не выраженными.

Кромѣ упомянутыхъ нами памятниковъ, для насъ имѣютъ большое значеніе Указы Великихъ Князей и Царей, издаваемые въ разное время. Въ особенности представляются важными Указы Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, изданные до Уложенія. Такъ какъ Судебники едва только касаются гражданскаго права, а о той сторонѣ его, которая относится къ нашему предмету, имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, не говорятъ даже ни чего, то единственнымъ источникомъ, откуда мы можемъ почерпать данныя для этого времени, являются помянутые Указы.

Наконецъ, не менѣе важными для нашего предмета являются также Рядныя записи, Духовныя завѣщанія, и т. п. акты частныхъ лицъ; они важны, съ одной стороны, по тому, что законодательство часто не касается опредѣленій того или другого юридическаго отношенія и предоставляетъ это существующимъ обычаямъ, а съ другой по тому, что въ существованіи закона, особенно же въ древности, нѣтъ еще ручательства за его приложеніе въ дѣйствительности; ибо законъ, хотя и былъ выраженъ въ письменной формѣ и утвержденъ законодательною властію, могъ, однако, не примѣняться на дѣлѣ, гдѣ главную роль играли все таки обычаи.

ГЛАВА II.

Какъ вообще письменныя извѣстія о внутреннемъ бытѣ Русскаго народа въ древности недостаточны, такъ что не рѣдко нельзя себѣ составить яснаго понятія о той или другой сторонѣ его, такъ точно и для узнанія отношеній супруговъ по имуществу источники этѣ довольно скудны; на иные вопросы, которые мо-

гутъ встрѣтиться при разсмотрѣніи этого предмета, отвѣчать обстоятельно иногда почти немыслимо. По этому, изложеніе имущественныхъ отношеній супруговъ въ древней Россіи не можетъ быть во всѣхъ частяхъ одинаково строго точнымъ.

Отношенія этѣ главнымъ образомъ основывались на обычаѣ, свято соблюдаемомъ, по тому что все тогдашнее семейственное право, какъ мы уже сказали, не принадлежало къ области законодательства: оно происходило изъ внутренней жизни семействъ и изъ обычаевъ. Не говоря о Русской Правдѣ и Судебникахъ, даже Уложеніе слабо касается семейственнаго права вообще, и имущественныхъ отношеній супруговъ въ особенности.

Хотя у Славянъ Русскихъ никогда не было общности имуществъ супруговъ, однако должно предполагать, что первоначально, въ языческія времена, имущество жены терялось въ общей массѣ семейственной собственности, въ обладаніи которою жена участвовала совокупно съ мужемъ и дѣтьми. Понятно, что при такихъ условіяхъ имущественное положеніе женщины не могло быть самостоятельнымъ.

Заслуга первоначальнаго распространенія мысли, по которой право собственности жены на ея имущество вступленіемъ въ бракъ не должно быть нарушаемо, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Христіанской Церкви, которая старалась поднять подавленную личность женщины и сдѣлать ее независимою между другими и въ имущественномъ отношеніи. На этомъ основаніи, Христіанская Церковь на Руси приняла съ самаго начала въ свое вѣдѣніе, между прочими, и ту часть законодательства, которая обнимала семейное право. Съ того времени только Русская женщина начала составлять до извѣстной степени особое, юридически отдѣльное отъ мужа, лицо, и мало по малу за ней признано было право имѣть свое собственное, отдѣльное отъ мужа, имущество.

Постановленія Русской Правды о томъ, что изъ сводныхъ дѣтей каждый наслѣдуетъ только въ имѣніи своихъ родителей и

исключаетъ дѣтей отъ другого отца, или матери, [13] очевидно, имѣли своимъ основаніемъ раздѣльность имуществъ супруговъ. Эта раздѣльность, отсутствіе всякого сліянія, есть отличительная черта древняго Русскаго права. [14]

При разсмотрѣніи имущественныхъ отношеній супруговъ выступаютъ слѣдующіе вопросы: какое вліяніе имѣлъ бракъ на этѣ отношенія? Сохраняютъ ли супруги все свое имущество по прежнему, или же одинъ супругъ пріобрѣтаетъ что ни будь изъ имущества другого, при жизни, или послѣ смерти его? Какимъ образомъ обезпечивается судьба жены по смерти мужа? Вотъ вопросы, на которые намъ нужно отвѣтить. Но прежде еще замѣтимъ, что такъ какъ всѣ отношенія супруговъ по имуществу сводятся главнымъ образомъ къ приданому и къ наслѣдованію одного супруга въ имуществѣ другого, всѣ же остальные предметы, входящіе въ составъ этѣхъ отношеній, скучиваются около нихъ, то мы и обратимъ преимущественное вниманіе на приданое и на наслѣдованіе супруговъ.

§ I. Происхожденіе приданаго. Хотя обычай давать приданое находимъ уже въ древнѣйшія времена, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ существовалъ съ тѣхъ поръ, какъ только явились браки въ той или другой формѣ Напротивъ, въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена, когда браки заключались посредствомъ купли, продажи, невѣста не только не приносила своему мужу извѣстнаго имущества, но еще самъ мужъ платилъ родителямъ, родственникамъ и вообще тѣмъ лицамъ, которыя выдавали невѣсту за мужъ, извѣстную цѣну за нее, которая называлась вѣномъ. Такая плата была въ духѣ древнихъ народовъ: она существовала не только у Славяно-Русскихъ колѣнъ, но, кажется, и у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Теперешніе свадебные обычаи во многихъ мѣстностяхъ Россіи сохранили такія несомнѣнныя вос-

[13] «Аже ли будуть двою мужю дѣти а одиной матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмь своего отца.» См. Калачова «Изслѣдованія Русск. Правды.» Ст. LXVII, стр. 104.

[14] См. Неволина: «Полное собраніе сочиненій.» Т. III, стр. 92.

поминанія о существовавшей покупкѣ невѣстъ, что едва ли можно сомнѣваться, что подобная плата за невѣсту существовала когда-то въ дѣйствительности. Въ послѣдствіи, когда покупка исчезла изъ нравовъ народа, плата эта превратилась въ даръ жениха, который, съ теченіемъ времени, давался, при томъ уже не родителямъ, или родственникамъ невѣсты, а ей самой. Очень можетъ быть, что Церковь Христіанская, заставъ у Славянъ Русскихъ обычай вѣна, въ смыслѣ платы за невѣсту, облагородила его и преобразовала въ даръ, дѣлаемый женихомъ невѣстѣ.

Когда родители стали отказываться отъ платы, даваемой имъ женихомъ за невѣсту, въ пользу ея самой, и когда, въ слѣдствіе этого, образовался обычай, по которому женихъ дѣлалъ извѣстные дары уже прямо невѣстѣ, тогда и сами родители, съ своей стороны, стали надѣлять свою дочь, выходящую за мужъ, еще извѣстнымъ имуществомъ, которое бы давало ей возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ. Вотъ начало приданаго. Его, конечно, не было тогда, когда существовала покупка невѣстъ; приданое предполагаетъ уже извѣстную самостоятельность и значеніе женщины; ибо даетъ ей, какъ лицу, право владѣть вещью, между тѣмъ какъ купля совершенно уничтожаетъ ея личность, обращая ее въ предметъ простаго торга: слѣдовательно, два этѣ явленія взаимно исключаются: когда существовало первое, не могло быть втораго, и на оборотъ.

Не всѣ ученые согласны въ томъ, какое значеніе имѣло на Руси вѣно, и слова Лѣтописи, гдѣ упоминается, что Владиміръ «вдасть за вѣно» Греческимъ Императорамъ, братьямъ своей супруги Анны, Корсунь, [15] а Король Польскій, Казиміръ, женившись на сестрѣ Ярослава, «вдасть ему за вѣно 800 плѣнныхъ,» [16] объясняютъ различно. Одни видятъ въ этомъ древній обычай платы жениха родственникамъ невѣсты, или, по крайней мѣрѣ,

---

[15] «Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять, Царицы дѣля.» Лаврент. Лѣтоп. стр. 50.

[16] «Вдасть Казимиръ за вѣно людій 8 сотъ.» Лаврен. Лѣт. стр. 67.

вознагражденіе за выводъ ея изъ рода;[17] другіе же только добровольный даръ жениха. Послѣднее мнѣніе высказываютъ: Тюринъ и Шульгинъ, которые возвращеніе Грекамъ Корсуня Владиміромъ и возвращеніе Ярославу 800 плѣнныхъ Казиміромъ считаютъ просто дареніемъ, которое сдѣлали этѣ Государи въ слѣдствіе дружелюбнаго ихъ расположенія другъ къ другу, а не потому, чтобы они обязаны были къ тому брачнымъ обычаемъ.[18] И Шульгинъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылается на то, что у другихъ Славянскихъ народовъ, на пр., у Чеховъ, вѣномъ называлось приданое невѣсты (dos) вмѣстѣ съ подарками мужа, записываемыми женѣ при вступленіи въ бракъ (dotalitium).[19] Но большинство ученыхъ видятъ сдѣсь не исключеніе, т. е., не отдѣльный случай, а общее правило, и согласны въ томъ, что вѣно означало на Руси не что иное, какъ плату за невѣсту.[20] Да и самое слово вѣно, говорятъ они, происходитъ, какъ показываетъ Филологія, отъ vendere, покупать.[21]

Намъ кажется найболѣе справедливымъ въ этомъ отношеніи мнѣніе Кавелина. «Вѣно, говоритъ онъ, будучи по своему происхожденію платою за невѣсту, могло въ послѣдствіи утратить этотъ смыслъ и обратиться въ даръ мужа женѣ, вовсе не имѣющій первоначальнаго унизительнаго для женщины значенія.»[22] Конечно, вѣно въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, не представляетъ уже формы купли, но несомнѣнно то, что въ древнѣйшія времена оно было платою за невѣсту.

---

[17] См. Соловьева «Исторія Россіи.» Т. I, глава III, стр. 61.

[18] Шульгинъ: «О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В.» Кіевъ. 1850 г., стр. 20. См. также сочиненіе Тюрина «Общественная жизнь въ древней Россіи» и разборъ его въ III т. (стр. 171) сочин. Кавелина.

[19] Шульгинъ стр. 18.

[20] Такъ думаютъ: Карамзинъ, Рейцъ, Краннхфельдъ, Неволинъ, Погодинъ и другіе.

[21] Соловьевъ. Т. I, стр. 60.

[22] Кавелинъ. Сочиненія его. Ч. III, стр. 237.

Что существованіе приданаго относится уже ко временамъ весьма отдаленнымъ, это подтверждается словами Нестора о Полянахъ, который повѣствуетъ, что невѣста вступала въ домъ жениха вечеромъ, «а завътра приношаху по ней, что вдадуче»; [23] очевидно, что сдѣсь говорится о приданомъ, которое приносили въ домъ жениха. Хотя памятники и не говорятъ прямо, что обычай этотъ имѣлъ мѣсто и у другихъ Славяно-Русскихъ колѣнъ, но должно предполагать, что онъ появился и у нихъ, какъ только они достигли нѣкоторой степени развитія.

§ 2. **Рядныя записи.** Вступающіе въ бракъ, или точнѣе, ихъ родители, либо родственники, обыкновенно еще до брака договаривались о томъ, на какихъ условіяхъ соединяются женихъ и невѣста. Условія договаривающихся вносились въ особаго рода записи, называемыя **рядными**, [24] **сговорными**, **свадебными записями** или **грамотами**. Древнѣйшая изъ такихъ, извѣстныхъ намъ до сихъ поръ, записей относится къ XVI ст.: это именно рядная запись 1542 г. на приданое Княгини Соломониды Пронской. [25] Профессоръ Срезневскій думалъ, что мы имѣемъ болѣе древнія рядныя записи, считая одну изъ записей XIII вѣка рядною. [26] Но Неволинъ убѣдительными доводами опровергъ подобное значеніе этой записи и доказалъ, что это не рядная запись, заключенная при бракѣ, а мировая запись, по которой спорящія стороны согласились прекратить между собою споръ; «пожалуй, говоритъ онъ, можетъ быть даже споръ, возникшій изъ сговорной (брачной) записи.» [27]

---

[23] Лаврент. Лѣт. стр. 6.

[24] **Рядъ** значитъ вообще договоръ, условіе; иногда въ древности называли такъ и завѣщанія.

[25] Она помѣщена въ Актахъ Юридическихъ, издан. Археографическою Коммиссіею подъ № 392, стр. 418.

[26] Соображенія свои по этому поводу и доказательства онъ изложилъ въ особой статьѣ, которая помѣщена въ III томѣ Извѣстій Археологическо-нумизматическаго Общества.

[27] См. письмо Неволина къ Срезневскому, помѣщенное въ VI томъ сочиненій, стр. 573—584.

Итакъ, когда условливались о бракѣ окончательно, тогда писалась рядная запись. Условія, которыми опредѣлялись въ записи права супруговъ по имуществу, бывали весьма разнообразны. Древнее законодательство не постановляетъ ни какихъ законныхъ препятствій заключать брачный договоръ, по которому бы все имущество супруговъ считалось общимъ и состояло въ обоюдномъ ихъ распоряженіи, но бывали ли такого рода договоры, не извѣстно. До насъ не дошла ни одна подобная рядная

Рядною записью утверждалось данное лицами другъ другу обѣщаніе вступить въ бракъ; обыкновенно въ ней означалось также количество даваемаго за невѣстою приданаго, а равно судьба этого приданаго по прекращеніи брака. Иногда по ряднымъ записямъ приданое предоставлялось мужу, такъ что оно становилось не собственностію жены, а собственностію мужа. Нерѣдко также ими опредѣлялись права наслѣдованія жены въ имуществѣ мужа, а когда кто женился на вдовѣ, имѣющей дѣтей отъ перваго брака, то обыкновенно опредѣлялась и судьба ихъ. Наконецъ, въ числѣ условій, вносимыхъ въ рядныя, когда кто женился на крѣпостной, бывали условія выхлопотать до заключенія брака для своей невѣсты отпускную. [28]

Въ рядныхъ записяхъ помѣщалась почти всегда неустойка (зарядъ) [29] на тотъ случай, если бы женихъ въ условленный срокъ не взялъ замужъ дѣвицы, или отецъ невѣсты не выдалъ ее, или же не далъ за нею всего обѣщаннаго приданаго. Величина неустойки зависѣла отъ величины приданаго; чѣмъ значительнѣе было приданое, тѣмъ больше была и неустойка. Эта

---

[28] См. «Акты Юридич.» № 399, стр. 421—423.

[29] Подобно тму, какъ у Русскихъ въ рядныхъ назначалась неустойка, въ Греко-Римскомъ правѣ, для бол шаго укрѣпленія сговора, дозволялось дѣлать обручальный порядокъ (arrha). См. Рѣчь Рождественскаго «О вліяніи Греко-Римскаго права на Русскіе гражданскіе законы», въ «Актѣ Петерб. Универ.» за 1843, стр. 130—131.

неустойка назначаема была какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты. [30]

Мы сказали выше, что въ рядныхъ записяхъ иногда опредѣлялись права жены на имущество мужа послѣ смерти его. Такимъ образомъ, нерѣдко рядными записями предоставлялось женѣ право получить все движимое имущество послѣ мужа. Такъ, въ рядной 1566 г. [31] читаемъ: «и Богъ пошлетъ по мою душу, по Маркову смерть, и что моего живота послѣ моего живота останетца, денегъ, и рухляди, и платья, и тотъ весь животъ мой женѣ, Омельфѣ;» и если бы родственники умершаго потребовали возвращенія этого имущества, то должны были заплатить вдовѣ означенную въ рядной суму денегъ. [32]

Рядныя записи утверждались всегда свѣдѣтелями: въ концѣ ихъ писали: «а на то послуси», или: «а у сей сговорной записи сѣдилцами сѣдили» такіе-то. Число свѣдѣтелей бывало различно; первоначально оно не опредѣлялось ни закономъ, ни обычаемъ. Иногда былъ только одинъ свѣдѣтель. Совершались онѣ въ Приказѣ Крѣпостныхъ Дѣлъ, но большею частію на дому— домашнимъ порядкомъ. Это подтверждено и въ Уложеніи, которое, какъ извѣстно, требуетъ совершенія большей части актовъ формальнымъ порядкомъ, т. е., при площадныхъ Подъячихъ; но для завѣщаній, заемныхъ актовъ и рядныхъ, сдѣлано исключеніе:

---

[30] Первая видна изъ рядной записи 1549 г. «се язъ, Тишина Константиновъ сынъ Сулменева: жениться мнѣ у Замятни да у Василья у Михайловыхъ дѣтей Ржевского, а поняти мнѣ ихъ сестра, Олена Михайлова жъ дочь Ржевскаго, за недѣлю до заговѣнья Филипова лѣта 7058; а не женюсь язъ, Тишина, на тотъ срокъ у Замятни да у Василья, ино на мнѣ на Тишинѣ взять Замятнѣ да Василью по сей записи сто рублевъ денегъ.» «Акты Юрид.» № 393, стр. 418. О неустойкѣ со стороны невѣсты говорится, на примѣръ, въ рядной 1679 года. См. «Акты Юрид.» № 399, стр. 422.

[31] «Акты Юридич.» № 394, стр. 419.

[32] «А кто моего роду (говорится далѣе въ той же рядной) учнетъ моего живота на Омельфѣ и на еѣ дѣтяхъ искати, и Омельфѣ.... взять на томъ, кто учнетъ моего живота искати, по записи 20 рублевъ денегъ.»

ихъ можно было совершать въ селахъ, деревняхъ и по подворьямъ, мимо площадныхъ Подъячихъ. [33] При томъ, хотя Уложеніе прямо и не говоритъ о томъ, сколько должно быть свѣдѣтелей при совершеніи рядныхъ записей, но, кажется, что ихъ требовалось не менѣе 2-хъ; ибо, при заключеніи болѣе важныхъ сдѣлокъ, оно требуетъ 6, или 5, свѣдѣтелей, а при незначительныхъ сдѣлкахъ 3-хъ и во всякомъ случаѣ не менѣе 2-хъ. [34]

§ 3. **Кто давалъ приданое?** Имущество, даваемое за невѣстою, памятники называютъ не только **приданымъ**, но еще **вѣномъ** и **надѣлкомъ**. Названіе приданаго **вѣномъ** встрѣчается въ памятникахъ церковнаго законодательства—въ Кормчихъ, [35] а надѣлкомъ называли его въ общежитіи. [36]

Приданое давали не только родители, [37] но и братья, [38] дяди и другіе родственники, вообще тѣ лица, подъ опекою которыхъ находилась невѣста и выходила замужъ. Иногда приносила его сама невѣста, что въ особенности бывало тогда, когда замужъ выходила вдова, которая, какъ лицо самостоятельное, обладая извѣстнымъ имуществомъ, сама отъ себя и давала мужу приданое. [39]

Часто также приданое назначалось дочерямъ въ завѣщаніяхъ. На это есть много указаній въ памятникахъ. [40] На нѣ-

---

[33] «Уложеніе,» гл. X, статья 250.

[34] «Уложеніе», гл. X, статья 246.

[35] См. Калачовъ: «Кормчая.» Приложенія, стр. 38—41.

[36] См. «Домострой Благовѣщенскаго Попа Сильвестра,» изд. Голохвастовымъ, стр. 22.

[37] См. «Акты Юридическіе», № 392 и 400.

[38] А при малолѣтствѣ, должно быть, давалъ приданое опекунъ на счетъ братьевъ.

[39] «Акты Юрид.» № 395. См. также Неволина т. III, стр. 109, и Рейца стр. 201.

[40] См. на пр., духовную нѣкоего Бородина въ «Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи,» изд. Калачовымъ. Спб. 1857 г., № 86, стр. 566—567.

которыя лица самъ законъ возлагалъ обязанность давать приданое; наконецъ, иногда его назначала сама казна.

Такъ какъ вообще вопросъ о приданомъ находится въ ближайшей связи съ вопросомъ о наслѣдованіи дочерьми родительскаго имущества, то мы и считаемъ нужнымъ разсмотрѣть его хоть вкратцѣ.

Въ древности женщины устранялись отъ наслѣдованія родительскаго имущества, но на тѣхъ лицахъ, которыя получали наслѣдство, лежала обязанность кормить ихъ и содержать, до смерти, или до вступленія въ монашество, а въ случаѣ выхода замужъ, дать имъ приданое. Такъ, Русская Правда наслѣдниками признаетъ только сыновей, дочерей же при сыновьяхъ не допускаетъ къ наслѣдству, но за то обязываетъ ихъ дать своимъ сестрамъ приданое при выходѣ ихъ замужъ: [41] «оже ли будеть сестра въ дому, говоритъ Правда, тои задница не надобе, нъ отдадять ю за мужъ братья, како си могуть.» [42] Но когда братьевъ не было, тогда все имущество наслѣдовали дочери, которое онѣ, слѣдовательно, могли брать себѣ и въ приданое: «Аже въ Болярѣхъ, или же въ Болярьстѣй дружинѣ, то за Князя задница не идеть, нъ оже не будеть сыновъ, а дочери възмуть.» [43] Но то, что мы сказали, относится, однако, только къ наслѣдованію дочерей Бояръ и дружинниковъ, т. е., лицъ высшаго сословія. Не такой порядокъ наслѣдованія былъ въ имуществѣ смердовъ. [44] Когда послѣ смерда не оставалось сы-

---

[41] Это чисто Славянскій порядокъ наслѣдованія. Въ древнѣйшее время у всѣхъ Славянъ сестры при братьяхъ не признавались наслѣдницами, а имѣли только право на приданое при выходѣ замужъ.

[42] Калачовъ. «Правда», стр. 102, статья LXII, и Раковецкій, ч. II, стр. 105.

[43] Калачовъ, тамъ же, статья LX, и Раковецкій, ч. II, стр. 103.

[44] Къ смердамъ относились люди свободнаго состоянія, занимавшіеся земледѣліемъ и т. п. Они могли свободно переходить отъ одного Господина къ другому, но не пользовались тѣми правами, которыя принадлежали Боярамъ, на пр., правомъ вступать въ Княжескую службу. Гриммъ производитъ слово смердъ отъ смердѣть, а Мацѣевскій отъ смерть. См. его: «Historya prawodawstw Słowiańskich». Изданіе 1-ое, т. II, стр. 259.

новей, имущество его не переходило къ дочерямъ, какъ это было у Бояръ, а къ Князю, который давалъ часть имущества незамужнимъ дочерямъ умершаго на приданое (ибо замужнія уже не получали ни чего). Это прямо выражено въ Русской Правдѣ: «Аже умреть смердъ безъ дѣтей, то задница его Князю: ажели будуть дъчери у него дома, то даяти часть на нѣ, а ожели будуть за мужемъ, то не даяти имъ ни что же части.» [45]

Въ послѣдствіи времени дочери допущены были къ наслѣдованію движимаго имущества, если не было сыновей, а Судебникъ Ивана III признаетъ за ними право наслѣдовать даже и недвижимыя имущества, разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда не оставалось сыновей; [46] ибо если таковые были, то они всегда безусловно устраняли дочерей.

Дочери, однако, могли наслѣдовать не во всѣхъ родахъ недвижимыхъ имуществъ, а только въ купляхъ, т. е., благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ; такъ, Указъ 1562 г., Генваря 15, постановляетъ, что если послѣ смерти такого-то лица не останется сыновей, то старинныя вотчины его берутся на Государя, который даетъ дочерямъ умершаго приданое изъ его животовъ, [47] а если ихъ будетъ недостаточно, то приданое назначается изъ казны Государевой, а вотчины все же таки берутся на Государя. [48] Отсюда видно, что дочери не могли наслѣдовать такихъ вотчинъ даже и тогда, хотя бы не осталось сыновей.

---

[45] Калачовъ. ст. LIX, стр. 101. Такой порядокъ вещей существовалъ и въ древней Чехіи, что видно изъ законовъ Короля Владислава. Въ Польшѣ не было обычая, по которому бы Король наслѣдовалъ имущества простолюдиновъ, не оставившихъ дочерей, но тамъ, въ слѣдствіе злоупотребленій, это право присвоивали себѣ Господа относительно своихъ крестьянъ.

[46] См. «Законы В. Кн. Ивана Васильевича и Судебникъ Царя Ивана Васильевича,» статью о чужеземцехъ, стр. 21, а также гл. 92, стр. 91—92.

[47] Такъ называли вообще движимое имущество, а въ болѣе древнія времена его называли еще «товаръ, статокъ».

[48] Указъ этотъ помѣщенъ въ «Актахъ Историческихъ», въ томѣ I, № 154, стр. 268.

Когда развилась помѣстная система, т. е., такая система, по которой казна давала извѣстнымъ лицамъ недвижимыя имѣнія съ обязательствомъ служить за это въ службѣ Государевой, тогда обыкновенно послѣ смерти такого лица, оставившаго дѣтей, помѣстья этѣ отдавались сыновьямъ, на которыхъ и возлагалась обязанность содержать своихъ сестеръ, выдать ихъ замужъ и дать приданое. Нужно замѣтить сдѣсь, что законодательство Русское, въ періодъ отъ Судебниковъ до Уложенія, связывало не только съ пожалованными казною имѣніями, т. е., помѣстьями, извѣстныя служебныя обязанности, но даже старалось подчинить своимъ государственнымъ цѣлямъ и частную собственность—родовыя вотчины. [49] Вотъ по чему оно и тѣ и другія предоставляло только мужчинамъ, а устраняло женщинъ, какъ не могшихъ лично нести Государевой службы. Но, во всякомъ случаѣ, оно налагало на тѣ лица, которыя получали таковыя вотчины, обязанность содержать своихъ сестеръ и родственницъ, а при выходѣ замужъ снабдить ихъ приданымъ. [50]

Когда, съ теченіемъ времени, за дочерьми признано было право получать извѣстные участки изъ отцовскихъ помѣстій, тогда для мужчинъ, исключавшихъ женщинъ отъ наслѣдства, прекратилась прежняя обязанность прокормленія ихъ и надѣленія приданымъ. Такъ, по Указу 1628 г., Мая 23, [51] дочери устраняются отъ

---

[49] См. Бѣляева: «О наслѣдованіи безъ завѣщанія по древнимъ Русскимъ законамъ до Уложенія Алексѣя Михайловича.» Москва, 1858 г., стр. 90 и 116, а также Неволина т. V, стр. 370.

[50] «А котораго Князя, брата его, или племянника его, пожалуетъ Государь тою вотчиною, и которая кому въ духовной написана, или безъ духовныя Государь пожалуетъ кого: и тому съ тое вотчины душу брата своего, или дяди своего, устроити и въ монастыри по немъ давати; а у котораго будутъ дочери, или племянницы, и за тѣми приданые давати съ тое жъ брата, или дяди своего, вотчины, розсудя по человѣку и по вотчинѣ, или гдѣ какъ Государь укажетъ что дати; а который братъ, или племянникъ, съ тое вотчины..... за сестрами и за племянницами приданаго давати не похотятъ: и тѣ вотчины устроити, и долгъ платити, и дѣвкамъ приданое Государь велитъ давати, розсудя по вотчинѣ, изъ своея, Государевы, казны.» См. «Акты Истор.» т. I, стр. 268—269.

[51] «Указатель Россійскихъ законовъ,» Максимовича, т I, стр. 139.

наслѣдованія родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ, но надѣляются особыми долями изъ отцовскихъ помѣстій на прожитокъ. [52] Въ это время законъ уже гороритъ объ обязанности братьевъ давать приданое лицамъ женскаго пола, очевидно, по тому, что теперь онѣ уже получали помѣстья на прожитокъ, съ которыми могли выходить за мужъ и которыя составляли для нихъ какъ бы приданое, если мужья ихъ били Государю челомъ о справкѣ таковыхъ помѣстій за ними.

Считаемъ не лишнимъ сказать сдѣсь нѣсколько словъ о справкѣ прожиточныхъ помѣстій за женихами. Для того, чтобы женщина могла удержать за собою прожиточное помѣстье, и по выходѣ замужъ требовалось разрѣшеніе Правительства; женихъ долженъ былъ просить, чтобы помѣстье его невѣсты, за которое онъ обязывался нести службу Государеву, было записано за нимъ. Указомъ 1648 г. было постановлено, чтобы женихъ просилъ о справкѣ за нимъ прожиточнаго помѣстья невѣсты непремѣнно до женитьбы. Этого же требуетъ и Уложеніе, которое прибавляетъ еще: «а будетъ кто такова прожиточнаго помѣстья за собою до женитьбы своей не справитъ, и учнетъ о томъ прожиточномъ помѣстьѣ Государю бити челомъ послѣ женитьбы своей, и за нимъ того прожиточнаго помѣстья не справливати, а отдати въ родъ безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ по разсмотрѣнію». [53] Кажется, что женихи могли просить о справкѣ помѣстій ихъ невѣстъ только тогда, когда у нихъ не было собственныхъ отцовскихъ помѣстій; это, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключать изъ смысла статьи 21-й главы XVI Уложенія.

Въ послѣдствіи требовалось еще узнать правительственно, согласна ли невѣста на то, чтобы ея прожиточное помѣстье было спра-

---

[52] На основаніи этого Указа дочерямъ лицъ убитыхъ на войнѣ давалось со ста по 10 четвертей; когда отцы ихъ умерли на службѣ вообще, то по $7^1/_2$, а когда дома, то только по 5 четвертей со ста. Тоже повторено и въ Уложеніи. См. главу XVI, статьи: 30, 31 и 32. Тогдашняя четверть равнялась теперешнимъ $2^1/_2$ десятинамъ.

[53] «Уложеніе», глава XVI, ст. 20.

влено за женихомъ (Указъ 1651 г.), [54] и при томъ постановлено, что если такое согласіе было высказано правительственнымъ порядкомъ, до женитьбы, мужья могли бить челомъ о справкѣ за ними помѣстій даже и послѣ женитьбы, а не такъ какъ прежде, когда челобитье нужно было сдѣлать непремѣнно до женитьбы.

Въ Уложеніи также не говорится уже ни чего объ обязанности брятьевъ и вообще родственниковъ мужескаго пола давать приданое тѣмъ женщинамъ, которыхъ они устраняли отъ наслѣдованія. Изъ него видно только, что дочери при сыновьяхъ по прежнему исключались отъ наслѣдовачія въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, но имъ выдавалаҫь часть на прожитокъ изъ отцовскихъ помѣстій. [55] Но когда сыновей не было, то родовыя и выслуженныя вотчины могли наслѣдовать и дочери. [56]

§ 4. Что давалось въ приданое? Въ приданое могло быть даваемо какъ движимое имущество, такъ и недвижимое. Но въ древнѣйшія времена, когда недвижимыя имущества не составляли собственности единичныхъ лицъ, въ приданое, вѣроятно, давались однѣ только движимости: платье, домашняя утварь, деньги, скотъ и т. п. [57] Обыкновенно въ завѣщаніяхъ или рядныхъ перечислялись тѣ вещи, которыя давались за невѣстою. Такъ, на пр., въ рядной 1542 г. говорится: «благословляю зятя своего, Князя Даніила Васильевича (такими то вещами)» .... [58]

Въ послѣдствіи въ приданое стали давать земли, дома и даже цѣлыя вотчины. Такъ въ рядной 1612 г. читаемъ:......... «а съ

---

[54] См. Неволина т. III, стр. 115.

[55] «Уложеніе», глава XVII, ст. 2, стр. 143.

[56] Тамъ же гл. XVII, статья 4.

[57] Въ «Домостроѣ» читаемъ: «по вся годы ей въ пришенный сундукъ кладутъ: и платье, и саженье, и монисто, и святость, и суды оловяне, и мѣденые, и деревяные.....» Изд. Голохвастова, стр. 23.

[58] «Акты Юридич.» № 392.

нею Спасовы земли, въ Выпрягвѣ, полплуга земли съ домомъ».... и. т. д. [59]

Благопріобрѣтенныя недвижимыя имущества можно было давать въ приданое совершенно свободно, и не только земли, купленныя изъ чужого рода, но даже купленныя у казны. Это прямо высказано въ одномъ изъ Указовъ Царя Михайла Өедоровича [60] и подтверждено Уложеніемъ. [61]

Но относительно родовыхъ вотчинъ и помѣстій были постановлены въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія. Такъ, уже со временъ Князя Василія Ивановича не дозволялось отдавать въ приданое старинныхъ вотчинъ. [62] А при Иванѣ Грозномъ это прямо высказано было въ Указѣ 1562 г., Генваря 15 [63] «которые вотчины, говоритъ Указъ, за Князьями.... (такими-то), вотчины старинныя, и тѣмъ Княземъ вотчинъ своихъ не продавати, ни мѣняти, и за дочерьми своими и за сестрами въ приданыя не давати;» и далѣе сказано, что если бы Князь записалъ въ завѣщаніи своей дочери, или родственницѣ, такую вотчину въ приданое, то имъ таковыхъ не отдавать. Изъ этого Указа слѣдуетъ заключать, что прежде могли быть даваемы, или, по крайней мѣрѣ, давались въ приданое и этѣ старинныя вотчины.

Относительно жалованныхъ, т. е., выслуженныхъ вотчинъ нужно замѣтить то, что ихъ можно было давать въ приданое, если таковая вотчина пожалована была не только лично извѣстному

---

[59] Тамъ же № 395. См. также «Акты, относящ. до юрид. быта древней Россіи», № 66.

[60] См. Неволина т. III, стр. 112, и Рейца стр. 390—301.

[61] Глава XVII, ст. 45.

[62] См. Кавелина: «Взглядъ на историч. развитіе Русскаго порядка законнаго наслѣдованія.» Спб. 1860, стр. 68.

[63] См. «Акты Историч.» т. I, № 154, XVIII, или «Указатель,» Максимовича, т. I, стр. 92.

лицу, но и его женѣ и дѣтямъ; въ противномъ же случаѣ ихъ нельзя было давать въ приданое. [64] Но въ послѣдствіи, при Михаилѣ Өедоровичѣ вообще дозволено было давать за невѣстами и выслуженныя вотчины, только Уложеніе запрещаетъ вдовамъ брать за собою въ приданое выслуженныя вотчины ихъ мужей, данныя имъ на прожитокъ. [65]

Что касается до помѣстій, то первоначально ихъ нельзя было давать въ приданое, по тому что они не были собственностію владѣющаго ими лица, а только временнымъ его владѣніемъ. Но съ XVII стол., когда прожиточныя помѣстья приняли до нѣкоторой степени частный характеръ, дозволено было давать оныя и въ приданое (Указъ 23 Мая, 1628 г). [66] Уложеніе прямо уже дозволяетъ выходить замужъ съ прожиточными помѣстьями. [67]

Кромѣ движимаго и недвижимаго имущества, въ приданое давались нерѣдко и крестьяне. Такъ, въ рядной 1592 г., [68] послѣ перечисленія разныхъ другихъ вещей, отдаваемыхъ въ приданое, сказано еще: .....«да десять головъ людей служнихъ и дѣловыхъ.....» Это дозволено было еще Судебниками. [69] Но сдѣсь должно различать кабальныхъ холоповъ отъ обѣльныхъ.

---

[64] Это впервые постановлено Указомъ 1572 г., Октября 9. См. Неволина т III, стр. 112.

[65] «А тѣмъ вдовамъ тѣхъ (т. е., данныхъ на прожитокъ) выслуженныхъ вотчинъ не продавати и не заложити, и по душѣ не отдати, и въ приданое за собою не писати». Улож. гл. XVII, ст. 2 См. также гл. XVI, статья 16.

[66] Онъ помѣщенъ въ «Указателѣ» Максимовича т. I, стр. 139.

[67] Глава XVI, статья 17.

[68] «Акты Юрид.» № 392. См. также «Акты, относящіеся до юридич быта», № 66, стр. 483.

[69] См. въ «Судебникѣ Ивана III» статью: о полной грамоте (стр. 23), и въ «Судебникѣ Грознаго» ст. о холопствѣ судъ.

Въ приданое могли быть назначаемы только вторые; они были вѣчными рабами, ихъ можно было продать и завѣщать. Кабальные же лишены были свободы только на извѣстное время, такъ что по прошествіи срока, на который они закабалились, или по смерти ихъ Господина, они дѣлались снова свободными. [70] Вотъ почему въ Уложеніи прямо запрещается давать въ приданое кабальныхъ холоповъ. [71]

§ 5. Величина приданаго. Древніе законы не опредѣляютъ нигдѣ величины приданаго, которое родители должны были выдать своей дочери, выходящей замужъ. Вѣроятно, оно всегда зависѣло отъ воли родителей. [72]

Русская Правда говоритъ только, что братья обязаны дать своимъ сестрамъ приданое по своей возможности («како си могуть»); но какъ велико оно должно быть, этого не говорится не только въ Правдѣ, но и въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ. Въ Указахъ, изданныхъ до Уложенія, которыми дочери устранены были отъ наслѣдованія въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ, упоминается только, что Государь дастъ приданое, «розсудя по человѣку и по вотчинѣ;» слѣдовательно, также не совсѣмъ-то опредѣленно. [73]

Вообще количество приданаго зависѣло отъ договора тѣхъ лицъ, которыя выдавали невѣсту замужъ, съ тѣми, за кого ихъ выдавали.

---

[70] Не только Русское, но и древнее Угорское право дозволяетъ давать въ приданое холоповъ. Сербское законодательство напротивъ прямо запрещаетъ это. См. Мацѣевскій «Historya prawodawstw Słow, изд. 2-ое, т. III, стр. 35. См. также «Законникъ Царя Стефана 1349 г.,» у него же въ VI томѣ, стр. 373.

[71] Глава XX, статья 61.

[72] Часть имущества, которую давалъ Князь дочерямъ смерда въ приданое, вѣроятно, также зависѣла отъ усмотрѣнія Князя.

[73] Польское право, какъ это увидимъ, разсматривая имущественныя отношенія супруговъ въ Польшѣ, прямо опредѣляетъ величину приданаго.

Первыя узаконенія, въ которыхъ опредѣляется болѣе или менѣе величина приданаго, были изданы въ 1649 г., Іюля 6. Въ Указѣ говорится: «братьямъ изъ доставшагося послѣ отца недвижимаго имѣнія дать сестрамъ своимъ на приданое за каждаго крестьянина, сколько ихъ на часть слѣдовало, по 10 рублей, а изъ пустыхъ дачъ за четверть по рублю. Если же они сего учинить не похотятъ, то имъ изъ помѣстья отца по Указу.......»[74] Сдѣсь, какъ видимъ, опредѣляется денежное вознагражденіе, какое братъ долженъ былъ дать своей сестрѣ въ приданое, когда хотѣлъ ту часть, которая слѣдовала ей на прожитокъ, удержать за собою.

§ 6. То, что у Римлянъ называлось предбрачнымъ даромъ (donatio propter nuptias) и давалось мужемъ въ обезпеченіе приданаго жены, не было извѣстно въ Россіи; по крайней мѣрѣ, объ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ, ни въ законодательныхъ памятникахъ, ни въ другихъ древнихъ актахъ.

§ 7. Права супруговъ на собственное имущество каждаго во время брака. Въ древнѣйшія времена имущество жены, по праву власти надъ нею мужа, состояло въ полномъ распоряженіи мужа. Но, со смягченіемъ нравовъ, благодаря Христіянству, обычай этотъ измѣнился въ пользу жены. И дѣйствительно, довольно рано уже встрѣчаемъ извѣстія, изъ которыхъ видно, что жена могла распоряжаться своимъ имуществомъ, если на первыхъ порахъ и не совсѣмъ-то свободно, то во всякомъ случаѣ голосъ ея имѣлъ уже извѣстное значеніе при опредѣленіи судьбы ея имущества.

О правѣ мужа распоряжаться своимъ имуществомъ нечего говорить: оно принадлежало ему всегда безспорно, а по тому мы скажемъ только о таковомъ правѣ жены.

Уже въ спискахъ Правды XIII стол. встрѣчаемъ указаніе на то, что жена могла свободно располагать своимъ имуществомъ;

---

[74] «Указатель» Максимовича т. I, стр. 314.

она вправѣ была отдать его, кому хотѣла. Это видно также изъ тогдашнихъ завѣщаній; такъ, въ завѣщаніи Великаго Князя Василія Дмитріевича 1425 г. говорится: «........села же ею (женою) купленныя вольна отдать кому хочетъ ...... Княгинины холопи остаются служить ей, прочихъ освобождаю.» [75] Древніе памятники свидѣтельствуютъ, что жена могла пріобрѣтать имущество куплею, [76] наслѣдствомъ и другими способами, и такія имущества считались полною ея собственностію; она могла владѣть ими независимо отъ мужа. Древніе Русскіе законы не постановляютъ ни какихъ ограниченій, по которымъ бы распоряженія женщинъ касательно ихъ имѣнія не имѣли силы; а что онѣ дѣйствительно располагали своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, это видно, на пр., изъ грамоты Княгини Маріи, супруги Нижегородскаго Князя, Даніила Борисовича, Спасо-Евѳиміеву монастырю, которою она даритъ ему свое село Омуцкое. [77] А дошедшія до насъ завѣщанія, [78] въ которыхъ жены, отказываютъ свои движимыя и недвижимыя имущества тѣмъ или другимъ лицамъ, вполнѣ подтверждаютъ сказанное.

Точно также имущества, купленныя на деньги жены, составляли ея неотъемлемую собственность: жена могла продать ихъ и закладывать, не спрашивая на то согласія мужа. Въ Уложеніи это прямо высказано въ словахъ: «а будетъ у нихъ будутъ купленые вотчины, и имъ тѣ свои вотчины вольно продати, или безденежно отдати, кому похотятъ.» [79]

§ 8. Права мужа и жены на приданое во время брака. Приданое составляло собственность жены; это оказывается изъ того, что вдова по смерти мужа получала его обыкновенно обратно.

---

[75] См. Карамзина «Исторія Россійскаго Государства,» т. V, стр. 253 изд. 3.

[76] Въ Кормчихъ говорится: «а что ее прикупъ или примыслъ, а то ее и есть.»

[77] «Акты Историч.» Томъ I, № 29, стр. 57. См. также № 80 и 81.

[78] «Акты Юридич.» № 419, стр. 450.

[79] Глава XVII, ст. 43.

По крайней мѣрѣ, законъ смотрѣлъ на приданое, какъ на собственность жены; такъ, грамотою 1539 года [80] возвращено было одно взятое въ Казну имѣніе, когда оказалось, что оно есть приданое жены, а не собственность мужа. [81]

Но на время брака приданое поступало во власть мужа, который пользовался доходами отъ него, и даже могъ распоряжаться приданымъ имуществомъ жены, въ особенности же движимымъ. Первоначально не требовалось согласія жены даже и на отчужденіе недвижимаго приданаго, но въ послѣдствіи оно уже требуется; такъ, изъ одной Новгородской купчей, относящейся къ XIV, или XV, стол., видно, что мужъ продаетъ приданую вотчину съ согласія жены. [82] А въ Уложеніи прямо высказано, что отчужденіе чужой вотчины (а слѣдовательно, и приданой), безъ согласія ея хозяина, должно считать недѣйствительнымъ. [83] На этомъ основаніи, въ 1676 году, одной женѣ возвращена была ея приданая вотчина, проданная мужемъ безъ соизволенія жены. [84] Но вообще, въ особенности же во времена до Уложенія, это требованіе согласія жены на отчужденіе ея приданой вотчины не всегда строго соблюдалось.

И такъ вообще можно сказать, что въ древнѣйшія времена приданое по праву (de jure) было собственностію жены, а на дѣ-

---

[80] См. Рейца стр. 296.

[81] Мацѣевскій въ своей «Исторіи Славян. Законодательствъ» (изд. I, т. IV, стр. 360) говоритъ, что въ древней Россіи приданое считалось всегда собственностію мужа, если въ рядной записи не было выговорено противное. Мы думаемъ, что было какъ разъ наоборотъ, т. е., что приданое считалось полною собственностію мужа тогда только, когда это именно было предусмотрѣно рядною. Впрочемъ, мнѣніе Мацѣевскаго можно еще допустить по отношенію къ временамъ весьма отдаленнымъ, но ужь ни какъ не по отношенію къ позднѣйшему времени.

[82] «Акты Юридич.» № 71, X, стр. 112.

[83] Глава XVII, стр. 35.

[84] См. Неволина т. III, стр. 116.

лѣ (de facto) собственностію мужа; во времена же позднѣйшія мужъ считался не болѣе, какъ пользователемъ и управителемъ приданаго жены.

Все то, что было куплено изъ приданыхъ денегъ, считалось принадлежностію приданаго, а слѣдовательно, собственностію жены, и послѣ смерти мужа отдавалось ей въ полное распоряженіе [85] Такъ въ духовной Князя Никиты Александровича Ростовскаго, 1518 г., читаемъ: «а что есми взялъ за женою приданыхъ денегъ, и язъ тѣми денгами купилъ женѣ своей селцо Олексѣевьское въ Дмитровскомъ Уѣздѣ .... а въ томъ селѣ Княгиня волна продати, и промѣняти, и по душѣ отдати.» [86]

Прожиточныя помѣстья, даваемыя женщинамъ въ видѣ приданаго, не смотря на то, что во время брака ими владѣлъ и пользовался мужъ, считались, однако, не его собственностію, а собственностію жены; ибо по смерти мужа онѣ возвращались обратно женѣ. Впрочемъ, таковыя помѣстья и для жены не были полною ея собственностію, а только пожизненнымъ владѣніемъ.

§ 9. **Даренія и иныя сдѣлки между супругами.** Супруги, владѣя отдѣльно каждый своимъ имуществомъ, могли вступать между собою въ разнаго рода договоры и сдѣлки. [87] Древнее законодательство не постановляетъ ограниченій, которыя бы препятствовали супругамъ вступать въ обязательства того или другого рода: они могли свободно продавать другъ другу свои имущества. Что такія продажи имѣли мѣсто, на это указываетъ Новгородская купчая XIV, или XV, вѣка, по которой мужъ покупаетъ недвижимое имущество у своей жены. [88] До насъ дошли

---

[85] Въ одной изъ Кормчихъ говорится: «отъ вѣновнаго имѣнія куплена вся вѣнովна суть.»

[86] «Акты Юридич.» № 420, стр. 451.

[87] Неволина т. III, стр. 98.

[88] «Се купилъ Филипей Семеновицъ у Ульянѣ, у своей жены...... землю Сенкинскую, на Икшинѣ островѣ, и дворъ за рѣкою...» См. «Акты Юрид.» № 71, XXVIII.

также случаи мѣны имуществъ между супругами. [89] Супруги могли дѣлать займы одинъ у другого, закладывать свои имущества; словомъ, вступать между собою въ разныя обязательства, какъ будьто съ лицами совершенно посторонними. Впервые только въ половинѣ прошлаго вѣка были постановлены въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія.

Хотя нѣтъ прямыхъ историческихъ свѣдѣтельствъ о дареніяхъ между живыми супругами, но должно предполагать, что онѣ были; ибо древнее Русское законодательство не представляетъ, какъ, на пр., Римское, ни одного постановленія, запрещающаго оныя. За то примѣровъ дареній между супругами, на случай смерти, дошло до насъ много, но объ нихъ мы скажемъ ниже.

§ 10. Отвѣтственность одного супруга за долги другого. Въ тѣ времена, когда судьба жены неразрывно была связана съ судьбою мужа, кажется, что тогда жена отвѣчала и за его долги. Извѣстно, что въ древности несостоятельный должникъ былъ обращаемъ въ рабство; та же участь, вѣроятно, постигала, вмѣстѣ съ нимъ, его жену и дѣтей.

Неволинъ говоритъ (т. III, стр. 100), что нѣтъ ни какихъ доказательствъ того, чтобы жена должна была раздѣлять судьбу мужа въ томъ случаѣ, когда онъ обращался въ рабство за долги. Дѣйствительно, для разрѣшенія этого вопроса нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Но мы имѣемъ положительныя свѣдѣтельства, что въ сдѣлкахъ Русскихъ съ иностранцами жена отвѣчала за долги своего мужа; такъ, въ договорѣ Мстислава Давидовича, Князя Смоленскаго, заключенномъ съ Готландіею въ 1228 г., прямо высказано, что если Русскій будетъ долженъ Нѣмцу и не заплатитъ своего долга, тогда заплатитъ ему долгъ самъ Князь, забравши у должника все, а жену и дѣтей обративши въ рабство. [90] Слѣдовательно, если жену обращали въ рабство, то у нея забирали также, какъ и у мужа, все ея имущество.

---

[89] См. мѣновую 1540 г. въ «Актахъ Юридич.» № 103, стр. 156.

[90] «А боудѣтъ винъватъ Немчицю Роусинъ, а отънмътъ Князь все, женоу и дѣти оу холъпство, пѣрвое платити емоу Латинину.....» См. у Раковецкаго во II томѣ, стр. 24.

Въ Русской Правдѣ и Судебникахъ не упомин ется ни чего объ отвѣтственности жены за долги мужа. Съ теченіемъ времени эта отвѣтственность была ограничена даже и по отношенію къ иностранцамъ; такъ, въ договорѣ Новгорода съ Нѣмецкими городами, заключенномъ около 1270 года, уже высказано, что жена обращается въ рабство за долги мужа только тогда, когда она вступила въ долговое обязательство вмѣстѣ съ нимъ. Отсюда слѣдуетъ, что если долгъ заключилъ одинъ мужъ, то жена, въ случаѣ неуплаты долга, не отвѣчала за своего мужа.

Но на дѣлѣ не рѣдко и имущество жены шло на уплату долговъ мужа; на это есть достаточно историческихъ указаній. Въ этомъ отношеніи большая заслуга принадлежитъ духовенству, которое старалось провести то начало, что каждый долженъ отвѣчать только за свое собственное преступленіе, за свои собственные долги, и что, слѣдовательно, жена не должна отвѣчать за долги мужа. Въ Кормчихъ встрѣчаемъ такія постановленія: «Аще кто, имѣя жену, возметъ въ заимъ отъ нѣкоего, и аще не можетъ сихъ творити воздаянія, неповинна будетъ жена его отъ пристроя своего подати заимодавцу, аще не обрящется волею въ таковѣ долзѣ, поручившися по мужи своимъ.» [91] Конечно, постановленія этѣ не оставались безъ примѣненія на дѣлѣ так какъ духовенство принимало немалое участіе въ свѣтскихъ дѣлахъ, и ему не разъ приходилось постановлять свои рѣшенія, въ случаѣ жалобъ женъ, на то, что должники мужа обращаютъ свое взысканіе и на ихъ имущество.

Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича, составленномъ, какъ извѣстно, отчасти и подъ вліяніемъ Греко-Римскихъ законовъ, не встрѣчаемъ нигдѣ правила, по которому бы взысканіе за долги мужа могло быть обращаемо и на имущество жены. Напротивъ, въ немъ высказывается, что жена отвѣчаетъ за долги мужа тогда только, когда заключила ихъ вмѣстѣ съ нимъ.

---

[91] Калачовъ: «Кормчая». Приложенія, стр. 56.

Изъ сказаннаго нами видно, что начало личной отвѣтственности за долги установилось въ Русскомъ законодательствѣ уже весьма рано. [92]

Иное дѣло, когда жена платила долги своего мужа, наслѣдовавши его имѣніе; ибо тогда, понятно, она платила долги не изъ своего имущества, а изъ доставшагося ей отъ умершаго мужа. Въ завѣщаніяхъ тѣхъ временъ часто встрѣчаются примѣры, что мужъ, отказывая женѣ то или другое имущество, налагалъ на нее, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязанность уплатить его долги. Такъ, въ духовной нѣкоего Степана Лазарева 1473 г. читаемъ: [93] «а что животъ мой, кони, и коровы, и мелкая животина, и хлѣбъ, то вѣдаетъ жена моя, Онтонида, подѣлитъ дѣтей, кому что дасть. А то все придалъ есми своей женѣ, Онтонидѣ, и своимъ дѣтемъ, Звонихѣ и Бакшѣю, собрати, и роздати, и по душѣ поправить, и долгъ заплатити.» [94] Начало, по которому жена, наслѣдуя имущество мужа, отвѣтствовала за его долги, высказано и въ Уложеніи. [95]

§ 11. **Судьба приданаго по прекращеніи брака смертію одного изъ супруговъ.** Общее правило здѣсь слѣдующее: такъ какъ приданое считалось собственностію жены, то, по прекращеніи брака смертію мужа, оно возвращалось женѣ; а когда бракъ прекращался смертію жены и она не оставила послѣ себя дѣтей, тогда приданое возвращалось ея родственникамъ, и вообще

---

[92] Правило это существовало почти у всѣхъ Славянскихъ народовъ. Такъ, древнее Угорское право постановляетъ, что если бы имущества мужа не достало на удовлетвореніе его вѣрителей, взысканіе не можетъ быть обращено на приданое жены: оно считается неприкосновеннымъ, хотя бы даже вѣрителемъ была сама казна. См. Мацѣевскаго т. IV, стр. 357, изд. 1-ое.

[93] «Акты Юридич.» № 411, стр. 438.

[94] См. также духовную Степана Юматова XVII вѣка, въ «Актахъ Юрид.» № 86, стр. 562.

[95] Глава X, статья 245.

тѣмъ лицамъ, которыя дали его, или ихъ наслѣдникамъ; если же отъ жены оставались дѣти, приданое удерживалъ мужъ, который сохранялъ его для дѣтей до достиженія ими совершеннолѣтія. [96]

Начало возвращенія приданаго по смерти мужа было принято какъ обычаями народа, такъ и законодательствомъ.

Существованіе его въ обычаѣ подтверждается множествомъ тогдашнихъ завѣщаній. Такъ, на пр., въ духовной Александра Белеутова, 1472 г., [97] говорится: «а что жены моей приданая Анница, и въ той волна моя жена;» и далѣе: «а что моее жены люди приданые ...... (слѣдуетъ перечисленіе ихъ) ...... и въ тѣхъ своихъ людехъ въ приданыхъ жена моя, Өедосья, волна, отпуститъ ли кого, или по душѣ кого дастъ, или такъ кому дастъ.» На существованіе этого обычая, кромѣ завѣщаній, указываютъ еще и другія извѣстія; такъ, Котошихинъ, въ своемъ описаніи Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, говоритъ, что если кто выдастъ дочь свою, или сестру, замужъ, и дастъ за нею въ приданое движимое имѣніе и вотчины, а между тѣмъ выданная умретъ, не оставя послѣ себя дѣтей, то тогда все приданое отбирается у мужа и возвращается тому, кто ее выдалъ замужъ. Но если остались дѣти, то приданаго у мужа не отбираютъ.

Когда мужъ во время брака отчуждалъ приданыя земли, или вещи, то, въ замѣнъ отчужденныхъ, назначалъ ей обыкновенно въ завѣщаніи другія вещи и вотчины. [98]

---

[96] Очень можетъ быть, что въ древнѣйшія времена, даже и въ томъ случаѣ, когда послѣ умершей жены не оставалось дѣтей, приданое удерживалъ за собою мужъ; ибо тогда оно болѣе считалось его собственностію, нежели собственностію жены. Мацѣевскій, какъ мы замѣтили выше, допускаетъ это и относит[illegible]о позднѣйшихъ временъ.

[97] «Акты Юрид.» № 410. См. также «Акты, относ. до юрид. быта древней Россіи,» № 84 и 116.

[98] Въ духовной Молечкина 1524 г. говорится: «да благословляю свою жену, Олену, за ее приданое своими вотчинными землями (такими-то): тѣ земли жена моя волна мѣняти, и продати, и по душѣ дати.» «Акты Юрид.» № 418. См. также «Акты, относящіеся до юридич. быта,» № 84, стр. 548.

Посмотримъ теперь, на сколько правило возвращенія приданаго высказывается древнимъ законодательствомъ.

Въ Русской Правдѣ не говорится ни слова о судьбѣ приданаго послѣ смерти одного изъ супруговъ. Изъ Псковской Судной Грамоты видно, что жена послѣ смерти мужа имѣла право взять обратно свое приданое. Но относительно того случая, когда бракъ прекращался смертію жены, въ ней говорится только, что если вдовецъ, послѣ смерти жены, вступитъ въ новый бракъ, то онъ обязанъ приданое первой жены возвратить ея матери, или сестрѣ, а за неимѣніемъ ихъ, другимъ родственникамъ жены. [99] Но что дѣлалось съ приданымъ въ томъ случаѣ, когда мужъ оставался во вдовствѣ, т. е., когда онъ не вступалъ во второй бракъ, а дѣтей отъ умершей жены не осталось, объ этомъ въ Грамотѣ ни чего не говорится.

Въ Судебникахъ, подобно Русской Правдѣ, также нигдѣ не упоминается о судьбѣ приданаго; но изъ грамоты, данной въ 1501 году жителямъ Бельской области, видно, что и въ тѣ времена, какъ и всегда, жена получала обратно свое вѣно (приданое). [100] Тоже высказано въ Указѣ 1628 г. о судьбѣ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ по смерти бездѣтныхъ вотчинниковъ, и въ Уложеніи, въ которомъ, кромѣ того, прибавлено еще, что приданые холопы, послѣ бездѣтно умершей жены, должны быть возвращены тѣмъ лицамъ, коими они даны были въ приданое. [101]

Прожиточныя помѣстья, приносимыя мужу женою въ видѣ приданаго, послѣ смерти мужа возвращались женѣ. [102] Если же

---

[99] Статья XIV Грамоты гласитъ: «а у котораго человѣка помреть жена, а мужъ ея оженится, і женняя мать, или сестра, или иное племя, а имутъ искать платья (умершей жены), іно мужъ ея право по души (т. е., по чистой совѣсти) платья отдасть, а на останки мужу въ женни платьи и целованья нѣтъ.» См. также Энгельмана: «Гражданскіе законы Псковской Грамоты,» стр. 88—90.

[100] Соловьева: «Исторія Россіи,» т. V, стр. 228.

[101] Глава XX, статья 62.

[102] Глава XVII, статья 56.

бракъ прекращался смертію жены, то они не возвращались, подобно приданому, родственникамъ жены, а оставались у мужа (это впервые постановлено Указомъ 1636 г.).

Когда изъ приданаго жены было что ни будь растрачено мужемъ, то, кажется, что тотъ, кто имѣлъ право требовать возвращенія его, могъ также требовать и вознагражденія за недостающее; но прямо это не высказано ни въ одномъ изъ узаконеній.

§ 12. **Отказы въ пользу жены на случай ея вдовства, и наслѣдованіе вдовы по завѣщанію.** Не рѣдко какъ Князья, такъ и другія лица, еще при жизни своей давали женамъ села, волости, или доходы отъ нихъ, которыми онѣ и пользовались не только во время брака, но и по прекращеніи его. Отказы этѣ дѣлались или при самомъ заключеніи брака, или же въ послѣдствіи. Примѣры такихъ отказовъ находимъ въ самой отдаленной древности; такъ, на прим., когда Рюрикъ женилъ сына своего, Ростислава, на Верхуславѣ, дочери Всеволода: «сносѣ же своей далъ многи дары и городъ Брягинъ.»[103] Такимъ же образомъ, Ольга получила отъ Игоря Вышгородъ.[104] А Симеонъ Гордый, женившись на Княжнѣ Тверской, Маріи, отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ и 50 верховыхъ коней.[105]

Этѣ отказы дѣлались съ цѣлью обезпеченія жены на случай ея вдовства. Что такіе отказы были въ обыкновеніи, это видно уже изъ Русской Правды, въ которой говорится, что вдова по смерти мужа можетъ оставаться въ домѣ его съ тѣмъ **имѣніемъ, которое отписалъ на нее мужъ.**[106]

---

[103] См. Рейца стр. 202.

[104] См. Неволина т. III, стр: 107.

[105] См. Карамзина т. IV, стр. 317.

[106] «Нъ что еи далъ мужь, съ тѣмъ же еи и сѣдѣти.» Калачовъ: «Правда,» ст. LXX.

Чаще всего отказы этѣ дѣлались въ завѣщаніяхъ. Духовныя тѣхъ временъ представляютъ многочисленные примѣры такихъ назначеній. [107] Обыкновенно умирающій мужъ обезпечивалъ содержаніе остающейся вдовы, назначая ей въ завѣщаніи извѣстную часть своего имущества, или въ пожизненное пользованіе. [108] Иногда мужъ отказывалъ женѣ не только все свое движимое имущество, но даже и недвижимое, и при томъ назначалъ его ей одной [109] или вмѣстѣ съ дѣтьми. [110]

По большей части, однако, отказываемое имущество назначалось женѣ не въ полную собственность, а только въ пожизненное владѣніе; иногда оно назначалось только до извѣстнаго времени. Такъ, на прим., въ духовной Великаго Князя Василія Дмитріевича, 1406 г., сказано: «а што села Княгининские пошлые, то ее и есть; а вѣдаетъ тѣ села пошлые Княгининские дотоле Княгиня моя, доколѣ дастъ Богъ женится сынъ мой, а потомъ ино дастъ тѣ села сына моего Княгинѣ, своей сносѣ, которые были издавна за Княгинями.» Когда оставались дѣти, тогда чаще всего бывало такъ, что жена послѣ смерти мужа оставалась во владѣніи всѣми его имѣніями и по отношенію къ дѣтямъ заступала совершенно мѣсто отца. Этотъ исконный народный обычай ясно высказывается какъ въ Русской Правдѣ, такъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ.

Не рѣдко при отказахъ постановлялись тѣ или другія условія: такъ, на прим., мужъ назначалъ женѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми, все свое имущество, съ тѣмъ, чтобы она не вступала въ бракъ, и если бы вступила, то должна была возвратить отказанное ей

---

[107] См. Карамзина т. IV, стр. 336 и т. V, стр. 253. См. также: «Акты юрид.» № 413 и 418, и «Акты, относящіеся до юридич. быта древней Россіи,» № 82.

[108] См. «Акты Юридич.» № 411 и 427.

[109] Тамъ же. № 425, стр. 460.

[110] Тамъ же № 409, § II и IV № 410; № 416. См. также «Акты Историческіе,» т. II, № 57, и душевную грамоту Іоанна Калиты у Карамзина т. IV, стр. 280.

имущество и получала только коечто изъ движимости и денегъ, а иногда и вовсе ни чего. [111]

Иногда жена получала послѣ мужа два вида наслѣдства: одно на прожитокъ до живота, т. е., въ пожизненное пользованіе, а другое въ полную собственность. Такъ, на прим., въ духовной Дмитрія Ивановича говорится: «А что есмь далъ своей Княгинѣ изъ удѣла сына своего, Княжа Васильева, изо Княжа Юрьева, изо Княжа Андреева, изо Княжа Петрова волости и села; а что Богъ размыслитъ о моей Княгинѣ, и тѣ волости и села въ чьемъ удѣлѣ, то тому и есть;» какъ видно, сдѣсь рѣчь о волостяхъ, данныхъ только на прожитокъ изъ удѣловъ его сыновей, и этѣ волости по смерти Княгини должны были перейти обратно къ сыновьямъ. Далѣе же говорится о второмъ видѣ наслѣдства, о томъ, которое назначалось ей въ собственность: «а се даю своей Княгинѣ свой примыслъ.....(перечисляются назначаемыя ей слободы)..... А тѣми своими примыслы благословляю Княгиню свою, а въ тѣхъ примыслахъ волна моя Княгиня, сыну ли которому дастъ, по души ли дастъ; а дѣти мои въ то не вступаются.» [112]

Первоначально мужья могли отказывать своимъ женамъ какъ купленныя, такъ и родовыя вотчины. [113] Но въ послѣдствіи въ этомъ отношеніи были постановлены коекакія ограниченія. Такъ Указомъ 1562 г., Генваря 15, запрещено назначать въ завѣщаніяхъ старинныя вотчины, въ особенности большія. Въ Указѣ этомъ говорится, что если бездѣтный Князь откажетъ въ завѣщаніи всю свою вотчину женѣ, и вотчина будетъ большая, то дѣйствіе и сила завѣщанія будутъ зависѣть отъ Государя, который можетъ утвердить это завѣщаніе, или взять имѣніе въ казну. Когда Государь утверждалъ такое завѣщаніе, тогда вдова поль-

---

[111] Примѣръ перваго см. «Акты Юридич.» № 409, а примѣръ втораго см. тамъ же № 415, 418, 420 и 427. См. также «Акты Историч.» т. II, № 191.

[112] См. Бѣляева стр. 54—55.

[113] См. «Акты Юридич.» № 409, § IV и VI, а также № 416.

зовалась пожизненно доходами отъ этой вотчины, а послѣ смерти ея она бралась на Государя. Если же вотчина будетъ небольшая, то она давалась вдовѣ на прожитокъ, но послѣ смерти ея также бралась въ казну. [114] Купленными вотчинами всегда можно было распоряжаться въ завѣщаніи, какъ было угодно ихъ собственнику.

Часто также женѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми, назначались въ завѣщаніи и холопы: «Да благословилъ есми жену Ѳедосью и свои дѣти..... далъ есми имъ людей своихъ полныхъ холоповъ (такихъ то).....» говорится въ одномъ изъ завѣщаній. [115] А иногда они назначались и прямо одной женѣ. [116]

Въ Уложеніи объ отказахъ находимъ слѣдующее: купленную вотчину, отъ наслѣдованія которой мужъ могъ устранить даже своихъ сыновей, не говоря уже о родственникахъ, онъ вправѣ былъ завѣщать бездѣтной вдовѣ, и при томъ могъ опредѣлить срокъ и условія, на которыхъ вдова должна была владѣть этѣмъ имуществомъ, такъ что, въ случаѣ невыполненія условій (на прим.: если въ духовной было постановлено, чтобы вдова не выходила за мужъ, а между тѣмъ она вышла), вотчина отбиралась у нея и отдавалась сыновьямъ, братьямъ, или другимъ родственникамъ умершаго. [117] Но родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ нельзя было отказывать бездѣтной женѣ. [118]

Въ Уложеніи говорится еще, что если бы кто завѣщалъ женѣ кабальныхъ холоповъ, а между тѣмъ они, послѣ смерти своего Господина, не захотѣли оставаться у его вдовы, то по-

---

[114] См. «Акты Историч.» т I, № 154, XVIII. См. также Неволина т. V, стр. 351.

[115] «Акты, относящ. до юридич. быта,» № 86. См. также «Акты Юрид.» № 410, 411, 416.

[116] См. «Акты Юридич.» № 420, а также духовную Князя Никиты Ростовскаго, тамъ же, стр. 452.

[117] Улож. глава XVII, ст. 7.

[118] Тамъ же. гл. XVII, ст. I.

добныя назначенія въ завѣщаніи теряютъ свою силу, и холопамъ дозволяется отойти отъ нея. [119] Но это не относилось къ стариннымъ крѣпостнымъ холопамъ, которые, если мужъ назначалъ ихъ въ завѣщаніи вдовѣ, должны были оставаться у нея безпрекословно. [120]

Наконецъ нужно замѣтить, что иногда права наслѣдованія жены въ имуществѣ мужа опредѣлялись рядными записями, какъ мы сказали уже объ этомъ въ § 2. Не рѣдко такою рядною записью предоставлялось женѣ право получить все движимое имѣніе послѣ смерти мужа; такъ, на прим., въ рядной 1566 г. говорится: «и что моего живота, послѣ моего живота, останетца, денегъ, и платья, и рухляди, и тотъ весь животъ женѣ моей, Онельфѣ.....» [121]

§ 13. **Наслѣдованіе вдовы по закону.** Вопроса этого древнее законодательство касается несравненно ближе, чѣмъ другихъ, входящихъ въ составъ имущественныхъ отношеній супруговъ. Въ то время, когда о послѣднихъ оно часто не говоритъ почти ни чего, наслѣдованіе вдовы въ имуществѣ мужа опредѣляется имъ даже съ нѣкоторою подробностію.

Мы знаемъ уже, что обыкновенно наслѣдованіе вдовы въ имуществѣ мужа опредѣлялось рядною записью, или духовнымъ завѣщаніемъ; но могло случиться, что въ рядной оно не было опредѣлено, а завѣщанія умершій не оставилъ, или хотя и оставилъ, но не назначилъ въ немъ вдовѣ ни чего; тогда-то именно на помощь долженъ былъ явиться законъ, который занялся бы обезпеченіемъ судьбы вдовы. И вотъ, въ случаѣ, когда мужъ не опредѣлилъ для жены средствъ содержанія на время ея вдовства, законъ непосредственно самъ отъ себя сталъ предоставлять вдовѣ тѣ или другія права на все имущество умершаго

---

[119] Тамъ же. гл. XX, ст. 63.

[120] Тамъ же. гл. XX, ст. 64.

[121] «Акты Юридич.» № 394.

мужа, или на извѣстную часть его. Такимъ образомъ, независимо отъ произвола мужа, законы мало по малу признали за женою право наслѣдовать въ имуществѣ мужа.

Намъ извѣстно также, что древніе законы наши устраняли женщинъ отъ наслѣдованія въ имуществѣ ихъ родителей, а тѣмъ болѣе родственниковъ; а если онѣ и получали изъ него извѣстную часть, такъ это, собственно говоря, не имѣло значенія права наслѣдованія, а разсматривалось только какъ предоставленіе женщинѣ средства содержать себя. Не такъ было съ женщиною вдовою; положеніемъ ея законъ занялся заботливо. Вообще можно сказать, что права наслѣдованія вдовы послѣ мужа исправляли до нѣкоторой степени несправедливость правилъ о наслѣдованіи женщинъ вообще.

Въ законахъ прежняго времени говорится преимущественно о правѣ наслѣдованія бездѣтной вдовы, по тому что если у нея были дѣти, то вдова-мать обыкновенно оставалась въ общемъ владѣніи съ дѣтьми, жила вмѣстѣ съ ними и пользовалась всѣмъ имуществомъ умершаго мужа, не требуя, чтобы ей выдѣлена была какая либо часть изъ него. Выдѣлъ же указной части выступалъ главнымъ образомъ тогда, когда у жены отъ покойнаго мужа не осталось дѣтей, или когда онѣ и остались, но она не захотѣла жить вмѣстѣ съ ними; тогда именно являлся вопросъ: дать ли ей что ни будь изъ имущества мужа, или нѣтъ; а если дать, то что именно? разрѣшить его было дѣломъ закона.

Первое извѣстіе о наслѣдованіи по закону вообще встрѣчается въ договорѣ Олега съ Греками. Сдѣсь также встрѣчаемъ впервые выдѣлъ вдовѣ извѣстной части изъ имущества мужа. [122] Вотъ слова этого договора: «Аще ли убѣжить створивый убійство, аще есть имовитъ (у нѣкоторыхъ домовитъ), да часть его, сирѣчь, иже его будеть по закону, да возметь ближній убьен-

---

[122] Строго говоря, изъ договора этого нельзя дѣлать заключеній о наслѣдованіи въ это время у Славянъ Русскихъ; ибо онъ относится скорѣе къ Варягамъ, которые имѣли иныя понятія о наслѣдованіи, чѣмъ Русскіе.

наго, а и жена убившаго да имѣетъ толцѣмъ же прибудетъ по закону», [123] т. е., если убійца убѣжитъ, а у него есть имущество, то оно отдается ближнему родственнику убитаго, но и жена убійцы также получаетъ при этомъ свою законную часть. [124] И такъ, договоръ этотъ даетъ основаніе заключать о существовавшемъ уже тогда правѣ жены получить извѣстную часть изъ имущества мужа; но, въ свою очередь, договоръ этотъ возбуждаетъ много вопросовъ, на которые не даетъ отвѣта. Такъ, на пр., изъ него не извѣстно, какъ велика была эта законная часть? [125] Изъ него не видно также, получала ли жена слѣдующую ей часть во всякомъ случаѣ, т. е., какъ въ томъ случаѣ, когда она была вмѣстѣ съ мужемъ въ Константинополѣ, такъ и въ томъ, когда оставалась въ Россіи. Очень можетъ быть, что договоръ имѣетъ въ виду одно только первое обстоятельство, съ цѣлью обезпечить возвращеніе жены въ Россію, и это кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ немъ не упоминается ни чего объ отсылкѣ части жены въ томъ случаѣ, когда жена оставалась на Руси, какъ это сказано относительно имущества Русскаго, умершаго въ Константинополѣ безъ завѣщанія и имѣющаго родственниковъ въ Россіи. [126]

Въ Русской Правдѣ говорится о наслѣдованіи вдовы больше и точнѣе. По закону Русской Правды жена послѣ смерти мужа

---

[123] См. Эверса «Древнѣйшее Русское право,» стр. 159, Раковецкаго т. II, стр. 4, и Неволина т. V, стр. 335.

[124] Первый такое толкованіе этой статьи сдѣлалъ Карамзинъ, сравнивая многіе разночтенія ея. Татищевъ и Ломоносовъ объясняли ее такъ, что родственники убитаго брали себѣ не только имущество убійцы, но и его жену.

[125] Карамзинъ хотѣлъ непремѣнно опредѣлить, какую именно часть получала жена, и предполагалъ, что $^1/_3$ всего имущества; ибо по законамъ Владислава, Короля Угорскаго, жена и дѣти убійцы получали третью часть изъ его имущества. Но едва ли можно дѣлать такое уподобленіе, сравнивая между собою столь отдаленныя времена и при столь различныхъ условіяхъ.

[126] «Аще кто умреть не урядивъ своего имѣнья, ни своихъ не имать, да возвратить имѣніе къ малымъ ближникамъ.» Эверсъ, стр. 187.

имѣетъ право на долю изъ его имущества. Но на какую именно, этого въ ней прямо не высказано; кажется, однако, что на такую же, какую получалъ каждый изъ сыновей покойнаго. Но доля эта давалась ей тогда только, когда мужъ при жизни самъ не назначилъ ей чего либо; ибо если онъ сдѣлалъ такое назначеніе, тогда жена не имѣла уже права на долю въ наслѣдствѣ: «Аже ли жена, сказано въ Правдѣ, сядеть по мужи, то дати ей часть, а у своихъ дѣтей взять часть; а что на ню мужь възложить, тѣму же госпожа есть, а задничи ей мужня не надобе.» [127] Притомъ, по Русской Правдѣ, если вдова не выходила вторично замужъ, она оставалась полною хозяйкою дома и главою мужнина семейства: «Ажели, говоритъ Правда, будутъ у мужа въ дому дѣти малы, а недьжися, будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужь, то токмо имъ ближеи будуть, тому же дати ихъ на руцѣ и съ добыткомъ;» [128] слѣдовательно, если вдова не вступала въ новый бракъ, къ ней не назначалось ни опекуновъ, ни попечителей; она оставалась хозяйкою всего дома и владѣтельницею всего имущества покойнаго мужа; дѣти не могли ни владѣть, ни распоряжаться этѣмъ имуществомъ, не могли предъявлять противъ нея ни какихъ требованій, и если бы дѣти (разумѣется, взрослые) не захотѣли жить съ нею, то не она должна была выйти изъ мужнина дома, а дѣти должны были уступить ей. [129] Но лишь только она вступала въ новый бракъ, между нею и дѣтьми ея тотчасъ же начинались юридическія отношенія по имуществу отцовскому: она обязана была отдать его дѣтямъ, потерянное возвратить. Въ Правдѣ сказано: «А ежели жена въречеться сѣдѣти по мужи, а ростеряеть добытокъ и паки поидеть за мужь, и то платити ей все дѣтемъ.» [130]

Изъ всего сказаннаго оказывается, что по Русской Правдѣ вдова послѣ мужа имѣла, съ одной стороны, отдѣльное имущество,

---

[127] Калачовъ: «Правда,» ст. LXIII, стр. 103,» или Раковецкій т. I, стр. 103—104.

[128] Тамъ же, ст. LXVIII, стр. 103, или Раковецкій т. II, стр. 108.

[129] Тамъ же, ст. LXX, стр. 106, или Раковецкій т. II, стр. 110.

[130] Калачовъ. Ст. LXX, стр. 106, или Раковецкій т. II, стр. 110—111.

полученное отъ мужа въ собственность («а матерня часть дѣтемъ не надобе»), а съ другой имущество, данное ей на прожитокъ. Вторымъ, какъ мы уже знаемъ, вдова пользовалась пожизненно, или до вступленія въ бракъ. Первымъ жена могла располагать по своему произволу, и уздерживала его, кажется, даже и тогда, когда выходила за мужъ. Такъ какъ имущество это составляло ея полную собственность, то она могла завѣщать его тому или другому сыну, или дочери, безъ различія отъ перваго ли они брака, или отъ втораго. Доля эта была совершенно отчуждена изъ родоваго имѣнія ея мужа, такъ что если вдова умирала безъ завѣщанія, то доля не возвращалась въ родъ мужа, а поступала къ тому изъ дѣтей, у кого вдова жила въ послѣднее время и умерла, все равно, былъ ли это сынъ, или дочь, отъ перваго брака, или отъ втораго.[131] Такой порядокъ наслѣдованія жены послѣ мужа указываетъ на то, какими большими правами пользовалась жена относительно той части имущества, которую она наслѣдовала, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи въ Русскомъ обществѣ женщины вдовы; между тѣмъ какъ у древнихъ Германцевъ и Римлянъ вдова находилась всегда подъ опекою и получала часть изъ имущества мужа не въ полную собственность, а только въ пожизненное владѣніе, а по тому и не могла завѣщевать ея; по смерти ея часть эта дѣлилась между всѣми дѣтьми, или же возвращалась родственникамъ мужа. Переходимъ къ Псковской Грамотѣ.

Хотя Псковская Судная Грамота допускаетъ уже къ наслѣдству всѣхъ родственниковъ, чего нѣтъ въ Русской Правдѣ, однако жена, какъ глава семейства послѣ смерти мужа, стоитъ, какъ и въ Русской Правдѣ, первою наслѣдницею: она исключаетъ отъ

---

[131] Въ Правдѣ говорится: «а матерня часть дѣтемъ не надобе, нъ кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, то всѣ раздѣлять; безъ языка ли (т. е., безъ завѣщанія) умреть, то у кого и будетъ на дворѣ была и мертва, или кто ю кърмилъ, то тому и взяти. А матери, которыи ея сынъ будетъ добръ, перваго ли мужа, другаго ли, тому же дасть свое; аче ли и вси будутъ ея сынови лиси а дъчери, можеть дати, кто ю кърмить.» Калачовъ: «Правда,» ст. LXV и LXVI, стр. 103—104, или Раковецкій т. II, стр. 111—113.

наслѣдства всѣхъ родственниковъ мужа, живущихъ въ другихъ семьяхъ.

Псковская Грамота слѣдуетъ общественному обычаю, по которому мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа признавались хозяевами всего оставшагося имущества, до конца жизни, или до вступленія въ новый бракъ. По Псковскому закону жена послѣ смерти мужа также получала все его имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, но не въ полную, разумѣется, собственность, а только въ пожизненное владѣніе, или до выхода замужъ [132] Въ послѣднемъ случаѣ она должна была возвратить это имущество наслѣдникамъ мужа, и Грамота предоставляетъ родственникамъ мужа право иска противъ такой вдовы: «Тако жъ коли мужъ помретъ, говорится въ Грамотѣ, а имутъ искать мужни платья на женѣ его (тогда, когда она вступитъ въ новый бракъ) отецъ, или братья, или иное племя, ино ей отдать платья право по души, что у него (отъ умершаго мужа) останется, а на останки женѣ въ мужни платьи целованія нѣтъ.» [133] Профессоръ Бѣляевъ, по этому поводу, замѣчаетъ, что такой искъ допускался только въ недвижимомъ имѣніи и, можетъ быть, въ денежныхъ капиталахъ и товарахъ (отчина и животы), а отнюдь не въ домашней движимости и платьѣ; ибо законъ относительно мужнина и женина платья прямо говоритъ, что искъ не могъ итти до суда, а оканчивался добровольною выдачею платья, по душѣ, безъ всякихъ доказательствъ относительно того, все ли выдано платье, или не все: «а на останки женѣ въ мужни платьи целованія нѣтъ.» [134]

Такъ какъ по Псковской Грамотѣ наслѣдство не выходило изъ семьи покойнаго до тѣхъ поръ, пока въ ней оставался хотя

---

[132] Въ Грамотѣ сказано: «А у которой жены мужъ помретъ безъ рукописанія, и останется отчина, или животъ, ино женѣ его кормиться до своего живота; только не пойдетъ за мужъ, ино ей кормли нѣтъ.» См. Энгельмана стр. 88; Бѣляева стр. 71, Неволина т. V, стр. 348.

[133] См. Энгельмана стр. 89, или Неволина т. V, стр. 348.

[134] Стр. 72.

одинъ членъ, то по этому даже бездѣтная вдова не лишалась имѣнія до своей смерти, или до составленія новаго семейства черезъ вступленіе въ бракъ.

Сдѣсь рѣчь была все о томъ случаѣ, когда мужъ жилъ уже отдѣльно отъ своего семейства, т. е., когда онъ уже имѣлъ свое собственное, отдѣльное хозяйство; ибо, въ противномъ случаѣ, т. е., когда мужъ не былъ еще отдѣленъ отъ своего семейства, бездѣтная вдова не могла пользоваться имуществомъ послѣ мужа, а она, или родственники ея, могли потребовать только приданаго, которое можно было искать даже судомъ: «А у кого помретъ сынъ (неотдѣленный), а невѣстка останется, да учнетъ на свекри, или на дѣвери, скруты (приданаго) своей искати, или платья своего, ино свекру, или дѣверю, отдать платье, или скрута. А чѣмъ невѣстьна клеплетъ (т. е., если будетъ требовать болѣе того, что ей слѣдуетъ), ино свекрю, или дѣверю, воля, чимъ хочеть, хочетъ самъ поцелуетъ крестъ, или у креста невѣсткѣ положить: чимъ учнетъ клепати.»[125] Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ вдова получала свое приданое, и ни чего болѣе.

Съ того времени, когда явилось различіе между имуществами родовыми, выслуженными, купленными и помѣстьями, законодательство, въ видахъ государственныхъ соображеній Правительства, старается ограничить наслѣдованіе женою имущества ея умершаго мужа. Съ тѣхъ поръ наслѣдникомъ вотчинъ умершаго обыкновенно считается Государь, а женѣ выдается изъ нихъ только извѣстная часть на прожитокъ. Такъ, Судебники не признаютъ уже жену наслѣдницею послѣ мужа. «Но правило это, говоритъ Бѣляевъ,[126] еще не могло привиться къ Русскому обществу вполнѣ, а именно, не принималось относительно имѣній купленныхъ, или старинныхъ, съ которыми не была связана Государственная служба. Сдѣсь Судебникъ явно оказался безсильнымъ, и само законодательство должно было уступить старому

[125] См. Энгельмана стр. 91, или Бѣляева стр. 72.

[126] Стр. 83.

порядку и снова его узаконить, оставивъ въ силѣ новое правило Судебниковъ только въ отношеніи къ родовымъ и выслуженнымъ имѣніямъ, съ которыми была связана Государственная служба.

Сначала мы разсмотримъ наслѣдованіе вдовы въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ мужа, потомъ въ куплякъ и помѣстьяхъ, и наконецъ въ движимомъ имуществѣ.

Первымъ изъ важныхъ Указовъ по отношенію къ родовымъ и служилымъ вотчинамъ былъ, какъ извѣстно, Указъ 1562 г., Генваря 15. Указомъ этѣмъ вотчины служилыхъ Князей были признаны не частною собственностію, а Государственною, и зачислены были, какъ удачно сравниваетъ ихъ Бѣляевъ, [137] въ ту же категорію, къ которой, по Русской Правдѣ, отнесены были земли смердовъ, т. е., право наслѣдованія въ этѣхъ имѣніяхъ было ограничено только прямымъ нисходящимъ потомствомъ въ мужскомъ колѣнѣ; слѣдовательно, когда у умершаго не было дѣтей вотчина такая не переходила къ оставшейся вдовѣ, а бралась на Государя: «А котораго Князя бездѣтна (безъ сыновей) не станетъ, и тѣ вотчины имати на Государя,» [138] подобно тому, какъ въ Русской Правдѣ. «аже умреть смердъ безъ дѣтеи, то задница его Князю.»

Этѣмъ же Указомъ 1562 г. опредѣляется и наслѣдованіе въ родовыхъ вотчинахъ Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Хотя вотчины этѣ Указъ не призналъ, подобно первымъ, вполнѣ Государственною собственностію и допустилъ къ наслѣдованію ихъ какъ нисходящихъ, такъ и боковыхъ родственниковъ умершаго, однако онъ не призналъ также, какъ и въ старинныхъ вотчинахъ (онѣ назывались еще Княжескими и Княженецкими вотчинами), наслѣдованія бездѣтною женою вотчины ея мужа, а

---

[137] Стр. 89.

[138] Въ Указѣ сказано. «А котораго Боярина, или сына Боярскаго, не станетъ бездѣтна, а ближнего роду и духовныя у него не будетъ, и та вотчина на Государя Царя и В. Князя, а женѣ его изъ тое вотчины Государь Указъ учинитъ, какъ ей мочно прожить.....» «Акты Истор.» т. I, стр. 268.

предоставилъ ей только извѣстную часть изъ нея на прожитокъ. [139]

Наслѣдованіе въ выслуженныхъ, т. е., пожалованныхъ вотчинахъ было опредѣлено Указомъ 1572 г., Октября 9. Нужно замѣтить сдѣсь, что между жалованными, т. е., выслуженными, и родовыми вотчинами, образовавшимися изъ купленныхъ предками, была большая разница. Родовыя вотчины наслѣдовали всѣ родственники, между тѣмъ какъ объемъ правъ наслѣдованія въ выслуженныхъ опредѣляемъ былъ каждый разъ содержаніемъ жалованной грамоты. Если въ грамотѣ было сказано, что вотчина жалуется не только ея вотчиннику, но женѣ, дѣтямъ и другимъ родственникамъ, въ такомъ случаѣ жена, по смерти мужа, могла наслѣдовать таковую вотчину; но если было сказано, что она дается ему одному лично, тогда, послѣ смерти его, вотчина отбиралась на Государя, хотя бы послѣ этого лица остались жена и дѣти. [140] И такъ выслуженную вотчину вдова могла получить въ томъ только единственномъ случаѣ, когда въ самой грамотѣ было именно объ этомъ упомянуто.

По мѣрѣ того, какъ уяснялось, что жена принадлежитъ не къ роду мужа, а къ роду своихъ родителей, права наслѣдованія вдовы въ вотчинахъ умершаго мужа все болѣе и болѣе ограничивались. Такъ, при Михаилѣ Θеодоровичѣ было прямо опредѣлено закономъ, что жена не можетъ наслѣдовать родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ мужа. Патріархъ Филаретъ, любившій издавать законы на основаніи Номоканона, призналъ не согласнымъ съ законами, изложенными въ Кормчей, отдавать родовыя и выслуженныя вотчины умершихъ вотчинниковъ бездѣтнымъ женамъ ихъ, а не боковымъ родственникамъ. А по тому, Указомъ 1627 г., Декабря 3-го, подтвержденнымъ Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, постановлено было, «чтобы женамъ

---

[139] См. «Акты Историч.» т. I, стр. 268. См. также Неволина т. V, стр. 351, Бѣляева стр. 92, и Соловьева т. V, стр. 170.

[140] См. «Акты Историч.» т. I, стр. 270.

тѣхъ умершихъ (вотчинниковъ), которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животовъ ихъ четверть да приданое, а до родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ имъ дѣла нѣтъ.......»[141] И если у мужа не было ни какихъ помѣстій, кромѣ родовыхъ, то и въ такомъ случаѣ вдовамъ не давалось послѣднихъ: они отдавались родственникамъ («въ родъ»), а если родственниковъ не было, то въ казну; вдовы же получали помѣстья на прожитокъ изъ другихъ помѣстныхъ земель, гдѣ кто пріищетъ.[142] Такимъ образомъ, законъ 1627 г. совершенно устранилъ бездѣтныхъ женъ отъ наслѣдованія выслуженныхъ и родовыхъ вотчинъ; даже призналъ прежнія выдачи такихъ вотчинъ женамъ незаконными и опредѣлилъ возвратить ихъ назадъ. Указъ 1627 г. въ послѣдствіи былъ не разъ подтверж   емъ, но иногда изъ него дѣлались нѣкоторыя исключенія.

Перейдемъ теперь къ куплямъ. Въ наслѣдованіи вдовою купленныхъ мужемъ имѣній не было постановляемо ни какихъ ограниченій. Вдова искони имѣла на нихъ преимущественное право. При томъ, такъ какъ такія вотчины пріобрѣтались иногда мужемъ на приданыя деньги жены, то наслѣдованіе женою купленной вотчины было въ этомъ случаѣ не что иное, какъ возвращеніе ея приданаго. Могло также случиться, что мужъ растратилъ приданое, тогда купленную вотчину и безъ того нужно было предоставить женѣ, въ видѣ вознагражденія за приданое. Таковыя соображенія побудили узаконить за женою право исключительнаго наслѣдованія въ купленныхъ вотчинахъ мужа.[143]

Это право вдовы наслѣдовать купленныя имѣнія жены впервые высказано было законодательствомъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Въ Указѣ 1627 г., Декабря 3, говорится: «а до родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ имъ (вдовамъ) дѣла нѣтъ, опричь куп-

---

[141] См. «Указатель», Максимовича т. I, стр. 139.

[142] См. тамъ же. См. также Неволина т. V, стр. 360 и 368.

[143] См. Кавелина стр. 34, Рейца стр. 310, Неволина т. V, стр. 368 и 369. См. также Краннхфельда «Начертаніе Россійск. гражд. права въ его историч. развитіи.» Спб. 1843, стр. 177.

ленныхъ вотчинъ.......» [144] То же повторено было и выражено еще яснѣе въ Указѣ 1629 года, которымъ купленныя вотчины мужей предоставлены были вдовамъ, все равно, были ли у нихъ дѣти, или нѣтъ, и при томъ въ полную собственность, съ устраненіемъ родственниковъ: «А купленная вотчина женѣ его, говоритъ Указъ: вольно ей въ той вотчинѣ какъ похочетъ, нѣтъ до нее никому дѣла.» [145]

Помѣстья, какъ извѣстно, не составляли частной собственности, а по тому о наслѣдованіи ихъ вдовою не могло быть рѣчи. И дѣйствительно, въ Судебникѣ Ивана III о наслѣдованіи ихъ не упоминается ни слова; очевидно, что Правительство смотрѣло на нихъ тогда, какъ на казенныя имущества. Они давались тѣмъ или другимъ лицамъ только въ пользованіе, и по смерти ихъ были возвращаемы въ казну, которая раздавала ихъ снова другимъ лицамъ, по своему усмотрѣнію. Но уже довольно рано на такихъ пріобрѣтателей помѣстій частными распоряженіями Правительства стала возлагаться обязанность давать содержаніе вдовамъ прежнихъ владѣльцевъ этѣхъ помѣстій. [146] За тѣмъ, мало по малу, это право пользованія помѣстьями стало переходить къ самимъ вдовамъ служилыхъ людей, которымъ начали давать этѣ помѣстья на прожитокъ (отсюда прожиточныя помѣстья), хотя сначала, вѣроятно, въ томъ только случаѣ, когда у нихъ не было собственнаго имѣнія. А такъ какъ чаще всего случалось послѣднее, и единственнымъ средствомъ существованія для цѣлаго семейства были только доходы отъ помѣстья, то, со смертію владѣльца, его семейство оставалось бы безъ всякихъ средствъ къ жизни. И вотъ, по вниманію къ этому обстоятельству, стали обезпечивать существованіе оставшихся послѣ него лицъ, предоставляя имъ пользоваться помѣстьями умершаго («чтобы имъ было на чемъ прожить и прокормиться») до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ нуждаться въ нихъ, т. е., до ихъ смерти, новаго

---

[144] «Указатель», Максимовича т. I, стр. 139.

[145] См. Рожденственскаго: «Историческое изложеніе Русскаго Законодательства о наслѣдствѣ,» стр. 43, и Неволина стр. 357 и 369.

[146] Неволина т. V, стр. 369.

замужества, или вступленія въ монастырь. Въ слѣдствіе такого порядка вещей къ помѣстьямъ стали косвенно примѣняться начала наслѣдованія; въ нихъ мало по малу стали проглядывать нѣкоторыя черты наслѣдственнаго права.

Первыя извѣстія о наслѣдованіи въ помѣстьяхъ относятся къ царствованію Ивана Грознаго. Уже въ это время образовалось для вдовы какъ бы право наслѣдованія въ помѣстьяхъ; [147] ей стали предоставлять часть мужниныхъ помѣстій на прожитокъ, до конца жизни, до вступленія въ монастырь, или до выхода замужъ. Однимъ изъ первыхъ свѣдѣтельствъ такого права вдовы на часть помѣстій мужа есть Царская грамота въ Новгородъ, 2-го Октября, 1555 г., въ которой говорится: «И язъ Княжъ Богданову Княгиню Офросинью пожаловалъ, изъ мужа ея изо Княжъ Богданова помѣстья велѣлъ на прожитокъ отдѣлити 15 обжъ, до тѣхъ поръ, какъ пойдетъ замужъ, или пострижется, или ее не станетъ.» [148] Это предоставленіе вдовамъ помѣстій ихъ мужей видно также изъ многихъ послѣдующихъ грамотъ. Такъ, въ грамотѣ Думы 1611 г. высказано было прямо, чтобы у женъ убитыхъ и умершихъ на войнѣ Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ помѣстій не отнимать, а давать имъ этѣ помѣстья на прожитокъ; а если у этѣхъ вдовъ нѣтъ сыновей, а только дочери, то давать имъ, вмѣстѣ съ дочерьми, часть таковыхъ помѣстій. [149] Но величина прожиточнаго участка не была точно опредѣлена грамотою; въ ней постановлено только сообразоваться съ прежними примѣрами; помѣстья на прожитокъ вдовамъ надлежало давать, «примѣряяся къ прежнему, какъ прежь сего давано.» И до самаго 1634, и даже 1644 года, не было издано опредѣленнаго правила о томъ, какую именно часть должно давать вдовамъ изъ помѣстій мужей; величина такого участка зависѣла отъ особеннаго на каждый отдѣльный случай назначенія Царскаго.

---

[147] Тамъ же стр. 358, и Бѣляева стр. 104.

[148] См. «Дополненія къ Актамъ Историч.» т. I, стр. 52, или Карамзина «Исторію Г. Р. т. XII, стр. 360.

[149] См. Кавелина стр. 37, Бѣляева стр. 109, Неволина т. V, стр. 360.

Этѣми помѣстьями, однако, первоначально пользовались только вдовы тѣхъ лицъ, которыя были убиты, или умерли, на войнѣ, или взяты въ плѣнъ, или пропали безъ вѣсти; [150] слѣдовательно, это еще не было общимъ правиломъ, а скорѣе исключеніемъ, примѣнявшимся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ случаямъ. Только уже въ послѣдствіи стали давать помѣстья вдовамъ, не различая, умерли ли мужья ихъ на войнѣ, или у себя дома, и тогда-то подобныя назначенія сдѣлались общимъ правиломъ.

Величина прожиточнаго участка, какъ мы замѣтили выше, опредѣлена была въ первый разъ только въ 1634 г. Тогда постановлено было, чтобы вдовамъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и иноземцевъ, побитыхъ, или умершихъ, на службѣ подъ Смоленскомъ, давать изъ окладовъ мужей ихъ по 20 четвертей со ста. [151] А Указомъ 1644 г. постановленіе это было еще болѣе развито; въ немъ сказано, чтобы вдовамъ побитыхъ на службѣ давать изъ окладовъ мужей съ 100 четвертей по 20 четь; вдовамъ умершихъ въ походѣ отъ болѣзни давать со 100 четвертей по 15 четь, и наконецъ, вдовамъ, которыхъ мужья умерли не въ походѣ, но вообще состоя на Государевой службѣ, давать со ста по 10 четвертей. Извѣстно, что помѣстья назначались не только отъ Государя, но и отъ духовнаго и другихъ Вѣдомствъ, и также съ наложеніемъ на ихъ владѣльцевъ извѣстныхъ обязанностей. По смерти владѣльцевъ, изъ таковыхъ частныхъ помѣстій также назначались вдовамъ ихъ извѣстные участки на прожитокъ. Такъ, въ помѣстной грамотѣ Новгородскаго Митрополита Исидора вдовѣ Софійскаго Сына Боярскаго, Ивана Жеглова, 1611 г., Генваря 21, читаемъ: «Се язъ Великій Господинъ, Преосвященный Исидоръ, Митрополитъ Великого Новагорода и Великолуцкій, пожаловалъ есми вдову бывшаго Софійскаго Сына Боярскаго, Ивановскую жену Жеглова Ирину, дому Святые Великіе Софѣи Премудрости Божіи отчины, изъ мужа еѣ изъ Иванова помѣстья Жеглова на прожитокъ (такія-то дерев-

---

[150] Это впервые постановлено указомъ 1618 г.

[151] Бѣляева стр. 112, Неволина т. V, стр. 360.

ни)..... покамѣста она замужъ не пойдетъ, или въ монастырь не устроица.....» [152]

Если вдова вышла за мужъ съ прожиточнымъ помѣстьемъ, полученнымъ ею послѣ смерти перваго мужа, то по смерти втораго мужа, за которымъ было справлено это помѣстье, имѣла право получить оное обратно.

Относительно наслѣдованія вдовы въ движимомъ имуществѣ мужа, въ Россіи рано приняты были начала Греко-Римскаго права, вошедшіе въ составъ Кормчей: изъ движимостей жена получала четвертую часть. [153] Несомнѣнно, что духовенство уже съ древнѣйшихъ временъ принимало этотъ законъ въ руководство при рѣшеніи дѣлъ о наслѣдствѣ, подлежавшихъ его суду. Но въ законодательствѣ онъ въ первые высказанъ былъ въ упоминаемомъ уже нами Указѣ 1627 г., Декабря 3-го. Въ немъ сказано: «а женамъ тѣхъ умершихъ, которые останутся бездѣтны, давать имъ изъ животовъ ихъ четверть да приданое.....» [154] Это движимое имущество вдова получала въ полную собственность, и оно оставалось за нею даже и тогда, когда она выходила замужъ. Разумѣется, что когда оставались дѣти, то они, вмѣстѣ съ матерью, наслѣдовали все движимое имущество умершаго.

Постановленія Уложенія о наслѣдованіи вдовы суть большею частію только повторенія прежнихъ узаконеній, а въ особенности изданныхъ въ Царствованіе Михайла Ѳедоровича; новаго въ немъ не много. Такимъ образомъ, по Уложенію: 1) вдова не могла наслѣдовать родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ мужа; впрочемъ, сдѣсь дѣлались нѣкоторыя исключенія. 2) Купленныя вотчины она могла наслѣдовать въ полную собственность. 3) Изъ помѣстій мужа она получала извѣстный участокъ на прожитокъ,

---

[152] См. «Акты Историч.» т. II, № 315.

[153] См. «Акты, относящ. до юридич. быта,» № 116. См. также Неволина т. V, стр. 364, 366 и 369, Кавелина стр. 33, Рождественскаго стр. 43, Кранихфельда стр. 177.

[154] «Указатель,» Максимовича стр. 139.

и 4) бѣздѣтная жена получала четвертую часть изъ движимаго имущества мужа. Разсмотримъ вкратцѣ всѣ этѣ права наслѣдованія вдовы.

Что касается до наслѣдованія ея въ родовыхъ и выслуженныхъ имѣніяхъ мужа, то въ Уложеніи были повторены постановленія, изданныя относительно этого предмета при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Въ главѣ XVII, статьѣ I-й, говорится: «а до родовыхъ и выслуженныхъ вотчинъ имъ (женамъ умершихъ вотчинниковъ) дѣла нѣтъ, опричь купленныхъ вотчинъ.....» Но когда послѣ смерти мужа не оставалось ни помѣстій, ни купленныхъ отъ чужеродцевъ вотчинъ, въ такомъ случаѣ вдовѣ могла быть дана извѣстная часть выслуженныхъ вотчинъ на прожитокъ. Такія выслуженныя вотчины вдова, однако, не вправѣ была продать, заложить, по душѣ отдать, или взять за собою въ приданое, и послѣ смерти ея, или по выходѣ замужъ, или по постриженіи, онѣ переходили къ ближайшимъ родственникамъ мужа. [155] Это постановленіе ново: въ прежнихъ узаконеніяхъ его не встрѣчается.

Въ наслѣдованіи вдовою купленныхъ имѣній Уложеніе различаетъ два случая, смотря по тому, купилъ ли ихъ мужъ въ вотчину, или же они куплены были отъ чужеродцевъ. Первыя давались бездѣтной вдовѣ только на прожитокъ, т. е., давались ей во владѣніе и пользованіе до смерти, новаго замужства, или постриженія, и при томъ она не имѣла права продавать ихъ, или закладывать. [156] Относительно же вотчинъ, купленныхъ отъ частныхъ лицъ, т. е., изъ чужаго рода, было повторено узаконеніе Царя Михаила Ѳедоровича, по которому такія вотчины послѣ умершаго могли быть отдаваемы вдовѣ въ полную собственность, [157] но въ Уложеніи прибавлено еще, что умирающій мужъ вправѣ о такой вотчинѣ составить духовное завѣщаніе и отказать ее своей бездѣтной вдовѣ только на прожитокъ, съ тѣмъ, чтобы вотчина эта,

---

[155] «Улож.» глава XVI, ст. 16. См. также 2 и 3 статьи, XVII главы.

[156] Глава XVII, статья 8.

[157] См. Уложеніе, гл. XVII, ст. 2.

въ случаѣ выхода вдовы за мужъ, постриженія, или смерти ея, поступила къ тому родственнику его, котораго онъ назначитъ въ своемъ завѣщаніи. [158] Но родовыя и выслуженныя вотчины, купленныя мужемъ отъ лицъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ роду, не отдавались вдовѣ, а въ родъ мужа; ибо чрезъ куплю онѣ не переставали быть родовыми, или выслуженными. [159]

Наслѣдованіе въ помѣстьяхъ оставалось совершенно въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно было опредѣлено предшествующими Уложенію постановленіями. Жена получала на прожитокъ 20, 15 или 10 четвертей со ста, смотря по тому, гдѣ умеръ ея мужъ. [160]

Если у умершаго не было помѣстья, то вдовѣ его отводилась слѣдующая ей часть изъ выслуженныхъ вотчинъ, но, какъ мы знаемъ уже, только въ пожизненное владѣніе.

Въ движимомъ имуществѣ бездѣтная вдова удержала за собою права, данныя ей Указомъ 1627 г., по которому изъ движимаго имущества, изъ животовъ, она получала четвертую часть въ полную собственность. [161]

§ 14. **Наслѣдованіе вдовца.** Въ порядкѣ историческаго развитія Русскаго законодательства о правѣ наслѣдованія супруговъ, право вдовы на имущество умершаго мужа предшествовало такому же праву вдовца на имущество жены. Только въ послѣдствіи, и уже довольно поздно, когда въ законодательство стало проникать начало, что права супруговъ должны быть по возможности уравнены, право вдовы было распространено и на вдовца. [162]

---

[158] Тамъ же ст. 7.

[159] Тамъ же ст. 8.

[160] Тамъ же гл. XVI, ст. 30—32.

[161] Тамъ же гл. XVII, ст. 1.

[162] Замѣчательно, что нѣкоторыя законодательства, на пр., Римское, не признаютъ за

Въ Русской Правдѣ не говорится вовсе о томъ, наслѣдуетъ ли мужъ послѣ смерти своей жены, и какую долю получаетъ изъ ея имущества. Но по закону Русской Правды, подобно тому, какъ жена по смерти мужа оставалась полною хозяйкою въ его домѣ, такъ точно мужъ по смерти жены оставался полнымъ хозяиномъ какъ своего, такъ и женина, имущества. Но если вдовецъ вступалъ въ новый бракъ, онъ уже не имѣлъ полной власти надъ имуществомъ первой жены: ему принадлежало только право управленія этѣмъ имуществомъ, а по смерти его оно поступало къ дѣтямъ отъ первой жены. [164]

По Псковскому закону, мужъ послѣ жены получалъ все ея имущество, которымъ могъ владѣть до самой смерти, если только не вступалъ въ бракъ. Въ Грамотѣ говорится: «а у котораго человѣка помреть жена безъ рукописанія, а у ней останется отчина, ино мужу ея владѣти тою отчиною до своего живота, только не оженится, а оженится, ино кормли ему нѣтъ.» [165] Такимъ образомъ, въ Псковской Грамотѣ высказывается тотъ же обычай, который внесенъ былъ и въ Русскую Правду, что мужъ послѣ жены и жена послѣ мужа признавались хозяевами всего имущества, до конца жизни, или до вступленія въ новый бракъ.

Какія права имѣлъ мужъ на имущество умершей жены, на это въ Судебникахъ и позднѣйшихъ узаконеніяхъ нѣтъ прямаго указанія. Но кажется, что обычай, по которому мужъ при дѣтяхъ послѣ смерти жены дѣлается хозяиномъ всего имущества, существовалъ во всей силѣ. Это видно, на пр., изъ Правой Грамоты 1498 года, въ которой читаемъ: «то, Господине, земля Ѳедоровская, наша отчина, приданая земля отца нашего. А во се,

---

жемъ права на что либо изъ имущества умершей жены; они считаютъ недобросовѣстнымъ, чтобы вдовецъ наживался чѣмъ либо послѣ жены.

[164] «Будуть ли дѣти, то что пьрвои жены, тъ тое възмуть дѣти матери своеи, любо сии на жену възложилъ будеть, обаче матери своеи, и то възмуть», Калачевъ: «Правда,» ст. LXIII.

[165] Энгельмана, стр. 88.

Господине, грамота рядная отца нашего, а въ грамотѣ пишетъ: се язъ, Өедоръ Струна, Сухеринъ сынъ, далъ есмь своему зятю, Ивану, за своею дочерью, за Оксѣньею, Зарецкое селище Өедоровское своее вотчины.» [166] Это, какъ видно, говорятъ дѣти, получившія послѣ смерти отца какъ его имущество, такъ и материнское, коими обоими владѣлъ отецъ ихъ, когда былъ живъ. [167]

Когда послѣ жены не оставалось дѣтей, тогда имущество ея переходило къ ея родственникамъ, а мужъ не получалъ ни чего. Но въ послѣдствіи онъ сталъ получать изъ имущества жены четвертую часть, что установилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ Номоканона. [168] Наконецъ, когда послѣ умершей жены не оставалось ни дѣтей, ни другихъ родственниковъ, тогда все ея имущество оставалось у мужа; это также установилось подъ вліяніемъ Номоканона, а именно, подъ вліяніемъ помѣщеннаго въ немъ Прохирона Василія Македонянина. На это указываетъ, между прочимъ, грамота Митрополита Кипріяна вдовѣ Өеодосьѣ 1404 г., [169] въ которой говорится: «........и язъ, Кипреянъ Митрополитъ, възрѣлъ есмо въ Номоканунъ, да изнашелъ есми правило, аже пишетъ въ законѣ такъ: аже мужь умретъ безъ завѣта, безъ душевныя грамоты, или жена такожде умретъ, не сущу отъ роду отъ нихъ, или пакы отца и дѣда, наслѣдуетъ мужь жены своей стяжанія и приданая ея ....» [170] Слѣдуетъ полагать, что правила этѣ не оставались безъ примѣненія на дѣлѣ. Можетъ быть, права наслѣдованія мужа опредѣлялись иногда и рядными, но до насъ не дошла ни одна изъ такихъ рядныхъ.

---

166 Она помѣщена у Бѣляева, см. стр. 88.

167 См. также Калачова: «Кормчая,» Приложенія, стр. 47.

168 Правило это было взято изъ Эклоги Льва и Константина, на основаніи которой мужъ послѣ бездѣтной жены наслѣдовалъ $1/4$ часть ея имущества.

169 «Акты Историч.» т. I, стр. 484.

170 То же самое читаемъ и въ Кормчей. См. Калачовъ. Приложенія, стр. 31.

Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича также не говорится ни слова о наслѣдованіи мужа въ имуществѣ, оставшемся послѣ жены. Только уже узаконенія, изданныя послѣ него, коснулись этого предмета; мужъ, подобно женѣ, сталъ получать четвертую часть изъ движимаго имущества жены, а Указомъ 1681 г. велѣно было выдѣлять ему четвертую часть также и изъ помѣстій жены.

§ 15. Какое вліяніе производилъ разводъ на имущественныя отношенія супруговъ, сказать трудно. Трудно также опредѣлить, на сколько примѣнялись въ Россіи въ этомъ отношеніи Греко-Римскіе законы. У Котошихина находимъ только нѣкоторыя указанія на тогдашніе обычаи. Когда супруги, говоритъ онъ въ своемъ «Описаніи Россіи,» жили не въ ладу, тогда ихъ разводили, при чемъ имущество раздѣлялось по поламъ, и до семи лѣтъ мужу не позволялось жениться, а женѣ выходить за мужъ. А изъ разводныхъ, по случаю постриженія женъ въ монашество, видно, что въ такихъ случаяхъ жены получали отъ мужей все свое праданое.[171] Но законодательныхъ постановленій объ этомъ предметѣ не было вовсе издаваемо, а по тому объ немъ почти ни чего и не извѣстно намъ.

§ 16. Дѣла о приданомъ и вообще споры объ имуществѣ между супругами съ древнѣйшихъ временъ разбирались духовною властію. На это прямо указываетъ Уставъ Владимира о церковныхъ судѣхъ,[172] и Уставъ Ярослава Владимировича «о церковныхъ судахъ и земскихъ дѣлахъ.»[173] «Пошибаніе промежю мужемъ и женою» прямо отнесено ими къ вѣдѣнію духовныхъ судовъ. То же сдѣлалъ и Стоглавъ. Только уже при Петрѣ разбирательство этого рода дѣлъ было передано свѣтскимъ властямъ.

---

[171] См. «Акты Юридич.» № 404, стр. 425.

[172] См. «Указатель,» Максимовича т. I, стр. 1—2.

[173] См. тамъ же, стр. 4—5.

ГЛАВА III.

Древняя Польша долгое время не имѣла писаннаго права: каждая изъ составныхъ земель ея руководствовалась своими юридическими обычаями, которые столь глубоко были укоренены въ сознаніи народномъ, что не было нужды выражать ихъ въ письменной формѣ; обычаи этѣ были совершенно достаточны для опредѣленія и обезпеченія несложныхъ еще тогда правъ и обязанностей гражданскихъ.

До самаго XIV стол. въ Польшѣ не было общаго гражданскаго уложенія, а были только мѣстные гражданскіе законы, жалованныя грамоты на разныя льготы Шляхтѣ, городамъ и проч. Правда, что еще и до того времени издано было много отдѣльныхъ постановленій, но общаго, обязательнаго для всего Государства уложенія не существовало. Довольно рано уже Правительство Польское желало собрать и упорядить всѣ такія узаконенія, и съ этою цѣлью назначало особыя Коммиссіи или отдѣльныхъ редакторовъ (стоитъ, на пр., указать на Іоанна Ласкаго, Николая Ташицкаго, Якова Пржилускаго, Іоанна Янушевскаго и другихъ), [174] но ни одно изъ произведеній ихъ не было утверждено законодательною властію, а слѣдовательно, и не получило обязательной силы.

Извѣстно, что почти всѣ народы Западной Европы, увлеченные строгою послѣдовательностію и ученою обработкою Римскаго права, весьма многое изъ него усвоили себѣ почти цѣликомъ. Польша не могла послѣдовать ихъ примѣру; ибо Римское право во многомъ было противоположно тѣмъ началамъ, которыя лежали въ основѣ жизни Польскаго народа. И въ этомъ отношеніи, справедливо замѣчаютъ Мацѣевскій и Лелевель, [175] Польское

---

[174] См. Заборовскаго: «Гражданское право Царства Польскаго.» Спб. 1847 г. Вып. I, стр. 26—27.

[175] См. его: «Polska wieków średnich.» Познань, 1859, стр. 470.

законодательство, не смотря на то, что приняло довольно много Латинскихъ терминовъ, и, какъ иногда можетъ казаться съ перваго взгляда, даже и нѣкоторыя Римскія учрежденія, въ основѣ своей осталось народнымъ: оно твердо сохранило Славянскую основу. Впрочемъ, о вліяніи Римскаго права на Польское скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Мы упомянули уже, что каждая изъ областей, входящихъ въ составъ бывшаго Польскаго Королевства, имѣла свои обычаи; точно также, когда появились писанные законы, каждая изъ нихъ имѣла свои особые Статуты (Уложенія): Великая Польша, Малая Польша, Мазовія имѣютъ свои законы. Такъ, въ XIV стол. явился, такъ называемый, Старовислицкій или Малопольскій Статутъ, и около тогоже времени составленъ былъ въ Петрковѣ Статутъ, извѣстный подъ названіемъ Великопольскаго. Первый есть собраніе древнихъ земскихъ законовъ и обычаевъ, имѣвшихъ силу въ Малой Польшѣ, а второй въ Великой Польшѣ. Малопольскій Статутъ значительно обширнѣе и полнѣе Великопольскаго; онъ нерѣдко даже вдается въ излишнія подробности и повторенія. Великопольскій, напротивъ, по числу статей меньше; статьи его кратки, безъ всякихъ предисловій; нерѣдко сжаты до такой степени, что нельзя уловить связи статей, слѣдующихъ одна за другою, но за то въ немъ не замѣчается тѣхъ противорѣчій, какія часто попадаются въ статутѣ Малопольскомъ.

Кромѣ этѣхъ Статутовъ, въ древнемъ Польскомъ законодательствѣ, изъ важнѣйшихъ извѣстенъ еще Вартенскій Статутъ, названный такъ по мѣсту его составленія, въ Вартѣ, при Владиславѣ Ягайлѣ 1420 г. Статутъ этотъ носитъ на себѣ отпечатокъ Великопольской собности; опредѣленія его, если не исключительно, то преимущественно взяты изъ Великопольскихъ узаконеній.

Мазовія [176] до тѣхъ поръ, пока составляла особое удѣльное Княжество (т. е., до 1525 г.), руководствовалась также своими

---

[176] Такъ называлась часть теперешняго Привислянскаго края, а именно: Варшавская, Калишская, Плоцкая, Ломжинская и Сувалская Губерніи.

особыми законами, которые, впрочемъ, ближе всего сходны были съ Великопольскими Этѣ мѣстные Мазовецкіе законы, частію обычные, частію писанные, образовавшіеся изъ постановленій Князей, издаваемыхъ на рокахъ, т. е., судебныхъ съѣздахъ, были собраны и изложены въ стройномъ порядкѣ въ одинъ сводъ Петромъ Горинскимъ, Мазовецкимъ Воеводою, и утверждены Королемъ Сигизмундомъ I, въ 1540 г. на сеймѣ въ Краковѣ. Но Статутъ Мазовецкій имѣлъ обязательную силу не долго: при Стефанѣ Баторіѣ, въ 1576 г., постановлено было, согласно желанію самой Мазовецкой Шляхты, чтобы Княжество Мазовецкое подчинилось общему Коронному Земскому праву. [177]

Нужно замѣтить сдѣсь, что, благодаря выше изложенному порядку вещей, разнообразіе и пестрота въ законахъ достигли въ Польшѣ въ XIV столѣтія высшаго своего развитія. Польша съ XII столѣтія уже, а именно, съ Болеслава Кривоустаго и ближайшихъ его преемниковъ, представляла удивительное разнообразіе законовъ, въ слѣдствіе привилеевъ, раздаваемыхъ отдѣльнымъ лицамъ щедрою рукою Польскихъ Королей. Не рѣдко, земли какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ, изъяты были изъ дѣйствія общихъ законовъ; въ нихъ судилъ и разбиралъ дѣла Вельможа, или Епископъ, на основаніи закона, какой ему самому вздумалось установить. Этѣ привилеи вели къ злоупотребленіямъ и страшному безпорядку, который, какъ мы замѣтили уже выше, въ XIV стол. достигъ высшей степени: кодификація Земскаго права сдѣлалась, по этому, необходимою. Ее и совершилъ Казимиръ Великій на Вислицкомъ сеймѣ. Вислицкій Статутъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть признанъ замѣчательнѣйшимъ памятникомъ древняго Польскаго законодательства. Онъ занимаетъ весьма важное мѣсто въ ряду этого законодательства еще и по тому, что сохранилъ обязательную силу дѣйствующаго закона почти до послѣднихъ временъ существованія Рѣчи Посполитой. Короче говоря, онъ есть краеугольный камень всего древняго Польскаго законодательства; позднѣйшее законодательство есть не что иное,

---

[177] Спасовича: «Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему Польскому праву», стр. 50. См. также Заборовскаго стр. 31.

какъ дальнѣйшее только развитіе Вислицкаго Статута, его довершеніе, достройка, какъ выражается Спасовичъ.[178]

Большинство ученыхъ относитъ время составленія Вислицкаго Статута къ 1347 году; ибо къ этому году относитъ его лѣтописецъ Длугошъ († 1480 г.). Но, по мнѣнію Лелевеля[179] и Гельцеля,[180] годъ этотъ весьма сомнителенъ; они думаютъ, что онъ былъ составленъ не много позднѣе 1347 года, по тому что въ этомъ именно году былъ изданъ Малопольскій или Старовислицкій Статутъ, который уже включенъ былъ потомъ въ Вислицкій Статутъ, о которомъ теперь рѣчь. Нѣкоторые относятъ составленіе его къ 1368 году. Впрочемъ, годъ составленія его не важенъ; не подлежитъ сомнѣнію только то, что онъ составленъ въ XIV стол.

Вислицкій Статутъ образовался изъ сліянія Статутовъ Великопольскаго и Малопольскаго, но главнымъ образомъ при составленіи его руководствовались Статутомъ Малопольскимъ, который включенъ въ него почти цѣликомъ; изъ Великопольскаго же, т. е., Петрковскаго Статута взято всего около 20 статей, т. е., тѣ только статьи, которыхъ не было въ Малопольскомъ, на прим.: статьи о назначеніи приданаго дочерямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ Лелевель; ибо даже порядокъ статей Вислицкаго Статута почти совершенно такой же, какъ и въ Статутѣ Малопольскомъ.

Въ Вислицкомъ Статутѣ заключается довольно много постановленій, относящихся къ гражданскому праву; но большую часть его, какъ это вообще въ древнихъ сборникахъ, занимаютъ уголовные законы и постановленія о судопроизводствѣ. Слогъ его правильный, но весьма разнообразный; въ распредѣленіи статей

---

[178] Спасовича стр. 6; см. также Лелевеля: «Polska wieków średnich,» т. III, стр. 332 (изд. 1851 г.).

[179] «Polska wieków średnich,» т. III, стр. 617 (изд. 1859 г).

[180] См. издаваемый въ Варшавѣ Журналъ: «Biblioteka Warszawska» за 1859 годъ, т. III, стр. 614.

нѣтъ достаточнаго порядка и строя; часто встрѣчаются важныя противорѣчія, которыя должно объяснять тѣмъ, что онъ составленъ былъ изъ постановленій и рѣшеній, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ и разному времени, а по тому законодателю трудно было совладать съ столь разнообразными узаконеніями. Какъ всѣ постановленія того времени, онъ писанъ по Латыни, но вліянія Римскаго права въ немъ, однако же, не замѣтно. На Польскій языкъ онъ былъ переведенъ уже въ послѣдствіи. Изъ такихъ переводовъ самый лучшій переводъ Свентослава изъ Воцешина, Доктора и Кустоша Варшавскаго костела Св. Іоанна, сдѣланный около 1450 г. [181] Переводъ этотъ, по мнѣнію Лелевеля, не только не уступаетъ подлиннику, но даже въ нѣкоторыхъ частяхъ превосходитъ его.

Хотя Вислицкій Статутъ и объявленъ былъ общимъ Земскимъ Уложеніемъ, однако, какъ Великая Польша, такъ и Малая неохотно подчинялись общему закону; мѣстные обычаи не сейчасъ, по обнародованіи Вислицкаго Статута, забылись, а жили еще довольно долго; въ особенности это можно сказать о Великой Польшѣ, которая упорно держалась Петрковскихъ постановленій, какъ будьто обиженная тѣмъ предпочтеніемъ, которое было дано на Вислицкомъ сеймѣ Малопольскимъ законамъ.

Въ послѣдствіи Вислицкій Статутъ былъ дополняемъ при Владиславѣ Ягайлѣ и его преемникахъ, на пр., при Казимирѣ Ягайловцѣ и др. За тѣмъ, съ конца XVI стол. Польское гражданское законодательство дѣлается уже неподвижнымъ. Достигши полнаго своего развитія въ XVI стол., оно пріостанавливается въ своемъ движеніи и дальше почти уже не развивается.

Теперь спрашивается: суть ли древніе Польскіе законы и учрежденія произведенія народныя, или же они заимствованы изъ чужихъ странъ? Въ этомъ отношеніи существуютъ, или, точнѣе говоря, существовали разныя мнѣнія. Такъ, Чацкій производилъ всѣ Польскія учрежденія отъ чужеземцевъ, а именно, отъ Скандинавовъ и Ютландцевъ, а историкъ Нарушевичъ считалъ

---

[181] См. Лелевеля т. III, стр. 482—483 (изд. 1859 г).

ихъ заимствованными или у Франковъ, или у Нѣмцевъ. Такого же мнѣнія былъ и Іоаннъ Викентій Бандтке, [182] который выводилъ начало Польскихъ учрежденій отъ Римлянъ. Но новѣйшія изслѣдованія Раковецкаго, Лелевеля и Мацѣевскаго доказали несомнѣннымъ образомъ, что основа ихъ чисто народная, самобытная и начало ихъ кроется въ самой отдаленной древности. Разумѣется, отвергать нѣкоторое вліяніе Римскаго и Нѣмецкаго права на Польское нельзя, ибо дѣйствительность говоритъ противное; но считать всѣ Польскіе законы и учрежденія заимствованными, или у Римлянъ, или у Нѣмцевъ, тѣмъ менѣе возможно, такъ какъ къ тому не представляется ни какихъ основаній.

Изслѣдованіе отношенія, въ какомъ Римское право находилось къ Польскому, было поводомъ различныхъ предположеній и догадокъ, а подъ часъ и причиною жаркихъ споровъ между учеными. Такъ, одни изъ нихъ говорили, что Римское право имѣло въ Польшѣ весьма большое значеніе; что изъ него взяты были цѣлыя учрежденія, дотолѣ не извѣстныя Польскому праву, а иногда и существующія были замѣняемы Римскими; короче сказать, они утверждали, что Римское право способствовало главнымъ образомъ образованію коренныхъ Польскихъ законовъ. Такого мнѣнія были: Бандтке и, его ученикъ, Ивановскій. Другіе считали Римское право въ древней Польшѣ только вспомогательнымъ правомъ, къ которому прибѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда отечественное законодательство оказывалось недостаточнымъ, или неполнымъ. Такъ думали: Графъ Оссолинскій, Даниловичъ [183] и другіе. Третьи, наконецъ, отвергали всякое вліяніе Римскаго права на Польское, на пр., Чацкій. Этого мнѣнія держался и Александръ Мицкевичъ. [184]

Намъ кажется, что считать всѣ Польскіе законы взятыми изъ Римскихъ — крайность такая же, какъ и отвергать всякое влія-

[182] См. его: «Historya prawa Polskiego». См. также статью Качковскаго: «O kobiecie,» въ «Библіотекѣ Варшавской» за 1860 годъ, т II, стр. 40.

[183] См. его: «Historischer Blick auf das Litthauische Statut.» Dorpat, 1834 г., § 9.

[184] Бывшій Профессоромъ Римскаго права въ Харьковскомъ Университетѣ.

ніе Римскаго права на Польское. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы тѣ изъ Поляковъ, которые получали образованіе въ Болоньѣ, Падуѣ и другихъ заграничныхъ Университетахъ, гдѣ такъ процвѣтало въ средніе вѣка Римское право, возвратившись въ свое отечество и принявшись, по порученію своего Правительства, за составленіе законодательныхъ Сборниковъ, или занимая важныя Государственныя должности, не заимствовали кое-чего изъ Римскаго права. Вспомнимъ еще при томъ, что иногда сами Польскіе Короли благоволили къ Римскому праву (на пр., Александръ Ягайловецъ). [185]

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о городовомъ правѣ въ Польшѣ, которое извѣстно было подъ названіемъ права Нѣмецкаго, Хелминскаго, Магдебургскаго, Тевтонскаго (jus Teutonicum) и др. [186] Нужно замѣтить сдѣсь, что вообще Нѣмецкое право въ Польшѣ касалось болѣе области Государственнаго права, чѣмъ частнаго; такъ, на пр., оно имѣло довольно большое вліяніе на Польское уголовное право, будучи менѣе суровымъ, нежели Польское; но на Польское гражданское право вліяніе его было незначительно.

Первоначально города Польскіе жили по общему земскому, (посполитому) праву; но довольно рано уже привилеями Королей имъ дозволено было руководствоваться Нѣмецкимъ, Магдебургскимъ правомъ. На основаніи этѣхъ привилеевъ, города Польскіе получали Нѣмецкое устройство, основанное на самоуправленіи городскихъ общинъ по дѣламъ судебнымъ, хозяйственнымъ и административнымъ. [187]

---

[185] Графъ Осолинскій держится въ этомъ отношеніи середины. См. его сочиненіе: «Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury Polskiej»; сдѣсь онъ старается примирить мнѣнія Чацкаго и Бандтке.

[186] Съ того времени, когда оно появилось въ Польшѣ, право туземное, въ отличіе отъ Нѣмецкаго, стали называть правомъ Земскимъ (jus terrestre).

[187] Съ теченіемъ времени, Нѣмецкое право даровано было и нѣкоторымъ селеніямъ (locationes in jus Teutonicum), въ слѣдствіе чего сельскіе обыватели получили извѣстныя льготы; ибо, на основаніи Польскихъ законовъ, крестьяне были обреме-

Нѣмецкое право стало проникать въ Польшу съ XIII и даже XII стол. Такъ, Болеславъ (V) Стыдливый, находясь подъ вліяніемъ Генриха, Князя Силезскаго, который чрезвычайно привязанъ былъ къ Нѣмецкимъ обычаямъ, около 1244 г. ввелъ Магдебургское право въ Краковѣ и Сандомирѣ. [188] Весьма рано также получила его Варшава. Князья Мазовецкіе, видя цвѣтущее состояніе Нѣмецкихъ городовъ, пожелали примѣнить устройство ихъ и къ своимъ городамъ. А при Владиславѣ Ягайлѣ, въ началѣ XV стол., уже было множество не только Польскихъ, но и Литовскихъ городовъ, которые управлялись Магдебурскимъ правомъ. [189] Первое собраніе Магдебургскихъ законовъ было сдѣлано при Казимирѣ Великомъ, которое и внесено было потомъ въ Статутъ Александра Ягайловца 1506 г., составленный Ласкимъ. [190]

Наконецъ, нужно еще замѣтить, что древнѣйшее Польское право, въ общихъ чертахъ своихъ, представляетъ довольно значительное сходство съ древнѣйшими Русскими законами, какъ и вообще древнѣйшіе законы всѣхъ Славянскихъ народовъ. Такъ, въ Вислицкомъ Статутѣ находимъ нѣкоторыя статьи весьма сходныя съ статьями Русской Правды. [191] А по тому предположеніе Раковецкаго о томъ, что Русская Правда когда-то дѣйствовала не только во всѣхъ Русскихъ областяхъ, но и въ другихъ Славянскихъ земляхъ, не лишено нѣкотораго основанія. При первоначальной бѣдности письменныхъ законовъ у всѣхъ западныхъ Славянъ, Русская Правда, какъ памятникъ, основанный на обще-

---

вены весьма многими повинностями въ пользу казны. См. статью Леонтовича: «Рус. Правда и Литовскій Статутъ», въ «Кіевск. Унив. Извѣстіяхъ,» Февраль 1865 г., стр. 9.

[188] Мацѣевскаго т. I, стр. 137 (изд. 2-ое).

[189] См. Спасовича стр. 65.

[190] Мацѣевскій: «Historya prawodawstw Słowiańskich,» т. II, стр. 142 (изд. 2-ое), и Заборовскій: «Гражд. право Цар. Польскаго,» стр. 26 и 34.

[191] Въ статьѣ Леонтовича («Кіевскія Унив. Изв.» Февр. 1865 г.) перечислены такія сходныя между собою статьи Вислицкаго Статута, Литовскаго Статута и Русской Правды (стр. 11).

Славянскихъ обычаяхъ, могла легко имѣть силу дѣйствующаго закона и у другихъ, по крайней мѣрѣ, сосѣднихъ Славянскихъ племенъ. Относительно Польши это подтверждается сходствомъ нѣкоторыхъ ея Статутовъ съ Русскою Правдою.

ГЛАВА IV.

Должно полагать, что въ древней Польшѣ, также какъ и въ Россіи, первоначально имущества мужа и жены составляли одно сплошное цѣлое. Личность жены не выказывалась изъ замкнутаго единства семейнаго союза, и имущество ея терялось въ общемъ составѣ семейной собственности. Но такой порядокъ существовалъ, вѣроятно, только въ языческой древности. Съ XI вѣка онъ ужь исчезаетъ вмѣстѣ съ патріярхальнымъ, родовымъ бытомъ. Съ того времени опредѣляется въ совершенной раздѣльности отъ имущества мужа имущество жены: тогда-то выступили, искони существовавшія въ обычаяхъ народа, учрежденія: приданаго, вѣна и оправы. Католическое Духовенство, заставъ у Поляковъ этѣ исконные обычаи, старалось ихъ развить и облагородить, припоравливая ихъ къ Римскимъ понятіямъ dotis и donatio ante nuptias. [192]

Но вполнѣ система имущественныхъ отношеній супруговъ въ Польшѣ развилась только уже въ XVI стол.; въ этой системѣ имущества супруговъ не сливаются въ одну безразличную массу, не составляютъ общей собственности, а, напротивъ, представляютъ отсутствіе всякаго сліянія, раздѣльность, развитую до мельчайшихъ подробностей. По этому полнѣйшая раздѣльность имуществъ супруговъ есть основное начало древняго Польскаго законодательства.

Общность имуществъ супруговъ существовала въ Польшѣ только въ тѣхъ городахъ, которые управлялись Нѣмецкимъ правомъ; земскому же праву она была совершенно чужда. Дворянство Польское считало ее не соотвѣтствующею потребностямъ своего сословія, и даже Шляхта Прусскихъ Воеводствъ, не смотря на

---

[192] См. Спасовича стр. 46–47.

укоренившійся тамъ обычай общности имуществъ супруговъ, предпочла въ концѣ XVI стол. принять Польское приданое, вѣно и отказы въ пожизненное владѣніе.[193] Но, повторяемъ, полная раздѣльность имуществъ супруговъ есть явленіе уже позднѣйшаго времени (XIV—XVI стол.). Въ отдаленной древности общность существовала не только въ нѣкоторыхъ городахъ, и въ нѣкоторыхъ областяхъ; ибо чѣмъ, на примѣръ, объяснить существовавшій во многихъ мѣстностяхъ древней Польши обычай,[194] по которому сыновья послѣ смерти матери получали отъ отца половину всего, какъ отцовскаго, такъ и материнскаго имущества, какъ не сліяніемъ имуществъ ихъ отца и матери во одно цѣлое? Если бы не было общности имуществъ супруговъ, то по смерти матери они получали бы только материнское имущество, между тѣмъ какъ имъ давалась половина всего принадлежащаго обоимъ супругамъ имущества.

Мы будемъ излагать имущественныя отношенія супруговъ преимущественно въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются намъ развитыми въ Вислицкомъ Статутѣ. При томъ, мы будемъ указывать, на сколько то или другое постановленіе его носитъ на себѣ Великопольскій, или Малопольскій, отпечатокъ. Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу на основаніи Литовскаго Статута (который, какъ извѣстно, изданъ былъ впервые при Сигизмундѣ I, въ 1529 году), мы не будемъ говорить отдѣльно, а будемъ только, въ видѣ примѣчаній, указывать на тѣ его особенности, какія онъ представляетъ въ томъ или другомъ отношеніи.

§ 1. Брачные договоры (contractus nuptiarum).

Невѣста, ея родители, или родственники, обыкновенно еще до брака заключали съ женихомъ договоръ. Договоромъ этѣмъ опредѣлялись имущественныя отношенія супруговъ. Вступающіе

---

[193] Голевинскій: «Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по законамъ, дѣйствующимъ въ Ц. Польскомъ». Диссертація на степень Магистра. Спб. 1861 г., стр. 36.

[194] См. статью Графа Стадницкаго: «Przegląd krytyczny rozporządzeń Statutu Wiślickiego», въ «Библіотекѣ Варшав.» за 1859 г. т. III, стр 615, 618 и 620

въ бракъ могли устраивать этѣ отношенія, какъ имъ было угодно: законодательство не постановляло здѣсь ни какихъ ограниченій; слѣдовательно, можно было заключать и такіе договоры, по которымъ бы всѣ имущества супруговъ сливались въ одно цѣлое и дѣлались ихъ общимъ достояніемъ. По этому, брачный договоръ могъ имѣть до нѣкоторой степени вліяніе и на наслѣдованіе сыновей послѣ смерти матери, такъ что они получали отъ отца или половину всего, т. е., какъ отцовскаго, такъ и материнскаго, имущества, или же только одно материнское, смотря по тому, какой заключенъ былъ брачный договоръ, т. е., смотря по тому, сливались ли вносимыя матерью имущества съ имуществами ея мужа, или же они оставались раздѣльными.

Въ брачномъ договорѣ означалось обыкновенно количество приданаго, которое невѣста приносила своему будущему мужу, и величина вѣна, т. е., той суммы, которую мужъ записывалъ женѣ въ своемъ имуществѣ. [195] Не рѣдко въ этомъ договорѣ супруги завѣщевали себѣ взаимно, на случай смерти, пожизненное пользованіе всѣми имуществами умершаго супруга. Это называлось dożywocie или zapis na przeżycie (inscriptio ad tempora vitae, advitalitium), пожизненная запись. [196] Иногда также въ брачномъ договорѣ содержалось отреченіе невѣсты въ пользу ея родственниковъ отъ всѣхъ тѣхъ имуществъ, которыя могли бы достаться ей по наслѣдству (это въ особенности бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда въ договорѣ помѣщался zapis na przeżycie). [197]

Опредѣленія (конституціи) сеймовъ не содержатъ въ себѣ почти ни какихъ постановленій относительно пожизненныхъ записей, но практика и судебныя рѣшенія развили ихъ теорію до тончайшихъ подробностей. Образецъ пожизненной записи находимъ въ спискѣ

---

[195] Бандтке стр. 464; Спасовича стр. 16, 48 и 51; Мацѣевскаго т. VI, № 170, стр. 234. (изд. 2-ое).

[196] См. Бандтке стр. 464; Спасовича стр. 37 и 58; см. также: «Bibliot. Warszaw.» за 1859 г., т. III, стр. 620.

[197] Спасовича стр. 3'. См. также Мацѣевскаго т. VI, № 170, стр. 234 (изд. 2-ое).

общеупотребительныхъ въ тѣ времена актовъ, изданномъ при Сигизмундѣ (I) Старомъ, для руководства трибуналамъ и судамъ. Въ немъ читаемъ: «Comparentes personaliter coram judicio, nobilis N. de N. et N. de N. conjuges, sani mente et corpore existentes, et usi amicorum consilio publice et per expressum recognoverunt; quia omnium bonorum suorum haereditariorum et obligatoriorum, mobilium et immobilium, quae nunc habent et in post habebunt, invicem et mutuo concesserunt sibi usumfructum ad tempora vitae .....» и т. д.[198] Изъ этого акта видно, что пожизненная запись могла простираться не только на всѣ наличныя имущества супруговъ, но даже и на всѣ будущія ихъ пріобрѣтенія.

Пожизненныя записи, по объему своего содержанія и вносимымъ въ оныя условіямъ, бывали: 1) полныя и неполныя (ususfructus totalis et partialis), смотря по тому, относились ли онѣ ко всему имуществу супруговъ, или же только къ извѣстной его части; 2) безусловныя и условныя (ususfructus purus et conditionalis), смотря по тому, постановлялись ли въ нихъ какія либо условія, или нѣтъ: не рѣдко, на пр., въ записи постановлялось, чтобы оставшійся супругъ не вступалъ въ новый бракъ, и если онъ вступитъ, то запись теряетъ свою силу.[199]

Пожизненныя записи, какъ и вообще брачные договоры, признавались имѣющими силу только тогда, когда онѣ записаны были въ Земскія актовыя книги. Брачные договоры не рѣдко обезпечивались съ обѣихъ сторонъ залогами и поручителями, число которыхъ бывало различно.

По Статуту Литовскому, родители, или родственники, выдавая невѣсту замужъ, должны были заключить съ зятемъ условіе, чтобы онъ напередъ отписалъ своей будущей женѣ на вѣно суму, равную ея приданому, или третью часть всего своего иму-

---

[198] «Volumina legum,» т. I, стр. 210: «Inscriptio inter conjuges ad tempora vitae.»

[199] Спасовича стр. 38—39.

щества, и утвердилъ это актомъ предъ Судомъ Земскимъ, или Гродскимъ.[200]

§ 2. Кто давалъ приданое?

Когда Поляки познакомились съ Латынью, тогда приданое (posag) стали называть Латинскимъ словомъ dos, или словомъ средневѣковой Латини dotalitium. Иногда называли его несвойственнымъ выраженіемъ вяно (wiano), по тому что между вяномъ и посагомъ, какъ это увидимъ ниже, была большая разница. Наконецъ, нѣкоторые законодательные памятники называютъ приданое dotatio.

Приданое давали дочерямъ родители, какъ отецъ, такъ и мать. Дочь, получившая отъ родителей приданое, не могла уже требовать ни чего болѣе послѣ ихъ смерти. Переводчики Польскихъ законовъ выражаются такъ: «na tém ma mieć dosyć, co iey oyciec i mać za żywota oprawili w posagu» (она должна довольствоваться тѣмъ, что дали ей въ приданое отецъ и мать при жизни своей). Иногда приданое назначалось отцомъ въ завѣщаніи.[201] Если родители не дали при жизни своей приданаго, то его обязаны были дать сыновья; а если таковыхъ не было, то другіе родственники; до вступленія же дочерей въ бракъ они должны были содержать ихъ и воспитывать.[202] Даже въ томъ случаѣ, когда братья сдѣлались несостоятельными и когда имѣніе, изъ котораго они должны были дать сестрамъ приданое, взято было за долги вѣрителями, эти послѣдніе обязаны были выплатить приданое тѣмъ замужнимъ сестрамъ, которыя его еще не получили, незамужнимъ же представить свободное проживаніе въ тѣхъ участкахъ, изъ которыхъ должно быть уплачено имъ приданое, если онѣ того пожелаютъ, или же уплачивать изъ нихъ извѣст-

---

200 «Statut Litewski,» 8-ое изд. 1819 года, раздѣлъ V, гл. I, § 1, стр. 190.

201 См. Мацѣевскаго т. VI, стр. 348 (изд. 1-ое).

202 См. Мацѣевскаго т. II, стр. 221 (изд. 1-ое), и т. III, стр. 33 (изд. 2-ое). См. также Спасовича стр. 51, 57, 66 и 67, и Раковецкаго: «Prawda Russka,» т. II, стр. 106, примѣч.

ные проценты; словомъ, давать соотвѣтственное содержаніе, а при выходѣ за мужъ приданое. [203]

Польское законодательство не говоритъ ни чего объ обязанности родителей давать своимъ дочерямъ приданое; вѣроятно, это вполнѣ зависѣло отъ ихъ воли; но если родители умерли и наслѣдство получали сыновья, то они обязаны были снабдить своихъ сестеръ приданымъ. Иногда также приданое давали старшія сестры младшимъ: это бывало въ томъ случаѣ, когда послѣ родителей не оставалось сыновей, и когда по этому родительское имущество переходило къ старшей дочери, на которую возлагалась вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность дать своимъ младшимъ сестрамъ приданое, а до выхода замужъ содержать ихъ. [204]

Вообще въ древней Польшѣ, какъ и въ древней Россіи, обязанность давать приданое лежала на тѣхъ лицахъ, которыя исключали дочерей отъ наслѣдованія въ отцовскомъ имуществѣ; а по тому необходимо сказать хоть въ общихъ чертахъ о наслѣдованіи дочерей въ древней Польшѣ.

Общее правило было сдѣсь то, что женщины устранялись отъ наслѣдства при родственникахъ мужскаго пола. Въ особенности же онѣ устранялись отъ наслѣдованія недвижимой собственности. Причина этому та, что съ владѣніемъ землею связана была обязанность защиты Государства, а женщины были неспособны къ ней. Эта обязанность была до такой степени укоренена, что, по свѣдѣтельству Длугоша, нельзя было дарить, или завѣщевать, церквамъ и духовенству своей собственной земли безъ позволенія Государя; ибо вслѣдствіе такихъ дареній уменьшалась бы военная служба. [205]

Мацѣевскій полагаетъ, что въ древнѣйшее время дочери не устранялись отъ наслѣдованія въ отцовскомъ имуществѣ; онѣ

---

[203] См. «Volumina legum,» т. II, стр. 25.

[204] Мацѣевскаго т. IV, стр. 347—348 (изд. 1-ое).

[205] См. Бандтке стр. 226.

даже получали доли равныя съ сыновьями; это устраненіе явилось только въ послѣдствіи, благодаря Нѣмецкому или, точнѣе, Саксонскому, вліянію, которому первые подпали Великополяне, какъ жившіе ближе къ Нѣмцамъ, чѣмъ другія Польскія племена. [206] Лелевель допускаетъ это относительно движимыхъ имуществъ; «но могли ли женщины, говоритъ онъ, наслѣдовать тогда и недвижимости, это весьма сомнительно.» [207] Какъ бы то ни было, мы весьма рано уже встрѣчаемъ извѣстія, что женщины устранялись отъ наслѣдованія, и что онѣ должны были довольствоваться даннымъ имъ приданымъ.

Относительно права наслѣдованія дочерей Великопольскіе и Малопольскіе Статуты содержатъ ве себѣ различныя постановленія. Большинство Великопольскихъ Статутовъ допускаютъ къ наслѣдованію отцовскаго имущества однихъ только сыновей, которые и обязаны были снабдить своихъ сестеръ приданымъ. Когда же сыновей не было, то во всѣхъ имуществахъ умершаго наслѣдовали не дочери, а proximiores, т. е., боковые родственники мужескаго пола; а если и таковыхъ не было, то одногербовцы («quilibet qui de iisdem armis et consanguineitate proximior extiterit in bonis haereditariis, seu patrimonialibus, succedere poterit»), которые также должны были выдать оставшимся дочерямъ приданое. [208]

Малопольскіе Статуты оказываются болѣе справедливыми по отношенію къ женщинамъ. На основаніи ихъ, когда не оставалось сыновей, наслѣдство получали дочери. Въ одномъ изъ нихъ говорится: «Si autem pater filios non habuerit, tantum filias, tunc filiabus omnes possessiones cedant paternae.» [209] Но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

[206] См. его: «Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian», ч. II, стр. 319—321.

[207] См. его: «Polska wieków średnich,» т. III, стр. 439—440 (изд. 1859 г.).

[208] Спасовича стр. 13 и 17; Мацѣевскаго: «Historya prawodawstw Słowiańskich», т. I, стр. 188 и 416 (изд. 2-ое), а также Лелевеля: «Polska wieków średnich,» т. III, стр. 61 и 240 (изд. 1851 г.).

[209] См. Hube: «Geschichtliche Darstellung der Erbfolgrechte der Slaven» Познань, 1836, стр. 71.

они предоставляютъ родственникамъ [210] умершаго право выкупа недвижимыхъ имуществъ, наслѣдованныхъ дочерьми, въ теченіе года, на основаніи оцѣнки, совершенной по совѣсти призванными для этаго Шляхтичами. Не выкупленныя въ теченіе года освобождались отъ дальнѣйшаго выкупа. [211]

Въ узаконенія, изданныя при Казимирѣ Великомъ, а именно, въ Вислицкій Статутъ, включены были какъ Малопольскіе законы, которые до извѣстной степени допускали наслѣдованіе дочерей, такъ и Великопольскія постановленія, которыя исключали ихъ отъ наслѣдованія. По Статуту Вислицкому наслѣдство переходило къ сыновьямъ, которые и обязаны были выдать своимъ сестрамъ приданое; если же сыновей не было, имущество наслѣдовали дочери, но двоюродные братья и даже дальнѣйшіе родственники не только по мечу, но и по гербу («de iisdem armis et signis»), имѣли право выкупить его въ теченіе года, [212] что почти равносильно совершенному устраненію дочерей отъ наслѣдства. Постановленіе это объясняется тѣмъ, что такъ какъ Шляхта не сочувствовала Казимиру за его расположеніе къ крестьянамъ, за которое и прозвали его «Królem chłopów» (Королемъ мужиковъ), то Казимиръ, желая расположить къ себѣ и Шляхту, старался распространить Великопольское постановленіе, по которому дочери исключались отъ наслѣдованія, чтобы такимъ образомъ поддержать знатность Дворянскихъ родовъ и возвысить ихъ значеніе. Но узаконенія Казимира Великаго о наслѣдованіи дочерей удержались не долго. Такъ

---

[210] Да и то не всѣмъ, а только двоюроднымъ братьямъ со стороны отца (ибо въ нихъ сказано: «et si fratres patrueles hujusmodi haereditates obtinere voluerint»); слѣдовательно, если таковыхъ не было, то наслѣдство оставалось во владѣніи дочерей.

[211] Спасовича стр. 18; Hube стр. 85; Лелевеля т. III, стр. 261 (изд. 1851 г.); Мацѣевскаго т. III, стр 33 (изд. 2-ое); Biblioteka Warsz. за 1859 г. т. III, стр. 622.

[212] Такимъ образомъ изъ всѣхъ Славянскихъ законодательствъ только Малопольсіке законы и древнее Сербское право признаютъ за дочерьми извѣстныя права на наслѣдованіе родительскаго имущества, между тѣмъ какъ Великопольское, Русское, Чешское и Угорское законодательства почти совершенно устраняютъ ихъ отъ онаго.

уже Вартенскій Статутъ 1420 г. постановилъ, что когда не будетъ сыновей, тогда родительское имущество наслѣдуютъ дочери съ неограниченною свободою: «omnimode facultatem et potestatem vendendi ea (haereditaria) bona.» И при томъ, родственники умершаго лишены были права выкупать таковыя имущества. Въ немъ даже говорится, что если бы родственники принудили дочерей, или ихъ мужей, отказаться отъ наслѣдованія недвижимой собственности и дали имъ приданое, состоящее только изъ движимостей, то договоры и условія такого рода должно считать недѣйствительными, и женщина во всякое время, когда ей заблагоразсудится, можетъ возвратиться во владѣніе недвижимостію. [213]

Въ Мазовіи дочери первоначально также не могли вовсе наслѣдовать и получали только приданое. Сдѣсь, вмѣсто наслѣдованія, существовали такія же выдачи приданаго, какъ и въ другихъ краяхъ Польскихъ; на это указываютъ Мазовецкія постановленія 1386 года и Варшавскій Статутъ 1414 г. [214] Но Сигизмундъ I, желая подчинить Мазовецкія земли общимъ законамъ Королевства, постановилъ: «statuimus et declaramus, perpetuis temporibus observardum: quod deinceps faeminae aut virgines in Ducatu nostro Mazoviae in eo casu, ubi masculi, videlicet, fratres germani, aut filii eorum, defecerint, in bona parentum suorum haereditaria omnia, uti verae haeredes succederent et haereditarent et quod deinceps a fratribus patruellibus nullatenus redimi possint.» [215]

Изъ сказаннаго видно, что первоначально въ Польшѣ дочери устранены были отъ наслѣдованія имуществъ, какого бы рода ни были этѣ имущества. Наслѣдство всегда переходило къ родственникамъ по мечу и даже по гербу, а не къ родственникамъ по кудели, какъ называли въ Польшѣ на Правительственномъ языкѣ, родственниковъ женскаго колѣна.

---

213 «Bibl. Warsz.» 1859 г. т. III, стр. 626.

214 См. Мацѣевскаго т. II, стр. 267 (изд. 1-ое), и т. VI, стр. 269 (изд. 2-ое). См. также: «Excepta y zwyczaje Wojewodztwa Mazowieckiego» во 2 т. «Vol. leg.,» стр. 172.

215 Hube стр. 93.

Позднѣйшіе Статуты допустили ихъ къ наслѣдованію въ купленныхъ и выслуженныхъ вотчинахъ (hereditates emptitiae, и deservitae vel ex Regia donatione obtentae), но не въ родовыхъ.[216] Такъ на прим., въ позднѣйшихъ спискахъ Петрковскаго Статута встрѣчаемъ постановленія, которыя дозволяютъ отцу дарить имущества только перваго рода, т. е., купленныя и выслуженныя («pater in vita sua filiabus suis potest bona empta, seu etiam ex regia donatione obtenta, assignare»).[217] Въ послѣдствіи дочери могли (разумѣется, въ томъ случаѣ, когда не было сыновей) наслѣдовать и родовыя вотчины отца, и даже послѣ смерти бездѣтныхъ братьевъ наслѣдство, оставшееся отъ нихъ, получали не родственники по мечу, какъ было прежде, а сестры, хотя бы онѣ и получили уже приданое, или хотя бы при жизни братьевъ отказались отъ такого наслѣдства.[218]

Что касается наслѣдованія въ материнскомъ имуществѣ, то уже съ самыхъ древнихъ временъ дочери получали въ немъ равныя доли съ сыновьями. Это прямо высказано въ Вартенскомъ статутѣ.[219]

Вотъ въ краткихъ словахъ порядокъ наслѣдованія дочерей въ древней Польшѣ:

Сыновья, наслѣдовавшіе отцовское имущество, должны были выдать приданое своимъ сестрамъ, въ теченіе года со дня вступленія ихъ въ бракъ.[220]

---

[216] Спасовича стр. 18; Hube стр. 82; Bibl. Warsz. 1859 г. т. III, стр. 623—624; Мацѣевскаго т. II, стр. 223 (изд. 1-ое).

[217] См. Hube стр. 82.

[218] Мацѣевскаго т. I, стр. 188—189 (изд. 2-ое).

[219] См. также «Statut Litewski,» изд. 1819 г., разд. V, гл. XIV, § I, стр. 199.

[220] Объ этомъ прямо говоритъ постановленіе Сейма 1588 года: «a taki posag, nadaley do roku po iściu za mąż, ma iey bydź przez bracią oddany.» Vol. legum, т. II, стр. 254. По Литовскому Статуту, если дочь, вышедши за мужъ, 10 лѣтъ не требовала отъ своихъ братьевъ, или наслѣдниковъ ихъ, приданаго, то она не могла уже требовать его по истеченіи сего срока. Stat Lit., разд. V, гл. IV, § 1.

Дочь, вышедшая за мужъ противъ воли родителей, или родственниковъ, лишалась приданаго. Это постановляютъ какъ Великопольскій и Малопольскій, такъ и Мазовецкій и Литовскій Статуты. [221] Но, разумѣется, если она увезена была насильно, то, какъ не виновная, не лишалась приданаго. При томъ, въ Мазовецкихъ Статутахъ 1386 и 1421 гг. говорится еще, что родители, или родственники, похищенной невѣсты могутъ погнаться за похитителемъ и, догнавъ его, тутъ же на мѣстѣ убить. И далѣе тѣ же Статуты постановляютъ, что если бы кто похитилъ женщину, и выдалъ ее за своего родственника, или друга, противъ ея воли, то онъ обязанъ былъ дать ей приданое, какое ей досталось бы изъ родительскаго имущества, послѣднее же приданое раздѣлялось между родственниками похищенной.

Наконецъ, нужно замѣтить, что если бы родственники, или опекуны, желая удержать за собою дольше недвижимое имущество, медлили, или не хотѣли, выдать замужъ, состоящую подъ ихъ опекою, дѣвицу, или же не хорошо обращались съ нею, въ такомъ случаѣ она могла вступить въ бракъ и безъ ихъ согласія, а судъ, на основаніи своей власти, выдѣлялъ изъ этого имущества слѣдующее ей приданое. И того случая, говоритъ прямо Вартенскій Статутъ 1420 г., нельзя вовсе подводить подъ тѣ случаи, когда женщина выходитъ замужъ безъ согласія своихъ родственниковъ, или опекуновъ и, въ слѣдствіе этого, лишается приданаго. [222]

§ 3. Что давалось въ приданое?

Въ приданое давались какъ движимыя имущества, такъ и недвижимыя; но въ древнѣйшее время оно, вѣроятно, состояло

---

[221] См. сводъ законовъ, составленный нѣкоимъ Вавржинцомъ (Лаврентіемъ) изъ Прашмова при Сигизмундѣ I въ 1531 г. Онъ помѣщенъ у Мацѣевскаго въ VI т., стр. 238 (изд. 2-ое).

[222] По Литовскому Статуту, похититель, кромѣ того, что наказывался смертію, лишался еще $^1/_3$ всего имущества въ пользу похищенной. Разд. XI, гл. XIII, § 1.

изъ однѣхъ только движимостей, такъ какъ женщины не допускались тогда къ владѣнію землею.

Великопольскіе Статуты дозволяютъ назначать въ приданое только движимости и деньги, между тѣмъ какъ Малопольскіе дозволяютъ давать и землю, если только на это послѣдовало согласіе Короля.[223]

При Казимирѣ Великомъ было постановлено, что дочери могутъ получать въ приданое только движимости (gotowizna); но это узаконеніе удержалось не долго; ибо уже на Вартенскомъ Сеймѣ 1420 г. было опредѣлено, что въ приданое можно давать всякаго рода имущества, какъ движимыя, такъ и недвижимыя.[224]

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что еще и до Вартенскаго Статута, въ нѣкоторыхъ краяхъ Польши могли быть назначаемы въ приданое и недвижимыя имущества, но только выслуженныя и купленныя (ex regia donatione obtentae et emptitiae), а не родовыя.[225] Вартенскій же Статутъ дозволилъ давать въ приданое не только купли и выслуги, но даже и родовыя вотчины.

Когда въ приданое назначались движимости, то достаточно было дать оныя въ присутствіи родственниковъ, или друзей (amicorum); когда же недвижимыя, то въ присутствіи Земскаго Суда, а слѣдовательно, съ наблюденіемъ всѣхъ формальностей, какія необходимы были для отчужденія недвижимыхъ имуществъ.

§ 4. Величина приданаго.

Величина приданаго зависѣла отъ усмотрѣнія родителей, или, точнѣе говоря, отъ усмотрѣнія отца. Отецъ могъ, и, вѣроятно, не рѣдко опредѣлялъ въ своемъ завѣщаніи количество приданаго, которое наслѣдники его должны были выдать его дочери. Слѣ-

---

[223] См. также сводъ Вавржинца изъ Пражмова у Мацѣевскаго т. VI, стр. 289 (изд. 2-е).

[224] «Bibl. Warsz.» 1858 г. т. III, стр. 622 и 632.

[225] См. статью Гр. Станицкаго въ Библіотекѣ Варш. 1859 г. т. III, стр. 624 и 627.

довательно, вопросъ выступаетъ главнымъ образомъ тогда, когда отецъ умиралъ, не опредѣливъ величины приданаго.

Малопольскіе Статуты не говорятъ ни чего о величинѣ приданаго, между тѣмъ какъ Великопольскіе постановляютъ, что наслѣдники умершаго должны выдать его дочери, выходящей замужъ, 100 гривенъ, [226] если она была дочь Воеводы, или 40 гривенъ, если была дочь просто Шляхтича, рыцаря (militis). [227]

Въ статутѣ Казимира Великаго говорится, [228] что дочь должна довольствоваться тѣмъ, что назначали ей въ приданое родители, при жизни своей, или въ завѣщаніи («plura a fratribus repetere non poterit»); если же величина приданаго не будетъ опредѣлена завѣщаніемъ отца, то сыновья, наслѣдники его, должны дать въ приданое своимъ сестрамъ, выходящимъ замужъ, столько, сколько получили тѣ изъ нихъ, которыя вышли замужъ еще при жизни отца и которымъ онъ самъ назначилъ тогда приданое. Если же таковыхъ сестеръ не было, а наслѣдство осталось большое, то братья, или другіе родственники, когда выходящая замужъ была дочь Воеводы, должны были дать ей въ приданое 100 гривенъ; когда же она была дочерью лица ниже Воеводы, то только 40 гривенъ. Если же вотчинъ осталось мало, а дочерей много, тогда должно оцѣнить вотчины, и дать каждой изъ нихъ надлежащую часть. [229] Но какъ велика была эта часть, не извѣстно. Мацѣевскій (т. III, стр. 33—34, изд. 2-ое) дѣлаетъ по этому поводу нѣкоторыя предположенія, но за ними едва ли можно признать достаточное основаніе.

---

[226] Гривна Польская заключала въ себѣ 48 грошей; въ послѣдствіи она равнялась 36 и даже 60 грошамъ или копѣ.

[227] См. Спасовича стр. 20; Лелевеля т. III, стр. 272 (изд. 1851 г.); Мацѣевскаго. т. II, стр. 221 (изд. 1-ое).

[228] См. «Vol. leg.» т. I, стр. 19—20: «De filia vivente patre dotata.»

[229] «Ubi vero possessiones paucae et filiae multae, vel una, haereditatis fiat aestimatio in valore, et pars contingens cuilibet sorori per fratrem dotis pecunia persolvatur,» сказано въ Вислицкомъ Статутѣ.

По постановленію 1558 г., въ томъ случаѣ, когда отецъ не назначилъ въ завѣщаніи приданаго, и когда не было такой дочери, которая бы вышла замужъ при жизни его, наслѣдники должны были назначить приданое по совѣсти, пригласивъ для совѣта 2-хъ ближайшихъ родственниковъ по мечу (т. е., родственниковъ со стороны отца) и двухъ по кудели (т. е., родственниковъ со стороны матери). [229]

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши при Сигизмундахъ, и даже ранѣе, существовалъ еще обычай, что всѣ дочери вмѣстѣ получали въ приданое четвертую часть изъ всего оставшагося послѣ отца имущества (quarta puellaris). [230] Правило это не было, однако, опредѣлено закономъ, а существовало только въ обычаѣ.

Стутутъ Литовскій представляетъ ту особенность, что сыновья, наслѣдники отцовскаго имущества, обязаны были отдѣлить на приданое сестрамъ четвертую часть изъ всего отцовскаго имѣнія, какъ купленнаго, такъ и родоваго, и раздѣлить ее по ровну между незамужнихъ сестеръ. Но если бы доля незамужней сестры изъ четвертой части наслѣдства была больше того, что было дано за сестрою, выданною замужъ при жизни отца, то предоставлялось на волю братьевъ, или дать каждой изъ незамужнихъ сестеръ столько, сколько получила сестра, вышедшая замужъ при жизни отца, или же раздѣлить между ними четвертую часть отцовскаго наслѣдства. [231]

§ 5. Вѣно, привѣнокъ и оправа.

Въ Польшѣ съ древнѣйшаго времени существовалъ обычай, [232] который потомъ опредѣленъ былъ и закономъ, что мужъ,

[229] См. «Vol. legum,» т. II, стр. 254: O posażeniu sióstr: «bracia......byli powinni według rady y zdania powinnych bliższych dwu po oycu a dwu po matce, naznaczyć posagi według zdania y sumnienia swego.»

[230] Бандтке считаетъ этотъ обычай заимствованнымъ изъ Угріи. См. его: «Hystorya prawa Polskiego,» стр. 691.

[231] «Statut Litewski», разд. V, гл. III, § 2.

[232] Объ немъ упоминаютъ уже извѣстія XIII ст. Такъ Мешко, Князь Опольскій,

въ замѣнъ полученнаго имъ приданаго, записывалъ женѣ вѣно (dotalitium), т. е., извѣстную сумму денегъ, которую и обезпечивалъ своимъ имуществомъ.

Величина вѣна бывала всегда болѣе величины приданаго, такъ какъ оно состояло: изъ 1) вѣна въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., суммы, равной приданому, [233] и 2) привѣнка [234] суммы, которую мужъ записывалъ женѣ сверхъ приданаго. Какъ вѣно, такъ и привѣнокъ, онъ обезпечивалъ извѣстною частью своего имущества. Такое обезпеченіе называлось Польскимъ словомъ оправою, или Латинскимъ реформаціею. Понятно, что оправа могла быть только тогда, когда жена приносила приданое: она была какъ бы слѣдствіемъ приданаго.

Древніе Польскіе памятники, писанные по Латыни, называютъ вѣно то dotalitium, то donatio propter nuptias, то просто donatio. Такъ, лѣтописецъ Кадлубекъ (Краковскій Епископъ, умершій въ 1204 г.) и лѣтописецъ Матвѣй Холева употребляютъ для означенія вѣна слово donatio propter nuptias. Въ Вислицкомъ Статутѣ оно называется то donatio, то dotalitium. Съ XV стол. эта запутанность въ терминологіи исчезаетъ, и вѣно почти вездѣ называютъ dotalitium.

Нѣкоторые ученые, на пр., Чацкій, считали вѣно учрежденіемъ не Славянскимъ, а заимствованнымъ у Нѣмцевъ. «Но если бы вѣно, замѣчаетъ по этому поводу Лелевель, было заимствовано изъ Нѣмецкаго права, тогда бы и для названія его употреблялось вездѣ одно и то же слово и, вѣроятно, то, которымъ оно называлось у Нѣмцевъ. Между тѣмъ именно эта сбивчивость

женившись на дочери Конрада, Князя Мазовецкаго, записалъ ей на вѣно 50 гривенъ.

[233] Вѣно въ тѣсномъ смыслѣ можно назвать contrados.

[234] Теперешніе ученые, для отличія отъ dotalitium, называютъ его superdotalitium; но въ памятникахъ, сколько намъ извѣстно, это слово не встрѣчается.

терминологіи указываетъ на то, что Поляки хотѣли свое туземное учрежденіе и названіе вѣно обозначить Латинскимъ словомъ, но, не находя для него соотвѣтствующаго выраженія и не понимая хорошо значенія слова dotalitium, употребляли его и въ смыслѣ вѣна, и въ смыслѣ приданаго, чего бы но могло быть, если бы само учрежденіе заимствовано было отъ Нѣмцевъ, по тому что тогда слово dotalitium вездѣ и постоянно употреблялось бы въ одномъ опредѣленномъ значеніи.»[235] Прежніе писатели, а иногда и само законодательство, смѣшивали не рѣдко вѣно съ привѣнкомъ, и употребляли этѣ слова безразлично, въ то время, когда этѣми словами выражаются два совершенно различныя понятія. Вѣномъ (разумѣется, въ тѣсномъ смыслѣ, ибо въ обширномъ оно обнимало собою и привѣнокъ), какъ мы сказали уже, называлась сумма, равная стоимости приданаго, записываемая женѣ мужемъ для обезпеченія этого приданаго, а привѣнкомъ (przywianek) называлось то, что мужъ записывалъ женѣ сверхъ приданаго, какъ бы даръ. Чацкій считаетъ привѣнокъ значащимъ то же самое, что Нѣмецкое Morgengabe. По нашему мнѣнію, Morgengabe можно скорѣе уподобить тому, что называлось въ Польшѣ donum nuptiale, брачнымъ даромъ (о которомъ скажемъ ниже), но ужь ни какъ не привѣнокъ. А Польскій писатель, Качковскій, употребляетъ слова привѣновъ и crinile безразлично,[236] между тѣмъ какъ привѣнокъ могъ быть только тогда, когда существовала оправа, а crinile, какъ это увидимъ ниже, являлось именно въ томъ случаѣ, когда ея не было.

И такъ вѣно состояло изъ извѣстной денежной суммы, которую мужъ записывалъ женѣ, въ обезпеченіе ея, на случай своей смерти, и неприкосновенность которой онъ обезпечивалъ извѣстными частями своего, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, имущества[237] Чаще всего, однако, вѣно обезпечивалось недви-

---

[235] См. его «Polska wieków średnich,» т. III, стр. 59 (изд. 1851 г.).

[236] См. его статью: «Kobieta, studyum historyczno-obyczajowe,» помѣщенную въ «Bibl. Warsz.» за 1860 г., т. III, стр. 373.

[237] См. Мацѣевскій т. II, стр. 201 (изд. 1-ое) и т. VI, стр. 91 (изд. 2-ое). См. также «Bibl. Warsz.» за 1859 г. т. III, стр. 619.

жимымъ имуществомъ. Такое укрѣпленіе за женою вѣна называлось, какъ мы замѣтили уже выше, оправою или реформаціею. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе оправы, для жены являлось право обезпеченія (гипотеки) на извѣстныя части имущества мужа.

Величина вѣна въ тѣсномъ смыслѣ зависѣла отъ величины приданаго, ибо первое было всегда равно второму. Это равенство приданаго и вѣна указываетъ на сходство этого учрежденія съ Римскимъ dos и donatio propter nuptias, которыя также находились всегда въ постоянномъ соотвѣтствіи. Что касается до величины привѣнка, то онъ не рѣдко также равнялся приданому. На это указываютъ многія историческія свѣдѣтельства; такъ, Сигизмундъ (III) Ваза, въ 1609 г., по соглашенію съ народными представителями, назначилъ своей супругѣ, Констанціи, 50,000 злотыхъ вѣна и столько же на привѣнокъ. [238] Равнымъ образомъ Владиславъ IV, въ 1638 г., записалъ супругѣ своей, Цециліи, 100 тысячъ вѣна и 100 тысячъ привѣнка, [239] столько же онъ назначилъ и второй супругѣ своей, Маріи-Людовикѣ. [240]

Оправа считалась имѣющею силу тогда только, когда была совершена формальнымъ порядкомъ; [241] по этому оправленныя имѣнія должны были быть записанными въ Земскія актовыя книги; [242] если же этого не было сдѣлано, то жена по смерти

---

[238] «Oprawę Królowey, Jey Mości, Małżonki Naszej, konstytucyą tą, za radą PP. Rad Naszych y pozwoleniem Posłów ziemskich oboyga narodu, 50000 złotych wiana, a drugą 50000 złotych przywianku na dobrach niżey mianowanych....» Vol. leg. т. II, стр. 465.

[239] См. «Vol. leg.» т. III, стр. 439.

[240] См. тамъ же. т. IV, стр. 46, и т. V, стр. 31 и 269.

[241] На оффиціальность совершенія ея указываютъ уже весьма древніе ортели (судебныя рѣшенія). Нѣкоторые изъ нихъ помѣщены у Мацѣевскаго въ т. VI; см. стр. 131 и 237.

[242] То же требовалось и въ Литвѣ. См. «Statut Litewski,» разд. V, гл. I, § 1—3.

мужа и не могла даже требовать обратно своего приданаго; ибо въ такомъ случаѣ оно совершенно терялось въ имуществѣ мужа, сливалось съ нимъ и становилось уже не собственностію жены, а собственностію мужа. Въ Статутѣ Іоанна Альбрехта, 1496 г., прямо сказано: «...... statuimus, quod a modo dos, quae non fuerit coram Nobis, aut in libris seu actis inscripta, alias juxta juris ordinem, transponi non debeat et antiqua consuetudo reformata nullius debet esse valoris et momenti.» [243]

Изъ всего сказаннаго ясно, что Польское вѣно имѣло иное значеніе, чѣмъ вѣно, существовавшее и въ древней Россіи. Въ послѣдней вѣно означало сперва плату, выкупъ за невѣсту; потомъ даръ, дѣлаемый женихомъ невѣстѣ, и наконецъ, такъ называли не рѣдко приданое; между тѣмъ Польское вѣно (въ особенности въ томъ смыслѣ, что оно означало въ позднѣйшее время) было учрежденіемъ, предохраняющимъ жену отъ нарушеній и послѣдствій худаго управленія мужа ея приданымъ и обезпечивающимъ ея будущность по прекращеніи брака.

§ 6. Брачный даръ (donum nuptiale, dos nuptialis).

Кромѣ вѣна, записываемаго женѣ, мужъ не рѣдко дѣлалъ ей еще извѣстные подарки на другой день послѣ свадьбы. Юридической обязанности давать такіе подарки не было, но между Польскою Шляхтою обычай этотъ былъ распространенъ почти повсемѣстно. [244] Хотя въ Статутахъ мы не находимъ ни одной статьи, которая бы говорила о подобной обязанности мужа, какъ это говорится, на примѣръ, объ обязанности его оправлять женино приданое, но что такіе дары были въ обыкновеніи, на это есть много историческихъ указаній.

---

[243] «Vol. legum,» t. I, стр. 127: «De dotibus non inscriptis.»

[244] Спасовича стр. 16 и 34. См. также Бандтке стр. 594.

Подарки этѣ состояли въ разнаго рода вещахъ, деньгахъ, и не рѣдко бывали довольно значительные. Они поступали въ собственность жены и состояли въ полномъ ея распоряженіи.

Съ Сигизмунда Вазы Королевамъ Польскимъ, вмѣсто прежняго дара, состоящаго изъ денегъ и драгоцѣнностей, стали назначать извѣстные ежегодные доходы. Такъ, въ постановленіи 1609 г. объ оправѣ супруги Сигизмунда Вазы говорится: «A przy tym, wedle zwyczaju dawnego, donum nuptiale złotych czerwonych dwa tusięcy we złocie, J. K. M. z żup Krakowskich ma bydź w rok dawane do żywota jey K. M.» (кромѣ сего, согласно древнему обычаю, будетъ даваемо Ея Кор. Вел. ежегодно donum nuptiale по 2000 червонцевъ изъ Краковскихъ соляныхъ копей, до самой смерти Ея Кор. Величества). [245]

Этотъ dos nuptialis, какъ видимъ, имѣлъ большое сходство съ Нѣмецкимъ Morgengabe; онъ также есть не что иное, какъ подарокъ, который мужъ дѣлалъ женѣ послѣ первой, проведенной съ нею, ночи.

§ 7. **Права супруговъ на собственное имущество каждаго изъ нихъ во время брака.**

Отъ мужа никогда не требовалось согласія жены на распоряженіе его имуществомъ. [246] Въ древнѣйшія времена только когда недвижимое имущество считалось принадлежащимъ не одному лицу, а цѣлому семейству, онъ спрашивалъ согласія своихъ дѣтей, [247] или другихъ родственниковъ; [248] но чтобы мужъ, отчуж-

---

[245] «Vol. leg.» т. II, стр. 465. См. также т. III, стр. 439; т. IV, стр. 46; т. V, стр. 31 и 269.

[246] Впрочемъ, Спасовичъ говоритъ, что оно иногда требовалось. См. стр. 10.

[247] Такъ, на пр., нѣкто Зиро подарилъ около 1178 г. Мѣховскому монастырю двѣ свои деревни: Кіе и Самогостъ, съ согласія своего сына, Отона. См. Hube стр. 56.

[248] Въ XIII стол. нѣкій Вержго записалъ, «pro remedio animae suae,» свое имѣніе Мѣховскому монастырю, съ согласія своего брата и племянника. См. Hube стр. 57.

дая свое имущество, спрашивалъ предварительно согласія своей жены, на это нѣтъ ни одного историческаго указанія.

Въ послѣдствіи мужъ былъ ограниченъ въ правѣ распоряженія тѣми изъ своихъ недвижимыхъ имуществъ, которыми было оправлено вѣно жены: онъ не могъ отчуждать таковыхъ безъ ея согласія. [249]

Что касается до жены, то она во время брака могла имѣть, кромѣ приданаго, еще и свое отдѣльное имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое; таковымъ имуществомъ, которое называлось wypvawa (parapherпalia), она владѣла на правахъ полной собственности, но въ распоряженіи имъ во время брака была нѣсколько ограничена. Она могла продать его, заложить, или инымъ образомъ распорядиться, но для этого требовалось согласіе мужа. [250] Въ дѣлахъ по такимъ имуществамъ жена могла искать предъ судомъ, но только въ сопровожденіи мужа (assistentia maritalis). [251] Въ особенности, кажется, это содѣйствіе мужа необходимо было тогда, когда она совершала какія ни будь юридическія дѣйствія по отношенію къ своему недвижимому имуществу.

§ 8. Права мужа и жены на приданое во время брака.

Хотя приданое на время брака поступало къ мужу, но право собственности на него оставалось за женою, въ особенности это можно сказать о томъ случаѣ, когда оно состояло изъ недвижимостей. Что жена считалась собственницею приданаго, на это указываетъ то обстоятельство, что послѣ смерти жены оно возвращалось въ ея родъ, къ законнымъ наслѣдникамъ.

---

[249] На это указываетъ одна изъ статей Мазовецкихъ обычаевъ, утвержденныхъ Сеймомъ 1576 г. См. «Vol legum,» т. II, стр. 176.

[250] Мацѣевскаго т. II, стр. 219—220 (изд. 1-ое). и т. III, стр. 31 (изд. 2-ое). См. также Сводъ Статутовъ Вавржинца изъ Пражмова у Мацѣевскаго въ VI т., стр. 235 (изд. 2-ое).

[251] Спасовича стр. 36 и 71.

Что касается правъ мужа на приданое, то онъ пользовался доходами отъ него и управлялъ имъ до тѣхъ поръ, пока существовалъ брачный союзъ [252] Но отчуждать приданое по своему произволу онъ не могъ, особенно, если оно состояло изъ недвижимостей; ибо если приданое состояло изъ движимаго имущества, тогда оно, собственно говоря, сливалось съ имуществами мужа и дѣлалось его собственностію, а жена имѣла только право на сумму, равную приданому, т. е., на сумму, въ которую оно обезпечено было имуществами мужа. Не такъ было съ недвижимымъ приданымъ. Мужъ не могъ распоряжаться имъ безъ соизволенія своей жены. Иногда, и при томъ въ древнѣйшее время, для отчужденія такого приданаго требовалось согласіе не только одной жены, но и сыновей [253] и даже родственниковъ жены. [254]

§ 9. Права мужа и жены по отношенію къ вѣну и о правѣ во время брака.

Во время существованія брака вѣно состояло въ пользованіи мужа, т. е., доходы отъ оправленныхъ имѣній получалъ мужъ, а не жена, но права распоряженія его, по отношенію къ этѣмъ имѣніямъ, были ограничены. Онъ могъ распоряжаться ими (продать, заложить, дарить) только съ согласія жены. Такъ, Конрадъ, Князь Мазовецкій, дѣлая даренія изъ женина вѣна (dotalitium), присовокупляетъ, что онъ дѣлаетъ это съ соизволенія своей жены. [255] Если жена соглашалась па продажу оправленныхъ имѣній въ то время, когда у мужа ея не оставалось уже ни какихъ болѣе, т. е., ни обремененныхъ, ни не обремененныхъ оправою имѣній, въ такомъ случаѣ она теряла свое вѣно; если же таковыя были, то, не смотря на то, что продажа оправленныхъ имѣній была сдѣлана съ согласія жены, вѣно ея обезпечи-

---

[252] Это прямо высказано въ Вислицкомъ Статутѣ.

[253] См. Мацѣевскаго т. II, стр. 220 (изд. 1-ое).

[254] См. его же т. IV, стр. 350 (изд. 1-ое).

[255] См. его же т. II, стр. 220, примѣч. 269 (изд. 1-ое).

валось остальнымъ свободнымъ имуществомъ мужа на такую сумму, на какую продано было оправленныхъ имѣній. [256] То же самое было и въ случаѣ залога оправленныхъ имѣній. И если мужъ продалъ, или заложилъ, вѣно жены безъ ея согласія, тогда жена могла объявить, что она не признаетъ таковыхъ юридическихъ дѣйствій по отношенію къ оправленному имѣнію, и дѣйствія этѣ считались недѣйствительными. [257]

Имѣнія, обремененныя оправою, не подлежали какого бы то ни было рода экзекуціи; они не подвергались взысканіямъ за долги и преступленія мужа. По этому, если бы мужъ надѣлалъ долговъ, и у него не было ни какого другого имѣнія, кромѣ обремененнаго оправою, въ такомъ случаѣ заимодавцы не могли обратить своихъ взысканій на это имѣніе. [258] То же самое было и тогда, если бы имущество мужа слѣдовало подвергнуть конфискаціи за совершенное имъ преступленіе; имѣнія, которыми было оправлено вѣно жены, не подвергались конфискаціи; даже жена измѣнника оставляема была въ обладаніи всею ея оправою. [259] Она не могла быть лишена оной и тогда, когда скрывала, или давала у себя убѣжище своему мужу-преступнику. [260]

По Литовскому Статуту оправленныя имѣнія можно было подвергнуть взысканію за долги, или обратить на удовлетвореніе

---

[256] См. «Vol. legum,» т. II, стр. 176: «O umnieyszeniu wian». См. также Мацѣевскаго. т. VI, стр. 239, № 183 (изд. 2-ое).

[257] Въ Чехіи для этого назначался срокъ 3 года и 6 недѣль, и если бы жена въ теченіе этого срока не заявляла своихъ правъ, тогда дѣйствія мужа признавались законными. Что-то подобное было и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Польши. См. Мацѣевскаго т. VI, стр. 237—238, № 180 (изд. 2-ое).

[258] Это правило было опредѣлено Краковскимъ Сеймомъ 1523 г. (Vol. leg. т. I, стр. 205), и подтверждено Сеймовымъ постановленіемъ 1588 года (Vol. leg. т. II, стр. 257).

[259] Бандтке стр. 463—464.

[260] См. Спасовича стр. 29 и 52.

другихъ, объявленныхъ противъ мужа, взысканій только тогда, когда у мужа были еще другія имѣнія, которыми можно было оправить вѣно жены; если же таковыхъ не было, то оправленныя имѣнія оставались неприкосновенными, а взысканіе обращалось на движимое имущество мужа, а если таковаго не было, то на его лицо. [261] При томъ, Литовскій Статутъ считаетъ недостаточнымъ даже письменное изъявленіе согласія жены на отчужденіе оправленнаго имѣнія, а требуетъ, чтобы она сама лично явилась въ Судъ и объявила о таковомъ ея согласіи. [262]

§ 10. Дареція и разнаго рода сдѣлки между супругами. Супруги во время брака могли дарить себя взаимно. Законодательство Польское не постановляетъ въ этомъ отношеніи почти никакихъ ограниченій.

Мужъ могъ дарить женѣ какъ движимое имущество, такъ и недвижимое; [263] разумѣется, что мы говоримъ сдѣсь о томъ времени, когда онъ не былъ уже ограниченъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ ни своими сыновьями, ни другими родственниками. Такіе дары мужа женѣ поступали въ полную ея собственность, и послѣ смерти мужа ни кто изъ его наслѣдниковъ не могъ изъявлять на нихъ какое бы то ни было притязаніе. [264] Это было высказано уже въ Вислицкомъ Статутѣ. [265]

Въ Польшѣ случалось иногда, что отецъ, желая уравнить доли дочерей съ долями сыновей, дарилъ извѣстную часть своего имѣнія женѣ, которое, сдѣлавшись, такимъ образомъ, имуществомъ материнскимъ, дѣлилось между дочерьми и сыновьями

---

[261] «Statut Lit.» разд. V, гл. XVIII, § 1 и 2.

[262] Тамъ же. разд. V, гл. XVII, § 1.

[263] См. одинъ изъ ортелей XIV в. у Мацѣевскаго въ VI томѣ, стр. 91 (изд. 2-ое),

[264] См. Мацѣевскаго т. VI, стр. 55. LXXIX, (изд. 2-ое).

[265] Нѣкоторые Короли Польскіе дарили своимъ супругамъ доходы отъ тѣхъ или другихъ Государственныхъ имуществъ. См. «Vol. leg.» т. II, стр. 130 и 176.

по ровну.[266] Такимъ образомъ, сдѣсь подъ видомъ даренія совершалось измѣненіе въ порядкѣ наслѣдованія нисходящей линіи, опредѣленномъ закономъ. Жена также могла совершать даренія въ пользу своего мужа, но иногда, для дѣйствительности такого даренія, нужно было согласіе ея родственниковъ; такъ, на пр., въ одномъ изъ обычаевъ Краковской земли, утвержденныхъ Королемъ Александромъ въ 1305 году въ Радомѣ, говорится: «item uxor marito nihil inscribat sine consensu amicorum, et si inscribit, illud nullius roboris sit.»[267]

Супруги могли заключать между собою разнаго рода сдѣлки, вступать въ договоры и обязательства, точно такъ какъ бы они были лица совершенно другъ для друга посторонніи; слѣдовательно, они могли продавать другъ другу свои имущества, мѣнять, закладывать, дѣлать займы и т. п. Какъ мужъ, такъ и жена могли посредствомъ договоровъ отказывать себѣ взаимно, на случай смерти, всѣ свои имущества въ пожизненное пользованіе, даже и въ томъ случаѣ, если бы не оставалось дѣтей. Это, какъ мы знаемъ уже, называлось dożywocie, zapis na przeżycie (advitalitium, jus advitalitium mutum). Такіе договоры были весьма распространены въ древней Польшѣ.[268]

Бездѣтная жена могла записать мужу свое приданое; впрочемъ, для этого иногда, въ особенности въ древнѣйшее время, требовалось согласіе ея родственниковъ.[269]

Вообще всякаго рода договоры между супругами для того, чтобы они считались имѣющими силу, должны были быть заключены формальнымъ порядкомъ, т. е., они должны были быть записаны

---

[266] Спасовича стр. 37.

[267] «Vol. legum» т. I, стр. 148 «De inscriptione uxoris.» То же находимъ въ Сводѣ Вавржинца изъ Пражмова. См. Мацѣевскаго т. VI, стр. 235—236 (изд. 2-ое).

[268] См. также «Statut Litewski,» разд. V, гл. II, § 3, и гл. XVI, § 3.

[269] Мацѣевскаго т. VI, стр. 351 (изд. 1-ое).

въ актовыя книги того Земскаго Суда, гдѣ жили супруги, или гдѣ находилось ихъ имущество.

§ 10. **Отвѣтственность одного супруга за долги другого.** Одинъ супругъ не обязанъ былъ отвѣчать за долги другого, а каждый изъ нихъ отвѣчалъ за свои долги самъ. Онъ отвѣчалъ развѣ только въ такомъ случаѣ за долги супруга, если поручился за него формальнымъ образомъ.

На приданое и вѣно вѣрители мужа не имѣли права обращать свои взысканія. Это высказано въ постановленіи 1558 года.[270] Но нѣкоторые Мазовецкіе Статуты дозволяютъ вѣрителямъ взять половину вѣна жены за долги мужа, сдѣланные имъ до записанія вѣна.[271]

Супругъ обязанъ былъ отвѣчать за всѣ долги другого тогда только, когда онъ записалъ другому супругу все свое имущество въ пожизненное пользованіе послѣ своей смерти. И если бы такой супругъ не хотѣлъ платить долговъ умершаго супруга, то долженъ былъ отказаться отъ токого пожизненнаго владѣнія.

§ 12. **Судьба приданаго по прекращеніи брака.** При прекращеніи брака смертію жены могло быть два случая: 1, когда оставались отъ нея дѣти, и 2, когда ихъ не оставалось.

1-ый случай. Такъ какъ приданое составляло собственность жены, то по смерти ея оно дѣлалось собственностію ея дѣтей, но владѣніе и пользованіе онымъ принадлежало оставшемуся отцу до тѣхъ поръ, пока онъ не вступалъ въ бракъ; ибо въ такомъ случаѣ долженъ былъ отдать его сейчасъ же дѣтямъ.[272]

2-ой случай. Если дѣтей не оставалось, то приданое возвращалось тѣмъ, кто далъ оное, или же ближайшимъ наслѣдникамъ

---

270 «Vol. legum» т. II, стр. 257.

271 См. Мацѣевскаго т. IV, стр. 354 (изд. 1-ое). См. также т. VI, стр. 236—237 (изд. 2-ое).

272 Это прямо высказано въ Вартенскомъ Статутѣ 1420 г. См. «Vol. leg,» т. I, стр. 32.

умершей жены; это видно изъ Статута Короля Александра, изданнаго въ Радомѣ 1505 г. «....... quod vivente marito praemortuae uxoris consanguineis solutionem dotis petentibus.......» [273] Но мужъ могъ владѣть и пользоваться приданымъ жены пожизненно, даже и послѣ бездѣтно умершей жены, если она сдѣлала въ пользу его пожизненную запись.

Сдѣсь рѣчь была все о томъ случаѣ, когда приданое жены было оправлено; ибо къ возвращенію dos non inscripta нельзя было принудить оставшагося мужа, и такое приданое могло совершенно пропасть для родственниковъ жены. [274]

Когда бракъ прекращался смертію мужа, тогда приданое возвращалось женѣ, все равно, были ли у нея дѣти, или нѣтъ. Это высказано прямо въ Вислицкомъ Статутѣ, а также въ Статутѣ Владислава Ягайла 1420 г.: «Statuimus, говоритъ этотъ послѣдній, quod uxor, marito mortuo, tantum dotemet dotalitium habeat, alia vero bona, in quibus dotem et dotalitium non habuerit, pueris, vel proximioribus, tenebitur ressignare.» [275] Но, повторяемъ, приданое должно было быть dos inscripta; ибо, если оно не было обезпечено формальнымъ порядкомъ, въ такомъ случаѣ наслѣдники мужа могли и не возвратить ей онаго.

Вдова удерживала за собою приданое даже и тогда, когда выходила за мужъ. Въ древнѣйшее время, когда приданое, выправа и вѣно считались не личною собственностію жены, а общею собственностію ея и дѣтей, тогда вдова, вступающая въ новый, бракъ, должна была половину какъ приданаго, такъ и выправы, отдать дѣтямъ отъ перваго мужа, и только другую половину, которая составляла уже ея полную собственность, могла

---

[273] «Vol. legum,» т. I, стр. 140: «De dote consanguineos mortuae mulieris a marito repetenda». См. также «Statut. Lit.» разд. V, гл. II, § 2, и гл. XIX, § 1.

[274] См. постановленія Короля Іоанна Альбрехта 1496 года: «De dotibus non inscriptis.» Vol. leg. т. I, стр. 127.

[275] «Vol. legum,» т. I, стр. 32.

внести въ домъ своего новаго мужа. Это высказано въ Вислицкомъ Статутѣ; [276] но въ позднѣйшихъ Статутахъ, на пр., въ Мазовецкомъ 1474 г., мы уже не встрѣчаемъ этого правила; они дозволяютъ оставшейся вдовѣ выходить замужъ даже со всѣмъ ея приданымъ.

Послѣ смерти вдовы приданое переходило къ ея дѣтямъ, а если ихъ не было, то и къ дальнѣйшимъ ея наслѣдникамъ.

§ 13. Судьба вѣна и привѣнка по прекращеніи брака.

Когда бракъ прекращался смертію жены, отъ которой у мужа остались дѣти, то, вѣроятно, оправа оставалась въ прежней силѣ, для того, чтобы дѣти были обезпечены въ полученіи ими материнскаго приданаго послѣ смерти ихъ отца, или въ случаѣ вступленія его во второй бракъ. Когда же дѣтей не оставалось, тогда мужъ, возвративши приданое родственникамъ жены, тѣмъ самымъ уже освобождалъ свое имущество отъ лежащей на немъ оправы.

Жена по смерти мужа оставалась во владѣніи и пользованіи имѣніями, которыми было обезпечено ея приданое и привѣнокъ, т. е., имѣніями, которыми было оправлено ея вѣно. И таковыми она пользовалась до своей смерти, или до вступленія въ новый бракъ. [277] Вдова вѣнная, пользуясь оправою, не должна была разорять оправныхъ имѣній, на пр., вырубать принадлежащихъ къ нимъ лѣсовъ, исключая только для домашней надобности. [278]

Послѣ смерти вѣнной госпожи (dominae dotalitionalis), имѣнія, обремененныя оправою, возвращались родственникамъ мужа, отъ

---

[276] Тамъ же, стр. 17: «De uxore et paraphernalibus, circa quae debeat remanere post mariti mortem.»

[277] «Vol. legum,» т. I, стр. 32: «De uxore in sede viduali constituta.» См. также «Vol. leg.» т. III, стр. 439, § 5, и т. IV, § 9, стр. 46.

[278] См. также Мацѣевскаго т. VI, № 188, стр. 245.

которыхъ наслѣдники ея получали приданое, обезпеченное этѣми имѣніями. И до тѣхъ поръ, пока родственники мужа не уплатили приданаго, по Статуту Короля Александра, 1505 года, наслѣдники вѣнной госпожи пользовались ея оправою. [279]

Вдова лишалась пользованія оправою, когда вступала въ бракъ; родственники умершаго мужа могли во всякое время вывѣновать ее, т. е., лишить пользованія оправными имѣніями, заплативъ ей приданое и привѣнокъ. [280] Приданымъ она могла распорядиться, какъ ей было угодно, но привѣнкомъ пользовалась только до своей смерти, такъ что послѣ ея смерти онъ возвращалась къ родственникамъ мужа, отъ которыхъ она его получила. [281] Вдова, выходящая за мужъ при вывѣнованіи, должна была давать за себя поручителей, что она привѣнка не растратитъ и что послѣ ея смерти онъ будетъ возвращенъ въ родъ мужа. [282]

Мы сдѣсь говорили о томъ случаѣ, когда у вдовы не было дѣтей отъ перваго мужа; ибо если таковые были, то вѣно она должна была оставить дѣтямъ. [283] Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ она не могла пользоваться вѣномъ, если вступала во второй бракъ, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ, т. е., когда у нея не было дѣтей, она даже и по вступленіи въ новый бракъ могла пользоваться имъ, если родственники перваго мужа не вывѣновали ее.

---

[279] «Vol. legum,» т. I, стр. 140.

[280] Бандтке стр. 464; Спасовича стр. 33 и 53.

[281] Объ этомъ говорится въ Статутѣ Сигизмунда I, изданномъ въ Петрковѣ: «Cum primum mulier sedem sibi vidualem per secundas nuptias violaverit, volumus.. ....in hunc modum, quod ea muliere defuncta, dotalitium, alias przywianek, ad successores primi mariti devolvetur vel potius aestituetur.» Vol. leg. т. I, стр. 205.

[282] Спасовича стр. 53. См. также Мацѣевскаго т. VI, № 181, стр. 238 (изд. 2-ое).

[283] Это высказано въ Мазовецкомъ Статутѣ 1474 г. См. Мацѣевскаго т. IV, стр. 354 (изд. 1-ое), и т. VI, стр. 114—115 (изд. 2-ое).

Иногда вдова лишалась вѣна и въ томъ случаѣ, когда не соблюдала печалованія (траура) во время своего вдовства, но на приданое она никогда не теряла своего права: оно всегда должно было быть ей возвращено.

Если бы вѣнная госпожа продала, или заложила, оправленныя имѣнія, въ пользованіи которыми оставалась послѣ своего мужа, тогда наслѣдники мужа могли выкупить ихъ, заплативъ покупщикамъ, или заимодавцамъ, сумму, равную стоимости ея приданаго, но безъ привѣнка.[284] Это, вѣроятно, было по тому, что привѣнокъ всегда возвращался родственникамъ мужа; слѣдовательно, если бы кто купилъ имѣнія, на которыхъ обезпеченъ былъ и привѣнокъ, то какъ подобная продажа была не законная, то онъ лишался части заплаченныхъ денегъ, и родственники мужа платили ему только сумму, равную приданому, т. е., они платили за ту часть оправныхъ имѣній, которою обезпечено было ея приданое, и получали всѣ оправленныя имѣнія.

Жена, не принесшая мужу приданаго, послѣ смерти мужа не могла пользоваться оправою, по тому что когда не было приданаго, не могло быть и оправы вѣна.

§ 14. Наслѣдованіе вдовы.

Первоначально вдова не получала ни чего изъ мужнина наслѣдства, не говоря уже о недвижимомъ, но даже и изъ движимаго имущества. Изъ Мазовецкихъ правительственныхъ актовъ, 1212 и 1231 гг.,[285] видно, что если мужъ умеръ бездѣтно и не сдѣлалъ

[284] О такомъ выкупѣ вѣна наслѣдниками мужа упоминается въ Мазовецкомъ Статутѣ 1576 г. въ § 44: «Gdzie by która wdowa, abo pani Szlachecka, wiano nowie przedała, abo iakimkołwiek tytułem wiecznym zapiṣałą, tedy takie wiano, abo wiana, mogą bydź wyswobodzone y wykupione od bliźszych i dziedziców własnych, tych, którzy takowe wiana przerzeczone wdowie, abo paniey Szlacheckiey przez męże ich były zapisane y oprawione na dobrach swych, zapłaciwszy tylko summę pieniędzy swych prawdziwego posagu przez przywianka, a ni w takim przedaniu tych wian kupna dawność ziemska wspomoc może.» Vol. legum стр. 176.

[285] См. Мацѣевскаго «Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian», ч. II, стр. 322. См. также Бандтке стр. 86.

ни какой записки въ пользу оставшейся вдовы, тогда она получала только свое приданое, а все остальное имущество шло къ Князю, какъ выморочное. При дѣтяхъ она также не получала ни какой доли въ мужниномъ наслѣдствѣ: оно все становилось собственностію дѣтей. [286] Только уже въ послѣдствіи, а именно въ XV столѣтіи, узаконено было, что жена наслѣдуетъ нѣкоторыя движимыя вещи изъ имущества умершаго мужа. Но чтобы и изъ недвижимаго выдѣлялась ей извѣстная часть, въ видѣ наслѣдства, т. е., въ полную собственность, на это нѣтъ ни какихъ узаконеній, и ни одного подобнаго узаконенія не представляетъ намъ все древнее Польское законодательство.

По исконному обычаю, въ Польшѣ, подобно тому, какъ и въ древней Россіи, вдова съ дѣтьми оставалась въ нераздѣльномъ владѣніи всѣми имуществами, оставшимися послѣ смерти мужа, которыя, однако, составляли собственность не ея, а дѣтей. Она только пользовалась ими до своей смерти, или до замужества.

Иногда мужъ назначалъ своей женѣ (вѣроятно, также только въ пожизненное владѣніе) извѣстную часть изъ своего имущества даже и на тотъ случай, если бы она послѣ его смерти вышла замужъ. Это, по крайней мѣрѣ, видно изъ завѣщанія нѣкоего Дирско, относящагося къ 1190 году, въ коемъ говорится: «Si uxor mea alteri viro nubere voluerit, Visloca ei detur; si in viduitate in habitu seculari permanserit, Viznica sibi addetur; et in his duabus tantum permaneat cum familia sua........» [287] Но весьма быть можетъ, что это только исключительный случай; по этому его едва ли можно обобщать общепринятымъ обычаемъ.

По Статуту Вислицкому жена по смерти мужа пользуется его имуществомъ до своей смерти, или до вступленія въ новый

---

[286] Лелевеля т. III, стр. 106 (изд. 1851 г.).

[287] Оно помѣщено у Лелевеля въ III томѣ, стр. 183 (изд. 1851 г.).

бракъ. А по смерти ея не только отцовское имѣніе, которымъ пользовалась мать,. но и все ея собственное имущество, какъ то: приданое, выправа, дары мужа, переходили къ дѣтямъ. Если вдова выходила замужъ, то должна была отдать своимъ дѣтямъ не только то имущество, которымъ она пользовалась послѣ своего мужа, но и половину всего собственнаго имущества, т. е., приданаго и выправы; другую же половину, которая уже составляла ея полную собственность, могла внести въ домъ новаго мужа. Статутъ говоритъ такъ: «Statuimus, quod marito mortuo uxor circa donationem et dotem, et quaelibet parapheraalia in pecuniis, gemmis, lapidibus et vestibus superextantibus et remanentibus, debeat remanere, ipsa autem mortua ad liberos, si ipsos habuerit, praedicta omnia bona devolvantur. Quae mulier, habendo pueros, si alium virum receperit, vel recipere voluerit, decernimus, quod tantummodo ad eosdem pueros omnia bona paternalia integraliter cum alia parte ipsos in divisione concernente quorumlibet bonorum maternalium, in quibuscunque rebus consistant, absque aliqua contradictione devolvantur, et cum alia residua suum bonorum parte, maritum accipiat, juxta suam voluntatem.» [288] Изъ этѣхъ словъ Статута, однако, не совсѣмъ ясно, оставалась ли жена во всемъ имуществѣ мужа, или только въ пользованіи тѣми имѣніями, которыми было оправлено ея вѣно. Слова «omnia bona paternalia» указываютъ на первое, между тѣмъ какъ слова «uxor circa donationem..... debeat remanere,» говорятъ болѣе въ пользу втораго. Свентославъ изъ Воцѣшина переводитъ слова: «uxor circa donationem et dotem et quaelibet parapheralia......» слѣдующимъ образомъ: «żona przy dziedzinie i przy wienie i przy wszey wyprawie.....» Переводя этѣ слова такимъ образомъ, слѣдуетъ заключать, что вдова оставалась въ пользованіи всѣми имуществами мужа; но дѣло снова въ томъ, что слово donatio не употребляется нигдѣ въ памятникахъ въ смыслѣ haereditas, т. е., всѣхъ вотчинъ, оставшихся послѣ мужа, а только въ смыслѣ вѣна, а въ такомъ случаѣ должно будетъ согласиться, что

---

[288] «Vol. leg.» т I, стр. 17: «De uxore et paraphernalibus, circa quae debeat remanere post mariti mortem.»

сдѣсь рѣчь только о тѣхъ имуществахъ, которыми было оправлено вѣно. Какъ бы то ни было, по Вислицкому Статуту оставшейся вдовѣ не выдѣляется какая либо часть изъ имущества мужа въ видѣ наслѣдства: ей принадлежитъ только пользованіе онымъ.

Вартенскій Статутъ 1420 г. старается совершенно устранить вдову отъ пользованія, всѣмъ, оставшимся послѣ мужа, имуществомъ, на томъ основаніи, что иногда, въ слѣдствіе худаго управленія вдовы, дѣтямъ не доставалось ни чего изъ отцовскаго наслѣдства; отъ этого, по Вартенскому Статуту, вдова имѣетъ только право на приданое и оправу; все же остальное имущество должно сейчасъ послѣ смерти отца перейти къ его сыновьямъ. [289] Но, по этому Статуту, кромѣ выправы, внесенной женою въ домъ мужа (paraphernalia domestica), которая по смерти мужа всегда возвращалась ей, изъ движимаго имущества она получала экипажи и лошадей, на которыхъ ѣздила съ мужемъ; остальныя лошади, которыя при томъ не дороже 3-хъ гривенъ, и платья умершаго дѣлились между нею и сыновьями по ровну. Серебро же и другія драгоцѣнности, оружіе, боевыя лошади и лошади, стоющія болѣе 3-хъ гривенъ, получали одни сыновья: въ дѣлежѣ ими вдова не участвовала. [290]

И такъ, по Вартенскому Статуту вдова получаетъ уже въ полную собственность, т. е., наслѣдуетъ, нѣкоторыя вещи изъ движимаго имущества мужа, чего не было по Вислицкому Статуту, но за то Вартенскій Статутъ старается совершенно уничтожить старый обычай, по которому жена при дѣтяхъ, по смерти мужа, оставалась полною хозяйкою мужнина имѣнія.

Съ видимою заботливостію занимается участію вдовъ Мазовецкое право. По Мазовецкому Статуту 1414 г. [291] вдова, даже и не имѣющая оправы, пользовалась всѣми имѣніями мужа

---

[289] См. «Vol. legum,» т. I, стр. 32: «De uxore in sede viduali constituta.»

[290] «Vol. leg.» т. I, стр. 32: «In quibus vidua succedere possit.»

[291] См. Мацѣевскаго т. IV, стр. 353 (изд. 1-ое).

въ теченіе года и 6 недѣль, и въ продолженіе этого времени никто не имѣлъ права выпроводить ее оттуда. [292] По истеченіи сего срока наступалъ раздѣлъ оставшагося наслѣдства между вдовою и дѣтьми ея, а если таковыхъ не было, то родственниками мужа, и при этомъ раздѣлѣ вдова должна была непремѣнно получить тотъ домъ, въ которомъ жила съ мужемъ, вмѣстѣ съ приписанными къ нему землями, и таковыми пользовалась до своей смерти, или до вступленія въ бракъ. Что касается движимостей, то въ Мазовіи вдова получала половину драгоцѣнностей и дорогихъ вещей, а оставшійся послѣ мужа скотъ и хлѣбъ даже не дѣлился между вдовою и дѣтьми ея, или родственниками мужа, а весь оставался за нею. Къ сему Мазовецкіе Статуты присовокупляютъ, что если мужъ сдѣлалъ запись въ пользу своей жены на всѣ оставшіяся послѣ него имѣнія, то вдова остается въ пользованіи ими не только годъ и 6 недѣль, но до самой смерти, если только она $^1/_3$ получаемыхъ съ этѣхъ имѣній доходовъ будетъ обращать на содержаніе дѣтей, прижитыхъ ею съ этѣмъ мужемъ.

Когда жена не имѣла приданаго, а, слѣдовательно, и оправы, и когда при томъ мужъ не отказалъ ей ни чего записью, или духовнымъ завѣщаніемъ, тогда вдова, по обычаю Коронному, получала отъ наслѣдниковъ мужа извѣстное, впрочемъ, незначительное, количество денегъ, которое называлось дѣвичій вѣнецъ (crinile, а иногда еще crinale и crinalia). Статутъ Короля Александра, 1505 г., опредѣлилъ величину дѣвичьяго вѣнца въ 30 гривенъ, или же, вмѣсто денегъ, могла быть дана недвижимость, приносящая 3 гривны дохода: «Item, говоритъ Статутъ, dum aliquis copulabat sibi matrimonialiter virginem seu puellam, et privatur vita non reformans eidem uxori, et tunc talis uxor accipiet pro crinili marcas triginta, aut possessionem, ubi trium marcarum esse proventus.» [293]

---

[292] Подобное правило находимъ и въ Сводѣ Вавржинца изъ Пражмова. См. Мацѣевскаго т. V, стр. 235 (изд. 2-ое).

[293] «Vol. legum,» т. III, стр. 148: De crinili nuptarum virginum.»

По Мазовецкому Статуту, 1540 г., величина вѣнца опредѣлена въ 15 копъ грошей. [294]

Дѣвичій вѣнецъ составлялъ полную собственность вдовы; она удерживала его за собою даже и тогда, если выходила за мужъ. [295] И когда послѣ вдовы, получившей вѣнецъ и вышедшей вторично замужъ, оставались дѣти отъ втораго брака, тогда вѣнецъ ея переходилъ къ этѣмъ дѣтямъ, а не къ дѣтямъ отъ перваго брака. [296] Но если бы вдова умерла, не распорядившись вѣнцомъ и не оставила послѣ себя дѣтей, тогда онъ возвращался въ тотъ родъ, изъ котораго былъ данъ. [297]

Право на полученіе crinile вдовы имѣли только послѣ перваго брака, т. е., его могли получить только тѣ женщины, которыя, вступая въ бракъ, были еще дѣвицами: слѣдовательно, вступившая во второй бракъ и вторично овдовѣвшая женщина, хотя бы она не имѣла приданаго и вѣна, вѣнца уже не получала.

На основаніи корректуры Прусской (Jus terrestre nobilitatis Prussiae correctum), Уложенія, изданнаго при Сигизмундѣ Вазѣ въ 1598 г. и дѣйствовавшаго въ той части Пруссіи, которая принадлежала Польскому Королевству, вдова, не имѣвшая оправы, получала послѣ мужа $^1/_4$ часть, какъ изъ движимаго имущества, такъ и недвижимаго, въ пожизненное пользованіе, или до вступленія во второй бракъ. [298]

Что касается до наслѣдованія вдовы въ имуществѣ, пріобрѣтенномъ общими усиліями супруговъ, то по обычаю $^1/_3$ такого

[294] См. Спасовича стр. 53.

[295] Это видно изъ того же постановленія 1505 года.

[296] См. также Статутъ Вавржениа изъ Пражмова, у Мацѣевскаго т. VI, стр. 234—235.

[297] См. тамъ же.

[298] «Vol. legum,» т. VI, стр. 270: De successionibus.»

имущества получали дѣти, а 1/4 вдова.[299] Такой же порядокъ наслѣдованія вдовы существовалъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Польши, гдѣ, на основаніи проникшаго туда Нѣмецкаго права, существовала общность имуществъ супруговъ.[300]

Наконецъ нужно замѣтить, что вдова въ Польшѣ пользовалась шестилѣтнею давностію; по этому, если вдова въ теченіе этого времени не объявила своихъ правъ на приданое, на оправу, или вообще на что либо, слѣдующее ей, тогда она уже лишалась права требовать этого послѣ.[301] Давность для замужнихъ женщинъ была больше, а именно 10-лѣтняя, по тому что, какъ говоритъ Вислицкій Статутъ «.......mulieri autem maritae, cum non habeat sui ipsius potestatem liberam propter maritum ......»[302]

Теперь нѣсколько словъ о Литовскомъ Статутѣ. По смерти мужа наслѣдство переходило къ дѣтямъ, или другимъ родственникамъ его, а жена, если она была вѣнована, удерживала за собою свое приданое и вѣно. Оправою вдова пользовалась пожизненно, или до вступленія въ бракъ. Въ послѣдемъ случаѣ дѣти, или родственники мужа, могли ее вывѣновать, т. е., лишить пользованія оправными имѣніями, заплативши ей всю сумму вѣна (т. е., приданое и привѣнокъ), означенную въ вѣновномъ листѣ. А если родственники, или дѣти, не захотѣли выкупить этѣ имѣнія и оставили ихъ за вдовою до смерти, тогда наслѣдникамъ ея они обязаны были уплатить уже одно только приданое безъ привѣнка, по тому что привѣнокъ по смерти ея возвращался въ родъ мужа.[303]

---

299 Мацѣевскаго т. IV, стр. 406 (изд. 1-ое).

300 См. ортель, помѣщенный у Мацѣевскаго въ IV томѣ, стр. 27, № XII (изд. 2-ое).

301 См. «Vol. leg.» т. I, стр. 9: «Vidua quam habitura est praescriptionem ad actiones pe eam movendas.» См. также стр. 18: «De viduis et maritatis et earum praescriptione.»

302 См. также: «Quam habitura est praescriptionem mulier maritata, ad actiones per eam movendas pro haeriditate.»

303 «Statut Lit.» разд. V, гл. II, § 1 и 2, и гл. VII.

Не вѣнованная госпожа послѣ смерти мужа получала изъ его наслѣдства долю, равную съ каждымъ изъ сыновей. Долею этою вдова пользовалась пожизненно, или до новаго брака. Въ послѣднемъ случаѣ она должна была полученную часть возвратить дѣтямъ, и вообще наслѣдникамъ мужа, отъ которыхъ и получала уже въ полную собственность дѣвичій вѣнецъ въ 30 копъ грошей, [304] если наслѣдство было значительное; если же все имущество мужа стоило менѣе 30 копъ, [305] тогда вдова, выходящая за мужъ, получала $1/4$ часть всего оставшагося имущества, а то только въ пожизненное пользованіе. [306] Но наслѣдникамъ перваго мужа предоставлялось выкупить эту четвертую часть, заплативъ половину ея стоимости. [307]

Не вѣнованная вдова, у которой не было дѣтей, получала $1/3$ изъ всего имущества мужа, которою и пользовалась по смерть, или до выхода замужъ. Выходя замужъ, она должна была возвратить эту третью часть родственникамъ мужа, которые платили ей, какъ и въ первомъ случаѣ, вѣнецъ въ 30 копъ. Но если бы мужъ сдѣлалъ въ пользу своей жены какую либо запись, тогда вдова не получала уже ни какой части въ оставшемся наслѣдствѣ. [308]

§ 15. Наслѣдованіе вдовца.

Въ древней Польшѣ мужъ не только не наслѣдовалъ въ имуществѣ своей умершей жены, но по смерти ея онъ долженъ былъ

[304] Но это также только тогда, когда она, выходя за мужъ, была дѣвицею, а не вдовою.

[305] Въ количественномъ отношеніи Литовскій вѣнецъ почти равнялся Коронному, по тому что 30 копъ Литовскихъ грошей=643 тогдашнимъ злотымъ, а 30 гривенъ (вѣнецъ въ Коронѣ)=720 злот.

[306] «Statut Lit.» разд. V, гл. I, § 3, и глава V, § 1.

[307] «Statut Lit.» разд. V, гл. I, § 3.

[308] Тамъ же. разд. V, гл. XVI, § 3.

отдать дѣтямъ, кромѣ материнскаго имущества, еще и извѣстную часть своего собственнаго. Только уже въ позднѣйшее время, а именно, въ XV стол., было постановлено, что мужъ послѣ смерти жены можетъ владѣть и пользоваться до своей смерти всѣмъ имѣніемъ, т. е., какъ своимъ, такъ и женинымъ, но и это не было правиломъ безъ исключеній.

По старинному обычаю, соблюдаемому какъ въ Великой, такъ и Малой, Польшѣ (особенно же въ первой), сыновья послѣ смерти матери получали половину какъ материнскаго, такъ и отцовскаго, имущества, и отецъ не имѣлъ права отказать сыновьямъ въ такомъ раздѣлѣ. Такимъ образомъ, сдѣсь не только отрицалось право мужа на имущество умершей жены, но по смерти ея онъ долженъ былъ еще раздѣлить съ дѣтьми и свои собственныя имѣнія. Разумѣется, что причину такого раздѣла нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что первоначально имущества мужа и жены сливались въ одно цѣлое, въ общую семейственную собственность; а по тому, какъ только равновѣсіе было нарушено смертію матери, сыновья вступали въ ея мѣсто и требовали выхода изъ общей семейственной собственности.

Но отъ такого порядка вещей происходили пагубныя послѣдствія. Невзрослые сыновья, нерѣдко промотавши все полученное, впадали въ крайность и обращались снова за помощію къ отцу, который часто также помочь имъ не могъ, такъ какъ у него самаго оставалось послѣ раздѣла немного. А по тому уже Вислицкій Статутъ ограничилъ такой раздѣлъ имущества между отцомъ и сыновьями, и допускаетъ его только въ томъ случаѣ, если бы отецъ расточалъ оставшееся имущество, или же вступилъ въ новый бракъ. [309]

---

[309] Статутъ Вислицкій говоритъ: «Ex communi usu in Regno nostro extitit observatum, quod moriente matre pueri omnium bonorum a patre ipsorum tollunt medietatem pro portione et haereditate materna........ Nobis et nostrae militiae, ut matre moriente filii non petant bonorum et haereditatis maternae devolutae portionem et successionem a patre, donec ad secundas nuptias convolabit, nisi tunc, velut famae suae prodigus, bonas et haereditates illas communes indebite dissiparet.» Vol. legum т. I, стр. 14.

Вартенскій Статутъ 1420 г. еще болѣе Вислицкаго ограничилъ право сыновей требовать раздѣла всего наслѣдства послѣ смерти матери. Онъ постановляетъ, что отецъ, даже и вступивши во второй бракъ, остается въ обладаніи всѣмъ имуществомъ; онъ обязанъ только въ такомъ случаѣ выдать сыновьямъ отъ перваго брака брачные дары и приданое ихъ матери, а не какъ прежде portionem haereditariam, т. е., еще и извѣстную часть своихъ вотчинъ.[310] По Статуту этому, въ одномъ только случаѣ отецъ былъ лишаемъ владѣнія всѣмъ имуществомъ, и долженъ былъ отдать половину его своимъ сыновьямъ, это именно тогда, когда онъ былъ расточителенъ и тратилъ то имущество, которымъ владѣлъ послѣ смерти жены.

Наконецъ, нужно замѣтить, что по Опатовецкому Статуту, 1474 года, отецъ, вступая во второй бракъ, долженъ былъ выдѣлить своимъ сыновьямъ отъ первой жены половину всего имущества («medietatem bonorum omnium assignabit»); другая половина оставалась ему, но до смерти своей онъ пользовался и первою половиною, а, слѣдовательно, владѣлъ всѣмъ имуществомъ, и сыновья только послѣ смерти его могли требовать своей половины, другая же половина поступала къ сыновьямъ отъ втораго брака.[311]

Изъ всего сказаннаго видно, что по Земскому Польскому праву мужъ не получалъ ни чего изъ имущества умершей жены въ видѣ наслѣдства. Только въ тѣхъ Польскихъ городахъ, которые приняли Нѣмецкое право, мужъ получалъ $^2/_3$ всего общаго супружескаго имущества, а дѣти $^1/_3$. Такой же порядокъ наслѣдованія, какъ мы знаемъ уже, былъ и въ имуществѣ, пріобрѣтенномъ общими трудами супруговъ. Когда не было дѣтей, тогда оставшійся супругъ наслѣдовалъ сдѣсь все имущество.

---

[310] См. «Vol. legum т. I, стр. 33. «Statuimus, quod pater habens filios....» и. т. д.

[311] См. «Bibl. Warsz.» за 1859 г. т. III, стр. 617 и 631, а также «Vol. leg.» т. I, стр. 33: «De eo, qui filias habuerit superduxeritque secundam uxorem et filas propagaverit.»

По Литовскому Статуту мужъ также не былъ по закону наслѣдникомъ послѣ жены; онъ не получалъ ни какой части изъ имущества ея въ полную собственность. Послѣ смерти жены мужъ при дѣтяхъ пользовался приданымъ и вообще всѣмъ имуществомъ жены, [312] которое потомъ, вмѣстѣ со всѣмъ его имуществомъ, переходило къ дѣтямъ по наслѣдству.

Если жена умерла бездѣтною, то мужъ также не только не наслѣдовалъ въ извѣстной части имущества ея, но долженъ былъ еще возвратить приданое ея родственникамъ, [313] или тѣмъ лицамъ, которымъ она его отказала въ духовномъ завѣщаніи, - но безъ привѣнка. [314] Только въ одномъ случаѣ мужъ признавался наслѣдникомъ жены, именно если бы до брака ни мужъ, ни жена не имѣли имущества, а пріобрѣли его своими трудами во время брачной жизни. [315]

§ 16. **Вліяніе развода на имущественныя отношенія супруговъ.** Такъ какъ разводъ зависѣлъ отъ духовныхъ судовъ, то эти послѣдніе и занимались устройствомъ имущественныхъ отношеній супруговъ въ случаѣ развода; они опредѣляли, смотря по тому, кто изъ супруговъ, мужъ, или жена, дали поводъ къ разводу: слѣдуетъ ли женѣ возвратить приданое, или нѣтъ, должна ли она быть оставлена въ пользованіи оправою, или нѣтъ? Обыкновенно, въ случаѣ расторженія брака, всѣ даренія и записи разводимыхъ супруговъ объявлялись не имѣющими силы.

При разлученіи супруговъ отъ стола и ложа (separatio thoro et mensa) духовные суды или оставляли отношенія супруговъ по имуществу въ томъ же видѣ, въ какомъ они были до разлученія; тогда приданымъ пользовался мужъ, выдавая только

---

[312] «Statut Lit.» разд. VI, гл. II, § 1.

[313] Тамъ же, разд. V, гл. II, § 2.

[314] Тамъ же, разд. V, гл. XIX, § 1.

[315] Тамъ же, разд. V, гл. XI.

женѣ извѣстное, опредѣленное духовнымъ судомъ, содержаніе, а жена не лишалась правъ, вытекающихъ изъ оправы; или же они уничтожали прежнія имущественныя отношенія супруговъ, и въ такомъ случаѣ жена теряла вѣно и оправу, но не приданое, которое всегда возвращалось ей и которымъ она могла распоряжаться тогда, какъ ей заблагоразсудится. Что же касается дареній и записей, то при разводѣ они оставались въ прежнемъ видѣ: не разлучаемые отъ стола и ложа супруги могли уничтожить ихъ формальнымъ порядкомъ. [316]

Рѣшенія духовныхъ судовъ объ имуществахъ разводимыхъ супруговъ, для полученія обязательной силы, должны были быть утверждены Королевскимъ Трибуналомъ. Это прямо требуется однимъ изъ постановленій Сигизмунда I, а именно, изданнымъ на Краковскомъ Сеймѣ 1543 г.: «Etiam ad judicium spirituale pertineant, сказано въ этимъ постановленіи, causae juris patronatus, plebanatus, altarium, praebendarum et aliorum sacerdotiorum, adhaec divortiorum et dotium inter personas, per divortium separatas. Cognitio tamen seu judicium de dote personae, per divortium separatae, remitti debet ad Tribunal S. M. Regiae, secundum veterem consuetudinem.» [317] Изъ этого постановленія видно также, что дѣла объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, въ древней Польшѣ, подобно тому, какъ и въ Россіи, подлежали духовнымъ судамъ, которые въ рѣшеніяхъ своихъ руководствовались каноническими законами Католической Церкви и Римскимъ Правомъ, и здѣсь-то послѣднее примѣнялось несравненно чаще, чѣмъ въ свѣтскихъ судахъ. [318]

Литовскій Статутъ опредѣляетъ вліяніе развода на отношенія супруговъ по имуществу точнѣе, чѣмъ Коронные Статуты. Въ немъ говорится, что если, по рѣшенію духовнаго суда, въ брако-

---

[316] Спасовича стр. 30 и 40.

[317] «Vol. legum» т. I, стр. 284.

[318] О значеніи Римскаго Права въ практикѣ духовныхъ судовъ. См. Даниловича: «Historischer Blick auf das Litthauische Statut» § 9.

разводномъ дѣлѣ окажется виновнымъ мужъ, тогда жена допускается къ пользованію всѣмъ, записаннымъ ей, вѣномъ; если же виновна будетъ жена, въ такомъ случаѣ она лишается приданаго и оправы. Наконецъ, если бракъ расторгался въ слѣдствіе законныхъ препятствій, на пр., по тому, что лица, вступившія въ оный, находились въ степени родства, при которой бракъ не дозволялся, но, при вступленіи въ бракъ, они объ этомъ обстоятельствѣ не знали, тогда каждый изъ разводимыхъ супруговъ оставался при своемъ имуществѣ, т е., жена не лишалась приданаго, а мужъ не давалъ женѣ вѣна. [319]

Константинъ Алексѣевъ.

Харьковъ.

---

[319] «Statut. Lit.» разд. V, гл. XX, § 1 и 2.

ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ

ПО КОНСТАНТИНУ БАГРЯНОРОДНОМУ,

Свѣдѣнія Константина Багрянороднаго о Днѣпровскихъ порогахъ, находящіяся въ его «De administrando Imperio», заключаютъ въ себѣ странность, которая ни болѣе ни менѣе, какъ противорѣчитъ словамъ Нестора, что «Славянскій языкъ и Русскій одно есть.» Сокративъ число пороговъ почти на половину, Константинъ, какъ будто въ замѣнъ пропуска, даетъ двойныя названія каждому: одно названіе по Русски, другое по Славянски.

«Баеру казались Русскія имена (пороговъ) совсѣмъ непонятными; но Струбе и Тунманъ признаютъ ихъ Скандинавскими»— говоритъ Русскій исторіографъ, и, основываясь на доводахъ Шлецера и иныхъ Нѣмецкихъ мыслителей, постановляетъ за непреложную истину, «что около половины X вѣка говорили въ Россіи двумя языками, и что Русскимъ назывался Скандинавскій.»

Г. Юргевичъ, въ статьѣ своей (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др. VI): «О мнимыхъ Норманскихъ именахъ въ Русской Исторіи,» опровергая доводы Шлецера, Баера, и пр., въ отношеніи Нѣмецкихъ названій пороговъ, доказываетъ, что Русскія ихъ названія въ Константинѣ Багр., надо считать не Русскими, а Венгерскими.

Не понимая, какимъ образомъ около половины X вѣка на Руси говорили двумя языками, и какимъ образомъ Мадьяры, потомки Гог—Магога, перекочевывая, въ 898 году, изъ Заволжскихъ странъ на Дунай, заповѣдали свои названія Днѣпровскимъ порогамъ, я рѣшаюсь изложить и свои догадки о томъ, что непонятность Русскихъ названій пороговъ, переданныхъ Грекомъ, происходитъ отъ самыхъ простыхъ причинъ.

Хотя разгадкой чтенія древнихъ Греческихъ рукописей, изданіями и толкованіями Византійскихъ писателей, мы обязаны патерамъ «Конгрегаціи Индекса», и до времени повѣрять ихъ не чѣмъ, но, не подвергая сомнѣнію текстъ Константина Багр., мы обратимъ вниманіе только на обычныя ошибки переписчиковъ и на ложное чтеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ на измѣнчивость названій и перетасовку пороговъ даже въ описаніяхъ позднѣйшихъ и намъ современныхъ.

ПОРЯДОКЪ И НАЗВАНІЯ ДНѢПРОВСКИХЪ

Книга Большаго Чертежа. По сказкѣ Запорожскихъ Черкесъ. Въ XVII вѣкѣ.	Карта Боплана, сост. въ нач. XVII в. Перев. на Русскій языкъ Д. Бантышъ-Каменскимъ.	Карта Ampliss. Ucraniae Regio. T. C. Lotteri. Около 1759. Названія Польскія.	Карта Theatrum belli 1737. Aug. Russor. Imperii adversus Turcos. Apud. Ottens.	Карта Theatr. belli Russor. victor. Illustr. T. C. Lotteri.	Георг. Словарь
1 Кодакъ.	1 Кайдацкой (Kaidazkoje.)	1 Sluski. (Сурскій ?)	1 Kudak.	1 Kudak.	1 Кудакъ, или
2 Звонецъ.	2 Сурской (Ssurskoje)	2 Lochany.	2 Sursky.	2 Soursky.	2 Волоеской, и забора
3 Сурской.	3 Лаханской (Lochanskoje.)	3 Strelczy.	3 Luchan.	3 Luchan.	3 Сурской.
4 Лоханной.	4 Стрѣльчій (Streltschija.)	4 Dzwanice.	4 Swone	4 Swonets.	4 Лохань.
5 Стрѣльчей.	5 Звонецкой (Swonetzkoje.)	5 Kniahunimy.	5 Wolnoi.	5 Sinaluka.	5 Стрѣльчи.
6 Княгининъ.	6 Княгинской (Kiltschinskoje.)	6 Nenasytec.	6 Nenasitetz.	6 Nenasintz.	6 Звонецъ.
7 Ненаситецъ.	7 Ненаситецкій (Nenassitetskoje.)	7 Waranowa.	7 Sinaluka.	7 Wolna.	7 Княгинецъ.
8 Порогъ Воронова забора.	8 Воронова запора (Woronowo sabor.)	8 Zabora.	8 Sowolscheni.	8 Tavolsibeni.	8 Ненаситецъ.
9 Волнѣгъ.	9 Верхній Вольный (Wolnyi.)	9 Wolmow.	9 Buditka.	9 Budik.	9 Воронова з
10 Будило.	10 Будильской.	10 Budylow.	10 Lisnoi.	10 Lisnayi.	10 Вольной.
11 Лычной.	11 Таволжанской (Tawolschanskoje.)	11 Towolzany.	11 Wolnoi.	11 Wolnoi.	11 Будильской
12 Таволжаной.	12 Лѣсной.	12 Lisianka.	12 Sternik.	12 Sternik.	12 Лычной.
13 Вольной.	13 Нижній Вольный (Wylnoje.)	13 Wolny.	13 Zabora.	13 Zabora.	13 Таволжан 14 Вильянской

…ПОРОГОВЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ОПИСАНІЯХЪ.

…	Воен. Стат. обозр. Екатеринослав. Губ. Ген. Шт. Кап. Драчевскаго.	Hydrogr. des Russich. Reich. J. Ch. Stuckenberg.	Изслѣдов. о древ. Юж. Россія. Гр. Уварова.	Поѣзд. въ Юж. Россію. А. Афанасьева-Чужбинскаго.	Имп. Константина Багрянор. въ X. вѣкѣ.
	1 Кайдацкій —Яцева забор а.	1 Kaidak —Sabora Woloschnowoje. —Sabora Jazewa.	1 Кайдацкій. —Яцкая забора.	1 Кодацкій. —Яцева забора.	1 Ἐσσουπῆ, по Рус. и по Слав. знач. μὴ κοιμᾶσαι, т. е., не спи.
	2 Сурской. наз. по р. Сурѣ; при устьѣ островъ Сурскій.	2 Ssurskoje.	2 Сурскій. —Кривая забора.	2 Сурской.	2 Ὀυλβορσί. по Русски, а по Слав. Οστοβουνίπραχ, что знач. островъ порогъ.
	3 Лоханскій, —Забора Стрѣльчья. —Кривая.	3 Lochanskij. —Zobora Streltchaja—Bogatyrskaja.	3 Лоханскій.	3 Лоханскій. —Стрѣльчья забора. —Камни Богатыри. —Роща Дуброва	3 Γελανδρί, что по Слав. знач. Ἠχώς φραγμοῦ—эхо порога.
	4 Звонецкой. —Тягиновая забора.	4 Swonetzkaja.	4 Стрѣльчій.	4 Звонецкій. —Тягинская, или Княгинина забора.	4 Ἀειφάρ (по Штукенбергу Aniphar), по Слав. Νεασίτ потому, де, что на скалахъ водятся пеликаны.
	5 Ненаситецкій. —Пучина Пекло. —Воронова забора.	5 Tjaglinskoje, или Techminskoje.	5 Звонецкій.	5 Ненаситецкій. —Пучина Пекло. —Воронова забора.	5 Βαρουφόρος, по Русски, по Слав. же βουλνιπράχ, по тому что оканчивается большимъ озеромъ.
	6 Волнигскій.	6 Nenassitetskoje. —Sabora Woronowoie. —Sabora Kriwaja.	6 Тихинской, или Княгинской.	6 Волнигъ.	6 Λεάντι, по Руск., по Славян. же βερούτζη или βερόντζη, что знач. βράσμα νέρου—кипѣніе воды.
	7 Будиловскій.	7 Wolnygsckoje.	7 Ненаситецкій. —Воронова забора.	7 Будиловскій.	7 Στρουβουν, по Русски, по Слав. Ναπρεζή, что знач. Малый порогъ.
	8 Лишній.	8 Budilowskoje.	8 Волнинской.	8 Лишній.	
	9 Вольний, между двумя островами. При выходѣ утесы, наз. Волчье горло.	Tavalschanische Steinbank. —Osokorowatoje. — Tavalschanskoje. —Orlow (Горло?)	9 Будинской.	9 Вильний. Скалы Волчье горло.	
		9 Lischnij.	10 Островъ и порогъ Таволжанскій.		
		10 Wylnij.	11 Лычный.		
			12 Вольный.		

Изъ этого свода описаній пороговъ можно видѣть, что не-только прозвища, но даже и порядокъ ихъ измѣняется, смотря по свѣдѣніямъ, собираемымъ отъ кормчихъ, или отъ перваго встрѣчнаго. Различіе произношенія названій измѣняло въ свою очередь смыслъ ихъ. На примѣръ, порогъ Лѣсной принимаетъ названія: Лычной, Лисной, Лишній, Личной; порогъ Вольный— Волнѣгъ, Вильный, Волнинскій, Вильянскій. Такимъ образомъ, невѣрность и различіе свѣдѣній современныхъ даетъ понятіе и о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя могъ пріобрѣсти Константинъ Багрянородный, по разспросамъ отъ бывалыхъ на Руси Греческихъ купцовъ. Греки, по преимуществу, не чинились произносить и писать варварскія имена на свой ладъ и переобразовывать ихъ на свою стать.

Неоспоримо, что жители Украинцы, по обычаю, давали названія порогамъ по примѣтамъ мѣстности—по селеніямъ, рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, или по островамъ; а Руссы корабельщики, давали прозвища каждому порогу по свойству его; но чтобъ проѣзжіе изъ Ютландіи и Скандіи гости чрезъ Русь въ Грецію [1] придали порогамъ свои собственныя прозвища, и чтобъ этѣ чуждыя прозвища усвоились мѣстностью,—это несообразность, которую нѣтъ необходимости опровергать.

Толкованія Скандинавоманіи слѣдующія:

1-й порогъ Константинъ Багр. называетъ Ἐσσουπῆ, что, какъ говоритъ онъ, значитъ и по Русски и по Славянски μὴ κοιμᾶσαι (?), т. е., не спи! Чтобъ придать прозвищу Славянскій и Скандинавскій смыслъ, утверждаютъ, что надо читать, вмѣсто Ἐσσουπῆ—Νεσσουπῆ, и въ такомъ случаѣ изъ Шведскаго слова soſna спать, можно образовать усиленную форму повелительнаго наклоненія ne-suef-e, что будетъ значить не-спи-не! Но къ этому слѣдуетъ уже присоединить и Латинское ne sopi, отъ глагола sopire.

---

[1] Гоеское купечество ѣздило въ Русь по Двинѣ (watni þi sum haitir Dyna) и чрезъ Русь (oc opp ginum Ryzaland) (Днѣпромъ) далѣе въ Грецію. «Þa saghu caupmen Cristna siþi i Christnum Landum, ta litu sumir sic þar Cristna oc fyrþu til Gutlanz Presti,» т. е., «Когда (въ XI стол.) купцы (Готландскіе) увидѣли Христіянскіе обычаи въ Христіянскихъ земляхъ, то нѣкоторые изъ нихъ крестились и привезли съ собою въ Готландію Христіянскаго священника.» Guta-lagh. v. Dr. Karl Schildner.

Странность названія порога — Не спи! могла произойти только отъ двухъ причинъ: или отъ описки въ Греческомъ толкованіи, или изъ объясненія порога Будилы, который, однако же, считается найменѣе опаснымъ, и въ описаніи Константина Багрянороднаго исключенъ изъ числа пороговъ, какъ и 1-й, Кайдакъ.

Названіе Кайдакъ, Кудакъ, Кудацкій, безъ сомнѣнія не существовало въ X вѣкѣ. Оно должно быть позднѣйшее, данное Поляками послѣ построенія Бопланомъ при первомъ порогѣ укрѣпленія Haduk (Hayduk), гдѣ, вѣроятно, стоялъ Гайдуцкій, т. е., пѣхотный Польскій отрядъ.

Если, вмѣсто несообразнаго толкованія μὴ κοιμᾶσαι (правильнѣе μὴ κοιμᾶσθαι), будемъ читать μυκηθμός—рыкающій, ревущій, то это слово будетъ соотвѣтствовать древнему Славянскому ячить, яцать—стонать, ревѣть, отъ яцанье (ревъ быка, моря, волнъ). По Сербски ячати значитъ звучать, звѣнѣть—hallen, sono, и стонать. По этой причинѣ, вѣроятно, въ сказкѣ Запорожскихъ Черкесъ Яцкая забора замѣнена порогомъ Звонецъ. Но Яцева или Яцкая забора, нѣкогда составляла, какъ должно полагать, оконечность 1-го порога, прозваннаго Кайдацкимъ; и слѣдовательно названіе Ἐσσουπῆ есть ложное чтеніе вмѣсто Ἐσσουκῆ (Ἐσσουχῆ), гдѣ скорописное κ (χ) подъ облеченнымъ удареніемъ принято за π. Слово Яцкій Грекъ иначе и не могъ выразить, какъ посредствомъ Ἐσσουχῆ—Ецуки; ибо σσ явно замѣняютъ букву Ц.

2-й порогъ, Сурскій, носитъ прозвище по рѣкѣ Сурѣ. При устьѣ рѣки островъ того же названія. Константинъ называетъ этотъ порогъ по Русски Οὐλβορσί, а по Славянски Ὀστοβουνίπραχ (Ὀστροβουνίπραχ), что значитъ островокъ порога— τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ. Изъ этого толкованія видно, что второе, Славянское, названіе, относится собственно къ острову, а первое, Русское, есть названіе порога. Прозвища, по рѣкѣ Сурѣ, и острова и порога, не такъ легко могли измѣниться во времени: на этомъ пространствѣ всѣ рѣки сохранили свое древнее названіе. Греческое же слово легко могло быть ложно прочитано по сходству начертаній буквъ. Сигму (С) и особенно въ соединеніи съ о,

легко было принять за О; а буква Р очень часто измѣняется въ произношеніи въ Λ, какъ, на примѣръ, на картѣ Лоттери, съ Польскими названіями, вмѣсто Сурскій—Slusky; слѣдовательно, 'Ουλβορσὶ въ сущности Cυρβορσὶ или Σουρβορσὶ — Сурворси, соотвѣтствуетъ названію Сурскій, Суровскій.

Чтобъ придать слову 'Ουλβορσὶ Скандинавскій смыслъ, его измѣняютъ въ 'Ουλμβορσι, и объясняютъ, что ὄυλμ значитъ Holm—островъ, а Fors или Foss—водопадъ.

Въ Гоѳскихъ нарѣчіяхъ обычное названіе острова Ey; слово Holm собственно значитъ холмъ, и возвышеніе, обнесенное болотомъ, маленькій островокъ; слово же Fors или Foss, если и не Ново-Шведское, какъ полагаютъ, принятое отъ Финновъ, [2] то во всякомъ случаѣ означаетъ преимущественно стремнину, силу стремленія воды, какъ объясняетъ и Ihre: Fors—vehementia—violence, отъ слова force—сила. Въ томъ же смыслѣ и въ Platt-Deutsch: Fors, Foss, значитъ mit Gewalt. [3] Вообще Fors не есть и не было обычнымъ народнымъ словомъ, которое бы замѣняло Wattenfall, Wandfall, Wasserfall. [4]

Подобный способъ разгадыванія смысла иноземныхъ словъ можно назвать филологической шарадой. Не лучше ли уже толковать 'Ουλβορσὶ Греческимъ же словомъ 'Ουλοβόρος—всепожирающій, или даже пожирающая челюсть, и отнести къ волчьему горлу.

3-й порогъ, соотвѣтствующій Лоханскому—Γελανδρί, что, по свѣдѣнію, сообщенному Константину, значитъ по Славянски эхо, гулъ, отголосокъ порога—'Ηχως φραγμοῦ. Не находя въ этомъ на-

---

[2] Финны, однако же, пороги на рѣкахъ называютъ Koski—flumen declive et rapidum, cataracta.

[3] Въ Эддѣ, въ таинственной Völo-Spa, есть стихъ «Falla forsar,» что значитъ падаютъ или ниспадаютъ воды, рѣки, потоки; но переводятъ defluent cataractae, что уже значитъ *падаютъ водопады*.

[4] Forsar или Fossar соотвѣтствуетъ, кажется, слову Wasser, какъ иная форма произношенія.

званіи Славянскаго смысла, утверждаютъ, что это не Славянское, а Русское названіе; а «Русскія названія семи пороговъ могутъ объясняться только изъ языковъ Скандинавскихъ.» На этомъ основаніи Γελανδρί производится отъ Исланд. galan, Англо-Сакс. gialla, Нижне-Саксонскаго gillen, и Высоко-Нѣмецкаго gellen, которое, однако же, употребляется и въ Platt-Deutsch, въ значеніи schallen—retentir, résonner.

Но отъ чего же Русскимъ словамъ: галдить, галанить (отъ гайло, пасть, широкое горло) и горланить, не дано права объяснять Русское слово Γελανδρί? Gaella, gialla, gallen, по преимуществу значитъ vociferari—голосить. Der Gall—гулъ. По Санскр. *кала, калас*—гулъ, звукъ, голосъ.

Но Γελανδρί, какъ уже мы сказали, соотвѣтствуетъ порогу Лоханскому, одному изъ самыхъ опасныхъ, и который въ свѣдѣніяхъ Константина Багрянороднаго не могъ быть пропущенъ. За нимъ уже слѣдуетъ Звонецъ, или Звонкій—Ἦχως φραγμοῦ [5] шумъ, гулъ, эхо порога. Слѣдовательно, здѣсь соединены два порога, и въ названіи Γελανδρί должно искать названіе Лоханскій. Обратимъ снова вниманіе на сходныя въ скорописи буквы, которыя легко принимаются одна за другую. Во первыхъ, ʌ (λ) принято въ чтеніи за γ (γ); во вторыхъ, не дочеркнутое χ (χ) принято за λ. Такимъ образомъ вмѣсто Γελανδρί должно читать Λεχανδρί—Лоханскій. [6]

Замѣтимъ, что по нѣкоторымъ описаніямъ Лѣсной порогъ называется нижнимъ; слѣдовательно, существовалъ верхній Лѣсной. Но въ Украйнѣ лѣсъ преимущественно назывался лугомъ, и, безъ сомнѣнія, вмѣсто несообразнаго названія Лоханскій, Лохань, должно принять Луганскій, какъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ онъ и названъ: Luchan. Греческое названіе Λεάντι, соотвѣтствующее нижнему Лѣсному или Луганскому порогу, со-

---

[5] По объясненію Тунмана, слѣдовало бы Константину написать φραγμος ἠχῶν, порогъ шумящій, а не ἦχος φραγμοῦ.

[6] Здѣсь явно окончаніе δρί прочтено вмѣсто στί—сти; ибо окончаніе ски, или скій, замѣняется окончаніемъ στί, какъ, на прим., по Русски—Ῥωσιστί.

отвѣтствуетъ и верхнему Луганскому—Λεχαντί. При Лоханскомъ порогѣ по сіе время есть Дубрава (чернолѣсье, лугъ) и преданія о Лугаряхъ. [7]

4. Порогъ Ненасытецъ, Константинъ передаетъ Русскимъ названіемъ Ἀειφάρ, [8] и Славянскимъ Νεασίτ, что значитъ птицу пеликанъ (птица баба, неясыть), которая будто бы водится здѣсь въ скалахъ (?). Но названіе порогу скорѣе дано по сравненію съ сказочной ненасытной птицей. При концѣ порога среди рѣки пучина, называемая пекломъ (адомъ), съ водоворотомъ (по древнему Вырь, Вырье, Вихръ, Вихо́ръ). [9] Это самое опасное мѣсто для судоходства: отъ неудачно направленнаго хода, судно мгновенно погибаетъ. Нельзя поручиться, что составитель свѣдѣній о порогахъ, вошедшихъ въ описаніе Константина Багрянороднаго, не назвалъ Вырь или Вихоръ Пекло—ἀειφάρ, или переписчикъ, а можетъ быть и чтецъ рукописи, не принялъ *в* (β) за α и χ за φ и, такимъ образомъ, не исказилъ существовавшее названіе βειχάρ.

Въ предположеніи, что Русское названіе порога Аифаръ, также должно означать на Скандинавскомъ пеликана, Карамзинъ принялъ толкованіе Струбе, что «аіеваръ [10] на Старо-Нѣмецкомъ языкѣ значитъ аистъ; а такъ какъ Скандинавы не знали пеликановъ въ сѣверныхъ странахъ, то и назвали ихъ аистами.»

Но, вѣдь, Скандинавы въ сѣверныхъ странахъ не знали *и* аистовъ.

Лербергъ производитъ Ἀειφάρ отъ Высоко-Нѣмецкаго Eifer—рвеніе, порывъ, вспыльчивость. Фришъ и Аделунгъ замѣчаютъ, что настоящій древній смыслъ этого слова—ѣдкость, острота, а въ нижней Саксоніи Efern сохранило свое значеніе пожирать, кусать.

---

[7] Тутъ также лѣсная пристань, забора Стрѣльчья и камни богатыри.

[8] У Штукенберга 'Aniphar, а у Гр. Уварова Δειφαρ, но это, вѣроятно, опечатки.

[9] См. Русскій Словарь Даля.

[10] По Слов. Деннерта (Platt.-Deut. Wörterb.) Storch—аистъ—называется Adebar.

Но послѣ подобнаго подбора словъ, съ ихъ неопредѣленнымъ значеніемъ, лучше обратиться, для объясненія ἀειφάρ къ Греческому слову же ἀειφορός, [11] immer fördernd, immer reissend, hitzig, что ближе подходитъ къ ненасытности порога.

5. За Ненасытцемъ слѣдуетъ Воронова забора, а потомъ Вольный (верхній) или Волнинской. Воронова забора въ XVII стол. считалась еще порогомъ. Въ описаніи Константина, по видимому, онъ пропущенъ; но за Неясытцемъ слѣдуетъ βαρουφόρος, и это Русское названіе, соотвѣтствуя Воронову, вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно созвучно съ нимъ, особенно если въ текстѣ было βαρουνορος и буква ρ (ν), въ соединеніи съ слѣдующею ο, принята въ чтеніи за φ.

За Русскимъ названіемъ, у Константина, Славянское названіе βουλνηπρᾶχ, соотвѣтственное Вольному порогу; но при этомъ замѣчено, что βουλνηπράχ называется такъ по тому, что образуетъ великое озеро—διότι μεγάλην λίμνην ἀποτελεῖ. По этому замѣчанію мы увидимъ ниже, что свѣдѣнія, доставленныя Константину, были писаны на обумъ.

Такъ какъ за Верхнимъ Вольнымъ порогомъ озера нѣтъ, то Лербергъ предлагалъ, вмѣсто λίμνην читать δίνην, въ значеніи δίνη—пучина, водоворотъ; но при этомъ порогѣ нѣтъ и водоворота.

Карамзинъ говоритъ, что Варуфоросъ на Скандинавскомъ языкѣ почти то же, что Вольный прагъ; по тому что var значитъ тихій, смирный, а fors—порогъ. Производящіе же названіе порога отъ волны, толкуютъ, что по Исландски Bar—волна, и въ этомъ значеніи корабль называется Barufak, т. е., колесница волнъ, а Baruhaestar—конь волнъ. Отъ чего же

[11] Въ древ. Греч. рукописяхъ окончаніе ος часто выражается перечерткой конечной согласной буквы, и подразумѣвается.

Прим. Всѣми палеографическими свѣдѣніями я обязанъ многоуважаемому отцу Архимандриту Амфилохію.

волнъ, а не водъ? По Ihre (Gloss. Suiogoth.) bar, во всѣхъ Готскихъ нарѣчіяхъ значитъ голый, nudus; но такъ какъ голь, объясняетъ онъ, для всѣхъ глазъ ясна и открыта, то слово Bar принимается въ значеніи ясный, явный: «Quum nuda etiam omnium oculis pateant, bar pro claro et manifesto ponitur». По этой простой причинѣ Bara значитъ illustrare. По Словарю, объясняющему темноту Эдды, слову Bara дано значеніе unda, fluctus; но съ примѣчаніемъ: verisimiliter, a bera—porto, fero, Греч. φέρω—несу. Въ то же время ber, bera значитъ pario, gigno—рожу, производаю.

Прежде, однако же, чѣмъ рѣшать, что βαρουφόρος есть Исландо-Шведское слово Barfors и значитъ волна-прагъ, необходимо рѣшить, происходитъ ли названіе его отъ волны, или отъ воли, или ни отъ того, ни отъ другаго, а отъ валуновъ, [12] которыми онъ изобилуетъ, и отъ чего теченіе его какъ будто взъерошено. Какъ названіе вольный не идетъ къ этому порогу, по тому что онъ не тихъ и не смиренъ, такъ и названіе волный въ натянутомъ смыслѣ волновой, не можетъ быть приписано исключительно только одному порогу, когда волна ходитъ по всѣмъ. Прозвище же Валунъ, или Валуны, означая главную примѣту двухъ пороговъ, этого и послѣдняго, легко могло преобразоваться въ Волный и Вольный.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ упомянуть, что βαρουφόρος можетъ объясняться и Греческимъ словомъ βαρυφόρος—сильно влекущій. Но по обычному принаровленію варварскихъ словъ къ собственнымъ своимъ, и по пропуску Воронова порога, названіе βαρουφόρος или βαρρουφόρος, должно относиться къ нему.

6. Послѣ порога Будилы, также пропущеннаго у Константина, слѣдуетъ нижній Лѣсной (Лычной, Лишній, Личной), ему соотвѣтствуетъ въ описаніи Константина порогъ Русскаго названія Λεάντι; по Славянски же, говоритъ онъ, βερούτζη или βερόντζη, что значитъ βράσμα νερου—[13] кипѣніе воды.

---

[12] Валунами называются большіе камни кругляки, какъ булыжникъ.

[13] Дюканжъ производитъ νερόν—вода отъ ὑγρόν; слова νηρός, ναρός—текущій, считаются позднѣйшими; но начало слова въ Санскр. нира, нара—вода. Вишну,

Туманъ отказался отъ объясненія *Леанди*. Струбе, искалъ въ языкахъ Ирландскомъ, Кельтскомъ и Финнскомъ [14] слова означающаго кипѣніе воды, и нашелъ только lan, lain—сильное теченіе; а по Исл. leine—кипятокъ. Прибавимъ, что по Финнски Lainet знач. unda, fluctuo. Лербергъ обратилъ вниманіе на слово Веронци, и такъ какъ за порогомъ находится островъ большой Дубовъ, то и предположилъ, что Казаки, проѣзжавшіе пороги, выходили здѣсь на берегъ—Land, и варили кашу; отсюда и образовалось Русское Λεάντι и Славянское βερόντζη, т. е., варница.

Послѣ этого, для чего же не обратиться и къ Греческому Словарю и не принять въ объясненіе λεάντι слово λεαντήρ, что значитъ раздробляющій въ прахъ—der zerreibt, vernichtet—мелетъ, толчетъ? Но, снова, не правильнѣе ли будетъ отнести Русское названіе Λεάντι къ порогу *Лѣсному*, или къ нижнему Луганскому, какъ мы уже замѣтили о порогѣ Лоханскомъ, который въ сущности долженъ быть Верхній Лѣсной или Луганскій—Λεχαντί?

Нижняго Вольнаго порога, или, полагаю, вѣрнѣе, нижняго Валуна, опаснѣйшаго изъ пороговъ, по Выри или Вырищу (воротъ, водоворотъ), называемому Волчьимъ горломъ, Константинъ не могъ пропустить, и не назвать также βουλνιπράχ; но доставившій ему свѣдѣнія могъ обратить болѣе вниманіе на кипящее вырище, и дать названіе порогу βερούτζη—вороцъ, или вырище, объясняя, что это значитъ βράσμα νερού.

7. Между *Лѣснымъ* порогомъ и *Вольнымъ* находится Таволжанскій островъ и незначительный порогъ того же названія. Островъ должно принять за Στρούβουν, а порогъ за Ναπρεζή, что значитъ по Константину μικρὸς φραγμός, т. е. не порогъ, а пражецъ, забора.

божество движенія, теченія, носитъ названіе Нараяна, или Нираджана—нарожденный отъ водъ. Отсюда Νηρευς—Нерей—богъ водъ, и Нереиды—нимфы водъ. Nerinus названіе Марса, по значенію Вишну, въ свойствѣ божества войны.

[14] Смотри исчисленіе всѣхъ Скандинавскихъ объясненій въ соч. М. П. Погодина: «О происхожденіи Руси.»

За нижнимъ Вольнымъ порогомъ Днѣпръ течетъ между скалами, съуживаясь до 200 саж.; но при поворотѣ къ мысу Кичкасъ, расширяется и, протекая по западной сторонѣ обширныхъ болотъ, называемыхъ Великій лугъ, «походитъ болѣе на озеро, нежели на рѣку,» какъ говоритъ Графъ Уваровъ, въ Изсл. о древней Южной Россіи.

Это-то расширеніе до величины озера и приписано у Константина, вмѣсто нижняго Вольнаго порога, верхнему Вольному—βουλνιπράχ, διότι μεγάλην λίμνην 'αποτελεῖ.

Сведемъ всѣ названія пороговъ по свѣдѣніямъ Константина Багрянороднаго:

1. Яцкій порогъ—'Εσσουχῆ.
2. Сурскій—Σουρβόρσι (Суровскій).
— Сурскій островъ—Οστροβουνίπραχ.
3. Лоханскій (т. е., Луганскій)—Λεχανδρί.
4. Звонецъ—'Ηχως φραγμοῦ.
5. Ненасытецкій—Νεαδίτ.
— при немъ Вырь или Вихоръ—пучина, называемая Пекломъ—βειχάρ ('Αειφάρ).
6. Воронова забора—βαρουνόρος.
7. Верхній Вольный (Валунъ)—βουλνιπράχ.
8. Нижній Лѣсной или Нижній Луганскій—Λεάντι. [15]
9. Островъ и порогъ Таволжанскій—Στρούβουν, также, какъ Лоханскій по острову названъ—'Οστροβουνιπράχ.

10. Нижній Вольный (Валунъ) названъ по выри, или вороти—Волчье горло—βερούτζη.

— За Нижнимъ Вольнымъ, Днѣпръ, послѣ теченія между утесами и разливаясь по низменнымъ мѣстамъ, кажется озеромъ—μεγάλη λίμνη, отнесеннымъ, по свѣдѣніямъ Константина, къ Верхнему Вольному—βουλνιπράχ.

---

[15] Въ южномъ нарѣчіи буква *Г* такъ мягка, что въ произношеніи для иностранца почти не существуетъ.

11 Названіе Ναπρεζή—не прагъ, а забора—μικρὸς φραγμός, должно, по смѣшенію пороговъ въ описаніи, относиться къ Будильскому, или Таволжанскому.

Мы замѣтили уже, что въ описаніи Константина, всѣ Русскія названія пороговъ отзываются Греческимъ смысломъ; исчислимъ ихъ:

'Ουλβορσὶ—'Ουλοβόρος—всепожирающій.

'Αειφάρ, соотвѣтственный Неясытцу—'Αειφορός—вѣчно влекущій, вѣчно требовательный.

βαρουφόρος—βαρυφονός—громозвучный, или βαρυφόρος—сильно порывистый.

Λεάντι—Λεαντήρ—раздробляющій, сокрушающій.

Στρούβουν—Στροβός—пучина, водоворотъ.

Должно полагать, что у Константина были въ рукахъ два различныхъ свѣдѣнія о Днѣпровекихъ порогахъ: одно, по разспросамъ у какого ни будь бывалаго корабельщика, или купца Грека, сообщавшаго на обумъ Русскія названія, искаженныя и приспособленныя къ созвучнымъ Греческимъ словамъ; другое, подобной же вѣрности, но подъ эпитетомъ Славянскихъ названій.

Но на какомъ же основаніи Константинъ отличаетъ Русскій языкъ отъ Славянскаго? Не на томъ ли, на какомъ нѣкоторые изъ Византійскихъ историковъ отличали Гунновъ отъ Скиѳовъ? А такъ какъ въ его время вся уже Европа «Ruthenos et Hunnos pro iisdem accipit» и Русь называлась «Hunnorum terra,» то, слѣдовательно, Гунны или Русь, покоривъ, де, Великую Скиѳію, были народъ, и по происхожденію и по языку, чуждый Скиѳамъ, или Славянамъ.

Въ заключеніе присоединимъ, что нельзя удивляться ошибкамъ въ описаніи Константина Багрянороднаго, но не возможно не удивляться, что слова Нестора: «А Словѣнескъ языкъ и Руськый одно есть», могли быть заглушены плевеломъ чуждаго ложнаго ученія о происхожденіи Руси.

Д. Членъ **А. Вельтманъ.**

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

на

СОЧИНЕНІЯ Ф. СМИТА:

1. Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ. Перев. съ Нѣмецкаго Гвардіи Капитаномъ Квитницкимъ. 3 тома. Спб. 1863—1864.

2. Отзывы и мнѣнія военно-(?) начальниковъ о Польской войнѣ, переведенныя съ Нѣмецкаго имъ же. Спб., 1867 г.

Тотчасъ по возстановленіи Царства Польскаго Императоромъ Александромъ I, дѣйствовавшимъ въ этомъ случаѣ, по мнѣнію покойнаго Императора Николая, вопреки выгодамъ своего народа, благодарные Поляки покрыли все Царство сѣтью тайныхъ обществъ, поставившихъ себѣ цѣлью ниспроверженіе дарованнаго имъ правленія. Подобно Мадьярамъ, Поляки понимали и понимаютъ свою народную незначительность, и, подобно тому, какъ тѣ въ господствѣ надъ Славянами думаютъ найти средство для образованія сильнаго Мадьярскаго Государства, Поляки усиливались и усиливаются занять видное мѣсто въ политическомъ мірѣ, подчинивъ себѣ Россію, западную и южную. Польшѣ Императора Александра Поляки дали презрительное названіе «Конгресовка», ставили ее, какъ Государство, ни во что, и придавали ей значеніе единственно, какъ опорной точкѣ, около которой должны были сосредоточиваться средства подготовлявшагося возстанія. Всѣ надежды возлагались на Русскія области. Заговоры работали въ нихъ неутомимо, и тайныхъ обществъ здѣсь было болѣе, чѣмъ въ Конгресовкѣ. Но такіе искусившіеся, прошедшіе

вѣковыя школы, интриганы, каковы коноводы Польской справы, были слишкомъ себялюбивы и слишкомъ осторожны для того, чтобы броситься въ борьбу, очертя голову. Подобно мышамъ въ знаменитыхъ «Похоронахъ Кота», везшимъ возъ сѣна, чтобы было куда спрятаться, если бы котъ внезапно выпрыгнулъ изъ гроба, вожаки подготовлявшагося бунта, по примѣру своихъ праотцевъ, прежде всего искали себѣ надежныхъ плечъ. Долго пришлось бы имъ разжигаться затаенною ненавистью, если бы въ Парижѣ не вспыхнула Іюльская революція. Давно отыскиваемыя плечи Поляки предполагали найти въ подстрекательствахъ, шедшихъ изъ Франціи (туда они и направились послѣ погрома), и—мятежъ вспыхнулъ.

Бунтъ этотъ былъ бы еще въ концѣ Апрѣля оконченъ однимъ ударомъ, если бы за него взялись какъ слѣдуетъ. Не будемъ вдаваться въ подробное изложеніе причинъ, по которымъ война пошла сначала несвойственнымъ ей путемъ, и по чему съ нашей стороны она велась какъ бы въ оправданіе пословицы: «Удалось удалому нагишемъ сѣсть, да ежа раздавить.» «Сила соображенія и разсудка — даръ Божій, говоритъ самъ Ф. Смитъ» («Мнѣнія», 18 примѣч. къ «Очеркамъ Паскевича», стр. 153); намъ остается, слѣдовательно, преклониться предъ Божіею волею, обидѣвшею, въ началѣ 1831 года, старшихъ Русскихъ Генераловъ. Дѣйствительно, ежей было передавлено въ достаточномъ количествѣ, но дѣло не подвигалось впередъ ни на шагъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы все могло кончиться. Но, казалось, само небо пришло въ негодованіе при видѣ оскорбленій, не заслуженно падавшихъ на нашу славную армію. Къ ней прибылъ Паскевичъ,—и война была кончена, какъ слѣдовало, громовымъ ударомъ, раскаты котораго пронеслись по всей Европѣ.

Война кончилась блистательно, но всѣ прежніе, предававшіеся высшимъ соображеніямъ, еже-давители, и главные, и ихъ помощники, и помощники помощниковъ, сохранившіе болѣе, или менѣе, глубокія впечатлѣнія о своихъ подвигахъ, всѣ этѣ господа были въ страшномъ безпокойствѣ: они знали, какъ Императоръ Николай ревниво охраняетъ отечественную военную славу, и—трепетали за свою будущность. Нужно было оправдаться во что бы

то ни стало, и, въ слѣдствіе заботъ, внушаемыхъ самосохраненіемъ, появилась «Исторія Польскаго возстанія», Смита. Императоръ Николай тотчасъ замѣтилъ, кто и въ чей огородъ забрасываетъ камешки: онъ повелѣлъ книгу Смита прихлопнуть запрещеніемъ. Но главный виновникъ неудачъ, или кого съумѣли выставить главнымъ, сошелъ въ могилу, другой былъ навсегда устраненъ отъ командованія войсками; прочіе стояли ниже его гнѣва, и все успокоилось.

Таковы побужденія, вызвавшія на свѣтъ книгу Смита. Между людьми, близко знавшими дѣло, Смитъ всегда считался лицомъ, подставленнымъ сторонниками первой половины войны 1831 года. Но выборъ былъ сдѣланъ ими удачно: Смитъ оказался дѣльнымъ компиляторомъ сообщенныхъ ему свѣдѣній и появившихся въ иностранныхъ литературахъ сочиненій. Отстаивая своихъ милостивцевъ, онъ, правда, съ тѣмъ вмѣстѣ, отдается и своимъ естественнымъ влеченіямъ, и отъ того описанія дѣйствій Польскихъ войскъ и повстанскихъ шаекъ у него выходятъ выпуклѣе, нежели описанія подвиговъ Русской арміи. Но и въ этомъ отношеніи Нѣмецкій компиляторъ оказывается ни чѣмъ не хуже отечественныхъ, и даже даровитѣе многихъ изъ нихъ: изложеніе его послѣдовательнѣе, стройнѣе, и бѣлыя нитки, которыми сшивается всякая компиляція, у него не такъ бросаются въ глаза, какъ, на прим., въ извѣстной «Исторіи Отечественной войны», къ довершенію всѣхъ совершенствъ, пропитанной какимъ-то непонятнымъ космополитизмомъ.

При всемъ этомъ сочиненіе Смита нельзя не считать замѣчательнымъ по многимъ обстоятельствамъ. Въ немъ излагаются взгляды на войну главныхъ ея дѣятелей въ началѣ 1831 года, совершенно разъясняющіе пониманіе ими военнаго дѣла и, слѣдовательно, проливающіе яркій свѣтъ на причины прискорбныхъ явленій, совершившихся на театрѣ войны до пріѣзда къ арміи Паскевича; въ немъ довольно подробно излагаются различныя предположенія относительно того, какъ бы слѣдовало поступить, обыкновенно появляющіяся тогда, когда дѣло уже испорчено. Этѣ предположенія тоже служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что планъ войны не былъ разработанъ съ надлежащею полнотою. Наконецъ, война эта, въ слѣдствіе совершеннаго

неумѣнья вести ее, разрѣшилась множествомъ второстепенныхъ и мелкихъ военнымъ дѣйствій, весьма поучительныхъ для молодыхъ людей, начинающихъ военное поприще. Этѣ дѣйствія у Смита описаны довольно подробно. Все это вмѣстѣ заставляло желать появленія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Смита. Переводчикъ распорядился, впрочемъ, чтобы чтеніе его перевода съ послѣднею цѣлью было невозможно.

Онъ завершилъ свой трудъ переводомъ «Отзывовъ и мнѣній Военно (?) начальниковъ о войнѣ 1831 года.» Книгу эту, по справедливости говоря, переводить не стоило, или, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы не въ такомъ видѣ представить на судъ отечественной публики. Кромѣ «Очерковъ» Князя Варшавскаго, давно уже всѣмъ извѣстныхъ, остальное ни чего не прибавляетъ къ тому, что уже извѣстно изъ Исторіи Смита, а напротивъ выставляетъ самого Смита либеллистомъ, котораго страхъ не удерживаетъ уже въ границахъ приличія, или лучше, который цинически издѣвается надъ всѣми приличіями. Диѳирамбъ Польскимъ Генераламъ (введеніе въ секретныя донесенія Дибича); сужденія о Фельдмаршалѣ Дибичѣ, высказанныя докторально (по смерти Толя, когда уже не было надобности приносить Дибича въ жертву другимъ интересамъ), безъ всякихъ доказательствъ, которыя, слѣдовательно, предлагается принять на вѣру; наконецъ возмутительное кощунство надъ славною памятью Князя Варшавскаго: вотъ перлы этой книжонки. Налюбовавшись ими вдоволь, Г. переводчикъ предлагаетъ ихъ восхищенію Русской публики, украсивъ, къ довершенію всего, примѣчаніями загадочнаго свойства. [1]

---

[1] На примѣръ, примѣч. къ 7 стр. Записки Хржановскаго: «Значительная побѣда должна была оказать великое вліяніе на все, что говорило по Польски.» Какія соображенія заставили Квитницкаго такъ рѣшительно налагать клеймо позора на всѣхъ Поляковъ безъ исключенія? А тѣ честные люди, которые, презрѣвъ всѣ внушенія, остались вѣрны долгу и присягѣ? А тѣ Офицеры Польскаго происхожденія, которые не захотѣли запятнать своей чести и оставались въ рядахъ Русской арміи, по тому что не можетъ быть ни чего презрѣннѣе, какъ измѣна знамени и боевымъ товарищамъ? Предисловіе къ Запискамъ Русскаго Генерала, забавно объясняющее причины революціи, вспыхнувшей въ 1830 г., приличнѣе бы встрѣтить въ «Новомъ Времени.»

Не желаніе возстановить славу покорителя Варшавы, а другія побужденія, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, заставляютъ насъ остановиться надъ этою книжкою болѣе, нежели она заслуживаетъ: пыльное облако, поднятое около славнаго имени подкупными и озлобленными хулителями, разсѣется само собою, и великій человѣкъ появится передъ глазами благодарнаго потомства въ своемъ истинномъ блескѣ. Къ тому же въ такомъ желаніи даже настоятельной надобности нѣтъ. Собственно мы желаемъ пособить нашимъ читателямъ освободиться отъ вліянія ложныхъ авторитетовъ, взглянуть на дѣло своими глазами.

Прежде всего считаемъ долгомъ сказать, что мы не можемъ понять, по какимъ соображеніямъ Г. переводчикъ считаетъ Смита оракуломъ военнаго искуства, вѣритъ въ его непогрѣшительность, видитъ въ немъ кого-то въ родѣ Папы Римскаго Г. переводчику не мѣшало бы собрать доказательства, по чему, на примѣръ, Смитъ полагаетъ, будьто, такъ называемый, «Журналъ Толя,» предшествовалъ появленію «Очерковъ Паскевича», а не на оборотъ. Недавній усмиритель Венгріи, другъ Императора, которому въ Высочайшемъ присутствіи отдавались Царскія военныя почести, сталъ бы Князь Варшавскій, въ 1849 году, въ апогеѣ своей силы и славы, тратить время на возраженіе безсильному шипѣнію зависти! Напротивъ того, по словамъ многихъ свѣдущихъ людей, «Очерки Паскевича» относятся къ 30-мъ годамъ, а мнимый «Журналъ Толя» есть оправданіе въ обвиненіяхъ, содержащихся въ «Очеркахъ»; этому оправданію весьма ловко дана форма дневника, для закрытія истинныхъ побужденій, вызвавшихъ его къ жизни. Кажется, Г. переводчикъ напрасно также раздѣляетъ мнѣніе Смита о страхѣ, будьто бы внушаемомъ Толемъ Князю Варшавскому, страхѣ, доходившемъ яко бы до того, что онъ связывалъ Паскевичу и языкъ и руки. Мы вполнѣ вѣримъ, что Толь представлялся Смиту не иначе, къ въ видѣ сильнаго и могучаго богатыря, передъ которымъ все трепетало и падало ницъ; но по чему Г. переводчикъ полагаетъ, что такое воззрѣніе, общее ему со Смитомъ, должно принадлежать и Князю Варшавскому?

Говорятъ: «Паскевичъ былъ человѣкъ, дурно приготовленный первоначальнымъ воспитаніемъ» («Днев. Толя,» стр. 9—12). Люди,

подобные Паскевичу, предчувствуютъ свое назначеніе и готовятся къ нему. Ермоловъ не учился ни въ какой школѣ, но съумѣлъ же приготовиться къ артиллерійскому экзамену уже въ Офицерскихъ чинахъ, съумѣлъ же выучиться Латинскому языку такъ, что могъ свободно читать классиковъ. Послѣ 1816 года Паскевичъ былъ извѣстенъ всѣмъ (только Толь этого не знаетъ) за Генерала, сильно занимающагося военною литературою. Можно судить, чѣмъ долженъ былъ сдѣлаться Паскевичъ при врожденныхъ военныхъ дарованіяхъ, практической подготовкѣ въ войнахъ съ Наполеономъ и усиленныхъ десятилѣтнихъ занятіяхъ военною литературою. И дѣйствительно, съ самаго пріѣзда на Кавказъ, Паскевичъ обнаружилъ большую самостоятельность и еще бо́льшую разборчивость въ выборѣ помощниковъ. Попасть къ нему въ дядьки было просто не возможно; а въ подобной слабости, въ желаніи навязаться каждому начальнику въ руководители, еще въ 20-ти годахъ обвинялъ Толя Ермоловъ. Изъ, такъ называемаго, «Дневника Толя,» видно, что остановленный Главнокомандующимъ въ своихъ неумѣстныхъ притязаніяхъ, Толь, изъ желанія поставить на своемъ, не останавливался ни передъ чѣмъ: пытался запугать Фельдмаршала, выставляя ему на видъ, что лица, составляющія Штабъ, утверждены въ должностяхъ Государемъ Императоромъ, и по тому имъ должно во всемъ вѣрить (т. е., плясать по ихъ дудкѣ, «Дневн. Толя,» стр. 12); пробовалъ подавать докладныя записки черезъ графа Орлова. Послѣ этого становятся понятны тѣ мученія, которыя долженъ былъ выносить Паскевичъ при видѣ Начальника Штаба, неспособнаго къ прямой своей обязанности и, между тѣмъ, упрямо отстаивающаго свои мнимыя права. Въ «Очеркахъ» онъ выразилъ это состояніе скромною фразою: «Тяжело мнѣ было дѣйствовать вопреки всѣмъ, за которыхъ было мнѣніе всей Главной Квартиры.»

Сдѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что въ «Дневникѣ» Толю не разъ измѣняетъ память, и онъ высказываетъ иногда то, что вовсе не схоже съ истиною. Такъ къ именамъ Сакена и Красовскаго (въ арміи были два Генерала, положительно говоритъ Паскевичъ) онъ присоединилъ имя Генерала Н. Н. Муравьева, включивъ, такимъ образомъ, и его въ число Генераловъ, удаленныхъ Княземъ Варшавскимъ изъ Кавказскихъ войскъ. Еще въ

началѣ Персидской войны Паскевичъ взялъ было въ Начальники Штаба Красовскаго, но разстался съ нимъ весьма скоро, точно также какъ и съ другими. Ушагенское дѣло въ Персидскую войну показало, способенъ ли былъ Красовскій командовать отдѣльною частью; это же обнаружилось и на исходѣ Аджарской экспедиціи, въ 1829 году. О многихъ лицахъ, приведенныхъ въ «Журналѣ Толя,» никто на Кавказѣ и не слыхалъ (на примѣръ, о Гасфортѣ), кромѣ близкихъ ихъ знакомыхъ. Говорили о Ковалевскомъ, объ Эспехо, можетъ быть, о Вальховскомъ; можетъ быть, люди этѣ по чему либо не нравились Паскевичу, но они въ то время занимали такія незначительныя должности, что не возможно предположить, будьто Паскевичъ могъ вспомнить о нихъ въ Польшѣ. Но какимъ образомъ Толь могъ припутать сюда и Муравьева? Уже въ Персидскую войну Николай Николаевичъ, замѣченный Паскевичемъ, сдалъ командованіе 7 карабинернымъ полкомъ Барону Фридрихсу, и снова, надѣвъ мундиръ Генеральнаго Штаба, былъ правою рукою Паскевича; онъ остался тѣмъ же и въ Турецкую войну. Настоящимъ Начальникомъ Штаба, т. е., такого управленія, въ которомъ, по мысли Паскевича, разработывались военныя предположенія, былъ Муравьевъ; при Паскевичѣ онъ получилъ Генеральскіе эполеты; Паскевичъ назначилъ его командиромъ гренадерской бригады, что на Кавказѣ всегда считалось наравнѣ съ командованіемъ дивизіею. Наконецъ назначеніемъ въ армію, дѣйствовавшую въ Польшѣ, Муравьевъ былъ обязанъ Паскевичу: говорили, будьто Императоръ потребовалъ у Паскевича надежнаго Генерала, способнаго командовать гренадерскою бригадою Литовскаго корпуса, и Паскевичъ послалъ Муравьева. Если бы Паскевичъ не благоволилъ къ Муравьеву, послѣдній не вышелъ бы такъ скоро въ корпусные командиры, и не кому было бы указать на него, какъ на человѣка, способнаго занять мѣсто Военнаго Министра, въ слѣдствіе чего противъ Муравьева устроилась интрига, на долгое время удалившая его отъ командованія войсками.

Чтобы не плодить разсужденій и нагляднѣе передать свои положенія, мы позволимъ себѣ обратиться къ сравненіямъ и примѣрамъ.

Увѣряютъ, будьто войною съ Персіянами нельзя составить значительной военной славы; но забываютъ при этомъ, что Котля-

ревскій только съ ними и воевалъ, а между тѣмъ составилъ себѣ громкое имя; забываютъ, что, дѣйствуя и противъ этѣхъ, столь презираемыхъ Персіянъ, съумѣлъ же Красовскій заняться давленіемъ ежей. Это, кажется, доказываетъ, что какъ дарованіе, такъ и бездарность, могутъ ясно выказаться въ каждой войнѣ. Персидскую войну Паскевичъ окончилъ блистательнымъ миромъ; не доказываетъ ли это его бездарности?

Перейдемъ къ Турецкой войнѣ. Паскевичъ началъ ее съ 11—12 тысячами человѣкъ; болѣе нельзя было отдѣлить для главнаго корпуса, дѣйствовавшаго подъ его начальствомъ. Вычтя уроны, понесенные при взятіи Карса, и гарнизонъ, оставленный въ этой крѣпости, окажется, что Паскевичъ пошелъ къ Ахальцыху съ 8—9 тысячами человѣкъ. Населеніе Ахальцыхскаго пашалыка считалось во всей Азіятской Турціи самымъ воинственнымъ. Ахальцыхъ былъ сильно укрѣпленъ и поддерживаемъ, независимо отъ своего боеваго населенія, арміею, стоявшею вблизи города. «Мы не Эриванскіе, не Карскіе, а Ахальцыхскіе жители, говорили Паскевичу депутаты Ахалкалаки.»—Противъ такихъ-то бойцевъ выступилъ Паскевичъ къ Ахальцыху съ горстью войска, по непроходимой мѣстности, разработывая дорогу и спуская артиллерію на рукахъ. Конечно, это служитъ даказательствомъ его нерѣшительности. Подъ Ахальцыхомъ къ нему присоединился, черезъ Боржомское ущелье, Херсонскій гренадерскій полкъ. и такимъ образомъ силы его возрасли до 10 тысячъ. Съ этѣми войсками, оставивъ часть ихъ для наблюденія за городомъ, слѣдовательно, съ 8—9 тысячами, Паскевичъ разбилъ Турецкія войска, предполагавшія воспрепятствовать осадѣ. Съ силами, почти равными силамъ гарнизона, онъ пошелъ на приступъ и взялъ Ахальцыхъ, и этѣмъ блистательнымъ подвигомъ, успокоившимъ весь Кавказъ, завершилъ походъ 1829 года. Конечно, этѣ блестящія послѣдствія слѣдуетъ приписать не рѣшительности и глубоко соображенному плану, а простой случайности, счастію. Такъ, Паскевичъ не читалъ тетрадекъ, наставляющихъ, какъ слѣдуетъ соображаться съ обстоятельствами и мѣстностью и, стало быть, не былъ способенъ распоряжаться большими военными дѣйствіями.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ въ Европѣ. Армія, поступившая подъ начальство Дибича и Толя, была одна изъ велико-

лѣпнѣйшихъ армій въ мірѣ: она была составлена изъ людей, воевавшихъ съ Наполеономъ; двѣнадцать лѣтъ муштровали ее, уча облическому шагу, деплоядамъ и другимъ тонкостямъ, въ которыхъ Штабъ 1-й арміи былъ весьма изобрѣтателенъ; кавалерія и артиллерія были въ блистательномъ положеніи; армію эту поддерживала наша несравненная гвардія; всѣ средства Государства были отданы въ распоряженіе Главнокомандующаго; ему помогалъ флотъ, господствовавшій на Черномъ морѣ. Казалось, чего бы нельзя было сдѣлать съ такими пособіями! Всѣ видѣли, однако жъ, что было сдѣлано. Перешедши черезъ Дунай, погнались разомъ за тремя зайцами: и за Силистріей, и за Варной, и за Шумлой; гвардейскій егерскій полкъ теряетъ знамя (Мимисофларъ); войско терпитъ недостатокъ въ продовольствіи, фуражѣ, кавалерія гибнетъ, ветераны Наполеоновскихъ войнъ падаютъ не отъ ударовъ непріятеля, а отъ госпиталей, внушающихъ солдатамъ неотразимый ужасъ. Богу изволившу, Варну наконецъ взяли (счесть бы, во что обошлась эта осада въ матеріяльномъ отношеніи), отъ Шумлы и Силистріи отошли и, погубивъ въ половину армію, сильно разстроивъ ее, закончили походъ 1828 года. Но такимъ исходомъ ея могутъ быть недовольны одни невѣгласы, какъ говорили въ старину, а теперь съ Французскаго профаны.

Дикіе люди этѣ невѣгласы! Между ними укоренилось, на примѣръ, предубѣжденіе, которое не въ состояніи сломить ни какія тетрадочки, будьто только бездарность и посредственность вѣчно натыкаются на непреодолимыя препятствія, и горько на нихъ плачутся. Невѣгласы вѣруютъ, будьто у этѣхъ горе-воителей вѣчно и вѣтры сѣверные дуютъ, и дожди льютъ, и туманы разстилаются, и земля размокаетъ, и рѣки выступаютъ изъ береговъ; словомъ, завистливая природа коварствуетъ за одно съ непріятелемъ; будьто, за одно съ коварною природою, коварствуютъ и свои, на кого слѣдовало бы положиться, какъ на каменную стѣну: и корпусные командиры, не взявъ въ толкъ диспозиціи, дѣлаютъ не то, что слѣдуетъ, и войска увлекаются, и депеши не доходятъ во время по назначенію. Ни какія, самыя сообразныя съ обстоятельствами и мѣстностью, доказательства, не дѣйствуютъ на несвѣдущихъ. На ропотъ противъ природы и людей

они обыкновенно отвѣчаютъ по своему. У Румянцева, говорятъ они, у Суворова, у Кутузова, у Циціанова, у Котляревскаго, у Ермолова, у Паскевича сидѣла же природа смирно, не смѣла коварствовать; корпусные командиры понимали же диспозиціи; Генералы, Полковнички и храбрые солдатушки дѣлали свое дѣло по присягѣ, служили вѣрою и правдою, и никто не взводилъ на нихъ поклепа въ увлеченіи, свойственномъ однѣмъ нестройнымъ Восточнымъ толпамъ; Атаманы-молодцы, сквозь огонь и воду, во время провозили же ввѣренныя имъ летучки.

Чума (Смитъ, Введ. къ секр. донес., стр. 139) появилась и на Кавказѣ въ зиму съ 1828 на 1829 годъ, но ее задушили въ самомъ зародышѣ крѣпко принятыми мѣрами. Мы сами жили въ зачумленномъ городкѣ. Въ каждой лавкѣ, въ каждомъ домѣ, стояла чашка съ укеусомъ, смѣшаннымъ съ солью; нельзя было ни получить, ни отдать денегъ, не вымывъ ихъ въ этой смѣси; за провѣтриваніемъ комнатъ строго смотрѣли; карантинныя мѣры не были пустою формальностію, по тому что за ними строго слѣдили такіе люди, каковы Князь Бебутовъ, Бурцовъ. Къ веснѣ 1829 года о чумѣ не было и помину. Она появилась было въ 1829 году въ дѣйствующихъ войскахъ, но ей не дали развиться: на бивакахъ запылали громадные костры, предназначенные къ произведенію воздушныхъ теченій; около нихъ солдаты обязаны были провѣтривать и просушивать свою одежду; вещи, добытыя послѣ боя, непремѣнно или промывались, или окуривались; части, въ которыхъ обнаруживалась чума, немедленно отдѣлялись и перемѣняли мѣсто, весь дѣйствующій корпусъ постоянно мѣнялъ лагерную стоянку. Благодаря этѣмъ простымъ мѣрамъ, число чумныхъ жертвъ было ничтожно. Но и это, конечно, доказываетъ, вмѣстѣ съ прочимъ, недостатокъ въ Паскевичѣ распорядительности.

Въ 1829 году Паскевичъ открылъ походъ блистательнымъ переходомъ черезъ Саганлугскій хребетъ, разбитіемъ на голову арміи Сераскира и взятіемъ Арзрума. Дальше Паскевичъ не пошелъ, по тому что ити было не съ кѣмъ: давитв ежей онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія. Замѣтимъ при этомъ, что злѣйшіе враги Паскевича (а ихъ и на Кавказѣ у него было до-

вольно) никогда не отнимали у него чести составленія плана кампаніи, приведшаго къ такимъ блистательнымъ послѣдствіямъ, а только приписывали другимъ честь исполненія (какъ Толь присвоивалъ себѣ взятіе Варшавы); [1] славу же Саганлугскаго маневра никто и не помышлялъ приписывать кому либо другому, кромѣ Паскевича.

Все хорошо, что хорошо кончилось. И на Дунаѣ кончили войну подъ Константинополемъ, но вотъ въ чемъ разница: къ концу похода Кавказскій корпусъ былъ въ блестящемъ состояніи, и ветераны 12-го года послѣ войны пошли въ отставку; на Дунаѣ же они устлали своими могилами берега Дуная и Балканы. [2] Задунайская армія вывела обратно однѣ ничтожные кадры: подъ Адріанополемъ была тѣнь арміи, и дѣло довершила охватившая Турокъ паника. Пѣхота, и въ особенности кавалерія, составлявшія бывшую Задунайскую армію, состояли послѣ войны почти исключительно изъ рекрутъ; къ концу 1830 года въ кавалеріи люди, не умѣющіе ѣздить, сидѣли на необуѣзженныхъ лошадяхъ, и встрѣтить коннаго егеря, силившагося остановить лошадь крикомъ тпрру, было вовсе не рѣдкость. Вотъ какою цѣною, цѣною полнаго разстройства арміи, купили Дибичъ титулъ Забалканскаго, а Толь Графское достоинство. Если бы въ началѣ 1831 года пришлось воевать не съ одними Поляками, что многіе считали возможнымъ, то, по мнѣнію свѣдущихъ людей, наша армія была бы въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ Наполеона въ 1813 году, за годъ передъ тѣмъ погубившаго армію въ Россіи и выступившаго противъ старыхъ войскъ съ рекрутами.

Съ арміею, составленною изъ частей, ими же доведенныхъ до полнаго разстройства, съ Литовскимъ корпусомъ, въ которомъ неблагонадежность Офицеровъ ни для кого не была тайною,

---

[1] Да и тутъ были такіе люди, которые посмѣивались надъ присвоеніями и приводили въ примѣръ лашиваго писаря Прокофьева, который, подгулявъ, кричалъ обыкновенно на весь базаръ, что онъ съ Паскевичемъ Арзрумъ взялъ.

[2] Гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Никто не говоритъ о потеряхъ на сраженіи, объ настоящемъ военномъ дроворубленіи; но горько видѣть, если дрова рубятся безъ толку.

Главная Квартира рѣшила, что слѣдуетъ спѣшить военными дѣйдѣйствіями. А спросили бы у себя, куда спѣшить? Что могла сдѣлать Конгресовка? Утроить свои войска, укрѣпить Варшаву? Прекрасно! Но крѣпости брать намъ не привыкать стать; но, и утроивъ свои войска, Конгресовка не выставила бы болѣе 100 тысячъ; въ такой арміи старые солдаты потонули бы, и Полякамъ пришлось бы воевать съ недоученными рекрутами. Отчисливъ гарнизоны Модлина, Праги, Замостья и Варшавы и учебныя Депо, Поляки не могли бы вывести въ поле болѣе 75 тысячъ. Вотъ что наводило тревогу на Главную Квартиру, вотъ изъ за чего пошли впередъ, безъ твердо обдуманнаго плана! А между тѣмъ Толь служилъ въ Главной Квартирѣ еще въ 12-мъ году; слѣдовательно, ему были извѣстны продѣлки Бѣлорусскихъ Поляковъ, которые, пресмыкаясь предъ Александромъ I, въ то же время готовили рекрутъ Наполеону; въ Главной Квартирѣ всякій зналъ замыслы безчисленныхъ тайныхъ обществъ, гнѣздившихся въ Бѣлоруссіи, на Волыни и Подолѣ. Одна уже неблагонадежность главнѣйшаго сословія въ этѣхъ краяхъ, заправлявшаго всѣмъ, кажется, должна была навести на мысль, что спѣшить было некуда, что прежде всего слѣдовало обезпечить свой тылъ, прочно занявъ мѣсто, на которомъ стояли.

Нельзя рѣшить, которому изъ двухъ плановъ, избранныхъ для вступленія въ Царство Польское, слѣдуетъ отдать предпочтеніе: плану ли Дибича, состоявшему въ томъ, чтобы просто итти впередъ и давить ежей, или плану Толя, по которому прежде слѣдовало раздавить ежа, а потомъ уже итти къ верховьямъ Вислы для переправы. Противъ перваго плана, поражающаго своею простотою, сказать нечего: цѣль его поставлена ясно и опредѣлительно. Противъ плана Толя, отличающагося большею замысловатостью, можно дозволить себѣ нѣкоторыя соображенія. Во первыхъ, онъ обнаруживаетъ въ творцѣ его неудержимое желаніе погнаться за двумя зайцами разомъ; во вторыхъ, какъ-то не совсѣмъ понятно, по чему слѣдуетъ ослаблять себя сраженіями, такъ сказать, напрашиваться на нихъ, если судьба войны должна рѣшиться на лѣвомъ берегу Вислы? Впрочемъ, еще ни что не было потеряно, кромѣ драгоцѣнной Русской крови. Пошли къ переправѣ. За чѣмъ пошли со всею арміей? За чѣмъ не отправили къ

переправѣ достаточно сильный корпусъ, а съ остальными войсками не остались у Праги, не озаботились доставкою изъ Седльца продовольствія, необходимаго на первое время и на другомъ берегу Вислы? При такихъ мѣрахъ вылазка изъ Варшавы, обрушившаяся на Розена, была бы не возможна. Наконецъ, если бы подъ Прагою авангардомъ командовалъ Муравьевъ, если бы подъ Игане былъ другой арріергардный командиръ, Поляки не много сдѣлали бы и противъ Розена. [1] За чѣмъ потомъ не пошли отъ переправы на перерѣзъ Полякамъ и не заставили ихъ дорого расплатиться за нападеніе на Розена? Хлѣба не хватило! Но хватило же его на движеніе къ Лукову; не лучше ли же было идти въ тылъ Полякамъ и, разбивъ ихъ, кормиться ихъ запасами? Та же нерѣшительность и во время движеній Скржинецкаго противъ гвардіи: вмѣсто Брокъ пошли на Высоко-Мазовецкъ и; послѣ Остроленки, опять въ арміи не хватило хлѣба. Замѣчательно, что Толь, такой радѣтель отечественной славы, такой проницательный, когда дѣло идетъ объ исправленіи будущихъ ошибокъ Паскевича, ни чего не видѣлъ у Дибича, не приложилъ старанія къ отвращенію тѣхъ промаховъ, въ которыхъ справедливо упрекаютъ его. Онъ могъ исполнить это тѣмъ легче, что, кромѣ права, которое давала ему Высочайше утвержденная за нимъ должность, пользовался и дружбою Фельдмаршала Дибича, питавшаго безграничное довѣріе къ военнымъ дарованіямъ своего Начальника Штаба.

Кто внимательно прочтетъ секретныя донесенія Дибича и Толя, тотъ непремѣнно убѣдится, что, кромѣ сѣтованій на коварнаго непріятеля и коварную природу, въ нихъ ни чего нѣтъ особеннаго. Можно, впрочемъ, изъ секретныхъ донесеній набрать нѣсколько крупныхъ перловъ, показывающихъ, какъ этѣ Генералы

[1] Въ «Мнѣніяхъ» (Секр. дон. Дибича) можно найти положительныя доказательства тому, что ни Дибичъ, ни Толь, командуя два года арміею, не знали въ ней ни Штабъ-Офицеровъ, ни Генераловъ.—Въ то время, когда 13 и 14 егерскіе полки переправлялись на лѣвый берегъ Мухавца, положеніе дѣла уже вполнѣ разъяснилось: не было сомнѣнія въ томъ, что Прондзинскаго никто не поддерживаетъ. Если бы, вмѣсто того, чтобы отводить войска арріергарда на правый берегъ, они были двинуты впередъ, одновременно съ атакою егерей, Прондзинскій былъ бы разбитъ на голову, и военная его слава погасла бы въ самомъ началѣ.

понимали военное дѣло...... «Вполнѣ возможно (Секрет. дон., стр. 164), если Ваше Величество признаете полезнымъ, оставить 1 кирасирскую дивизію въ ея настоящемъ расположеніи, на случай, если потребуются войска для подавленія безпокойствъ въ Россенскомъ и Шавельскомъ Уѣздахъ.» Кирасиры, употребляемые самостоятельно въ инсуррекціонной войнѣ! Это все равно, что прикрытіе артиллерійскимъ паркомъ какого либо пункта, могущаго подвергнуться нападенію! «Между тѣмъ (во время движенія къ Осеку: «Донесеніе Толя,» стр. 247) приближеніе наше принудитъ непріятельскую армію оставаться насупротивъ насъ для охраненія столицы, и ей придется притянуть обратно всѣ части, откомандированныя на правый берегъ, и тогда представится удобный случай приблизить войска Муравьева, Крейца и Барона Розена къ Сѣроцку и Седльцу, а Генералу Ридигеру приказать переправиться черезъ Вислу, гдѣ его содѣйствіе можетъ оказать главной арміи чрезмѣрную помощь.» Такимъ образомъ Толь, если бы ему дали волю, пошелъ бы къ переправѣ безъ Муравьева, а къ Ловичу безъ Крейца. Волосы становятся дыбомъ, когда подумаешь, что вышло бы, если бы такой планъ былъ приведенъ въ исполненіе со всѣми своими принадлежностями, т. е., съ посылкою кавалеріи къ Калишу и другими прелестями, которыя можно вычитать въ «Дневникѣ Толя.» .....

Возмутительныя замѣчанія Смита на «Очерки Паскевича» по справедливости слѣдуетъ оставить безъ отвѣта: не возможно придавать какую либо цѣну словамъ человѣка, изъ нечистыхъ побужденій потерявшаго всякое понятіе о различіи добра и зла, человѣка неразборчиваго, отдающаго свое имя на прокатъ, для прикрытія не совсѣмъ хорошихъ побужденій. Изъ этихъ замѣчаній мы выбираемъ три.

Примѣч. 17, стр. 152:

«Какое гнусное подозрѣніе выражаетъ здѣсь Фельдмаршалъ! Какъ глубоко позволяетъ онъ заглянуть въ себя!» [5]

---

[5] Не дрогнула же рука у Г. Квитницкаго перевести это мѣсто и оставить его безъ поясненій! Гдѣ не надо, тамъ онъ на поясненія торовать.

Чѣмъ надрываться заказнымъ негодованіемъ, не приличнѣе ли было обратиться къ тѣмъ побужденіямъ, которыя могли вызвать этѣ слова у Князя Варшавскаго? Попытаемся сдѣлать это. Князь Варшавскій говорилъ о козняхъ.

Съ воцареніемъ Императора Николая Павловича открылась война съ Персіею. Въ то время Кавказомъ управлялъ Ермоловъ, навлекшій на себя глубокое нерасположеніе Императора, когда Николай Павловичъ, будучи еще Великимъ Княземъ, находился въ Парижѣ. Но Императоръ Николай никогда не ставилъ свое личное неудовольствіе выше Государственнаго блага; отпустивъ кому либо вину, или то, что онъ считалъ виною, онъ примирялся съ виноватымъ отъ всего сердца и оказывалъ ему полнѣйше довѣріе. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Ермоловъ окончилъ бы войну съ Персіянами также блистательно, какъ и Паскевичъ, и вошелъ бы черезъ это въ милость и довѣріе у Николая Павловича. Но козни работали, а козноdѣи никогда не думаютъ о благѣ отечества. Что Государь Николай Павловичъ не поддавался личному нерасположенію, что онъ сдерживалъ козни и уступилъ имъ не вдругъ, доказывается посылкою въ Тифлисъ Дибича: онъ долженъ былъ рѣшить на мѣстѣ, нуженъ ли Ермоловъ на Кавказѣ, или нѣтъ. Алексѣй Петровичъ и по обширному уму, и по знаніямъ, и по боевой опытности, былъ однимъ изъ первыхъ Генераловъ въ Европѣ, и Дибичу слѣдовало знать это лучше всякого. А между тѣмъ, поддерживая козни, онъ рѣшилъ, что Ермоловъ долженъ быть удаленъ. Думалъ въ это время Дибичъ о чести и славѣ своего Государя, о благѣ Отечества? Положимъ, Россія въ ту минуту ни чего не потеряла отъ замѣны Ермолова Паскевичемъ, но она потеряла въ будущемъ. Графа Витгенштейна долженъ былъ замѣнить въ 1828 году не Дибичъ, а Ермоловъ; Начальникомъ Штаба слѣдовало быть Алексѣю Александровичу Вельяминову. Тогда бы и на Дунаѣ мы увидѣли такія же блестящія дѣла, какъ и на Кавказѣ. Ветераны Бородина, Малаго Ярославца, Краснаго, Березины, Кульма, Лейпцига, Парижа, мирно дожили бы свой вѣкъ подъ родною кровлею, а не умножили бы собою количество безчисленныхъ госпитальныхъ жертвъ. Тогда бы и самая первая половина войны 1831 года была бы не та, какою мы ее видѣли. Когда Голо-

винъ и Нейдгардтъ доказывали на Кавказѣ свою неспособность потоками Русской крови, о чемъ думали козноДѣи, державшіе въ немилости Генерала Муравьева? — Графъ Забалканскій умеръ 29 Мая, Паскевичъ пріѣхалъ въ Пултускъ 13 Іюня; одно сопоставленіе этѣхъ цифръ съ тогдашними способами передачи извѣстій и путешествія, кажется, должно убѣдить всякого, что отставка Дибича и замѣщеніе его Паскевичемъ были уже рѣшены гораздо ранѣе. Смитъ увѣряетъ, будьто Дибичъ ни чѣмъ не виноватъ въ неудачахъ первой половины войны 1831 года. Согласимся на минуту съ этѣмъ. Тогда выйдетъ, что Дибичъ сдѣлался жертвою происковъ. И дѣйствительно, люди, участвовавшіе въ Польской войнѣ, увѣряютъ, что Толь, въ своихъ секретныхъ донесеніяхъ, всячески порочилъ распоряженія и дѣйствія Главнокомандующаго; что этѣ донесенія служили поводомъ къ рѣзкимъ замѣчаніямъ со стороны Императора и довременно свели Фельдмаршала въ могилу. А между тѣмъ, Толь, говоря по справедливости, не способенъ былъ замѣнить Дибича. Наконецъ Свѣтлѣйшій Князь Варшавскій, даровавшій Россіи Туркменчайскій миръ, покоритель Арзрума, Варшавы, усмиритель Венгріи, не устоялъ же противъ козней, и долженъ былъ подъ Силистріею признать себя контуженнымъ. О чемъ думали тогда козноДѣи: о своихъ ничтожныхъ цѣляхъ, или о благѣ Отечества?

Теперь, кажется, понятно, о чемъ шла рѣчь. Гнусны козни, гнусны козноДѣи, но въ желаніи разстроить козни нѣтъ ни чего предосудительнаго.

Примѣч. 49. «Имъ мало хорошаго положенія,» и проч. стр. 170.

Мы не понимаемъ, что Смитъ находитъ страннаго въ постоянномъ попеченіи Главнокомандующаго о продовольствіи арміи. У Дибича армія шла къ Милоснѣ, окруженная мародерами, безмысленно истощавшими страну и озлоблявшими населеніе; мародеры ослабляли боевой составъ арміи по крайней на 15% и разрушали дисциплину. Уже по одному этому нельзя не цѣнить заботливости Паскевича, съ пріѣздомъ котораго въ армію мародерство прекратилось. Но онъ заботился о солдатѣ не съ одною

холодною расчетливостью Генерала, сберегающаго свои средства дѣйствія: попеченіе Паскевича о солдатѣ было искреннее, и по тому носило на себѣ трогательный характеръ. Въ короткое время пребыванія Паскевича на Кавказѣ всѣ узнали, что онъ готовъ смотрѣть сквозь пальцы на всякія злоупотребленія, но не проститъ ни жестокаго обращенія съ солдатомъ, ни дурнаго содержанія его въ госпиталѣ, или лазаретѣ. Всѣмъ памятно, какъ былъ смѣненъ Командиръ 8 сапернаго батальона, любившій подраться. За дурной лазаретъ Пасчевичъ въ состояніи былъ сжить со свѣта полковаго Командира, и отъ того солдаты содержались и въ госпиталяхъ и въ лазаретахъ не только отлично, но даже привередничали; нечего и говорить, что они и не слыхали о кашѣ съ саломъ, снятымъ со щей, или супа, составляющей тоспитальную порцію. [6] Добавокъ картофеля и лишней чарки водки къ солдатскому раціону намъ не новость. На маршѣ отъ Аббасъ-Абада къ Эривани не хватило муки на полную солдатскую дачу. Паскевичъ приказалъ выдавать солдатамъ пшеницу въ зернѣ. Нѣкоторыя части съумѣли промыслить ступки, отолакивали пшеницу и варили довольно сносную кашицу; большинство ѣло пшеницу просто, разваривъ какъ можно сильнѣе. Эта новоизобрѣтенная кашица подавала поводъ къ добродушнѣйшимъ солдатскимъ шуточкамъ, но ропота не возбуждала.

Паскевичъ былъ человѣкъ благодарный. Привязанность его къ арміи, прославившей его и которую онъ прославилъ, была искренняя и глубокая. На смотрахъ собиралъ онъ Офицеровъ, и просилъ ихъ обращаться непосредственно къ нему съ своими нуждами; съ такими же просьбами отпускалъ онъ Офицеровъ, выходившихъ въ отставку за болѣзнью, или ранами. И это были не

---

[6] Многіе, я думаю, не забыли, какую передрягу надѣлалъ слѣдуюшій рапортъ, присланный Паскевичу дежурнымъ по Варшавскому госпиталю: «Бьетъ половина девятаго, телятины нѣтъ; бьетъ девять часовъ, телятины нѣтъ; бьетъ половина десятаго, нѣтъ телятины. Теряю терпѣніе, и посылаю купить на собственныя деньги.» Не прошло и получаса отъ врученія Паскевичу этого курьезнаго донесенія, какъ въ госпиталь прискакали: Начальникъ Штаба, Генералъ-Губернаторъ, Генералъ-Интендантъ, Начальникъ госпиталей и дежурные Адъютанты Паскевича. Долго потомъ помнилъ подрядчикъ, каково не доставлять телятину во время,

простыя слововыраженія. Въ критическія минуты многіе, вспоминая вызовъ Паскевича, обращались къ нему съ просьбами. Онъ брался за ихъ дѣла, какъ за свои собственныя, и при той силѣ, которою пользовался у Императора, всегда доставлялъ просителямъ удовлетвореніе. Голоса этѣхъ обязанныхъ Паскевичу людей теперь были бы кстати.

Уѣзжая съ Кавказа, Паскевичъ приказалъ ѣхать за собою двумъ Генераламъ: Панютину и Князю Абхазову. Панютинъ, герой Баязета, въ послѣдствіи прославившійся въ Венгріи, назначался въ Начальники Штаба; Абхазовъ долженъ былъ занять должность Генералъ-Интенданта. Но Панютинъ во время переѣзда попалъ въ плѣнъ, Князь Абхазовъ умеръ въ Полтавѣ отъ холеры. [7] Изъ старшихъ Генераловъ Главной Квартиры Паскевичъ взялъ Князя Горчакова, и удержалъ его въ должности Начальника Штаба изъ деликатности, какъ онъ дѣлалъ со многими: Горчаковъ не былъ Генераломъ, имъ избраннымъ.

Въ Восточную войну знаменитый военачальникъ ослабѣлъ физически, но сохранилъ по прежнему и проницательность, и вѣрность взгляда. Не Паскевичъ виноватъ въ томъ, что эта война окончилась разгромомъ Севастополя. Если бы Фельдмаршалъ распоряжался дѣйствіями нашихъ армій, подъ Севастополемъ командовали бы или Панютинъ, или Муравьевъ, или Лидерсъ, и дѣла пошли бы иначе. Но Фельдмаршалъ тревожился не за Севастополь; онъ смотрѣлъ гораздо дальше: онъ ожидалъ высадки на

---

[7] Князь Абхазовъ, заслужившій Георгіевскій крестъ еще Капитаномъ, кажется, на Ленкоранскомъ приступѣ, гдѣ онъ первый взошелъ на валъ, начальствовалъ потомъ 44 егерскимъ полкомъ. Въ то время, когда къ солдату относились весьма сурово, Абхазовъ выдѣлялся изъ толпы благороднымъ пониманіемъ отношеній къ нему начальника. У него въ лазаретѣ больнымъ давали чай (нужно вспомнить тогдашнія Кавказскія цѣны на чай и сахаръ, чтобъ понять значительность расхода), виноградное вино, куриные бульоны, жареныхъ куръ. Паскевичъ поручилъ ему заготовленіе продовольствія для дѣйствующихъ войскъ. Такимъ образомъ Интендантъ былъ у него кассиромъ и расходчикомъ. Ежели издержки, сдѣланныя на Кавказѣ, сравнительно съ тѣмъ, что истрачено на Дунаѣ, были весьма умѣренны, за это слѣдуетъ быть благодарнымъ Князю Абхазову.

Кавказскіе берега Чернаго моря. Шестидесятитысячная Европейская армія, поддержанная Дагестанскими и Черноморскими Горцами и Анатолійскою арміею, поставила бы Кавказскій корпусъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. На основаніи этѣхъ соображеній, Фельдмаршалъ предлагалъ очистить Кавказъ и стянуть Кавказскія войска на западной границѣ. Полтораста тысячъ (остальныхъ мы отчисляемъ на оборону Кавказской Линіи) тогдашнихъ Кавказскихъ солдатъ, равныхъ которымъ не было во всей вселенной, поддержанные гренадерскимъ корпусомъ и предводимые Паскевичемъ, были бы черезъ мѣсяцъ въ Вѣнѣ, и миръ былъ бы заключенъ, правда, въ Парижѣ, но при другихъ условіяхъ.

Примѣч. 54, стр. 173. «Я зналъ, что тутъ,» и проч.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ первую половину похода армія двигалась по Царству Польскому ощупью, ни чего не зная о непріятелѣ. Съ пріѣздомъ Паскевича дѣла измѣнились и въ этомъ отношеніи, и въ Главной Квартирѣ сталъ извѣстенъ каждый шагъ Польскихъ войскъ. О движеніи Галуа Паскевичъ зналъ въ слѣдъ за выступленіемъ его въ Блоне. Вотъ что разумѣлъ Фельдмаршалъ подъ словами: «Я зналъ,» и проч.

Мы говорили уже, что «Мнѣнія Военачальниковъ, слѣдовало бы издать не въ томъ видѣ, въ какомъ появились они у Русскаго переводчика. Самъ онъ говоритъ, что ему былъ доступенъ нашъ Военно-секретный Архивъ; въ этомъ Архивѣ, вѣроятно, хранится и записка Прондзинскаго, обнародованіе которой было бы гораздо важнѣе, чѣмъ переводъ записки Хржановскаго и ничтожныхъ замѣчаній самаго Прондзинскаго, относящихся къ мелочамъ. Къ тому же предположенія и дѣйствія Хржановскаго гораздо толковѣе изложены у Мѣрославскаго и Солтыка, чѣмъ у него самаго. Въ Военномъ же Архивѣ, вѣроятно, хранятся и секретныя донесенія Толя о дѣйствіяхъ Дибича. Толь посылалъ ихъ или черезъ Военнаго Министра (путь, указанный Начальнику Штаба закономъ), или, что правдоподобнѣе, черезъ Графа Орлова. Донесенія этѣ, по всей вѣроятности, докладывались Государю въ подлинникѣ, а изъ Государева кабинета имъ прямая дорога въ Секретный

Архивъ. Слѣдовательно, въ нежеланіи напечатать записку Прондзинскаго, составленную по волѣ Императора Николая, и секретныя донесенія Толя, нельзя не видѣть преднамѣренности, или, что еще хуже, кастовыхъ стремленій, въ слѣдствіе которыхъ существенное должно быть извѣстно только посвященнымъ, а масса военной публики должна довольствоваться пустяками.

Перейдемъ къ исполненію перевода сочиненій Смита. Неряшливѣе перевода Г. Квитницкаго мы ни чего не встрѣчали, за исключеніемъ Петербургскихъ ученыхъ изданій, дѣлаемыхъ на заученіе малой-толикой. Весь онъ состоитъ изъ сплетенія полонизмовъ, германизмовъ, галлицизмовъ, квитницизмовъ [8] и, въ довершеніе всего, усѣянъ безчисленными опечатками. Съ приложенною къ переводу Исторіи Смита картою нельзя вполнѣ слѣдить за второстепенными дѣйствіями; нѣтъ плановъ сраженій, данныхъ Ридигеромъ, Крейцемъ, Сакеномъ; самые планы, взятые изъ атласа Смита, могли бы быть выполнены болѣе удовлетворительнымъ образомъ.

Но все это дѣло поправимое. Обвиненіе въ небрежности, вмѣстѣ съ стремленіемъ смотрѣть свысока на остальное военное сословіе, падаетъ не на одного Г. Квитницкаго, а, за малыми исключеніями, и на другихъ нашихъ современныхъ военныхъ писателей. Г. Квитницкій можетъ быть обвиненъ въ увлеченіи дурными образцами, что не говоритъ въ пользу его самостоятельности, но, при благонамѣренности, о которой свѣдѣтельствуетъ желаніе послужить общей пользѣ, ему не трудно будетъ исправить свои, кажется, невольные промахи. Судьба перваго изданія перевода Исторіи Смита Г. Квитницкаго уже не озабочи-

---

[8] Что такое квитницизмы? спросятъ насъ. Это весьма извинительное въ военномъ ученомъ новой школы незнаніе элементарной Русской грамматики, незнаніе значенія Русскихъ словъ, незнаніе мѣста ихъ въ рѣчи. Все это, вѣроятно, неизбѣжныя послѣдствія воспитанія въ общеобразовательныхъ военныхъ школахъ, въ которыхъ воспитанники и теперь еще не умѣютъ правильно писать подъ диктовку. Г. Квитницкій пишетъ, на пр. (Пред. стр. 3): можешь думать, что хочешь, и сказать (говорить), что думаешь. Неумѣстное употребленіе глагола имѣть, цѣликомъ перенесено Г. Квитницкимъ съ Польскаго языка въ Русскій, и т. п.

ваетъ: онъ сбылъ его Г. Базунову; издержки по изданію «Мнѣній» самыя ничтожныя; слѣдовательно, Г. Квитницкій не встрѣтитъ матеріяльныхъ затрудненій въ приготовленіи второго изданія, къ которому, конечно, приступитъ съ большею противъ прежняго осмотрительностью. Пусть онъ отдастъ свои переводы кому либо на просмотръ. Правда, въ Петербургѣ трудно найти человѣка, правильно пишущаго по Русски; а мы, кромѣ того, желали бы, чтобы у будущаго исправителя переводовъ Г. Квитницкаго билось подъ мундиромъ и Русское сердце, чтобы ему была дорога Русская военная слава; чтобы онъ и теперь, 37 лѣтъ спустя, не могъ прочесть безъ волненія и донесеніе о Варшавскомъ приступѣ, и Варшавскій приказъ Паскевича. Въ этомъ случаѣ мы придемъ на помощь къ Г. Квитницкому указаніемъ на Военный Сборникъ прошлыхъ годовъ. Въ немъ отыщетъ онъ «Дневникъ Офицера,» участвовавшаго въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи. У этого Офицера есть слогъ, по тому что есть и талантъ, и сердце. Онъ не можетъ хладнокровно слышать Русскій барабанъ и Русское ура, гремящія на побѣдномъ полѣ; онъ не можетъ сухими глазами смотрѣть на это поле, покрытое темными, но великими, жертвами, принесенными за честь Царя, за славу и величіе Отечества; онъ самъ умиляется, и приводитъ въ умиленіе читателя. Для такого писателя, земля, орошенная Русскою кровью, будетъ святою землею, и онъ не пойдетъ по ней равнодушнымъ зѣвакою; для него будутъ полны смысла тѣ

.....поля, лѣса, долины,
Гдѣ отъ Русскихъ бѣгалъ врагъ.

Священный ужасъ патріотизма не допуститъ его легкомысленно и небрежно отнестись къ великому человѣку, прославившему свое Отечество. Съ предисловіемъ, написаннымъ этѣмъ Офицеромъ, въ которомъ, вмѣсто неумѣстнаго прославленія случайныхъ успѣховъ Польскихъ Генераловъ, будутъ ярко выставлены второстепенные Русскіе дѣятели войны 1831 года; съ атласомъ, старательнѣе прежняго составленнымъ, новый переводъ Г. Квитницкаго будетъ истиннымъ пріобрѣтеніемъ нашей военной литературы, а напечатаніе записки Прондзинскаго и секретныхъ донесеній Толя заставитъ забыть неловкое, чтобъ не сказать болѣе, изданіе «Мнѣній.»

Мы позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе по поводу исполненія перевода сочиненій Смита. У всѣхъ образованныхъ народовъ умѣнье выражаться изящно, по крайней мѣрѣ, стараніе писать и говорить правильно, считается первымъ признакомъ образованности. Напускная бойкость и вычурность слога, уличныя выраженія, всегда считались признаками бездарности и посредственности, усиливающихся необычнымъ строемъ рѣчи закрыть свое умственное ничтожество. Это соображеніе должно бы, кажется, удержать нашихъ военныхъ писателей отъ неосторожнаго подражанія дурнымъ образцамъ Петербургской литературы.

Наши замѣтки на переводъ сочиненій Смита написаны давно, въ слѣдъ за появленіемъ его въ печати, но мы не хотѣли оглашать ихъ, опасаясь вовлечься въ полемику. Просимъ Г. Квитницкаго вѣрить, что не желаніе заводить съ нимъ споръ и невольно сказать ему что либо колкое, а другія соображенія заставили насъ въ настоящее время заняться передѣлкой заброшенныхъ нами замѣтокъ. Мы хотимъ говорить объ увлеченіяхъ нѣкоторыхъ военныхъ писателей, стремящихся доставить въ нашемъ обществѣ господство понятіямъ, никогда не находившимъ себѣ къ намъ доступа, и отъ которыхъ слѣдуетъ старательно ограждаться. Мы отъ всего сердца будемъ благодарны, если намъ докажутъ ошибочность нашего взгляда.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы внушить Графу Толю такую недовѣрчивость къ способностямъ Паскевича управлять большими военными дѣйствіями? Кажется, на этотъ вопросъ не трудно отвѣтить удовлетворительно, если принять во вниманіе то высокомѣріе, съ какимъ обыкновенно техники смотрятъ на людей, не прошедшихъ черезъ школу. Мнѣніе, будьто при хорошемъ Генеральномъ Штабѣ (т. е., при техникахъ, годныхъ на войнѣ для подручныхъ работъ) Главнокомандующимъ можетъ быть всякій Генералъ, и что онъ благоразумно поступитъ, отдавшись вполнѣ въ руки своего Штаба, есть военный предразсудокъ, пустившій глубокіе корни въ Нѣмецкихъ арміяхъ, [*] и оттуда, при Луи-

---

[*] Намъ приведутъ въ примѣръ Мольтке. Успѣхами войны Пруссаки, прежде всего, обязаны своимъ противникамъ: они сражались съ арміею безъ головы, или

Филиппѣ, перешедшій во Францію, гдѣ Генеральный Штабъ, по примѣру Нѣмецкаго, уже присвоиваетъ себѣ не принадлежащее ему мѣсто.

Армія есть полный организмъ; чтобы онъ дѣйствовалъ правильно, части его должны находиться въ надлежащемъ равновѣсіи. Офицеры Генеральнаго Штаба люди весьма полезные въ арміи, но не въ томъ значеніи, которое они присвоили себѣ въ Нѣмецкихъ арміяхъ и, въ недавнее время, во Французской. Лучшій цѣнитель въ этомъ дѣлѣ, Наполеонъ, такъ опредѣляетъ область дѣятельности Офицера Генеральнаго Штаба: «онъ долженъ, говоритъ великій воинъ, хорошо понимать карту, умѣть произвести развѣдыванье, умѣть собирать свѣдѣнія о непріятелѣ.» Если бы Наполеона спросили, какое назначеніе въ арміи инженера, онъ также отвѣчалъ бы: «умѣть примѣнить къ данной мѣстности укрѣпленія, умѣть устраивать переправы черезъ большія и малыя рѣки, умѣть временно исправлять пути сообщенія». Слѣдовательно, Офицеры Генеральнаго Штаба тоже своего рода техники, обязанные приготовлять всѣ матеріялы, которые могутъ потребоваться Главнокомандующему для военныхъ соображеній; они должны, и прежде всѣхъ Начальникъ Штаба, освобождать его отъ мелочныхъ подробностей, на которыя его не достанетъ, т. е., наблюдать за тѣмъ, чтобы предначертанія Главнокомандующаго исполнялись стройно и безъ замедленія. Никогда не выходило ни чего путнаго тамъ, гдѣ Генеральному Штабу давалось преобладающее значеніе, гдѣ онъ присвоивалъ себѣ и устройство арміи и распоряженіе военными дѣйствіями. Горе той арміи, въ которой, по примѣру Австрійской, Начальникъ Штаба станетъ самостоятельно предаваться военнымъ соображеніямъ. Чтобы доказать справедливость этого, не нужно обращаться къ прошедшему, къ Макамъ, Вейротерамъ; достаточно указать на современныя происшествія. Съ Австрійской стороны подъ Садовою распоряжался [10] ученѣйшій Генеральный Штабъ;

лучше сказать, съ многоголовою арміею (у семи нянекъ дитя безъ глазу). Съ другимъ противникомъ Мольтке пришлось бы за многое поплатиться крѣпко.

[10] Бенедекъ отказывался отъ командованія арміею, но въ Вѣнѣ господствовалъ

по его тактическимъ соображеніямъ была организована армія, а между тѣмъ послѣдствія вышли самыя плачевныя. Краса всѣхъ Начальниковъ Штаба, Мартенъ-Пре, изъ Алжиріи, куда былъ посланъ самостоятельнымъ начальникомъ, перешелъ во Французскій Сенатъ, и едва ли появится снова на военномъ поприщѣ, развѣ въ званіи Начальника Штаба.

Исключительное покровительство одному какому либо военному сословію, кромѣ вреда, ни чего принести не можетъ. Гдѣ будутъ искуственно открываться широкіе виды, туда непремѣнно устремятся и бездарность и посредственность, обыкновенно чувствующія въ себѣ великую охоту и способность къ изученію всякихъ тетрадочекъ; а существуютъ, вѣдь, такія программы, при которыхъ, кромѣ этого, ни чего болѣе и не требуется, если не считать знаніемъ общія мѣста, на примѣръ, въ родѣ того, что должно соображаться съ обстоятельствами и мѣстностью. При такихъ программахъ и самое изученіе военной исторіи можетъ сдѣлаться безполезнымъ. [11]

«Мраколюбъ! Поборникъ мраколюбія!» Смѣемъ увѣрить, что намъ мраколюбіе противно, какъ и всякому другому, но намъ

предразсудокъ, будьто неотвѣтственный Начальникъ Штаба и еще менѣе отвѣчающій Генеральный Штабъ достаточны для веденія войны.

[11] Такая программа дѣйствительно существуетъ. У Наполеона часто встрѣчаются сужденія объ основныхъ началахъ войны; смыслъ ихъ слѣдующій: техническую сторону военнаго дѣла можно изучить изъ книгъ, какъ, на прим., изъ книгъ можно научиться морскому дѣлу, но военачальникомъ надобно родиться. Для обыкновеннаго человѣка не остается ни чего другого, какъ примѣняться къ великимъ военнымъ образцамъ. Другими словами: общія военныя правила (principes de la guerre) существуютъ, но безусловное примѣненіе ихъ не возможно, и умѣнье оцѣнить въ данную минуту обстоятельства войны лежитъ въ природныхъ дарованіяхъ Главнокомандующаго. Ошибочно понявъ смыслъ одного выраженія, въ которомъ такое положеніе высказывается отчасти, пришли къ ложному заключенію, будьто на войнѣ вовсе не существуетъ общихъ правилъ, и по тому надлежитъ обратиться къ непосредственному изученію военной исторіи. Но какую пользу можетъ принести такое изученіе, ежели изъ примѣровъ, представляемыхъ военною исторіею, нельзя извлечь надёжнаго правила?

противны также и поверхностныя знанія, и мороченье людей. Никто усерднѣе насъ не желаетъ видѣть въ техническихъ Офицерахъ людей, основательно знающихъ свою специальность, а въ армейскихъ Офицерахъ людей свѣдущихъ и развитыхъ. Никто сильнѣе насъ не желаетъ видѣть просвѣщенныя техническія войска, вполнѣ знакомыя съ литературою и практикою своей специяльности; но мы думаемъ, что техники должны любить свою специяльность, а не льготы, съ ними связанныя; мы полагаемъ, что не слѣдуетъ отбрасывать природныя дарованія, не прошедшія черезъ школу, а, напротивъ того, имъ-то и открывать широкій доступъ къ высшимъ военнымъ должностямъ.

Гдѣ же, спросятъ насъ, средства отклонить неудобства предпочтенія Офицера учившагося Офицеру, не прошедшему черезъ школу? Гдѣ мѣрка для природныхъ дарованій, и кто будетъ прилагать ее? Для первой цѣли необходимо заботиться о томъ, чтобы возможно большее число молодежи получило прочное приготовительное воспитаніе, т. е., чтобы въ Государствѣ было какъ можно болѣе классическихъ Гимназій. Молодому человѣку, вышедшему изъ хорошей Гимназіи, не трудно будетъ въ два, три года приготовиться къ избранной имъ специяльности. За тѣмъ нужна богатая и доступная по цѣнѣ военная литература, какъ средство къ довершенію образованія и самообразованію. Но наша военная литература бѣдна до крайности.

Оцѣнка военныхъ дарованій, выражаясь слогомъ Г. Квитницкаго, заключается въ лицахъ, которыя въ данное время имѣютъ стоять на челѣ арміи. Скоро же что (или однажды что, или разъ что, какъ угодно) даровитые люди удалятся на покой, только удаленіе ихъ имѣетъ отозваться на личномъ составѣ арміи.

Разсуждая съ Гг. Смитомъ и Квитницкимъ, нѣтъ возможности не свести рѣчь на личныя побужденія. Смѣемъ увѣрить, что нами не руководило ни какое личное чувство. Долгое время мы относились къ Князю Паскевичу враждебно, по тому что считали его виновникомъ удаленія Ермолова отъ военнаго поприща и, слѣдовательно, косвеннымъ виновникомъ послѣдствій войны 1829 года въ Европейской Турціи и начала Польскаго похода въ 1831

году. Только входя въ лѣта и ближе знакомясь съ нашею современною исторіею, мы раскаялись въ несправедливости къ великому военачальнику. По крайней мѣрѣ, мы не пытались проводить въ печати наше личное воззрѣніе. Пріятно думать, что и люди, излишне довѣрившіеся мутнымъ источникамъ, и по тому небрежно отозвавшіеся объ одномъ изъ украшеній нашей военной исторіи, громко заявятъ о своей ошибкѣ, и тѣмъ снимутъ съ себя нареканье въ неумѣніи оцѣнить заслугу и отличить козни отъ сущности дѣла.

А. Х.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАМѢТКИ.

I.

Раздѣленіе хороводныхъ пѣсенъ на наборныя, игровыя и разводныя не выдумано мною. Такъ раздѣляетъ ихъ самъ народъ во многихъ мѣстностяхъ Тверской и, по всей вѣроятности, другихъ Губерній. Это подтверждается какъ содержаніемъ, такъ и самою формою, пѣсенъ сего рода, а также и свѣдѣтельствомъ Сахарова, который долго изучалъ народное пѣснопѣніе въ самыхъ деревняхъ Тульской, Калужской и другихъ Губерній. Вотъ что онъ говоритъ, между прочимъ, въ примѣчаніи своемъ къ хороводнымъ пѣснямъ: «А мы просо сѣяли, сѣяли,» и пр. «Обыкновенно, передъ началомъ этой пѣсни, хороводница выступала на лугъ и запѣвала первую сборную пѣсню, а игроки постепенно скликались въ кружки, приготовлялись пѣть хороводную пѣснь.» (Сказ. Русск. народа, т. I, Хороводныя пѣсни, стр. 75, столбецъ 2).

Къ этому я могу прибавить изъ своихъ личныхъ наблюденій по этому предмету слѣдующее: Въ праздничные дни молодежь выйдетъ на улицу на широкую, или на лугъ зеленый, хороводы водить; красныя дѣвушки тотчасъ запоютъ небольшую пѣсенку пригласительную, весьма скудную содержаніемъ и обыкновенно оканчивающуюся такого рода стихами:

Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

Или:

Ходилъ Ваня, выбиралъ,
Себѣ дѣвокъ выбиралъ.

Или:

Кисетъ новой, парчевой,
Позволь, Барыня, съ тобой!

Или:

На рученьку перстенекъ,
На другую два кольца,
Бери, дѣвица, молодца! и т. п.

Эта пѣсня и есть наборная или, по Сахарову, сборная, своего рода приглашеніе. Желающіе участвовать въ хороводѣ тотчасъ становятся въ кругъ, и тутъ-то начинаются собственно хороводныя пѣсни: круговыя, ходовыя и т. п., съ неразлучными съ ними тѣлодвиженіями, играми, со всѣмъ разнообразнымъ своимъ драматизмомъ. Этѣ-то пѣсни и слывутъ въ народѣ игровыми или разыгрыванными. Съ окончаніемъ пѣнія этѣхъ пѣсенъ рѣдко заканчивается хороводъ, а чаще, въ слѣдъ за ними, запоютъ коротенькую пѣсню, прощальную, или благодарственную, которая зауряд заканчивается стихами такого рода:

Я не слушаюсь васъ,
Поцалую сто пять разъ.

Или:

Гдѣ ни сойдемся—
Мы поклонимся,
Гдѣ ни свидимся—
Поцалуемся.

Или:

Съ кѣмъ ходили,
Съ кѣмъ гуляли,
Расходились, цаловались.

Или:

Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ —
Нитка тонѣ, тонѣ, тонѣ,
Нитка порвалась,
Поцалуя дождалась.

Или:

Кто чужу жену полюбитъ,
Тому грѣшно будетъ;
Кто дѣвицу приголубитъ,
Семь разъ поцалуетъ.

Послѣднее заявленіе всегда исполняется на дѣлѣ весьма усердно хороводникомъ и хороводницей, а за тѣмъ остальныя дѣйствующія лица расходятся, или запѣваютъ новый хороводъ. Такія заключительныя пѣсни народъ называетъ разводными или разборными. Вѣнчаетъ же все это дѣло живая, скорая плясовая пѣсня, со всѣмъ своимъ разгуломъ, съ своими Вакхическими возгласами и быстрыми, животрепещущими, тѣлодвиженіями.

Собиратель.

II.

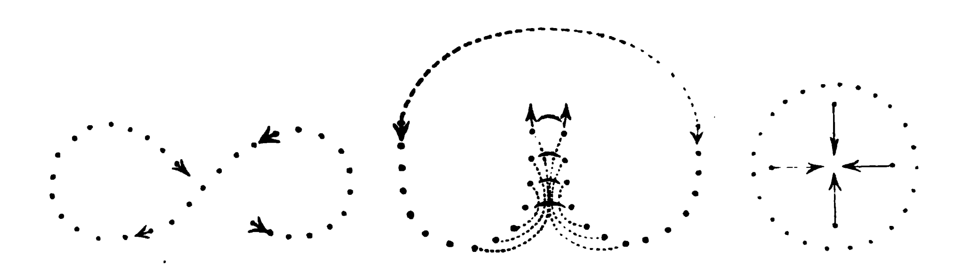
ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ ОСТРОВСКАГО УѢЗДА.

Хороводы бываютъ лѣтомъ, въ праздничные дни, особенно въ храмовые праздники, когда народъ свободенъ и когда многіе пріѣзжаютъ въ гости изъ другихъ приходовъ и даже Уѣздовъ, къ своимъ родичамъ и знакомымъ.

Но въ Островскомъ Уѣздѣ, а особенно въ Муравейскомъ приходѣ и смежныхъ съ нимъ, хороводы бываютъ трехъ родовъ:

1. Дѣвушки и мужчины, взявшись за руки, составляютъ кругъ. Этотъ кругъ сначала двигается въ одну сторону; потомъ, подъ ту же пѣсню, вожакъ, или больше вожачка (которая и заправляетъ

пѣніемъ и плясками), входитъ въ кругъ. За ней двигаются всѣ и при движеніи образуютъ цыфру 8; потомъ снова составляютъ кругъ и, пока поется пѣсня, продолжаютъ и перемѣны:

2. Хороводъ съ платкомъ. Сдѣсь тоже въ началѣ кругъ; у каждой изъ играющихъ платокъ въ правой рукѣ или, по крайней мѣрѣ, у половины. Вожакъ подаетъ своей сосѣдкѣ конецъ платка, та беретъ его лѣвою рукою и, отступя одинъ отъ другого, поднимаютъ руки такъ, что образуютъ ворота. Въ этѣ ворота входитъ слѣдующая пара и, пройдя, становится за первою и, тоже, руки къ верху, и новыя ворота, за ними 3-я и слѣдующіе, такъ что послѣдняя пара проходитъ черезъ 7, 8 и болѣе воротъ, по числу играющихъ.

3. Крестъ: гдѣ играютъ 4 человѣка, обыкновенно 2 женщины и 2 мужчины, съ притоптываньемъ и помахиваньемъ платкомъ. Женщина приближается къ мужчинѣ, который, въ свою очередь, помахивая шляпой, подходитъ къ ней. Подошли, поклонились, отвернулись, и тѣмъ же порядкомъ на свои мѣста, только одинъ къ другому тыломъ. Другая пара идетъ тѣмъ же порядкомъ, но подъ прямымъ угломъ къ первой. Кругъ же играющихъ поетъ пѣсни.

Ив. Яковлевъ.

1863 г., Іюля 9.
Великія Луки.

ХОРОВОДНЫЯ.

Наборныя.

1.

Мимо саду, винограду,
Пролегла дорожка,
По этой по дорожкѣ,
Мила дѣвушка шла,
Шла дѣвушка маленька,
На ней шубка аленька,
Опушка бобровая,
Сама чернобровая,
Ходи, походи,
Пожалуйте въ хороводъ!

2.

Ѣхали Бояре изъ Новагорода,
Сѣкли рябинушку подъ самый корешокъ,
Кололи досочки тоненькія,
Дѣлали гусильцы звончистыя;
Кому эти гусильцы разыгрывати?
Играть ли, не играть ли Лукинушкѣ,
Тѣшить ли, не тѣшить ли Авдотьюшку?
Я тебя, Авдотьюшка, не силью бралъ,
Я у твоего батюшки сватался,
Я у твоей матушки кланялся.

Псков. Губ. Остр. У. сообщ. М. И. Семевскимъ.

3.

Не пора ли намъ, ребятушки, домой?
Съ утра рано молотити:
Жалко женушекъ будити.
«Спи ты, женушка, Оленушка,
Вотъ тебѣ въ головы подушка!
Спи ты, радость, дорогая!
Вотъ ситцевая другая!
До порогу не дошелъ,
Въ хороводъ плясать пошелъ.

4.

Какъ пошла я молодешенька
Чрезъ садочекъ возросшій гулять,
Какъ увидѣли ребятушки,
Разсказали моей матушки.
Моя матушка ни лиха, ни добра,
Посылала меня въ садочекъ гулять,
Приказала розу алую щипать: *
Я полю, полю — не хочется,
Къ милымъ молодцамъ хочется.
Приходилъ ко мнѣ молодчикъ молодой,
Приносилъ мнѣ гороху четверикъ,
Мнѣ гороху-то не хочется,
Къ милымъ молодцамъ хочется.

5.

Становятся въ кругъ и ходятъ. Выступаетъ дѣвушка, выбираетъ парня. Потомъ эта пара выбираетъ послѣ другихъ гуляющихъ и поютъ слѣдующія пѣсни:

---

* Полоть.

Мальчюшичка молодой,
Владимирской полковой,
Но гдѣ, мальчикъ, былъ, былъ?
Былъ у душеньки,
У Катюшеньки,
Катю дома не засталъ,
На крылечки простоялъ,
За колечко продержалъ,
За такое, за витое,
За серебрянное.
Во горенку я вошелъ,
Ни чего я не нашелъ;
Во свѣтлицу вошелъ,
Всѣ веселости нашелъ:
Сидитъ моя милая
За убраныимъ столомъ,
Вышиваетъ полотенце,
Полушелковый платокъ,
Кроитъ милому рубашку,
Нѣмецкій воротокъ.
Пожалуйте въ хороводъ!»

(Выбираютъ еще пару.)

6.

Мимо рощицы дорожка пролегала:
Знаю, вѣду, кто дорожку проложилъ,
Холостой парень ко дѣвушкамъ ходилъ,
Много злата, много серебра носилъ,
Дѣвкамъ дороги подарочки носилъ,
Мнѣ на ручку золотъ перстенечикъ,
На шеюшку левантиновой платочикъ.
Размолодчикъ молоденькой,
Бери дѣвушку хорошенькую!

7.

Дунай рѣчка широка,
Моя ручка коротка,
Положу я на спину,
Перведу я милую,
Перведу любезмую,
На свою я сторону;
На моей ли на сторонкѣ,
Гулянье — веселье,
Краснымъ дѣвушкамъ собранье,
А мой миленькой идетъ,
Съ собой дѣвушку ведетъ.

8.

Киселевскіе ребята
За рѣкой гуляли,
Чужихъ дѣвокъ любили,
А своихъ конфузили.
Чужи дѣвки хороши,
Погуляли да ушли;
Обѣщалися опять
Къ нимъ по вечеру гулять,
Къ нимъ по вечеру гулять,
Ребятъ, дѣвокъ, выбирать.

9.

Ужь мы думали воробушки летатъ,
Анъ Киселевскіе ребята катятъ;
Мы хотѣли съ молодцами говорить;
Съ правой ручки колечко дарить.
Родной батюшка въ окошко даритъ,
Поклониться пониже велитъ.

Всѣ 9 зап. Твер. Губ. и У. въ д. Ларцевой Студ. И. А. Никольскимъ.

10.

Около города Казани (2)
Молодой Король гуляетъ, (2)
Королевну выбираетъ: (2)
Растворяйтеся вороты, (2)
Ты войди, Король, во городъ,
Подойди, Король, поближе, (2)
Поклонись, Король, пониже, (2)
Поцѣлуйся помилѣе; (2)
Ты возьми ее за ручку, (2)
Поведи ее съ собою, (5)
Назови ее слугою!

Зап. Твер. Губ. Осташк. У. въ сельцѣ Федорова двора В. Тюкинъ.

11.

Свѣтитъ мѣсяцъ передъ горницею,
Заря потухаетъ передъ свѣтлицею:
Ходитъ дѣвица изъ терема въ теремъ,
Гуляетъ красавица изъ терема въ теремъ,
Стелетъ про милова перину пухову,
Лисье одѣяло припасла милому,
Ситцевы подушки перетряхивала.
Что это долго молодчика нѣтъ?
Что это долго удалова нѣтъ?
Не былъ, не бывалъ, въ караводѣ прогулялъ, (2)
А вотъ онъ идетъ, къ себѣ парочку ведетъ. (2)

Зап. тамъ же и тѣмъ же.

12.

Свѣтитъ мѣсяцъ
Передъ горницею,
Заря спотухаетъ
Передъ свѣтлицею:
Ходитъ хороша
Изъ терема въ теремъ,
Стелетъ постелю,
Перину пуховую.
Лисье одѣяло
Припасала милому,
Пухову подушку
Перетряхивала,
Съ милыми подружками
Разговаривала:
Что это, подруженьки;
Милова нѣтъ?
Не былъ, не бывалъ,
Въ короводѣ прогулялъ:
Молодецъ идетъ,
Съ собой дѣвицу ведетъ.

13.

Я полю, полю капустку,
Полю бѣленькую,
Полю бѣленькую,
Полубѣленькую.
У кого капусты нѣтъ,
Приходи ко мнѣ въ огородъ,
Прійди къ намъ въ огородъ,
Въ дѣвичій короводъ,
Капусту поливать,
Самъ дѣвицу выбирать!

14.

Вейся, ты вейся, капуста,
Завивайся бѣлая!
Какъ мнѣ, капусткѣ, не виться,
Какъ же бѣлой не клубиться?
Вечеръ на капустку
Выпалъ частый дождикъ,
Сильный дождь поливаетъ, *
Бѣлую капусту ломаетъ,
Молодецъ дѣвицу выбираетъ.

15.

Взошелъ миленькій въ покой,
Топнулъ правою ногой,
Сказалъ: Милая, ахти!
Гарнитуровой тафты,
Атласу голубова,
Гарнитуру дорогова,
Черный бархатъ на сапожки,
Бриліянтовы сережки,
На шеюшку платокъ,
На рученьку перстенекъ,
На другую два кольца:
Беретъ дѣвица молодца.

Или:

На ручку рукавицу:
Беретъ молодецъ дѣвицу.

* Ливмя льетъ, поливаетъ,
Бѣлую капусту завиваетъ.

16.

Воробеюшка гуляетъ во садочкѣ:
Насъ во садикѣ не множко,
Во зеленоемъ не столько,
Всего сорокъ человѣкъ съ человѣчкомъ.
Расхорошая дѣвица, догадайся,
Бери, выбирай себѣ молодца по мыслямъ,
Что по мыслямъ, по праву, по совѣту,
По совѣту Лисафету!

17.

Заинька по сѣничкамъ
Ходилъ да гулялъ,*
Сѣрый по новымъ
Разгуливалъ, гулялъ,
Некуды заинькѣ
Выскочити,
Некуды сѣрому
Выпрыгнути:
Семеро воротъ
Крѣпко заперты стоятъ,
У кажиныхъ воротъ **
По сторожу есть.
Всѣ сторожа
Въ ряды гулять пошли;

---

* Въ другихъ мѣстахъ, на пр., въ Кашин. Уѣздѣ слыхалось:

Заинька по сѣничкамъ,
Топы, топы, топы, и т. д. (поютъ и притаптываютъ играющіе).
А. С.

** У всѣхъ воротъ,
По три сторожа стоятъ,
Клюшнички всѣ во торгъ пошли,
Ключики по кармашкамъ разнесли.

Ключики, замочки,
По карманчикамъ унесли.
Не хочу тафты,
Не ношу камки,
Хочу ситчику (2)
Полосатенькаго,
Беру дѣвицу расхорошенькую.

18.

Какъ за нашимъ за садомъ (2)
Росла трава шелкова,
Шелкова, шелкова, шелковая трава,
По той травѣ дѣвица шла, (2)
Дѣвица, дѣвица, дѣвица, дѣвица,
За дѣвицей — молодецъ, (2)
Кричитъ: Дѣвица моя,
Дѣвица, ты моя! дѣвица, ты моя'
Нѣтъ, я, сударь, не твоя! (2)
Родимаго батюшки,
Родимой матушки.

(Повтореніе до словъ:)

Кричитъ: Дѣвица, ты моя!
Вотъ теперь, сударь, твоя:
Поцѣлуй же ты меня!

Зап. мною въ Твери.

19.

Ваня въ зеркало глядѣлся,
Самъ собою дивовался.
Какой я хорошій,
Какой я пригожій!
Рубашечка красна,
Жилетка атласна.

Жилетка съ цвѣтами (2),
Голова съ кудрями; (2),
Пожалуйте съ нами!
Молодецъ удалый
По горинкѣ ходитъ,
Въ зеркало глядится,
Самъ себѣ дивится:
Хорошъ уродился,
Пригожъ снарядился:
По полю гуляетъ,
Невѣстъ выбираетъ.

20.

Какъ на тоненькій ледокъ
Выпалъ бѣленькій снѣжокъ,
Выпалъ снѣжокъ бѣленькій,
Пришелъ ко мнѣ миленькій,
Приносилъ подарочекъ,
Петербургскій пряничекъ,
Въ косу ленту алую:
Бери дѣвку бравую!

21.

Я не думала младенька,
Отъ роду печали,
Я не вѣрила подружкамъ,
По чему скучали;
А теперича повѣрю
Всякому злодѣю.
Молодецъ ходилъ, гулялъ,
Самъ дѣвицу выбиралъ.

Всѣ 8 зап. Семинар. Канецкимъ, Твер. Губ. Весьегонск. У. въ с. Федосовѣ.

22.

Изъ за рѣчки, изъ за рѣчки,
Близъ къ ручеечку,
Что я думалъ, что я ча́ялъ,
Увидать дѣвочку.
Хоть я думалъ, хоть я чаялъ:
Не буду казаться;
Запрягу я пару коней,
Поѣду кататься.
У Глазговскихъ молодежь,
Дома гроша не найдешь.
Сапоги носятъ со скрыпомъ,
Оброковъ не платятъ;
Со сторонъ денегъ не носятъ,
Приданаго у дѣвокъ просятъ.
Кому дали, кому нѣтъ,
А кому и не за что.
Молодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

23.

Молодые крестьяне
Пошли рано молотить,
Жалко женушекъ будить:
Усни, жонка, усни, душка,
Вотъ тѣ въ голову подушка.
Усни радость дорогая,
Вотъ тѣ въ голову другая.
Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

Зап. мною Твер. Губ. и У. въ с. Глазковѣ.

24.

Башмачки мои козловенькіе!
Башмачки скрыпятъ,
Все ребята глядятъ.
Полюбила бъ я такого,
Расхорошаго, милова:
Расхорошій милой
Много денегъ даритъ.
У кого денегъ на малѣ,
У того руки въ карманѣ;
У кого денегъ поболѣ,
У того руки на волѣ:
Пожалуйте ручку,
Пойдемте въ короводъ.
Въ короводъ поставлю:
Танцуй ты, танцуй я,
Танцуй, милая моя!

25.

Дамки, дамки, дамочки,
Наши дѣвки кралечки,
Онѣ любятъ прянички,
А старушки сухари,
А ребята водку.
Водку пили, булки ѣли,
Прогуляться захотѣли.
Мой мужъ не хорошъ,
Поѣхалъ за рѣчку:
Дай Богъ, чтобъ тамъ издохъ,
Я поставлю свѣчку.
Зажгу свѣчку сальную,
Сама пойду въ спальную,
Во спальнѣ комодъ:
Пожалуйте въ короводъ!

26.

Милъ садился на коня,
Шевельнулъ уздою,
Коню шпоры подъ бока —
Конь его стрѣлою.
Ко дому родному.
Роза, роза — цвѣтъ лица,
Сбуди красну дѣвицу,
Встань, красавица, проснись,
Со молодчикомъ простись!
По утру барочки въ отвалъ,
Къ Петрову не ожидай;
Къ Петрову дню я не буду,
Къ Ильѣ кончено приду;
Пожалуйте ручку,
Пойдемте въ короводъ!

27.

Не шелкова травушка
Во полюшкѣ вьется,
Красавица дѣвушка
Дружка не дождется.
Годъ, два мѣсяца ждала,
Подожду денечекъ,
Не воротится ль назадъ
Миленькій дружечекъ.
Пожалуйте ручку,
Пойдемъ-те въ короводъ!
Въ короводъ поставлю,
Танцовать заставлю.

28.

Не шелкова травушка
Вкругъ бережка вьется:
Ждетъ красавица дружка,
Долго не дождется.
Ждала годъ, два мѣсяца,
Подожди денечекъ,
Не воротится ль назадъ
Миленькій дружечекъ.
Взойди, взойди, миленькій,
Въ нашу круговую,
Выбирай-ко, миленькій,
Дѣвушку любую,
Любую и другую,
И сударушку свою!

Всѣ четыре зап. мною Твер. Губ. Новотор. У. въ с. Селиховѣ.

29.

Ребята подъ рядъ,
Сапожки подъ ладъ!
Не узнать кто бѣднякъ:
При сибиркѣ синей,
При манишкѣ бѣлой,
При цѣпочкѣ золотой:
Настоящій милый мой,
Бери дѣвицу съ собой!

30.

Не стучи подъ окномъ,
Ступай прямо въ хату!
Разскажу я молодчику,
Какъ родному брату:

Чтобы трубокъ не курилъ,
Водочки не кушалъ,
Чтобы дѣвокъ не любилъ,
Все бы меня слушалъ.
Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвушку съ собой!

31.

Я ходила, я гуляла,
Во зеленомъ садѣ;
Я щипала, я рвала,
Поспѣлыя вишни,
Подводила свово милова,
Подъ свои подъ мысли:
Чтобы трубокъ не курилъ,
Водочки не кушалъ,
Чтобы дѣвокъ не любилъ,
Одной меня слушалъ.
Ходилъ Ваня, гулялъ,
Дѣвушекъ выбиралъ.

32.

У Маіора на дворѣ
Не бѣлой снѣжокъ напалъ,
Не бѣлой снѣжокъ напалъ,
Ваня съ лошади упалъ.
Онъ упалъ, да лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ,
Его прежняя сударушка похаживала,
Похаживала, Ваню побуживала:
Вставай, Ваня, не лежи,
Въ рукахъ коня не держи
Въ золотой уздѣ,
Въ ремянномъ хомутѣ!
Ходилъ Ваня гулялъ,
Себѣ дѣвокъ выбиралъ.

33.

Вы не думайте, дѣвочки,
Что вамъ ити за мужъ,
Вы не вѣрьте молодцамъ,
Что они божатся:
Божатся, клянутся,
Опосля смѣются.
Пойду, выйду на крылечко,
Скажу тайное словечко:
Летѣлъ голубь черезъ городъ
Прямою стрѣлою,
Плыви, сиза утоцька,
Тихою водою!
Скажи, моя милая:
Гуляю съ тобою.
Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвушекъ съ собой!

34.

Руби, руби, молодецъ,
Куда древо клонится,
Отдай, отдай, батюшка,
Куда замужъ хочется:
За парня холостаго,
За купца богатаго,
За горькаго пьяницу!
Пьяница, пьяница,
Выбирай красавицу!
Размолодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

35.

Какъ Масловскихъ ребятъ
Черезъ поле знаемъ:
На нихъ синіе сибирки,
Шелковые кушаки,
Бѣлорозовы рубашки,
По пяти рублей фуражки,
Триковые штаны,
Со скрипомъ сапоги:
Размолодчикъ молодой.
Бери дѣвушку съ собой!

36.

Акулина Ивановна,
Чего тебѣ надобно?
Черезъ тынъ монастырь
Ко ребятамъ холостымъ,
Черезъ сѣни въ огородъ
Ко дѣвушкамъ въ короводъ.

37.

Барыня, барыня,
Не люби-ко барина!
Полюбя двороваго,
Ваню черноброваго:
Иванушка ходитъ,
Сибирочку носитъ,
Сибирка въ обтяжкѣ,
Часы во кармашкѣ;
Сибирочка въ опоясъ,
Выбирай сей часъ изъ насъ!

38.

Какъ на рѣчкѣ, на Валдайкѣ,
Ѣхалъ миленькій на палкѣ.
Ноги длинныя, кривыя,
Портки бѣлые худые,
На босу ногу оборки,
Лапти подъ поясомъ,
Подпоясавши тряпицей.
Выбирай, парень, дѣвицу!

39.

Ужь ты, Ванюшка, пьянъ,
Не ходи безъ румянъ!
Приди, принеси, поздравствуйся:
Здравствуй, Катенька моя!
Дома ль маменька твоя?
Нѣту дома никого,
Ни чужова, ни свово,
Полѣзай, Маіоръ, въ окно!
Маіоръ ручки протянулъ —
Казакъ плечи стеганулъ:
Не твоя, сударь, честь,
По ночамъ въ окно лѣзть:
Есть и сѣни и ворота,
И клѣточка отперта.
Нашъ Ванюша догадался,
За кармашечки хватался,
Вынулъ рубль, полтора:
Помириться намъ пора!..
Тебѣ, Казакъ, водку пить,
А мнѣ дѣвушекъ любить;
Тебѣ, Казакъ, выпивать,
А мнѣ дѣвокъ выбирать.

Всѣ 11 зап. мною Тверск. Губ. въ д. Карцова.

40.

По дорожкѣ по большой
Бѣжитъ маленькій штафетъ,
Несетъ милому газетъ;
Мы газеты принимали,
Распечатали, читали:
Пишетъ миленькій мой
Объ любови дорогой:
Пойдемъ, дѣвица, со мной!

41.

Печка ты, печка!
Экая хитрая!
Труба-то кривая,
Дымокъ воевокъ.
Пожалуйте въ короводъ!

42.

Я хожу, хожу по пашенькѣ,
Я взойду, взойду во горенку:
Какъ во горенкѣ два стульчика стоятъ,
А на стульчикѣ два голубя сидятъ,
Промежъ себя они ни чего не говорятъ,
А голубка разговариваетъ:
Завтра праздникъ, гуляньице,
А намъ, дѣвушкамъ, въ собраньице.
Мой миленькій гулять пошелъ,
Меня дѣвушку за рученьку повелъ.
Размолодчикъ молоденькій,
Бери дѣвушку хорошенькую!

43.

Дунай рѣчка широка,
Моя ручка коротка,
Положу я ламину,
Перведу я милую,
Перведу любезную,
На свою я сторону;
На моей ли на сторонкѣ
Гулянье, веселье,
Краснымъ дѣвушкамъ собранье,
А мой миленькій идетъ,
Съ собой дѣвушку ведетъ.

44.

Я по бережку ходила,
Живую рыбицу ловила,
Увидали ребятушки,
Разсказали моей матушкѣ.
Моя мать ни лиха, ни добра,
Ни какого мнѣ отвѣта не дала,
Посылала меня маменька
Въ огородъ бѣлу капустку полоть:
Я полю, полю, не хочется,
Перемѣнушки мнѣ хочется.
Ты молодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

45.

Какъ у Дуни много думы,
У красавицы — забавы:
Гдѣ бы съ милымъ повидаться,
Повидаться, не разстаться,

Во саду ли, во садочкѣ,
Тамъ гуляли дѣвочки,
Одна въ розовомъ платочкѣ,
Она ходитъ, горюетъ,
Частехынько вздыхаетъ,
Любезнаго вспоминаетъ:
Ты молодчикъ молодой,
Бери дѣвицу съ собой!

46.

Молода молодушка,
Красная дѣвушка,
Она ходитъ, похаживаетъ,
Она будитъ, побуживаетъ,
Своего-то дружка милова:
Ужь какъ встань-ко, любезный мой,
Пробудись-ко, ясенъ соколъ!
Отвязался вороной твой конь
Отъ столба-то, отъ точенаго,
Отъ кольца-то золоченаго.
Мнѣ на ручку два кольца:
Бери дѣвка молодца!

47.

Ты вставай, вставай дѣвица!
Тебѣ много надо:
Свекору рубашку,
Свекрови другую,
Деверю жилетку,
А золовкѣ ленту,
А сестрамъ платочки:
Первой — платокъ шатиновый,

Другой — платокъ коричневый,
Третьей — Королевскій,
Четвертой — булавчатый,
Пятой — мелкотравчатый,
Шестой — алый съ кумачомъ,
Седьмой — атласный,
А ты, дѣвица, здравствуй!

48.

Ужь ты, Катя, Катерина,
За чѣмъ любишь Дворянина?
Ужь ты, матушка моя,
А я дочка твоя:
Не учила ты меня,
Когда маленька была,
А теперь я велика;
Люди хвалятъ жениха,
Женихъ-то Ванюша,
Золовка Катюша;
У Катюши огородъ:
Пожалуйте въ короводъ!

49.

Чтой-то у дѣвушки
Милова нѣтъ?
Не былъ, не бывалъ,
Въ короводѣ прогулялъ.
Молодецъ идетъ,
Съ собой дѣвушку ведетъ.

50.

Какъ Кушальскія дѣвочки,
На нихъ аленьки платочки,
Онѣ были да ушли,
Обѣщалися опять
Къ намъ по вечеру гулять,
Ребятъ, дѣвокъ выбирать.

51.

Какъ Кушальскія ребята
Стариной играютъ,
Дома гроша не найдешь,
А чай распиваютъ.
Чайны чашечки съ водой,
Рѣдко квасу носятъ,
Молодые-то крестьяне,
Рѣдко траву косятъ.
Не за пашней, за гульбой,
Много время тратятъ,
Сапоги у нихъ скрыпятъ,
А оброкъ не платятъ,
На барки ходятъ,
Денегъ не приносятъ,
Они вздумаютъ жениться,
Приданаго просятъ:
Съ кого по сту рублей,
Съ кого по сороку;
Кому дали, кому нѣтъ,
Кому не за что;
Приданаго не даютъ,
Нашихъ дѣвокъ такъ берутъ.

52.

Киселевскія ребята
За рѣкой гуляли,
Чужихъ дѣвокъ любили,
А своихъ конфузили.
Чужи дѣвки хороши,
Погуляли, да ушли,
Обѣщалися опять
Къ нимъ по вечеру гулять,
Ребятъ, дѣвокъ выбирать.

53.

Ужь ты, яблокъ наливной,
Не ужь ли жь ты, милый мой,
Семисотный дорогой?
Милъ смѣялся надо мной:
Всѣ дѣвицы погодите,
Замужъ не ходите!
Вы не вѣрьте молодцамъ,
Что они божатся:
Они божатся, клянутся,
Отойдутъ, послѣ смѣются.
Мы поѣдемте, ребята,
Во Кушалино гулять,
Ребятъ, дѣвокъ выбирать!
Подуй, подуй, вѣтерокъ
Во мой зеленый садокъ!
Я сама садикъ садила,
Поливала, сберегала,
Сама сѣяла, растила,
Во любви съ милымъ жила.
У мово-ли у милова
Сюртукъ тонкаго сукна,

Штаны трековыя,
Трубочка пензовая,
Табакъ Жуковъ подмоченъ,
Кисетъ новый парчевой:
Позволь, барыня, съ тобой!

54.

На огородѣ-то гряда
Разсажена въ три ряда,
Какъ по этой по грядѣ
Ѣдетъ милый на конѣ.
Шуба вьется, раздувается,
А молодецъ надъ дѣвицей насмѣхается:
Ты разуй, разуй, дѣвица,
Разуй, милая моя!
Ужъ я рада разувать,
Боюсь кольца замарать.
Ребятъ, дѣвокъ выбирать.

55.

Ужь ты рябъ, рябоватъ,
Благо денежкамъ богатъ.
У кого денегъ-то болѣ,
У того руки на волѣ.
У кого денегъ на малѣ,
У того руки въ карманѣ,
Бери дѣвушекъ въ собраньѣ.

56.

На рѣчкѣ, на островкѣ,
На ракитовомъ на кустикѣ,
Не соловьюшка пѣсенку поетъ,
Молодой мальчикъ погуливаетъ,
Краснымъ дѣвушкамъ наказываетъ.
Вы гуляйте-ко, дѣвицы,
Веселитеся, красавицы,
Покуда воля-то батюшкина,
Небольшая нѣга матушкина.
Не въ ровны вы люди выдите,
Не ровенъ женихъ навяжется. *
Размолодчикъ молоденькій,
Бери дѣвицу хорошенькую!

57.

Ужь вы, дѣвушки красотки,
Изъ Кушалинской слободки:
Онѣ городомъ шли,
На плечахъ ружьи несли,
Въ чисто поле выходили,
Ружья въ козлы становили.
Увидалъ Генералъ,
Изъ окошка озиралъ:
А кабъ зналъ я это дѣло,
Не женился бы въ вѣкъ;
Кабы видѣлъ красоту,
Не взялъ барышню жену,
Взялъ бы крестьянку,
Дѣвушку молоденьку.

---

* Неровно-то въ люди выйдется,
Неровно женихъ посватается.

58.

По лужкамъ травка
Растилается:
Что за травушка
За муравушка!
Что за молодцы,
Разудалые!
Что за дѣвица,
Разкрасавица!
Я тебя люблю,
Въ короводъ беру,
Въ короводъ беру
Красну дѣвицу,
Красну дѣвицу
За себя возьму.

Зап. въ С. Медвѣдскомъ А. А.

59.

Васинька! Васильюшка!
По что, бранить, по что журить?
Не ты купилъ, не ты дарилъ;
Мнѣ купили купцы,
Подарили молодцы:
Носи, Машенька, капотъ,
Чтобы не было хлопотъ!
Если будешь хлопотать,
Тебѣ салопа не видать.

Зап. мною въ Тверской Губ.

60.

Солнышко, солнышко,
Вечерняя зорюшка,
Высоко поднялося,
Выше лѣса темнаго,
Черезъ рѣчку быструю;
По этой по рѣчушкѣ
Никто не хаживалъ,
Одинъ мой миленькій прошелъ,
И меня, дѣвушку, провелъ:
Дѣвушка, дѣвушка!
Ты меня состарила,
Цѣловать заставила.

Въ прих Кривичи Псков. Уѣзда. Сообщ. М. И. Семевскій.

61.

На улицѣ было,
На широкой диво: (2)
Варилъ чернецъ пиво.
Чернечикъ ты мой,
Горюнъ молодой!
Вступила хмѣлинушка
Во буйну голову,
Не даетъ мнѣ тряхнуться,
Не даетъ ворохнуться.
Авось я тряхнуся,
Авось ворохнуся.
Я пиво носила—
Меня разносило;
Я пиво сливала—
Меня разбирало.

Зап. мною въ Тверской Губ.

62.

Ахъ ты дѣвица, красавица моя!
Изсушила, сокрушила молодца.
Ой роза, алая моя! *
Изсушила, сокрушила молодца,
Весь повынула румянецъ изъ лица.
Завила кудри, красавица моя,
Завивавши приговаривала:
Когда рѣчиньки разольются,
Тогда кудерьки разовьются.
Быстры рѣки разливалися,
Мои кудри развивалися.
Близко къ садику дороженька торна,
Близъ дороженьки зеленый дубъ стоитъ,
Кругъ дубочка васильковые цвѣты,
Кругъ дѣвушекъ удалые молодцы:
Они вьются, увиваются,
Кому дѣвица достанется:
Либо первому, середнему,
Либо эамому послѣднему.

Зап. въ с. Медвѣдскомъ Тверск. Губ. Кашинск. Уѣзд. А. В. Соколовымъ.

63.

Полюбилъ парень дѣвочку,
Съ перевозу мѣщанинъ,
За ручку ухватилъ,
На машинку посадилъ:
Изволь милая садиться,
Если хочешь прокатиться,
Изволь въ саночки садиться.
Я не сяду съ вами рядомъ,
За великую досаду.
Земляница ягода
Въ бору уродилася,
На солнышкѣ вызрѣла:

---

* Припѣвъ: Ой роза, роза алая моя! повторяется послѣ каждыхъ 2 стиховъ.

Хорошая дѣвушка
Въ городѣ родилася,
Во деревню отдана,
По сѣнюшкамъ ходила,
Словечушко молвила:
Какъ мои-то подружки несчастливы,
Какъ и я то молода,
Пресчастливая была,
Полюбила щеголя,
Съ конторы писаря.
Купи, миленькій, колечко
Серебряное!
Купилъ бы перстенекъ,
Не болѣлъ бы животокъ.
Не хочу перстня носить,
Будетъ маменька бранить;
Продать, промѣнять,
Будетъ миленькій пенять.

Зап. мною Тверск. Губ. Новоторжск. У. въ с. Селиховѣ.

64.

Вы, Жаровскія дѣвушки,
Раскрасавицы хорошія,
Вечеромъ поздно прошли,
За рученьку Капитана привели,
Капитана съ Капитаншицею.
Имъ на встрѣчу добрый молодецъ,
Онъ не пьянъ идетъ, шатается,
Къ короводу приближается
Онъ за дѣвицу хватается.
Ужь и сталъ онъ ее спрашивати:
Ужь какъ тебя, красавицу зовутъ?
Что зовутъ-то меня дѣвицею,
Величаютъ красавицею.

Зап. мною въ д. Жарахъ, Ярославск. Губ. отъ плотника.

Игровыя.

65.

Повѣдуйте, дѣвушки,
Повѣдуйте, милыя,
Какъ макъ сѣютъ!
Вотъ и этакъ, вотъ и такъ. *

66.

Какъ у Кати, Кати, да у Катеринки,
Калина малина! **
Да у Катеринки были три дочеринки, да все Катеринки:
Большая-то дочка задумала замужъ,
Да за пахаречка, да за молодова,
Да за молодова, да за холостова.
Середняя дочка задумала замужъ,
Да за рыболова, да за молодова,
Да за молодова, да за холостова.
А третья-то дочка задумала замужъ,
Да за скомороха, да за молодова,
Да за молодова, да за холостова.

---

* Указываютъ всѣмъ, раскидывая и размахивая руками на всѣ четыре стороны, какъ бы научаютъ тѣмъ поставленнаго въ кругу, какъ производятъ добрые люди макъ. Но когда дѣло дойдетъ до того, какъ срываютъ, или щиплютъ, макъ, тогда достается молодому человѣку.

** Припѣвъ этотъ повторяется за каждымъ стихомъ.

Первая-то дочка идетъ въ гости къ матери,
Несетъ пирогъ матерой,
Ширины-то этакой,
Долины вотъ этакой! } Показываютъ руками.
Середня дочка идетъ въ гости къ матери,
Несетъ рыбу матеру:
Ширины-то этаку,
Долины вотъ этаку!
А третья-то дочка идетъ въ гости къ матери,
Несетъ гудокъ матерой:
Ширины-то этакой,
Долины вотъ этакой!
Стали пирогъ рушати,
Бѣлу рыбу кушати,
А гудокъ-отъ слушати.
Вы послушайте, ребята,
Что гудокъ-отъ говоритъ:
Намъ жениться велитъ,
Велитъ стару бабу взять,
На печи въ углу держать,
Киселемъ ее кормить,
Молокомъ ее поить:
Съ киселя-то весела,
Съ молока-то молода.

Зап. въ с. Воскресенскомъ Тверск. Губ. И. Б.

67.

Катенька, Катюшенька,
Катя, легонькій умокъ, (2)
Твой расхожій разумокъ!
Было въ рукахъ счастьице,
Не умѣла содержать;
Любила молодчика,
Не могла въ лицо признать.
Стала въ лицо признавать,

Сталъ миленькій отставать,
Со иной пошелъ гулять.
Гулянье мое, гуляньице,
Развеселье дѣвичье!
Съ кѣмъ гуляю, гдѣ хожу,
На умѣ дружка держу,
На умѣ, на разумѣ,
На своихъ вѣрныхъ мысляхъ.

Зап. въ с. Воскресенскомъ П. Б.

68.

Мы вечоръ въ торгу торговали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣну стрѣляли,
Короля мы въ глаза не видали,
Красну дѣвицу въ полонъ взяли,
Къ Графу Румянцеву подводили,
Графъ Румянцевъ дивовался,
Въ красоту ея влюблялся.
Хороша дѣвица, румяна,
По Нѣмецкому разубрана:
На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ты позволь со мной поговорити,
Про мою силушку спросити,
А про свою силушку явити.
Ты пойди ко мнѣ въ Россею замужъ,
За мово за сына любимаго,
За Иваныча Ивана,
За Россейскаго Генерала!
Не хочу я съ вами говорити,
Про вашу силушку спросити,
Про свою силушку явити;
Не пойду я къ вамъ въ Россею замужъ,

За твоего за сына любимаго
За Иваныча Ивана,
За Российскаго Генерала.
Графъ Румянцевъ на нее разсердился,
Востру сабельку вынимаетъ,
Красну дѣвицу пугаетъ.
Красна дѣвица испужалась,
За Румянцевымъ погонялась:
Ты позволь, позволь, Графъ Румянцевъ,
Съ тобою поговорити.
Я хочу съ вами говорити,
Про свою силу явити.
Я иду въ Россею замужъ,
За твоего за сына любимова,
За Иваныча Ивана,
За Российскаго Генерала.

Зап. въ с. Жолчинѣ Рязанск. Губ. Зарайск. Уѣз. И. А. Худяковымъ.

69.

Мы вечоръ въ торгу торговали,
Свинцу, пороху закупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣнушку стрѣляли,
Короля въ глаза не видали,
Красну дѣвицу въ полонъ взяли,
Ко Румянцеву подводили,
Графъ Румянцевъ дивовался,
Красотѣ ея любовался:
Хороша дѣвушка, румяна,
По Нѣмецкому изубрана:
На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ты позволь съ нами говорити,

Про мою силушку спросити,
Про свою армію сказати.
Ты поди, поди, въ Россею замужъ,
За любимова мово сына,
За Ивановича Ивана,
За Россейскаго Генерала.
Не хочу съ вами говорити,
Я не йду, не йду въ Россею замужъ,
За любимова твоего сына,
За Ивановича Ивана,
За Россейскаго Генерала.
Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился,
Востру сабельку вынимаетъ,
Краску дѣвушку стращаетъ;
Красна дѣвушка испужалась,
За Румянцевымъ погонялась:
Ужь ты, батюшка, Графъ Румянцевъ,
Ты позволь со мной говорити,
Про мою армію спросити,
Про свою силушку сказати:
Я иду, иду въ Россею замужъ,
За любимова твого сына,
За Ивановича Ивана,
За Россейскаго Генерала.
Мы со вечера спать ложились,
Поутру мы рано вставали,
Ключевой водой умывались,
Шелковымъ платкомъ утирались.
Начала дѣвица писати,
Королю письмо отсылати:
Пріѣзжай ты, Король, на свадьбу
Къ любимому свому сыну,
Ко Ивановичу Ивану!»

Зап. мною Моск. Губ. Можайск. У. въ с. Милятинѣ, со словъ дворовой женщ. Анны.

Эту же пѣсню поютъ въ Тульской и Калужской Губ.

70.

Какъ во городѣ во Китаѣ,
Тамъ ходилъ Графъ Румянчикъ,
Выбиралъ себѣ красну дѣвушку,
Выбиравши ее, любовался,
Красоты ее дивовался:
Хорошо дѣвушка убрана,
По Нѣмецкому разубрана:
На ней шубка шелковая,
Коцубеечка пяльцевая,
Въ косѣ ленты шелковыя.
Позволь, дѣвушка, спроситься,
Вашей силушкѣ доложиться:
Пойдешь ли, дѣвушка, въ Россею замужъ,
За любезнаго моего сына,
За Ивановича Ивана,
За Россейскаго Капитана?
Я не иду, не иду въ Россею замужъ,
За любезнаго твоего сына,
За Ивановича Ивана,
За Россейскаго Капитана.
Графъ Румянчикъ разсердился,
Не по милости распылился,
Онъ узялъ (2) востру саблю,
Онъ стращалъ (2) красну дѣвку.
Красна дѣвка оробѣла,
Съ бѣлаго личика сполотнѣла:
Я иду, иду въ Россею замужъ и т. д.
Вынималъ же Графъ Румянчикъ
Пакъ бумаги, со кармана карандашъ,
Началъ писемцы писать,
По Россеюшкѣ разсылать:
Ты пожалуй-ка, Россея,
Къ Румянъ-Царю на веселье!

Зап. Витеб. Губ. Срав. Якушк. Н. Р. П. стр. 280, и Рыбник. ч. II, стр. 244. У насъ она полнѣе.

71.

Не въ трубу ли я трубила, *
Все бы я по горенки ходила,
Все бы я съ милымъ говорила:
Ахъ ты мой милый,
Ахъ ты мой милый, чернобровый,
Чернобровый, черноглазый,
Не садися со мной рядомъ:
Люди скажутъ, люди примѣчаютъ,
Люди скажутъ: любишь меня.
Сынъ я роду непростова,
Не простова, Княжецкова.
Княжецкой-отъ сынъ, воитель,
Онъ по горницѣ, онъ по свѣтлицѣ,
Онъ по горенкѣ гуляетъ.
Онъ на скрипкѣ, онъ на гитарѣ,
Онъ во скрипочку играетъ,
Свою милую потѣшаетъ:
Будь же ты, дѣвица за мною,
Будь же за мною женою молодою!

Зап. Тверск. Г. Каш. У. въ С. Медвѣдскомъ А. С.

72.

Все бы я по горенкѣ ходила,
Съ милымъ рѣчи говорила:
Другъ ты мой милый,
Другъ ты мой хорошій!

---

* Пѣсня самая называется «Трубою», и играется такъ, что стоящія рядомъ пары, при каждомъ стихѣ, приплясывая и притоптывая, расходятся на подобіе трубы, т. е., первые ряды расширяются и обращаются назадъ, за ними слѣдуютъ другіе и т. д., доколѣ не уставятся въ прежній порядокъ.

Не садись ты противъ меня,
Люди скажутъ, люди замѣчаютъ,
Что я тебя люблю,
А я рода не простова,
Непростова, Княжецкова.
Княжецкой сынъ въ гусли играетъ,
Онъ въ своей горницѣ,
Самъ въ своей свѣтлицѣ,
Шибко, громко распѣваетъ
И поздравляетъ,
Поздравлялъ красну дѣвицу:
Будь же ты, дѣвица, за мною!

Зап. мною въ Тверск. Губ.

73.

По за городу
Царевъ сынъ (2), } Одинъ ходитъ за хороводомъ.
Что ни Царскій-етъ сынъ,
Воитель (2).
Выбиралъ себѣ невѣсту, (2)
Распрекрасную Королевну: (2) } Выбираетъ одну изъ дѣвушекъ.
Что не та ли моя невѣста, (2)
Среди города стояла, (2)
Золотымъ вѣнцомъ блистала, (2)
Бриліянтами освѣщала.
Вы сѣкитеся ворота (2) } Двое изъ стоящихъ въ хороводѣ разнимаютъ руки.
Покланяйтеся низенько, (2)
Вы пожалуйте, Княжна, праву ручку! (2) } Кланяются всѣ.

Зап. въ с. Медвѣдскомъ, Тверск. Г. Каш. У. А. С.

74.

(Ходятъ извивающеюся линіею и поютъ:)

Какъ во полѣ яровый хмель (2)
Вился, извивался: (2)
Перевейся, яровый хмель, (2)
На мою сторонку; (2)
На моей ли сторонѣ (2)
Приволье большое, (2)
Что приволье-то большое, (2)
Луга зеленые. (2)
Нащиплю я тебѣ хмелю, (2)
Хмелю яровова, (2)
Наварю я тебѣ пива, (2)
Пива молодова, (2)
Позову я гостя въ гости, (2)
Гостя дорогова. (2)
Что не долго гость пируетъ, (2)
Одну ночь ночуетъ, (2)
Одну ноченьку ночуетъ, (2)
И то протоскуетъ (2).

Зап. въ с. Медвѣдскомъ Тверск. Г. Каш. У. А. С.

75.

Я ѣду поѣду, ой люли, люли! *
Во торгъ торговать,
Покупочки закупать:
Куплю женѣ покупочку,
Шелковую юбочку;
Прими, жена, покупочку,

---

* Припѣвъ къ каждому стиху.

Прими, не ломайся,
Душа, не козырься!
Поглядите, люди,
Жена мужа не любитъ,
Душа не навидитъ:
Къ людямъ ходитъ личикомъ,
Ко мнѣ ходитъ плечикомъ.
Я ѣду, поѣду, (и пр., какъ сначала).
Куплю женѣ покупочку,
Шелковую плеточку:
Прими, жена, покупочку,
Прими, не ломайся,
Душа не козырься!
Поглядите, люди,
Жена меня любитъ:
Къ людямъ ходитъ плечикомъ,
Ко мнѣ ходитъ личикомъ.

Зап. въ с. Петровскомъ Тверск. Г. Корч. У. Ив. Б—овъ.

76.

Ужь какъ полно намъ намъ, ребята,
Чужо пиво пити,
Время, время, холостые!
Мы и рады бъ заводили,
Да солоду нѣту,
У насъ солодъ въ овинѣ,
А хмель на тычинѣ,
На тычинѣ, на тычинѣ,
На самой вершинѣ:
Тычинушка гнется, гнется,
Хмелинушка вьется;
Тычинушка сломилася,
Хмелинушка свалилася;
Свалилася хмелинушка

Въ буйную головку:
Болитъ моя головушка,
Болитъ очень больно;
Щемитъ мое сердечушко,
Ноетъ ретивое.
Пойду, кинусь, пойду, брошусь,
Пойду, утоплюся.
Не кидайся, не бросайся,
Удалой молодчикъ!
Свою душеньку погубишь,
А въ раю не будешь.

Зап. Твер. Г. Осташ. У. въ с. Өедоровы Дворы. Тюкинъ.

77.

Какъ Ефимовъ сынъ Трофимъ
Охочь по лѣсу гулять.
Ой люли, люли, охочь по лѣсу гулять!
Часты пленки становить,
Ой люли, и проч.
Не поймалъ перепелку,
Поймалъ сизаго лунька,
Поймалъ сизенькаго, сизокрыленькаго,
Со руками, и съ ногами,
И со буйной головой,
И со рукою косой,
Со дѣвичьей красотой.
Ужь гдѣ же мнѣ лунька,
Посадить будетъ его?
Посажу сваво лунька
Въ огородѣ во саду,
Во шелковую траву,
Во холодную воду.
Окунись-ка, мой лунекъ,
Окунись-ка, молодой,

Ты поглыбже, поглыбже,
Еще глыбже того!
Ты присядь-ка, мой лунекъ,
Ты присядь ка, молодой,
Ты пониже, пониже,
Еще ниже того!
Обоймемся, мой лунекъ,
Обоймемся, молодой,
Ты покрѣпше, покрѣпше,
Еще крѣпче того,
Поцалуйся, мой лунекъ,
Поцалуйся, молодой,
Ты послаще, послаще,
Еще слаще того!
Разоймемся, мой лунекъ,
Разоймемся, молодой,
Ты послабже, послабже,
Еще слабже того!
Разодвинься, мой лунекъ,
Разодвинься, молодой,
Ты подальше, подальше,
Еще дальше того.
Ты привѣтань-ка, мой лунекъ,
Ты привѣтань-ка, молодой,
Ты пошибче, пошибче,
Еще шибче того!
На насъ дѣвушки глядятъ,
Всѣ молодушки смотрятъ,
Цаловаться намъ велятъ.

Зап. мною отъ скотницы Аннушки изъ с. Мелятина; Мож. У. Моск. Г.

78.

Какъ на дворѣ дожчикъ
Ни малъ, ни величикъ,
Вотъ люли, люли, ни малъ ни величекъ! *
Не ситечкомъ сѣетъ,
Ведромъ поливаетъ.
Какъ братецъ сестрицу
За ручушку ** водитъ,
За ручушку водитъ,
По головушкѣ гладитъ:
Рости-ка, сестрица,
Рости-ка, родная!
Выростишь большая,
Отдамъ тебя замужъ
Отдамъ тебя замужъ
Въ иную деревню,
Въ иную деревню,
Въ согласную семью,
Куда ни поѣду,
Къ сестрицѣ заѣду:
Здорова ль, сестрица,
Здорова ль, родная?
Родимый, мой братецъ!
Не очень здорова:
Шелковая плетка
Ни на мѣстѣ висѣла,
Всю ночь просвистѣла
На моемъ бѣломъ тѣлѣ;
Дубовыя двери
Всѣ ночь проскрипѣли.

Зап. Ворон. Г. Бобр. У. А. Н. Аѳанасьевъ.

---

* Припѣвъ черезъ 2 стиха, съ повтореніемъ послѣдняго.

** Или: рученьку.

79.

На улицѣ дождь,
На широкой частый,
Какъ ситечкомъ сѣя,
По этому дождю
Братъ сестру возя:
Ты рости (2), сестрица,
Ты рости, родная!
Выростишь большая,
Будешь хорошая;
Отдалъ сестру замужъ,
Не далече близко,
За Москву три версты,
Въ богатую деревню,
Въ согласную семью:
Куды ни поѣду,
Всѣ къ сестрѣ заѣду:
Здорово, сестрица,
Здорово, родная!
Родимый мой братецъ,
Не такъ-то здорова;
Есть четыре горя,
Пятая досада:
Свекоръ-то журливый,
Свекровь хлопотлива,
Девѣрь просмѣшливый,
Золовка смущаетъ,
Пятая досада
Мужъ меня не любя.
Родимый мой братецъ,
Я тутъ жить не буду.
Поживи, сестрица,
Поживи, родная,
Свекоръ-то журливый
Скоро въ землю пойдя,
Свекровь-то хлопоча,

Не худова хоча,
Девѣрь просмѣшливый
Самъ жениться будя,
Золовка смущая
Сама въ люди пойдя,
Мужъ тебя не любя,
Другую не возмя.

Псков. Г. Остров. У. Сообщ. М. И. Семевскій.

80.

По горенкѣ ходитъ,
По головкѣ гладитъ.
Ай, лешиньки, лели,
По головкѣ гладитъ! *
Вырости, сестрица,
Вырости, родная!
Я отдамъ тебя замужъ,
Не близко, далеко,
За Москву, три версты;
Куда ни поѣду,
Къ сестрицѣ заѣду:
Здорово, сестрица,
Здорово, родная!
Не здорово, братецъ,
Не здорово, родной;
Есть у меня, братецъ,
Три, четыре горя,
Три четыре горя,
Пятая кручина:
Первое-то горе —

* Припѣвъ послѣ 2 стиховъ, съ повтореніемъ послѣдняго

Девѣрь мой насмѣшникъ;
Другое горе—
Свекровь смутьянка;
Третье мое горе—
Мужъ меня не любитъ.
Девѣрь твой насмѣшникъ,
Самъ изъ людей возметъ;
Свекоръ не на долго,
Свекровка въ сыру землю;
Золовка смутьянка,
Сама въ люди пойдетъ,
Мужъ тебя не любитъ,
Другую не возметъ,
Другую не возметъ,
Тебя не минуетъ.

Зап. Въ Тверск. Г. А. В. Соколовъ.

81.

Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
Семь верстъ за Москвою,
За быстрой рѣкою:
Тамъ живетъ моя сестрица,
Тамъ живетъ моя родима.
Захотѣлось братцу,
Къ сестрицѣ въ гости.
Здорово, сестрица,
Здорово, родима!
Не больно я здорова,
Есть четыре горя,
Пятая кручина:
Напервое горе,—
Свекоръ-то грозливый,

Надругое горе —
Свекровь ворткотлива,
Натретье-то горе —
Девѣрекъ насмѣшникъ,
Начетвертое горе —
Золовка смутьянка,
Напятое горе —
Мужъ жену не любитъ.
Потерпи, сестрица,
Потерпи, родима,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.
Свекоръ-то грозливый,
Скоро въ землю пойдетъ;
Свекровь воркотлива,
У ней добра много;
Девѣрекъ насмѣшникъ,
Самъ онъ въ люди пойдетъ;
Золовка смутьянка,
Сама туда пойдетъ;
Мужъ жену не любитъ,
Другую не возьметъ,
Тебя поцалуетъ.
Спасибо, мой братецъ,
На твоемъ разсудьи!
Разсудилъ мой братецъ,
Всѣ четыре горя,
Пятую кручину.

Зап. въ с. Кушалинѣ Тверск. Губ. Студ. И. А. Никольскій.

82.

Охъ, горе!
Первое-то горе,
Свекоръ-отъ журливый,
А друкое горе,
Свекровь хлопотлива,

А третье-то горе,
Девѣрекъ насмѣшникъ,
Четвертое горе,
Золовка смутьянка,
Пятое-то горе,
Мужъ меня не любитъ.
Родимой мой братецъ,
Пріѣзжай ко мнѣ въ гости,
Разсуди мое горе!
Родима сестрица,
Претерпи все горе:
Свекоръ-отъ съ свекровью
Въ сыру землю пойдутъ;
Золовка смутьянка,
И та за мужъ выйдетъ;
Девѣрекъ насмѣшникъ,
Въ чужи люди пойдетъ;
Мужъ жену не любитъ,
Другую не возметъ, (2)
Тебя онъ не броситъ.

Зап. въ Сергіевскомъ посадѣ Москов. Губ. А. В. Соколовъ.

83.

Хмель мой, хмелюшко,
Хмелевое перушко,
Перевейся, мой хмелюшко,
На мою сторонушку:
На моей сторонушкѣ
Приволье великое,
Раздолье широкое;
По тому раздольицу
Ходилъ, гулялъ, молодецъ,
Ходилъ пригорюнившись,
Ходилъ опечалившись.

Завидѣла матушка
Съ высокаго терема:
Дитя мое милое,
Что ты угорюнилось,
Что ты опечалилось?
Женись, женись, дитятко,
Женись, женись, милое;
Возьми, возьми, дитятко,
Княжну, Боярыцю!
Сударыня матушка,
Та мнѣ не жена будетъ;
Тебѣ не невѣстушка,
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не кукобница, *
Гостямъ не привѣтница,
Ко мнѣ не привернется.
Возьми жь, возьми, дитятко,
Въ сосѣдушки дѣвушку!
Сударыня матушка,
Та мнѣ женой будетъ,
А тебѣ невѣстушкой,
Во полѣ работница,
Во дому кукобница,
А гостямъ привѣтница,
И ко мнѣ привернется

Зап. Ю. Ауэрбахъ въ Орл. Г. Дмитр. У. въ с. Глодневѣ.

84.

Хмель, ты мой хмелюшка,
Веселая головушка!
Кабы этотъ хмелюшка
На моей сторонушкѣ,

---

* Кукобницей называютъ хорошую хозяйку, умѣющую въ особенности ухаживать за скотиной.

На моемъ на привольицу,
Приволье привольное,
Раздолье широкое:
По томъ по раздольицу
Гулялъ добрый молодецъ,
Иванъ Николаевичъ;
Связалъ буйную голову
Камкою зеленою.
Увидала его матушка
Съ высокаго терема:
Не мое ль это дитятко,
Не мое ль это милое?
Твое, твое, матушка,
Твое, государыня.
Что ты, мое дитятко,
Не весело погуливаешь,
Ходишь упинаешься,
Тростью упираешься?
Государыня матушка,
Что-то мнѣ не можется.
Женись, женись, дитятко,
Женись мое милое:
Возьми себѣ, дитятко,
Енеральскую дочерю!
Сударыня матушка,
Тое-то мнѣ надобно.

Зап. А. Шумилинъ, Тул. Г. Крапив. У.

85.

(Ходятъ извивающеюся линіей и поютъ:)

Какъ во полѣ ярый хмель (2)
Вился, извивался. (2)
Перевейся, ярый хмель, (2)
На мою сторонку! (2)

На моей ли на сторонкѣ (2)
Приволье большое, (2)
Что приволье-то большое, (2)
Луга зеленые; (2)
Нащиплю я себѣ хмелю, (2)
Хмелю ярова; (2)
Наварю я себѣ пива, (2)
Пива молодова; (2)
Позову я гостя въ гости, (2)
Гостя дорогова. (2)
Что ни долго гость пируетъ, (2)
Одну ночь ночуетъ, (2)
Одну ноченьку ночуетъ, (2)
И то протоскуетъ. (2)

Зап. въ с. Кушалинѣ Твер. Губ. Студ. И. А. Никольскій.

86.

Хмелина, моя хмелина,
Хмелина неразымчатая!
Никогда дѣвку хмелина,
Неразымовала.
Разняла дѣвку хмелина,
Полюбилъ щеголь дѣтина,
Какъ изъ Питера купецъ,
Разудалый молодецъ;
Взялъ дѣвчонку, подхватилъ,
На корабликъ посадилъ,
Тонкій парусъ распустилъ,
На сине море пустилъ.
Сине море не примаетъ,
Ко бережку пригоняетъ,
Ко бережку, бережку,
Ко зеленому лужку.
У зеленаго лужку

Стоятъ дѣвки во кружку;
А стоятъ, гаки стоятъ,
Все подруженьку бранятъ,
Разлучить съ милымъ хотятъ.
А и гдѣ же тому статься,
Чтобы съ миленькимъ разстаться?
У мово-то у милова
Три садика зеленые:
Первый садикъ виноградикъ,
А я, дѣвка, ненаглядикъ;
Второй садикъ земляничка,
А я, дѣвка, невеличка;
Третій садикъ клубничка,
А я, дѣвка, круглоличка.

87.

Подъ лѣсомъ, лѣсочкомъ,
Травка шелкова;
По той по травкѣ, по муравкѣ
Молодчикъ гулялъ,
Гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Во скрыпушку поигрывалъ;
Игралъ, игралъ, поигрывалъ,
Невѣстъ выбиралъ.
Выходила дѣвченочка
Тонка, высока, собой хороша.
Хорошая, пригожая,
Поди замужъ за меня!
Не пойдешь ты, спокаешься,
Вспомянешь ты меня.
Пойтить было къ сусѣдушкѣ,
Спросить про тебя.
Сосѣдушка, голубушка,

Скажи-кась ты мнѣ,
Каковъ онъ человѣкъ?
Онъ пьяница, пропоица,
Пропилъ онъ самъ себя.
Пропилъ онъ самъ себя,
Пропьетъ и тебя.

Зап. об Калуж. Г. Малояр. У. въ с. Костинѣ Е. Г. Дурново.

88.

Какъ подъ рощею, подъ зеленою,
Тутъ и спалъ, лежалъ, добрый, молодецъ.
Передъ нимъ стоитъ красна дѣвушка,
Говоритъ она красну молодцу:
Ты возстань, проснись, пробудись, душа,
Полгяди-кося на сине море!
Ай люли, люли, на сине море.
На синемъ море корабли плывутъ,
Корабли плывутъ со товарами.
Ай люли, люли, со товарами;
Посреди корабль съ златомъ, серебромъ,
Ай люли, люли, съ златомъ, серебромъ.
А другой корабль, съ мелкимъ жемчугомъ,
Ай люли, люли, съ мелкимъ жемчугомъ,
Какъ третій корабль съ красной дѣвушкой,
Ай люли, люли, съ красной дѣвушкой;
Злата, серебра дѣвать некуда,
Ай люли люли, дѣвать некуда;
Мелка жемчуга сыпать не во что,
Ай люли, люли, сыпать не во что;
Красну дѣвицу подавай сюды!
Ай люли, люли, подавай сюды.
Ей надобно напередъ ити,
Напередъ ити, хороводъ вести.
Ай люли, люли, хороводъ вести.

Хороводъ вести, съ краснымъ дѣвушкамъ,
Ай люли, люли, съ краснымъ дѣвушкамъ.
Во Рязань городъ, за солдатъ замужъ,
Ай люли, люли, за солдатъ замужъ.
Наши дѣвушки испужалися,
Поскорѣй замужъ побросалися;
Ай люли, люли, побросалися.
Кто за стараго, кто за малаго;
Ай люли, люли, кто за малаго,
Кто за ровнюшку, за мила дружка,
Кто жь за горькую пьяницу,
Ай люли, люли, все за пьяницу.

Зап. обѣ Калуж. Г. Малояр. У. въ селѣ Костинѣ Е. Г. Дурново.

89.

Какъ у нашихъ у воротъ, (2)
Стоитъ озеро воды,
Ахъ ты ленъ, ты мой ленъ,
Ахъ ленъ ты зеленой!
Молодецъ коня поилъ,
Коня воронова,
Кругомъ кованова;
Конь воды не пьетъ,
Онъ копытомъ землю бьетъ,
Изъ копыта руда льетъ,
Молодца горе беретъ:
Отъ чего жь мой конь воды не пьетъ?
Не на чѣмъ мнѣ пашню пахать,
Не на чѣмъ землю борновать.
Не тужи, моя милая!
Я на пашню найму,
Свои деньги плачу.
Я посѣю ленку
Близъ дорожки въ уголку.
Какъ сказали про мой ленъ.

Весь притоптанъ, приваленъ,
Во три тропочки проторенъ.
Три тропочки прилежали,
Три молодчика пробѣжали,
Меня молодую испужали.
Ужь я не знаю, какъ мнѣ быть,
Мнѣ котораго изъ васъ любить:
Ужь мнѣ перваго любить —
Походочку перемѣнить;
А другого любить —
Часто щегольно ходить;
А третьяго любить —
Тонкопряддицею быть.
Ужь я пряда, выпрядала,
По три ниточки въ день,
Во недѣлю розбить простоитъ,
Во годокъ на мотокъ.
Какъ восьмая весна,
Я поставила кросна;
Какъ девятая весна,
И десятая прошла,
Еще я не выткада кросна.
На нашестѣ на прошестѣ,
Насѣдка вывела цыплятъ,
Какъ и то молодокъ,
Девяносто пѣтуховъ,
На подножкахъ, на поклюшкахъ,
Какъ и выросла трава;
Я на эту на траву,
Я съ косою найму:
Коса будетъ косить,
А я копна копнить,
Козелъ сѣно возить.

Зап. мною въ Епиф. У. Тул. Г. въ с. Рожест. отъ солдатки.

90.

Ты вдовушка, вдова,
Ты солдатская жена!
Я посѣяла ленку,
При дорожкѣ, къ уголку.
Уродился мой ленъ
Тонокъ, долгъ и высокъ,
Со кореньевъ коренистъ,
Со головушекъ сѣмянистъ.
Какъ сказали при мой ленъ:
Весь примятъ онъ, приваленъ,
Въ постелюшку постеленъ.
Я схватила сарафанъ,
Побѣжала во ленокъ.
Я знаю, знаю, чья наука:
Мово милаго дружка.
Я не знаю, какъ быть,
Котораго любить:
Холостаго любить —
Надо щегольно ходить,
А женатаго любить —
Тонкопрядицею быть;
Я пряла, выпрядала,
Въ три дни три нитки,
Въ недѣлю рушничокъ,
Во всю зимушку мотокъ.
Я поставила имъ кросна,
Имъ девятая весна.

Зап. мною Тульск. Губ. и У. въ с. Лотивнилѣ.

Весь притоптанъ, приваленъ,
Во три тропочки проторенъ.
Три тропочки прилежали,
Три молодчика пробѣжали,
Меня молодую испужали
Ужь я не знаю, какъ мнѣ быть,
Мнѣ котораго изъ васъ любить:
Ужь мнѣ перваго любить —
Походочку перемѣнить;
А другого любить —
Часто щегольно ходить;
А третьяго любить —
Тонкопрядицею быть.
Ужь я пряда, выпрядала,
По три ниточки въ день,
Во недѣлю розбить простоить.
Во годокъ на мотокъ.
Какъ восьмая весна,
Я поставила кросна;
Какъ девятая весна,
И десятая прошла,
Еще я не выткала кросна.
На нашестѣ на прошестѣ,
Насѣдка вывела цыплятъ,
Какъ и то молодокъ,
Девяносто пѣтуховъ,
На подножкахъ, на поклюшкахъ,
Какъ и выросла трава;
Я на эту на траву,
Я съ косою найму:
Коса будетъ косить,
А я копна копнить,
Козелъ сѣно возить.

Зап. мною въ Епиф. У. Тул. Г. въ с. Рожест. отъ солдатки.

Съ берега на травкѣ,
Молодецъ коня поилъ,
Коня воронова,
Кругомъ кованова;
Конь воды не пьетъ,
Самъ копытомъ въ землю бьетъ,
Изъ копытѣ руда идетъ,
Молодца горе беретъ,
Что на этомъ на конѣ
Нельзя пашни пахать,
Полоски борновать.
Я на пашню найму,
За работу заплачу,
Я посѣяла ленку,
Кругъ дорожки, кругъ борку;
Уродился ленокъ,
Тонокъ, дологъ и высокъ,
Изъ коренья коренистъ,
Изъ головокъ головистъ;
Что на этомъ на ленку,
Три дорожки пролегло,
Три мальчишка пробѣгло.
Я не знаю, какъ быть,
Съ трехъ котораго любить.
Какъ женатаго любить —
Худу славушку нажить;
Офицера полюбить —
Надо щегольно ходить;
Холостаго полюбить —
Самопряхой надо быть.
Вотъ я въ суточки по ниточкѣ,
Въ недѣлю рушничокъ,
Поставила станокъ,
Съ мясоѣда до толокъ.
Что съ поднабилъ, съ подницей,
Кура вывела дѣтей,
Девяносто пѣтуховъ,
Курицъ восемдесять.
Пѣтухи-то поютъ,

Куры торощутся,
Гулять просются:
Ты пусти, (2) хозяюшка,
На улицу погулять,
Шелковой травы порвать,
Ключевой воды попить,
Съ тоски милаго забыть,
Курица на улицу
Сама съ тоски пойдетъ,
Проведу я милова,
Дали Порхова, дали Питера:
По средѣ Москвы разставалися,
Какъ всѣ купцы сдивовалися,
Что не братъ съ сестрой,
И не мужъ съ женой,
Удалой молодецъ,
Съ красной дѣвушкой,
Палагеюшкой.

Псков. Г. Порхов. У. Сообщилъ М. И. Семевскій.

93.

На вечеринкахъ, свадебныхъ, или святочныхъ, молодежь, забавляясь, составляетъ игры, какъ-то: всѣ становятся, или садятся, рядомъ, изображая собою кругъ; посреди круга ходитъ парень, и ему поютъ:

Заинька, походи,
Сѣренькой, походи!
Вотъ такъ, вотъ такъ, походи!
Заинька, перевернись,
Сѣренькой перевернись!
Вотъ такъ, вотъ такъ, перевернись!
Заинька, попляши!
Сѣренькой, попляши!

Вотъ такъ, вотъ такъ, попляши!
Заинька, топни ножкой!
Сѣренькой, топни ножкой!
Вотъ такъ, вотъ такъ, топни ножкой!
Заинька, поклонись!
Сѣренькой, поклонись!
Вотъ такъ, вотъ такъ, поклонись!
Заинька, кого любишь?
Сѣренькой, кого любишь?
Вотъ такъ, вотъ такъ, кого любишь?
Заинька, поцѣлуешь?
Сѣренькой, поцѣлуешь?
Вотъ такъ, вотъ такъ, поцѣлуешь?

Парень исполняетъ все, что поется въ пѣснѣ: ходитъ, перевертывается, пляшетъ, топаетъ ногой, кланяется всѣмъ, и подъ конецъ цѣлуетъ, кого вздумается, изъ круга, и садится на его мѣсто, а поцѣлованный выходитъ въ кругъ. Если парнемъ поцѣлована дѣвушка, то начинаютъ пѣть:

Постель моя, постелюшка,
И ты пуховая,
Жена ль моя, Боярыня,
И ты молодая!
Стелю, стелю, постелюшку,
Стелю пуховую,
Кладу, кладу взголовьице,
Кладу высокую,
Кого люблю, того дарю,
Того поцѣлую.

Дѣвушка цѣлуетъ любаго; если парня, то запѣваютъ или: «Заинька, походи...» или же:

Царскій сынъ, Королекъ! (2)
Раздушенька, Королекъ!
Размиленькій, Королекъ!
Зайди, Сударь, въ городокъ!
Зайди, Сударь, въ городокъ!

Царскій сынъ, Королекъ! (2)
Всѣмъ дѣвицамъ поклонись,
И молодцамъ не забудь! (всѣмъ кланяется.)
Царскій сынъ, Королекъ! (2)
Кого любишь, поцѣлуй!
Кого любишь, поцѣлуй!
Царскій сынъ, Королекъ!
Размиленькій Королекъ!

Парень опять цѣлуетъ по выбору, за тѣмъ поютъ или предшествующія пѣсни, или:

Со вьюнкомъ * хожу,
Съ золотымъ хожу,
Я не знаю, куда вьюна положить,
Я не знаю, золотаго положить,
Положу ль вьюнъ, (2)
Положуль я, вьюнъ, на правое плечо, (2)
Я ко Барышнѣ, (2)
Я ко Барышнѣ иду, иду, иду,
Поцѣлую да уйду, уйду, уйду.

Во время пѣнія этой пѣсни, тотъ, кто ходитъ въ кругу, имѣетъ въ рукахъ платокъ (вьюнъ), который кладетъ на плечо избранному. Если платокъ будетъ положенъ парню на плечо, тогда, вмѣсто словъ: «Я ко Барышнѣ...» поютъ: «Я ко молодцу...» Конецъ пѣсни всегда сопровождается поцѣлуемъ. Чтобы сбить съ толку поющихъ, парни иногда, при пѣніи втораго разнопѣнія: «Постель, моя постелюшка, прибавляютъ:

Жена моя баранина,
А я солонина;
Пойду въ городъ, куплю коробъ,
Буду барабанщикъ.

Зап. въ Тулѣ, на Оружейной сторонѣ, Ив. П. Чулковскій.

* Вьюнъ — вѣнокъ.

94.

Я по полю ходила,
По чистому гуляла.
Я бѣлый ленъ сѣяла,
Посѣявши, полола,
Лели, лели, полола,
Бѣлы ручки колола,
Лели, лели, колола;
Какъ во этотъ во ленокъ
Повадился паренекъ,
Лели, лели, паренекъ,
Дѣтинушка щеголекъ,
Лели, лели, щеголекъ,
Весь бѣлый ленъ притопталъ,
Лели, лели, притопталъ,
Головочки посорвалъ,
Лели, лели, посорвалъ,
Въ быстру рѣчку побросалъ,
Лели, лели, побросалъ,
Быстру рѣчку запрудилъ —
Парень дѣвку полюбилъ,
Лели, лели, полюбилъ,
По плечику потрепалъ,
Леле, лели, потрепалъ:
Ты дѣвушка, хороша,
Красавица, пригожа,
Поди замужъ за меня,
За удалаго молодца,
Лели, лели, молодца,
За дѣтину щегольца,
Лели, лели, щегольца.
Я слышала, мальчикъ, про тебя,
Что ты малый плутоватъ,
Лели, лели, плутоватъ,
Часто ходишь во кабакъ,
Закладаешь тамъ свой синій халатъ,

Зеленое вино пьешь,
Лели, лели, вино пьешь,
Жену по напрасну бьешь:
Ступай, жена, во кабакъ,
Выкупай мой синій халатъ,
Лели, лели, мой синій халатъ!

Зап. Кал. Г. Малоросл. въ с. Костинѣ Е. Г. Дурново.

95.

Ужь мы сѣяли, сѣяли, ленокъ,
Мы сѣяли, приговаривали,
Чеботами приколачивали,
Съ боку на бокъ перворачивали:
Ты удайся, удайся, ленокъ,
Ты удайся, мой бѣленькяй;
Не крушися, мой миленькяй!
Мы ходили, ходили, за ленкомъ,
Мы ходили, приговаривали,
Чеботами приколачивали....
Мы пололи, пололи ленокъ,
Мы пололи, приговаривали.....
Мы косили, косили, ленокъ,
Мы косили, приговаривали.....
Ужь мы пряли, мы пряли, ленокъ,
Ужь мы пряли, приговаривали.....
И мы ткали, мы ткали, ленокъ,
И мы ткали, приговаривали.....
Мы ходили, ходили на торгъ,
Мы ходили, приговаривали.....
Продавали, давали ленокъ,
Продавали, приговаривали,
Чеботами приколачивали,

Съ боку на бокъ перворачивали:
Ты удайся, удайся, ленокъ,
Ты удайся, удайся, мой бѣленькай,
Не журися, мой миленькай!

Зап. въ Тулѣ И. П. Чулковскій.

96.

Посѣю я, млада, ленку,
При дорожкѣ, при толку:
Ты расти, расти, ленокъ,
Тонокъ, дологъ и высокъ,
Въ земелюшку корешокъ,
Что въ низъ коренистъ,
А въ верхъ семьянистъ.
Сказали про мой ленъ:
Весь прикатанъ, приваленъ.
Знаю, знаю, чья рука—
Моего прежняго друга,
То Иванушки.
Я не знаю, какъ быть,
Мнѣ котораго любить?
Женатаго полюбить—
Надо опасно ходить;
Холостого полюбить—
Надо цисто, щегольно ходить.
Сказали про меня,
Что я прялья была,
По три нитоцки въ денекъ,
Въ недѣлюшку рушанекъ,
Что годокъ, то мотокъ,
Матушицка, съ локотокъ.
Собиралася весна,
День девятая пришла,
На прашести самосѣдка,

Цыплятъ высидѣла
Ровно семьдесьтъ цепленковъ,
Девяносто пѣтушенковъ:
Какъ одинъ пѣтухъ сапожникъ,
Другой циботарь,
Циботарь, циботарь,
Башмацки мнѣ сработалъ.
Какъ я млада сама по воду пошла,
Что по воду, воду;
На рѣцушку на Пскову,
На холодную воду.
Размахнула широко,
Поцярпнула глубоко,
Закутила, замутила,
Воду свѣжинькую.
Я вступила на ледокъ—
Подломился каблуцокъ,
Не видала, какъ упала,
Погляжу млада, ляжу
На правомъ на боку;
Оглянулася назадъ—
Стаи Ванюшка Казакъ,
Полуцила сокола,
Павлушинькой назвала.
Павлушенька душенька!
Подыми меня за руцыньку!
Я бъ и радъ, душа, поднять,
Со стороны люди глядя,
Не цужіе, все свои,
Все товариши мои,
Разберутъ наши слѣды,
Доведутъ насъ до бѣды,
До бѣдушки до большой,
До славушки до худой:
Худа славушка пойде,
Никто замужъ не возьме.

Псков. Уѣзда. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

97.

Подъ калиною, подъ малиною,
Тутъ и спалъ, дремалъ,
Добрый молодецъ,
Добрый молодецъ,
Сынъ купечецкой.
Что будила ево,
Пробуживала,
Красна дѣвица:
Ужь ты встань, проснись,
Добрый молодецъ,
Сынъ купечецкой!
Оторвался твой,
Твой вороный конь
Отъ того столба
Дубовичнаго,
Отъ того кольца
Серебрянаго;
Онъ ушелъ, убѣгъ,
Во чисто поле,
Во чисто поле,
Во зеленый садъ,
Поломалъ въ саду,
Цвѣты, вишенья,
Калину съ малиной,
Черну ягоду,
Самородину,
Онъ — и ту грушу
Зелененькую,
Онъ — и ту траву
Шелковинькую.
Не тужи ты,
Красна дѣвица,
За травушку
Заплачу тебѣ,
А за ту траву

Шелковинькую,
А за тѣ цвѣты
Лазоревые,
И за ту грушу
Зелененькую.

Зап. въ Тулѣ, на вечеринѣ у купцовъ, И. П. Чулковскій.

98.

Ай, ранымъ было, ранешенько,
По сѣнюшкамъ, сѣнямъ,
По новымъ по сѣнямъ,
Тутъ ходила, гуляла,
Молодая Боярыня,
Она ходила, пробуживала
Своего ли друга милаго:
Ты и встань, проснись,
Пробудись, мой другъ,
Пробудись мой другъ,
Надежа моя!
Оторвался твой добрый конь
Отъ столба, столба точенаго,
Отъ колечушка серебрянаго,
Отъ витаго, позолоченаго;
Потопталъ, топталъ
Онъ зеленый садъ
И со грушею, со яблонею,
Со калиною, со малиною,
Съ черной ягодой, смородиною.
Ты не плачь, моя умница,
Не тужи, моя разумница!
Разсажу тебѣ зеленый садъ,
И со грушею, и со яблонью,
Со калиною, со малиною,
Съ черной ягодой, смородиною.

Зап. въ Тулѣ, на вечеринкѣ у Оружейниковъ, И. П. Чулковскій.

99.

Я по горенкѣ похаживала,
Я по новенькой погуливала,
Я будила дружка, пробуживала:
Ужь ты встань, проснись, мой любезный другъ.
Пробудись, душа, сынъ купеческой!
Оторвался конь твой вороненькій
Отъ того столба дубовинькаго,
Отъ колечушка серебрянаго.
Онъ ворвался конь во мой зеленъ садъ,
Онъ всю травушку посмялъ постопталъ,
Всѣ лазоревы цвѣты посорвалъ.
Ты не плачь, красна дѣвица,
Я за всѣ цвѣты тебѣ заплачу,
За убытки твои тебѣ принесу.

Зап. въ Тулѣ со словъ портнаго И. П. Чулковскій

100.

Ѣдетъ миленькій, гремитъ,
На посѣдочку глядитъ,
Съ собой дѣвицу манитъ:
Выйди, дѣвка, выйди, красна,
Выйди, лапушка моя!
Я словечко скажу,
Три подарка подарю.
Мнѣ не дороги подарки—
Обида дорога.
Я вечоръ молода
Все больна была,
Простудилась молода,
Съ простуды грудь болитъ,
Въ головушкѣ шумъ шумитъ.
Мы за лѣкаремъ послали—
Его дома не застали;

За подружкомъ послали —
Его ситцемъ наказали.
Вы какія подружки,
Вы несчастливы мои;
Какъ и я ли молода,
Пресчастливая была:
Полюбила щеголя,—
Что и Павелъ — писаря.
Земляника ягода,
Въ бору уродилася,
На вѣтру сушилася.
Ужь ты хмель, ты мой хмель,
Садовой, яровой,
Садовой, яровой,
Желтокудристой!
Какъ повадился хмель
Ко дѣвушкамъ ходить,
А Павелъ подарочковъ носить.

Зап. мною Тверск. Губ. и Уѣз. въ д. Глазковой.

101.

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у матушки женился,
Ой люли, люли, мальчикъ я родился; *
Молодешенекъ мальчикъ я женился,
Я привелъ себѣ жену молодую,
Словно ягодку ее боровую.
Повела меня жена къ тестю въ гости,
Привела меня жена къ березовой рощѣ,
Привязала жена ко бѣлой березѣ,
А сама то ли пошла, сама загуляла,

* Припѣвъ послѣ каждаго втораго стиха.

Ровно девять-то денечковъ ко мнѣ не бывала,
На десятый ли денечикъ пришла, приходила,
Что такія ли рѣчи она говорила:
Хорошо ли тѣ, негодный, въ пиру пировати?
Государыня жена, мнѣ ужь не до пиру:
Соловьюшки головушку всее расклевали,
Комарики-сударики ножки обточили.
Ужь и будешь ли, негодный, поить меня квасомъ?
Государыня жена, стану я, сытою,
Что сытою, что сытою, сладкой медовою.
Ужь и станешъ ли, негодный, кормить меня хлѣбомъ?
Государыня жена, стану—калачами,
Ужь и станешъ ли, негодный, пускать меня въ гости?
Государыря жена, поди хоть и вовсе!

Зап. Г. Суворовымъ Тул. Губ. Каширскаго Уѣзда.

102.

Когда водятъ танки. Танки же водить значитъ ходить всѣмъ рядомъ, рука съ рукой, пѣть пѣсни и величать рожь; и въ Троицынъ день, когда вѣнки завиваютъ:

Ржица матушка колосилася,
Во ржи свинушка поросилася,
Семьдесятъ поросятъ, да все свиночки,
Всѣ свиночки, да все пестренькія,
Хвостики у нихъ востренькіе.

103.

Какъ и по лугу, лугу по зеленому лугу,
Ай люли, ай люли, по зеленому лугу, *
Растилалася трава, разливалася вода,
Растилалася трава трава шелковая.
Какъ у молодца, молодца разгорѣлися глаза,
Разгорѣлися глаза, что дѣвчонка хороша,
Что дѣвчонка хороша, во кругу плясать пошла,
Сама пляшетъ, рукой машетъ, пріаукиваетъ:
Ау! ау! пастушокъ, ау! миленькій дружокъ!
Ты скотинушку пасн, ночевать ко мнѣ ходи,
Пастухъ ночку ночевалъ, онъ овечку потерялъ,
Какъ другую ночевалъ, со ярочкою,
Кабы знала молода, не манила бъ пастушка,
А сама бы стерегла, про себя бы берегла

104.

Какъ за рѣчкой, за рѣкой,
Ай люли, люли, за рѣчкой, за рѣкой, *
Какъ за быстрой за водой,
Бѣжитъ зайка горностайка.
Въ зубахъ несетъ небылицу,
Про душу красну дѣвицу,
Про душу красну дѣвицу.
Ты душа ль моя, красна дѣвушка,
Посадилъ ея батюшка во темничку,
Ни оконъ нѣту, ни двери,
Одна трубочка дымовая,

* Припѣвъ за каждымъ стихомъ.

Какъ во трубучку дымокъ вьется,
У мово дружка сердце бьется.
Ужь ты батюшка мой родимой,
Положи-ка ея гнѣвъ на милость!
Ты возми-ка ея топоръ вострый,
Проруби-ка ея мнѣ окошко,
Откель солнушко восходитъ,
Откель миленькой приходитъ,
Сладки прянички мнѣ приноситъ,
Сладки прянички, все груздочки,
Да на сладенькомъ на медочкѣ.

Всѣ три зап. Калуж. Г. Малоросл. У. въ с. Костинѣ Е. Г. Дурново.

105.

Захотѣлось мѣщанину
Дворяночку взять;
Дворяночка отвѣчала:
Я не умѣю жать.
Сдѣлай милость, молодецъ,
Я буду лежати.
Понедѣльникъ легкій день,
Весь день пролежала,
А во вторникъ снопокъ сорокъ,
Пшеницы нажала.
Ужь я въ середу возила,
Въ четверкъ молотила,
А въ пятницу вѣяла,
А въ субботу мѣряла,
Въ воскресенье продала,
Въ расчетъ денежки взяла.

Зап. мною въ Твери со словъ извощика Григорья.

106.

Вѣрный мой колодезь,
Вѣрный мой глубокій,
По что стоишь безъ воды?
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина,
Нашего богатаго;
Дома не случилося.
Поѣхалъ нашъ хозяинъ,
Поѣхалъ нашъ богатый,
Въ Питеръ городъ погулять;
Привезъ нашъ хозяинъ,
Привезъ нашъ богатый,
Питерскую умницу,
Питерскую умницу,
Выведу на улицу:
Стой, мое золотцо,
Цѣлуй меня молодца!

Потомъ начинаютъ пѣсню опять сначала, и тутъ слова: «Поѣхалъ хозяинъ въ Питеръ.... привезетъ Питерскую умницу».... замѣняются словами: «Поѣхалъ нашъ хозяинъ въ Рязань.... привезетъ Рязанскую умницу».... во третій разъ хозяинъ ѣдетъ въ Орелъ и привозитъ Орловскую умницу.... Послѣ того продолжаютъ пѣть:

Питерская улица,
Стели мнѣ постелюшку!
Рязанская умница,
Клади возголовьице!
Орловская умница,
Клади спать хозяина!
Нашего хозяина,
Кому жъ пробуждать будетъ,

А кто больше любитъ,
Тотъ его пробудитъ.

Зап. въ Тулѣ, на свадебной вечеринкѣ у Оружейниковъ, И. П. Чулковскій.

Примѣчаніе. Во время пѣнія сей пѣсни, играющіе стоятъ, или сидятъ, изображая собою кругъ, въ кругу ходитъ парень-хозяинъ, который при словахъ: «Питерскую умницу ...» указываетъ рукой на любую дѣвушку, и, выводя ее въ кругъ, на улицу, цѣлуетъ и становитъ на свое мѣсто. То же самое онъ дѣлаетъ съ Рязанскою и Орловскою умницами, и когда всѣхъ перецѣлуетъ ихъ на улицѣ, тогда умницы принимаются за дѣло: Питерская стелетъ постелюшку (разстилаетъ на полу своіі ручной платокъ), Рязанская кладетъ возголовьице (скомкавъ для этого своіі платокъ), Орловская укладываетъ хозяина спать, который растягивается на полу, и за тѣмъ, кто больше любитъ, тотъ пробуждаетъ, т. е., подымаетъ и цѣлуетъ.

107.

Вѣрный мой колодезь,
Холодный мой, глубокій, *
А что стоишь, воды нѣтъ?
Конь воду выпивалъ,
Копытомъ выбивалъ. **
Нашего хозяина, ***
Дома не случилося, ****
Какъ уѣхалъ нашъ хозяинъ
Въ Питеръ городъ погулять.
Привезетъ ли намъ хозяинъ *****

---

* Вѣрный нашъ глыбокій,
По что стоишь безъ воды?

** Копытами выжималъ.

*** Нашего богатаго.

**** Поѣхалъ нашъ богатый,

***** Привезетъ нашъ богатый
Какъ ни будь вѣсточку, (2)

Петербурску умницу.
Выведу на улицу.
Выведу на улицу погулять,
Съ молодцами постоять.

Зап. мною отъ крестьянина изъ д. Жаровъ Яросл. Г.

108.

Пошелъ молодецъ, пошелъ удалецъ,*
Дунай, мой Дунай, развеселый мой Дунай. **
Не въ пиръ пировать, во компанію гулять,
Во компанію гулять, противъ дѣвицы стоять,
Противъ дѣвицы стоять, красавицей величать,
Молодецъ дѣвкѣ поклонъ, а платочекъ изъ рукъ вонъ:
Ужь ты, дѣвица, подай, красавица, подыми,
Красавица подыми, мое сердце взвесели!
Не слуга, сударь, твоя, я не слушаю тебя....
Что не честь молодцу, не хвала удальцу

Питерскую умницу,
Питерску разумницу,
Выведу на улицу: (2)
Стой, мое дитятко,
Цѣлуй меня молодца!

Зап. Старицк. У. Твер. Г. въ с. Васильевскомъ Семинаристомъ.

* Какъ изъ улицы въ конецъ, шелъ удалой молодецъ,
Какъ увидѣлъ молодецъ двухъ барышнявъ изъ окна,
Молодецъ дѣвкамъ поклонъ, съ молодца шляпа долой...
Становился молодецъ противъ дѣвки на колѣнъ:

** Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Тутъ начинаютъ сначала: «Пошелъ молодецъ.... и послѣ стиха: »Красавица, подыми, мое сердце взвесели....» поютъ:

Я слуга, сударь, твоя, и я слушаю тебя:
Что и честь молодцу, и хвала удальцу;
Что такая похвала, дѣвка платокъ подняла.
Ужь ты, дѣвочка моя, ты служаночка!
Ты подай-ка шляпу мнѣ, и надѣнь на меня!
Я, сударь, не твоя, не служаночка,
Не подамъ шляпу тебѣ, не надѣну на тебя.
Пошелъ нашъ молодецъ не радостенъ, не веселъ,
Самъ заплакалъ и пошелъ

Опять сначала до стиха: «Ты подай-ка шляпу мнѣ, и надѣнь на меня!» послѣ чего продолжаютъ:

Я слуга, сударь, твоя, я подамъ шляпу тебѣ,
Я подамъ шляпу тебѣ и надѣну на тебя.
Какъ пошелъ нашъ молодецъ и радостенъ и веселъ,
Самъ зашлепалъ и пошелъ.

Зап. тамъ же и тѣмъ же.

109.

По травушкѣ, по муравушкѣ,
Ай люли, по муравушкѣ, *
По лазоревымъ по цвѣточкамъ,
По лазоревымъ цвѣточкамъ, василечкамъ,
Тамъ ишелъ, прошелъ воръ дѣтинка,
Воръ дѣтинка щеголецекъ,
И хорошо выступая,
Прошелъ по дѣвушкамъ въ хороводецъ,
Просилъ дѣвушекъ поборотса,
Всѣ дѣвушки разбѣжались,
Вани молодца испужались;

---

* Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Одна Дунюшка устоялась,
Дуня съ молодцемъ боролась,
Дуня молодца одолѣла,
Кушакъ, шапочку въ грязь вотоптала;
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ,
Ко матушкѣ, ко родной:
Мать моя родная! На что на горе зародила?
По что шупова оженила?
Молода жена не взлюбила,
Со кровати сопихнула,
Ножку, ручку совихнула.

Великолуцк. У. Псков. Г. Сообщ. М. И. Семевскій.

110.

Хорошъ Егорекъ!
Гулять щеголекъ!
Ужь не полно ль, Егоречко,
Не женатому ходить?
Хорошъ Егорекъ,
Гулять щеголекъ!
Я готовъ сичасъ жениться,
Да мнѣ не кого взять.
Во дѣвичьемъ хороводѣ
Ходитъ дѣвка хороша,
Все купечецка родня;
Я купечецку родню,
Я до страсти не люблю.
Хорошъ Егорекъ!
Гулять щеголекъ!
Ужь не полно ль, Егоречко,
Не женатому ходить?
Я готовъ сичасъ жениться,
Да мнѣ не кого взять.
Во дѣвичьемъ хороводѣ

Ходитъ дѣвка хороша,
Все Поповская родня.
Я Поповскую родню,
Я до страсти не люблю.
Хорошъ Егорекъ!
Гулять щеголекъ!
Ужь не полно ль, Егоречко,
Не женатому ходить?
Я готовъ сичасъ жениться,
Да мнѣ не кого взять.
Во дѣвичьемъ хороводѣ
Ходитъ дѣвка хороша,
Все Руженная * родня.
Я Руженную родню,
Я до страсти люблю,
За себя замужъ возьму,
Поцѣлую, обойму!

Зап. въ Тулѣ И. П, Чулковскій.

111.

Хожу я, гуляю, да по короводу,
Заинька бѣленькой, **
Смотрю, выбираю богатаго тестя;
Я нашелъ, выбралъ, богатаго тестя.
Хожу я гуляю, да по короводу,
Смотрю, выбираю, хорошаго братца;
Я нашелъ, выбралъ, хорошаго братца.
Хожу я, гуляю, да по короводу,

---

* Слово Руженная значитъ: Оружейная.

** Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

Смотрю, выбираю, милую сестрицу;
Я нашелъ, выбралъ, милую сестрицу.
Хожу я, гуляю, да по короводу,
Смотрю, выбираю, дѣвицу пригожую.
Я нашелъ, выбралъ, дѣвушку хорошую.
Весело гуляю съ богатымъ я тестемъ,
Весело гуляю, съ богатой я тещей,
Весело гуляю съ хорошимъ братцемъ,
Весело гуляю съ милою сестрицей,
Весело гуляю съ дѣвушкой хорошей.
Я на тестя разсержусь, —
Съ богатымъ разбранюсь;
А ты, теща, не сердись,
За батюшкой наровись!
Осѣдлаю я коня
Своего братца со двора:
Милая сестрица, прошу не сердиться!
Лучше всѣхъ гуляю съ тобой, моя любушка,
Подумавши думушку,
Поцѣлую любушку.

Зап. въ Твер. Губ.

112.

Какъ ходитъ зайка
Да по короводу,
Да по дѣвичью,
Да по молодичью;
Что некуда зайки,
Выскочити, выбѣжати:
Какъ одни ворота,
Позади города,
Три сестрицы стоятъ, 2
Три лебедушки:
Какъ одна въ тафтѣ,

Другая въ камчи, *
На третьей сестрицы,
Золотъ вѣнокъ.

Псков. Г. Великолуцк. У. Сообщ. М. И. Семевскій.

113.

Покажи-ка ты, зятюшка,
Своего тестя батюшку!
Изволь, люди добрые,
Мой тесть батюшка!

(и показываетъ, ведя за руку всѣхъ, участвующихъ въ игрѣ.)

Покажи намъ, зятюшка,
Свою походочку частеньку!
Изволь, люди добрые,
Моя походочка частенька!
Поцѣлуй ты, зятюшка,
Своего тестя батюшку!
Поцѣлуй ты, зятюшка,
Свою тещу матушку (и т. д.).

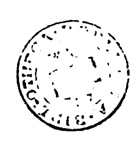
Зап. тамъ же.

114.

Гдѣ ты былъ, заинька,
Гдѣ ты былъ, бѣленькой?
Въ огородѣ, пане мой,

---

* Шелковая матерія съ золотомъ.

Въ огородѣ, душа мой,
Заинька, да бѣленькой!
Что жь тамъ дѣлалъ, заинька,
Что жь ты тамъ дѣлалъ, бѣленькой?
Я капустку щипалъ,
Я бѣлую ломалъ.
Не били ль тебя, заинька,
Не били ль тебя, бѣленькой?
Били, били, пане мой
Били, били, душа мой!
. . . .
Какъ же тя били, заинька,
Какъ же тя били, бѣленькой?
По бокамъ кулаками,
По загривку рукавами.
Плакалъ ли ты, заинька,
Плакалъ ли ты, бѣленькой?
Плакалъ, плакалъ, пане мой!
Плакалъ, плакалъ, душа мой!
Какъ же ты плакалъ, заинька?
Какъ же ты плакалъ, бѣленькой?
Алымъ платочкомъ глазки утиралъ,
Лапочками носикъ сморкалъ.

Зап. отъ Ярослав. плотника въ Орлов. Г. Елецк. У. А. М. Агаѳонова.

115.

Заинька, бѣленькой!
Гдѣ же ты былъ?
Гдѣ же ты жилъ?
Былъ я, пане мой,
Жилъ я, сердце мой,
Во городѣ Травникѣ,
Въ анбарѣ сѣнникѣ.
Заинька, бѣленькой,
Что жь ты тамъ видѣлъ?

Видѣлъ, видѣлъ, пане мой,
Видѣлъ видѣлъ, сердце мой,
А Катюша хороша,
А Мавруша пригожа,
А Дунюшка удала
Право лучше всѣхъ.
Заинька, бѣленькой!
Кормили ль тебя?
Кормили, пане мой,
Кормили, сердце мой,
А Катюша пирогами,
А Мавруша то блинами,
А Дунюшка удала
Кашки съ маслецомъ дала.
Заинька, бѣленькой!
Поили ль тебя?
Поили, пане мой,
Поили, сердце мой,
А Катюша то виномъ,
А Мавруша травникомъ,
А Дунюшка удала
Стаканъ меду налила.
Заинька, бѣленькой!
Били ли тебя?
Били, били, пане мой,
Били, били, сердце мой,
А Катюша помеломъ,
А Мавруша кочергой,
А Дунюшка удала
За усики подрала.

Зап. Тульск. Г. въ г. Бѣлевѣ И. П. Чулковскимъ.

116.

Заинька, и гдѣ былъ, побывалъ?
Сѣренькій, и гдѣ былъ, побывалъ?
Былъ, былъ, парень мой,
Былъ, былъ, сердце мой,
Я въ лѣсѣ, лѣснику,
Я въ сараю, тростнику.
Заинька, не видалъ ли кого?
Сѣренькій, не видалъ ли кого?
Видѣлъ, видѣлъ, парень мой,
Видѣлъ, видѣлъ, сердце мой:
Три дѣвицы хороши,
Красавицы прихожи.
Заинька, не звали ль тебя,
Сѣренькій, не звали ль тебя?
Звали, звали, парень мой,
Звали, звали, сердце мой.
Заинька, встрѣчали ль тебя?
Сѣренькій, встрѣчали ль тебя?
Встрѣчали, встрѣчали, парень мой,
Встрѣчали, встрѣчали, сердце мой:
Катюша изъ сѣней,
А Мавруша изъ дверей,
А и Дуня удала
Во горницу провела.
Заинька, угощали ль тебя?
Сѣренькій, угощали ль тебя!
Угощали, угощали, парень мой,
Угощали, угощали, сердце мой:
Катюша то блинами,
А Мавруша пирогами,
А и Дуня удала
Кашки съ маслицемъ дала.
Заинька, дарили ль тебя?
Сѣренькій, дарили ль тебя?
Дарили, дарили, парень мой,

Дарили, дарили, сердце мой:
Катюша-то платкомъ,
А Мавруша колпакомъ,
А и Дуня удала
Перчаточки съ рукъ дала.
Заинька, провожали ль тебя?
Сѣренькій, провожали ль тебя?
Провожали, провожали, парень мой,
Проважали, проважали, сердце мой:
Катюша изъ сѣней,
А Мавруша изъ дверей,
А и Дуня удала
За вороты провела.

Зап. въ Тулѣ ученикомъ Уѣзд. Уч. Н. Бѣловымъ.

117.

Ты доцы, моя доцы!
Бери золоты ключы, 2
Отпирай сундуки:
Ты возьми денегъ полтину,
Колы жь мало, такъ другую,
Ты и дай тому дѣтинѣ,
Что бы шелъ на базаръ, 2
Чтобъ купилъ мнѣ сарафанъ,
Чтобъ ни дологъ былъ,
Ни коротокъ былъ,
Часты пуговки литыя,
Золотыя, завитыя.
Ахти, мой сарафанъ,
Господинъ мой сарафанъ!
Какъ на все мой сарафанъ
Пригожаться сталъ:
Онъ и Дьяконамъ на рясы,
И Попамъ на скуфьи,

И Дьячихамъ щеголихамъ
На повейники;
Имъ и съ лавокъ сотираютъ,
Имъ и трубы затыкаютъ.
Ахти, мой сарафанъ,
Господинъ мой сарафанъ!

Зап. въ Твери А. Ѳ.

118.

Лебединъ, мой лебединъ,
Лебедушка бѣлая, 2
По камушкамъ бѣгала,
Плясала, вертѣлася,
Замужъ захотѣлося;
Люди баютъ, говорятъ,
И кутятъ и мутятъ,
Развести съ милымъ хотятъ;
Не боюсь я вѣчной муки,
Боюсь съ милымъ разлуки;
Боюсь, боюсь, батюшки,
Опасаюсь матушки.
Родимая моя мать,
Тебѣ меня не унять,
Коли я пошла гулять,
Себѣ ровню выбирать,
Себѣ ровнюшку,
Семеонушку.
У Сенюшки кудряша,
Нѣту денегъ ни гроша,
За то слава хороша.
Ужь ты Сеня, Симеонъ,
Не ходи по сѣнямъ;
Ты не топай ногой,
Не качай головой,

Мнѣ не быть за тобой,
Быть за Иванушкой,
За кудрявушкой.
У Ивана кудряша
Нѣту денегъ ни гроша,
Только слава хороша,
Я по травкѣ шла,
По муравкѣ шла,
Тяжело несла:
И катокъ, и валекъ,
Еще милаго платокъ.

Зап. А. А. и мною въ Твери.

119.

Кину колечко подъ облако,
Невѣсть колечко гдѣ упало,
Тамъ упало, гдѣ лукъ и чеснокъ,
Гдѣ горькій растетъ,
А горче того мнѣ чужа сторона,
Чужой батюшка, чужа матушка.
Кто жь тебѣ, дѣвушка, изъ роду милъ?
Изъ роду милъ родной батюшка,
Изъ роду мила родна матушка.
Тото ты, дѣвушка, неправду баишь,
Неправду баишь, не рѣчь говоришь.
Изъ роду мила, мила радушка,
Тото ты дѣвушка,
Правду баишь,
Рѣчь говоришь.

Псков. Г. Остров. У. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

120.

Что не селезень по рѣченькѣ сплавливаетъ,
Свои сизыя крылышки складываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы спрашиваетъ:
Ты скажи, скажи, дѣвица, скажи правду всю,
Скажи правду всю, правду истинную,
Ино кто тебѣ дѣвица милъ во роду?
Ужь мнѣ милъ, милешенекъ батюшка.
Ты неправду, дѣвка, баешь,
Не рѣчь говоришь,
Мое сердце гнѣвишь.
Полюбила селезня,
Селезенюшка дружка:
Во кафтанѣ селезень,
Во камзолѣ молодой,
Въ бѣлевыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ сапогахъ;
Чернобровой селезень,
Черноглазой молодой,
Русокудреватой!
То-то селезень,
То-то молодой!
Что не селезень по рѣченькѣ сплавливаетъ;
Свои сизыя крылышки складываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы спрашиваетъ:
Ты скажи, скажи, дѣвица, скажи правду всю,
Скажи правду всю, правду истинную:
Ино кто тебѣ, дѣвица, милъ во роду?
Ужь мнѣ мила, милешенька матушка.
Ты неправду, дѣвка, баешь и т. д.
Что не селезень по рѣченькѣ сплавливаетъ,
Свои сизыя крылышки складываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы спрашиваетъ:
Ты скажи, скажи, дѣвица, скажи правду всю,
Скажи правду всю, правду истинную:
Ино кто тебѣ, дѣвица, милъ во роду?

Ужь мнѣ милъ, милешенекъ, ты, господинъ.
Вотъ и правду, дѣвка, баешь,
Ты и рѣчь говоришь,
Мое сердце веселишь;
Полюбила селезня,
Селезенюшка дружка;
Во кафтанѣ селезенъ,
Во камзолѣ мододой,
Въ бѣлевыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ сапогахъ,
Чернобровой селезень;
Черноглазой молодой,
Русокудреватой!
То-то селезень,
То-то молодой!

Зап. мною въ Москвѣ отъ крест.; поется и въ Тул. Г.

121.

И я селезня любила,
Я касатаго хвалила,
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
Чернобровой селезень,
Черноглазой молодой!
И я селезня любила,
Я касатаго хвалила,
Я камзолъ ему купила.
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
Чернобровой селезень,
Черноглазой молодой,
Въ камзолѣ селезень.
И я селезня любила,
Я касатаго хвалила,

Я кафтанъ ему сошила,
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
Чернобровой селезень,
Черноглазой молодой,
Въ камзолѣ селезень,
Въ кафтанѣ молодой.
И я селезня любила,
Я касатаго хвалила,
Я штаны ему купила,
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
Чернобровой селезень,
Черноглазой молодой,
Въ камзолѣ селезень,
Въ кафтанѣ молодой,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ
И я селезня любила,
Я касатика хвалила,
Я чулки ему купила,
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
Чернобровой селезень,
Черноглазой молодой,
Въ камзолѣ селезень,
Въ кафтанѣ молодой,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,
Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ.
И я селезня любила,
Я касатаго хвалила,
Я сапоги ему сошила,
Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
Чернобровой селезень,
Черноглазой молодой,
Въ камзолѣ селезень,
Въ кафтанѣ молодой,
Въ черныхъ бархатныхъ штанахъ,

Въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ,
Въ сафьянныхъ сапогахъ,
Пряжки съ искорками,
Вонъ повыскакали.

Зап. Тул. Губ. въ городѣ Бѣлевѣ.

122.

Варили мы пиво,
Зеленое вино,
Ай лешиньки, лели,
Зеленое вино!
Что же у насъ будетъ
Во этомъ во пивѣ?
Мы пива напьемся,
И всѣ разойдемся.

(Потомъ съ тѣмъ же припѣвомъ продолжаютъ:)

Мы пива напьемся,
Всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ вмѣстѣ посядемъ,
Всѣ вмѣстѣ повстанемъ,
Всѣ вмѣстѣ подеремся,
Всѣ вмѣстѣ помиримся.

Всѣ сказанное исполняется на дѣлѣ, и при послѣднемъ стихѣ обходятъ весь хороводный кругъ, и цѣлуются мущины съ женщинами въ знакъ мира, прощенія за обиду, нанесенную въ дракѣ.

Зап. Тверск. Г. и У.: поется и въ Тульской.

123.

Не ходи, бѣлъ кудрявый,
Мимо мово сада,
Не топчи-ко, бѣлъ курдявый,
Ты мою разсаду;
Ты разсаду, ты разсаду,
Духовую мяту;
Я не для тебя садила,
Не для того поливала;
Для того я посадила,
Кого я любила,
Для того я поливала,
Кого цѣловала,
Цѣловала, миловала,
Холостаго парня.
Холостой парень гуляка,
Онъ воръ, забіяка,
Лицо бѣло, брови черны,
Глаза наведенны,
Онъ глазами-то поводитъ,
Съ ума дѣвку сводитъ,
Выйди, выйди, раздушенька,
Во новыя сѣни,
Что во новыя, во сѣни,
Въ кленовыя двери!
Скажи, скажи, раздушенька,
Хоть одно, словечко,
Хоть одно, негодное,
Тое потайное.
Случай выйдетъ
Въ Питеръ ѣхать,
Куплю три подарка:
Куплю шубку,
Куплю юбку,
Куплю душегрѣйку.
Что мнѣ стыдно,

Красной дѣвкѣ,
На улицу выйтить.
Пойду, выйду, на улицу,
Бровью заморгаю,
Заморгаю, закиваю,
Дружка увидаю,
На дворъ вызываю.
Выйди, выйди, раздушенька,
Во новыя сѣни,
Что во новыя во сѣни,
Въ кленовыя двери!
Скажи, скажи, раздушенька,
Хоть одно словечко,
Хоть одное, негодное,
Тое потайное.
Брала, брала за рученьку,
Повела во спальню,
Во спальнюшкѣ прохлаждались,
Гульбой забавлялись,
Гульбой, гульбой забавлялись,
Собой выхвалялись.
Выхвалялся парень дѣвкѣ
Русыми кудрями,
Что и русыми кудрями,
Черными бровями.
Выхвалялась дѣвчоночка
Бѣлыми грудями,
Прежними друзьями;
Показалось молодчику,
Словно за обиду,
Ножкой топнулъ,
Ручкой хлопнулъ,
Уронилъ подносъ,
Услыхала его мать,
Съ высокихъ палатъ,
Посылала своихъ слугъ:
Охъ вы, слуги вѣрные,
Ступайте скорѣе,

Говорите смѣлѣе,
Чтой-то у васъ упало,
Громко застучало,
По всѣмъ новымъ комнатамъ?
У васъ кошечка блудлива,
По лавкѣ ходила,
Зеркала сронила.
Сударыня, Боярыня,
Отъ чего у васъ столикъ мокръ?
Гости были, кофей пили,
Столъ намочили.
Сударыня Боярыня,
Чья шляпа пухова?
Мово милова,
Вани дорогова.

Тул. Г. Епиф. У. въ с. Сукромномъ зап. Уч. III кл. У. Уч. Демидовъ.

124.

Ужь ты зимушка, зима,
Зима вьюжлива была,
Все кутила, все мела,
Примораживала,
Калинушку съ малинушкой
Заламливала.
Какъ изъ барскихъ воротъ
Молодой идетъ холопъ,
А на встрѣчу холопу
Сама Барыня идетъ,
Сама Барыня идетъ
И приграживаетъ:
Ахъ ты сукинъ сынъ, холопъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
Гдѣ ты былъ побывалъ,

Гдѣ ноченьку ночевалъ?
Сударыня, Боярыня!
Во твоемъ терему,
Во твоемъ терему,
Въ шитомъ, браномъ пологу,
Въ шитомъ, браномъ пологу,
На перинѣ, на пуху,
На перинѣ, па пуху,
Съ твоей дочерью,
Съ твоей дочерью,
Душой Машенькою.
Ахъ ты сукинъ сынъ, холопъ,
По что сказываешь?
Сударыня, Боярыня,
По что спрашиваешь?
А и я тебя, каналью,
Со двора свово сгоню.
Сударыня, Боярыня,
Не согнавши, самъ пойду,
Не согнавши, самъ пойду,
Душу Машу уведу.
Ты раздушечка, холопъ!
Поживи со мной годокъ,
Поживи со мной годокъ,
Поработай на себя,
Поработай на себя,
Отдамъ Машу за тебя,
Отдамъ Машу за тебя.

Зап. Г. Тюкинымъ Твер. Г. Ост. У. въ с. Ѳедоровы Дворы.

125.

Ужь ты зимушка, зима,
Зима вьюжливая;
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай! *
Зима вьюжливая,
Заметелистая,
Закуделистая.
Изъ тѣхъ новыхъ воротъ,
Идетъ съ Барыней холопъ,
Какъ и Барыня холопа
Стала спрашивати:
Ты раздушенька, холопъ,
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Темну ночь ночевалъ?
Сударыня, Боярыня,
У тебя въ терему,
Съ твоей дочерью.
Ты раздушинька, холопъ,
За чѣмъ сказываешь?
Сударыня, Боярыня,
За чѣмъ спрашиваешь?
Ты раздушенька, холопъ,
Поди вонъ изъ хоромъ!
Сударыня, Боярыня,
Безъ посылу вонъ пойду,
Три-то бѣды разскажу:
Я на первую бѣду
Воротечки растворю,
На вторую-то бѣду
Пару коней уведу.
А на третью бѣду
Твою дочь увезу,
Во карету посажу.
Ты раздушенька холопъ,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

Поживи со мной годокъ,
Поработай на меня,
На меня и на себя,
И на дочь на мою!

Зап. въ с. Кушалинѣ Твер. Г. Студ. И. А. Никольскій.

126.

Изъ холопскихъ воротъ, *
Молодой холуй идетъ,
Дунай, мой Дунай, **
Молодой холуй идетъ;
Изъ Боярскихъ воротъ
Сама барыня идетъ,
Дунай » »
Сама Барыня идетъ,
Сама Барыня идетъ,
За собой дочку ведетъ,
Дунай » »
За собой » »

---

* Какъ изъ Боярскихъ изъ воротъ,
Выѣзжаетъ тутъ холопъ;
Какъ на встрѣчу холую
Сама Барыня идетъ,
За собой дочку ведетъ.
Ты разсукинъ сынъ, холуй,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
Сударыня, Боярыня,
И у васъ во дворѣ,
Во высокомъ теремѣ,
На кроваткѣ тесовой,
На перинкѣ пуховой,
Съ твоей дочкою съ родной.

Зап. Е. Г. Дурново Кал. Г. Малоярос. У. въ с. Костинѣ.

** Послѣ каждаго двоестишія этотъ припѣвъ повторяется.

Ты разсукинъ сынъ, холуй,
Ты гдѣ былъ, побывалъ?
Дунай » »
Ты гдѣ » »
Сударыня, на дворѣ,
Во высокомъ теремѣ.
Дунай » »
Во высокомъ »
На кроваткѣ тесовой,
На перинѣ пуховой,
Дунай » »
На перинѣ пуховой;
На перинѣ пуховой,
На подушкѣ шелковой,
Дунай » »
На подушкѣ» »
На подушкѣ шелковой,
Съ твоей дочерью родной.
Дунай » »
Съ твоей » »
Ты разсукинъ сынъ, холуй,
На что сказываешь?
Дунай » »
На что » »
Сударыня, Боярыня,
На что спрашиваешь?
Дунай » »
На что » »
Кабы ты не спросила,
Я бъ тебѣ по вѣкъ не сказалъ.
Дунай » »
Я бъ » »
Ты разсукинъ сынъ, холуй,
Со двора долой сгоню,
Дунай » »
Со двора долой сгоню.
Сударыня, Боярыня,
Самъ охотою пойду,

Дунай » »
Самъ » »
Самъ охотою пойду,
Три бѣды я сдѣлаю:
Дунай » »
Три » »
Какъ я первую бѣду—
Тройку сѣрыхъ уведу, *
Дунай » »
Тройку » »
А другую бѣду,
Я коляску увезу, **
Дунай » »
Я коляску »
А третью бѣду,
Твою дочку увезу.
Дунай » »
Твою » »
Ты разсукинъ сынъ, холуй,
Сы дороги ворочу,
Дунай, мой Дунай,
Сы дороги ворочу.

Тульской Г. и У. въ с. Лотовиновѣ зап. мною.

127.

Какъ всѣмъ Царямъ,
Давно сказано,
Служба явная,
Ай люли, люли,
Служба явная,

---

* Коней пару уведу.

** Калясочку заложу.

На войну итить,
Круги заводить,
Ай люли, люли,
Круги заводить,
А моему дружку
Напередъ итить,
Ай люли, люли,
Напередъ итить;
Какъ всѣмъ Царямъ,
По коню дали,
А мому дружку
Коня не дали.
Я своему дружку
На войну пошлю.
Какъ всѣ Цари,
Изъ войны пришли,
Мово дружка
Въ завѣтѣ нѣтъ,
Въ завѣтѣ нѣтъ,
Одинъ конь бѣжитъ, 2
На емъ одинъ,
Явь лежитъ 2
Черная пуховая шляпа,
Во той шляпѣ
Мой шелковъ платокъ,
Мнѣ не жаль платка,
Платокъ въ шляпѣ носится,
А мнѣ жаль дружка,
Милъ съ иной водится,
А со мной ссорится.
Какъ мой постылъ
Во постелю слегъ,
Въ постель мягкую,
Захотѣлъ постылъ
Ключевой воды 2
Со быстрой рѣки;
Онъ далъ время,
Всего три часа,

Три минуты.
Ужь я въ первый часъ
Воду черпала,
А другой я часъ
Ко двору пошла, 2
На крыльцо взошла:
Какъ мой теремъ
Растворенъ стоитъ,
Всѣ окошечки
Распечатаны,
Всѣ хрустальныя,
Повыставлены;
Мой постылъ
Во гробу лежитъ,
Мать съ отцомъ
Въ головахъ стоятъ,
Братъ съ сестрой
По бокамъ глядятъ,
Молода жена
Въ ногахъ стоитъ, 2
Думу думаетъ, 2
Думу крѣпкую:
Вы сосѣдушки,
Люди добрые!
Вы скажите мнѣ,
Какъ по мужу выть.
Одна слеза
Покатилася,
А другая назадъ
Воротилася,
Какъ постылъ мужъ
Изъ мертвыхъ всталъ, 2
Цѣловаться сталъ.

Тамъ же мною.

128.

Какъ во полюшкѣ дубъ шатается,
Какъ мой милый перемогается:
Мнѣ не надо цаю, кофею,
Мнѣ ненадобно сладкой водочки,
А мнѣ надобно клюцевой воды.
Ты поди, сходи, молода жена,
Сходи ровно ты въ три часа!
Какъ я первый-то часъ туды сошла,
На другой часъ воду черпала,
А на третій часъ я домой пришла:
Всѣ вороточки порастворены,
Всѣ окошечки распечатаны.
Какъ и мой-то мужъ во мертвыхъ лежитъ,
Во мертвыхъ лежитъ, во гробу стоитъ,
Родной батюшка въ головахъ стоитъ,
Родна матушка въ ногахъ стоитъ,
Сестры, братцы по бокамъ стоятъ,
Молода жена въ сторонѣ стоитъ,
Въ сторонѣ стоитъ, думу думаетъ,
Думу думаетъ, людямъ сказываетъ:
Мнѣ не жаль его, какъ людей стыдно.
Какъ одна слеза покатилася,
Другая назадъ воротилася.
Ужь вы, люди добрые!
Встаютъ ли у васъ изъ мертвыхъ мужья?
Какъ и мой-то мужъ изъ мертвыхъ всталъ,
Изъ мертвыхъ всталъ, да цѣловаться сталъ.

Зап мною Твер. Г. Новоторж. У. въ дер. Карцовѣ, отъ крестьянина.

129.

Не бѣлая заря займалася,
Не красно солнце выкаталося,
Распостылый мужъ во постелю слегъ, (2)
Въ постель мягкую,
Посылаетъ молоду за ключевой водой,
За ключевой водой въ три часа урочные:
Первый часъ туда дошла,
Другой часъ воду черпала,
Третій часъ домой пришла,
Домой пришла, на дворъ взошла:
Высокъ теремъ растворенъ стоитъ,
Распостылый мужъ во гробу лежитъ,
Мать съ отцомъ въ главахъ стоитъ,
А братъ съ сестрой по бокамъ стоятъ,
А я, млада, во ногахъ стала,
Думушку думала, думу крѣпкую:
Если плакать—вся исплачуся,
А не плакать—отъ людей стыдно.
Одна слеза покатилася,
И та назадъ воротилася;
Мой мужъ изъ ертвыхъ всталъ,
Изъ мертвыхъ всталъ, цѣловаться сталъ.

Зап. мной Тул. Г. Епиф. У. въ д. Пашкова, отъ солдатки.

130.

Вечоръ звали молодца,
Позывали удальца,
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдѣ сидѣть;
Какъ и взяли молодца,
Посадили удальца,
На скамеечку,
Противъ вдовушки:

Молодецъ вдовѣ поклонъ—
Съ молодца шляпа долой.
Ужь ты, вдовушка, подыми,
Молодая вдова подай!
Не слуга я, сударь, твоя,
Не работаю на тебя,
Не слушаюсь тебя,
Черной шляпы не подамъ.
Онъ не радошенъ, не веселъ,
Самъ заплакалъ и пошелъ,
Вдоль улицы въ конецъ,
Проходитъ здѣсь молодецъ.
Вечоръ звали молодца,
Позывали удальца,
Во пиръ пировать,
Во бесѣдѣ сидѣть;
Посадили молодца,
Посадили удальца,
На скамеечку,
Противъ дѣвушки:
Молодецъ дѣвушкѣ поклонъ —
Съ молодца шляпа долой.
Ты, дѣвица, подыми,
Разкрасавица, подай!
Я слуга, сударь, твоя,
Я работаю на тебя,
Я слушаюсь тебя,
Черну шляпу подаю.
Онъ и радошенъ, и веселъ,
Самъ засмѣялся и пошелъ.

Зап. тамъ же и тѣмъ же.

131.

Ужь какъ звали молодца,
Позывали удальца,
На игрище поглядеть,
На Ярылу посмотрѣть.
Ты Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Одѣвался молодецъ,
Убирался удалецъ,
Въ рудожелтъ кафтанъ,
Въ шапку мурмолку.
Ты Дунай, и т. д.
Выходилъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ,
Къ короводу подходилъ,
Низко кланялся.
Ты Дунай, и т. д.
Какъ садился молодецъ,
Противъ вдовы на конецъ,
Просилъ вдову погулять,
Его рѣчей послухать.
Ты Дунай, и т. д.
Не раба, Сударь, твоя,
Я не слухаю тебя,
Не хочу съ тобою жить,
Не хочу тебѣ служить.
Ты Дунай, и т. д.
Какъ садился молодецъ,
Противъ дѣвки на скамью:
Ужь ты, дѣвушка душа,
Ты послухай, другъ, меня!
Ты Дунай, и т.
Снималъ шапку съ головы,
Бросалъ дѣвкѣ подъ ноги:
Ты раба, дѣвка, моя,
Такъ послушай, другъ, меня!

Ты Дунай, и т. д.
Я раба, Сударь, твоя,
Я послушаю тебя,
Буду вмѣстѣ съ тобой жить,
Стану вѣкъ тебѣ служить.
Ты Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай.

Сообщ. Г. Дмитріевъ помѣщ. Богороц. У. Тул. Г.

132.

Пошелъ молодецъ,
Пошелъ удалецъ,
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Не во пиръ пировать,
До компаніи гулять.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!
Во кампаніи гулять,
Противъ дѣвицы стоять.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Противъ дѣвицы стоять,
Красавицей величать.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Молодецъ дѣвкѣ поклонъ,
И платочикъ изъ рукъ вонъ.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Ужь ты, дѣвица, подай,
Красавица, подыми!
Дунай мой, Дунай,

Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Красавица подыми,
Мое сердце взвесели!
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивиновичъ, Дунай!
Я слуга, Сударь, твоя,
Я и слушаю тебя.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Что и честь молодцу,
И хвала удальцу,
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Что такая похвала,
Дѣвка платочикъ подняла.
Дунай мой, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!

Зап. Тверск. Г. Осташк. У. въ с. Өедоровы дворы Тюкинымъ.

133.

Пошелъ молодецъ,
Пошелъ удалецъ,
Не въ пиръ пировать,
Во зеленой садъ гулять.
Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Посадили молодца,
Посадили удальца,
Противъ дѣвицы на софѣ,
Что на розовой тафтѣ.
Ужь онъ дѣвицѣ поклонъ, —
Съ молодца шляпа долой.

Я слуга, Сударь, твоя,
Я послушаюсь тебя,
Русы кудри расчешу,
Черну шляпу поднесу. *

Зап. въ с. Медвѣдскомъ А. А

134.

Дѣвки пиво варили сычиное, **
Ты Дунай ли, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Противъ дѣвки на скамьѣ,
Противъ красной на скамьѣ,
Ты Дунай, и т. д.
Молодецъ дѣвкѣ челомъ —
Съ молодца шляпа долой
Ты Дунай, и т. д.
Кричитъ: Дѣвица, подай,
Разкрасавица, подай!
Ты Дунай, и т. д.
Не твоя, Сударь, слуга,
Я не слушаюсь тебя.
Дѣвки пиво варили сычиное,

---

* Въ другомъ случаѣ эта пѣсна поется съ замѣною словъ: «Пошелъ молодецъ и пр.» словами: «Пошла дѣвица, пошла милая,» и тогда, вмѣсто: «посадили молодца, посадили удальца, противъ дѣвицы», слѣдуетъ пѣть: «посадили дѣвицу, посадили милую, противъ молодца», вмѣсто: «дѣвицѣ поклонъ—съ молодца шляпа долой»—«молодцу поклонъ—и платочекъ изъ рукъ вонъ,» а вмѣсто: «прошу, дѣвица, подай, разкрасавица подай — «молодецъ подай, разудалый подай», и такъ далѣе. Припѣвъ же: «Дунай, мой Дунай, сынъ Ивановичъ, Дунай!» повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

** Сыченное.

Ты Дунай и т. д.
Я твоя, Сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ты Дунай, и т. д.
Вотъ и честь молодцу,
Похвала удальцу,
Ты Дунай, и т. д.
Дѣвка шляпу подала,
Красна шляпу подала.
Ты Дунай ли, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!

Зап. Мясоѣдовой (А. А.) въ Сар. Г. Сердобск. У. въ с. Пешѣ.

135.

Какъ у насъ по лугу, лугу,
По зеленому лугу,
То-то любо, да люли! *
Разливалася вода,
Разстилалася трава;
Собиралися дѣвушки
На зеленый лугъ гулять;
Какъ на зеленыимъ лужкѣ
Стояли дѣвушки въ кружкѣ:
По одну сторону дѣвицы,
По другую молодцы;
Всѣ дѣвушки хороши,
Одна дѣвка лучше всѣхъ,
Въ косѣ лента шире всѣхъ,
Въ косѣ лента алая,
Собой дѣвка бравая.
У холостенькаго парнечка

---

* Повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Разгорѣлися глаза:
Чья дѣвица хороша?
Чьего она дома, чьего рода?
Московскаго купца дочь.
Отойди, молодчикъ, прочь!
Не женатый парень, холостой,
Всю ноченьку ты простой!
Я всю ночку простою,
На дѣвицу посмотрю.

136.

Разыгралися ребята,
Распотѣшились,
Разманежились;
Какъ мнѣ-то молодцу,
Худо можется, 2,
Нездоровится,
Гулять хочется,
Гульбѣ воли нѣтъ: 2,
Я украдуся,
Нагуляюся,
Сяду на скамью,
Заиграю во струну,
Струну серебряную:
Послушайте, ребята,
Что струна-то говоритъ:
Мнѣ жениться велитъ,
Мнѣ жениться—разориться,
Стару бабу взять—
На печи, въ углу держать, 2,
Киселемъ ее кормить,
Молокомъ ее поить:
Съ киселя-то весела,
Съ молока-то молода.
Разыгралися ребята,

Распотѣшилися,
Разманежилися;
Какъ мнѣ-то молодцу,
Худо можется, 2
Нездоровится,
Гулять хочется,
Гульбѣ воли нѣтъ: 2
Я украдуся,
Нагуляюся,
Сяду на скамью,
Заиграю во струну,
Во струну, струну, струну,
Струну серебряную:
Послушайте, ребята,
Что струна-то говоритъ,
Мнѣ жениться велитъ:
Молодую бабу взять, —
Въ избѣ, въ горницѣ держать,
Квасомъ, медомъ поить,
Сухарями кормить.

Зап. обѣ мною Тулск. Г. Епиф. У. въ домѣ Пашкова.

137.

Изъ за лѣсику темнаго,
Ай люли, ай люли, *
Изъ засадика зеленаго,
Тутъ шли, прошли, два молодца,
Они шли, прошли, поклонилися,
Они врозь пошли, разбранилися,
За одною душу красну дѣвицу.
Катеринушка выходила къ нимъ,

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха.

Выходила къ нимъ, говорила имъ:
Не ссорьтеся, не бранитеся,
Вы по совѣсти разойдитеся,
Одному кому я достануся,
Либо черному, чернобровому,
Либо бѣлому, бѣлорусому.
Доставалась парню черному,
Черному чернобровому;
Онъ взялъ ее, взялъ за рученьку,
Взялъ за рученьку, взялъ за правую,
Онъ повелъ ее вдоль по округу,
Онъ товарищу покланяется,
Молодой женой выхваляется:
Погляди-ко-ся на невѣстушку:
Лицомъ бѣлая, щечки алыя,
Щечки алыя, брови черныя!

138.

Стой ты, моя роща,
Стой ты, зеленая,
Стой, не разцвѣтай! 2
Стой, милъ короводецъ,
Стой, развеселый,
Стой, не расходися! 2
Въ этомъ короводѣ,
Въ этомъ развеселомъ,
Молодецъ гулялъ, 2.
Скакалъ, плясалъ,
Таночекъ водилъ.
Водилъ я таночекъ,
Сронилъ я вѣночекъ
Противъ батюшки:
Батюшка, поди,
Родимый, поди,

Со мной походи,
Вѣнка поищи!
Батюшка пошелъ,
Родимый пошелъ,
Вѣнка не нашелъ,
Все горе мое, гореваньице,
Сердечко мое заныбчатое,
Заныбчатое сердце, разрывчатое.
Стой, моя роща и т. д.
Сронилъ я вѣночекъ,
Противъ матушки:
Матушка поди, и т. д.
Сронилъ я вѣночекъ
Противъ дѣвушки.
Дѣвушка, поди,
Красная, поди,
Со мной походи,
Вѣнка поищи!
Дѣвушка пошла,
Красная пошла.
Вѣночекъ нашла:
Вся радость моя
И весельице.

139.

У насъ по травкѣ,
  Люли, люли! *
У насъ по муравкѣ,
Тутъ ходитъ, гуляетъ,
Молодой молодчикъ,
Кличикъ, выкликаетъ:

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха.

Красную дѣвчонку:
Выйди, выйди, дѣвушка,
Выйди за ворота!
Дѣвка выходила,
Рѣчи говорила:
Не хвались, молодецъ,
Не хвались, удалой,
Ты самъ собой,
Своею красотой.
Давай, давай, молодецъ,
Мы съ тобой бороться!
Какъ красная дѣвка
Парня поборола,
При всемъ мірѣ, при народѣ,
При большомъ короводѣ,
Пуховую шляпу
Долой съ него сшибла,
Русыя кудри на емъ спутляла,
На сборахъ поддѣвку
Сборы разодрала,
Ситцеву рубашку
На емъ разорвала,
Козловые сапожки
Долой скидавала
Пошелъ, пошелъ, молодецъ,
Самъ слезно заплакалъ:
Матушка родима,
На горе родила,
Несчастною сторонкой
Меня благословила,
Меня, добраго молодца,
Дѣвушки не любятъ,
Молодыя молодушки
Играть не примаютъ.
Пошла, пошла, мать
Дѣвушку пенять:
Дѣвушка ты, дѣвушка,
Дѣвушка, невѣста,

Какъ тебѣ не стыдно,
Какъ тебѣ не дурно?
Обидѣла молодца,
Парня при всемъ мірѣ,
При мірѣ, при народѣ,
При большомъ короводѣ.
Не плачь, не плачь ,молодецъ,
Не плачь, родимый:
Русы кудри можно причесать,
Пухову шляпу можно надѣть,
На сборахъ поддѣвку
Все можно собрать,
Ситцеву рубашку
Можно зашить,
Козловые сапожки
Все можно надѣть,
А намъ съ тобою, молодецъ,
Все можно пожить
И другъ друга любить.

Зап. всѣ 3 мною въ с. Лотовиновѣ въ 10 вер. отъ Тулы, отъ дворов. женщ.

140.

За нашей деревней,
За большимъ селеніемъ
Лели, лели! *
Тутъ ѣхалъ Бояринъ,
Молодой, богатый,
Холостъ, не женатый.
Какъ всѣ ему дѣвушки
Низко поклонилися,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ.

Одна ему дѣвушка
Низко не кланилася;
Пригрозилъ Бояринъ,
Молодой, богатый:
Добро же ты, дѣвка,
Добро же ты, красная,
Ты будешь стоять
У моей кровати,
Горючи слезы ронити,
Рѣзвы ноженьки знобити.
Пойди, выйди, дѣвушка,
Выйди за ворота,
Со мной съ молодцемъ бороться!
Не хвались, молодецъ,
Своею красотою,
Силою большою!
Вотъ я тебя, молодецъ,
Сейчасъ обезчещу,
При всемъ я при міру,
При всемъ при народѣ,
Въ большомъ короводѣ.
Какъ дѣвушка молодца поборола,
Пуховую шляпушку
Долой сшибла,
Смуръ кафтанчикъ заваляла,
Козловые сапожки
Долой скидавала.
Ситцеву рубашечку
На емъ разорвала,
Шелковый поясочекъ
На емъ оборвала.
Какъ красная дѣвка
Парня сожалѣла,
За правую рученьку
Его подымала,
Пуховую шляпу,
Ему надѣвала,
Смуръ кафтанчикъ

На емъ отряхала,
Ситцеву рубашечку
На емъ зашивала.
Пойди, выйди, дѣвушка,
Пойди, попеняй-ко!
Ужь какъ тебѣ, дѣвушка,
Какъ тебѣ не стыдно:
При всемъ-то при міру,
При всемъ при народѣ,
Въ большомъ короводѣ!

Зап. мною Тул. Губ. Епиф. У. въ дер. Пашк. отъ солд.

143.

Вдоль было по травушкѣ,
Вдоль по муравушкѣ, 2
Лели, лели, лешиньки,
Вдоль по муравушкѣ. *
Тутъ ходитъ, гуляетъ,
Удалый молодчикъ,
Зоветъ, вызываетъ,
Милую дѣвицу:
Выди, поди, дѣвица, за ворота,
Со мной съ молодчикомъ побороться, постояти,
Со мной со удаленькимъ слова два сказати!
Тутъ дѣвица къ молодцу выходила,
Тутъ дѣвица съ молодцемъ рѣчи говорила,
На молодцѣ синь сюртукъ замарала,
Смазные сапоженьки истоптала,
Со русыхъ кудерышекъ шляпу сшибла.
Пошелъ добрый молодецъ, самъ заплакалъ,

---

* Повторяется послѣ каждаго двоестишья.

На что меня маменька, ты родила?
Несчастною участью надѣлила?

Послѣ сего пѣсня эта начинается съ самаго начала и до словъ:

Тутъ дѣвица къ молодцу выходила,
Тутъ красная съ молодцемъ рѣчи говорила:
Прости, прости, молодецъ, виновата!
По частой походочкѣ не признала:
На молодцѣ синь сюртукъ вычищала,
На русы кудерышки шляпу надѣвала,
Своего любезнаго въ уста цѣловала.

Всѣ 3 зап. Студ. Ив. А. Никольскимъ въ с. Кушалинѣ, Твер. Г. и У.

См. Якушк. Хоров. стр. 266, и Варенц. стр. 134.

144.

Что любимой сынъ Иванъ
За охотою пошелъ,
За охотой, за гульбой,
За дѣвичьей красотой.
Всѣ дѣвушки хороши,
Сударушки пригожи,
А нѣтъ лучше одное,
Сударушки моее:
Сударушка дѣвушка!
Пойдешь ли ты за меня?
Я и рада бы пошла,
Да мнѣ воля не своя:
У меня есть тятенька,
Во старыихъ маменька;
Черезъ волюшку ступлю,
За тебя, мой другъ, пойду.

145.

Варинька, Варинька,
Сударынька Варинька!
Куплю своей Вареньки,
Я башмачки аленьки,
Банку розовой помады,
Левантиновый платокъ,
Гребеночку со конемъ,
Бархату съ цвѣтами,
Широкаго каленкору,
На длинное платье.
Пойду, выйду, на крылечко,
Прослышу словечко,
Не про насъ ли люди судятъ,
Что я тебя люблю,
Еще больше замѣчаютъ,
Въ чемъ ты ко мнѣ ходишь:
Сертукъ новый со манишкой,
Часики въ кармашкѣ,
Пухова шляпа надѣта,
Кудеречки вьются,
Кудеречки вьются,
Дѣвушки смѣются.

146.

Я за улкомъ шелъ,
Переулкомъ шелъ,
Клубокъ нитокъ нашелъ,
Клубокъ катится.
Нитка тянется.
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ,
Нитка тонѣ. тонѣ, тонѣ.
Ниточка порвалась,
Поцѣлуя дождалась.

Зап. въ с. Ѳедосовѣ Вышневолоцк. У. Ив. Капецкій.

---

147. *

Мы просу сѣяли;
А мы просу вытопчимъ;
А мы топтать не дадимъ;
А чѣмъ нее вы вытопчите?
Мы коней напустимъ;
А мы коней поймаемъ;
А чѣмъ нее вы поймаете?
Шелковымъ неводомъ;
А мы неводъ разорвемъ,
Мы коней во стойло запремъ;
А мы выкупимъ;
А чѣмъ нее вы выкупите?
Мы сто рублей дадимъ;
Намъ ста рублей не надо;
Мы тысячу рублей дадимъ;
Намъ и тысячи не надо.
Мы дадимъ дровъ костеръ;
Намъ дрова не надо,
Въ насъ избы стоплены;
Мы дадимъ лыкъ пукъ.
Намъ лыкъ не надо,
Въ насъ лапти сплетены;
Мы дадимъ дѣдушку;
Намъ дѣдушки не надо;
Мы дадимъ бабушку;
Намъ бабушки не надо;
Мы дадимъ молодца;
Намъ молодецъ не надо;
Мы дадимъ денежку;
Намъ денежка не надо;

* Поющіе дѣлятся на двѣ части: одна часть поетъ, другая ей отвѣчаетъ.

Мы дадимъ дѣвушку;
Намъ дѣвушка надо;
Въ насъ полку убыло,
А въ насъ полку прибыло.

Тутъ поющимъ даютъ хлѣба, масла, молока и. д.

Опочецкій У. Пск. Губ. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

148.

За чимъ ходишь, Халимонъ,
За чимъ ходишь, большій братъ?
А мы дѣвушекъ смотрѣть,
Да мы красныхъ любовать.
Мы дѣвушекъ не дадимъ,
Мы красныхъ вамъ не дадимъ;
А мы силушкой возьмемъ,
Съ похвалою поведемъ.

Опочецкій У. Пск. Губ. Сооб. М. И. Семевскимъ.

149.

(Княгиня въ хороводѣ, а Князь за хороводомъ:)

Ходилъ, гулялъ, Княжой сынъ, Княжой сынъ,
Онъ искалъ своей Княгини, Княгини,
Что которая посреди города стояла, стояла,
Золотымъ вѣнкомъ просіяла, просіяла,
Позолоченымъ просвѣщала, просвѣщала.
Вы сѣките, Бояра, ворота, ворота,
Вы кланяйтеся, Бояра, Бояра,

Что пониже тово Княгинѣ, Княгинѣ!
Ты бери ее за правую за ручку!

(разсѣкаетъ руки и выводитъ Княгиню, потомъ снова другая дѣвушка выходитъ въ кругѣ, снова поютъ и т. д.)

Великолуц. У. Псков. Г. Сооб. М. И. Семевскимъ.

150.

Я посадицку прошелъ,
Словно маковъ цвѣтъ ростетъ,
Я другой разъ перешелъ,
Останавливался,
Останавливался,
Переправливался;
Хочу здѣсь постоять,
Молодую увидать,
Чтобы милую увидать,
Ее въ глазы поругать,
Что не ходитъ въ садъ гулять,
Мною чванится,
Мнѣ не кланится.
Если хочешь, размилая,
За тобой сватовъ пошлю;
Если сваты будутъ сватать,
Выйди замужъ за меня!
Дѣвка знала, что сказать,
Не посмѣла отвѣчать.
Пошла въ зеленъ садъ гулять,
Уронивши, подымать,
Свой батистовый платокъ,
Молодецъ дѣвкѣ поклонъ,
И платочекъ изъ рукъ вонъ:
Прошу, дѣвица, подай,

Сдѣлай милость, подойми,
Мое сердце взвесели!
Честь, покорность отдала,
Сама съ саду вонъ пошла.

Псков. У. Сооб. М. И. Семевскимъ.

151.

По порошѣ, по порошѣ, молодецъ гуляетъ,
Онъ гуляетъ, онъ во скрипочку играетъ,
Дѣвчонокъ забавляетъ.
Дѣвка къ молодцу выходила,
Выходила дѣвчоночка тонка, высока,
Тонешинька, вилешинька, собой хороша.
По порошѣ, порошѣ, молодецъ гуляетъ,
Онъ гуляетъ, онъ во скрипочку играетъ,
Дѣвчонокъ вызываетъ.
Выходила дѣвчоночка тонка, высока,
Тонешинька, вилешинька, собой хороша:
Умница, разумница, выйди замужъ за меня!
Не пойду я за тебя, не хорошъ уродился,
Сходить было, спросить было про тебя въ сосѣдяхъ.
Сосѣдушки собрались: каковъ человѣче?
Умница, разумница,
Прокормитъ тебя,
Хоть съ торбой ходя.

Порховской У. Пск. г. Сооб. М. И. Семевскимъ.

152.

Не отдавай меня, матушка, въ ту сторону,
Въ ту сторону, куда я не хочу,
Тамъ горы высоки, озера глыбоки,
Взойду на гору — меня горе беретъ,

Взойду на путь — въ меня слезы текутъ,
Плакать не смѣю, безпокоить не велятъ,
Только велятъ по маленьку вздыхать,
Вздохнится да опустится.
Если бъ нашелся такой человѣкъ,
Чтобъ распоролъ мою бѣлую грудь,
Посмотрѣлъ бы мое ретивое сердце.
Выискался на свѣтѣ такой человѣкъ:
На что грудь пороть, на что портить животъ?
Видна печаль по ясным очамъ,
Видна кручина по бѣлу лицу:
Въ добромъ житьѣ лице бѣлится,
Лице бѣлится и румянится,
А въ худомъ житьѣ лице чернится,
Лице чернится и марается.

Великолуцк. У. Пск. Г. Сооб. М. И. Семевскимъ

153.

Изъ лѣсика, лѣсу темнаго,
Изъ садику, саду зеленаго,
Тамъ шло, прошло, два молодца,
Оба холосты, не женаты,
Они идучи думу думали,
Думу думали, рѣчь говорили,
Рѣчь говорили объ одной души,
Объ одной души, красной дѣвушки,
Пораздорились, разбранились;
Красна дѣвица выходила къ нимъ:
Вы не ссортесь, не бранитесь,
А по совѣсти разойдитесь,
Я не обоимъ вамъ достануся,
Я достанусь либо бѣлому,
Либо бѣлому, бѣлъ кудрявому,
Либо черному, чернобровому.

Доставалась я парню бравому,
Парню бравому и бѣлъ кудрявому,
Брала его за рученьку,
Брала его за правую. *
Пошелъ молодецъ, самъ заплакалъ,
Самъ заплакалъ, про себя думу думалъ:
Безсчастна меня молодца
Матушка родила,
По что меня, молодца,
Красны дѣвушки не любятъ!

Псков. У. Сооб. М. И. Семевскимъ.

154.

Люди, люди, мои добрые,
Всѣ сосѣди порядовные,
Посудите меня со женой,
Посудите меня съ молодой:
Какъ жена-то не любитъ меня,
Молодая ненавидитъ молодца.
Присудили люди добрые,
Всѣ сосѣди порядовные:
Ты поѣдишь, мужъ, на рыночекъ гулять,
Ты купи женѣ подарочекъ,
Что подарочекъ — шелковый поясокъ:
Ты прими, жена, не гнѣвайся,
Молодая, не сердися на меня (бросаетъ поясъ)!
Не спасибо вамъ, люди добрые,

---

* Либо:

Парень дѣвушку бралъ за рученьку,
Со всѣмъ людямъ распрощается,
Красной дѣвушкой выхваляется:
Въ ей походочка была частая,
Поговорочка ласковая,

Всѣ сосѣди порядовные,
Не посудили вы меня со женой,
Не порядили вы меня съ молодой,
Какъ жена-то не любитъ меня, и т. д.

Великолуцк. У. Псков. Г. Сооб. М. И. Семевскимъ.

155.

Ты, Царевна, пусти меня въ хороводъ!
Ты, Бояринъ, за чѣмъ тебѣ въ хороводъ?
Ты, Царевна, намъ дѣвокъ смотрѣть,
Ты, Бояринъ, у насъ дѣвка дорога;
Ты, Бояринъ, покажи намъ жениха!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ женихъ!
Ты, Бояринъ, покажи-ка намъ кафтанъ!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ кафтанъ!
Ты, Бояринъ, покажи намъ сапоги!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ сапоги!
Ты, Бояринъ, покажи-ка намъ кушакъ!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ кушакъ право шелковый!
Ты, Бояринъ, покажи намъ шапку!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ шапка право бархатная!
Ты, Бояринъ, покажи-ка намъ поклонъ!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ поклонъ!
Ты, Бояринъ, хоть пониже и повѣжливѣе!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ пониже и повѣжливѣе!
Ты, Бояринъ, покажи намъ походу!
Ты, Царевна, вотъ тебѣ похода право частенькая!
Ты, Бояринъ, кая жъ вамъ мила, кая жъ пригожа?

Парень выбираетъ дѣвку и цѣлуетъ.

Псков. Г. Остров. У. Сооб. М. И. Семевскимъ.

156.

И я улкомъ шла,
Переулкомъ шла,
Клубокъ нитокъ нашла,
Клубокъ выронила:
Клубокъ катится,
Нитка тянется,
Клубокъ далѣ, далѣ, далѣ,
Нитка тонѣ, тонѣ, тонѣ,
Я за ниточку взялась,
А ниточка порвалась.

Играющіе, взявшись за руки, ходятъ въ кругѣ. При послѣднихъ словахъ всѣ разсыпаются въ разныя стороны.

Зап. въ Москвѣ А. Н. Аѳанасьевъ

157.

Не бѣленькій снѣжокъ
На талу землю напалъ,
Ужь какъ мой-то милой
Со добра коня упалъ,
Упалъ да лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ
Его прежняя сударушка похаживала,
Частешенько на милаго поглядывала:
Вставай, милый, не лежи,
Коня въ сѣдлѣ не держи,
Отъ колечка отвяжи,
Отъ такова, отъ витова,
Отъ серебрянпаго,
Периточенаго,
Позолоченаго!
На коня дружка сажала,
Я подсаживала,
Ему наказывала:

Ты поѣдешь, мой любезной,
На чужую сторону:
На чужой ли на сторонкѣ
Не загуливайся!
На хорошихъ, на пригожихъ,
Не заглядывайся!
Что хорошія, пригожія,
Тебя высушили,
Изъ бѣлаго изъ лица
Румянъ вывели.
Что и черная грязь—
То старухи у насъ;
Что и бѣлая капустка—
То молодушки у насъ;
Что лазоревый цвѣтокъ —
Красны дѣвушки у насъ;
Что гнилая-то солома—
То ребятушки у насъ.
На гнилую-то солому
Нынѣ честь пришла:
Что гнилая-то солома
Нынѣ женится,
А лазоревый цвѣтокъ
За нихъ замужъ идутъ;
Гнилая-то солома
На кроватушкѣ лежитъ,
А лазоревый цвѣтокъ
У кроватушки стоитъ,
Сама плачетъ, говоритъ:
Ужь ты другъ, прости!
На кровать меня пусти!
Я тогда тебя пущу,
Когда три кожи спущу.
Хоть и три кожи спусти —
На кровать меня пусти!

Зап. въ с. Кушалинѣ Твер. Г. Студ. Н. А. Никольскій.

158.

Что не бѣлый снѣгъ напалъ,
Молодецъ съ коня упалъ.
Охъ калина моя!
Охъ малина моя!
Молодецъ съ коня упалъ,
Онъ упалъ, упалъ лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ.
Охъ калина моя!
Охъ малина моя! *
Увидала, подбѣжала,
Красна дѣвица душа,
За бѣлы руки примала,
На добра коня сажала, (2)
Съ уговоромъ провожала, (2)
Все приказывала:
Какъ поѣдешь, моя радость,
Какъ поѣдешь, моя жизнь,
Что по селамъ, городамъ,
По Нѣмецкимъ слободамъ,
На хорошихъ, на пригожихъ,
Не заглядывайся!
Что хорошія, пригожія,
Тебя высушили,
Безъ мороза безъ лютаго
Сердце вызнобили.
Что ни черная грязь —
То старушонки у насъ;
Что ни бѣлая капустка —
То молодушки у насъ;
Что ни аленькій цвѣтокъ —
Красны дѣвушки у насъ;
Что ни гнилая солома —

* Повторяется послѣ каждаго двустишія послѣдняго стиха.

То молодцы у насъ;
Что гнилая то солома
Нонче женится,
Что аленькій цвѣтокъ
За ней замужъ идетъ;
Гнилая-то солома
На кроватушкѣ лежитъ,
Что ни аленькій цвѣтокъ
Длѣ кроватушки стоитъ,
Слезно плачетъ, говоритъ:
Ты прости, прости!
На кровать меня пусти!
Я тогда тебя прощу,
Когда плеть сыщу
Объ семи хвостахъ
И семи нахвостничкахъ.

Зап. мною Тул. Губ. и У. въ с. Лотовиновѣ.

159

Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина,
Катя, коверъ вышивала,
Офицера дожидала.
Катя вышла изъ воротъ,
Офицерикъ къ ней идетъ.
Здравствуй, Катенька моя!
Дома ль маменька твоя!
Дома, дома, Офицерикъ,
Дома, дома, молодой:
Моя маменька больна,
Лежитъ въ спаленкѣ одна.

Зап. мною въ Твери.

160.

Катя, Катя, Катерина,
Разрисована картина,
Катя коверъ вышивала,
Офицера поджидала;
Вышла Катя у воротъ—
Офицерикъ къ ней идетъ.
Здравствуй, Катенька милая!
Дома ль маменька твоя?
Дома, дома, Офицеръ,
Дома, дома, молодой!
Моя маминька больна,
Спить во спалиньки одна,
А сестрица въ терему
Она не скажетъ ни кому.
Я калитку отворила,
Офицерика впустила,
На кроватку посадила:
Офицерикъ молодой,
Потолкуемъ мы съ тобой!

Зап. въ с. Өедотовѣ Твер. Г. Вышневолоц. У.

161.

Во полюшкѣ еленька,
Подъ елинькой тропинка,
По тропинкѣ Анна шла,
А за Анюшей Ванюша:
Меня Ваня настигалъ,
Съ руки перстень скидалъ,
Съ руки перстень разсыпной,
А я пошла, залилась,
Отцу съ матерью жалилась:

Ты не мой ли батюшка,
Не моя ли матушка?
Меня Ваня настигалъ,
Съ руки перстень скидалъ,
Съ руки перстень разсыпной.
Пойдемъ Ваню побранимъ,
Пойдемъ глупаго пожуримъ:
Ты за чѣмъ ее настигалъ,
Съ руки перстень скидалъ?
Я за то ее настигалъ:
Поздно вечеромъ не ходи,
А другого-то не люби,
Мсе сердце не бряди,
Мое сердце очень зло,
Ретивое пережгло,
Въ твоемъ перстнѣ слова нѣтъ,
А тебѣ, батюшка, дѣла нѣтъ!

162.

Всее ночку не спала,
По милымъ тужила:
Ужь какъ мой-то милой,
Онъ догадливый такой,
Онъ сидитъ возлѣ меня,
И глядитъ на меня,
Цѣловалъ, миловалъ,
Надежинькой называлъ:
Надежиньки, жизнь моя,
Непомѣрная краса!
Причесаны волоса,
Причесаны, пріубраны,
Заплетеная коса,
Въ косѣ ленточка ала,
Ужь ала, ала, ала,

Изъ далека везена (2)
Изъ Новагорода.
Но куда, моя Надежа,
Снаряжаешься, идешь?
Во суконную поддевку,
Одѣваешься?
Совсѣмъ снаряжусь,
Родимой матушки спрошусь.
Родна матушка сказала,
Любить тебя приказала;
На матушку не гляжу,
Любить тебя не хочу,
Снаряжайся, мой милой,
Исправляйся дорогой!
Милъ на рѣчку, на рѣку,
На крутинькой бережокъ,
На желтинкой на песокъ.
Ужь я сяду, посижу,
Туда, сюда, погляжу,
Куда рѣчка течетъ,
Куда быстра бѣжитъ;
Волга матушка быстра
Скоро судно пронесла,
Мимо моего двора,
Суденышко тонетъ, тонетъ,
Сударынька стонетъ, стонетъ,
Суденышко потонуло,
А я млада воздохнула,
Суденышко во песокъ,
А я млада въ голосокъ!

163.

Спонаслалися Указы,
Не про дѣвокъ, не про бабъ,
Про солдатокъ, да про вдовъ.
Какъ солдатки и вдовы,
Онѣ очень удалы,
Все картежничали,
Спонашили сарафаны
Китайчаты, голубыя,
Кругъ подола галуны
По ладони ширины.
Никогда дѣвку хмѣлинка
Не размывала.
Познала дѣвка хмѣлинку:
Полюбилъ Барскій дѣтинка,
Съ низу низовой купецъ,
Разудалый молодецъ:
Взялъ дѣвушку, подхватилъ,
На кораблнкъ посадилъ,
Тонкій парусъ распустилъ,
По Невѣ рѣкѣ пустилъ;
Нева рѣка не примаетъ,
Ко бережку прижимаетъ,
Ко зеленому лужку;
Я у этого лужка
Цѣлый годъ ждала дружка,
Я ждала, ждала, ждала,
Я насилу дождалась,
На шеюшку бросилась:
Здравствуй, миленькій мой,
Ты не ходишь ли къ мной?
Ты не хвастаешь ли мной,
Не пригожей, не дурной?
Не хвалился ль самъ собой?
У милова ль, у милова,
Теперь садикъ зеленѣетъ:

Во первомъ во садикѣ
Ростетъ трава мята:
Люби меня, миленькій,
Хоть я небогата!
Во второмъ во садикѣ
Растетъ трава ничка:
Люби, люби, миленькой,
Хоть я невеличка!
Во третьемъ во садикѣ
Растетъ трава роза:
Люби, люби, мой миленькой,
Хоть я непригожа!

164.

Слѣды ль, мои слѣды,
Молодецкіе слѣды!
Довели меня слѣды
До напасти, до бѣды,
До бѣдушки не малой,
До славушки до худой!
А вамъ, дѣвушкамъ, не честь,
И ребятамъ не хвала,
Дѣвка парневъ провела,
Дуракомъ назвала:
Ужь ты, парень дуракъ,
Не ходи-ка къ дѣвкамъ такъ!
Ты поди, принеси,
Самъ поздравствуйся:
Здравствуй, милая моя!
Дома ль маменька твоя?
Нѣтъ ни тятиньки, ни маменьки,
Нѣту дома ни кого:
Полѣзай, Баринъ, въ окно!
Баринъ ручку протянулъ,

Казакъ плеткой стеганулъ:
Не Боярска, Сударь, честь
Ко дѣвушкѣ въ окно лѣзть:
На то калиточка есть,
Есть и сѣни, есть и двери,
Есть и новы ворота.
Скоро парень вздогадался,
За карманъ рукой хватался,
Вынимаетъ денегъ рубль:
Помиримся какъ ни будь!
Вынимаетъ полтора —
Помириться намъ пора!
Не води-ка вдоль села,
Не безчести молодца!
Вынимаетъ вина штофъ:
Тебѣ, Казакъ, вино пить,
А мнѣ дѣвушку любить.

165.

Ой горе, ой горе,
Кручина великая, 2
Какъ-то мнѣ 2
За стараго замужъ итти!
Ой горе и т. д.
Какъ-то мнѣ 2
Съ старикомъ мужемъ
Жить будетъ (Дерутся.)
Ой горе, и т. д.
Какъ-то мнѣ 2
Съ старымъ мужемъ
Постельку стлать!

(Размахиваетъ руками съ большимъ неудовольствіемъ.)

Ой горе, и т. д.
Вотъ такъ-то мнѣ 2

Старому во изголовье класть. (Въ сердцахъ бросаетъ.)
Ой горе, и т. д.
Какъ-то мнѣ 2
Стараго мужа
На постелю класть!
Ой горе, и т. д.
Вотъ такъ мнѣ 2
Класть будетъ!
Ой горе, и т. д.
Какъ-то мнѣ 2
Пробуждать будетъ!
Ой горе и т. д.
Вотъ такъ-то 2
Его будить будетъ: (Толкаетъ ногою.)
Старый мужъ, проснись,
Старый песъ, пробудись!
Ой радость, ой радость,
Веселье великое!
Какъ-то мнѣ 2
За молодаго замужъ ити!
Ой радость и т. д.
Какъ-то мнѣ 2
Съ молодымъ мужемъ
Жить будетъ! (Цѣлуются.)
Ой радость и т. д.
Какъ-то мнѣ 2
Съ молодымъ мужемъ
Постелюшку стлать!

(Хлопочетъ, чтобы постель была мягка.)

То же, что и въ предыдущемъ, только все дѣлается съ нѣжностію.

Зап. мною въ Тулѣ отъ оружейницы.

---

166. *

Шла утушка по бережку,
Шла сѣрая по крутому,
Вела дѣтей за собою,
И стараго и большаго,
Середняго и меньшаго,
Ай юти, ай юти!
Да куды жъ мнѣ ити?
Кабы лѣсъ былъ,
Кабы лѣсъ былъ,
Перевѣсился бы я!
Кабы рѣчка была,
Кабы рѣчка была —
Утопился бы я!
Кабы рюмка вина,
Кабы рюмка вина —
Захлебнулся бы я!
Кабы кусъ калача,
Кабы кусъ калача —
Подавился бы я!
Вы, дѣтушки, перейдите!
Вы, малые, берегитесь!

Зап. мною въ Тулѣ отъ оружейницы.

167.

Родимая матушка!
Не женатъ хожу,
Ой люли, люли, люли;
Не женатъ хожу!

---

* Эта пѣсня — собственно игра для дѣтей, подъ руководствомъ взрослой сестрицы, или тетки и т. п. Двѣ женщины становятся рядомъ, берутся за руки, подымая ихъ къ верху въ видѣ воротъ. Дѣти тоже берутся за руки и растягиваются въ линію. Впереди ихъ становится старшая дѣвушка и, взявъ близъ стоящаго ребенка за руку, подъ пѣніе пѣсни проходитъ вокругъ этой пары, а при послѣднемъ стихѣ проходитъ подъ ворота, что повторяется нѣсколько разъ.

Не женатъ хожу,
Холостъ гуляю.
О люли и пр.
Поди, поди, молодецъ,
Въ короводъ къ дѣвкамъ!
Ой люли и пр.
Бери, бери, молодецъ,
Самъ себѣ лучшую!
Ой люли и пр.
Самъ себѣ лучшую,
Дочь Дворянскую!
Ой люли и пр.
Дочь Дворянская
Низко кланялась,
Ой люли и пр.
Низко кланялась,
Мнѣ не нравилась:
Ой люли и пр.
Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ не работница,
Ой люли и пр.
Твоимъ ручушкамъ,
Не замѣнушка.
Ой люли и пр.

И второй куплетъ также, только парень выбираетъ дочь купеческую; потомъ, въ третій разъ, выбираетъ дочь крестьянскую, которая и говоритъ:

Я тебѣ, молодецъ,
Въ полѣ работница,
Ой люли и пр.
Твоимъ ручушкамъ
Я замѣнушка.
Ой люли и пр.

Зап. Твер. Г. Новотор. У. въ с. Селиховѣ А. Соловьевымъ.

168.

Ходилъ я, гулялъ я, 2
Три дня, три ночи по рынку, 2
Искалъ я, глядѣлъ я, 2
Дѣвку Матре́ну во рынкѣ, 2
Сулилъ ей, дарилъ ей,
Чернаго, чернаго шелку:
На что же мнѣ, куда его,
Чернаго, чернаго шелку?
Есть у меня, было у меня,
Черныя, черныя брови.
Ходилъ я, гулялъ я,
Три дня, три ночи, по рынку,
Искалъ я, глядѣлъ я,
Дѣвку Матрену во рынкѣ,
Сулилъ ей, дарилъ ей,
Бѣлаго, бѣлаго шелку.
На что же мнѣ, куда его,
Бѣлаго, бѣлаго шелку?
Есть у меня, было у меня,
Бѣлое, бѣлое личико.
Ходилъ я, гулялъ я,
Три дня, три ночи, по рынку,
Искалъ я, глядѣлъ я,
Дѣвку Матрену во рынкѣ,
Сулилъ ей, дарилъ ей,
Краснаго, краснаго шелку:
На что же мнѣ, куда его,
Краснаго, краснаго шелку?
Есть у меня, были у меня,
Розовы, розовы щечки.

Сообщ. А. Н. Островскимъ, зап. въ Коломнѣ Моск. Г.

Пѣсни разводныя или разыгрыванныя.

169.

Между горочекъ ишла,
На горушку вышла,
Одна горочка высока,
А другая низка:
Одинъ миленькій далече,
А другой-то близко;
А я дальняго милова
Людямъ подарую,
А я ближняго милова
Три разъ поцалую.

Островск. Уѣз. Псков. Губ. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

170.

Сѣяли дѣвушки ленъ:
Повадился Вася щеголекъ,
Весь леночикъ притопталъ,
Всѣ головки посорвалъ,
Въ Дунай рѣчушку побросалъ;
Дунай рѣчушка широка:
Выйди, дѣвушка замужъ за меня!
Про тебя, Васинька, славушка худа:
Во Царевъ кабакъ ты, Вася, ходишь
Зеленое вино пить.
Я не буду во Паревъ кабакъ ходить,
Зелена вина не буду пить,
Свою жену не буду бить,
Я ее буду любить.

Островск. Уѣзд Сообщ. М. И. Семевскимъ.

171.

Много розы нащипала,
И побросала за себя:
Хочетъ мой милой узнать,
И скоро въ дѣлѣ распознать.
Долго милой дивовался,
И любовался на меня,
Говорилъ, что поцалуй ты меня!
Я не буду цѣловать,—
Я сердита на тебя,
Я дѣвица не глупа,
Не надѣлаю проказъ—
Поцалую восемь разъ.

Дер. Остенко, Псков. У. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

172.

По саду, садочку,
Гуляли дѣвочки,
Купечески дочки:
На нихъ платья миткалечку
Алаго цвѣточка,
Въ косы лента голубая:
Дѣвочка молодая,
Полюбила парня,
Парня паренечка,
Вдовина сыночка,
Михайла Александровича.

Вел. Луки Пск. Г. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

173.

Мнѣ нужно сходить
До зеленаго луга,
Мнѣ нужно розыскать
Милую подругу:
Пойдемъ, милая, со мной,
Пойдемъ, разгуляемся!
Мнѣ наскучило одному
По травѣ ходити:
Пойдемъ милая, ходити!
Будешь ли любити?
Я за прежнюю любовь
Три раза́ цалую (и цѣлуетъ).

Опочка Псков. Г. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

174.

Бѣжу, бѣжу, по пожинкѣ,
Прибѣгала ко дороженькѣ,
Дли дорожки березка стоитъ,
На березкѣ два голубя сидитъ,
Одинъ голубь ни чего не говоритъ,
А голубка разговариваетъ:
Завтра праздникъ—Ивановъ день,
Мой миленькій гулять пойдетъ,
Меня, дѣвушку, съ собой возметъ,
На гуляньи, при компаньи,
Поцалуетъ, обойметъ.

Псков. Г. Остров. У. Сообщ. М. И. Семевскимъ.

175.

На полатѣ, при лопатѣ,
Сковородникъ на печи,
Сковородка въ печи:
Мнѣ блиночковъ испечи!
Двое ходятъ, двое бродятъ,
Не обоймутся,
А во старые-то годы
Не бывало такой моды,
Какъ нынче у насъ,
Упубликованный Указъ
Цаловаться девять разъ.

176.

Я по бережку похаживала,
Бѣлу рыбушку залавливала,
Какъ увидѣли ребятушки,
Разсказали моей матушкѣ,
Моя матушка ни лиха, ни добра,
Ни какого мнѣ отвѣта не дала,
Посылала въ зеленый садъ гулять,
Приказала цвѣты алыя щипать.
Я щиплю, щиплю—не хочется,
Къ милымъ дѣвушкамъ хочется.
Приходилъ молодчикъ молодой,
Приносилъ перстенечикъ дорогой:
Перстенечикъ-то хочется,
Цаловать его не хочется.
Я любила тишешенько,
Цаловала милешенько,
Провожала далекошенько.

177.

Роща, ты роща,
Роща виноградная:
Дѣвка ненаглядная,
Кроватка тесовая,
Перина пуховая:
Ужь ты, миленькій дружокъ,
Купи штофъ дюжокъ!
Коли хочешь разсердиться,
Не любя меня годокъ,
Поцалуй меня разъ пятокъ!

178.

Рука за руку взялись,
Познакомилися:
Не ты ли мнѣ кумъ,
Не я ль тебѣ кума?
Гдѣ ни сойдемся—
Поклонимся,
Гдѣ ни свидимся—
Поцалуемся.

179.

У мово ли у милова
Дорогъ перстень на рукѣ,
Позолоченый орелъ.
Парень дѣвушку провелъ:
Гдѣ дѣвица шла,
Тутъ трава росла;
Гдѣ красавицу вели,

Тамъ цвѣты алые цвѣли;
Канарейка летяшка
Переломала крылышка;
По полю летается,
Соколъ-то искается:
Соколикъ мой ясный,
Молодецъ прекрасный,
Ходитъ, веселится.
Поди распроститься!

180.

Слала, слала, дѣвушка
Перинушку мягку,
Ждала, ждала, красная
Полковничка въ гости,
Не дождавшись Полковничка
Легла, пріуныла,
По утру рано вставала,
Вѣсти услыхала:
Померъ, померъ, Полковничекъ
Своей скорой смертью;
Остаются малы дѣти
Съ молодой женою,
Остается конь вороный
Съ золотой уздою.
Стой, мое золотце!
Цалуй меня, молодца!

181.

Иванушка травушку коситъ,
А дѣвица воду носитъ,
Иванушка припотѣлъ,
Воду пить захотѣлъ,
А дѣвица увидала,
Въ окошечко подавала,
Въ окошечко Полковничка
Молодчикомъ называла:
Люби, молодецъ, меня!
Цаловать буду тебя!

182.

Я на горкѣ стою—
Слезы катются,
Мнѣ жениться велятъ—
Мнѣ не хочется,
Мнѣ невѣсту даютъ —
Мнѣ не нравится,
Много чванится,
Въ короводъ она идетъ—
Низко кланяется,
Съ коровода вонъ пойдетъ —
Поцалуется.

183.

Во селѣ-то во Кушалинѣ
Не я ли добрый молодецъ гулялъ,
Ужь не я ли три бѣдушки сбѣдовалъ?
У прикащичка жену сторговалъ,

А жену-то звали Аннушкой,
А сестру его Натальюшкой;
У Натальи платочикъ заносилъ
За безчестье шестьдесятъ рублей платилъ,
Шестьдесятъ рублей—денежки,
Цаловали меня дѣвушки.

184.

Несчастная наша доля!
Никто насъ не любитъ:
Полюбила коваля,
И то воля не моя.
Я за ручку возьму
И во хату поведу,
Всее правду разскажу,
Всее правду, всее правду,
Какъ родному брату:
Чтобы трубокъ не курить,
Табаку не нюхать,
По трактирамъ не ходить,
Чужихъ женъ не любить.
Кто чужу жену полюбитъ,
Тому грѣшно будетъ;
Кто дѣвицу приголубитъ,
Семь разъ поцалуетъ.
Пойду млада по воду,
Брошу кольцо на воду:
Серебряное колечко
Не тонетъ, не плыветъ.
Сударыня прочъ пойдетъ.
Я свою милую,
Чѣмъ хочу дарую,
Чѣмъ хочу дарую,
Семь разъ поцалую.

185.

У мово ли у милова
При помадѣ голова:
У мово ли у милова
При гребеночкѣ коса,
Люстринова косыночка,
Козловые башмачки;
Козловые башмачки,
По садику пошли,
Поклонились — въ розь пошли.

186.

Ужь мы думали воробушки летятъ,
Анъ Киселевскіе ребята катятъ;
Мы хотѣли съ молодцами говорить,
Со правой ручки колечко дарить,
Родный батюшка въ окошко глядитъ,
Поклониться пониже велитъ.

187.

Во лѣсикѣ во темномъ
Шелковая трава ли,
Ходилъ гулятъ купчинушка
По этой травкѣ ли,
Ай розочка, ай бѣлая,
По этой травкѣ ли. *
Смотрѣлъ, глядѣлъ, купчинушка,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Невѣсту себѣ ли:
Хорошая, пригожая,
Поди за меня ли!
Не пойдешь, спокаешься,
Вспомянешь меня ли.
Вспросить было у дѣвушекъ,
Какова есть она ли?
Чудесная красавица,
Всѣ хвалятъ тебя ли?
Косыночка, косыночка,
Ала, батистовая,
А дѣвица красавица,
Мила, молода;
Кого люблю, кого люблю,
Того поцалую,
Батистову косыночку
Ее подарую,
Подаривши косыночку,
Семь разъ поцалую.

188.

Изъ за лѣсу, изъ за лѣсика темнаго,
Ясенъ соколъ вылетаетъ,
Бѣлу лебедь выкликаетъ:
Будь же, дѣвушка, будь же, красная, за мною!
Ясенъ соколъ, не въ чемъ выйти,
Не въ чемъ выйти, шубки нѣту,
Шубки штофной,
Душегрѣйки парчевой.
Бѣла лебедь, я тебя люблю,
Тебя люблю, шубку куплю,
Шубку штофную, душегрѣйку парчевую,
Въ косу ленту алую,
Я милую подарю,
Подарую, поцалую.

189.

Не безчестно молодцу
Вдоль по улицѣ пройти,
Къ короводу подойти:
Пойду я къ короводу,
Поклонюсь всему народу:
Я подвинуся поближе,
Поклонюся имъ пониже.
Я по прежней по любви
Съ дѣвкой шуточку сшутилъ,
Шуткой на ногу ступилъ,
Башмакъ новый проломилъ
Мнѣ не жалко башмака,
Жалко бѣлаго чулка:
Башмакъ батюшка купилъ,
Чулокъ милый подарилъ.
Какъ на горкѣ, на горѣ,
На высокой на крутой,
Стоялъ зеленый садокъ;
Какъ во этомъ во саду
Съ молодцомъ дѣвка стоитъ,
Сама плачетъ, говоритъ:
Ужь какъ что это за другъ,
Когда любитъ семь подругъ!
Какъ осьмую-то полюбитъ,
А я прочь отойду.
Отойди, дѣвочка, прочь!
Говорить съ тобой не въ мочь!

190.

Во городѣ во Казани
Полтораста рублей сани,
Дѣвка ходитъ по крыльцу,
Платкомъ машетъ молодцу,

Другая по горенкѣ
Горюетъ по молодцу;
Приходили двѣ подружки,
Унимали горевать:
Я не слушаюсь васъ,
Поцалую сто пять разъ.

Всѣ 17 зап. Студ. И. А. Никольскимъ въ с. Кушалинѣ, Тверск. Г. и У

191.

Леталъ голубь, леталъ сизой,
Со голубушкою,
Что ходилъ, гулялъ, молодчикъ,
Съ милой дѣвушкою.
Кабы эта мила дѣвица
Во теремѣ жила,
Я бы ее золотомъ украсилъ,
Жемчугомъ бы унизалъ,
Я бы лѣтнею порою
Во колясочкѣ каталъ,
Я бы зимнею порою
На своихъ добрыхъ коняхъ, 2
Да на лаковыхъ саняхъ.
Гдѣ ни сойдемся—
Мы поклонимся;
Гдѣ ни свидимся—
Поцалуемся.

Зап. въ с. Медвѣдскомъ, Тверск. Г. А. А.

192.

Полюби, полюби,
Радость, дѣвица, душа!
Если ты меня полюбишь, —
Будешь счастливая.
Я люблю тебя душой,
Надѣлю тебя казной;
Что денчикъ, то обновка,
Буду милую дарить,
Ты ни прясть, ни ткать,
Ты не будешь работать;
Знай умыться, снарядиться,
Да обновки обновлять;
Красна дерева кровать,
На коврѣ будешь стоять,
И на бархатномъ диванѣ
Будешь, радость, почивать.
Тутъ и я прилечу,
Разцалую, размилую,
Мою радость дорогую. *

---

* Или:

Что подъ деревомъ такимъ
Мила дѣвица сидитъ,
Черноброва, миловидна,
На всѣ стороны глядитъ:
Въ сентетюровомъ капотѣ,
Мериносовой шали,
Въ море-розовой косынкѣ
И въ козловыхъ башмакахъ;
Что козловые башмаки
Съ переплеточками,
А шелковые чулочки
Со рѣшеточками.

184.

Молодцу красна дѣвица,
Приглянулася весьма,
Ой, роза, роза, роза,
Роза алая моя. *
Она очен но бѣла,
Постоянна и умна, 2
Вдоль по горенкѣ прошла, 2
До окошечка дошла,
Окошечко открывала,
Во глаза дружка ругала:
Право, сущій ты дуракъ!
Ну за чѣмъ ты любишь такъ?
Я за то тебя люблю,
За походку за твою,
За выступку частую,
Вдоль по горенкѣ пройду,
Всю поступку объявлю; 2
Во зеленый садъ пойду,
Во зеленыемъ саду
Одинешенька сижу,
Кричу громко безъ стыда:
Воротись, милый, сюда!
Я любезная твоя!
Скоро милый подбѣжалъ,
Два разъ вдругъ поцаловалъ.
Цаловавши дважды вдругъ,
Выпадала трость изъ рукъ, 2
Свалились перчатки съ рукъ.
Знать дѣтинушка не глупъ,
Говоритъ рѣчи не въ слухъ.

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

195.

Невѣстка, невѣстка,
Невѣстка голубка!
Пойдемъ-ка, невѣстка,
Къ батюшкѣ свекру:
Ай, батюшка свекоръ,
Отпусти насъ въ гости,
Въ гости погостити,
Въ бесѣду сидѣти!
Невѣстки голубки,
Посидите дома!
Не то наше сердце,
Чтобъ дома сидѣти.
Невѣстка, невѣстка,
Невѣстка голубка!
Пойдемъ-ка, невѣстка,
Къ матушкѣ свекрови:
Матушка свекровушка,
Отпусти насъ въ гости,
Въ гости погостити,
Въ бесѣду сидѣти!
Невѣстки голубки,
Сидите вы дома!
Не то наше сердце,
Чтобъ дома сидѣти.
Невѣстка, невѣстка,
Невѣстка голубка!
Пойдемъ-ка, невѣстка,
Къ милымъ дружечкамъ:
Милые дружечки,
Отпустите въ гости,
Въ гости погостити,
Въ бесѣду сидѣти!
Спасибо, дружечки,
Что пустили въ гости,
Въ гости погостити,
Въ бесѣдѣ сидѣти. (Раскланиваются.)

Всѣ 5 зап. А. А. въ с. Медвѣдскомъ Тверск. Г.

196.

По улицѣ, улицѣ, ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ,
Добрый молодецъ №№
Увидала Машенька съ крылечка въ окошечко:
Родимое дитятко! Что ходишь невесело?
Ходишь невесело, гуляешь нерадостно?
Всѣ мои товарищи жениться совѣтуютъ.
Женись, женись, дитятко, женись, чадо милое:
Не бери приданаго, бери милу дѣвицу,
Бери милу дѣвицу (имя и отчество ея)
У №: при помадѣ всегда,
У дѣвицы голова очень мило убрана.
Съ кѣмъ ходили, съ кѣмъ гуляли,
Расходились—цаловались.

197

Какъ по травкѣ (6 разъ)
По той лѣтней по дорожкѣ,
Шелъ молодчикъ неженатый,
Не женатый, холостой, 6
Ему въ встрѣчу дѣвица, дѣвица: 6
Давай, младый, поиграемъ,
Поиграемъ, потанцуемъ. 6
Я готовъ съ вами играть, 6
Я готовъ и танцовать: 6
Мои рученьки играютъ, 6
Мои ноженьки танцуютъ. 6
Съ кѣмъ ходили, съ кѣмъ гуляли, 6
Расходились—цаловались. 6

198.

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой,
По еловенькой.
Тонка жердочка гнется,
Не ломится,
Хорошо съ милымъ водиться,
Не стошнится.
Пойду, выйду, молода,
За новыя ворота,
За новыя, кленевыя,
За рѣшетчатыя;
Гляну, гляну, молода,
Вдоль по улицѣ конца,
У новыхъ-то у воротъ
Стоитъ дѣвокъ короводъ.
Этѣ дѣвки хотятъ
По лугу гулять,
Круга заводить,
А этѣ ребята хотятъ
Дѣвокъ цаловать,
Дѣвокъ цаловать,
Хорошую дважды,
Пригожую трижды,
А самую худерьбу,
Округъ ее обойду,
Поцалую, обойму,
Замужъ возьму.

Зап. въ с. Околчинѣ Тул. Г. И. А. Худяковымъ.

199.

Ужь на что жь это за мѣсяцъ:
Ночью свѣти, а днемъ нѣтъ?
И на что это за милый:
Вечеръ люби, другой нѣтъ!
Походочка его у сердечка моего,
Поговорка его у ретивова мово;

Милъ на ножку ступаи,
Ума-разума пытаи,
Милъ за ручку крѣпко жметъ,
Поцалуя себѣ ждетъ.

200.

Я по садику ходила, дѣвица,
По заленому гуляла, красная,
Я лазоревы цвѣточки рвала,
Со цвѣточковъ вѣночки плела.
Какъ увидѣли ребятущки,
Разсказали моей матушкѣ.
Моя матушка ни лиха, ни добра,
Ни какова мнѣ отвѣту не дала,
Послала меня въ зеленъ садъ гулять,
Приказала розу алую щипать:
Я щиплю, щиплю, не хочется щипать,
Вонъ ко дѣвушкамъ мнѣ хочется.
Приходилъ ко мнѣ молодчикъ молодой,
Приносилъ мнѣ съ руки перстень золотой:
Перстенечика не хочется,
Вонъ изъ садику хочется:
А за этотъ перстенечикъ золотой,
Поцалуемся, мой миленькій, съ тобой!

201.

Въ саду ягода калина:
Размолоденькій дѣтина,
Онъ принесъ добра не мало:
На два платья левантину,
На капотикъ лександрину,
Еще ситечку кусочикъ,
Левантиновый платочикъ,
На бѣлую грудь цѣпочку:
Поцалую дружка въ щечку.

202.

Ужь ты вѣнчикъ, мой вѣночикъ,
Ай да вѣночикъ!
Вѣнокъ, синенькій цвѣточикъ,
Ай да цвѣточикъ!
Кому вѣнчикъ подарити,
Ай да подарити?
На ково жь мнѣ положити,
Ай да положити?
Положу ль я на головку,
Ай да на головку?
Что на красную, на дѣвицу,
Ай да на дѣвицу?
Что ни кумъ съ кумой покумился,
Ай да покумился!
Молодецъ съ дѣвицей подружился,
Ай да подружился!
Гдѣ ни сойдемся—пріобоймемся.,
Ай да пріобоймемся!
Пріобоймемся, поцалуемся,
Ай да поцалуемся!
Разойдемся, распростимся,
Ай да распростимся!

203.

На горѣ комарики,
Подъ горою мошки,
Искусали комарики
Варюшкины плечки;
Кланялася Варюшенька
Капитану въ ножки:
Капитанъ, Поручикъ,
Сизенькій голубчикъ!
Сыми мово милова,
Съ караула крѣпкова:
Караулы крѣпки,

Перемѣны рѣдки,
Морозы студеные,
Сюртуки зеленые,
На дворѣ морозъ трескунъ!
Ты, Варюша, не тоскуй:
Куплю тебѣ варишки,
Черевички маленьки,
Банку розовой помады,
Коленкору широку:
Я тебя, Варя, люблю,
Поцалую, прочь пойду.

Всѣ зап. Гимн. В. Тюкинымъ въ с. Ѳедор. Дворы Твер. Г. Осташ. У.

204.

А кто у насъ не женатъ,
Во бесѣдѣ холостой?
Иванушка не женатъ,
Андреевичъ холостой;
Пора ему жениться,
На добра коня садиться,
Время ему ѣхати
Ко тестеву ко двору,
Что ко тестевому,
Ко невѣстиному;
У воротъ долго стоялъ,
За колечушко брацалъ, 2
Громкимъ голосомъ кричалъ, 2
Катерину величалъ:
Ужь ты, Катя, отопри,
Петровна пропусти!
Я бы рада отперетъ,
Буенъ вѣтерочекъ вьетъ, 2
Со головки цвѣты рветъ,
Маменька не велитъ
Мнѣ на улицу ходить, 2
Съ тобой рѣчи говорить.

Какъ Иванъ-то разсердился,
Назадъ домой воротился,
Катерина стосковала,
За нимъ посла посылала,
Пару коней нанимала,
Шестьдесятъ рублей давала,
Все Инана ворочала:
Ты, Ванюша, воротись,
Сдѣлай милость, не сердись!
Радъ бы, радъ бы, воротиться,
Станутъ долго-то браниться.
Съ кѣмъ ходили, съ кѣмъ гуляли,
Расходились — цаловались.

(Послѣднее исполняется на дѣлѣ.)

Зап. Твер. Г. въ с. Θедосовѣ Вышневолоц. У. Ив. Копецкій.

205.

(Эта пѣсня поется, когда въ кругу ходитъ парень:)

Царскій сынъ, Королекъ, 2
Раздушенька, Королекъ,
Войди, Сударь, въ городокъ!
Царской сынъ, Королекъ, 2
Раздушенька, Королекъ,
Стань, Сударь, подоприсъ!
Царской сынъ, Королекъ,
Раздушенька, Королекъ, 2
Всѣмъ дѣвицамъ поклонись!
Царскій сынъ, Королекъ,
Раздушенька, Королекъ,
Ково любишь, поцалуй!

206.

(Когда же въ Кругу ходитъ дѣвица, то поютъ такъ:)

Золотыя мои кудри
Перестали виться,
Жена моя, Боярыня,
Ходитъ, веселится;
Она ходитъ, веселится,
Постелюшку стелетъ:
Стелю, стелю, постелюшку,
Стелю пуховую,
Кого люблю, кого люблю,
Того поцалую.

Зап. въ Тулѣ ученикомъ У. уч. Бѣловымъ.

207.

Какъ заѣхалъ, какъ пріѣхалъ,
Ко мнѣ милый поздно,
Онъ раскинулъ, онъ разбросилъ,
Постелюшку ровно;
Стелю, стелю, постелюшку,
Стелю пуховую,
Люблю, люблю Боярышню (или молодца),
Люблю молодую (или молодова),
Кого люблю, того дарю,
Того поцалую.

Зап. тамъ же и тѣмъ же.

208.

Черпай, черпай, не качай!
Береги воду на чай!
Гуляй, гуляй, молодецъ,
Покуда ужинаетъ отецъ,

А отужинаетъ отецъ,
Ступай домой, молодецъ!
Спасибо отцамъ,
Спотакаютъ молодцамъ,
Еще же матерямъ,
Даютъ волю дочерямъ!
Наши матери не знаютъ,
Гдѣ ихъ дочери гуляютъ:
Мы гуляли при гульбѣ,
Всегда милой на умѣ,
Цаловаться съ нимъ бы мнѣ.

Зап. такъ же и тѣмъ же.

209.

Въ огородѣ гряда
Разсажена въ два ряда,
Какъ по этой по грядѣ
Добрый молодецъ идетъ,
На молодчикѣ шуба дуется,
Раздувается,
Какъ молодчикъ надо мной,
Надъ дѣвицей, насмѣхается:
Ты разуй, разуй меня, милая,
Разуй, радость дорогая!
Я и рада бы разуть,
Да не знаю, какъ зовутъ.
Зовутъ-то меня добрымъ молодцемъ:
Полюби ты меня,
Ты, душечка моя,
А я цаловать буду тебя.

Об. зап. Твер. Г. въ с. Архіерейской Бѣли В. Д.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ПАДЕНІЕ ЧЕХІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Въ послѣдніе годы Литература Отечественная замѣтно болѣе и болѣе склоняется къ міру Славянскому, такъ долго у насъ вовсе заброшенному, и все внимательнѣе начинаетъ вглядываться въ бытъ и общественно-политическое движеніе отдѣльныхъ поколѣній Славянскихъ. Не говоря уже о томъ, что Литература не можетъ существовать безъ вліянія на общество, какъ и сама обязана подчиняться его требованіямъ, — и наблюденіе надъ образомъ мыслей и воззрѣній частныхъ кружковъ все очевиднѣе убѣждаетъ наблюдателя въ томъ, что интересы Славянскіе перестаютъ откладываться въ сторону, какъ ненужный пустогрузъ, и составляютъ предметъ обсужденій и споровъ людей, часто не справляющихся съ направленіями Литературы. Опредѣлить причину столь новаго поворота въ нашей жизни, подавленной безпрекословнымъ повиновеніемъ внѣшнимъ и чуждымъ толчкамъ, конечно, весьма трудно, да въ настоящемъ случаѣ намъ нѣтъ и особой надобности въ такомъ опредѣленіи: мы схватываемъ событіе, дѣйствительное и неопровержимое, и останавливаемся на немъ, дорожимъ имъ, по тому что самое событіе утѣшительное, представляющее свѣдѣтельство высвобожденія изъ подъ духовно-нравственнаго ига, которое такъ долго налагалось на насъ рукою Запада, и которое сносить безъ ропота, терпѣливо, считали мы своимъ назначеніемъ, долгомъ.

Пусть будетъ это и мода, какъ модой объясняютъ многіе неустойчивые порывы въ нашей современности. Было бы даже странно и требовать отъ цѣлаго нашего общества глубокой обдуманности, строгой сосредоточенности, яснаго сознанія цѣлей и стремленій и безукоризненно отчетливаго примѣненія твердыхъ

и непоколебимыхъ средствъ для разумнаго достиженія этѣхъ цѣлей и стремленій. Не могла же даромъ пройти для насъ слишкомъ полуторастолѣтняя школа переодѣваній съ ногъ до головы по магазиннымъ моднымъ истуканамъ, которые, какъ неизмѣнный образецъ для нашего слѣдованія, вывозились во всѣ концы Россіи съ отдаленнаго Запада. Слѣдуя постоянно модѣ въ одеждѣ, мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдовали модѣ и въ понятіяхъ и въ образѣ мыслей, что удавалось тѣмъ легче, чѣмъ неотвязчивѣе укоренилась мода и въ самомъ воспитаніи. Не мудрено, такимъ образомъ, подмѣтить и теперь, при новомъ нашемъ житейскомъ поворотѣ, также гоньбу за модой; но мы смѣло можемъ успокоивать себя уже тѣмъ, что эта мода не по чуждому образцу, не занесена къ намъ съ забиравшаго съ насъ прежде, съ забирающаго, къ сожалѣнію, и доселѣ за покрой деньги Запада, родилась среди насъ самихъ, развивается согласно съ нашими понятіями, даже въ прямое противорѣчіе недавнихъ узаконителей во всемъ для нась моды. Какому Западному иностранцу не произведетъ перхоты мысль о Славянствѣ, особенно у насъ на Руси, которую давно уже намѣтилъ онъ любимымъ мѣстомъ своей монополіи во всѣхъ отношеніяхъ. Пускай же будетъ и модой пробужденная въ нашемъ обществѣ мысль о Славянствѣ, но она относится къ зародышамъ нашей самостоятельности въ воззрѣніяхъ, къ свойству, такъ рѣдко замѣчаемому на святой Руси. И не въ одномъ началѣ, а и въ своихъ проявленіяхъ, отличается она рѣзко отъ всѣхъ прежнихъ и настоящихъ модъ по заносимымъ образцамъ съ чужеземщины: свобода ума и воли получаетъ свой законный просторъ, съуженный и не рѣдко вовсе подавленный въ лицѣ представителей покорнаго поклонничества помысламъ заморскимъ. А при такомъ свойствѣ не замедлятъ и этѣ помыслы перейти изъ ряда модъ въ сознанное начало жизни и отразиться въ тѣхъ спасительныхъ плодахъ, которые разцвѣли уже изъ нихъ у нѣкоторыхъ нашихъ соплеменниковъ. Въ числѣ благотворнѣйшихъ плодовъ ихъ, ставящихъ самую жизнь на новыхъ основаніяхъ, смѣло можно указать на отрадное стремленіе къ сглаженію колящихъ глаза сословныхъ неровностей въ народѣ, на любовь и уваженіе къ отверженной донынѣ меньшей братіи, и на горячую готовность дѣйствовать во благо ея просвѣщенія: а въ этомъ, прежде всего, и заключается залогъ всякаго проч-

наго преуспѣянія: и гражданскаго, и хозяйственнаго, и государственно-политическаго.

Въ числѣ Славянскихъ народовъ, особенно возбудившихъ вниманіе современной нашей Литературы и общества, едва ли не первое мѣсто занимаютъ Чехи, болѣе извѣстные у насъ подъ несвойственнымъ Французскимъ названіемъ Богемцы. Такое предпочтеніе Чеховъ оправдывается ихъ дѣйствительнымъ значеніемъ, успѣвшимъ поставить ихъ въ передовой рядъ между остальными Славянами и по развитію хозяйственности, и по общности образованія, и по государственному такту, пробудившему вниманіе даже Европы. Но крайне недостаточно и односторонне будетъ сужденіе наше, ежели оно ограничится исключительно современностью, безъ вниманія къ средствамъ и путямъ, какими достигнута совремеменность. Этѣ средства и пути, будучи важны въ дѣловомъ отношеніи, какъ испытанные примѣры на жизни, съ тѣмъ вмѣстѣ даютъ правильный взглядъ на свойства народа, на силы, въ немъ заключенныя, и на направленіе въ дальнѣйшей его общественной дѣятельности. Не менѣе важно знать и послѣднее положеніе народа, изъ котораго долженъ онъ былъ выходить къ новой жизни, съ помощію тѣхъ средствъ, какія отыскалъ онъ для себя въ замершей было, по чужой волѣ, своей природѣ. На этомъ-то положеніи Чеховъ мы и намѣрены остановиться: оно укажетъ намъ, съ одной стороны, ту пропасть, въ какую такъ еще недавно былъ повергнутъ народъ Чешскій и изъ которой, казалось не однимъ чужестранцамъ, а и самымъ пламеннымъ патріотамъ народнымъ, не смогутъ вырвать и самыя исполинскія человѣческія силы; а сравненіе съ нынѣшнимъ возродившимся состояніемъ духа Чешскаго, съ полнотою современнаго умственнаго и нравственнаго развитія Чеховъ, послужитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ живучести и плодовитости Славянской природы, лишь бы направлена она была по пути правильному и самобытному, какъ это случилось въ Чешской землѣ; съ другой стороны, безпримѣрно несчастное подавленіе Чеховъ раскроетъ передъ нами во всей наготѣ виновниковъ несчастія, и объяснитъ, надѣемся, и оправдаетъ въ глазахъ нашихъ ту установившуюся нелюбовь къ Правительственному Дому въ Австріи, о которомъ приходится слышать изъ устъ каждаго истиннаго Чеха

и читать въ каждой строкѣ, написанной Чехомъ внѣ области Австрійской цензуры.

Оставляя до другого времени подробное изложеніе средствъ и путей, какими дошли Чехи до нынѣшняго образованія, на этотъ разъ мы постараемся очертить передъ отечественными читателями лишь грозную трагедію, совершившуюся на Чешской землѣ въ XVII столѣтіи и низведшую, столь славный еще въ началѣ XVII вѣка, народъ Чешскій въ положеніе блуждающей безъ цѣли мрачной тѣни на нѣкогда цвѣтущей, а теперь разоренной и опустошенной, родинѣ своей.

Согласно съ нашею задачею, мы укажемъ прежде всего на средства, какими утвердилось господство въ Чешской землѣ Габсбургскаго Дома, и на общія черты быта Чеховъ въ XV — XVI столѣтіяхъ, чтобы яснѣе понять великость паденія этого народа; за тѣмъ разберемъ мѣры Австрійскаго Правительства для подавленія Чехіи, и, наконецъ, послѣдствія для Чешской земли отъ выполненія этѣхъ мѣръ.

I.

Въ 1516 году скончался Король Чешскій, Владиславъ. Еще за нѣсколько лѣтъ передъ смертью, былъ онъ втянутъ Императоромъ Максимиліяномъ I въ брачный договоръ, бывшій вѣнцомъ давней политики Габсбурговъ: расширять и укрѣплять за собою одно за другимъ владѣнія посредствомъ браковъ. И въ силу договора съ Владиславомъ, сынъ его, Людовикъ, долженъ былъ жениться на внучкѣ Максимиліяна, Маріи, а дочь Анна выйти замужъ за одного изъ его внуковъ: Карла, или Фердинанда. Съ этѣмъ вмѣстѣ утверждено и условіе, въ силу котораго право на владѣніе Чешскою короною переходитъ къ мужу Анны, въ случаѣ смерти Людовика безъ наслѣдниковъ.

Не прошло и десяти лѣтъ королевства Людовика, оставшагося послѣ отца девяти лѣтъ, какъ началась война Турецкая въ Угріи. Турки все дальше и дальше проникали на Западъ, захвативши цѣлую половину Королевства Угорскаго, гдѣ избранъ былъ Королемъ Фердинандъ, мужъ Анны Чешской. Людовикъ

отправился на войну также, и палъ, въ 1526 году, въ битвѣ при Мухачѣ. Прямымъ наслѣдникомъ остался Фердинандъ.

Фердинанда I признали своимъ Королемъ Моравія, Силезія и Лужицы. Этотъ Король въ 1558 году былъ избранъ и Императоромъ Нѣмецкимъ, и съ этѣхъ поръ корона Чешская не перестаетъ донынѣ считаться нераздѣльною съ короною Императорскою.

Какъ ревностный Католикъ, онъ, конечно, не могъ равнодушно смотрѣть на вѣроисповѣдное разъединеніе въ Чехіи. Помогая брату своему, Карлу V, въ войнахъ Противъ протестантовъ, понятно, онъ не оставался бездѣятельнымъ и въ своемъ Государствѣ: и съ его времени начались уже преслѣдованія подъ разными предлогами. Не мало погибло, на примѣръ, народу, когда не Католическіе Чехи отказались ити въ Германію, для войны съ послѣдователями Лютера, чего требовалъ Фердинандъ послѣ договора Шмалькальденскаго. Имъ выгнаны были и Братья Чешскіе, тысячами удалившіеся въ Саксонію и Пруссію. Имъ, въ 1556 году, основанъ былъ и Климентинскій въ Прагѣ Университетъ, какъ противоядіе Каролинскому Гуситскому. Климентинъ переданъ въ вѣдѣніе Езуитамъ. При немъ явился впервые, послѣ 140 лѣтъ, и Католическій Архіепископъ въ Прагѣ (1562). Умеръ въ 1564 г.

Другого свойства былъ Максимиліанъ II, вмѣстѣ Король Угорскій и Императоръ Нѣмецкій. Спокойствіе въ Чехіи было при немъ полное, по тому что онъ былъ ревностный защитникъ вѣротерпимости. Естественно, что значительная часть Протестантовъ, изгнанныхъ при Фердинандѣ, возвратилась на родину при Максимиліанѣ. Умеръ онъ въ 1577 году.

Наслѣдникъ его, Рудольфъ II, также Императоръ, проживалъ постоянно въ Прагѣ. Въ его время особенно возвысилась наука и образованіе въ Чехіи; но самъ онъ, слишкомъ уже втянувшись въ Астрологію и Химію, не обращалъ вовсе вниманія на Государственныя дѣла, чѣмъ вооружилъ противъ себя почти всѣхъ подданныхъ.

Австрійцы и Угры избрали, вмѣсто Рудольфа, брата его, Матѳія. Протестантскіе Чехи, пользуясь этѣмъ, предложили Рудольфу подписать нѣсколько статей, изъ которыхъ главной была свобода вѣроисповѣданія. Католики протестовали. Сеймъ, собранный по этому случаю, разошелся. Опасаясь безпокойствъ, Рудольфъ (1609) подписалъ, наконецъ, грамоту величества (Majestät's-Brief), которою утверждалась полная свобода вѣроисповѣданія и свобода ставить храмы. Но желаніе отнять у брата взятыя земли, Угрію и Австрію, ввело его въ войну, во время которой и Евангелики высказались въ пользу Матѳія и на сеймѣ принудили Рудольфа отказаться отъ престола, въ пользу своего брата. Отъ огорченія, Рудольфъ умеръ въ 1613 году. Матѳій, по смерти брата и Императоръ Нѣмецкій, въ 1616 году назначилъ себѣ наслѣдникомъ въ Чехіи внука Фердинанда I, также Фердинанда, въ послѣдствіи Императора подъ именемъ Втораго. Такъ какъ при немъ совершилось паденіе Чехіи, и онъ былъ главнѣйшимъ виновникомъ всѣхъ несчастій народа Чешскаго, на цѣлые два вѣка почти прекратившихъ жизнь его, то мы и взглянемъ на внутреннее состояніе Чехіи передъ вступленіемъ на престолъ Фердинанда Втораго, чтобы яснѣе понять зло отъ его дѣйствій для образованности не только Чешской, но и общечеловѣческой.

Степень образованности общества служитъ лучшимъ мѣриломъ развитія и благосостоянія народнаго. Понятно, что разумѣемъ мы сдѣсь не ту образованность, которая ограничивается отдѣльными единицами, или однимъ какимъ либо сословіемъ: такая исключительная, привилегированная образованность, естественно, не дастъ намъ никогда вѣрнаго потятія о состояніи народа, напротивъ, больше чѣмъ что либо, можетъ ввести она посторонняго наблюдателя, или изслѣдователя-потомка въ заблужденіе и ошибки. Сравнимъ нынѣшнюю Россію, или XVI вѣка Польшу. Вредъ же отъ этѣхъ заблужденій и ошибокъ огроменъ въ быту общественномъ.

Но совсѣмъ не такою образованностью отзываются всѣ свѣдѣтельства, и туземныя и иноземныя, о Чехіи XV—XVI столѣтій. И грустно приводить этѣ данныя образованности, при мы-

сли, что въ слѣдъ за этѣмъ придется начертать картину того страшнаго загона, тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, того громаднаго невѣжества, какими рука Габсбурговъ поразила Чешскую землю меньше, чѣмъ въ полстолѣтія. Близость, непосредственность двухъ этѣхъ картинъ, столь противоположныхъ одна другой, не можетъ, въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка, не оправдать нелюбви, установившагося и окрѣпшаго нерасположенія Чеховъ къ правительственному роду, который и въ новѣйшее время не старался чѣмъ ни будь хотя ослабить это отвращеніе.

Два особенно замѣчательныхъ и достовѣрныхъ лица между иностранцами даютъ намъ свѣдѣнія о жизни Чешской въ XV и въ началѣ XVI столѣтія: это Эней Сильвій Пиколомини, иначе Папа Пій II, и Угорскій историкъ Бонфини.

Эней Сильвій, одинъ изъ ученѣйшихъ и умнѣйшихъ людей XV вѣка, родился въ Корсиньяно, 1405 года, куда только что выселились родители его, изгнанные изъ Сіены. Въ 1431 году, какъ Секретарь одного изъ Кардиналовъ Римскихъ, присутствовалъ онъ на Соборѣ Базельскомъ, гдѣ впервые имѣлъ случай озкомиться съ Предводителями народа Чешскаго. Отсюда былъ отправленъ онъ, какъ уполномоченное лицо, для соглашенія Англичанъ съ Шотландцами. Возвратившись на Соборъ, онъ принималъ самое горячее участіе въ его дѣлахъ и, по порученію Собора, въ качествѣ посла, ѣздилъ въ Сардинію, Констанцъ, Страсбургъ, Тридентъ, Франкфуртъ и Вѣну. Въ 1439 отъ новоизбраннаго Папы назначенъ Секретаремъ, а въ 1442 году явился въ званіи Секратаря въ Вѣну, къ Императору Фридриху III. Отсюда-то не разъ приходилось пріѣзжать ему и въ Чехію, по различнымъ дѣламъ, особенно во время воспитанія при Дворѣ Императорскомъ Наслѣдника Чешскаго, Владислава. Принималъ онъ участіе и въ двухъ сеймахъ Чешскихъ. За неутомимую и трудную его дѣятельность назначенъ онъ, въ 1456 году, Кардиналомъ, а въ 1458 выбранъ и Папою, подъ именемъ Пія II. Эней Сильвій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей своего вѣка. Въ числѣ многихъ его сочиненій значится и «Historia Bohemica,» написанная передъ самымъ избраніемъ его въ Папы. Это-то сочиненіе и служило очень долгое время

для цѣлаго Запада источникомъ, откуда обыкновенно почерпали свѣдѣнія о древней жизни Чеховъ. Само собою понятно, что напрасно стали бы мы искать въ этой исторіи подробностей о древнемъ бытѣ Чеховъ: это вовсе не входило въ задачу сочинителя, старавшагося лишь въ общихъ очеркахъ представить происхожденіе и старую жизнь народа, который въ его время обращалъ на себя вниманіе всего Западнаго міра; понятно также и то, что не возможно принимать на вѣру всѣхъ указаній Энея Сильвія о вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, занимавшихъ тогда Чехію: какъ высшій сановникъ Католическій, естественно, онъ могъ смотрѣть на дѣла вѣроисповѣдныя въ Чехіи съ точки зрѣнія Католической. Тѣмъ важнѣе въ нашихъ глазахъ его отзывы о степени образованности Чешской и о жизни общественной въ Чехіи въ XV вѣкѣ: какъ противникъ Гуситства, какъ ненавидѣвшій Чеховъ за отпаденіе ихъ отъ Рима, тѣмъ менѣе могъ онъ быть пристрастнымъ въ похвалахъ своихъ образованію Чешскому.

Бонфини, также Итальянецъ, родившійся въ Асколѣ, 1427 года. Въ 1485 году вызвалъ его Матѳій Угорскій къ себѣ въ Угрію, гдѣ пользовался онъ величайшимъ почетомъ какъ при Матѳіѣ, такъ и при его наслѣдникѣ, Владиславѣ, до самой своей смерти, 1502 года. Въ исторіи Угорской касается онъ и Чехіи, и, подобно Энею Сильвію, также не чуждъ пристрастія противъ Чеховъ. Возвышая Матѳія, онъ во многомъ унижаетъ его современника и соперника на Чешскомъ престолѣ, Юрія Подѣбрадскаго. И снова, свѣдѣтельства его въ пользу Чеховъ должны быть принимаемы тѣмъ съ бо́льшимъ довѣріемъ.

Управленіе въ Чехіи, и въ XV и въ XVI вв., было, правда, то же самое, какъ и прежде. Только сеймъ развернулся больше и дѣйствовалъ самостоятельнѣе. Нельзя не замѣтить, однако же, что привилегированные члены его, Паны, Дворяне и горожане, далеко уже смотрѣли не прежними глазами на толпу народную, съ которою связь была тѣснѣе и заботливость о которой больше и больше входила въ кругъ настоятельнѣйшихъ ихъ обязанностей.

По окончаніи продолжительныхъ и разрушительныхъ войнъ Гуситскихъ, съ необыкновенною быстротою возрастала земля

Чешская какъ въ народонаселеніи своемъ, такъ и въ богатствѣ, доходившемъ даже до роскоши въ самомъ низшемъ сословіи. Къ правленію Фердинанда I въ Чехіи считалось уже 300 замковъ, 782 городка, 38,772 деревни. Полагая въ каждомъ замкѣ по 50 чел., — количество крайне ограниченное, въ каждомъ городѣ и городкѣ по 1000 человѣкъ, въ каждой деревнѣ, круглымъ числомъ, только по 100 человѣкъ, мы получимъ уже обитателей Чехіи въ XVI столѣтіи около 5 милліоновъ. И нельзя ни какъ думать, чтобы помѣщенія народа представляли изъ себя что ни будь бѣдное, тѣсное, нельзя думать какъ по тому, что множество городовъ и деревень и донынѣ служатъ свѣдѣтельствомъ благосостоянія въ XVI—XV вв., такъ и по описанію построекъ храмовъ, оставленному Энеемъ Сильвіемъ. Вотъ какъ выражается послѣдній: «Сознаюсь, что ни одно Государство въ цѣлой Европѣ, въ наше время, не отличается столь обильными, столь величественными и такъ изукрашенными, храмами, какъ земля Чешская. Высочайшіе храмы укрѣплены сдѣсь длинными и широкими сводами; возвышенные алтари блестятъ золотомъ и серебромъ, въ которыя обдѣланы и мощи Святыхъ; священническое одѣяніе украшено драгоцѣнными камнями; сосуды церковные драгоцѣнны; высокія и просторныя окна, изъ самаго прозрачнаго и искусно обработаннаго стекла, великолѣпно освѣщаютъ церкви. Столь поразительное богатство не только удивляетъ въ городахъ, но и въ деревняхъ» (Historia Bohemica. Coloniae, 1532, стр. 77).

Богатство не выражалось въ однѣхъ постройкахъ храмовъ и зданій частныхъ; оно обнаруживалось и во внѣшности самаго народа, разсыпаясь отъ богачей на простыхъ поселянъ. Роскошь, какъ видно, распространилась до такой степени, что само Правительство увидѣло надобность предписать предѣлы,—и вотъ законъ XVI столѣтія, которымъ воспрещалъ Сеймъ носить поселянамъ золотомъ вышитыя шапки, Голландское полотно, съ позументами рубашки, золотомъ вышитые нагрудники, служитъ для насъ очевиднѣйшимъ ручательствомъ высокаго благосостоянія народа. Съ этимъ вмѣстѣ, неизбѣжно должны были развиться и тѣ душевныя качества въ Чехахъ, которыя дѣлали ихъ однимъ изъ лучшихъ народовъ въ ту пору въ цѣлой Европѣ и о какихъ говоритъ Бонфини: «Чехи первенствуютъ надъ всѣми народами ростомъ, силою

и красотою; имѣютъ прекрасные волосы, о которыхъ уже слишкомъ заботятся, какъ и вообще о своемъ тѣлѣ; необыкновенно пріятны они въ обществѣ; въ одеждѣ и покроѣ чрезвычайно чисты и изящны; рождены они какъ будьто для любви и войны; въ высшей степени привѣтливы и необыкновенно искусны возбуждать къ себѣ любовь и пріобрѣтать дружбу» (Jungmann, Histor. literatury české, 1849, стр. 51). Если мы присоединимъ къ этому прежнюю ловкость въ сраженіяхъ, храбрость и мужество Чеховъ, то не удивимся слѣдующему восклицанію Энея Сильвія: «Кто не позавидуетъ имени Чеховъ, побѣдъ которыхъ можно насчитать только въ наше время гораздо больше, чѣмъ вмѣстѣ у остальныхъ народовъ во всѣ вѣка!» (Histor. Bohem. 147—148).

Мы жестоко ошибемся, ежели будемъ думать, что это блестящее положеніе Чеховъ сосредоточивалось на одной внѣшности: въ такой же точно мѣрѣ находимъ мы у нихъ въ разсматриваемую пору и развитіе просвѣщенія, точно также распространенное на всѣ сословія и даже на оба пола.

Университетъ служилъ ученой средней, откуда, съ удивительною даже и для нашего вѣка полнотою и основательностью, разливалось образованіе во всѣ концы Чехіи. Не было ни одного мѣстечка безъ превосходно устроенной школы; въ мѣстечкахъ большихъ было ихъ по двѣ и по три; въ Прагѣ считалось ихъ 16. Въ школѣ, смотря по количеству учениковъ, было по два, по три, по четыре и даже по пяти учителей; въ Градцѣ ихъ было шесть. Учителей содержало общество, а пищу давалъ Священникъ. И что это были за учители? Никто не могъ получать мѣста учительскаго, не снискавши въ Каролинѣ званія Баккалавра; большею частью это были люди ученые, Магистры artium liberalium, уже прежде сдѣлавшіеся извѣстными Правительству учеными своими трудами. Изъ нихъ дѣлались потомъ многіе Священниками, Чиновниками и простыми мѣщанами. И вотъ чѣмъ объясняется то замѣчательное явленіе, что въ XVI столѣтіи не трудно было встрѣтить мѣщанъ, которые свободно читали Виргилія, Овидія, Горація, даже Гомера и Анакреона; нѣкоторые слагали и сами Латинскія и Греческія стихотворенія. Назначеніе учителей зависѣло отъ Ректора Университета, который, въ случаѣ особыхъ ученыхъ заслугъ, вызывалъ

ихъ и на мѣста Профессорскія въ Каролинѣ. По свѣдѣтельству Странскаго (изгнанника изъ Моравіи въ XVII вѣкѣ), ни одна земля въ Европѣ не могла похвалиться въ ту пору такъ образцово устроенными школами (De Republica Bojema. Amstelaedami, 1713, стр. 321). Не забудемъ при этомъ, что главная заботливость объ образованіи принадлежала Гуситамъ, а потомъ Протестантамъ. Высота образованія народа Чешскаго поражала и самаго Энея Сильвія, который не могъ даже съ простыми женщинами Таборскими сравнить своихъ Священниковъ Итальянскихъ: «Pudeat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidem novam legem constat legisse. Apud Thaboritas vix mulierculam invenies, quae in novo testamento et veteri respondere nesciat. Perfidum genus illud hominum hoc solum boni habet, quod literas amat». (Пусть устыдятся Священники Италіи, о которыхъ часто не знаешь, читали ли они хоть Новый Завѣтъ; у Таборитовъ едва ли можно встрѣтить женщину, которая бы не умѣла отвѣчать на всѣ вопросы изъ Новаго и Ветхаго Завѣта. Этотъ вѣроломный родъ людей особенно имѣетъ то хорошаго, что любитъ науки.)

Въ XVI вѣкѣ эта ограниченная ученость Таборитокъ развилась въ общее образованіе женскаго пола; въ этомъ столѣтіи было нѣсколько женщинъ, славившихся основательнымъ знаніемъ Латинскаго, Греческаго и Еврейскаго языковъ; Княгиня Лобковицъ публично защищала, въ качествѣ адвоката, своего отца; были и такія, которыя даже писали поэмы на языкѣ Латинскомъ. Въ управленіе Рудольфа II насталъ золотой вѣкъ и изящнымъ искуствамъ. Давно уже славились Чехи своею образцовою живописью, какъ въ миніатюрахъ, такъ и на стѣнахъ храмовъ; но мало было поддержки. Рудольфъ устроилъ въ Прагѣ одну изъ знаменитѣйшихъ галерей картинныхъ и содержалъ на свой счетъ извѣстныхъ художниковъ-живописцевъ.

Могло ли такое образованіе не отразиться и на перемѣнѣ взгляда Чеховъ на все свое отечественное? Извѣстно, какъ чужеземное вліяніе поработило ихъ въ XIII—XIV столѣтіяхъ; извѣстно, какъ многіе Чехи все больше и больше свыкались съ иностранными обычаями жизни и съ чуждымъ языкомъ. Явленіе Гуса и войны Гуситскія перемѣнили направленіе, а возникшая образован-

ность утвердила его и обратила на то, что болѣе всего поддерживаетъ цѣлость и самобытность: на развитіе и господство Чешскаго языка.

Уже со времени Карла IV, со второй половины XIV в., языкъ Чешскій началъ выступать изъ того униженія, въ какой впалъ онъ со времени господства Нѣмецкихъ обычаевъ въ жизни. По распоряженію Карла, «въ судахъ должно быть все ведено на Чешскомъ языкѣ.» Гусъ, своею горячею привязанностью ко всему народному, естественно, тѣмъ сильнѣе пробудилъ уваженіе въ послѣдователяхъ своихъ и къ языку Чешскому, что въ Чехіи пользовался исключительно имъ въ ученіи своемъ и постоянно заботился объ его образованіи и распространеніи. И къ концу XV столѣтія только однѣ Земскія Доски (книги) писались еще по Латыни, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ управленія все совершалось уже по Чешски. Но Сеймъ 1495 года распорядился въ пользу Чешскаго языка и въ Доскахъ Земскихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и дипломатическое употребленіе Чешскаго языка, въ концѣ XV столѣтія, принадлежало не только Чехіи, Моравіи и Силезіи, но и Польскимъ Воеводствамъ Заторскому, Освѣтимскому: при Владиславѣ юридическій Чешскій языкъ былъ уже вполнѣ обработанъ, и всѣ распоряженія изъ Канцеляріи Королевской выходили по Чешски. Неразлучно съ этѣмъ и мѣста Чиновническія раздавались однимъ Чехамъ; Нѣмцы были устранены, въ силу новыхъ законовъ. Господство языка Чешскаго, въ началѣ XVI столѣтія, ясно отражается въ слѣдующей картинѣ, представленной Чешскимъ правовѣдомъ (XVI вѣка), Викториномъ Корнеліемъ зе Вшегрдъ: «Только природный Чехъ долженъ занимать Правительственныя должности; что же касается чужеземцевъ, въ особенности Нѣмцевъ, то, въ силу права, они не только не должны приниматься въ какую бы то ни было, высшую, или низшую, должность, но и не могутъ быть нигдѣ терпимы, именно Нѣмцы, а по примѣру старыхъ Князей и Королей Чешскихъ, должны быть удаляемы изъ земли, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ хроники Чешскія. Пусть каждый Король Чешскій помнитъ то, что отъ имени цѣлой земли сказалъ нѣкогда Коята первому Королю Чешскому, Владиславу: «Maš od svých Čechův a zemanův čest, od cizozemcův ne maš, jedno lest.» По тому что ни одинъ чужеземецъ не

явится въ наше отечество ради добра земли нашей, а лишь для того, чтобы извлечь собственныя свои выгоды. И если бы кто изъ иностранцевъ находился въ какой либо должности, долженъ быть удаленъ съ нея, какъ это недавно случилось съ двоими. Въ слѣдствіе этого запрещено чужестранцамъ покупать въ землѣ Чешской и замки, крѣпости, деревни и какія бы то ни было поземельныя владѣнія. Если же бы кто, не взирая на такое запрещеніе, купилъ, то слѣдуетъ у него отнять купленное, и за тѣмъ выгнать изъ земли» (Viktorin Kornel. ze Všehrd. Knihy devatery o praviech a sudiech i o dskach země české. Прага, 1841, кн. 3, глава 15). И не одинъ актъ изъ различныхъ городовъ Чешскихъ, XVI в., свѣдѣтельствуетъ, какъ строго наблюдали Чехи за этѣмъ правомъ, не допуская нерѣдко и сожительства иностранцу, даже въ нанятомъ домѣ, доколѣ не научился онъ языку Чешскому и не пріобрѣлъ расположенности отъ цѣлой общины (см. Jungm. стр. 54, примѣч. внизу). Запрещены были даже, по распоряженію Архіепископа Пражскаго, и проповѣди въ Прагѣ на Нѣмецкомъ языкѣ; впрочемъ, при Фердинандѣ I, запрещеніе это было снято. Въ самомъ началѣ XVI вѣка было уже явленіемъ поразительнымъ въ Чехіи слышать въ Судахъ и на Сеймахъ чужой языкъ, а не родной Чешскій: одинъ изъ историковъ этого времени отмѣтилъ, какъ необыкновенный случай, что послы Императора Карла V, по смерти Короля Владислава (1516 г.), на Сеймѣ въ Прагѣ передавали свое посольство на Нѣмецкомъ языкѣ.

Въ XV — XVI столѣтіяхъ знакомство съ Чешскимъ языкомъ распространилось далеко и за предѣлами Чехіи. Однимъ изъ главныхъ распространителей Чешскаго языка за границей служилъ, конечно, Университетъ Пражскій, который посѣщали въ огромномъ числѣ иностранцы, и въ которомъ преподаваніе нерѣдко совершалось, кромѣ Латинскаго языка, и на Чешскомъ. Болѣе всего простору находилъ языкъ Чешскій среди Поляковъ. Этому содѣйствовало, кромѣ Университета, и Гуситство, имѣвшее поборниковъ въ самомъ Университетѣ Краковскомъ, куда ѣздили для вѣроисповѣдныхъ прѣній и Чехи изъ Праги. Самъ Король Ягайло, присутствовавшій часто на этѣхъ прѣніяхъ, съ особенною любовью говорилъ по Чешски. Съ XVI вѣкомъ языкъ Чешскій сдѣлался и дипломатически-придворнымъ въ Польшѣ, и до такой

степени получилъ силу въ высшемъ сословіи, что вызвалъ рѣзкое противодѣйствіе со стороны патріотовъ Польскихъ. Въ Канцелярію самой Имперіи Нѣмецкой отправляли Чехи бумаги свои по Чешски: въ архивѣ Мюнхенскомъ и до нынѣ хранится еще много такихъ свѣдѣтельствъ расширенности нѣкогда Чешскаго языка. Король Чешскій, Владиславъ, ввелъ Чешскій языкъ и въ Угрію. Правительство Чешское смотрѣло также зорко за употребленіемъ языка отечественнаго: въ 1530 году явился отъ Сейма новый законъ, по которому обязывались всѣ иностранцы, даже на принадлежащіе Коронѣ Чешской, вести судебные иски въ Чехіи не иначе, какъ по Чешски и если не могли сами, то должны были брать стряпчихъ изъ Чеховъ. Въ эту-то пору и много именъ владѣтелей Чешскихъ снова обратилось изъ Нѣмецкихъ въ Чешскія. Самые Езуиты XVI столѣтія, въ Чехіи, должны были склониться въ пользу языка Чешскаго, въ своихъ письменныхъ произведеніяхъ. Съ усиливавшимся господствомъ Габсбургскаго Дома, однако же, не всегда строго выполнялись постановленія Сейма Чешскаго: чужестранцы все больше и больше распространялись въ Чехіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ ширился и языкъ чуждый, по преимуществу Нѣмецкій. Чтобы положить конецъ опасеніямъ на счетъ преобладанія иностраннаго на родинѣ, Сеймъ Чешскій, въ 1615 году, въ присутствіи Императора Матѳія, издалъ новое, самое строгое, распоряженіе. Въ силу этого распоряженія требовалось: а) чтобы иностранцы, проживающіе въ Чехіи, отъ перваго дѣтства учили дѣтей своихъ по Чешски, и только такія дѣти могли наслѣдовать имъ во владѣніи поземельною собственностью; въ противномъ случаѣ, если бы дѣти ихъ не умѣли по Чешски, вмѣсто земли выдаваться должны деньги; б) на будущее время иностранцы не прежде могутъ допускаться до постояннаго пребыванія въ Чехіи, какъ когда выучатся по Чешски; дѣти же такихъ, до третьяго колѣна, лишаются права на занятіе должностей; в) въ Судахъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, исключительно долженъ быть употребляемъ Чешскій языкъ; въ Чешскихъ храмахъ не должны допускаться Священники и проповѣдники, не знающіе по Чешски; а ежели гдѣ такіе есть, слѣдуетъ немедленно же удалить ихъ. Сеймъ присоединилъ и слѣдующее обстоятельство: если бы кто проживающій въ Королевствѣ Чешскомъ, не хотѣлъ говорить по Чешски, зная этотъ

языкъ, или подговаривалъ другихъ не употреблять его, тотъ не можетъ быть терпимъ въ Государствѣ, а долженъ быть изгнанъ вонъ изъ него, безъ различія сословія. При этомъ запрещено было Нѣмцамъ, въ Прагѣ и въ другихъ мѣстахъ Чехіи, называться Нѣмецкою общиной. Отсюда видно, какъ, съ одной стороны, туземная стихія сильно сдавливалась иноземными стихіями, а съ другой, какъ сильно дѣйствовали Чехи въ пользу процвѣтанія своего роднаго языка (срав. Jungm. стр. 53—55, 121, 123).

Соображая все сказанное о состояніи Чеховъ въ XV—XVI столѣтіяхъ, объ ихъ богатствѣ и развитіи умственномъ и нравственномъ, объ ихъ средствахъ къ образованію и о сознанной любви и уваженіи къ своей народности, нельзя не согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ одного изъ новѣйшихъ ученыхъ: «Es war damals in Böhmen mehr Licht und Denkfreiheit, als in andern Ländern» (Peschek, Böhmische Exulanten. Leipzig, 1857, стр. 4. Тогда въ Чехіи было больше свѣта и свободы мысли, чѣмъ въ другихъ земляхъ). И такая-то страна, съ столь подвижнымъ народомъ, съ такими великими залогами общечеловѣческой образованности, бывшая однимъ изъ свѣтильниковъ на цѣломъ Западѣ, черезъ какія ни будь тридцать лѣтъ, послѣ воцаренія Матѳія, обращена была чуть не въ безлюдную пустыню и на цѣлые почти два вѣка покрылась такимъ непроницаемымъ мракомъ, изъ за котораго не возможно было подмѣтить въ ней и слѣда жизни человѣческой. Особенны должны быть обстоятельства, произведшія такой переворотъ; необыкновенны должны быть и средства, умертвившія цѣлый народъ, который такъ недавно кипѣлъ самою живою и блистательною жизнію.

Взглянемъ на этѣ обстоятельства и на средства.

Мы видѣли, что Императоръ Матѳій, занявши престолъ Чешскій по смерти Рудольфа, назначилъ себѣ наслѣдникомъ въ Чехіи племянника своего, Эрцгерцога Хорутанскаго, Фердинанда, сына Карла, брата Матѳіева. Чего могли ожидать Чехи отъ этого наслѣдника, всего лучше покажетъ воспитаніе и прежняя жизнь Фердинанда. Остановиться на описаніи свойствъ его полезно и въ томъ отношеніи, что Фердинандъ справедливо можетъ назваться

самымъ вѣрнымъ воплощеніемъ политики Габсбургско-Австрійской. Онъ былъ истиннымъ вѣнцомъ ея, къ которому въ состояніи были только приближаться всѣ наслѣдники его до настоящихъ дней. *

Эта, по истинѣ чудовищная, личность явилась на свѣтъ въ 1578 году, въ тотъ именно годъ, когда его отецъ, Карлъ, слѣдуя примѣру Императора Максимиліяна II, увидѣлъ необходимость обнародовать свободу Вѣроисповѣданія въ своихъ владѣніяхъ: въ Штиріи, Крайнѣ и Хорутаніи. Слѣдствіемъ такого распоряженія было необыкновенно быстрое распространеніе въ этѣхъ земляхъ Протестантства, такъ что къ той порѣ, когда достигъ Фердинандъ зрѣлыхъ лѣтъ, Католичество ограничивалось почти однимъ Герцогскимъ семействомъ.

Оставшись, по смерти отца, 12-ти лѣтъ, Фердинандъ переданъ былъ матерью своею на воспитаніе Герцогу Баварскому, гдѣ Езуитство пользовалось и тогда полною сводобою и силою. Подъ ихъ-то руководствомъ и развивался молодой Герцогъ. Къ концу 1597 года, отправился онъ на поклоненіе въ Лорето и, приведенный въ восторгъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, обратился за благословеніемъ къ Клименту VIII, который въ теченіе двухъ лѣтъ не хотѣлъ разрѣшить отъ клятвы покаявшагося Генриха IV и торжественно поносилъ Нантскій Указъ. У ногъ честолюбиваго Папы клялся молодой Принцъ возстановить Католическую Вѣру не только въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, но, ежели будетъ возможность, и во всей Германіи, хотя бы это было сопряжено съ опасностію жизни. При этомъ высказалъ онъ и страшное основоположеніе свое, которому остался вѣрнымъ до смерти: «Лучше пустыня, чѣмъ страна, наполненная еретиками.» Возвратившись, въ 1598 году, на родину, онъ принялся за дѣло истребленія Протестантства. Прежде всего издалъ предписаніе, чтобы отцы семействъ, со всѣмъ своимъ домомъ, являлись въ Католическія церкви, исполняли всѣ требы,

* Въ біографіи Фердинанда II пользовались мы сочиненіемъ: «Histoire secrète du gouvernement Autrichien, par Alfred Michiels. Paris, 1859.

присутствовали при всѣхъ царемоніяхъ, исповѣдывались и пріобщались по обряду Церкви Католической. Повиноваться Священникамъ еретическимъ, работать, покупать и продавать въ воскресные и праздничные дни, читать Протестантскія сочиненія и пѣть пѣсни противъ Папы воспрещалось, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія. За каждое напечатанное сочиненіе, въ подобномъ родѣ, виновный подвергался наказанію въ 50 червонцевъ, а само сочиненіе должно быть предаваемо всенародному сожженію. Лютеранскимъ Священникамъ объявлено изгнаніе. Если же они не оставятъ страны, или осмѣлятся возвратиться въ нее, имъ угрожало вѣчное заключеніе. Въ слѣдъ за этѣмъ указомъ закрыты были Разновѣрческія училища; желавшіе имѣть частнаго наставника дѣтямъ обязаны были представить его для испытанія Католическому духовенству; лишь съ выдержаніемъ подобнаго испытанія въ Вѣрѣ можно было получить какую либо должность: Протестанты положительно были исключены отъ права на полученіе (правительственныхъ) должностей; этого мало, они лишены были права на гражданство, на участіе въ городскомъ совѣтѣ, равно на занятіе всякаго мѣста, зависящаго отъ общины. Фердинандъ употребилъ и сильныя мѣры для выполненія своихъ приказаній. Имъ составлена была особая Коммиссія изъ Священниковъ и Коммиссаровъ, которые должны были наблюдать за точнымъ исполненіемъ повелѣній его по всей землѣ; на помощь даны имъ 300 человѣкъ войска. И вотъ отправилась эта Коммиссія по городамъ и деревнямъ. Предводительствующій Священникъ прежде всего собиралъ отъ начальства свѣдѣнія объ именахъ жителей; за тѣмъ устроивался, въ церкви, или на площади, трибуналъ, окруженный воинами. Къ нему-то гнали несчастныхъ гражданъ и поселянъ. За краткимъ поученіемъ проповѣдника, каждый обязанъ былъ клятвенно отречься отъ еретическаго ученія; тяжелое денежное взысканіе, приговоръ объ изгнаніи, или палочные удары, были наказаніемъ за отказъ. Малѣйшая медлительность въ отреченіи стоила 2,000 червонцевъ. Нѣкоторымъ опредѣляли срокъ для размышленія, и, если по истеченіи его отвѣтъ былъ отрицательный, ихъ изгоняли, а имѣніе бралось въ казну. Вскорѣ послѣдовали другія жестокости. Стали взрывать посредствомъ пороха Лютеранскія церкви, разрушать стѣны Лютеранскихъ кладбищъ, ломать надгробные камни. Тамъ, гдѣ возникшая было Вѣротер-

димость допускала погребеніе Лютеранъ на одномъ кладбищѣ съ Католиками, вырывались изъ земли трупы первыхъ. Въ то же время въ городахъ предавались сожженію цѣлыя тысячи томовъ Протестантскихъ книгъ. Начало положено было въ Штиріи, оттуда переправилась Коммиссія въ Хорутатію и заключила Крайною. Императоръ, съ своей стороны, не щадилъ ни какихъ наградъ исполнителямъ его приказаній. Пять лѣтъ продолжалось это истязаніе, кончившееся полнымъ истребленіемъ Протестантства: лишь знатныя фамиліи сберегли новое ученіе переселеніемъ въ Чехію и Угрію; въ числѣ послѣднихъ находился и знаменитый математикъ и астрономъ Кеплеръ.

Фердинандъ обладалъ самою непреклонною волею, которую Езуиты умѣли укрѣпить до того, что сдѣлали изъ него самую прочную машину для убійства. Росту онъ былъ небольшаго, но здоровый и толстый; не терпѣлъ онъ ни какихъ излишествъ ни въ пищѣ, ни въ питьѣ. Наставники его успѣли вдохнуть въ своего питомца такое уваженіе къ членамъ духовенства, что онъ привыкъ видѣть въ каждомъ Священникѣ что-то сверхъестественное. «Ежели бы я встрѣтилъ въ одно время Священника и Ангела, то я привѣтствовалъ бы прежде всего Священника,» говаривалъ самъ Фердинандъ. Если случалось ему встрѣтить на пути Священника съ дарами, Фердинандъ признавалъ обязанностію слѣдовать за нимъ до постели больнаго, не смотря на грязь и непогоду. Праздничные церковные ходы обыкновенно сопровождалъ онъ съ обнаженною головою и со свѣчею въ рукахъ. Въ будничные дни неизмѣнно выслушивалъ онъ двѣ обѣдни, а въ Воскресные три. Ни что не въ силахъ было заставить его нарушить постъ, или прикоснуться до запрещенной пищи въ дни поста. Езуиты имѣли на него безграничное вліяніе: никогда не спускали они съ него глазъ, никогда не дозволяли ему свободно располагать своимъ умомъ и волею. Двое изъ Езуитскихъ монаховъ непрерывно оставались въ его пріемной, свободно входя въ кабинетъ, являясь къ Фердинанду даже и среди ночи для совѣтовъ. Подобныя-то лица постоянно руководили Фердинандомъ, возбуждали его гнѣвъ и ярость и все больше и больше привязывали къ себѣ. По прошествіи пяти лѣтъ военныхъ истязаній съ повелительными приказами, подданные Фердинанда впали, наконецъ,

въ то нравственное усыпленіе, какое обыкновенно слѣдуетъ за побѣдоноснымъ насиліемъ. Тѣмъ болѣе надежды придавала Фердинанду побѣда эта для исполненія обѣщанія, давняго Папѣ относительно другихъ земель. Прежде всего судьба свела его съ Чехіей.

Какъ могли Чехи, при свободномъ у себя выборѣ наслѣдника престола, обратить выборъ на такое лицо, какъ Фердинандъ? Оно не могло быть не извѣстно имъ во всей полнотѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ многія изъ высшихъ семействъ Тироля должно были искать спасенія отъ преслѣдованій Фердинанда въ Чехіи. Избраніе Фердинанда наслѣдникомъ Чешскаго престола было дѣломъ партіи и коварства Габсбургскаго.

Еще во время королевства своего, Рудольфъ II (такъ много оказавшій услугъ образованію и свободѣ Вѣроисповѣданія въ Чехіи), старался принять мѣры противъ намѣреній брата своего, Матеія, усыновить Фердинанда, и такимъ образомъ доставить ему престолъ Чешскій. Еще въ 1610 году сообщилъ онъ двоимъ изъ своихъ приближенныхъ неудовольствіе на Чеховъ за то, что они признали наслѣдникомъ ему Матеія, и планъ устранить грозящую Чехіи опасность отъ будущаго господства Фердинандова, съ которымъ такъ близокъ былъ Матеій и котораго, по своей бездѣтности, безъ сомнѣнія, назначитъ своимъ наслѣдникомъ. При этомъ Рудольфъ указалъ на Епископа Пасавскаго, Леопольда, брата Фердинандова, за мягкость свойствъ котораго можно было поручиться: его имѣлъ въ виду Рудольфъ сдѣлать наслѣдникомъ. Въ то же время открылъ онъ и другой планъ—образованіе общества мира, къ которому постарается онъ привлечь не только всѣхъ Протестантскихъ, но и Католическихъ, правителей.

Двое повѣренныхъ, дѣйствительно, отправлены были съ порученіями къ Епископу Леопольду. Послѣдній, по желанію Императора, выслалъ и войско для поддержанія въ Чехіи своихъ интересовъ; но Матеій не дремалъ: владѣя уже Австріею и Угріею, онъ тотчасъ же съ своимъ войскомъ явился въ Чехію, прогналъ войско Леопольдово и вѣнчался въ Прагѣ Королевскою короною. Рудольфъ съ досады умеръ. Главная вина въ этой неудачѣ

лежитъ на самихъ Чехахъ: они сдѣлались слишкомъ невнимательны къ тому, кто будетъ Королемъ ихъ, надѣясь на права своего Сейма и на утвержденныя права свободы въ вопросахъ Вѣры. Быть можетъ, они и не довѣряли Рудольфу, думая, что въ планахъ его кроется какой ни будь злой умыселъ противъ дарованныхъ имъ преимуществъ.

Первые годы правленія Матѳія прошли довольно благополучно. Были, правда, и въ это время попытки сдавить, а подъ часъ и уничтожить, крѣпнувшія права свободы Вѣроисповѣдной въ Чехіи, но онѣ проходили незамѣченными, не будучи поддерживаемы необходимою мощью душевною и вещественною силою. Съ 1617 года обстоятельства перемѣнились круто.

Совершенно неожиданно въ этомъ году прибылъ въ Прагу Матѳій, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, Фердинандомъ. Тотчасъ же назначилъ онъ Сеймъ, не смотря на совершенную несвоевременность его, по случаю жатвы. Понятно, что это было сдѣлано съ намѣреніемъ удержать многихъ отъ пріѣзда на Сеймъ. И дѣйствительно, число собравшихся было самое незначительное. Въ самомъ началѣ, по открытіи Сейма, Матѳій высказалъ сожалѣніе о своей бездѣтности, расхвалилъ Фердинанда, заявилъ объ усыновленіи имъ его и предложилъ Чехамъ о принятіи его Королемъ себѣ и о коронованіи. Члены Сейма отвѣчали, что для столь важнаго дѣла необходимо полное собраніе Сейма не только изъ Чехіи, но и изъ соединенныхъ съ нею земель, Моравіи и Силезіи. Императоръ возразилъ, что Чехи составляютъ главу Королевства, и если примутъ они Фердинанда, то не замедлятъ послѣдовать ихъ примѣру и другіе; при этомъ оскорбительно выразился: «Фердинандъ долженъ быть принятъ и коронованъ.» Чешскіе Чины взволновались и прямо замѣтили Императору, что подобный тонъ слишкомъ новъ и необыкновененъ: Фердинандъ, «прежде чѣмъ можетъ быть принятъ, долженъ быть избранъ.» Но излишни протесты тамъ, гдѣ составилось уже твердое рѣшеніе не обращать вниманія на вѣковыя, освященныя и временемъ и высшими правителями, права народа. Однихъ изъ членовъ Сейма успѣли кое-какъ уговорить, на другихъ подѣйствовали устрашеніями и угрозами; большая же часть, видя, что свободному выбору нѣтъ мѣста, удалились по

своимъ домамъ. Оставшаяся горсть на коронацію въ состояніи была вымочь отъ Фердинанда только обѣщаніе, что при жизни Матѳія онъ не будетъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла Чешскія, тѣмъ меньше въ Вѣроисповѣдныя. Послѣ коронаціи объѣхалъ онъ Моравію, Силезію и Лужицы, и всюду былъ признанъ Королемъ. При такихъ условіяхъ сдѣлался Фердинандъ Королемъ Чешскимъ.

Едва распространился слухъ о коронаціи Фердинанда, какъ между Езуитами проявился всеобщій восторгъ: давнія надежды ихъ проникнуть въ Чехію, овладѣть страною и истребить тамъ въ корнѣ еретичество, осуществились больше, чѣмъ на половину въ глазахъ ихъ, при одной вѣсти о томъ, что Королемъ въ этой странѣ ихъ любимецъ и слѣпое орудіе. Увѣренность въ Фердинандово истребительное могущество такъ была велика въ нихъ, что они не считали нужнымъ и дня скрывать своихъ чувствъ. И уже при въѣздѣ Фердинанда въ Оломуцъ, въ слѣдъ за коронаціей, Езуиты устроили въ честь его тріумфальныя ворота, съ самымъ оскорбительнымъ для Чеховъ и Протестантовъ украшеніемъ: по сторонамъ Австрійскаго герба они приказали нарисовать Чешскаго льва съ одной стороны, Моравскаго орла съ другой, и связали ихъ другъ съ другомъ цѣпью; подъ этѣмъ изображеніемъ внизу былъ нарисованъ спящій, съ открытыми глазами, заяцъ, съ Латинскою надписью: «Adsvevi» — символъ слишкомъ ясный, чтобы нельзя было тотчасъ понять его значеніе: мы, Езуиты, въ лицѣ кроткаго Фердинанда, спимъ и позволяемъ топтать себя ногами, но видимъ все и въ случаѣ съумѣемъ отмстить. Въ слѣдующемъ году вышла въ Эльзасѣ книга, отъ Езуитской Академіи, въ предисловіи которой Езуиты, выставляя Леопольду въ примѣръ брата его, Фердинанда, не побоялись печатно высказать, что хотя послѣдній при коронаціи по обыкновенію и клялся еретикамъ Чешскимъ въ сохраненіи ихъ преимуществъ, но на исповѣди обѣщался онъ не дѣлать для нихъ ни чего, что несогласно съ правилами Церкви Католической.

И въ самомъ дѣлѣ, весьма скоро обнаружилось, что Фердинандъ клялся Чехамъ только устами, а Папѣ давалъ клятву въ сердцѣ. Уже съ перваго года его коронаціи стали употребляться всѣ мѣры для стѣсненія Протестантовъ, къ числу которыхъ въ это время принадлежала найбольшая часть Чеховъ. Устроивши правленіе въ Прагѣ изъ ревностныхъ Католиковъ, Фердинандъ могъ дѣй-

ствовать смѣло, и одинъ за другимъ выпускало Намѣстничество Пражское приказы, сдавливавшіе свободу Протестантовъ. Имъ запрещено было печатать безъ цензуры, которая придиралась къ каждому слову, тогда какъ Езуиты свободно печатали противъ нихъ самые гнусные пасквили и раздражали народъ; вопреки Рудольфовой грамоты стѣсняли постройки церквей и школъ Протестантскихъ, задерживая и самыхъ проповѣдниковъ ихъ, а Езуиты не только безотвѣтно въ проповѣдяхъ своихъ поносили еретиковъ, но дерзко осуждали и самого покойнаго Императора за дарованную имъ свободу въ Вѣроисповѣданіи. Дѣло пошло и дальше. Езуиты стали разрушать даже и нѣкоторыя церкви Евангеликовъ, строя ковы въ то же время противъ главнаго управленія Протестантскаго, такъ называемой, Консисторіи.

Подписывая грамоту величества, Рудольфъ II дозволилъ Разновѣрующимъ избрать изъ среды своей защитниковъ (defensores), которые бы наблюдали за точнымъ выполненіемъ Вѣроисповѣдной свободы. Въ слѣдствіе этого Розновѣрцы образовали особую Консисторію, избравши по три члена изъ Гуситовъ, изъ Братьевъ и изъ Протестантовъ, присоединивши къ нимъ и трехъ Профессоровъ Каролинскаго Университета. Эти-то 12-ть членовъ и должны были заправлять всѣми дѣлами Церкви не Католической въ Королевствѣ Чешскомъ. Мало по малу между всѣми частями Разновѣрцевъ возстановилось полное согласіе, и Университетъ уступилъ Консисторіи Виѳлеемскую церковь, съ которою такъ много было соединено народныхъ воспоминаній у Чеховъ, какъ церковь, въ которой нѣкогда проповѣдывалъ ихъ славный Гусъ. Члены подъ обоими видами (sub utraque, т. е., признававшіе необходимость причащенія Св. Таинъ подъ видомъ тѣла Христова и крови Христовой) вступили, наконецъ, въ договоръ и съ послѣдователями подъ однимъ видомъ (sub una, т. е., причащавшимися только подъ видомъ тѣла Христова, именно съ Католиками), въ силу котораго между обѣими частями Христіанъ должно поддерживаться взаимное согласіе и спокойствіе. Этотъ договоръ былъ внесенъ въ Земскія Книги и, для большей прочности и ненарушимости, былъ подписанъ самимъ Королемъ и его Совѣтниками. Въ числѣ послѣднихъ явились трое, отказавшіеся отъ подписи и ссылавшіеся на то, что совѣсть ихъ противорѣчитъ такой

подписи. То были: Альбрехтъ изъ Лобковицъ, Королевскій Канцлеръ, Вильгельмъ Славата изъ Хлума, и Ярославъ Борита изъ Мартиницъ, иначе Смѣчанскій. Члены sub utraque подали по этому случаю протестъ въ томъ смыслѣ, что если бы означенныя лица, вопреки желанію Короля и народа, не подписавшія договора, вздумали когда либо противодѣйствовать исполненію его, должны считаться и быть наказаны, какъ возмутители общественнаго спокойствія. Этотъ протестъ былъ также внесенъ въ Земскія Книги и, вмѣстѣ съ другими правами, тоже подтвержденъ клятвенно Фердинандомъ.

Противъ этой-то Консисторіи вооружились теперь главнѣйшимъ образомъ Католичество и Езуиты. И въ то время, какъ съ различныхъ сторонъ дѣлались на нее все сильнѣе и сильнѣе нападенія, Фердинандъ позволилъ себѣ ввѣрить важнѣйшее мѣсто въ Королевствѣ заклятому врагу Протестантовъ, Ярославу изъ Мартиницъ. Сеймовые ключи и управленіе крѣпостью Карлштейномъ принадлежали Графу Турну. Значеніе этого мѣста объясняется тѣмъ, что въ Карлштейнѣ хранилась Королевская корона и всѣ привилегіи Королевства Чешскаго. Фердинандъ, помня, что въ числѣ протестовавшихъ противъ него, при коронаціи, былъ и Графъ Турнъ, смѣнилъ его Ярославомъ изъ Мартиницъ, какъ бы нарочно для того, чтобы послѣдній, не подписавшій договора о мирѣ и согласіи между послѣдователями sub una и sub utraque, имѣлъ возможность задерживать выполненіе какъ этого договора, такъ и грамоты Величества, находившихся теперь въ его рукахъ. Ярославъ только что успѣлъ явиться въ Карлштейнъ, какъ уже выдалъ въ своемъ округѣ приказъ, дѣлавшій самыя страшныя препятствія крещенію и погребенію Протестантовъ.

При видѣ такихъ стѣсненій, конца которымъ нельзя было и ожидать, члены Консисторіи sub utraque прибѣгли наконецъ къ общему совѣщанію. Съ этою цѣлью, въ концѣ 1618 года, въ силу даннаго имъ права Рудольфомъ, они разослали приглашеніе всей Чехіи, чтобы къ назначенному времени каждый округъ выслалъ въ Прагу по шести уполномоченныхъ, по два изъ каждаго сословія: изъ Господъ, Дворянъ и Гражданъ. Но едва распространился объ этомъ слухъ, какъ отъ Императора изъ Вѣны пришло

распоряженіе, чтобы никто изъ приглашенныхъ не смѣлъ являться, подъ опасеніемъ обвиненія въ Государственной измѣнѣ. Тѣмъ не менѣе собраніе состоялось, и такъ какъ въ это время Правительство Чешское успѣло выдать нѣсколько новыхъ распоряженій, стѣснявшихъ, вопреки подтвержденнымъ правамъ, Протестантовъ, то недовольство послѣдователей sub utraque перешло въ негодованіе, особенно когда сдѣлалось извѣстнымъ, что главнымъ виновникомъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій не Императоръ, а Намѣстничество. Въ значительномъ числѣ бросились тогда Протестанты къ Королевскому замку, гдѣ сосредоточено было управленіе, и главнѣйшихъ враговъ своихъ, представителей этого Правительства, Ярослава изъ Мартиницъ и Славату, а также Секретаря Фабриція, выбросили изъ оконъ.

Волненіе, однако же, не успѣло распространиться въ Чехіи и даже въ самой Прагѣ, по тому что самъ предводитель возставшихъ Чеховъ противъ Намѣстничества, Графъ Матеій Турнъ, крѣпко старался успокоить умы. Но надобно же было чѣмъ ни будь покончить, слѣдовало объяснить свой поступокъ, а также устранить и причину къ дальнѣйшимъ несправедливостямъ противъ Чеховъ, и вотъ собираются снова на совѣтъ созванные въ Прагу Чехи, и на немъ рѣшаютъ прежде всего (1618 года, 23-го Мая) изгнаніе Езуитовъ изъ Королевства, какъ главныхъ виновниковъ всѣхъ безпокойствъ. Это распоряженіе, при всей справедливости своей, послужило началомъ или поводомъ къ тридцатилѣтней войнѣ, ужаснѣйшей изъ всѣхъ войнъ, охватившей цѣлую Европу. Хотя Чехи и отправили посольство къ Императору съ увѣдомленіемъ, что они не думали и не думаютъ ни чего предпринимать противъ Императора, что они были вынуждены возстать единственно противъ возмутителей общественнаго спокойствія, въ силу грамоты Величества и клятвенно подтвержденнаго Императоромъ протеста, прося при этомъ покорнѣйше Императора и не придавать инаго значенія ихъ дѣйствіямъ; тѣмъ не менѣе, побуждаемый Фардинандомъ и Папою, Императоръ объявилъ Чеховъ мятежниками и рѣшилъ, для ихъ наказанія, войну противъ Чехіи. Что оставалось Чехамъ дѣлать? Съ оружіемъ въ рукахъ положили и они защищать вѣковыя права свои, и съ этою цѣлію не замедлили образовать тотчасъ же особое прав-

леніе изъ 30 членовъ, названныхъ Directores. Мораване и Силезцы присоединились также.

Понятно, какъ радовались этому случаю давнишніе враги Чехіи, Езуиты. Съ необыкновенною дѣятельностью расточали они свои совѣты при дворѣ Императорскомъ, снявши вполнѣ узду съ изувѣрнаго Фердинанда. Убѣжденія людей благоразумныхъ, поступать съ Чехами осторожнѣе и человѣколюбивѣе, не могли имѣть значенія: Кардиналъ Клесель, Епископъ Вѣнскій, былъ даже заключенъ въ темницу, какъ измѣнникъ Габсбургско-Австрійскому Дому, за то, что осмѣлился возставать противъ объявленной войны Чехамъ, ссылаясь, между прочимъ, на то, что такая война разоритъ въ конецъ цвѣтущее Королевство Чешское, такъ какъ нельзя не ожидать со стороны Чеховъ самого отчаяннаго защищенія. «Лучше имѣть пустыню, чѣмъ осужденное Государство», говорилъ обыкновенно Фердинандъ, и на Чехію посланы двѣ арміи: одна Императорская, подъ начальствомъ Дампьера, другая Испанская, подъ предводительствомъ Букуа. Не имѣла ни какого значенія и апологія Чешскихъ сословій, представленная Императору.

Между тѣмъ Императоръ Матѳій умеръ. Чехи, вмѣстѣ съ Моравани, Силезцами и Лужичанами, составили совѣтъ, на которомъ предложили вопросъ: могутъ ли они признать своимъ Королемъ Фердинанда, лишь въ силу коварства, противъ воли народной, коронованнаго въ Прагѣ, и который, къ тому же, содѣйствовалъ высылкѣ войскъ противъ Чешской земли? Рѣшено не признавать его Королемъ, и съ этой цѣлью отправилась во Франкфуртъ, гдѣ происходило избраніе Императора, депутація Чешская, объявившая Имперскому Сейму, что Фердинандъ не долженъ разсматриваться, какъ Король Чешскій. Тѣмъ не менѣе, Нѣмцы избрали Фердинанда II. Императоромъ, какъ дѣйствительно Короля Чешскаго. Тогда Чехи обратились къ крайней мѣрѣ, и пригласили къ себѣ Королемъ Курфирста Пфальцкаго, Фридриха. Трудно представить неудачнѣе выборъ, и въ немъ Чехи допустили двойную ошибку: во первыхъ, многовѣковый опытъ долженъ былъ уже убѣдить ихъ, что спасеніе слѣдуетъ всегда искать въ себѣ самомъ, а не въ чужихъ силахъ; разсчетъ на родство Фридриха съ Англійскимъ Королевскимъ Домомъ оказался вполнѣ несостоя-

тельнымъ; во вторыхъ, если уже и допустить избраніе чужого человѣка, то, при такихъ сложныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась въ это время Чехія, надобно было особенное обратить вниманіе на свойства этого человѣка, а Фридрихъ, кромѣ молодости, пустоты, тщеславія, не представлялъ въ себѣ ровно ни какихъ добрыхъ залоговъ, и въ первую критическую минуту, гдѣ могъ бы онъ оказать огромную услугу Чехіи, бросилъ ее, оставивши на страшный произволъ заклятымъ ея врагамъ. Оставался онъ Королемъ только одну зиму, а по тому и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «зимняго Короля.»

Война, однако же, ведена была Чехами и до избранія еще Фридриха. Предводителемъ Чешскаго войска назначенъ былъ Сеймомъ Графъ Турнъ. Дѣйствія его, въ началѣ, были блистательны: два раза подходилъ онъ къ Вѣнѣ, и уже готовъ былъ взять ее. какъ извѣстіе о пораженіи вспомогательнаго войска, подъ начальствомъ Мансфельда, въ самой Чехіи, заставило его возвратиться назадъ. Между тѣмъ, войска Императорскія сближались со всѣхъ сторонъ, и 8-го Ноября, 1620 года, сосредоточились на Бѣлой Горѣ, близъ самой Праги. Чехи были разбиты, но столица могла бы еще защищаться и защититься, если бы не ничтожество Фридриха. При первомъ слухѣ о Бѣлогорскомъ пораженіи, онъ вскочилъ, какъ говорятъ, изъ за обѣденнаго стола, сѣлъ въ карету и, какъ будьто ни что его не касалось, уѣхалъ на свою родину. Фердинандъ, избранный только что Императоромъ, явился теперь самовласнымъ господиномъ надъ Королевствомъ Чешскимъ, перешедшимъ къ нему и по праву завоеванія.

Естественно, Фердинандъ не могъ не воспользоваться своимъ завоеваніемъ, согласно съ личными свойствами и съ наставленіями, какія давались ему отъ Езуитовъ. Страна еретическая и при томъ мятежная, по мнѣнію представителей Католичества, должна быть наказана примѣрно. Не одна Вѣра должна была вызывать на самую ужасную мстительность Фердинанда и его совѣтниковъ, а и самое политическое устройство Чеховъ, успѣвшихъ возвысить свою народность до исключительнаго господства надъ иноземцами, и достигшихъ тѣхъ правъ и преимуществъ отъ предшественниковъ Фердинанда, которые, при господствѣ Сейма,

давали имъ возможность упрочивать свое самоуправленіе, столь несогласное съ деспотическимъ самовластіемъ Габсбургскаго Фердинанда. Въ слѣдствіе этого и планъ мщенія надъ Королевствомъ Чешскимъ долженъ былъ принять совершенно иной видъ, сравнительно съ тѣми средствами, какими пользовалось прежде Католичество для подавленія и уничтоженія Вѣроисповѣдныхъ уклоненій. Уже въ 1617 году, на совѣтѣ въ Римѣ, составленъ былъ новый планъ для подавленія размножившихся еретиковъ, въ случаѣ, если бы удалось покорить Чехію. Одна казнь представителей еретичества казалась уже теперь не только безполезною, но до нѣкоторой степени и вредною, давая поводъ еретикамъ хвалиться мученическою кончиною своихъ собратьевъ. Признано было дѣйствительнѣйшимъ средствомъ довести народъ до истощенія, изнеможенія, не щадя ни какихъ средствъ, и душевнымъ убійствомъ принудить его къ повиновенію церковному. Подобный планъ какъ нельзя болѣе согласовался съ видами Фердинанда, по тому что въ одинаковой степени содѣйствовалъ онъ и политическому умерщвленію народа. Такой-то планъ впервые и былъ примѣненъ къ Чешской землѣ.

Устраненіе вліятельныхъ лицъ въ народѣ, какъ по положенію, такъ и по богатству, стояло на первомъ мѣстѣ въ этомъ планѣ: отнявши голову и средства, не трудно дѣйствовать по произволу и съ толпою. Такъ началъ и Фердинандъ въ Чехіи.

Чтобы не дать повода богатѣйшимъ родамъ Чешскимъ удалиться изъ отечества по опасеніямъ отъ Фердинанда, тотчасъ по взятіи Праги объявлено было полное прощеніе, сохраненіе имущества, личности и званія всѣмъ положившимъ оружіе. Такая мѣра тѣмъ необходимѣе была, что 12-ть тысячъ Чеховъ, подъ начальствомъ Мансфельда, еще не вышли изъ Чехіи. Знавшіе хорошо свойства Императора, видѣли ясно ловушку въ этомъ прощеніи, и, не довѣряя ему, постарались воспользоваться имъ для переѣзда за границу; но большая часть была обманута, и осталась на родинѣ. Прошло съ небольшимъ три мѣсяца, и многія лица, самыя важныя въ народѣ Чешскомъ, изъ Дворянъ и Гражданъ, были взяты подъ стражу и заключены въ темницу. Несчастное

Бѣлогорское пораженіе, съ этѣмъ вмѣстѣ, сдѣлалось только началомъ, какъ бы прологомъ къ трагедіи Чешскаго народа: жестокая мстительность побѣдителя поразила еще большимъ ударомъ нѣкогда славную Прагу, и лучшіе граждане ея принуждены были заплатить собственною кровью и потерею свободы за справедливое возстаніе противъ Габсбургскаго Дома. Роковой день 21-го Іюня, 1621 года, не погибнетъ никогда въ памяти Чеха, и каждый шагъ по площади Стараго Города постоянно будетъ напоминать ему объ ужасномъ зрѣлищѣ, которое совершилось на ней въ указанный день. Сдѣсь пролита благороднѣйшая кровь Чешская, уничтожены лучшіе представители земли Чешской; сдѣсь, наконецъ, на долгое время сокрушены рукою палача сила и свобода Чеховъ.

II.

Въ слѣдъ за битвой Бѣлогорской и за взятіемъ Праги разсыпались уже повсюду Королевскіе сыщики виновниковъ и начальниковъ возстанія,—и въ самое короткое время Пражская темница переполнилась захваченными. Главными лицами въ числѣ заключенныхъ были: Вильгельмъ Попелъ изъ Лобковицъ, Вячеславъ изъ Будова, Кашпаръ Каплирь Петипѣскій, Іоакимъ Андрей Шликъ, Дивишъ Черпинъ изъ Худеницъ, Гарантъ изъ Польжицъ и еще до 50 человѣкъ изъ Дворянскаго и Мѣщанскаго сословій. Всѣ они были разсажены по отдѣльнымъ помѣщеніямъ, частію въ Старомъ и Новомъ Городѣ, частію на Малой Сторонѣ города Праги, или въ Королевскомъ замкѣ.

Огромное большинство участниковъ въ возстаніи, само собою разумѣется, скрылось изъ Государства и находило неблагоразумнымъ явиться къ суду въ замокъ Пражскій, не смотря на двукратный призывъ Слѣдственной Императорской Коммисіи. За это всѣ они были объявлены виновными, приговорены къ казни и лишились имуществъ; 23 Апрѣля, 1621 года, опредѣленіе это было обнародовано въ всѣхъ трехъ Пражскихъ Думахъ, а имена тридцати обвиненныхъ прибиты были на черныхъ дощечкахъ палачемъ къ висѣлицѣ. Между убѣжавшими и такимъ способомъ осужденными находились и слѣдующія лица: Графъ Генрихъ Матвѣй

изъ Турна, Вячеславъ Берка, Даніилъ Скрета, Павелъ Каплирь, Илія Розинъ изъ Яворника, Еренфридъ изъ Бербисдорфа, Самуилъ изъ Велеславина, Янъ изъ Бубна, Смиль изъ Михаловицъ, Графъ Янъ Альбинъ Шликъ и мн. др.

Императорская Коммисія, составленная съ цѣлью изслѣдовать побужденія и начало Чешскаго возстанія, состояла изъ Императорскаго Намѣстника, Князя Карла Лихтенштейна, какъ Предсѣдателя, и изъ членовъ: Талленберка, Предсѣдателя Аппелляціоннаго Суда, Доктора Оттона Меландра, Доктора Яна Капраґи Леммингера, Императорскихъ Надворныхъ Совѣтниковъ. Эта Коммисія, по предварительномъ изслѣдованіи, предложила каждому изъ захваченныхъ 122 вопроса; при этомъ каждому изъ нихъ дозволено было имѣть защитника, а также дано и достаточное время для того. Въ Маѣ мѣсяцѣ открылся главный судъ, и всѣ взятые съ изумительнымъ единодушіемъ, и еще съ большею твердостію и безстрашіемъ, защищали правоту своихъ дѣйствій. Но какъ ни блистательны были ихъ рѣчи, какъ ни краснорѣчивы доказательства, а убѣдить Императорскую Коммисію въ невинности Чеховъ было не возможно, по тому что уже въ самомъ началѣ она должна была дѣйствовать по указаніямъ, приходившимъ изъ Вѣны, въ силу которыхъ воспрещалось и малѣйшее снисхожденіе обвинявшимся.

Тысячами самыхъ безплодныхъ вопросовъ мучали бѣдныхъ узниковъ, такъ что Графъ Іоакимъ Шликъ, не будучи въ силахъ выносить долѣе докучливыхъ выпытываній, сказалъ Коммисіи, раскрывши одежду и обнаживши грудь свою: «Разорвите на тысячу кусковъ это тѣло, пересмотрите всѣ его внутренности, и вы не найдете ни чего, кромѣ изложеннаго уже нами въ нашей апологіи. Любовь къ свободѣ и религіи заставила насъ взяться за оружіе, и если Богу было угодно, чтобы мечъ Императорскій побѣдилъ насъ и передалъ въ ваши руки, то пусть исполняется воля Божія!»

Въ подобномъ смыслѣ, съ полною свободою слова, говорили и остальные узники, особенно же блистательно доказывали беззаконность и безправіе въ дѣйствіяхъ побѣдителей и собствен-

ную невинность Вячеславъ изъ Будова и неустрашамый Отто изъ Лѣса. Отвѣты заключенныхъ и вообще всѣ акты изслѣдованія Императоръ Фердинандъ II приказалъ пересылать къ себѣ въ Вѣну, чтобы придать всѣмъ дѣйствіямъ оттѣнокъ милости, и опредѣленія, поправленныя и смягченныя, отправлялъ снова въ Прагу. Въ половинѣ Мая явился въ Вѣну и окончательный приговоръ на утвержденіе Императора, который долженъ былъ вмѣстѣ назначить и день для совершенія казни.

Ходила вѣсть отъ достовѣрныхъ людей, будьто Императоръ не спалъ цѣлую ночь, обдумывая столь важное дѣло, и рано утромъ, пригласивши къ себѣ своего духовника, извѣстнаго патера Ламормена, просилъ его сказать откровенно: можетъ ли онъ, не оскорбляя совѣсти, даровать жизнь осужденнымъ? Духовникъ, говорятъ, отвѣчалъ: «И то и другое въ твоей Императорской власти.» Тогда Императоръ, взявши перо, нѣкоторымъ изъ осужденныхъ помиловалъ жизнь, другимъ честь. Съ этѣмъ вмѣстѣ назначенъ былъ и день для казни, именно понедѣльникъ, 21 Іюня, 1621 года, съ тѣмъ, чтобы приговоръ былъ прочитанъ обвиненнымъ 19 Іюня.

Императорская Коммисія немедленно же приступила и къ приготовленіямъ для исполненія Императорскаго приговора, а какъ во все время изслѣдованія Прага находилась въ а комъ-то тревожномъ состояніи, то Князь Лихтенштейнъ пригласилъ, въ четверкъ, 17 Іюня, семь сотенъ Императорской конницы, подъ начальствомъ Князя Саксонскаго: изъ нихъ двѣ сотни размѣщены были по домамъ Стараго Города, остальныя же пять въ Новомъ Городѣ. Съ этого же дня и днемъ и ночью ходило войско съ дозоромъ по Старому Городу, а на Старогородской площади, въ теченіе ночи, непрырывно содержала стражу цѣлая сотня, такъ какъ на другой же день, въ пятницу, былъ изготовленъ, на общественномъ Старогородскомъ дворѣ, что на площади, помостъ, который въ субботу былъ приставленъ къ Думѣ, такъ что изъ дверей послѣдней прямо было можно всходить на этотъ помостъ. Помостъ былъ четырехъ локтей въ вышину, двадцати двухъ шаговъ въ ширину и двадцати двухъ въ длину; со всѣхъ сторонъ былъ онъ укрѣпленъ досками и огражденъ перилами.

Въ субботу, 19 Іюня, рано утромъ, 13 узниковъ изъ Новаго Города и 10 изъ Стараго, подъ крѣпкой стражей, были перевезены въ Пражскій замокъ, гдѣ уже ожидали своего рѣшенія схваченные Дворяне. Когда всѣ узники собраны были, такимъ образомъ, въ одно мѣсто, вошелъ въ судебную залу и Князь Лихтенштейнъ съ остальными Членами Императорской Коммисіи и занялъ назначенное для него кресло, нѣсколько возвышенное надъ поломъ и покрытое темнымъ бархатомъ: усѣлись вокругъ Князя и прочіе Коммисары, равно и Чиновники Императорскіе.

За этѣмъ стали вводиться въ судебную залу заключенные отдѣльно, одинъ послѣ другого. Немедленно за вступленіемъ каждаго въ комнату, становился передъ Княземъ Лихтенштейномъ Императорскій Прокураторъ и, прочитывая обвиненіе на Нѣмецкомъ и Чешскомъ языкахъ, просилъ Коммисію высказать сужденіе. На это обвиненіе членъ Коммисіи, Докторъ Меландеръ, отвѣчалъ по Нѣмецки, что рѣшеніе уже составлено, и что принято во вниманіе все, чего требуетъ право и справедливость и что служитъ къ сохранію чести и достоинства Е. И. Величества; въ подобномъ же смыслѣ выражался постоянно, въ слѣдъ за Меландромъ, и Докторъ Капръ на Чешскомъ языкѣ.

По совершеніи подобныхъ формальностей, прочитано было все дѣло съ окончательнымъ рѣшеніемъ, сначала по Нѣмецки, Императорскимъ Судьею, потомъ и по Чешски однимъ изъ присутствовавшихъ Чиновниковъ. Въ силу этого рѣшенія, 45 лицъ были осуждены на лишеніе жизни, чести и имущества, хотя для слѣдующихъ особъ казнь была ослаблена такимъ образомъ:

Вильгельмъ старшій Попелъ изъ Лобковицъ, бывшій когда-то высшимъ Гофмейстеромъ Королевства Чешскаго, Павелъ изъ Ричанъ, Янъ Островецъ изъ Влашима, Феликсъ Петипѣскій изъ Хишь, Докторъ Медицины Матеій Борбоній, Докторъ Правъ Фридрихъ Юрій изъ Ольденбурга, Илія Розинъ изъ Яворника, Совѣтникъ Новаго Города Праги, и того же города Совѣтникъ Лука Карбанъ изъ Ольшанъ, вмѣсто казни мечемъ, осуждены были на пожизненное заключеніе; послѣдній, однако же, хотя также

былъ помилованъ отъ смерти Императоромъ, долженъ былъ быть перевезенъ въ крѣпость Рабъ; въ послѣдствіи времени, впрочемъ, и ему, какъ Борбонію, это наказаніе замѣнено заключеніемъ на определенное время. Вольфгангъ Козлауеръ, изъ Дворянскаго сословія, и Мелихаръ Тейпрехтъ, бывшій Прокураторъ, наказанные вѣчнымъ изгнаніемъ изъ отечества, по Императорской милости, были отправлены въ оковахъ въ Рабъ. Каспаръ Углеръ, Совѣтникъ Новаго Города Праги, долженъ бы быть повѣшенъ изъ окна Думы того же города (т. е., на бревнѣ или балкѣ, вынутой изъ окна наружу), но, по милости, оставленъ въ заключеніи впредь да дальнѣйшаго обсужденія. Подобнымъ же образомъ Юрій Завѣта изъ Завѣтицъ, во время Короля Фридриха Секретарь Придворной Чешской Канцеляріи, вмѣсто вѣчнаго изгнанія, заключенъ въ темницу. Павелъ Пецка, Чиновникъ при Земскихъ Доскахъ (= книгахъ), лишенъ свободы на годъ, а Янъ Камаритъ изгнанъ изъ отечества на годъ, по прошествіи котораго могъ возвратиться снова. Остальныя лица осуждены были на смерть, или на иныя тяжкія наказанія; нѣкоторымъ, однако жь, изъ нихъ была оказана милость, именно тремъ особамъ Дворянскаго сословія: Графу Іоакиму Андрею Шлику изъ Пазауна и Локтя, бывшему прежде Верховнымъ Земскимъ Судьею и Директоромъ; по опредѣленію Коммисіи, онъ долженъ былъ лишиться сначала правой руки, за тѣмъ быть четвертованнымъ и развѣшеннымъ на распутіяхъ, голова же и правая рука должны быть прибиты къ воротамъ Пражскаго моста; въ силу особенной, однако же, милости, вмѣсто четвертованья, назначено ему отрубить голову и прибить ее, вмѣстѣ съ рукою, какъ можно выше на башнѣ упомянутыхъ воротъ. Вячеславу изъ Будова, Предсѣдателю Аппелляціоннаго Суда, осужденному къ тому же наказанію, опредѣлено, по милости Императорской, отрубить только голову и прибить ее на башнѣ моста. Христофору Гаранту изъ Польжицъ, Предсѣдателю Чешскаго Казначейства, также должна быть только отрублена голова, и при томъ оставаться при мертвомъ тѣлѣ.

Семь лицъ Дворянскаго сословія: Каспаръ Каплирь изъ Сулевицъ, Верховный Земскій Писарь, по отрубленіи головы, назначенъ къ четвертованію и къ вывѣшенію членовъ въ различ-

ныхъ мѣстахъ, но по милости Императора къ старости, потому что ему было уже больше 80 лѣтъ, опредѣлено отрубить только голову и, вмѣстѣ съ другими, вывѣсить на позоръ. Прокопъ Дворецкій изъ Ольбрамовицъ, Подкоморій Королевства Чешскаго, Фридрихъ изъ Бѣлой, Богуславъ изъ Михаловицъ и Генрихъ Отта изъ Лёса, осуждены также къ отрубленію головъ, хотя, въ силу строжайшаго права, говорятъ, они и заслужили четвертованіе. Головы всѣхъ должны быть вывѣшены на башнѣ. Вильгельмъ Конецхолмскій изъ Конецхолма заслужилъ, чтобы голова отрублена была и оставлена при тѣлѣ. Дивишъ Чернинъ изъ Худеницъ, Гетманъ Пражскаго замка, осужденъ на отнятіе сначала двухъ пальцевъ съ правой руки, а потомъ и головы, но относительно пальцевъ оказана ему милость.

Изъ сословія гражданъ, въ то же время, осуждено было на смерть шестнадцать лицъ, именно: Валентинъ Коханъ изъ Праховой и Товій Штефекъ изъ Колодѣй, горожане Новаго Пражскаго Города, Христофоръ старшій Коберъ изъ Коберсберга, гражданинъ Малой Стороны Праги, осуждены на отрубленіе головъ, которыя должны быть повѣшены на мостовой башнѣ. Янъ Сультысъ изъ Фельсдорфа, Кутногорскій и Максиміліянъ Гоштялекъ изъ Яворицъ, Жатецкій Примасъ, осуждены на ту же казнь, и головы ихъ—перваго въ Кутную Гору, втораго въ Жатецъ, должны быть посланы съ прислужниками палача и прибиты на городскихъ воротахъ. У Яна Есенія изъ Есенова, Доктора Медицины и Ректора Пражскаго Университета, за посольство въ Угрію, рѣшено отрѣзать у живаго языкъ, потомъ самого четвертовать и развѣсить части тѣла на распутіи, но тутъ же объявлена ему и милость, что, по отрѣзаніи у живого языка, отрубится голова и потомъ уже будетъ онъ четвертованъ и развѣсятся его части на распутіи, голова же и языкъ прибьются на мостовой башнѣ. Янъ Ѳеодоръ Сикстъ изъ Оттерсдорфа, Аппелляціонный Совѣтникъ, также приговоренъ къ смерти мечомъ, но въ понедѣльникъ, во время самаго исполненія, уже съ помоста (эшафота) отвезенъ былъ снова въ темницу для дальнѣйшаго обсужденія. Вячеславъ Мастеровскій изъ Избицы и Генрихъ Козелъ изъ Пецлиновецъ, должны были быть повѣшены изъ окна Новогородской Думы, но, въ слѣдствіе милости, осуждены къ смертной казни мечомъ.

5

Андрей Коцуръ, Юрій Рѣчицкій, Михаилъ Витманъ и Симонъ Вокачъ, граждане Новаго Города, осуждены на смерть, но головы ихъ должны остаться при тѣлахъ. Янъ Кутнауеръ изъ Зонненштейна, Городской Начальникъ по дѣламъ военнымъ, съ отчимомъ своимъ, Симономъ Сушицкимъ, приговорены были къ тому, чтобы быть повѣшенными вмѣстѣ на одномъ и томъ же бревнѣ, внѣ окна Думы Стараго Города. Өаөанаилъ Водиянскій изъ Урачева, Сенаторъ Стараго Города, долженъ быть повѣшенъ на Старогородскомъ рынкѣ, при Судебномъ Домѣ.

Кромѣ поименованныхъ, осужденныхъ на смерть, были еще осуждены: Николай Дивишъ, первый Чиновникъ при Бургомистерскомъ управленіи Стараго Города, долженъ былъ прежде всего лишиться языка, потомъ прибитъ къ Судебному Дому и отвезенъ въ кандалахъ въ Рабъ, но, по милости, былъ только прибитъ за языкъ къ Судебному Дому и отвезенъ въ темницу. Вячеславъ Божецкій, второй Чиновникъ того же города, осужденъ былъ къ наказанію розгами и изгнанъ изъ отечества; точно также Іосифъ Кубинъ и Янъ Швегла, Прокураторы, изгнаны изъ отечества на вѣчныя времена.

По окончаніи чтенія рѣшеній, что продолжалось съ шести часовъ утра до двухъ по полудни, Императорскій Прокураторъ выразилъ благодарность Коммисарамъ, по Чешски и по Нѣмецки, за составленіе справедливаго приговора. Немедленно послѣ этого Коммисары встали съ своихъ мѣстъ и разошлись по домамъ, тогда какъ осужденные были отведены, или отвезены, по одиночкѣ въ свои темницы, гдѣ знакомые и друзья могли навѣщать ихъ и прощаться съ ними.

Когда возвращался Князь Лихтенштейнъ изъ Королевскаго замка, вышли къ нему на встрѣчу родственники, жены и дѣти осужденныхъ и, павши на колѣна передъ коляской, съ воплями просили даровать жизнь дорогимъ ихъ существамъ. Коротокъ былъ отвѣтъ несчастнымъ: «Ни какой милости быть уже не можетъ, кромѣ, вѣроятно, отдачи труповъ казненныхъ, для погребенія съ честію.»

Лишь на слѣдующую ночь объявлено рѣшеніе, что Леандеръ Рипель, Тайный Совѣтникъ Курфирста Пфальцкаго, и Юрій Гауншильдъ изъ Фюрстенфельда, Совѣтникъ Аппелляціонный, должны быть казнены, и правыя руки обоихъ, вмѣстѣ съ головою послѣдняго, выставлены на мостовой башнѣ.

Въ тотъ же вечеръ осужденнымъ дано знать, что казнь назначена на понедѣльникъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшено имъ приготовиться къ смерти, пригласивши къ себѣ Езуита, или Капуцына, или же Священника Аугсбургскаго Исповѣданія: никто изъ Судей только не подумалъ о Священникѣ изъ Общины Братской, хотя къ ней и принадлежало большинство узниковъ. Опредѣленіе это необыкновенно было тяжело всѣмъ тѣмъ, кто провелъ цѣлую жизнь въ Общинѣ Братской и думалъ окончить дни свои въ этомъ Исповѣданіи. За то много терпѣли они отъ непрерывныхъ посѣщеній упомянутыхъ Езуитовъ и Капуцыновъ, которые разнообразными способами, даже обнадеживаніями выхлопотать жизнь, старались убѣдить ихъ покинуть Вѣру отцевъ. Всѣ, однако же, подобныя усилія разбились въ прахъ о твердость узниковъ, и тогда пригласили уже Священниковъ Исповѣданія подъ обоими видами. Къ осужденнымъ, державшимся въ заключеніи въ замкѣ, отправился Янъ Розацій; въ Старогородскую Думу Викторинъ Вербенскій и Витъ Якешъ, въ Новогородскую же Адамъ Клеменсъ и Янъ Гертвицій. Нѣмцамъ, которыхъ между заключенными находилось трое, именно: Есеній, Гауншильдъ и Рипель, назначенъ Давидъ Липахъ. Священники охотно приняли участіе и въ тѣхъ, кто былъ изъ Братьевъ, или Реформаторовъ, убѣждая при этомъ, что они всегда считали ихъ за своихъ братьевъ и посланниковъ Христовыхъ, хотя въ нѣкоторыхъ статьяхъ ученія ихъ и находится кое-какое различіе. Только двое, Панъ изъ Будова и Отта изъ Лѣса ограничились лишь набожными разговорами съ Священникомъ Розаціемъ, причастія же не приняли, утѣшая себя словами Св. Августина: «Вѣрь, и ты уже вкусилъ.»

Въ воскресенье, 20 Іюня, рано утромъ, жены, дѣти, родные и друзья осужденныхъ, добившись доступа къ Князю Лихтенштейну, просили его, съ униженною покорностью и съ горькими слезами, даровать жизнь ихъ мужьямъ, отцамъ и друзьямъ, или, по

крайней мѣрѣ, облегчить строгость приговора. Но бѣдные просители вынуждены были выслушать страшный отвѣтъ, что Князь не въ силахъ, что выше власти его въ чемъ бы то ни было, измѣнить Императорское рѣшеніе.

Въ тотъ же воскресный день, проповѣдникъ Нѣмецкій, Давидъ Липахъ, послѣ длинной проповѣди въ церкви, напомнилъ открыто слушателямъ своимъ, чтобы они, какъ въ общественныхъ, такъ и домашнихъ, молитвахъ не забывали о лицахъ осужденныхъ къ смерти, прося Господа Бога, чтобы онъ даровалъ имъ твердость и Христіанское мужество при окончаніи жизни, усладилъ позорную смерть ихъ и сподобилъ перенести ихъ въ вѣчное блаженство. Въ слѣдъ за этѣмъ самъ онъ началъ до такой степени трогательную молитву, что вся церковь огласилась воплями и плачемъ.

Узники же цѣлый этотъ день провели въ обществѣ своихъ Священниковъ, въ пѣніи Божественныхъ пѣсней и въ молитвѣ, съ проливаньемъ обильныхъ слезъ, прощаясь навсегда съ дорогими своими женами, дѣтьми и друзьями. Вечеромъ, около шести часовъ было имъ объявлено Императорскимъ Судьею, чтобы они готовились къ пяти часамъ утра. Спустя не много времени, явился къ нимъ Экономъ и пригласилъ къ ужину. Узники, переглянувшись другъ съ другомъ, отвѣчали, что хотя они и не чувствуютъ уже надобности въ ужинѣ, однако же, для общаго утѣшенія, не хотятъ пренебрегать имъ. Тогда одинъ изъ нихъ сталъ разстилать скатерть, другой раскладывать тарелки, иной приготовлять для мытья рукъ воду, иной опять, прочитавши и передъ столомъ молитву, раздѣлять пищу. Одинъ только Докторъ Гауншильдъ отказался отъ всякой пищи и питья, сказавши: «Довольно уже роскошно кормленъ былъ этотъ мѣшокъ червей (указывая на животъ); теперь нѣтъ больше надобности,» и, такимъ образомъ, ни чего не употребляя, приготовлялся къ смерти.

Въ ту же вечернюю пору всѣ осужденные высшаго и низшаго сословій, находившіеся доселѣ въ заключеніи въ замкѣ Пражскомъ, отвезены были, въ пяти повозкахъ, въ Старогородскую Думу, подъ прикрытіемъ цѣлаго отряда пѣхоты. Кто попадался

имъ на встрѣчу изъ знакомыхъ на улицахъ, прощались со всѣми привѣтливо и дружески. Когда же остановились они передъ Думою, то тамошніе узники, узнавши о прiѣздѣ братьевъ, поспѣшно бросились къ окошкамъ и, выглядывая изъ нихъ, запѣли привѣтственныя пѣсни, что вызвало вздохи и слезы у множества народа, провожавшаго узниковъ.

Собранные въ одно мѣсто узники провели цѣлую ночь въ пѣніи, молитвахъ, набожныхъ разговорахъ и во взаимныхъ увѣщаніяхъ пребывать въ непоколебимой твердости, чтобы оставить собою потомству добрый примѣръ. Передъ самымъ разсвѣтомъ, нѣкоторые, вздремнувши съ полчаса послѣ полуночи, стали приготовляться къ послѣднему пути. Умывши свои лица и облекшись въ бѣлыя рубашки, какъ будьто намѣревались идти на свадьбу, справляли они верхнее одѣяніе, обрѣзывая воротники, чтобы не было потомъ надобности въ излишнемъ трудѣ на лобномъ мѣстѣ. Между тѣмъ Кутнауеръ съ другими горячо просилъ Бога оказать надъ ними особымъ какимъ либо знаменіемъ на небѣ защиту и отеческую Свою любовь, когда будутъ разставаться они со свѣтомъ, и вотъ передъ самымъ восходомъ солнца распространился слухъ, что на небѣ появилась великолѣпная радуга. Выбѣжали Священники, воины и другіе, узники же смотрѣли изъ оконъ: и дѣйствительно, цѣлая Прага видѣла, вмѣстѣ съ ними, необыкновенной ясности радугу, хотя ни прежде, за два дня, ни позже этого, не было ни какого дождя. И сами осужденные усматривали въ этомъ нѣкоторое знаменіе милости Божіей и, пригласивши Священника, Викторина Вербенскаго, напутствовавшаго съ другими ихъ къ смерти, принести, вмѣстѣ съ ними, благодарность и помолиться Господу Богу за такое явленіе, они упали всѣ на колѣна и горячо молились съ Священникомъ.

Едва только исчезло на небосклонѣ это знаменіе, какъ тотъ же часъ загремѣло иное знаменіе наступающаго страданія: —выстрѣлъ изъ огромнаго орудія на Пражскомъ замкѣ, съ которымъ должна начаться и самая казнь. Немедленно за этѣмъ и войско, стоявшее на площади, начало громкій барабанный бой, и не прекращало его до тѣхъ поръ, пока не совершилась грозная казнь надъ всѣми осужденными. Судьи боялись, чтобы приговоренные къ смерти не

могли говорить съ помоста лобнаго мѣста къ собравшемуся во множествѣ народу и убѣждать его въ своей невинности, а по тому, чтобы не было слышно ни одного ихъ слова, распорядились громкимъ барабаннымъ боемъ. Въ слѣдъ за выстрѣломъ, заперты были обои ворота на Пражскомъ мосту, на площади же разставлено было значительное количество конницы и нѣсколько отрядовъ пѣхоты; ими окруженъ былъ ужасный помостъ, вдоль котораго, на приготовленныхъ лавкахъ, усѣлись, во имя Императора, Судьи. Остальная часть площади, примыкающія къ ней улицы и всѣ дома наполнились множествомъ опечаленнаго народа.

Между тѣмъ отъ Императорскаго Судьи Новаго Города Пражскаго выданъ былъ приказъ, чтобы изъ числа заключенныхъ сведены были внизъ слѣдующія пять особъ: Симонъ Вокачъ, Андрей Коцауръ, Михаилъ Витманъ, Генрихъ Козелъ и Юрій Рѣчицкій. Простившись со слезами съ оставшимися въ заключеніи братьями, этѣ отдѣленные были перевезены въ Думу Стараго Города и введены въ общую комнату. Когда такимъ образомъ всѣ осужденные были собраны въ одно мѣсто, данъ знакъ, чтобы приближились они къ мѣсту казни. На балконѣ при Думѣ было приготовлено помѣщеніе для Начальства Стараго Города и для Императорскихъ Судей всѣхъ трехъ частей Праги. Трое же мѣстныхъ Судей города ходили туда и сюда, съ помоста лобнаго въ Думу, и вызывали поименно особъ, какъ кто за кѣмъ долженъ выходить на помостъ для казни. Одинъ изъ судейскихъ служителей, въ черной печальной одеждѣ, съ закрытымъ лицомъ на глухо, поставилъ на помостъ Крестъ съ Распятіемъ, передъ которымъ приговоренные падали на колѣна и принимали свою смерть.

Прежде всѣхъ вызванъ былъ на помостъ лобный изъ Думы Графъ Шликъ, за нимъ послѣдовали: Вячеславъ изъ Будова, Христофоръ Гарантъ, Каспаръ Каплирь, Прокопъ Дворецкій, Фридрихъ изъ Бѣлой, Генрихъ Отта изъ Лёса, Вильгельмъ Конецхолмскій, Богуславъ изъ Михаловицъ, Дивишъ Чернинъ, Валентинъ Коханъ, Товій Штефекъ, Янъ Султысъ, Максиміліянъ Гоштялекъ, Докторъ Янъ Есенскій, Юрій Гауншильдъ, Леонардъ Рипель, Вячеславъ Мастеровскій, Генрихъ Козелъ, Андрей Коцауръ, Юрій Рѣчицкій, Михаилъ Витманъ, Симонъ Вокачъ. Какъ только палачъ оканчи-

валъ съ кѣмъ либо свое дѣло, тотчасъ же назначенныя для этого лица, въ числѣ шести, закрытыя черными наличниками, завертывали трупъ въ сукно, на которомъ падалъ каждый на колѣна передъ Распятіемъ, и сносили его внизъ, подъ лобный помостъ. Двое изъ этѣхъ замаскированныхъ немедленно разстилали новое сукно, такъ что никто изъ осужденныхъ не видѣлъ казненнымъ своего предшественника, кромѣ тѣхъ, которые были наказаны висѣлицею. Ни до одного изъ осужденныхъ не коснулась рука палача, сводившаго со свѣта приговоренныхъ съ помощію меча, и одинъ палачъ совершилъ жестокую свою задачу въ теченіи почти четырехъ часовъ такъ быстро, что ни одной особѣ не было сдѣлано какого ни будь неловкаго удара. Перемѣнилъ онъ, однако же, во время цѣлой казни, четыре меча: первымъ умертвилъ одиннадцать человѣкъ, вторымъ пять, а остальными двумя восемь. Кромѣ того, имъ же совершена висѣльная казнь надъ слѣдующими тремя особами: Яномъ Кутнауеромъ, Симономъ Сушицкимъ и Наѳанаиломъ Воднянскимъ. Этѣ трое казнены были тотчасъ за Рипелемъ, слѣдовательно, прежде чѣмъ всѣ остальные, начиная отъ Мастеровскаго до Вокача, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы дать палачу возможность не много отдохнуть.

Тѣло Доктора Есенскаго, въ тотъ же день вывезенное за городскія ворота, палачъ разрубилъ на четверо и воткнулъ на воротахъ. Двѣнадцать же головъ, именно: Шликова съ рукою, вложенною въ ротъ, Будовцева, Каплирева, Дворецкаго, Бѣлаго, Оттова, Михаловцева съ рукою, укрѣпленною на головѣ, Кохановa, Штефкова, Коберова, Есенскаго съ кускомъ языка и Гауншильдова, съ утвержденною рукою на головѣ, внесены были на мостовую башню, противъ зданія Езуитовъ, и раздѣлены были такимъ образомъ на двѣ части: шесть головъ размѣщены на восточной сторонѣ моста, обращенной къ Старому Городу, остальныя же шесть на западной, по направленію къ Малой Сторонѣ Праги, и всѣ онѣ были укрѣплены желѣзными прутьями и скобами, чтобы ни одна голова не могла упасть внизъ; Рипелева же прибита была на позорномъ Старогородскомъ столбѣ: все это совершилъ палачъ въ тотъ же день, въ понедѣльникъ. Кто смотрѣлъ изъ людей на это плачевное зрѣлище, поражался и мыслію и сердцемъ, размышляя въ себѣ о непостоянствѣ сча-

стія человѣческаго и о преклонномъ возрастѣ казненныхъ особъ; нѣкоторые тогда же сосчитали, что только десять осужденныхъ лицъ имѣли уже вмѣстѣ до 700 лѣтъ.

Изъ Высшаго Дворянства первымъ былъ вызванъ на казнь Іоакимъ Андрей Шликъ изъ Голича Графъ Пазаунскій, Локетскій и Свіянскій, бывшій Верховнымъ Земскимъ Судьею, Тайнымъ Совѣтникомъ, Директоромъ и Намѣстникомъ Верхнихъ Лужицъ: это былъ человѣкъ больше 50 лѣтъ отъ рожденія, древняго и славнаго рода, знаменитый своими душевными и умственными достоинствами. Убѣгая передъ побѣдоносным войскомъ Императора, вступилъ онъ въ Лужицы, гдѣ, однако же, 18 Марта, 1621 года, былъ схваченъ какимъ-то Саксонскимъ Ротмистромъ и препровожденъ въ Дрезденъ; отсюда отправилъ его Курфирстъ Саксонскій въ Прагу и передалъ въ руки непріятелей. Во время слѣдствія давалъ онъ Судьямъ самые мужественные отвѣты и доказывалъ справедливость Чеховъ въ защищеніи своихъ правъ и Церкви; услышавши же опредѣленіе о позорной смерти своей, что онъ будетъ четвертованъ и выставленъ на распутіяхъ, отвѣчалъ: «Не велика бѣда остаться безъ гроба,» а въ понедѣльникъ, въ пять часовъ утра, въ слѣдъ за пушечнымъ выстрѣломъ, сказалъ: «Вотъ и знакъ для смерти нашей и моей очереди!» И дѣйствительно, въ ту же минуту явились Судьи и вызвали прежде всѣхъ Графа Шлика. Четверо Нѣмецкихъ Священниковъ проводили его до лобнаго помоста; когда же спускался онъ внизъ по лѣстницѣ Думы, то изъ стоявшихъ тутъ двоихъ Езуитовъ одинъ, по имени Содецій, обратился къ нему съ слѣдующими словами по Латыни: «Господинъ Графъ, опомнись хотя теперь!» на что Графъ поспѣшно отвѣтилъ: «Оставь меня ужь въ покоѣ!» Явившись на помостъ лобный и взглянувъ на ясное солнце, онъ проговорилъ: «Солнце правды, Христе, сдѣлай такъ, чтобы сквозь мракъ смерти перешелъ я къ вѣчному Твоему свѣту!» За этѣмъ прошелся нѣсколько, какъ бы погруженный въ размышленіе, съ важнымъ и степеннымъ видомъ, такъ что и смотрѣвшіе на это Господа не могли воздержаться отъ плача. Потомъ, съ помощію своего слуги, раздѣлся и, вступивши на разостланное сукно, упалъ на колѣна и прочиталъ послѣднюю свою молитву. Въ это мгновеніе подошелъ къ нему съ заду палачъ, и увидѣвъ, что

Графъ уже готовъ съ своею молитвою, ударилъ мечомъ и однимъ разомъ отсѣкъ ему голову. Такъ пала голова благороднѣйшаго вельможи Чешскаго; но не достаточно было и этого наказанія гнуснаго, по тому что прислужникъ палача, поднявши съ пола мертвое тѣло, положилъ правую его руку на брусъ, и она была отрублена палачомъ, чтобы въ полной мѣрѣ совершилось опредѣленіе Императорское. Тогда приблизилось шестеро замаскированныхъ человѣкъ, въ черныхъ одеждахъ, обвернули трупъ въ сукно, разостланное на помостѣ, и отнесли его внизъ, въ ящикъ. Голова же и рука были вложены въ кожу, чтобы быть воткнутыми вмѣстѣ съ другими на мостовой башнѣ. По уносѣ трупа, разостлали новое сукно, что дѣлалось и послѣ казни каждаго изъ послѣдующихъ, чтобы никто изъ нихъ не видѣлъ обезглавленнаго тѣла и крови своего предшественника. За Графомъ Шликомъ былъ вызванъ:

Вячеславъ изъ Будова, владѣтель Градища, Кляштера и Засадца, слишкомъ семидесятилѣтній старецъ, одинъ изъ ученѣйшихъ и разсудительнѣйшихъ Чеховъ своего времени, знаменитый въ отечествѣ своими сочиненіями и путешествіями въ далекихъ странахъ. При Императорѣ Рудольфѣ былъ онъ Императорскимъ Совѣтникомъ и Защитникомъ Консисторіи и Университета, въ послѣдствіи избранъ народомъ въ Директоры, а Королемъ Фридрихомъ назначенъ въ Предсѣдатели Аппелляціоннаго Суда, достоинствами же личными сдѣлался истиннымъ украшеніемъ отечества. Послѣ Бѣлогорской битвы, онъ удалилъ свое семейство изъ Праги, самъ же возвратился опять въ нее, будучи, вмѣстѣ съ Оттою изъ Лѣса, Хранителемъ короны, и считая позорнымъ для себя покинуть ее. Домъ его въ Прагѣ былъ разграбленъ, и захвачено все, даже до послѣдней одежды, въ которой ходилъ онъ. На слѣдствіи мужественно защищалъ доброе свое дѣло, а на казнь явился безъ Священника, по тому что, принадлежа къ ученію Братьевъ Чешскихъ, онъ не могъ имѣть Священника своего Исповѣданія: Езуиты не имѣли успѣха ни какого, не смотря на заботливость въ обращеніи его до самаго послѣдняго мгновенія. На помостъ взошелъ онъ свободно и весело, не взирая на свою старость, и съ удовольствіемъ гладилъ голову и длинную сѣдую бороду, произнося слѣдующія слова: «Сѣдина моя, сѣдина: вотъ какой

чести дождалась ты, что, наконецъ, будешь почтена мученическимъ вѣнцомъ!» За тѣмъ, обративши ясный взоръ свой къ Богу, онъ молился за Церковь, за родину и за враговъ, и поручилъ душу свою Спасителю. Немедленно голова его была отрублена, и позже поставлена на башнѣ, а тѣло вложено въ гробъ. Послѣ него явился:

Христофоръ Гарантъ изъ Польжицъ и Бездружицъ, владѣтель Пецы; онъ пользовался также громкою извѣстностью въ своемъ отечествѣ, по чему Императоромъ Рудольфомъ назначенъ былъ Казначеемъ, Императоромъ Матѳіемъ Казначейскимъ Совѣтникомъ, а Королемъ Фридрихомъ Предсѣдателемъ Казначейства въ Королевствѣ Чешскомъ. Вѣрно и твердо держался онъ своего Вѣроисповѣданія, хотя Езуиты и пытались обратить его всѣми своими силами; передъ отходомъ на казнь, онъ пригласилъ къ себѣ Священника, Яна Розація, и, поручая ему свою жену и дѣтей, просилъ напоминать имъ постоянно, чтобы они непоколебимо держались своего Исповѣданія и какъ можно милостивѣе обращались съ подданными своими. Не надѣялся, конечно, онъ совершенно обратнаго послѣдствія послѣдней столь горячей своей просьбы Священнику: однако жена его, не обращая вниманія на послѣднія слова несчастнаго своего мужа, вскорѣ вышла замужъ за Католика, сдѣлалась Католичкою и сама, а сыновей передала на воспитаніе Езуитамъ. Призванный на казнь, онъ воскликнулъ: «Столько чужихъ земель объѣздилъ я, перебывалъ у столь многихъ народовъ языческихъ, такъ много испыталъ опасностей и на морѣ и на сушѣ, и вотъ теперь, въ родномъ моемъ отечествѣ, наносятъ мнѣ безвинно насильственную смерть!» Проходя по лѣстницѣ къ мѣсту казни, онъ молился, а вступивши на помостъ, не много прошелся, и потомъ уже упалъ на колѣна на постланномъ сукнѣ. Палачъ, однако же, не спѣшилъ, по тому что, будучи самъ преданъ Исповѣданію подъ двумя видами, онъ давалъ каждому покончить свою молитву; когда же осужденный проговорилъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, помилуй меня и прими духъ мой!» то подошелъ и онъ къ нему сзади и снялъ мечомъ голову. За нимъ позванъ былъ первымъ изъ сословія Дворянскаго:

Каспаръ Каплирь изъ Сулевицъ, старецъ 86 лѣтъ, бывшій Верховнымъ Земскимъ Писаремъ. Рѣшеніе о позорной смерти выслушалъ онъ весьма вѣжливо и, съ веселымъ духомъ, призвавши къ себѣ Священника, Яна Розація, поручилъ ему единственныхъ двоихъ малыхъ внуковъ (больше не было у него ни кого), и передалъ Нѣмецкую Постилу (Бесѣды) Моллера съ просьбою, чтобы она сбережена была, какъ единственная по немъ память, доколѣ подростетъ его Зденичекъ (Здиславъ). За симъ прибавилъ: «Вчера спрашивала меня моя племянница, не хотѣлъ ли бы я искать милости у Князя Лихтенштейна, который даровалъ бы мнѣ жизнь, хотя и съ тѣмъ, чтобы я оставался по смерть въ темницѣ. Но я поблагодарилъ за такую милость. Въ самомъ дѣлѣ, ежели бы я искалъ милости, то показалъ бы, какъ будьто виновенъ въ чемъ ни будь и достойно заслужилъ эту смерть, тогда какъ я не заслужилъ ни чѣмъ ея. Передай же, что я прошу, и буду просить милости у одного Бога, противъ Котораго въ жизнь свою согрѣшилъ во многомъ, противъ Князя же ни въ чемъ. Будучи уже согбеннымъ старцемъ, давно уже пресытился я жизнію: не могу опредѣлить ни вкуса, ни пищи, ни освѣжиться и самымъ пріятнымъ напиткомъ. Кромѣ того, сижу ли я долго, мнѣ становится скучно, лежать тяжело, ходить почти не могу, а водятъ меня посторонніе, или носятъ на носилкахъ. Къ чему же служитъ мнѣ такая жизнь?» Такими-то переполненный чувствами, съ спокойною мыслію приготовлялся старецъ къ смерти. Въ день казни, будучи одѣтъ въ обыкновенное платье, онъ приказалъ подать себѣ рубашку изъ чистаго и самаго тонкаго полотна, длинную до колѣнъ, и, облекшись въ нее, сказалъ Пастору Липаху: «Посмотри: я надѣваю свадебную одежду;» потомъ попросилъ прикрыть себя шелковымъ плащемъ и, услышавъ о своемъ призывѣ, произнесъ: «Во имя Бога! Однако же, долго ожидалъ я.» Слуги помогли ему встать, и онъ, простившись со всѣми, пошелъ, по причинѣ глубокой старости, самымъ медленнымъ шагомъ, при чемъ Янъ Розацій велъ его за руку. Когда же пришли на помостъ, онъ опять началъ громко молиться, стоя, потомъ такъ тяжело упалъ на колѣна, что оба Священника должны были помочь ему. Тутъ попросилъ онъ Священника напомнить палачу поспѣшить своею обязанностію, какъ только поклонится онъ въ первый разъ, по тому что онъ боится впасть въ обморокъ,

такъ какъ не можетъ стоять долго на колѣнахъ. Но палачъ, замѣтивши его столь сгорбленнымъ, не хотѣлъ ударить; тогда Янъ Розацій попросилъ старца поднять голову вверхъ, къ Богу, и въ это мгновеніе палачъ отсѣкъ ее однимъ ударомъ. За нимъ по порядку явился:

Прокопъ **Дворецкій** изъ Ольбрамовицъ, бывшій Помощникъ Земскаго Казначея. Услышавъ о произнесенномъ смертномъ приговорѣ, отвѣчалъ: «Стало быть, Король думаетъ, что отнятіемъ у меня головы онъ что ни будь пріобрѣтетъ? Пусть, въ такомъ случаѣ, возьметъ ее!» Женѣ и сыну своему заповѣдалъ оставаться какъ можно тверже въ своей Вѣрѣ. Когда же пришелъ на помостъ, то, обратившись къ балкону, гдѣ сидѣли Императорскіе Судьи, онъ произнесъ: «Объявите Королю, что я стою теперь на неправомъ судѣ, но онъ долженъ будетъ стоять на страшномъ и справедливомъ.» Впрочемъ, по случаю сильнаго барабаннаго боя, онъ съ крайнимъ трудомъ могъ быть разслушанъ. Повернувшись потомъ, пошелъ онъ къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ стать на колѣна, и раздѣлся. Снимая съ себя одежду, передалъ кошелекъ съ Угорскою золотою монетою Священнику, произнесши: «Вотъ послѣднее мое богатство, но и оно мнѣ не нужно, и я отдаю тебѣ.» Замѣтивши же на шеѣ повѣшенную золотую медаль, съ изображеніемъ коронованія Короля Фридриха, онъ снялъ ее и, отдавая одному изъ стоящихъ возлѣ, присоединилъ: «Обязываю тебя клятвою передать эту медаль любезному моему Королю, Фридриху, когда снова добудетъ онъ престолъ Королевскій, и сказать, что я, изъ любви къ нему, носилъ ее на шеѣ своей до самой смерти; теперь же, во славу Божію и за него, охотно проливаю кровь свою и умираю.» Сказавши это, онъ палъ на колѣна и, поручая духъ свой Богу, былъ умерщвленъ. Послѣ Дворецкаго вызвали:

Фридриха изъ **Бѣлой** на Регловицахъ, Нѣмецкаго леннаго Гетмана. Былъ онъ Совѣтникомъ при Королѣ Фридрихѣ, потомъ избранъ въ Директоры; человѣкъ весьма ученый, старыхъ нравовъ и простый. Его приготовляли къ смерти и проводили на помостъ два Священника. Смерть перенесъ онъ набожно и терпѣливо. Послѣ него былъ вызванъ:

Генрихъ Отта изъ Лёса, Защитникъ Религіи во время Рудольфа, а потомъ Директоръ Королевства. При Фридрихѣ былъ онъ назначенъ Казначейскимъ Совѣтникомъ и вмѣстѣ съ Графомъ Турномъ пожалованъ въ Бургграфы Карлштейнскіе. Прежде чѣмъ вызвали его на помостъ, онъ произнесъ слѣдующія слова: «Ну же, любезный Король, утверди престолъ свой нашей кровью! Бывалъ я среди варваровъ, а такого тиранства не видалъ и не слыхалъ, какое прочитано было относительно насъ: чтобы четвертовать насъ и воткнуть голову въ одномъ мѣстѣ, а четвертованныя части въ другомъ! Но пусть ихъ посылаютъ одну часть тѣла моего въ Римъ, другую въ Испанію, третью къ Туркамъ, четвертую куда ни будь за море: я вѣрю моему Спасителю, что онъ все это соберетъ въ день судный.» Будучи, въ слѣдъ за этѣмъ, вызванъ Судьею, онъ попросилъ Священника проводить его. Съ непрерывною молитвою шелъ онъ на помостъ, и когда приблизился къ мѣсту казни, палъ лицомъ внизъ и, лежа такимъ образомъ, молился; потомъ всталъ, снялъ верхнюю одежду, преклонилъ колѣна предъ брусомъ и сказавши: «Въ руки твои, Господи, предаю душу свою,» въ одно мгновеніе былъ умерщвленъ. За нимъ послѣдовалъ:

Дивишъ Чернинъ изъ Худеницъ, Воевода (Бургграфъ) Пражскаго замка. Служа нѣсколько лѣтъ при Дворѣ Императорскомъ, онъ присоединился къ Католическому Исповѣданію, а по тому и вывели его на помостъ Каноникъ и Езуитъ. Не взирая на свое Католичество, онъ былъ, однако же, осужденъ на позорную смерть, такъ какъ въ вину ему поставлено то, что онъ, будучи Воеводой Пражскаго Королевскаго замка въ 1618 году, впустилъ въ замокъ вооруженныя сословія, хотя онъ сдѣлалъ это по приказанію Верховнаго Бургграфа. Взошедши на помостъ, палъ лицомъ внизъ и тихо помолился; потомъ, вставши и взглянувши на небо, проговорилъ: «Тѣло они взять могутъ, но души нѣтъ. Тебѣ предаю я ее, Господи Іисусе!» Окончилъ онъ жизнь, имѣя отъ роду 56 лѣтъ. За Чернинымъ наступила очередь:

Вильгельма Конецхолмскаго, Директора Королевства, старика 70 лѣтъ, которому уже нѣсколько годовъ не служили ноги. Священнику Яну Розацію онъ сказалъ: «Рѣшительно не понимаю,

за чѣмъ я долженъ умереть. Въ вину поставили мнѣ, что я былъ посломъ къ Князю изъ Карнёва (Егернсдорфа) и измѣнилъ отечеству: а гдѣ жь мнѣ, хромому бѣдняку, заниматься такими дѣлами? Ктому же, во всю жизнь свою я и въ глаза не видалъ этого Князя, да и теперь не знаю, кто онъ такой. Умышленно оклеветалъ меня Хухельскій: да проститъ ему Богъ! Я также прощаю.» Не взирая на жестокую казнь, при всей своей невинности, онъ сохранилъ вполнѣ веселое настроеніе. На канунѣ смерти, жена Хухельскаго передала, ему посредствомъ Священника Яна, просьбу простить ее и ея мужа за ихъ тяжкую вину, по тому что они предали его въ руки непріятелей. Услышавъ объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что уже простилъ всѣмъ, и проситъ ихъ самъ помолиться за него. Вызванный на смерть, съ покорностію шелъ онъ за Священникомъ Яномъ, и скончался, поручая душу свою Богу. За нимъ потребованъ былъ изъ Дворянскаго сословія:

Богуславъ изъ Михаловицъ, Бургграфъ Градецкаго округа и Директоръ, человѣкъ въ высокой степени даровитый, старательный и оказавшій много услугъ Королевству Чешскому. Передъ смертію не чувствовалъ ни малѣйшаго страха, по тому что, когда владѣтель Бѣлой былъ вызванъ Судьями, онъ, какъ будьто было время толковать о преимуществахъ, замѣтилъ: «По чему же Панъ изъ Бѣлой долженъ итти на смерть прежде меня? Вѣдь при жизни я всегда ходилъ впереди него!» Однако же, вставши, обнялъ его и, поцѣловавши, сказалъ: «Иди, любезный братъ, впередъ, когда хочетъ того Богъ, а я пойду за тобою.» Когда же между тѣмъ были вызваны Отта, Черninъ и Конецхолмскій, то онъ какъ бы испугался, что обойдутъ его, и воскликнулъ: «Что же это значитъ, Боже мой? Ты знаешь, что я весь предался Тебѣ. Не презирай Своимъ слугою, поспѣши и исторгни меня!» Увидѣвши же зовущаго его Судью, онъ охотно отправился и такъ быстро поспѣшалъ на помостъ, что Пасторъ Янъ едва могъ слѣдовать за нимъ. Сдѣсь, на лобномъ мѣстѣ, немедленно раздѣлся и, проговоривши послѣднюю молитву съ Яномъ, палъ на колѣна и съ полною готовностію принялъ смерть. Послѣ него вызванъ былъ первымъ изъ сословія городскаго:

Янъ Ѳеодоръ Сикстъ изъ Оттерсдорфа, Аппелляціонный Совѣтникъ, опытный и ученый мужъ, на котораго полагалъ боль-

шія надежды, какъ на своего горожанина, Старый Городъ Пражскій. Онъ былъ осужденъ также на казнь мечомъ, но когда вступилъ онъ на помостъ и палъ на колѣна, то дяди его, братья Платейсы, изъ которыхъ старшій, Янъ, былъ Каноникомъ храма въ замкѣ Пражскомъ, подошедши къ Коммисарамъ на висломъ крыльцѣ, объявили имъ, что, по распоряженію Князя, Янъ Θеодоръ Сикстъ долженъ быть оставленъ въ заключеніи въ Старогородской Пражской Думѣ, для дальнѣйшаго опредѣленія Е. И. В. Немедленно же дано знать палачу, чтобы онъ удержался отъ казни и отдалъ узника отвести назадъ въ Думѣ. По прошествіи нѣкотораго времени заключенія, Янъ Θеодоръ Сикстъ, вмѣстѣ съ другими не Католиками, долженъ былъ отправиться изъ Чехіи въ изгнаніе и умеръ только въ 1653 году, въ Дрезденѣ. Былъ вызванъ:

Валентинъ Коханъ изъ Праховой, одинъ изъ Директоровъ, гражданинъ Новаго Города Праги, мужъ ученый, Магистръ свободныхъ наукъ, имѣвшій отъ роду 60 лѣтъ. За то, что во время Рудольфа былъ опредѣленъ Защитникомъ Консисторіи и Университета Пражскаго и, когда въ 1617 году Фердинандъ былъ избранъ Королемъ, протестовалъ и, доказывая, что безъ Моравaнъ и Силезцевъ ни какимъ образомъ не можетъ быть избираемъ Король Чешскій, тѣмъ менѣе коронованъ, за все это онъ впалъ въ такую нелюбовь у Императора, что признанъ былъ достойнымъ смерти. Во время заключенія своего онъ успокоивалъ себя и другихъ религіозными и разумными разговорами, такъ какъ былъ превосходный ораторъ. Будучи вызванъ на казнь, онъ хотѣлъ взять съ собою и сына своего, чтобы тотъ видѣлъ его кончину, но Священникъ Янъ воспретилъ это, а Христофоръ Коберъ отпустилъ съ нимъ слугу своего, чтобы тотъ взялъ его одежду и оправилъ его. Вступивши на помостъ, сталъ на колѣна и, произнесши громко по Латыни: «Въ руцѣ Твои, Боже, предаю духъ мой,» окончилъ жизнь. За этѣмъ позвали:

Товія Штефка изъ Колодѣй, также Директора, гражданина Новаго Города Праги, человѣка вполнѣ спокойнаго, который все время заключенія провелъ въ слезахъ и воздыханіяхъ. Идя на смерть, обнаруживалъ какую-то робость, но Священникъ Янъ постоянно утѣшалъ его и молился съ нимъ до самаго мѣста, гдѣ отдалъ онъ свой духъ Бугу. Потомъ вызвали:

Яна Есенія, родомъ изъ Угріи, Доктора Медицины, извѣстнаго во многихъ земляхъ своею ученостію и Ректора Университета, гдѣ впервые въ Прагѣ началъ преподавать онъ Анатомію. Въ 1618 году блистательно выполнилъ важное Посольство отъ народа Чешскаго въ Угрію, и этѣмъ обратилъ на себя такую ненависть Фердинанда, что тотъ присудилъ его къ самому позорному и жесточайшему наказанію. Езуиты употребляли всѣ средства, чтобы обратить его къ Католичеству, но все было напрасно. Призванный на казнь, онъ шелъ на помостъ съ веселымъ видомъ, въ сопровожденіи Нѣмецкихъ Священниковъ; сдѣсь самъ высунулъ языкъ палачу, и хотя имѣлъ ротъ наполненнымъ кровью, послѣ того какъ былъ у него языкъ отрѣзанъ, однако же бормоталъ молитвы за Пасторомъ Липахомъ и считалъ за особую себѣ честь, что всѣ четверо Нѣмецкихъ проповѣдниковъ были съ нимъ. Голова его была отдѣлена къ другимъ, для выставленія на башнѣ, а тѣло вложено палачомъ въ мѣшокъ, чтобы, по окончаніи казни, разрубить его за воротами города, подъ висѣлицею, на четыре части и развѣсить на четырехъ кольяхъ. За Есеніемъ послѣдовалъ:

Христофоръ Коберъ, гражданинъ Малой Стороны Праги, старшій между Директорами изъ городскаго сословія. Отличаясь краснорѣчіемъ и будучи превосходнымъ ораторомъ, онъ утѣшалъ другихъ въ заключеніи. На помостѣ онъ со всѣми простился и мужественно, павши на колѣна передъ брусомъ, вынесъ жестокую смерть. За нимъ пришла очередь на:

Яна Сультыса, Примаса Кутногорскаго, и Максимиліана Гоштялка, Примаса Жатецкаго. Голова перваго была перевезена въ Кутную Гору и воткнута на копье на башнѣ, голова же втораго выставлена на позоръ на площадномъ столбѣ въ Жатцѣ. Послѣ нихъ вызванъ:

Юрій Гауншильдъ, Аппелляціонный Совѣтникъ, вышедшій на помостъ съ пѣніемъ, какъ будьто онъ шелъ на веселую пляску. Когда же сталъ на колѣна, то такъ громко произносилъ молитву Латинскую, что, не смотря на громкій барабанный бой и звуки трубъ, его было слышно. За нимъ явился его пріятель:

Леонардъ Рипель, Тайный Совѣтникъ Короля Фридриха, которому подана была надежда на помилованіе. Взошедши на помостъ, онъ спросилъ: есть ли какое ни будь помилованіе?—и, не получивши ни чего въ отвѣтъ, весело сталъ приготовляться къ смерти. Послѣ всѣхъ этѣхъ дошла очередь и до тѣхъ узниковъ, которые осуждены на висѣлицу, и первымъ изъ нихъ вызванъ:

Янъ Кутнауеръ, Совѣтникъ Стараго Города Праги, самый молодой изъ всѣхъ, едва достигшій 40 лѣтъ, но превышавшій всѣхъ мужествомъ духа. Вызванный на казнь, спустился онъ по лѣстницѣ на помостъ, и сдѣсь, упавши на колѣна, помолился. Потомъ подозвалъ палача и отдалъ ему кошелекъ съ частью денегъ, прося, чтобы онъ не спѣшилъ съ нимъ на верху, а за тѣмъ, чтобы помогъ ему прекратить скорѣе мученія. За связанныя поясомъ руки палачъ повелъ его на верхъ по лѣсенкѣ, къ окну Думы, изъ котораго торчало огромное бревно. Установившись на лѣсенкѣ, онъ далъ знакъ палачу и, столкнутый имъ съ лѣстницы, умеръ спокойно, безъ всякаго движенія. За нимъ пришелъ отчимъ его:

Симонъ Сушицкій, который шелъ съ пѣньемъ на верхъ по лѣстницѣ; помолившись на самой верхней ступени, онъ былъ повѣшенъ на томъ же бревнѣ, гдѣ и пасынокъ его. Въ эту минуту обратился онъ лицомъ къ лицу Кутнауера, такъ что уста ихъ соприкасались, что враги обратили въ смѣхъ, утверждая, что этѣ упорные возмутители не перестаютъ и по смерти дѣйствовать вмѣстѣ. Третій осужденный на висѣлицу былъ:

Наѳанаилъ Воднянскій, Пражскій гражданинъ, не знавшій, что для него устроена особая висѣлица по срединѣ площади. Когда такимъ образомъ приказано ему было сойти внизъ съ помоста, онъ, обратившись къ Кутнауеру и Сушицкому, сказалъ: «Прискорбно мнѣ, дорогіе мои товарищи, что я не могу висѣть вмѣстѣ съ вами и долженъ ити къ висѣлицѣ на позорнѣйшемъ мѣстѣ.» Въ сопровожденіи Священника Вербенскаго пришелъ онъ къ деревянной висѣлицѣ, на которой и покончилъ жизнь свою, промучившись, однако же, дольше двоихъ первыхъ. Послѣ этого палачъ снова обратился къ казни мечомъ, и началъ съ

Вячеслава Мастеровскаго, который, будучи близкимъ другомъ Каноника Платейса, надѣялся на помилованіе, и ожидалъ его еще на помостѣ. Но не получилъ его за твердость въ своемъ Исповѣданіи, и палачъ отрубилъ ему голову.

За симъ были приглашаемы по порядку граждане Новаго Города Праги: Генрихъ Козелъ, Андрей Коцауръ, Юрій Рѣчицкій, Михаилъ Витманъ, и Симонъ Вокачъ: всѣ они пали подъ ударами меча. На казнь сопровождалъ ихъ Священникъ Адамъ Климентъ.

Такъ окончилась грозная эта казнь, продолжавшаяся съ пяти часовъ до десяти утра. Тѣла казненныхъ, нѣкоторыхъ съ головами, какъ: Гаранта, Конецхолмскаго, Чернина и Рипеля, положенныя въ приготовленные на этотъ случай гробы, отданы были женамъ, дѣтямъ и близкимъ роднымъ, и подъ вечеръ тихо и спокойно были погребены. Максимиліянъ Гоштялекъ и Янъ Сультысъ, какъ люди иностранные, были похоронены въ одномъ гробѣ, въ присутствіи женъ и друзей. Тѣла троихъ повѣшанныхъ висѣли до вечера, когда, въ сумеркахъ, палачъ ихъ снялъ, а гробовщики положили въ гробы и отнесли въ могилу.

Двѣнадцать же головъ сложилъ палачъ въ двѣ бочки, отнесъ на мостовую башню и размѣстилъ ихъ на всеобщій позоръ.

На другой день, во вторникъ, 22 Іюня, выгнали метлами изъ Старогородской Думы, съ преслѣдованіемъ за Горскія даже ворота, осужденныхъ на вѣчное изгнаніе изъ отечества: Іосифа Кубина, Яна Швеглу и Вячеслава Божецкаго; Николай же Дивишъ, выведенный изъ темницы, прибитъ за языкъ къ висѣлицѣ на площади, и оставался въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока палачъ не возвратился отъ Горскихъ воротъ. Послѣ сего снова былъ возвращенъ въ темницу, откуда, по прошествіи уже долгого времени, могъ удалиться въ изгнаніе.

Въ то время, какъ совершилась казнь въ Прагѣ, Фердинандъ справлялъ путешествіе къ храму Маріи Цельской, которой, между прочимъ, принесъ въ даръ и корону, составленную изъ многихъ другихъ коронъ, въ знакъ того, что, при ея помо-

ща, онъ не только получилъ корону Римскую, но удержалъ за собою и Чешскую съ Угорскою. Тутъ же снова повторилъ онъ и обѣтъ свой — ввести опять Католичество въ Чехіи. Въ опустошенномъ, какъ увидимъ, Королевствѣ, при содѣйствіи достойныхъ его помощниковъ, дѣйствительно, скоро и удалось ему выполнить свое обѣщаніе.

III

Если Бѣлогорское пораженіе должно считаться только прологомъ къ страшной трагедіи Пражской, то послѣдняя справедливо можетъ быть названа лишь первымъ дѣйствіемъ еще болѣе ужасной трагедіи Чешской. Экзекуція Пражская положила только начало преслѣдованіямъ и жестокостямъ, какимъ подверглось цѣлое Королевство. * Эшафоты и висѣлицы перенеслись во всѣ

* При изложеніи послѣдующихъ событій держались мы главнымъ образомъ сочиненія: «Martyrologium Bohemicum, oder die Böhmische Verfolgungs-Geschichte. Berlin, 1766». Сочиненіе это, представляющее въ началѣ краткій очеркъ преслѣдованія Христіянства въ Чехіи въ древнее время и съ особенною подробностію останавливающееся на времени Фердинанда II, вышло первый разъ въ свѣтъ, на Латинскомъ языкѣ, въ 1648 году подъ заглавіемъ: «Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae, jam inde a primordiis conversationis suae ad Christianismum, hoc est, anno 894, ad annum usque 1632, Ferdinando Secundo Austriaco regnante, in qua inaudita hactenus arcana politica, consilia, artes et judicia horrenda exhibentur», безъ обозначенія мѣста изданія и сочинителя. Общее мнѣніе и нѣкоторыя указанія въ самомъ сочиненіи говорятъ, впрочемъ, довольно убѣдительно, что сочинитель былъ знаменитый педагогъ, изгнанный, вмѣстѣ со многими другими, изъ Чехіи, Амосъ Коменскій (Comenius), послѣдній Епископъ Чешскихъ Братьевъ. Въ 1655 году Амосъ Коменскій перевелъ этотъ трактатъ и на Чешскій языкъ, издавши его въ Лешнѣ (Lissa), городѣ Польскомъ; но какъ въ слѣдующемъ году пожаръ истребилъ этотъ городъ, а съ нимъ и большую часть не разошедшихся еще экземпляровъ этого сочиненія, то явилось и второе Чешское изданіе, въ Амстердамѣ, 1663 года, когда жилъ тамъ Коменскій, подъ заглавіемъ: «Hystoria o těžkých protivenstvich cýrkve Ceské», a t. d. Въ наше время она перепечатана въ Гиршбергѣ (въ Силезіи), 1844 г., въ 12 долю, съ портретами Гуса и самаго Коменскаго.

Долгое время сочиненіе это признавалось плодомъ личнаго негодованія сочинителя, какъ и вообще изгнанниковъ изъ земли Чешской, противъ Фердинанда, но взглядъ долженъ былъ перемѣниться, какъ скоро обнародованы были Гормайромъ, бывшимъ 25 лѣтъ Директоромъ Императорскаго Вѣнскаго Архива (съ 1803 по

концы несчастной Чехіи; съ каждымъ днемъ являлись новые приговоры, конфискаціи, изгнанія, заключенія и т. д. Преслѣдователи дошли до нечеловѣческихъ выдумокъ: въ силу указа Императорскаго, всѣ дѣти и внуки осужденныхъ и казненныхъ должны были носить на шеѣ красную повязку, въ воспоминаніе того, что на плечахъ ихъ головы держатся единственно по милости Императора. Понятно, что всѣ они были подчинены неусыпному надзору Езуитовъ. Нужно ли говорить, какія чувства развивались въ этѣхъ несчастныхъ, ежеминутно обязанныхъ имѣть въ памяти казнь своихъ родителей и ближайшихъ родныхъ, какая грозила и имъ самимъ?

Одною изъ первыхъ заботъ Фердинанда было овладѣть всѣми привилегіями Королевства Чешскаго, и немедленно же, по взятіи Праги, Адамъ фонъ Вальдштейнъ, Губернаторъ Пражскій, привезъ ихъ къ Императору въ Вѣну. Съ какою злобною радостію встрѣтилъ ихъ послѣдній: «Сдѣсь теперь тѣ хартіи, которыя такъ много надѣлали хлопотъ моимъ предшественникамъ,» и съ этѣми словами, разсмотрѣвши подписи и печати, онъ разорвалъ ихъ на двое и собственноручно бросилъ тутъ же въ огонь. Адамъ Вальдштейнъ остолбенѣлъ отъ ужаса, но, при видѣ тирана, могъ только скорбѣть въ душѣ. Такъ легко совершилась конфискація цѣлой жизни народной, конфискація самыхъ священныхъ пріобрѣтеній народа, добивавшагося ихъ цѣлыми вѣками усилій, сопровождавшихся блистательнѣйшими плодами всеобщаго развитія. И виновникъ этого безпримѣрнаго поступка не постыдился печатно обнародовать объявленіе, что онъ подтверждаетъ всѣ привилегіи и свободы Королевства, за исключеніемъ: 1) свободы Исповѣданія; 2) свободнаго выбора Короля, 3) употребленія во всѣхъ Судебныхъ Мѣстахъ Чешскаго языка; 4) не-

---

1828 годъ), сокрытые отъ общества документы, относящіеся къ порѣ гоненія Чеховъ. Его статьи въ «Taschenbuch für vaterländische Geschichte» (1836), «Anemonen,» въ 4 томахъ (Ена, 1845—47) и др., не замедлили сообщить полную историческую цѣну, какъ во взглядахъ, такъ и въ мелкихъ подробностяхъ, сочиненію Коменскаго. Имъ воспользовался уже отчасти сочинитель книги: «Histoire secrète du gouvernement Autrichien (Alfred Michiels). Paris, 1859,» и другіе.

зависимости отъ Императора имѣній, перешедшихъ къ Правительству; 5) за исключеніемъ поземельныхъ владѣній, которыя не могли быть отчуждаемы отъ старыхъ родовъ посредствомъ брака. Цѣль послѣдней статьи понятна: надобно было ослабить старые богатые роды, и теперь, часто насильственнымъ бракомъ дѣвицъ и вдовъ этѣхъ родовъ съ людьми посторонними, чужестранцами, настала полная возможность довести ихъ до нищенства.

Языкъ и литература народныя подпали одинаково преслѣдованіямъ. Всѣ книги Чешскія, всѣ драгоцѣнныя рукописи временъ Карла IV, Георгія Подѣбрадскаго и Рудольфа II, погибали, подобно Библіотекѣ Александрійской. Ихъ объявили, безъ различія, еретическими, и огромными кострами сожигали на площадяхъ.

Нѣтъ надобности и говорить, съ какимъ неистовствомъ обращались со всѣмъ, что отзывалось славными воспоминаніями Исторіи Чешской. Въ Великую Субботу, 1622 года, огромная золотая чаша, служившая символомъ ученія Гуситскаго, и страшная сабля Жижки (передъ которою трепетали Короли и Императоры), были захвачены Католиками изъ собора Тынскаго, гдѣ хранились этѣ вещи, какъ святыня. Въ день годовщины сожженія Гуса, 6 Іюля, того же 1622 года, были заперты всѣ Разновѣрческіе храмы.

Между тѣмъ преслѣдованія отдѣльныхъ лицъ шли своимъ чередомъ. Что особенно поражаетъ въ этѣхъ ужасныхъ преслѣдованіяхъ, это ихъ изумительная непослѣдовательность. Не думайте, чтобы поводомъ къ нимъ служили обвиненія въ прошедшемъ возстаніи, чтобы принималась въ соображеніе степень такого участія; нѣтъ: все ограничивалось лишь личными отношеніями, мнѣніями Вѣроисповѣдными, болѣе же всего состояніемъ, богатствомъ подданныхъ Чешскаго Королевства. Корыстолюбіе и жадность, какъ самаго Фердинанда, такъ и ревностныхъ исполнителей его воли, направлены были главнымъ образомъ на богатство Чеховъ.

Начальниками были поставлены всюду Езуиты и другіе горячіе поборники Ультрамонтанства. Въ ихъ безусловное распоря-

женіе переданы были Гуситы и Протестанты. Такимъ образомъ, недавно высшіе представители Государства Чешскаго явились въ рукахъ ничтожнѣйшихъ выходцевъ. Чтобы яснѣе видѣть, въ чьи руки передана была судьба Чешскаго народа, укажемъ на два примѣра. Одинъ относится къ Мартыну Гвердѣ. Онъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ мальчикомъ, ученикомъ одного портного; потомъ перешелъ въ званіе лакея, и служилъ во многихъ домахъ Чешскихъ, наконецъ сдѣлался солдатомъ. Рѣшительностію и соглядатайствомъ достигъ онъ Капитанскаго чина, а женскими происками, при содѣйствіи одной важной госпожи, получилъ Баронство. Онъ былъ посланъ вѣстникомъ къ Императору о пораженіи Чеховъ на Бѣлой Горѣ, и тутъ-то впервые сдѣлался Совѣтникомъ Императорскимъ въ истребленіи Чеховъ: «Истребить въ конецъ этотъ народъ, безъ резличія пола и званія, такъ чтобы не осталось отъ него ни руки, ни ноги.» Таковъ былъ совѣтъ Гверды, снискавшій ему расположеніе Императора.

Инаго направленія было другое лице, Павелъ Михна. Онъ былъ сынъ мясника, и служилъ лакеемъ у Езуитовъ. Быстрымъ возвышеніемъ своимъ обязанъ онъ ревности, съ какою дѣйствовалъ противъ своего отечества. Его надѣлили богатствомъ, возвысили въ Дворянство, потомъ въ Бароны, наконецъ въ Графы. Ему казалась не практическою и крайне устарѣлою система истребленія и изгнанія массами. По его свѣдѣніямъ, Дворянство обладало еще огромными богатствами, чтобы находить средства къ безбѣдному существованію и въ изгнаніи. Гораздо практичнѣе, по понятіямъ Михны, истощить въ конецъ этѣ средства, сдѣлать нищими всѣхъ, и тогда уже осуждать на изгнаніе. Такое сужденіе встрѣтило полное одобреніе въ Правительствѣ. Оба этѣ лица, вмѣстѣ со множествомъ другихъ подобныхъ, получили вліятельнѣйшія должности въ управленіи Чехіей. Такъ какъ Прага и другіе города сдались безъ условія, въ силу объявленнаго прощенія и оставались безъ всякой защиты, то солдатамъ позволено было нападать ночью на дома богатыхъ гражданъ и грабить ихъ. Не желая лишиться добычи, и замаскированные Офицеры принимали участіе въ этѣхъ походахъ, и съ гордостью хвалились множествомъ бочекъ золота, добытаго ими въ подобныхъ поискахъ. Брошенная совершенно страна, сдѣлалась предметомъ грабежа и па-

силія со стороны скопищъ Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Французовъ, Испанцевъ и Поляковъ.

Правительство, въ свою очередь, шло къ той же цѣли посредствомъ своихъ распоряженій. Оно наибольшую часть Имперскаго войска распредѣлило въ Чехіи на стоянки. Солдаты перешли всѣ предѣлы наглости и своеволія. Не обращая вниманія на бѣдность хозяина, стоявшіе у него солдаты требовали изысканнаго содержанія, часто не садясь до тѣхъ поръ за столъ, пока не явится на тарелкѣ нѣсколько талеровъ. Съ этѣмъ вмѣстѣ, по всей странѣ распущены были коммисары, ручавшіеся за спокойствіе и безопасность, за извѣстную сумму денегъ; за деньги можно было освободиться и отъ военнаго постоя и отъ ночныхъ грабежей: понятно, что суммы назначались огромныя. Но едва только выплачивалась требуемая сумма, являлось тотчасъ же новое средство истощенія. Въ видахъ пользы народной, Правительство провозглашало о необходимости устройства продовольственныхъ магазиновъ для войска: снова сборъ денегъ, и сборъ громадный! Едва окончилось это,—новое распоряженіе о снабженіи войска одеждою и вооруженіемъ, новый, еще тяжелѣйшій, сборъ! Какъ скоро стоявшее въ Чехіи войско было снабжено всѣмъ и насыщалось уже награбленною добычею, его немедленно удаляли, и вводили новые полки, голодные и покрытые рубищемъ. Порядокъ выжиманій и насилій повторялся опять.

Въ концѣ 1622 года, когда Правительство замѣтило, что звонкая цѣнная монета извлечена уже изъ Государства, выпущено было громадное количество монеты мѣдной посеребренной, въ равной цѣнѣ съ прежнею. Прошло два года, и само же Правительство объявило эту монету противозаконною: послѣдствія очевидны:—цѣнность ея разомъ упала на $^9/_{10}$, а съ тѣмъ неразлучно послѣдовало всеобщее банкротство. Торговля прекратилась и нищенство дошло до крайнихъ предѣловъ. Восторженный успѣхомъ такой операціи, Михна съ самодовольствіемъ говорилъ: «Фальшивая монета разорила Чехію несравненно больше, нежели въ состояніи былъ сдѣлать десятилѣтній военный постой, даже не сдѣлало бы такого бѣдствія обращеніе въ пепелъ цѣлой половины Чехіи.»

Вскорѣ появился и еще ужаснѣйшій указъ: всѣ векселя и заемныя письма, ежели они выданы во время войны, теряютъ всякое значеніе; ежели же составлены передъ возстаніемъ, то заимодавецъ получаетъ только половину, безъ роста, и то черезъ 10 лѣтъ; другая же половина обращается въ казну, которая уже сама будетъ получать капиталъ съ должниковъ по даннымъ ими векселямъ и долговымъ записямъ.

Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ Пражской казни, Правительство обратилось къ новому обману: оно снова объявило прощеніе (амнистію) необыкновеннаго рода. Всякій, желающій пользоваться прощеніемъ, всякій, кто чувствовалъ себя хотя сколько ни будь виновнымъ, долженъ былъ внести свое имя на особый листъ, въ противномъ случаѣ онъ лишается права на прощеніе. Семь сотъ двадцать особъ высшаго Дворянскаго происхожденія повѣрили такому обѣщанію, и, чтобы освободиться отъ непрерывнаго безпокойства, вписали себя въ число лицъ, участвовавшихъ въ волненіи. Немедленно же имѣнія ихъ были взяты въ казну или въ цѣлости, или въ значительной части. Этотъ актъ Правительственной милости доставилъ Езуитамъ разомъ сорокъ три милліона гульденовъ.

Ни чѣмъ не меньшія жестокости и насилія совершались и въ Моравіи, гдѣ Графъ Турнъ продолжалъ нѣкоторое время защищаться, послѣ покоренія Чехіи. Все Дворянство, во главѣ котораго стояла фамилія будущаго Австрійскаго Канцлера, Кауница, лишилось своихъ имуществъ и должно было искать спасенія на чужой сторонѣ. Самая богатая и самая дѣятельная часть народонаселенія была или истреблена, или должна спасаться бѣгствомъ. Тогда-то удалился и знаменитый ученый, Павелъ Странскій, прожившій долгое время въ Германіи и въ Голландіи, и еще болѣе извѣстный педагогъ, Янъ Коменскій, описавшій страданіе своей родины.

Поступая столь безчеловѣчно въ первые годы съ лицами вліятельными, Правительство щадило пока гражданъ, ремесленниковъ и крестьянъ. Но едва покончило истребленіе первыхъ, какъ съ удвоенною мощью бросилось и на послѣднихъ. Средства,

употребленныя при этомъ случаѣ Правительствомъ, составляютъ вѣчный позоръ природѣ человѣческой. Такъ, обыкновенно загоняли на службу Католическую крестьянъ, съ ихъ женами и дѣтьми, посредствомъ собакъ, кнутовъ и пикъ. И ихъ не только вынуждали отрекаться отъ прежняго Исповѣданія, но заставляли плевать въ чашу, символъ ихъ вѣрованія, и топтать ее ногами. Свирѣпые исполнители воли Фердинанда, не стѣснялись ни какими мѣрами: они заключали въ темницу, мучили, били палками и саблями, и тѣмъ заставляли преклонять колѣна передъ Св. Причастіемъ; желѣзными брусьями и прикладами ружей открывали рты, чтобы пропустить причастіе подъ однимъ видомъ. Поступокъ одного Дворянина, Гинка (Игнашки) Черногорскаго, въѣхавшаго въ храмъ на лошади, вылившаго ей причастіе изъ чаши Протестантской съ словами: «Моя лошадь не хуже васъ: она такой же Утраквистъ,» и рубившаго съ лошади тутъ же, въ церкви, саблею собравшихся Христіянъ, превзошелъ, кажется, неистовства всѣхъ самыхъ варварскихъ вѣковъ.

Извѣстно, какъ упруга человѣческая природа: чѣмъ болѣе употребляютъ противъ нея насилій, тѣмъ тверже стоитъ она на своемъ: и не мудрено, что ни угрозы, ни битье, ни грабежъ, ни мученія не въ силахъ были подавить въ народной массѣ вѣковаго вѣрованія и заглушить то презрѣніе къ Католичеству, какое воспитано въ ней долговременнымъ и живымъ преданіемъ. И вотъ обратились къ другому средству, направленному на самое благородное и глубокое чувство человѣческое: стали захватывать дѣтей, стали ихъ мучить на глазахъ родителей, чтобы этѣмъ подавить упорство и уничтожить мужество послѣднихъ. Большая часть родителей не въ силахъ была выносить такія зрѣлища, — и присутствовавшій обыкновенно при всѣхъ подобныхъ обрядностяхъ Католическій Священникъ, диктовалъ тогда формулу отреченія. Въ одной изъ такихъ пытокъ два Офицера схватили нагого ребенка и, держа его за ноги внизъ головой, разсѣкши саблею на двѣ части, подали родителямъ съ словами: «Вотъ вамъ и подъ двумя видами!»

Можно представить, какъ обращались послѣ всего этого съ Священниками не Католическими. Они были предоставлены все-

цѣло произволу войска. При первой встрѣчѣ, каждый солдатъ позволялъ себѣ убивать Священника и оставлять трупъ его на мѣстѣ; многихъ привязывали къ деревьямъ, чтобы они служили цѣлью для стрѣльбы; еще болѣе погибло подъ ужасными пытками, оскорбляющими всякую тѣнь достоинства человѣческаго. Наконецъ, появилось и рѣшеніе, чтобы, въ теченіе 8 дней, Священники Гуситскіе оставили Чехію и Моравію: съ Протестантскимъ Духовенствомъ Правительство еще медлило поступать такъ рѣшительно, боясь оскорбить Герцога Саксонскаго. Самые мертвые не были пощажены: остатки Жижки и Рокицаны были вытащены изъ гробницъ и разбросаны по землѣ, какъ нечистота. Ни одинъ не Католическій Священникъ, ни одинъ Гуситъ, не могъ быть погребенъ съ сихъ поръ по Христіянски.

Образовалась и настоящая инквизиція въ Чехіи, подъ именемъ «Противореформаціи», снабженная безграничною властію, приговоры которой не допускали аппелляціи, и во главѣ которой стоялъ Архіепископъ Пражскій. При содѣйствіи этого учрежденія еще быстрѣе стало двигаться истребленіе. Въ Сентябрѣ 1622 года всѣ Менонисты и Анабаптисты, безъ исключенія, были выгнаны изъ отечества; прошелъ мѣсяцъ, и та же судьба постигла всѣхъ Священниковъ Протестантскихъ. Самъ Папскій посолъ, Карафа, признавалъ эту мѣру преждевременною; но Императоръ отвѣчалъ, что «его совѣсть не позволяетъ держать ни одного еретика въ странѣ, которою онъ управляетъ». За этѣмъ послѣдовали другіе постановленія: ни одинъ разновѣръ не можетъ владѣть имуществомъ недвижимымъ; ни одинъ Протестантъ не имѣетъ права участвовать въ совѣтѣ городскаго управленія. Къ тѣмъ изъ Протестантовъ, кто не хотѣлъ обратиться, ставили солдатъ, значеніе которыхъ въ этомъ дѣлѣ намъ уже извѣстно.

Одна Силезія пользовалась сначала спокойствіемъ, по тому что защитникомъ ея и ходатаемъ передъ Императоромъ явился Герцогъ Саксонскій. Но спокойствіе и свобода Вѣроисповѣданія продолжались только до тѣхъ поръ, пока Силезцы, полагаясь на слова Герцога, не подчинились добровольно Императору. Лишь только оставили они оружіе, какъ Графъ Ганнибалъ Донья разсѣялся по деревнямъ и селамъ съ знаменитыми отрядами Лихтен-

штейна, съ Езуитами и Капуцынами. Онъ переходилъ отъ дома къ дому съ грабежемъ и мученіями; не смягчали души его ни дѣтство, ни старость, и съ особою гордостью называлъ онъ самъ себя «Seligmacher» (дѣлающій блаженными, святыми).

Въ Іюлѣ 1624 года, когда силы земли Чешской были истреблены, сама она была покрыта трупами и кровью, безъ всякихъ уже признаковъ жизни, Князь Лихтенштейнъ считалъ возможнымъ упрочить это положеніе Королевства законною силою. Онъ собралъ въ Прагу всѣхъ Окружныхъ начальниковъ, и тутъ-то явились въ свѣтъ 15 узаконеній, главнѣйшее содержаніе которыхъ заключалось въ слѣдующемъ: «Всякой, кто бы то ни былъ, не исповѣдующій Католичества, не можетъ заниматься ни торговлею, ни ремеслами, ни какимъ инымъ занятіемъ, за которое слѣдуетъ какая бы то ни была плата. Кто приметъ къ себѣ въ домъ Священника Протестантскаго, будетъ казненъ и имѣніе взято въ казну. Кто допуститъ проповѣдь Протестантскую, крещеніе, или благословеніе на бракъ въ своемъ домѣ, заплатитъ не менѣе 100 гульденовъ. Священники Католическіе не будутъ сопровождать на мѣсто погребенія трупы еретическіе, тѣмъ не менѣе, плата должна имъ ити, какъ если бы они присутствовали при погребеніи. Протестантки, вышедшія замужъ за Католиковъ, въ силу особой милости, будутъ терпимы въ Чехіи, доколѣ живы ихъ мужья, со смертію же ихъ вдовы немедленно должны удаляться, не наслѣдуя ни чего.» Понятно, что малѣйшее оскорбленіе Католичеству, насмѣшка надъ чѣмъ бы то ни было Католическимъ, наказывались изгнаніемъ. Но вѣнецъ законоположеній этѣхъ находится въ послѣднемъ постановленіи: «Бѣдные, находящіеся въ больницахъ, обязаны, въ самомъ непродолжительномъ времени, принять Католичество; въ противномъ случаѣ они будутъ выброшены вонъ, въ какомъ бы состояніи не находилось ихъ здоровье; со дня же изданія этого закона должны приниматься въ больницу только Католики. Такова неизмѣнная воля его Императорскаго Величества,» сказано въ заключеніе этѣхъ постановленій.

Въ слѣдъ за этѣмъ разсыпались по всей землѣ блюстители точнаго выполненія воли образцоваго Монарха, и страшныя убій-

ства начались снова. По формулѣ Езуитской: «Omne jugularetur ad duodecim annos,» истреблялось безжалостно все не Католическое, не успѣвшее скрыться въ чужой землѣ и не желавшее насиловать своихъ убѣжденій. Малолѣтнія дѣти захватывались и передавались Езуитамъ на воспитаніе въ духѣ Католичества.

Подобныя дѣйствія Правительства, естественно, не могли подавать ни малѣйшей надежды на покойное и свободное пребываніе въ отечествѣ, особенно тѣмъ, которые оставались твердыми въ своихъ Вѣроисповѣдныхъ убѣжденіяхъ. Знаніе свойствъ Фердинанда еще болѣе заставляло каждаго, имѣвшаго хотя малѣйшую возможность, искать поскорѣе другого убѣжища. И вотъ съ самой Бѣлогорской битвы, какъ только Прага очутилась въ рукахъ побѣдителя Фердинанда, начинается длинный рядъ переселеній изъ Чехіи, перешедшій даже въ XVIII-ое столѣтіе. Къ числу добровольныхъ выселенцевъ не замедлили скоро присоединиться и изгнанники Правительственные. Чехія пустѣла съ каждымъ годомъ, и въ концѣ XVII уже вѣка сдѣлалась одною изъ малолюднѣйшихъ, беднѣйшихъ и малоизвѣстнѣйшихъ странъ въ Западной Европѣ.

Понятно, что начало этѣмъ переселеніямъ положено было Дворянствомъ Чешскимъ. При своихъ правахъ и привилегіяхъ, при вельможескомъ своемъ образѣ мыслей, Дворянство было самою колючею спицей въ глазахъ Фердинанда, и по тому не мудрено, что прежде всего постарался излить онъ на немъ ненависть и мщеніе своего изступленнаго Католичества и самоуправства. Происшедшее возстаніе, въ которомъ принимало живое участіе Дворянство, было достаточнымъ для Фердинанда правомъ на это мщеніе. Подвергая безпощаднымъ казнямъ главнѣйшія лица, онъ въ то же время опредѣлялъ и изгнанія для другихъ Дворянъ, не замѣшанныхъ въ возстаніи, но и не желавшихъ отказаться отъ своего Исповѣданія, Протестантскаго или Гуситскаго. И вотъ явилось два рода выселенцевъ Чешскихъ, изгнанники и выходцы (exulantes et emigrantes). Въ сущности, конечно, трудно отличать оба этѣ рода выселенцевъ, по тому что и добровольное, на первый взглядъ, выселеніе было вызываемо также невозможностью оставаться на родинѣ, гдѣ все передано было въ полную власть чужеземцамъ

Езуитамъ и людямъ, подобнымъ Гвердѣ и Михнѣ, не стѣснявшимся ни какими средствами для своекорыстныхъ и самыхъ злодѣйскихъ преслѣдованій тѣхъ, у кого можно было надѣяться на поживу. Отсюда понятно, что изъ старыхъ Дворянскихъ родовъ Чешскихъ, въ самое непродолжительное время, осталось въ Чехіи только 18, тогда какъ 185 родовъ Дворянскихъ, въ которыхъ считалось иногда по 50 лицъ, слѣдовательно, пять шестыхъ всего Дворянства, переселилось въ чужія земли. Съ уходомъ Дворянства уничтожилась и матеріяльная и умственная сила Чехіи.

Потери послѣдней, умственной, силы должно было особенно содѣйствовать столь же жестокое изгнаніе, въ огромномъ числѣ, ученыхъ, составлявшихъ истинное украшеніе Чехіи. Болѣе всего вынуждены были удаляться богословы, занимавшіе высокія мѣста въ отечествѣ и прославленные своею ученостью во всей Европѣ.

Приведенные нами примѣры обращенія Правительства и съ простолюдинами не могли не дать повода многимъ и изъ нихъ къ выселенію, какъ ни скудны уже были ихъ средства и какъ ни не блистательна представлялась имъ и впереди ихъ будущность въ чужеземной сторонѣ. Большею частію, конечно, переселеніе земледѣльцевъ и садоводовъ сосредоточивалось въ сосѣдней Саксоніи, гдѣ потомки ихъ и до сихъ поръ живутъ въ южныхъ частяхъ, съ своимъ Чешскимъ языкомъ.

Безспорно, что въ числѣ выселенцевъ были и Нѣмцы Протестанты; тѣмъ не менѣе, большинство, и самое огромное, приходилось на Чеховъ, такъ какъ между ними, по преимуществу, развитъ былъ духъ Гуситства въ такой силѣ, какая рѣдко допускала послѣдователей его до измѣны ему и до перехода въ Католичество. Эта прочность убѣжденій объясняетъ намъ и причину, по которой изгнанники, даже простолюдины, не смотря на строгость запрещенія, на крайнюю опасность быть захваченными, уносили съ собою и дѣтей, не рѣдко грудныхъ, чтобы устранить и ихъ отъ неизбѣжной, въ противномъ случаѣ, необходимости быть воспитанными въ Езуитской школѣ, или въ Езуитскомъ монастырѣ. На плечахъ отца, при груди матери, въ ночное время, по скрытымъ тропинкамъ, среди горъ, уносились и они съ родины, съ

потерею всѣхъ правъ на наслѣдство родовымъ своимъ клочкомъ земли. И счастливы были родители, когда удавалось имъ перешагнуть, вмѣстѣ съ дорогою ношею своею, границу покинутаго отечества; къ несчастію, это удавалось далеко не всегда: чѣмъ чаще совершались подобные побѣги, тѣмъ наблюдательнѣе и зорче становился глазъ преслѣдователей, и тѣмъ строже оберегались границы Государства. И у многихъ родителей отняты были дѣти, а съ тѣмъ вмѣстѣ навсегда прекращались и всякія сношенія ихъ между собою. Не мало также погибло людей отъ голода, холода и другихъ лишеній, при необходимости скрывать побѣгъ свой черезъ незнакомыя и не рѣдко непроходимыя мѣста въ горахъ и лѣсахъ.

Самое многочисленное переселеніе происходило въ промежутокъ времени отъ 1623 до 1636 года, т. е., отъ того времени, когда впервые объявлено было лишеніе всѣхъ правъ въ Государствѣ не Католиковъ и изгнаніе ихъ, если они не согласятся принять Католичество, до смерти Фердинанда. Въ одно это время переселилось до 36 тысячъ семействъ, слѣдовательно, ни какъ не менѣе 150 тысячъ человѣкъ. Ежели мы присоединимъ къ этому числу казненныхъ и замученныхъ Правительствомъ, перебитыхъ солдатами, погибшихъ въ бѣгствѣ, наконецъ истребленныхъ войною, которая не разъ при Фердинандѣ охватывала и Чешскую землю, какъ, напримѣръ, при занятіи Праги Шведами, то ни мало не преувеличимъ эту насильственную потерю народонаселенія, если полтораста тысячъ возьмемъ втрое.

Чтобы отстранить обвиненіе въ безчеловѣчномъ опустошеніи страны, Фердинандъ, вѣрный олицетворитель Габсбургской политики, не упускалъ случая, всенародно обвинять изгнанниковъ въ измѣнѣ отечеству, выставляя на видъ произвольное ихъ будь то бы удаленіе и называя не иначе, какъ «emigrantes», а не «exulantes.» Въ 1627 году издалъ онъ, съ подобною же цѣлію, и особый указъ, въ которомъ торжественно провозглашалось, что въ укрощеніи Чехіи Императоръ руководится единственно религіозною цѣлію — подавить еретичество, отнюдь же не денежными расчетами; что онъ охотно дозволяетъ не желающимъ оставаться въ Католическомъ Королевствѣ продавать свои имущества недвижимыя, кому они заблагоразсудятъ, а движимость брать съ собою,

и что нынѣшнимъ указомъ прямо опредѣляетъ шестимѣсячный срокъ, въ который не Католики и не намѣревающіеся обратиться въ Католичество могутъ совершить продажу. Дѣйствительно, для постороннихъ отдаленныхъ людей, не знавшихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, такой указъ служилъ свѣдѣтельствомъ великодушія Монарха и значительно подорвалъ сострадательный взглядъ на изгнанниковъ. Но какъ этотъ, такъ и другіе указы, въ сущности, были только пустыя слова, которыми умѣли и въ послѣдствіи Габсбурги обманывать Европу. Кто могъ купить имущество, въ теченіи при томъ шести мѣсяцевъ, когда страна была въ конецъ разорена, когда люди со средствами давно уже постарались убраться за границу, когда покупателями могли быть лишь одни Езуиты и обогатившіеся конфискаціею уполномоченные Фердинандомъ правители Чехія? Они обыкновенно и скупали все, но какъ? — цѣна давалась только половинная, и то не всегда, да и скудная половина суммы выдавалась большею частію векселями, которые утратили всякое значеніе. Подобные покупщики легко могли разсчитать, что, и безъ покупки, имѣнія могутъ перейти въ ихъ собственность, когда пройдетъ срокъ и прежніе владѣльцы должны будутъ удалиться.

Въ 1637 году, наконецъ, умеръ Фердинандъ II, но не прекратились преслѣдованія Чеховъ и не остановились переселенія. И въ XVII-мъ, даже въ XVIII-мъ столѣтіяхъ продолжалось то же самое, хотя и періодически, непостоянно, и не въ такомъ множествѣ, какъ между 1623 и 1636 годами. Мысль объ искорененіи Протестантства въ Чехіи и Австріи преемственно переходила отъ одного Габсбургскаго Правителя къ другому, и, при малѣйшемъ пробужденіи и обнаруженіи скрывавшихся въ душѣ Чеховъ противныхъ Католичеству убѣжденій, вызывала тотчасъ же новыя гоненія. Само собою понятно, что система реформаціи Фердинандовой, основанная на крови и всевозможныхъ насиліяхъ, въ состояніи была только сдавить мысли, но не уничтожить, только заставить послѣдователей Протенстантства, не имѣвшихъ возможности избавиться отъ преслѣдованій, скрыть поглубже въ душѣ религіозныя свои чувства и лишь по внѣшности сдѣлаться Католиками. Не рѣдко и самая внѣшность, благодаря подкупности и корыстолюбію чужеземнаго духовенства, ограничи-

валась только свѣдѣтельствомъ на бумагѣ объ исповѣди и о Католическомъ причастіи подъ однимъ видомъ. По виду, по формѣ Католики оставались въ душѣ тѣми же Гуситами и Лютеранами, какими были они и прежде. И всякой разъ, какъ только проявлялось это наружу, Правительство Австрійское не медленно же обращалось къ изслѣдованіямъ, которыя сопровождались новыми изгнаніями. Вотъ самыя важнѣйшіе годы въ исторіи такихъ преслѣдованій и изгнаній: въ 1644 году Шведы снова явились побѣдителями въ Чехіи, и такъ какъ они были Протестантами и имѣли съ собою Священниковъ, частію изъ слѣдовавшихъ за ними Чеховъ, то и туземные Чехи свободно позволяли себѣ имѣть общеніе съ этѣми Священниками, исповѣдываться и пріобщаться у нихъ. Переодѣтые Езуиты, разыгрывавшіе роль соглядатаевъ, зорко слѣдили за всѣмъ, и едва Шведы должны были удалиться, какъ тотчасъ же составилась новая Коммисія обращенія, выславшая членовъ своихъ во всѣ концы Чехіи, и опять начались ужаснѣйшія, и душевныя и тѣлесныя, мученія, вызвавшія новыя переселенія. Фердинандъ III, признававшій святою обязанностію покончить дѣло отца своего, дозволялъ всякія стѣсненія.

Вестфальскій миръ, 1648 года, освободившій Австрійское Правительство отъ военныхъ безпокойствъ и занятій, обратилъ всю дѣятельность его на внутреннія дѣла, и едва скончался благородный и вѣротерпимый Министръ Фердинанда III, Максъ Траутмансдорфъ (1650), какъ явился указъ, въ силу котораго ни одинъ не Католикъ не будетъ терпимъ въ Чехіи. Католическіе писатели восхваляли строгость и суровость этого указа, радуясь въ то же время тому, что «еретическое упорство заставило многихъ оставить отечество.»

Въ 1651 году особенно съ поразительною ревностію продолжалось преслѣдованіе Протестантства въ Чехіи. Императорскіе Чиновники, Лютеранскій образъ мыслей которыхъ сдѣлался извѣстнымъ, были отставлены отъ должностей, дѣтямъ ихъ отказано въ крещеніи, не Католическіе отцы и матери крестные объявлены незаконными и т. д. Такія мѣры дали поводъ также къ переселенію многихъ.

Въ 1655 году обнародованъ новый указъ о нетерпимости Протестантовъ; окатоличеніе всего, съ полнымъ истребленіемъ еретичества, постановлено было по прежнему основною задачею. Въ 1669, 70 и 71 годахъ продолжались переселенія изъ Чехіи въ Саксонію, особенно въ Лужицы, въ слѣдствіе непрерывавшагося въ этѣ годы гоненія на Протестантовъ. Извѣстно, что въ 1683 и 1696 Правительство настойчиво дѣйствовало въ сѣверныхъ предѣлахъ Чехіи, въ смыслѣ истребленія Лютеранъ, что подало поводъ опять къ переселенію въ сосѣднюю Саксонію.

Въ XVIII столѣтіи менѣе было случаевъ къ выселенію, по тому что положеніе Протестантовъ въ Австріи нѣсколько облегчилось, такъ какъ наслѣдники Леопольда 1-го значительно ослабѣли въ покровительствѣ Езуитамъ, сравнительно съ Габсбургами XVII вѣка. Іосифъ I (1705—1711), воспитанный Фельдмаршаломъ Сальмомъ, не имѣлъ уже духовникомъ Езуита, и Силезія, хотя не безъ пожертвованій, получила отъ него нѣкоторыя милости; Карлъ VI, также не приверженецъ Езуитства, равнымъ образомъ доставилъ Протестантамъ нѣкоторое облегченіе (1711—1740). Тѣмъ не менѣе, хотя и въ значительно слабѣйшей степени, а переселенія все еще продолжались Въ 1710—1720 перебрались изъ Чехіи нѣсколько десятковъ семействъ, вынужденныхъ къ тому частію посредственно, частію непосредственно; въ 1727 году вышло 17 семействъ простолюдиновъ въ Саксонію. Въ 1732 году, многіе, въ надеждѣ получить наслѣдство надъ своими родовыми имуществами, возвратились было въ Чехію, но всѣ, не успѣвшіе убѣжать, захвачены были и размѣщены по темницамъ. Въ 1735 существованіе Протестантовъ въ Чехіи подверглось новымъ враждебнымъ нападеніямъ.

Чѣмъ болѣе протекало времени въ такихъ преслѣдованіяхъ Чеховъ, чѣмъ сильнѣе укоренялась въ народѣ холодность, не любовь и ненависть къ Правительству и въ частности къ династіи за тѣ разрушительныя несчастія, какимъ подверглась земля Чешская, тѣмъ упорнѣе развивалось въ Габсбургахъ стремленіе подавить народъ, и уже не изъ однихъ цѣлей Вѣроисповѣдныхъ, а и политическихъ. Однимъ изъ наглядныхъ примѣровъ такого стремленія можетъ служить поступокъ съ Чехіей Маріи Терезіи, въ слѣдъ за прекращеніемъ войны за наслѣдство Австрійское.

Но скажемъ нѣсколько словъ и о выселенцахъ Чешскихъ въ чужія земли. Главнымъ образомъ переселеніе происходило въ Саксонію, какъ въ страну сосѣднюю, отдѣленную отъ Чехіи лишь цѣпью горъ. Для найбольшей части изгнанниковъ и не возможно было, по самымъ средствамъ, забираться дальше. Лишь Дворянство и люди, успѣвшіе сохранить состояніе, могли выселяться въ болѣе отдаленныя Государства, по преимуществу Протестантскія. Въ числѣ Католическихъ земель болѣе другихъ оказала содѣйствіе Польша, гдѣ въ то время Протестантство имѣло еще многихъ приверженцевъ и не было слышно о тѣхъ гоненіяхъ, какія появились въ послѣдствіи. Много изгнанниковъ поселилось въ Бранденбургѣ, Пруссіи, Голландіи; Мораване находили убѣжище въ Угріи. Въ то время, какъ во всѣхъ этѣхъ земляхъ очень быстро сливались Чехи съ туземцами, утопая, такъ сказать, своего малочисленностью въ громадной массѣ послѣднихъ, въ Саксоніи, гдѣ поселилось ядро изгнанныхъ Чеховъ, Чехизмъ давалъ долго чувствовать себя съ особенною силою, не вполнѣ изгладившись и по сю пору въ южныхъ частяхъ Королевства, гдѣ поселенія сталкиваются съ деревнями Сѣверно-Чешскими. Громадно и благотворно было значеніе для Саксонскаго Королевства отъ этого невольнаго переселенія Чеховъ. Не говоря уже о томъ, что разомъ количество подданныхъ умножилось огромною цифрою, усиливши этѣмъ Государство, переселенцы внесли съ собою и новыя жизненныя основы. Саксонія пріобрѣла въ этотъ переворотъ множество лицъ, отличавшихся самымъ здоровымъ умомъ, чистою нравственностью, крѣпкою натурою физическою; пріобрѣла вѣрныхъ, стойкихъ и развитыхъ женщинъ и дѣвицъ, сдѣлавшихся образцовыми матерями многихъ, въ послѣдствіи, знаменитыхъ въ Саксоніи, дѣтей своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это должна была быть могучая порода. Лучшимъ свѣдѣтельствомъ служитъ глубоко старческій возрастъ, до котораго доживали, въ совершенной свѣжести, Саксонскіе переселенцы, не взирая не рѣдко на мученія, безпокойства и заботы, какимъ подвергались они на родинѣ, какія приносили съ собою и въ новое отечество. Большая часть духовныхъ достигала болѣе чѣмъ 80 лѣтъ. Но что болѣе всего сосредочивало на себѣ вниманіе, и что особенно было благодѣтельно для страны, это цвѣтущія

здоровьемъ, полныя жизни, веселыя и пѣвучія Чешскія дѣвицы, внесшія новое начало въ молодую жизнь и образованнаго сословія Саксонцевъ.

Съ наплывомъ Чеховъ въ Саксонію умножилось количество деревень и городовъ въ послѣдней, долгое время, едва не до половины XVIII-го столѣтія, сохранявшихъ отпечатокъ чисто Чешскій. Онъ обнаруживался и въ способѣ построекъ, и въ Чешскихъ проповѣдяхъ по церквамъ, и въ Чешскихъ училищахъ, которыя уже и въ то время составляли неотъемлемую принадлежность поселеній Чешскихъ. Во всѣхъ условіяхъ хозяйственной жизни не замедлило отразиться благодѣтельное вліяніе на Саксонію новыхъ поселенцевъ.

Дѣятельность трудолюбивыхъ Чеховъ, между которыми оказалось очень много разумныхъ земледѣльцевъ и садоводовъ, въ короткое время обратили Саксонію, дотолѣ страну почти пустынную и невоздѣланную, въ одну изъ плодоноснѣйшихъ земель. Окрестности новыхъ поселеній, подъ руками переселенцевъ, превратились въ богатыя пажити и сады. Привыкши на родинѣ къ обработанной своей почвѣ, они не щадили ни какихъ усилій, чтобы довести землю и въ новомъ отечествѣ до такой же воздѣланности и добывать съ нея тѣ же произведенія. Изумительное трудолюбіе ихъ, соединенное съ знаніемъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и Саксонія явилась быстро соперницею Чехіи. Замѣчательно, какъ каждое поселеніе стремилось къ тому, чтобы воспроизвести на новой почвѣ произведенія отдѣльной мѣстности старой родины. Такъ, изгнанники изъ Лютомѣрицъ и Мельника, издавна славившихся виноводствомъ, занялись разведеніемъ виноградниковъ; выходцы изъ Краловеградца обратили всю дѣятельность свою на огородничество, процвѣтавшее у нихъ на родинѣ.

Саксонскія Рудныя горы пріобрѣли не менѣе опытныхъ и дѣятельныхъ рудокоповъ изъ различныхъ мѣстъ Чехіи, гдѣ славились они ловкостью и искуствомъ въ добываніи серебра, желѣза, олова и сѣры. Позже другихъ выселились они въ Саксонію, по тому что Правительство Австрійское остерегалось долгое время прибѣгать къ обычнымъ насиліямъ, опасаясь поколебать

столь важный промыселъ; но не прекращавшіяся, однако же, давленія Вѣроисповѣдныя съ одной стороны, благосклонный пріемъ Правительствомъ Саксонскимъ съ другой, заставили, наконецъ, въ 1651 году, переселиться и ихъ въ Саксонію, гдѣ построили они Іоганнгеоргенштадтъ и получили особыя привилегіи.

Относительно ремеслъ, Саксонія извлекла изъ переселенцевъ неисчерпаемыя выгоды. Съ выходцами изъ Чехіи явились въ Саксоніи фабрики полотенъ и суконъ, приготовленія жести, красокъ и музыкальныхъ инструментовъ. До какой степени важна была въ этомъ отношеніи потеря для Чехіи, виднѣе всего изъ сожалѣнія, выражавшагося неоднократно самимъ Славатою.

Такое развитіе промышленности вызывало само собою и дѣятельнѣйшую торговлю Саксоніи съ отдаленнѣйшими странами Европы. Сила этой торговли должна была увеличиться особенно тѣмъ, что выходцы изъ Чехіи оставляли на родинѣ знакомыхъ и родныхъ, съ которыми могли поддерживать крѣпче торговые обороты. Къ сожалѣнію, Фердинандъ не оставлялъ и тутъ въ покоѣ Чеховъ, а вмѣстѣ съ ними и природныхъ Саксонцевъ. Сколько разъ ни обращались торговцы къ посредничеству Герцога своего, какъ ни усиливался послѣдній сношеніями своими устранить препятствія, ни что не помогало. Даже Фердинандъ III, въ 1653 году, писалъ, что онъ охотно дозволитъ суконникамъ торговлю въ Чехіи, если они въ Вѣроисповѣдномъ отношеніи будутъ вести себя безукоризненно; въ противномъ случаѣ, такъ какъ выселенцы не освобождены отъ его подданства, онъ повелѣваетъ хватать ихъ, при первомъ появленіи, какъ бѣглецовъ и представлять начальству. Такъ выражалась заботливость Габсбурговъ о Католичествѣ, и въ такой связи съ Религіею поставляли они даже и торговлею.

Въ числѣ занятій переселенцевъ въ Саксонію, особенно важныхъ относительно прежняго отечества ихъ, нельзя умолчать о печатаніи книгъ Чешско-Протестантскихъ и о тайномъ распространеніи ихъ между жителями Чехіи. Мы замѣтили выше, что внутренно Чехи продолжали оставаться Гуситами, либо Протестантами, но не чѣмъ было поддерживать ихъ, по тому что Духовенство давно уже находилось все въ изгнаніи, а книги преданы сожже-

нію. Желая удовлетворить и собственному своему религіозному чувству и чувству несчастныхъ соотчичей прежнихъ, выселенцы въ Саксоніи завели нѣсколько типографій и, не взирая на страшныя опасности, распространяли печатавшіяся въ нихъ книги въ огромномъ количествѣ въ Чехіи, Моравіи и Угріи. Самый форматъ книгъ, большею частію состоявшихъ изъ Новаго Завѣта, Лютерова Катихизиса, Аугсбургскаго Исповѣданія и подобныхъ, сообразовался малюточнымъ объемомъ своимъ съ мѣстными обстоятельствами. Подобное распространеніе было истиннымъ подвигомъ въ странѣ, наполненной во всѣхъ частяхъ Езуитами, сторожившими за каждымъ движеніемъ новообращенной паствы. И не разъ попадались въ руки послѣдователей Лойолы этѣ запрещенные, хотя и священные, плоды, на горе и несчастіе владѣльцевъ. Доносчикамъ назначено было 10 гульденовъ за каждую книгу Гуситскую, или Протестантскую,—и понятно, что тайные Гуситы и Протестанты скрывали ихъ въ пескѣ погребовъ, а не рѣдко даже въ канурахъ цѣпныхъ собакъ.

Что же сталось съ самой Чехіей? Какія остались въ ней силы?

Исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ того, какъ крѣпкія и могучія силы, преслѣдуемыя мракобѣсіемъ, скрываются изъ своей земли и обогащаютъ собой чужія. То же самое, подъ вліяніемъ Езуитовъ, совершилось и въ Чехіи, по тому что цвѣтъ образованія и дѣятельности сосредоточивался въ XVI—XVII столѣтіяхъ, чуть не исключительно среди Протестантовъ. Извѣстно желаніе Езуитовъ показать потомству, что передъ ихъ приходомъ не было въ Чехіи ни науки, ни просвѣщенія, — и вотъ цѣль, по чему съ невозмутимою мощью истребляли они все, что носило на себѣ печать и воспоминаніе ученой и образовательной прежней жизни между Чехами. Та же самая цѣль обращала ихъ преимущественное вниманіе на гибель и изгнаніе представителей науки и образованія: въ пору Бѣлогорской битвы и наука и образованіе Чешское перенеслись въ чужую даль, наполнивши собою, не говоря уже о Саксоніи, Швецію, Данію, Англію и Голландію. А избитая, измученная, опустошенная Чехія покрылась непроницаемымъ мракомъ, лишившись и умственныхъ и матеріальныхъ силъ.

Безчеловѣчное истребленіе при Фирдинандѣ II, опустошительная война при немъ и его наслѣдникахъ, наконецъ изгнанія и переселенія такъ быстро и до такой степени обезлюдили страну, что къ половинѣ XVII столѣтія, изъ недавно столь еще многолюднаго народа, осталось Чеховъ въ Чехіи всего 780 тысячъ. Но что эта была за масса? Забитые и душевно и тѣлесно, Чехи скорѣе похожи были на тѣни и ни чѣмъ не напоминали о прежней кипучей и плодотворной дѣятельности на родной своей землѣ. А Фердинандъ II, гордый титуломъ своимъ, даннымъ ему Езуитами: «Catholicae fidei acerrimus defensor», * задумалъ ознаменовать побѣдоносные подвиги свои надъ еретичествомъ, въ конецъ разорившіе такъ недавно еще цвѣтущіе страну и народъ, особымъ памятникомъ, который бы свѣдѣтельствовалъ и будущимъ поколѣніямъ объ яростномъ его изувѣрствѣ. Мѣстомъ для такого памятника назначена Бѣлая Гора, гдѣ несчастная битва для Чеховъ рѣшила участь Королевства Чешскаго. Въ присутствіи Королевско - Императорской семьи, 25 Апрѣля, 1628 года, Архіепископъ Пражскій положилъ первый камень для новой церкви, а восторженный своеобразною религіозностью Фердинандъ произнесъ съ торжествомъ при этомъ случаѣ слѣдующія слова: «Что бы ни случилось, но мы сражались за Бога, предпочитая вѣчное временному, истину неправдѣ, положительное не извѣстному. Съ помощію Творца, мы ни чего не сдѣлали, что бы не заслуживало одобренія, по тому что нѣтъ больше еретиковъ на почвѣ нашихъ владѣній, и наша Вѣра свободна отъ всякаго оскверненія.» Такъ, говоритъ сочинитель тайной исторіи Австріи, торжествовало слѣпое изувѣрство надъ бѣдствіями человѣчества въ тридцатилѣтнюю войну, имъ же произведенную. Цѣлые милліоны убиты, замучены, или изгнаны, безчисленныя семейства повергнуты въ нищенство и отчаяніе, торговля разорена, поля оставлены невоздѣланными, нравственность доведена до полной извращенности: столько бѣдствій, слезъ, крови, а виновникъ всего этого торжествуетъ!

Чехія погибла; прекратилась и исторія ея не только политическая, въ слѣдствіе вдавленія Чешскаго Королевства, на правахъ

---

* Строжайшій защитникъ Католической Вѣры.

покоренной области, въ составъ Имперіи Австрійской, но и исторія жизни народной, въ силу забитости и искорененія всѣхъ тѣхъ началъ, въ которыхъ лежали залоги такой жизни. Первая не возстановилась еще и до настоящихъ дней, возникновеніе послѣдней принадлежитъ уже позднѣйшему времени и совершилось на особыхъ началахъ, сдѣлавшихся господствующими въ современной жизни всѣхъ Европейскихъ народовъ.

Въ заключеніе нашего изложенія несчастій Чешскаго народа въ XVII вѣкѣ, считаемъ не лишнимъ представить извлеченіе изъ сочиненія очевидца о положеніи Чехіи въ самомъ концѣ этого столѣтія, когда уже гроза преслѣдованій ослабѣла и когда слѣдствія ихъ достаточно прояснились, чтобы человѣку, проникнутому безпристрастнымъ умомъ, имѣть возможность безошибочно вскрывать и опредѣлять ихъ.

Полное заглавіе сочиненія этого, писаннаго на Латинскомъ языкѣ, таково: «Краткое, но обстоятельное, разсужденіе о счастливомъ прежде, теперь же бѣдственномъ, положеніи Королевства Чешскаго, особенно о правахъ Чешскаго или Славянскаго языка въ Чехіи, о вредныхъ умыслахъ къ его погибели и о другихъ подобныхъ обстоятельствахъ.» Сочинитель его, одинъ изъ достойнѣйшихъ людей народа Чешскаго, есть Езуитъ, Богуславъ Бальбинъ, родившійся въ 1621 году и умершій въ 1688. На всегда останется въ лѣтописяхъ исторіи удивительнымъ явленіемъ, что въ Орденѣ Езуитскомъ, въ этомъ главнѣйшемъ губителѣ народа Чешскаго, въ Орденѣ, который для того только и былъ призванъ въ Чехію, чтобы задушить просвѣщеніе и духъ народный, въ этомъ-то Орденѣ, въ ту самую пору, когда члены его хвалились тысячами сожженныхъ ими книгъ, явился такой человѣкъ, какъ Бальбинъ, пламеннѣйшій защитникъ народа Чешскаго, дѣйствительнѣйшій разработыватель Исторіи Чешской, истинный патріотъ въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Понятно, что своимъ направленіемъ не могъ онъ заслужить расположенія ни у Езуитовъ, ни у тогдашняго Правительства. Два раза былъ изгоняемъ онъ изъ Праги и заключаемъ на покаяніе въ одинъ изъ монастырей Силезскихъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы лишить его пособій для историческихъ занятій; главное же

его сочиненіе «Исторія земли Чешской», въ теченіе семи лѣтъ было задерживаемо церковною и правительственною цензурою, и, только благодаря вниманію Петра Ламбеція, Библіотекаря Императорскаго, явилось, наконецъ, оно въ свѣтъ, въ силу особаго указа Императора. Изъ письма, отправленнаго Бальбиномъ, по тому же поводу, къ Графу Кинскому, обнаруживается весьма ясно духъ того времени. Бальбинъ послалъ къ нему свою рукопись Исторіи, въ 1674 году, съ просьбою дать ее какому либо вѣрному человѣку переписать, чего онъ желаетъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, чтобы оставалась у него рукопись, если дозволятъ ее напечатать; во вторыхъ, чтобы сохранилась она для потомства, ежели цензура уничтожитъ ее. Тутъ же упоминаетъ онъ и о грозномъ предостереженіи отъ своего начальства не писать на будущее время ни чего подобнаго.

Родился Бальбинъ въ Краловеградцѣ, изъ Дворянскаго семейства. Семейство это разорено было въ конецъ, при тогдашнихъ невзгодахъ; отца лишился онъ еще въ дѣтствѣ, и мать могла воспитывать сына единственно пособіемъ отъ родственниковъ. Въ 1636 году вступилъ онъ въ орденъ Езуитскій.

Бальбинъ написалъ очень много сочиненій, преимущественно историческаго содержанія, и все по Латыни, и хотя былъ однимъ изъ ученнѣйшихъ членовъ своего Ордена, но не достигъ ни какого высокаго званія, что ясно свѣдѣтельствуетъ объ отношеніяхъ, въ какихъ стоялъ онъ къ своимъ сочленамъ въ Орденѣ. Тѣмъ болѣе, конечно, увеличивается нравственное значеніе Бальбина, который, подобно другимъ Езуитамъ, могъ бы пользоваться всѣми выгодами житейскими, если бы не остался вѣренъ подавленному своему народу. Составляя сочиненіе свое, полное заглавіе котораго отмѣтили мы выше, лишь для облегченія сердца своего, Бальбинъ и не воображалъ отдавать его въ печать. И дѣйствительно, больше чѣмъ черезъ 100 лѣтъ, уже въ 1775 году, напечатано оно было въ Прагѣ, историкомъ Пельцелемъ, что, впрочемъ, подвергло цензора строгой отвѣтственности, съ лишеніемъ должности. Сочиненіе, заключающее 121 страницу въ 8, раздѣлено на 18 параграфовъ. Извлекаемъ изъ него тѣ лишь

мѣста, которыя непосредственно относятся къ нашей цѣли, къ опредѣленію состоянія Чехіи подъ конецъ XVII вѣка.

Такъ, въ параграфѣ 2-мъ, между прочимъ, читаемъ: «Чехія стала вторымъ отечествомъ для Испанцевъ, Французовъ, Итальянцевъ, особенно же Нѣмцевъ, такъ что стоитъ имъ покинуть первое свое отечество, добровольно, или въ слѣдствіе преступленія, у насъ готовъ уже имъ радушный пріемъ и прочное убѣжище. Пускай хвалятся другія земли, что по нѣскольку дней угощаютъ они чужестранцевъ въ особыхъ домахъ: у насъ цѣлая Чехія, какъ одна богадѣльня, гдѣ не только нѣсколько дней, но и цѣлую жизнь, можно прожить хорошо, да еще и разбогатѣть. Не встрѣтится надобности доказывать своего дворянства, ни способностей, или какихъ либо свѣдѣній, ни другихъ заслугъ; не надобно подвергать непріятному испытанію и прошлую жизнь свою; приходи только и прилѣпись къ одному изъ сильныхъ, и скоро превзойдешь всѣхъ домашнихъ въ достоинствахъ.» Въ параграфѣ 6-мъ, объясняя общую причину несчастій, продолжаетъ: «Не одна наша невнимательность, небрежность произвела это, но и злая воля нѣкоторыхъ извѣстныхъ людей, такъ что бѣдные жители должны уже судиться по Нѣмецкимъ законамъ, съ которыхъ даже и переводы Чешскіе запрещено печатать. Такіе-то блистательные отцы отечества, вѣроятно, изъ мщенія за частныя обиды себѣ и своимъ предкамъ, а можетъ быть и изъ другихъ побужденій, совѣтуютъ Королямъ подавить Чешскую землю, высосать невыносимыми податями потъ и кровь изъ бѣднаго народа, а главное сгубить старый языкъ, на томъ основаніи, что, говорятъ они, пока живетъ послѣдній, Чехи никогда не будутъ терпѣть и любить Нѣмецкаго Короля, и вѣрность ихъ постоянно будетъ сомнительною. Я самъ слыхалъ, какъ говорили: «Если бы только возможно было, то всѣхъ старыхъ обывателей Чехіи вынесли бы мы вонъ и бросили бы въ ближайшее море;» тогда только настанетъ конецъ возстаніямъ.» Въ томъ же параграфѣ, по поводу оцѣнки правителей и чиновниковъ, говоритъ такъ: «А съ какою внимательностью, съ какою осторожностію слѣдятъ они за каждымъ шагомъ, даже за каждою мыслію тѣхъ, кого преслѣдуютъ, для чего употребляютъ тысячи глазъ и ушей; всѣ помыслы ихъ обращены на гибель, а не на благоденствіе, отече-

ства; доказательствъ этой величайшей ихъ низости (по тому что кто дѣйствуетъ противъ отечества, тотъ совершаетъ большее злодѣяніе, чѣмъ убійца родной матери) скопилось въ настоящее время такъ много, что кому не видны они, тотъ, значитъ, не способенъ ни чего видѣть. Законъ и Правительство они смѣшиваютъ, Короля ставятъ они выше закона, утверждая, что не Король существуетъ для народа, а народъ для Короля, и что Король можетъ дѣлать все, что только онъ захочетъ, какъ противъ Божественныхъ, такъ и противъ человѣческихъ, законовъ; каждая книга, могущая подать добрый совѣтъ Королю, возмущаетъ ихъ; всякой, кто посильнѣе, находится въ подозрѣніи, даже браки Дворянства кажутся имъ небезопасными, въ слѣдствіе чего казна вмѣшивается во всякое имущество; ни одно помѣстье не можетъ назваться вѣрнымъ; приглашаются чужеземцы, и друзья отечества выгоняются, или ограничиваются въ дѣятельности.» Какъ подозрительно смотрѣло на Чехію уже тогда Правительство Австрійское, видно изъ слѣдующихъ словъ Бальбина: «Заговоръ, заговоръ!» вотъ слова, постоянныя въ ихъ устахъ. Увидятъ ли гдѣ укрѣпленный замокъ, или какое ни будь твердое мѣсто, ужь думаютъ, что все это приготовляется къ возстанію; даже рощи, лѣса и долины, самыя вѣтви и листья на деревьяхъ кажутся имъ шепчущими: «Заговоръ, заговоръ!» и вотъ причина, по чему ниспровергаются старые замки, запрещается обновленіе и поправка городскихъ оградъ.»

Въ параграфѣ 7-мъ Бальбинъ распространяется особенно о тогдашнемъ Правителѣ Чешскомъ и, между прочимъ, говоритъ: «Ты сокрушилъ старый домъ, старое Королевство, а новаго не создалъ. Горе тебѣ! Не избѣгнешь ты наказанія ни отъ отечества, ни отъ Короля, по тому что ты уничтожилъ наслѣдство ихъ, которое, по свѣдѣтельству всѣхъ мудрыхъ политиковъ, остается во владѣніи подданныхъ. Ты подавилъ Дворянство, изъ городовъ сдѣлалъ ты села, изъ селъ деревни, изъ деревень разрушенныя хижины, въ которыхъ обитаютъ люди полунагіе, почти мертвые отъ голода, лишенные всѣхъ необходимыхъ предметовъ. Ни одинъ хозяинъ не дозволилъ бы поступать такъ съ своимъ имуществомъ, какъ обращаешься ты съ Королевствомъ, нѣкогда цвѣтущимъ, въ которомъ всѣ богатства и владѣнія отданы подъ

проценты, по тому что нельзя иначе назвать насильственно вынуждаемыя подати, которыя такъ пришлись по вкусу Вѣнскому Двору, что онъ то и дѣло кричитъ, въ ненасытимости своей: «Дай, дай!» тогда какъ первымъ правиломъ и главною цѣлью всего должно быть благосостояніе народа, его безопасность и спокойствіе.»

Въ параграфѣ 16-мъ, продолжая говорить о паденіи языка Чешскаго, Бальбинъ прибавляетъ слѣдующее: «По битвѣ Бѣлогорской, въ которой сокрушена сила не Католическихъ Дворянъ въ нашемъ отечествѣ (когда бы только и Католическіе Чехи не вынуждены были до настоящихъ дней переносить тѣ же несчастныя послѣдствія этой битвы, хотя и не оказали ни какой вины и оставались постоянно вѣрны Королю!), найбольшая часть земли нашей была раздѣлена между чужеземцами, по преимуществу военными, подобно животнымъ созданными только для корма; какъ слабый заяцъ между псами, растерзана она. «Выселяйтесь, старые обыватели!» кричали по всей Чехіи. Въ 18-мъ параграфѣ замѣчаемъ мы общую картину тогдашнихъ гнусныхъ дѣйствій: «Имѣй ты какое ни будь имя, будь ты Совѣтникомъ, или Коммисаромъ, Актуаріемъ, Писаремъ, Секретаремъ, ревизорнымъ или не ревизорнымъ посломъ, ежели ты помогалъ совѣтомъ, или дѣломъ, къ утѣсненію бѣдныхъ, высасыванію пота и крови изъ несчастныхъ поселянъ, несправедливому облегченію однихъ и притѣсненію другихъ, или ежели ты, изъ желанія сохранить расположенность, избѣжать негодованія Князей, изъ раболѣпства, изъ страха, изъ за денегъ, молчалъ въ ту пору, какъ обязанъ былъ говорить и вступаться за несчастныхъ своихъ соотечественниковъ, или если ты, наконецъ, вредилъ имъ продажнымъ своимъ языкомъ и перомъ, кто бы ты ни былъ, а кровь утѣсненныхъ падетъ на тебя и на твоихъ потомковъ!» Этѣмъ параграфомъ оканчивается и все сочиненіе Бальбина. Заключеніе его, впрочемъ, въ видѣ молитвы къ Св. Вячеславу, такъ замѣчательно, такъ полно чувства и любви къ подавленной родинѣ, что я нахожу не лишнимъ привести и его въ Русскомъ переводѣ: «Воздай, Боже, каждому по его заслугамъ отечеству! Вотъ мое желаніе. Если оно и сурово, то, безъ сомнѣнія, вполнѣ справедливо, а по тому и основательно. Ты же, Вячеславъ, Великій Князь на-

рода Чешскаго, будь намъ Вратиславомъ, и возврати намъ снова прежнюю Чешскую славу! Поставь опять насъ на то мѣсто, съ котораго и собственнымъ небреженіемъ, мстительностію, и раболѣпствомъ другихъ, упали мы безвинно! Ты защитникъ и подпора нашего народа. Ежели погибнемъ для тебя, то въ конецъ погибнемъ: отъ другихъ людей ты не дождешься уже того почитанія, съ какимъ столько вѣковъ служатъ тебѣ любящіе тебя Чехи. Смиренно повторяемъ: «Ne dej zahynouti nám i budoucím!» Ежели ты не хочешь выслушать испорченное потомство, то выслушай предковъ нашихъ, которые просятъ за потомство и обитаютъ съ Тобою въ небѣ. Св. Вячеславъ, мученикъ Христовъ, единственный наслѣдникъ Чешскій, помолись за насъ!»

И приведенныхъ мѣстъ изъ сочиненія Бальбина достаточно, чтобы понять вполнѣ то ужасное положеніе, въ какомъ находилось его отечество подъ конецъ XVII-го вѣка (и чтобы оправдать предложенный нами выше краткій его обзоръ). Изъ словъ того же Бальбина ясно видно, что не одни Вѣроисповѣдныя несогласія служили поводомъ для Габсбурговъ такъ безжалостно обращаться съ Чехіей; нельзя не замѣтить, что уже и въ XVII столѣтіи значительную долю утѣсненій слѣдуетъ отнести на счетъ народности Чешской, ставшей, на ряду съ Протестанствомъ, въ число предметовъ, преслѣдуемыхъ Правительствомъ. По крайней мѣрѣ, едва ли можно дать иное толкованіе тѣмъ выраженіямъ благороднѣйшаго Езуита-патріота, въ которыхъ высказываетъ онъ, съ одной стороны, необходимость, по понятіямъ многихъ его современниковъ, разумѣется, чужеземцевъ, истребленія Чешскаго языка, какъ условія, при которомъ не возможно ожидать и вѣрности народа къ законной Нѣмецкой власти, съ другой, — когда сожалѣетъ объ истребленіи родовъ Дворянскихъ въ Чехіи, не принадлежавшихъ къ Иновѣрческому ученію и исповѣдывавшихъ Католичество.

Мы согласны, хотя и не безусловно, допустить, что изувѣрный Фердинандъ, въ первомъ пылу своей раздражительности, забылъ обо всемъ, кромѣ мести не Католикамъ, за ихъ прежде свободное и преобладающее господство въ Чехіи; что, какъ «acerrimus fidei Catholicae defensor,» онъ, въ высокомъ понятіи о своемъ

всемогуществѣ, чувствовалъ себя жестоко оскорбленнымъ рѣзкимъ искательствомъ законныхъ правъ со стороны Гуситовъ и Протестантовъ въ странѣ, которую судьба бросила въ его руки, и возможно, что началъ онъ дѣйствовать истребительно изъ побужденій чисто Вѣроисповѣдныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ дѣйствія этѣ шли все впередъ и впередъ, съ каждымъ годомъ опустошая больше и больше народонаселеіе страны; когда все очевиднѣе становились плачевныя слѣдствія такого опустошенія въ обѣдненіи Королевства отъ недостатка воздѣлывателей богатѣйшей почвы, отъ крайняго истощенія уцѣлѣвшихъ жителей, мысль о населеніи, колонизаціи, являлась неизбѣжно сама собою, а съ ней вмѣстѣ пробуждалась и мысль о томъ, кого удобнѣе и выгоднѣе, по видамъ Правительства, вызвать на колонизацію. Вопросъ слишкомъ былъ не трудный, при преданности Чеховъ къ старымъ своимъ законамъ и правамъ, противнымъ Габсбургскому самодержавію, и при всеобщей распространенности между ними ненавистнаго Фердинанду и его потомкамъ Протестантства. Отвѣтъ самъ собою рѣшался въ пользу Нѣмцевъ, а въ этомъ отвѣтѣ, само собою, заключилось и рѣшеніе противъ преобладанія Чешской народности.

Всѣ этѣ соображенія могли осуществляться безъ задуманнаго плана въ XVII столѣтіи; могли входить въ жизнь одно за другимъ, по мѣрѣ выясненія требованій Правительства, пока, наконецъ, не обратились въ систему, которой неуклонно старалась слѣдовать Австрія до послѣднихъ дней, въ систему Нѣмецкой централизаціи.

Д. Членъ **П. Лавровскій.**

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

КНИГА ВТОРАЯ.

ОПИСАНІЕ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ВТОРУЮ ПОѢЗДКУ ВЪ МОСКВУ.

ГЛАВА I.

Содержитъ имена особъ, находившихся во второмъ Посольствѣ.

Освѣдомясь отъ Пословъ, что Великій Князь Московскій согласенъ на свободный проѣздъ Посольства черезъ его Государство въ Персію, Его Свѣтлость, Князь Голштинскій, вознамѣрился, не взирая ни на какія издержки, далѣе преслѣдовать свои высокія намѣренія, и приказалъ немедленно дѣлать всевозможныя приготовленія для снаряженія втораго Посольства къ Шаху Персидскому, и къ скорѣйшему его отправленію въ путь. Въ слѣдствіе сего тотчасъ же приступили къ заготовленію всякаго рода необходимыхъ снарядовъ и вещей и къ покупкѣ богатыхъ подарковъ для Персидскаго Шаха. Число составляющихъ Посольство было увеличено и снаряжено самымъ почетнымъ образомъ. Въ продолженіи сборовъ Его Свѣтлость, Князь Фридрихъ, послалъ меня съ нѣкоторыми порученіями въ Брабантъ къ Кардиналу Инфанту. На обратномъ пути оттуда я сдѣлался опасно болѣнъ, до такой степени, что въ Гамбургѣ Врачъ нашъ совершенно отчаявался за мою жизнь. Во все время болѣзни моей я находился въ Гамбургѣ въ домѣ Бругмана, гдѣ содержали меня прилично, и семейство Господина Бругмана оказывало мнѣ всевозможную заботливость и попеченія, за что приношу имъ мою чувствительную благодарность, и въ слѣдствіе чего позднѣе, во

время нашего путешествія, я съ терпѣніемъ переносилъ множество непріятностей отъ Г-на Бругмана. Прочіе сопровождавшіе меня также имѣли обѣдъ въ домѣ Посланника Бругмана, гдѣ всѣ содержались прекрасно, сообразно съ званіемъ и достоинствомъ каждаго, и гдѣ постоянно за столомъ играла музыка. Музыку за обѣдомъ имѣли мы всегда и послѣ, въ продолженіе всего нашего путешествія.

Особы, состоявшія при Посольствѣ по Княжескому придворному обыкновенію, имѣли различныя должности и титулы, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Германъ Фонъ Стаденъ (Staden), Рижскій уроженецъ изъ Ливоніи, занималъ должность Маршала.

Адамъ Олеарій, уроженецъ Ашерслебена, въ Саксоніи, Совѣтникъ и Секретарь Посольства.

Благородный Іоаннъ Альбрехъ Фонъ Мандельсло изъ Шёнберга въ Епископствѣ Рацебургскомъ, Шталмейстеръ.

Благородный Іоаннъ Христофоръ Фонъ Ухтерицъ, наслѣдный владѣлецъ Лиценскій при Лейпцигѣ, изъ Мишніи, Каммергеръ.

Гартманъ Граманъ (Hartmann Gramann), изъ города Ильмена въ Тюрингіи, Лейбъ-Медикъ Посольскій.

Генрихъ Шварцъ, изъ Грифсвальда въ Поморьѣ, Гофмейстеръ и Кухмейстеръ.

Гофъ-Юнкеры и Стольники:

Г. Іеронимъ Имгофъ (Imhoff), Патрицій Нюренбергскій.

Ѳома Мельвиль (Melvil), изъ Эбертина (Ebertin) въ Шотландіи.

Маг. Павелъ Флемингъ, изъ Гартенштейна въ Фойгтландѣ.

Гансъ Грюневальдъ (Grünewald), Гданскій Патрицій.

Г. Саломонъ Петри (Petri), изъ Пеника (Penick) въ Мишніи, Придворный Проповѣдникъ.

Гансъ Арпенбеке (Arpenbeke), изъ Дерпта въ Ливоніи, Главный Переводчикъ съ Русскаго языка.

Генрихъ Кребсъ (Krebs), изъ Гамбурга.

Леонъ Бернольди (Lyon Bernoldi), изъ Антверпена.

Каммеръ-Пажи:

Христіанъ Людвигъ Гюбенеръ (Hübener), изъ Берна (Brünn) въ Моравіи.

Георгъ Піусъ Пёмеръ (Pöhmer), Патрицій Нюренбергскій.

Гансъ Фойгтъ (Voigt), изъ Фрейберга въ Мишніи.

Берендъ (Бернардъ) Кохъ, изъ Ревеля въ Ливоніи.

Другіе Пажи:

Ѳома Глянцъ (Glantz), изъ Вольгаста въ Поморьѣ.

Илія Галле (Galle), изъ Герцберга въ Мишніи, Дискантистъ.

Гансъ Михель (Michel), изъ Малой Песны (Pessna) близъ Лейпцига.

Зигфридъ Дезебрухъ (Desebruch), изъ Газелова въ Голштиніи, Альтистъ.

Потомъ слѣдовали:

Исаакъ Мерсье (Mercier), изъ Женевы въ Софоіенѣ, Каммердинеръ.

Францискъ Мурреръ (Murrer), изъ Ней-Марка въ Верхнемъ Пфальцѣ, сперва Мундшенкъ, а потомъ Каммердинеръ Посла Бругмана.

Николай Гёшге (Göschge), изъ Драге въ Штапельгольмѣ, Квартирмейстеръ.

Адамъ Мёлеръ (Möller), изъ Любека, полевой трубачъ.

Каспаръ Герцбергъ (Hertzberg), изъ Перлеберга въ Маркѣ, полевой трубачъ.

Іоаннъ Гильдебрандтъ (Hildebrandt), изъ Гамбурга, музыкантъ.

Берендъ Остерманъ (Ostermann), изъ Гамбурга, музыкантъ.

Христіанъ Герпигъ (Herpig), изъ Гекштедта (Heckstädt) въ Графствѣ Мансфельдскомъ, музыкантъ (mit der Viol di Gamba).

Гансъ Вейнбергъ (Weinberg), изъ Гданска, Хирургъ.

Якобъ Шеве (Schewe), изъ Новаго Штетина въ Поморьѣ, поварской письмоводитель.

Симонъ Кречмеръ (Kretzschmer), изъ Лейпцига, надзиратель за серебряной посудой.

Дитрихъ Ниманъ (Nieman), изъ Бокстегуде (Boxtehude), тоже надзиратель серебряной посуды и портретистъ.

Михаилъ Пфаундлеръ (Pfaundler), изъ Инспрука, въ Тиролѣ, часовщикъ.

Гансъ Кёзель (Kösel), изъ Кемптена, въ Швабіи, тоже часовщикъ.

Тѣлохранители (Trabanten):

Христофоръ Гартманъ, изъ Штудгарда (Studgard), въ Виртембергѣ, столяръ.

Кнутъ (Канутъ) Карстенсонъ (Karstensohn), изъ Нештадта въ Даніи, конскій кузнецъ.

Симонъ Гейзелеръ (Heuseler), изъ Кирхайна на Экке, въ Виртембергѣ, сѣдельный мастеръ.

Рихардъ Шмиль (Schmil), изъ Любса въ Мекленбургѣ, хлѣбникъ.

Мартынъ Витенбергъ (Wittenberg), изъ Либавы въ Курляндіи, сапожникъ.

Ѳома Крегъ (Kraig), изъ Транента въ Шотландіи.

Іоакимъ Ике (Ike), изъ Новаго Бранденбурга въ Мекленбургѣ.

Гертъ (Герардъ) Вестербергъ (Westerberg), изъ города Утрехта, портной.

Слуги:

Стеенъ Енсонъ (Steen Jenson), изъ Маркерёра (Marckeröhr) въ Швеціи.

Іоаннъ Команъ (Kohmann), изъ города Гамбурга.

Гансъ Гофемейстеръ (Hofemeister), изъ Травемюнда (Travemünda), мясникъ.

Эцердъ (Etzerdt) Адольфъ Вельнеръ (Welner), изъ Эсенса (Esens), въ Остъ-Фризіи, портной.

Каспаръ Зеелеръ (Seeler), изъ Большого Глогова (Glogau), въ Силезіи, оружейный мастеръ.

Францъ Вильгельмъ (Wilhelm), изъ Пфальца, портной.

Вильгельмъ Анравъ (Anraw), изъ города Гельдерна (Geldern), въ Нидерландахъ, портной.

Яковъ Андерсенъ (Andersen), изъ Монтавы въ Пруссіи, сапожникъ.

Гансъ Герике (Gerike), изъ Мекленбурга.

Потомъ слѣдовали:

Іоаннъ Альгейеръ (Allgeyer), изъ Безикгейма (Besickheim), въ Виртембергѣ, главный поваръ, съ своею прислугой, а именно:

Яковомъ Гансеномъ (Hansen), изъ Тундерна (Tundern) въ Княжествѣ Шлезвигскомъ, помощникомъ повара.

Іостомъ Шафомъ (Jost Schaff), изъ Касселя Гессенскаго, тоже помощникомъ, и

Гансомъ Лукомъ (Luck), изъ Киля въ Голштиніи, поваренкомъ.

За ними:

Троксъ Фонъ Эсенъ (Trox von Essen), изъ Гамбурга, Вагенмейстеръ.

Михель Блуме (Blume), изъ Витенберга въ Саксоніи, товарищъ Хирурга.

Слуги чиновъ, состоявшихъ при Посольствѣ (Гофъ-Юнкеровъ):

Петеръ Вольдерсъ (Wolders), изъ Риги, и Гансъ Карлъ Бёмеръ (Böhmer), изъ Пирны въ Мишніи, слуги Маршала.

Матѳій Гебнеръ (Hebner), изъ Прибора (Bribor) въ Моравіи, и Мартенъ Ларсонъ (Larson), изъ Вестераса (Westeras), въ Швеціи, слуги и музыканты Секретаря.

Іоакимъ Бингеръ (Binger), изъ Бриля (Briell), въ Мекленбургѣ, и Гансъ Линавъ (Linaw), изъ Мекленбурга, слуги Шталмейстера.

Альбрехтъ Цудоцкій (Zudotski), изъ Олиты въ Литвѣ, слуга Камергеровъ.

Христофоръ Бухнеръ (Buchner), изъ Крейсена (Kreissen), въ Тюрингіи, слуга Врача.

Михель Поль (Poll), изъ Витштока (Wittstock), въ Маркѣ, слуга Гофмейстера.

Никласъ Фойгтъ, изъ Нейбруннена (Neubrunnen) въ Кобургѣ, слуга Іеронима Имгофа (H. im Hoffs).

Петеръ Девицъ (Devitz), изъ Эбертина въ Шотландіи, слуга Ѳомы Мельвиля.

Аксель Кегъ (Kaeg), изъ города Або въ Финляндіи, слуга Походнаго Проповѣдника.

За этѣми слѣдовали:

Георгъ Вильгельмъ Фонъ Финкенбринкъ (Finkenbrinck), изъ Митавы въ Курляндіи, переводчикъ съ Русскаго языка.

Мартынъ Альбрехтъ, родомъ Узбецкій Татаринъ, переводчикъ съ Турецкаго языка, котораго продали Русскимъ.

Георгій Ивановъ сынъ (Ivanofsin) и Маркъ Филировъ сынъ (Marcus Filirofsin), оба Армяне и переводчики съ Персидскаго языка.

Потомъ еще:

Христофоръ Кольбъ (Kolb), изъ Стразбурга, и Гердтъ (Герардъ) Кросе (Krosse), изъ города Граве въ Нидерландахъ, слуги Надзирателя за серебряною посудой.

Ивенъ Бартельсенъ (Iwen Bartelsen), изъ Шлезвига, слуга трубачей.

Іостъ Адріанъ (Jost Adrian), изъ Ревеля, слуга музыкантовъ.

Христофоръ Пудтъ (Pudt), изъ Гамбурга, слуга погребщика.

Войтешокъ (Woitschok) Красовскій (Krassowski), изъ Салокова (Sallokowa) въ Польшѣ, слуга Мундшенка.

Гансъ Пуденбергъ (Pudenberg), изъ Вольгаста въ Поморьѣ, конюхъ.

Іоаннъ Янсонъ (Janson), Голландецъ, псарь.

Капитанъ корабля и боцманы, которые также ѣздили въ Персію:

Михель Кордесъ (Cordes), изъ города Любека, корабельщикъ (Schiffer).

Корнелій Клаусъ (Claus) (Николаусъ) Клютингъ (Clüting), изъ Вардена въ Голландіи, тоже корабельщикъ.

Юргенъ Стефенсъ (Jurgen Steffens), изъ Любека, главный боцманъ.

Генрихъ Гартсъ (Harts), изъ Стаде, главный помощникъ боцмана (Schinmann).

Альбрехтъ Штюкъ (Stück), изъ Гамбурга, Полицейскій (Constabel).

Петеръ Витенкампъ (Wittenkamp), изъ Гамбурга, боцманъ

Матіесъ Мансонъ (Matthies Manson), боцманъ и парусный мастеръ, Шведъ.

Петеръ Веле (Wede), Клаусъ Клаусенъ (Klaus Claussen), Вильгельмъ Румпъ (Rump) } матросы изъ Любека.

Корнелій Іостенъ (Josten), изъ Шмалянда въ Швеціи, корабельный плотникъ.

Михель Глёкъ (Glöck), изъ Любека, корабельный юнга.

Всѣ этѣ лица частію взяты изъ Германіи, частію приняты на дорогѣ, во время пути. Къ нимъ мы прибавили еще въ Москвѣ 30 человѣкъ солдатъ и Офицеровъ Великаго Князя, съ 4 слугами, такъ что съ Гг. Послами всѣхъ насъ было 126 человѣкъ отправлявшихся въ Персію.

ГЛАВА II.

Часть многотруднаго и опаснаго мореплаванія.

По изготовленіи всего, что было нужно для путешествія, Гг. Послы съ находившимися при нихъ выѣхали изъ Гамбурга, 22-го Октября, 1635 года, и 24-го числа прибыли въ Любекъ, гдѣ прожили 2 дня, пока всѣ вещи, поклажу нашу, и при нихъ 12 лошадей, не перевезли на корабль въ Травемюндѣ. 27-го числа послѣдовали туда и Послы, и въ полдень большая часть Посольскихъ были уже на кораблѣ. Корабль нашъ былъ совершенно новый, ни разу не бывшій еще въ морѣ.

Только что отчалили мы отъ берега и хотѣли выйти изъ пристани, какъ встрѣтили сильный и необыкновенный токъ воды отъ моря въ рѣку Траву, не смотря на то, что вѣтеръ дулъ отъ берега къ морю, чему моряки наши не мало удивлялись; это теченіе было такъ быстро и сильно, что корабль нашъ стремительно понесся на два другіе, стоявшіе въ пристани большіе корабля, повредилъ ихъ, перепутался съ ними снастями, и мы употребили слишкомъ 3 часа усиленной работы, прежде чѣмъ могли отцѣпиться отъ нихъ, выѣхать изъ пристани и перебраться въ рейдъ.

Нѣкоторые изъ насъ объясняли случай этотъ дурнымъ предзнаменованіемъ предстоявшаго плаванія, печальный конецъ кото-

раго, къ сожалѣнію, достаточно подтвердилъ въ послѣдствіи такое объясненіе. Одинъ изъ насъ послалъ съ корабля назадъ въ Лейпцигъ стихотвореніе: «Valet,» къ другу своему. *

На слѣдующій день, 28-го Октября, рано утромъ, въ 5 часовъ, отправивши службу, мы пустились, съ Божіею помощію, на парусахъ, при западно-юго-западномъ вѣтрѣ, который къ полудню значительно усилился, и наконецъ перешелъ въ настоящую бурю, продолжавшуюся всю ночь; тутъ мы скоро увидали, что большая часть нашихъ моряковъ также юны были въ искуствѣ мореплаванія, какъ и нашъ корабль, который впервые плылъ съ нами въ морѣ, и надо почесть особеннымъ чудомъ, что мачта его, опасно качавшаяся отъ растянувшихся новыхъ канатовъ, въ первый же день плаванія не упала за край корабля.

29-го числа ночью мы весьма близко подошли къ берегамъ Даніи, которые кормчій принялъ было сперва за островъ Борнгольмъ, и такъ какъ плаваніе наше прямо направлено было на берегъ Сконскій (Schonischen), то мы скоро, съ опасностію жизни и корабля, сѣли бы на него (ибо были уже на глубинѣ 4 саженъ), если бъ, съ наступленіемъ дня, не открылась передъ нами земля и мы въ мгновеніе не перемѣнили направленія. Въ 9 часовъ мы имѣли у себя островъ Борнгольмъ съ правой стороны.

Такъ какъ въ началѣ этого дня вѣтеръ дулъ весьма умѣренный, то мы распустили всѣ паруса. Въ вечеру, часовъ около 10, не думая вовсе объ опасности, мы располагались отдохнуть послѣ трудовъ и безпокойства прошедшей бурной ночи, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію Посланника Бругмана, сдѣланному имъ нашему кормчему на счетъ правильности нашего направленія, послѣдній увѣрялъ, что мы плывемъ въ совершенно открытомъ мѣстѣ, какъ вдругъ, плывъ такимъ образомъ на всѣхъ парусахъ, мы налегѣли на подводную скалу и остались на ней. Страшный шумъ и трескъ корабля навелъ на насъ такой ужасъ и отчаяніе, что всѣ мы думали, что тутъ же и покончимъ наше мореплава-

---

* Стихотворенія этого мы здѣсь не приводимъ. Перев.

ніе, вмѣстѣ съ жизнію нашей. Сначала мы не знали, гдѣ мы и въ какой сторонѣ. Это было именно во время новолунія и темнота ночи покрывала все. что было за кораблемъ. Мы вывѣсили фонарь и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, на удачу, можетъ быть, гдѣ ни будь по сосѣдству есть земля и люди, которые могли бы помочь намъ, но не получили ни какого отвѣта, который бы подалъ намъ малѣйшую надежду. Между тѣмъ корабль началъ ложиться на бокъ, и всѣ малые и большіе впали въ страшное отчаяніе, подняли плачъ, крикъ и стенанія, и въ смертельной тоскѣ попадали на колѣни и ницъ и громко молили Бога о ниспосланіи помощи и спасенія. Самъ Капитанъ корабля плакалъ, какъ ребенокъ, стоялъ въ совершенной безнадежности и не зналъ, что начать. Я и мой другъ Гартманъ Граманъ условились, въ случаѣ крушенія корабля, обнять другъ друга, какъ добрые давнишніе пріятели, и такимъ образомъ погибнуть вмѣстѣ; по этому мы сидѣли другъ подлѣ друга и ожидали послѣдней минуты. Другіе прощались другъ съ другомъ, а большая часть экипажа давала обѣты удѣлить часть своего имущества бѣднымъ (что въ послѣдствіи исполнили, собравши приданое и выдавши замужъ одну бѣдную, но честную, дѣвушку въ Ревелѣ). Сынъ Посланника Крузе, мальчикъ лѣтъ 9, былъ жалче всѣхъ, и представлялъ трогательную картину, когда, съ слезами отчаянія, упалъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и громко взывалъ, безпрестанно повторяя свою краткую молитву: «Ахъ! Сынъ Давыда! Сжалься, умилосердись надо мною!» Священникъ нашъ прибавлялъ къ этой молитвѣ: «Господи! Если наши мольбы не достойны Твоего слуха, то услышь, по крайней мѣрѣ, это невинное дитя!» И Богъ былъ милостивъ къ намъ, по тому что корабль остался цѣлъ, и мы спаслись на немъ, не смотря на то, что огромныя волны все болѣе и болѣе продвигали его на скалу, безпрестанно поднимали вверхъ и снова низвергали на скалы, ударяя его объ эти послѣднія. При чемъ, когда проносился порывъ сильнаго вѣтра и волны, одна за другою, налетали на насъ, всякій разъ начинались снова вопли отчаянія и мы думали, что послѣднее мгновеніе настало.

Въ часъ ночи мы увидали огонь не вдалекѣ отъ насъ, и это заставило насъ полагать, что земля была близко. Послы тот-

часъ же приказали отвязать ботъ, на которомъ оба съ однимъ слугою хотѣли поплыть къ огню и, въ случаѣ, если бы имъ удалось спастись первымъ и достигнуть земли, они употребили бы всѣ средства спасти и насъ. Но только что перенесли шкатулки съ вѣрительными грамотами и драгоцѣнностями на ботъ, и 2 человѣка изъ нашей прислуги, желавшіе болѣе другихъ спасти свою жизнь, вскочили на него, какъ нахлынула волна, наполнила ботъ, который началъ тонуть, оторвался отъ корабля и наконецъ пошелъ ко дну, такъ что сказанные 2 человѣка, разумѣется, совершенно мокрые, съ опасностію жизни, едва успѣли при этомъ взойти снова на корабль. И такъ, мы опять всѣ вмѣстѣ должны были провести остатокъ ночи въ такой опасности со страхомъ и надеждою.

Къ утру, когда небо прояснилось, наши опасенія и страхъ начали проходить, вмѣстѣ съ мрачною ночью; мы увидали, что сидѣли подлѣ острова Ёланда (Oeland), и не вдалекѣ отъ насъ лежали остатки одного Датскаго корабля, разбившагося сдѣсь мѣсяцъ тому назадъ (мы нашли потомъ на островѣ мальчика, который одинъ только спасся отъ этого кораблекрушенія, и котораго мы взяли съ собою въ Кальмаръ).

Солнце взошло, вѣтеръ немного стихъ и волны стали меньше; тогда на маленькой лодкѣ къ кораблю нашему приплыли 2 Ёландскіе рыбака, которые, по уговору съ Послами, за большія деньги сперва перевезли на берегъ ихъ, а потомъ и нѣкоторыхъ изъ насъ. Въ полдень мы нашли Посольскія шкатулки, которыя потонули было вмѣстѣ съ ботомъ и которыя море выбросило на берегъ. Черезъ нѣсколько времени пришли къ намъ нѣсколько Ёландскихъ крестьянъ, на помощь, высвободить корабль и стащить его со скалы. Капитанъ корабля приказалъ для этого отвезти 2 якоря и сбросить ихъ саженяхъ въ сорока отъ корабля, и когда нѣсколько крестьянъ, съ матросами, всѣхъ 10 человѣкъ, поплыли на корабельномъ ботѣ и хотѣли сбросить большой якорь, ботикъ опрокинулся (можетъ быть, крестьяне этѣ были немного пьяны, отъ вина, которымъ мы порядочно угостили ихъ), и всѣ находившіеся въ немъ попадали въ море: спасаясь, одни изъ нихъ ухватились за опрокинутый ботъ, другіе

за весла и держались за нихъ до тѣхъ поръ, пока кормчій нашъ не бросился въ рыбачью лодку, случившуюся у берега, и не поспѣшилъ къ нимъ на помощь; въ два раза онъ забралъ всѣхъ на берегъ, кромѣ одного, именно корабельнаго плотника, который, не поймавши ни чего, на чемъ бы могъ держаться и плавать, пошелъ ко дну и утонулъ на глазахъ нашихъ. Одинъ рослый и сильный крестьянинъ, остававшійся у насъ на кораблѣ, и не ѣздившій на ботѣ для выгрузки якорей, тоже бросился на помощь на своей рыбачьей лодкѣ, и, схвативши одного боцмана, тоже безо всего плывшаго въ морѣ, самъ упалъ въ воду; боцманъ въ то же время успѣлъ взобраться на ботъ и привезъ къ кораблю и этого крестьянина, который ухватился за край бота.

Пока возились съ кораблемъ, съ намѣреніемъ снять его со скалы, вода въ морѣ высоко поднялась, и вѣтеръ, дувшій до тѣхъ поръ съ юго-запада, вдругъ подулъ съ сѣверо-запада, разомъ сдвинулъ съ мѣста корабль и поставилъ его въ открытое море. Какъ только корабль вышелъ на глубину, начался опять югозападный вѣтеръ, съ которымъ мы и поплыли по Кальмарскому проливу, хотя тоже не безъ опасностей, по причинѣ неровнаго и нечистаго грунта около Кальмарскихъ укрѣпленій. Корабль остановился передъ Кальмаромъ, гдѣ и дожидался Пословъ, которые 1-го Ноября, съ частью людей, вышли на берегъ, прошли до Кальмара сухимъ путемъ, и возвратились на корабль у одного стараго, разрушеннаго укрѣпленія, называемаго Ферштадтъ (Fehrstadt).

Островъ Ёландъ имѣетъ 18 миль въ длину и одну въ ширину. Внизу его, тамъ, гдѣ мы стояли, почва по преимуществу каменистая и скалистая, и по тому мало кустарниковъ и полей; выше же почва гораздо лучше, обильна елями и кустарникомъ, съ добрыми пастбищами и множествомъ мелкой дичи. Ёландъ изобилуетъ множествомъ красныхъ и бѣлыхъ плитъ и камней, употребляемыхъ на мостовыя и для разныхъ зданій; камни этѣ ломаютъ сдѣсь и перевозятъ въ разныя мѣста. На возвышенномъ мѣстѣ, по ту сторону Кальмарскаго пролива, на Ёландѣ стоитъ крѣпкій замокъ, Борхгольмъ, имѣвшій нѣкогда 32 церкви, изъ которыхъ многія представляютъ теперь однѣ развалины;

впрочемъ, плывя вдоль берега, и теперь еще можно видѣть 28 колоколенъ. Островъ принадлежитъ Шведскому Королевству.

Кальмаръ, приморскій, главный городъ въ Смаландѣ, въ 40 миляхъ отъ Копенгагена, и хотя не великъ и состоитъ изъ плохихъ деревянныхъ домовъ, но имѣетъ Королевскій Дворецъ, крѣпость, довольно изрядно защищенную валами, и въ прежнее время удостоивался торжественныхъ посѣщеній Шведскихъ Королей.

Изъ Кальмара посланы были Іоаннъ Фойгтъ и Стеенъ Іенсенъ (Steen Jensen), черезъ Данію, назадъ въ Готторфъ, за новыми вѣрительными грамотами, по тому что прежнія, побывши въ морѣ, измокли и совершенно испортились.

За тѣмъ толковали о томъ, продолжать ли путешествіе наше моремъ, или черезъ Швецію сухимъ путемъ, и наконецъ, по многимъ причинамъ, было рѣшено пріискать опытнаго кормчаго и пуститься далѣе моремъ. Но, не нашедши въ Кальмарѣ ни одного такого, мы удовольствовались тѣмъ, что наняли 2 лоцмановъ, которые бы провели насъ съ полмили, по мелкому мѣсту, до открытаго моря.

3-го числа, съ Божіею помощію, мы распустили паруса и отправились въ путь, миновали въ лѣвѣ, среди воды, большую, круглую скалу, называемую Шведская Дѣва, и находящуюся въ 8 миляхъ отъ Кальмарскаго пролива. Въ полдень, мы имѣли съ правой руки у себя замокъ Борхгольмъ, на островѣ Ёландѣ, а къ вечеру достигли конца этого острова, и плыли сдѣсь эту ночь въ такую сильную бурю, поднявшуюся съ сѣверо-востока, что передняя часть корабля больше находилась подъ водою, чѣмъ внѣ воды, и волны били въ самые паруса. Въ такую-то бурю насосы корабельные оказались нечисты, и надо было приложить много труда и времени, чтобы сдѣлать ихъ годными, а до того воду съ корабля вычерпывали чашами и другими сосудами, при чемъ, по невозможности держаться на кораблѣ прямо на ногахъ, и эта работа была чрезвычайно тягостна. Буря эта продолжалась до полудня слѣдующаго дня, и мы были въ такой опасности, что если бъ вѣтеръ не перемѣнился, мы на-

вѣрное потерпѣли бы кораблекрушеніе; но въ это время начался болѣе благопріятный вѣтеръ (давшій намъ возможность отойти отъ береговъ Ёланда), и мы могли продолжать наше плаваніе, а къ вечеру увидали уже большой островъ Готландъ (Gottland).

ГЛАВА III.

Объ островѣ Готландѣ.

Пока мы у Готланда, я хочу подробнѣе поговорить о немъ, по тому что, сколько мнѣ извѣстно, Нѣмцы писали о немъ очень мало, не смотря на то, что, по своимъ древнимъ обитателямъ, этотъ островъ весьма замѣчателенъ. Онъ былъ отечествомъ части древнихъ Готовъ, которые нѣкогда дѣлали отсюда безпрестанные набѣги, бывали почти во всемъ извѣстномъ тогда свѣтѣ, проходили и занимали съ своими воинственными дружинами множество областей и странъ, какъ объ этомъ, между прочими, пишутъ и Іоаннъ Тритемій (Trithemius), Іоаннъ Магнусъ, Олай Магнусъ, Рубей Лазій (Rubeus Lazius), и многіе писатели Hispanicarum rerum, которыхъ всѣхъ собралъ Андрей Скотъ (Schotus). Этого послѣдняго укоряетъ Бонфинъ de reb. Ungaricis dec. I, l. 2, что онъ, будучи самъ Готомъ, приписываетъ Готамъ слишкомъ много лестнаго и похвальнаго.

Вмѣстѣ съ большею частію другихъ писателей я полагаю, что древніе Готы имѣли первое свое мѣстопребываніе на сѣверѣ, именно въ Сконенъ (Schonen), Гутландѣ и Готландѣ (Guht и Gohtlandt), и на островѣ Готландѣ, не смотря на то, что Павелъ Пясецкій отвергаетъ такое положеніе, въ своей Chronica gestorum in Europa singularium, pag. 48, и говоритъ, что Готы и Геты (Gohten и Geten), обитавшіе у Понта Эвксинскаго, всегда были одинъ и тотъ же народъ и имѣли тамъ и свое начало; мнѣніе это онъ старается доказать древними писателями, Эліемъ Спартаніемъ, Іеронимомъ, Орозіемъ, Прокопіемъ и Іорнандомъ.

Извѣстно изъ книги VII Страбона и изъ Овидія, что Геты (Gehten) обитали у Понта Эвксинскаго, что къ нимъ въ послѣдствіи

пришли съ войскомъ Готы (какъ сказано будетъ ниже), и частію поселились тамъ, и такимъ образомъ, какъ объясняетъ Павелъ Орозій lib. 1, cap. 2, самая область получила отъ нихъ свое имя. «Constituerunt novi populi novam regionem,» говоритъ Beatus Rhenanus in praef. за Прокопіемъ. Часть Гетовъ присоединилась къ Готамъ, и помогала имъ занимать и опустошать страны. Къ этому же Ренанъ, въ сказанномъ мѣстѣ, присоединяетъ: «Если ученые смѣшали Готовъ съ Гетами, то это случилось «propter allusionem nominis;» ибо названія ихъ почти однозвучны, и самые народы одинаковаго свойства: точно также Императора Максимиліана называли Максиміяномъ, Максимомъ Эмиліяномъ и проч.

Овидій не совсѣмъ лестно отзывается о Гетахъ, говоря въ lib. 2 de Ponto, El. 7:

«Nulla Getis toto gens est truculentior orbe.»

То есть: въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ народа хуже и легкомысленнѣе Гетовъ. Готы получили у народовъ и разныхъ націй, которые они покоряли, не лучшій титулъ, и по тому слыли у нихъ подъ тѣмъ же именемъ. Отсюда понятна шутка Гельвія Пертинакса, которую онъ сказалъ Императору Антонину (Caracalla), и которую находимъ мы у Спартіяна (Spartiani). Когда этотъ Императоръ, одержавши побѣду надъ Нѣмцами (Teustchen), Пареянами, Арабами и Алеманами, приказалъ составить для себя большой титулъ, Пертинаксъ сказалъ: «Adde, si placet, etiam Geticus Maximus,» по тому, что во 1-хъ, онъ убилъ брата своего Гета, и во 2-хъ, Готовъ называлъ Гетами. Таково было также мнѣніе Іеронима, какъ приводитъ это упомянутый Ренанъ; онъ говоритъ о Genesi in quaestionib. Hebraicis, что одинъ писатель предполагаетъ, что нынѣшніе Готы, рыскающіе по всей странѣ, были Гогъ и Магогъ; исходъ войны доказываетъ это; но другіе ученые стояли на томъ, что ихъ скорѣе можно назвать Гетами, чѣмъ Гогъ и Магогъ. Разумѣется, этѣмъ замѣчаніемъ онъ не даетъ ни какого вѣрнаго заключенія. Тоже самое дѣлаетъ и Прокопій l. I, Gothici belli: «Geticum quippe Gothorum hi nationem esse affirmant.» Также въ началѣ сочиненія о войнѣ съ Вандалами: «Sunt et qui Geticas nationes hos Gothos vocant.» И такъ ихъ называютъ только такимъ обра-

зомъ. Что касается до Іорнанда, то онъ совершенно противъ мнѣнія Пясецкаго, а скорѣе нашего; въ 3-й и 4-й главѣ говорится de Getarum et Gothorum origine. Сдѣсь, вмѣстѣ съ Птоломеемъ, онъ замѣчаетъ: «Scanzia (т. е., Сконенъ (Schonen) и все, что къ ней относится) est in oceani arctoo salo posita insula magna. Ex hac Scanzia insula, quasi officina gentium aut certe velut vagina nationum, Gothi quondam memorantur egressi, qui ut primum e navibus exeuntes, terras attigere, ilico loco nomen dederunt.» Съ этѣмъ согласны и многіе другіе; такъ, на пр.: Trithemius l. 1 annal. in principio, p. 2: «Anno ante Christum natum 440 contra Antenorem Regem gens ferocissima et sine numero numerosa de Insulis Scanzianis, quae nunc Gothicae nuncupantur, egressa;» а передъ этѣмъ прямо говоритъ, что то были «Scanziani Cothi Suecique sive Suedi,» которые разбили, или убили Антенора у устьевъ Дуная. Prosper Aquitanius пишетъ въ Annalib: «quod post Christum natum anno 382 Longobardi ab extremis Germaniae finibus Oceanique litore Scandiaque insula magna egressi, novarum sedium avidi.» Согласно съ симъ говоритъ и Іоаннъ Mariana l. 5, c. 1, de reb. Hispanicis. При этомъ они впадаютъ въ ошибку, вмѣстѣ съ Птоломеемъ (по тому что сами не бывали въ Сѣверныхъ странахъ, которыя не были еще такъ извѣстны тогда, какъ въ настоящее время), называя островомъ материкъ, или великій полуостровъ, какъ справедливо замѣчаетъ Maginus о Птоломеѣ.

Что Scanzia дѣйствительно есть та самая страна, которая находится въ Даніи и Швеціи, это не подлежитъ ни какому сомнѣнію; Ambros. Calep. говоритъ, на основаніи Plinii lib. 4, cap. 13: «Scandinavia vel Scandia insula est Oceani septentrionalis incompertae magnitudinis, quidam alterum terrarum orbem appellavere. Nonnulli etiam officinam gentium, eo quod incredibilem mortalium vim identidem effuderit, qui, ad quaerendas novas sedes orbem peragrantes, cuncta cladibus et vastitate impleverunt. Hoc die satis constat insulam non esse, sed ad ortum supra Livoniam continenti adhaerere. Tenent eam Suedi, Norvegi, Gothi innumeraeque aliae barbarae gentes.» Подобныхъ свѣдѣтельствъ о томъ, что Готы имѣли первое свое обиталище въ Сѣверныхъ странахъ, и преимущественно въ Сконіи (Gothland, Gutland) и на островѣ Готландѣ, я могу привести еще много. Объ этомъ смотри также Аль-

берта Кранца, Понтана и особенно Іоанна Магнуса c. 7, praefat. Gothorum histor. Lazius de migrat. gent. l. 10. пишетъ: «Gothi, quorum primae sedes in insulis maris Balthici fuere in Scandia sive Schonlandia. Equidem extant in hanc usque diem insulae supra Prussiam et Livoniam, quarum una Gothlandia, a Gothis nimirum, altera Schonlandia et Finlandia,» что значитъ: Готы имѣли свое первое обиталище на островахъ Балтійскаго моря (или въ Остъ-Зее), и въ настоящее время острова этѣ лежатъ выше Пруссіи и Ливоніи, изъ которыхъ одинъ называется Готландъ, по Готамъ, а также страны Сконія и Финляндія.

По этому совершенно неосновательно удивляется Пясецкій, какимъ образомъ Шведы могли попасть черезъ Балтійское море въ р. Вислу; ибо Висла хотя и вытекаетъ изъ Сарматскихъ горъ но протекаетъ черезъ всю Польшу и близъ Гданска вливается въ это море; Гданскъ же находится не далѣе 30 миль отъ Готланда. Вѣроятно, онъ не имѣлъ случая ознакомиться ближе съ Балтійскимъ моремъ. Онъ спрашиваетъ: когда же это случилось, и кто свѣдѣтельствуетъ объ этомъ? На это отвѣчаетъ Лазій и ссылается на свѣдѣтельство Іорнанда, который говоритъ, что именно Готы были на Вистулѣ или Вислѣ, и поселились тамъ въ то время, когда Сулла правилъ въ Римѣ. Пясецкій возражаетъ далѣе, что если бъ Готы вышли изъ этѣхъ мѣстъ и странъ, то тамъ непремѣнно остались бы отъ нихъ какіе ни будь древніе слѣды, или письмена, которыхъ, однако же, нѣтъ. Но было бы забавно доказывать то, въ чемъ легко убѣдиться разными памятниками, которые можно и теперь еще видѣть собственными глазами; ибо въ Швеціи и Даніи повсюду встрѣчаются на скалахъ древнія руническія или Готскія надписи, о чемъ достаточныя свѣдѣнія предлагаютъ намъ Іоаннъ Понтанъ in Chronographia Regni Daniae, Берцій l. 3. Comment. German., Андрей Бурей in Orbis arctoi descriptione, и Олай Вурмъ въ De Literatura Runica. Сообразуясь со всѣмъ выше сказаннымъ, я держусь Олая Вурма и говорю, что происхожденія Готовъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ искать не слѣдуетъ, какъ только въ странахъ, подвластныхъ теперь Датскому и Шведскому Королю. Яснѣе и обстоятельнѣе пишетъ объ этомъ Гансъ Нильсонъ Стреловъ (Strelow), уроженецъ Готландскій, Суперъ-Интендентъ этого острова, въ Датской Хроникѣ объ островѣ Готландѣ.

Именно, что одинъ начальникъ Кимвровъ (Cymbern), по имени Тильваръ (Tielwar), послѣтого, какъ отецъ его открылъ этотъ островъ въ 1684 году до Р. Х., въ слѣдствіе размноженія народонаселенія и дурнаго продовольствія въ странѣ Кимвровъ, выѣхалъ изъ этой страны, и занялъ островъ, и, какъ язычники, пришельцы принесли лунѣ жертву. Когда же на Готландѣ народонаселеніе тоже умножилось, то жители его присоединились къ обитателямъ острововъ Эзеля и Дагерота (Dageroth), составили изъ себя въ 15,000 человѣкъ вооруженное войско, и въ 1388 году до Р. Х. поплыли отсюда на 300 корабляхъ по направленію къ Ливоніи и пристали въ Эстоніи или Эстляндіи. Для того же, чтобы ни кто не могъ бѣжать отъ непріятеля, они сожгли сами свои корабли. За тѣмъ они прошли по Россіи до Дона или Танаиса, составляющаго границу съ Азіею и впадающаго въ Понтъ, смѣшались тамъ съ Гетами, и потомъ, размножившись, раздѣлились на многія племена. Въ 384 году (Просперъ полагаетъ въ 382), когда въ Даніи царствовалъ Король Сникъ (Snic), было еще новое выселеніе оттуда. Въ это время на материкѣ Готланда (но не на островѣ) была страшная дороговизна, такъ что страна не могла болѣе прокармливать своихъ юныхъ витязей и храбрыхъ воиновъ, и по тому было рѣшено, чтобы половинная часть ихъ, вмѣсто того, чтобы гибнуть, какъ это было сначала, выѣхали въ другія страны и снискали себѣ пропитаніе. Въ слѣдствіе сего этѣ воины, съ двумя своими начальниками, Эббе (Ebbe) и Ааге (Aage), на нѣсколькихъ корабляхъ отправились къ острову Готланду посовѣтоваться съ знаменитыми и воинственными богатырями. Когда Готландцы увидали большой флотъ, и не знали, что онъ значилъ, тотчасъ вооружились и не позволяли пріѣзжимъ высадиться, пока они не пришлютъ заложниками своихъ двухъ начальниковъ. Въ послѣдствіи они соединились съ прибывшими, снарядили отъ себя съ острова 10 кораблей, по 100 человѣкъ въ каждомъ, отправились въ Рюгенъ, и взяли его. Потомъ пошли далѣе, основали Лонгобардское Царство и имѣли своихъ собственныхъ Королей, до Императора Карла Великаго. Все это, и еще многое другое, говорится въ Датской Хроникѣ.

Что касается до самаго острова Готланда, то настоящее его состояніе я частію видѣлъ самъ, частію же собиралъ о немъ свѣ-

дѣнія отъ тамошнихъ жителей; ибо за нѣсколько передъ этѣмъ лѣтъ, ѣздивши въ Ливонію, по причинѣ неблагопріятнаго вѣтра туда и обратно, я два раза долженъ былъ приставать къ острову Готланду и проживать тамъ по нѣскольку дней.

Островъ Готландъ лежитъ противъ твердой земли Готландъ, подъ 58 градусомъ широты; въ длину простирается на 18, а въ ширину на 3, или 4, Нѣмецкихъ мили; почва на немъ скалистая, поросшая большею частію елью и можжевельникомъ; въ немъ находится нѣсколько пристаней, изъ которыхъ важнѣйшія и удобнѣйшія на восточномъ берегу, а именно: Остергааръ (Ostergaar), Слидгафъ (Sliedhaff), Зандвигъ (Sandwig), Нарвигъ (Narwig) и Гейлигголмъ (Heiligholm).

Остергааръ (Ostergaar) есть небольшой отдѣльный островъ, безлѣсный, лежащій почти противъ самой середины Готланда и образующій весьма удобную пристань для тѣхъ, которые умѣютъ миновать песчаныя отмели, далеко выдающіяся въ море.

Слидгафъ (Sliedhaff) далѣе на сѣверъ отъ Остергаара, лучшая пристань для всѣхъ вѣтровъ. Передъ нимъ лежатъ 4 небольшіе островка, или скорѣе песчаныхъ холма, которые защищаютъ пристань отъ натиска волнъ и которые издалека можно примѣтить по разрушенной часовнѣ, стоящей на одномъ изъ этѣхъ холмовъ.

На всемъ Готландѣ находится только одинъ городъ Висби (Wissby), на западномъ берегу; но, кромѣ того, на немъ до 1500 крестьянскихъ дворовъ (Baurhöfe), и въ 3-хъ миляхъ отъ Слидгафа древній монастырь. Церкви сдѣсь, какъ и въ Ёландѣ, расположены на разстояніи мили одна отъ другой, и своими колокольнями служатъ прекрасными путеводными знаками для моряковъ.

Жители сдѣсь Датчане, и самый островъ прежде принадлежалъ Даніи, но 11 лѣтъ тому назадъ, въ слѣдствіе войны Шведовъ съ Датчанами, онъ былъ уступленъ, по заключенному миру, Швеціи. Главное занятіе жителей составляетъ скотоводство, для котораго на островѣ находятся очень хорошіе луга; кромѣ

того они занимаются рубкою лѣса строеваго и на топливо, и отсюда вывозятся доски, равно какъ и строевой лѣсъ, гораздо лучше, чѣмъ вывозимые съ Сѣвера. Отсюда же вывозится множество известняка и известки, которыми наполнена почти вся страна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности по дорогѣ отъ Слидгафа къ Висби, почва покрыта гладкими, наросшими другъ на другѣ, каменьями, часто на пространствѣ ружейнаго выстрѣла вдоль и поперекъ, такъ что по мѣстамъ этѣмъ ѣдешь все равно, какъ по мостовой. Изъ произведеній сдѣсь выгоняется еще и вывозится множество дегтя, о значительной торговлѣ которымъ можно судить по тѣмъ пошлинамъ, которыя платятъ тутъ этѣмъ произведеніемъ. Прежде островъ долженъ былъ давать Правительству 70 ластовъ; теперь же съ каждаго двора положено взимать, въ пользу Шведской Короны, по четверти тонны, что составляетъ отъ 90 до 100 ластовъ въ годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ успѣхомъ занимаются также и земледѣліемъ, которое доставляетъ сѣмена и продовольствіе; разводятъ въ поляхъ особаго рода бѣлую рѣпу, которая, вареная довольно мягка и пріятна на вкусъ; въ другихъ мѣстахъ, впрочемъ, сѣмена этой рѣпы не такъ хорошо принимаются.

Изъ любопытства я ѣздилъ съ нѣкоторыми товарищами въ городъ Висби. Онъ стоитъ на горѣ, или скорѣе на скалѣ, нависшей надъ моремъ, окруженъ крѣпкой стѣной и раскатами, и у самаго моря, на южной части, имѣетъ небольшой, но надежный, замокъ, называемый Ландскронъ (Lands-Cron). По древнимъ толстымъ стѣнамъ разрушенныхъ домовъ и церквей, изъ дикаго камня и мрамора, видно, что нѣкогда это былъ превосходный городъ. Разрушенныхъ церквей въ немъ внутри стѣнъ 13, и 1 за стѣной. Намъ разсказывали, что городъ этотъ основанъ былъ въ концѣ VIII-го в. по Р. Х. и что съ той поры въ немъ живало до 12000 гражданъ, все именитыхъ купцевъ и важныхъ сановниковъ: что, кромѣ хлѣбниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, ни какимъ ремесленикамъ въ городѣ жить не позволялось, и что этѣ послѣдніе имѣли свои дома за городомъ, гдѣ теперь поля. Сюда съѣзжались для торговли, кромѣ Датчанъ, Шведы, Венды (Прибалтійскіе

Славяне), Саксонцы, Русскіе, Евреи, Греки, Пруссы, Поляки и Ливонцы. Говорятъ также, что сдѣсь составлены первыя морскія карты и установлено морское право, которымъ пользуются и теперь Любекъ и другіе Ганзейскіе города. Послѣ паденія славнаго города въ Пруссіи Венеты, Висби пришелъ было въ самое цвѣтущее состояніе, но наконецъ, какъ и все вообще, началъ клониться къ упадку, и въ настоящее время въ немъ считается весьма мало жителей, живущихъ въ бѣдности и на худомъ кормѣ. Пристань также разрушилась, и теперь тамъ не могутъ стоять корабли, и только небольшія суда или челны по временамъ посѣщаютъ ее. Исаакъ Понтанъ пишетъ, что Висбійцы, возгордившись своимъ счастіемъ, навлекли на себя своею надменностію негодованіе ихъ Шведскаго Короля, Магнуса, и дали поводъ къ тому, что Вольдемаръ, Король Датскій, покорилъ въ 1361 ихъ и весь ихъ островъ своей власти, въ слѣдствіе чего подписывался, не такъ какъ прежде, только: «Король Датчанъ и Вендовъ,» но уже «Король Датчанъ, Готовъ и Вендовъ,» чему слѣдовали потомъ и другіе послѣ бывшіе Короли. Самое замѣчательное, что видѣлъ я въ этомъ городѣ, это нѣчто въ родѣ желѣзной западни, находящейся въ воротахъ кладбищенской церкви. Намъ разсказывали слѣдующее происшествіе, о которомъ говорится и въ помянутой выше Датской Лѣтописи: въ 1496 г. одинъ воръ укралъ изъ нашего женскаго монастыря деньги и серебряныя изображенія Апостоловъ, и когда за такое святотатство вора отрѣшали отъ церкви и проклинали, то онъ, бывши въ это время въ церкви, слышалъ свое отрѣшеніе и преданіе проклятію, слышалъ, какъ звонили при этомъ въ колокола, видѣлъ, какъ погасили свѣчи, и отъ всего этого такъ испугался, что вышелъ изъ церкви и только что ступилъ на желѣзныя плиты, то не могъ идти далѣе, желѣзо растопилось подъ его ногами, такъ что онъ провалился, завязъ и долженъ былъ остаться въ такомъ положеніи, пока не пришли люди, которые высвободили его и предали суду. Сказанныя желѣзныя плиты, имѣющія такой видъ, какъ будьто онѣ начали плавиться, вдѣланы въ церковныя ворота у желѣзной петли, на правой рукѣ въ углу, и ихъ можно видѣть тамъ въ настоящее время.

Когда мы были уже въ пристани, намъ разсказывали другое происшествіе, также находящееся и въ упомянутой выше Готланд-

ской Лѣтописи, стр. 199: невдалекѣ отъ города 3 человѣка съ собакой и сѣтьми обращены были въ камень, и дѣло это было такимъ образомъ: Въ ночь подъ Св. Пасху пять человѣкъ ходили на охоту, и когда зазвонили къ службѣ, то двое изъ нихъ пошли въ церковь, а трое остались на мѣстѣ и легли спать; за это они и были обращены въ камень, вмѣстѣ съ собакой и сѣтьми (или одеждой, тряпьемъ), и ихъ и теперь еще можно видѣть на томъ мѣстѣ.

Затѣмъ обратимся снова къ нашему путешествію.

ГЛАВА IV.

О дальнѣйшемъ опасномъ нашемъ мореплаваніи.

5-го Ноября, когда мы миновали Готландъ, страшная буря поднялась въ другой разъ съ запада юго-запада, такъ что волны безпрестанно перелетали черезъ корабль. Вечеромъ, около десяти часовъ, бросили мы лотъ и нашли 12 саженъ глубины, и такъ какъ мы опасались береговъ, то ночью опять пустились на право, въ открытое море. Въ этотъ день, по причинѣ постоянно бурной погоды, мы могли плыть только съ большимъ парусомъ средней мачты.

6-го числа, въ полдень, намъ повстрѣчался Голландскій корабль, который далъ намъ свѣдѣніе, какъ далеко, и какой прямой путь надо было взять намъ до острова Тагеродта (Tagerordt), который къ вечеру былъ уже у насъ въ виду; но поднявшаяся ночью буря снова заставила насъ удалиться отсюда въ открытое море.

7-го числа, въ полдень, мы снова увидали скалы Тагеродта, но кормчій нашъ, полагая, что сильная буря въ продолженіе ночи должна была занести насъ дальше на сѣверъ, принялъ этѣ скалы за Етгенсгольмъ (Oetgensholm), по чему мы и перемѣнили наше направленіе къ опасному проходу Гондесвигу (Hondeswig).

совсѣмъ вошли было въ него, не думая ни какъ, что лежавшій передъ нами островъ былъ Тагерордтъ, пока наконецъ мы подплыли къ нему такъ близко, что могли увидать находящіяся на немъ башни; тутъ только замѣтили мы свою ошибку, и съ большою опасностію тотчасъ же поворотили назадъ. Въ этотъ день мы повстрѣчали сбившееся съ пути судно, и когда экипажъ его узналъ, что мы плывемъ въ Ревель, то и онъ пустилъ свое судно за нами. Ввечеру оно оставило насъ и легло на якорѣ у Тагерордта, и мы узнали потомъ, что на другой день оно благополучно прибыло въ Ревель. Хотя мы во все послѣобѣденное время постоянно имѣли въ виду Ливонскій берегъ, а къ вечеру были ни какъ не далѣе мили отъ острова Наргена (Nargen), лежащаго у входа въ Ревельскую пристань, но нашъ Капитанъ и кормчій за благо разсудили лучше провести ночь въ открытомъ морѣ, чѣмъ подвергнуться опасности, приблизясь къ землѣ; по чему они и не рѣшились плыть въ Ревельскую пристань, или стать на якорѣ у Тагерордта, по примѣру встрѣченнаго нами судна, не смотря на всѣ наши увѣщанія. Такимъ образомъ, не взирая на довольно бурную погоду, мы пустились снова въ открытое море.

Вечеромъ, часовъ около 10, поднялся страшный бурный вѣтеръ, и прежде чѣмъ мы успѣли принять противъ него мѣры предосторожности, онъ съ ужаснымъ трескомъ сломилъ большую мачту, вмѣстѣ съ фокъ-зейлемъ, которыя упали за бортъ черезъ спальную койку нашего Доктора, и за нею одного боцмана, стоявшаго тутъ, до такой степени ушибло канатомъ, что несчастный упалъ замертво, и изъ ушей и носа у него потекла кровь; онъ опомнился только на 3-й день, но ни какъ не могъ объяснить, какимъ образомъ случилось съ нимъ такое несчастіе, и умеръ вскорѣ за тѣмъ въ Гохландѣ (Hochland). При этой ломкѣ на кораблѣ, когда сломало мачты и сорвало каюты, надо почесть чудомъ, что у насъ остался цѣлъ ящикъ, въ которомъ хранится компасъ, и самый компасъ, къ великому счастію нашему, ни сколько не повредился; безъ него мы не знали бы, куда держать путь свой.

Такое несчастіе снова привело всѣхъ насъ въ ужасъ и отчаяніе: нѣкоторые изъ насъ разразились громкими воплями. Ко-

рабль все болѣе и болѣе метало изъ стороны въ сторону, и мы кружились, шатались, будьто пьяные, и катались другъ черезъ друга, по тому что, не придерживаясь за что ни будь, рѣшительно не возможно было ни стоять, ни сидѣть, ни лежать. Сломленная и висѣвшая на нѣсколькихъ канатахъ мачта моталась и страшно билась о корабль. Капитану корабля очень хотѣлось сохранить снасти, не смотря на то, что самый корабль подвергался большой опасности отъ сильныхъ ударовъ мотавшейся мачты; по этому одинъ изъ Пословъ вынужденъ былъ настоятельно потребовать обрубить канаты, на которыхъ держалась сказанная мачта, что немедленно и было исполнено. Матросы кричали и горько оплакивали своего товарища, лежавшаго замертво. Такимъ образомъ мы и эту ночь провели въ большихъ мученіяхъ.

Съ наступленіемъ дня 8 Ноября, мы страстно искали глазами Ревельской пристани, надѣялись, что въ этотъ день избавимся наконецъ отъ бурныхъ волнъ и ступимъ на давно желанную землю, въ томъ порядкѣ и великолѣпіи, съ которыми предписалъ Посланникъ Бругманъ, нѣсколько дней тому назадъ, наше вшествіе въ Ревель, но увы! Наши надежды и предначертанія были на водѣ, земля будьто бѣжала отъ насъ, мы потеряли ее и еще разъ были въ неизвѣстности, гдѣ мы находимся. Хотя мы думали прежде, что держали путь къ пристани, но въ продолженіе ночи насъ такъ отнесло въ лѣво отъ земли, что мы цѣлое утро не могли достигнуть высоты, съ которой бы можно было видѣть берегъ. Потомъ уже, около 9 часовъ, когда солнце нѣсколько прояснилось, туманъ разсѣялся и насталъ ясный, чистый воздухъ, мы увидали, что уже миновали Ревельскую пристань. Въ это самое время, вдругъ, при ясномъ солнечномъ свѣтѣ, поднялась съ юго-запада страшная буря, подобная землетрясенію, низвергающему въ одну массу небо, землю и море. Вѣтеръ свистѣлъ и вылъ въ воздухѣ, будьто высокія горы, воздымающіяся и пѣнящіяся волны яростно бросались и сталкивались другъ съ другомъ; нѣсколько разъ корабль поглощало море въ свои бездны, и потомъ опять извергало его. Капитанъ нашъ, пожилой человѣкъ, и нѣкоторые изъ экипажа нашего, плававшіе въ Восточныхъ и Западныхъ Индійскихъ моряхъ и видѣвшіе не разъ

страшныя бури, божились, что никогда еще они не бывали въ такой опасности и не видали такихъ неистовыхъ бурь.

Теперь намъ нуженъ былъ добрый совѣтъ, что предпринять; но и на этотъ разъ ни кто не могъ подать его, и намъ не оставалось другого средства, какъ положиться на предложеніе кормчаго ити прямо къ Финскимъ схерамъ, или скаламъ, и попытаться, не посчастливится ли намъ избѣжать подводныхъ камней (которые въ такую бурю жгутъ, какъ выражаются моряки, т. е., извѣстнымъ шумомъ подаютъ о себѣ знакъ) и укрыться въ Финляндской пристани у Эльзенфоса (Elsenfoss), или же, если случится кораблекрушеніе, то, можетъ быть, хоть нѣкоторыхъ Богъ помилуетъ, и они будутъ выброшены на скалы живые. Такое предложеніе, конечно, было крайнее, но оно принято было по тому, что корабль былъ уже поломанъ и не могъ долго держаться въ морѣ. Такимъ образомъ нѣкоторые изъ насъ, въ надеждѣ что спасутся какъ ни будь и во время крушенія, выбрали изъ своихъ пожитковъ, что было нужнѣе и дороже, и положили ближе около себя.

Посланникъ Бругманъ открылъ свою шкатулку или дорожный ларецъ, и далъ позволеніе всѣмъ при крушеніи брать изъ нея себѣ деньги и драгоцѣнныя вещи, для того, что если кому случится достигнуть земли, то чтобы имѣть какое ни будь обезпеченіе на первое время.

Нѣкоторые изъ насъ бросились обнимать Пословъ и убѣдительно просили ихъ, что если они въ чемъ ни будь могутъ оказать намъ свою помощь, въ случаѣ кораблекрушенія, то чтобъ не оставили насъ своею милостію, что Послы и обѣщали. И такъ мы плыли между страхомъ и надеждою, между жизнію и смертію, и какъ, по всѣмъ соображеніямъ, гибель была неизбѣжна, то всѣ ожидали ее и готовились къ смерти. Но все жъ таки естественная привязанность къ жизни у большей части изъ насъ высказывалась въ горькихъ воплях и жалобахъ: такъ я изъ глубины души призывалъ Бога; нѣкоторые сидѣли совершенно оцѣпенѣлые и не могли предъ муками смерти ни пѣть, ни молиться, и только тяжко вздыхали. Въ то же время тутъ же, изъ состраданія,

одинъ утѣшалъ другого пріятной надеждой, которой самъ давно не имѣлъ. Когда Священникъ нашъ, сохранившій болѣе другихъ свое мужество, пѣлъ молитвы и произнесъ слова: «Нынѣ мы бодры, здоровы и крѣпки, завтра же мертвы и будемъ лежать въ гробахъ,» одинъ изъ насъ воскликнулъ: «Ахъ! покоиться въ гробахъ намъ не суждено! Завтра тѣла наши будутъ плавать, можетъ быть, вокругъ скалъ.» Такъ какъ сначала мы охотно уже рѣшились на погибель корабля и нашихъ имуществъ, думая только о спасеніи одной жизни, то подъ конецъ мы забыли даже и объ этой жизни, и молили только о будущей. Мы смотрѣли уже на себя, какъ на умершихъ и представляли себя настоящими трупами. Посланникъ Крузе, замѣтивъ такой крайній упадокъ духа въ экипажѣ, и желая ободрить его, воскликнулъ: «Помолимтесь Богу! Я знаю, что Онъ поможетъ намъ, мое сердце говоритъ это!» Но, между тѣмъ, буря все болѣе и болѣе свирѣпѣла и унесла насъ и отъ сказанной выше пристани. Корабль нашъ, лишенный главнаго паруса, плылъ съ помощью только фокъ-зейля, по чему кормчій не могъ управить имъ, и онъ несся по вѣтру вдоль Финскаго моря.

Теперь мы опять потерялись и не знали, гдѣ находились. Тогда главному боцману, Юргену Стефенсу, пришло на мысль, что посреди Финскаго моря впереди насъ лежитъ островъ Гохландъ (Hochland), въ которомъ прежде этого онъ былъ и въ которомъ находилась хорошая пристань; но онъ лежалъ въ 17-ти миляхъ отъ Ревеля, а достигнувъ его безопасно, укрыться въ немъ можно было, по его мнѣнію, только при дневномъ свѣтѣ; по этому и на такое предположеніе Стефенса много надѣяться было нельзя; ибо полдня уже протекло, и при томъ одинъ только передній парусъ тянулъ корабль, и онъ не въ силахъ былъ бороться съ волнами. Въ то же время постигла насъ страшная минута: огромный морской валъ налетѣлъ на корабль, черезъ каюты и, разбившись, покрылъ собою весь корабль. Отъ сотрясенія мы попадали другъ черезъ друга и окончательно считали себя погибшими. Вода стремительно набиралась въ корабль черезъ разрушенныя каюты, и всѣ мы наперерывъ бросились выкачивать ее насосами и черпаками, продолжая плыть при возрастающей постоянно опасности.

Въ это время, около 3 часовъ по полудни, одинъ изъ боцмановъ взлѣзъ на фокванты (на канаты, которыми придерживается передняя мачта), посмотрѣть, не видно ли гдѣ земли, и, увидавши оттуда островъ, закричалъ: «Слава Богу, я вижу Гохландъ!» Мы всѣ такъ обрадовались этому извѣстію, что, безъ преувеличенія, плакали и говорили другъ другу въ утѣшеніе: «Богъ услышалъ наши вопли и стенанія, онъ не покинулъ насъ!» И ободренные начали пѣть: «Тебе Бога хвалимъ» (Te Deum laudamus). Мы думали, что были уже внѣ опасности, хотя носились на полуразрушенномъ кораблѣ въ неукротимыхъ волнахъ и не знали еще, какое несчастіе ожидало насъ у Гохланда.

Съ закатомъ солнца буря, по видимому, начала стихать, но разъяренное море все еще воздымало свои высокія, подобныя горамъ, волны. Мы приставили четырехъ человѣкъ на передъ корабля, чтобы они наблюдали и высматривали лежащія на пути къ острову опасныя скалы, и тотчасъ же давали знать о нихъ Капитану корабля (Schiffer) въ трубу. На наше счастіе, не смотря на ясную солнечную погоду въ цѣлый день, начался снѣгъ, отъ чего мы могли лучше усматривать скалы на черной водѣ, и, такимъ образомъ, вечеромъ, въ 7 часовъ, достигли острова, гдѣ стали на якорѣ въ пристани, лежащей къ востоку-сѣверо-востоку, на 19 саженяхъ глубины.

Въ этотъ вечеръ мы поѣли немного и укрѣпились; ибо нѣсколько дней мы не только ни чего не ѣли, даже не пили; въ то же время мы постановили, чтобы во все дальнѣйшее наше путешествіе отправляемо было каждый день по 2 раза молебствіе, и, кромѣ того, въ извѣстныя времена дни покаянія, молитвы и поста, въ благодарность Господу Богу за Его милостивую намъ помощь и спасеніе насъ; ибо, по истинѣ, въ этотъ день мы испытали на себѣ особенную милость Божію, когда буря, вѣтеръ и море, сначала возставшіе на насъ съ такою яростію, что, казалось, они сговорились разомъ погубить насъ, подъ конецъ оказали намъ такую услугу, и когда то самое, что, сдавалось, неминуемо грозило намъ гибелью, спасло насъ. Когда мы на полуразрушенномъ кораблѣ отважились плыть по опаснѣйшимъ скалистымъ мѣстамъ, по которымъ и на крѣпкомъ кораблѣ почти не

возможно было пройти, не потерпѣвши крушенія, сильная буря должна была сдѣлаться еще сильнѣе, чтобы воспрепятствовать этому крушенію и благопріятствовать нашему прибытію къ Гохланду.

9-го числа была хорошая погода, но мы все таки стояли на якорѣ и, какъ могли, чинили корабль. Между тѣмъ Послы съ нѣкоторыми изъ насъ вышли на берегъ обозрѣть островъ и поразсѣяться. Вечеромъ мы собрались и держали съ Капитаномъ корабля совѣтъ, куда продолжать плаваніе? Послы полагали за лучшее плыть въ Нарву; Капитанъ же, напротивъ, приводилъ разныя свои причины и совѣтовалъ лучше отправиться въ Ревель. Остальные, расчитывая, что плыть на сломанномъ кораблѣ въ такое время и въ такихъ мѣстахъ очень опасно, просили, чтобы ихъ высадили на берегъ и потомъ, при удобномъ случаѣ, думали совсѣмъ перебраться на материкъ, съ Ливонскими и изъ Ревеля рыбаками, которые находились въ то время въ Гохландѣ. Впрочемъ, мы ни чѣмъ не рѣшили, положили дождаться утра слѣдующаго дня, и такимъ образомъ всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ на покой. Вдругъ, часовъ около 9, Капитанъ пришелъ къ Посламъ съ извѣстіемъ, что вѣтеръ началъ дуть къ востоку, слѣдовательно, бьетъ насъ къ берегу, и что по этому мы не можемъ безъ опасности оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли; что, наконецъ, лучше всего сняться съ якоря и пуститься въ Ревель. Послы отвѣчали, что онъ долженъ дѣлать все, что сочтетъ за лучшее, имѣя при томъ въ виду, что будетъ отвѣчать за все передъ Богомъ и свѣтомъ, и за тѣмъ сошли на корабль. Но только что подняли якорь, вѣтеръ усилился, все ближе и ближе гналъ корабль къ берегу, и, не смотря на всѣ усилія экипажа, ни какъ не могли отвести его отъ острова. Подняли крикъ, всѣхъ, кто только дорожилъ жизнію, призывали на верьхъ корабля къ работѣ, въ которой настояла теперь крайняя нужда. Все грозило страшнымъ крушеніемъ. Что было въ то время на душѣ у насъ, понять легко.

Якорь опустили снова, но корабль былъ уже очень близко къ берегу, не далѣе 30 саженей. Тотчасъ же съ корабля спустили ботъ, перевезли на немъ сперва Пословъ, а потомъ нѣкоторыхъ изъ насъ. Въ то же время корабль достигъ уже большихъ

камней, которыми усѣянъ былъ весь берегъ, и ударился о нихъ съ такимъ громомъ и трескомъ, что оставшіеся на немъ люди думали, что онъ тутъ же разобьется въ дребезги и сами они потонутъ въ морѣ. Они страстно желали переплыть на ботѣ къ берегу, подобно другимъ; но экипажъ, изъ опасенія не оставить совершенно безъ всякой помощи тѣхъ, которые должны были еще оставаться на кораблѣ, въ случаѣ, если ботъ разобьется о береговые камни, высаживали изъ бота людей не на берегъ, а прямо въ воду, гдѣ она была еще по поясъ, такъ что мы должны были пробираться на берегъ моремъ между каменьями. Я также вышелъ изъ бота въ воду, съ шкатулкой Посланника Бругмана, и такъ какъ въ ней хранились разныя драгоцѣнныя вещи и она была довольно тяжела, то волны вырвали ее у меня изъ рукъ и унесли было въ море; я ухватилъ ее руками еще довольно слабыми, по причинѣ недавно бывшей у меня тяжкой болѣзни, а нашъ Врачъ схватилъ меня за кафтанъ, и мы выбрались такимъ образомъ на берегъ изъ морскихъ волнъ, которыя безпрестанно накрывали насъ одна за другою. Когда корабельный экипажъ увидѣлъ, что корабль нельзя уже было удержать долѣе, обрубили якорный канатъ, въ надеждѣ, что корабль ближе прибьетъ къ берегу, гдѣ, можетъ быть, онъ не разобьется, въ слѣдствіе не столь сильнаго волненія у береговъ. Но ни что не помогло! Буря еще болѣе усилилась, и нашъ корабль, бившись въ продолженіе цѣлаго часа о каменья, разбился и пошелъ ко дну. Всѣ остальные люди на кораблѣ успѣли, впрочемъ, еще во время высадиться на берегъ.

Въ той сторонѣ острова, гдѣ мы вышли на берегъ, стояло 5 рыбачьихъ хижинъ, въ которыхъ укрывались Ливонскіе крестьяне, не Нѣмецкаго происхожденія (Unteutsche), запоздавшіе сдѣсь за своею рыбной ловлею и постоянно бурной погодой. У этѣхъ-то крестьянъ пріютились мы.

Если бъ насъ разбило у другого какого ни будь мѣста острова, такъ что мы не скоро бы добрались до этѣхъ хижинъ, или бы не могли найти ихъ, то едва ли были бы въ состояніи вынести эту ночь, по тому что было очень холодно и мы были въ мокрыхъ платьяхъ. Кромѣ того, выпалъ глубокій снѣгъ, такъ что

трудно было отыскать дорогу. Прежде мы добрались до какой-то старой часовни, въ которой на канунѣ еще нѣкоторые изъ насъ были и оставили свои посильныя приношенія; хоть она и довольно далеко лежала отъ сказанныхъ рыбачьихъ хижинъ, по крайней мѣрѣ, въ ней мы получили вѣрныя свѣдѣнія о дорогѣ къ этѣмъ хижинамъ.

На слѣдующее утро, т. е., 10-го Ноября, пошли мы на берегъ посмотрѣть, нельзя ли какъ ни будь добраться до корабля и спасти изъ него хоть что ни есть. Но море по прежнему сильно бушевало и никто не осмѣлился плыть къ нему на ботѣ.

Послѣ обѣда вѣтеръ и волны нѣсколько поутихли, и мы принялись спасать лошадей и таскать кое-какіе другіе пожитки изъ воды; мы вытащили много всякого добра и 7 лошадей, изъ которыхъ только 5 остались живыя, остальныя двѣ захлебнулись и околѣли.

Въ этомъ крушеніи, между прочими дорогими вещами, погибли большіе, богатые часы, особеннаго механизма, стоившіе нѣсколько тысячь рейхсталеровъ. Лошади во время смертельныхъ страданій своихъ, когда тонули, разбили и раздавили ихъ вмѣстѣ съ ящикомъ. На слѣдующій день настала хорошая погода съ яснымъ солнцемъ, мы высушили свои платья, книги и разные другіе пожитки, которые всѣ отъ морской воды частію попортились, частію же вовсе сдѣлались никуда годными.

ГЛАВА V.

О Гохландѣ и о томъ, какъ мы прибыли въ Ливонію и потомъ въ Ревель.

Соображая всѣ обстоятельства, въ которыхъ мы находились, ясно было, что мы должны будемъ прожить довольно долго на этомъ островѣ, въ совершенномъ невѣдѣніи, когда Богъ пошлетъ намъ средства оставить островъ и такимъ образомъ снова спасетъ насъ; наступавшее время года было таково, что мы имѣли

достаточное основаніе опасаться, что можемъ замерзнуть, или умереть съ голоду. Такъ, рзасказывали намъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цѣлый экипажъ и нѣсколько человѣкъ крестьянъ, загнанные бурею къ этому острову и потерпѣвшіе сдѣсь крушеніе, принуждены были ѣсть еловую кору и бересту, во избѣжаніе голодной смерти. По этому мы должны были сколько возможно и бережливѣе употреблять небольшой запасъ продовольствія, спасеннаго отъ крушенія, особенно хлѣба. Размокшіе сухари не было возможности высушить снова, по этому мы варили ихъ съ примѣсью аниса и ѣли ложками, вмѣсто хлѣба, но такая похлебка не нравилась многимъ. Однажды мы наловили множество мелкой плотвы рубашками и простынями, изъ одного горнаго ручья, и два раза сдѣлали изъ нея обѣдъ для всей прислуги.

Названіе Гохландъ происходитъ отъ того, что самый островъ довольно возвышенъ и особенно выдается на ровномъ морѣ; онъ имѣетъ въ длину 3, а въ ширину 1 милю, почти голая скала, поросшая елью и кустарникомъ. На немъ водится бездна зайцевъ (какъ и вообще во всей Ливоніи), мѣхъ которыхъ зимою бываетъ бѣлый, подобный снѣгу; охотиться съ собаками за ними рѣшительно не возможно, по причинѣ крутыхъ скалъ и частаго кустарника.

Въ то время, когда мы такимъ образомъ проживали на островѣ, въ Ревелѣ распространился слухъ, что всѣ мы потонули въ морѣ. Говорили, что на берегу найдено нѣсколько труповъ, одѣтыхъ въ красныя платья (это были наши ливреи, или кафтаны). Такіе слухи тѣмъ болѣе казались вѣроятными, что, сказанное выше, уплывшее отъ насъ, судно, привезло туда извѣстіе, что мы плыли впереди его у одной большой скалы по ту сторону Ревельской пристани, а въ самую пристань, однако же, не прибывали, и что послѣ этого цѣлые 8 дней объ насъ не было ни слуху, ни духу. Люди наши (которыхъ мы оставили въ Ревелѣ во время возвращенія нашего изъ 1-го путешествія въ Москву), считали насъ уже погибшими, сокрушались о насъ и растерялись до такой степени, что бродили по городу, будьто заблудшія овцы, и собирались уже разойтись, кто въ одну, а кто въ другую, сторону.

12-го Ноября пристали къ Гохланду два Филяндскіе бота, занесенные сюда тоже бурею, изъ которыхъ на одномъ былъ нашъ Посольскій Камергеръ, благородный и почтенный Іоаннъ Христофоръ Фонъ Ухтерицъ (нынѣ Камеръ-Юнкеръ Его Величества, Герцога Голштейнъ-Готторфскаго), съ однимъ изъ своихъ лакеевъ. 13-го числа того же мѣсяца, когда буря утихла, послали мы одного изъ своихъ впередъ на твердую землю, въ Ревель, съ извѣстіемъ о насъ и о нашемъ положеніи. Съ какимъ восторгомъ принятъ былъ онъ нашими въ Ревелѣ, вообразить легко: они бѣгали около него, плакали отъ радости, и не знали что сказать ему, или о чемъ спросить его прежде.

17-го числа Гг. Послы, каждый съ пятью человѣками изъ своихъ, пустились, въ двухъ маленькихъ рыбачьихъ лодкахъ, на твердую землю, лежавшую отъ Гохланда только въ 12 миляхъ. Плаваніе это тоже было бѣдственное и опасное. Лодки были старыя, сверху скрѣпленныя лыкомъ и вычинены корою, особенно та, въ которой сидѣлъ Посланникъ Круэе: она сильно текла въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и одинъ человѣкъ нарочно былъ приставленъ для того, чтобы безпрестанно законопачивать дыры и выгребать воду. Парусъ состоялъ изъ старыхъ тряпокъ, связанныхъ вмѣстѣ и заплатанныхъ. Самые рыбаки иначе не могли плыть, какъ только когда вѣтеръ прямо надувалъ въ парусъ, такъ что когда они, проплывши, при одинаковомъ попутномъ вѣтрѣ, 5 миль, увидали, что вѣтеръ нѣсколько измѣнился и началъ дуть съ боковъ, то хотѣли было вернуться въ Гохландъ; но въ виду у насъ, не далѣе какъ въ половинѣ мили, открылся небольшой островокъ, и мы настояли, чтобы рыбаки сняли паруса и плыли бы къ этому островку только съ помощію веселъ: такимъ образомъ вечеромъ мы пристали къ берегу. На этомъ островкѣ мы не нашли ни чего, кромѣ двухъ пустыхъ хижинъ, на половину выстроенныхъ въ землѣ; въ этѣхъ-то избахъ мы развели огонь и провели ночь. У насъ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ, и мы должны были замѣнить его сыромъ Пармезаномъ, котораго было у насъ еще достаточное количество. На другой день мы пустились далѣе съ хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, хотя море все еще было довольно взволновано.

Два часа плыли мы благополучно; вдругъ въ одно мгновеніе поднялся сильный вихрь съ востока (а вѣтеръ былъ сѣверный), ударилъ въ лодку Посла Бругмана съ такою быстротою, что она легла совсѣмъ на бокъ и начала зачерпывать воду. Въ то же время сильное волненіе бросало волны на полъ локтя выше края лодки, рыбаки закричали, бросились на противуположную сторону ея, тотчасъ сорвали парусъ и пустили лодку по вѣтру, послѣ чего вдругъ опять сдѣлалось тихо, такъ что, приладивши снова парусъ, поплыли мы опять съ тѣмъ же попутнымъ вѣтромъ. Такой вихрь въ продолженіе двухъ часовъ повторялся 3 раза. Въ первый разъ мы страшно перепугались, но потомъ рыбаки, какъ только замѣчали вихрь еще издали, поворачивали лодку бокомъ къ нему, такимъ образомъ, что волны ударялись въ нее нѣсколько наискось и скользили по ней. Что касается до меня, то, по моему, это была самая большая опасность, которой только мы подвергались на морѣ, по тому что среди моря носились мы на старой, тяжело нагруженной, лодкѣ, въ которой сидѣло 8 человѣкъ, лежалъ весь серебряный столовый приборъ и посуда Пословъ, и разные другіе пожитки, такъ что бортъ былъ очень невысокій, и достаточно было одной незначитеьлной даже волны, чтобы мы, вмѣстѣ съ лодкою, пошли ко дну. При этомъ чрезвычайно удивительно было то обстоятельство, что лодка Посланника Крузе, плывшая позади насъ не далѣе пистолетнаго выстрѣла, не чувствовала ни малѣйшаго толчка, ни малѣйшаго вихря.

Миляхъ въ трехъ отъ берега настигъ насъ крупный градъ, а на лодкѣ, плывшей за нами, опять была прекрасная погода, съ яснымъ солнцемъ.

Когда мы были уже на полмили отъ земли, вѣтеръ вдругъ перемѣнился, началъ дуть съ юга совершенно въ противную прежней сторону, и наши рыбаки думали уже поворотить назадъ, но мы обѣщали имъ три штофа водки, если къ вечеру они доставятъ насъ на берегъ; въ надеждѣ на такую награду, они сняли паруса, бодро схватились за весла, приложили всѣ свои силы, и вечеромъ, 18-го Ноября, благополучно причалили насъ на веслахъ къ берегу. Мы вышли въ Эстоніи, на Малишекій (Mallischen) берегъ, пробывши въ Балтійскомъ морѣ цѣлые 22 дня.

Только что пристали мы къ берегу и не вышли еще изъ лодки, рыбаки бросились уже за обѣщаннымъ имъ виномъ, которое мы хотя и дали имъ, но съ условіемъ, чтобы они пили его не разомъ и въ свое время. Но условіе это не помогло, и, не выгрузивши еще пожитковъ изъ лодокъ, побѣжали они съ водкой въ селеніе, пригласили своихъ родныхъ и сосѣдей, и такъ быстро опорожнили фляги, что не успѣли мы оглянуться, какъ они съ женами и дѣтьми, пьяные и одурѣлые, бѣгали около насъ, бранились и дрались, такъ что мы не могли почти пользоваться ихъ услугами, за исключеніемъ одного, котораго вино напротивъ ободрило и сдѣлало болѣе услужливымъ; этотъ послѣдній, увидавши, что одна лодка отвязалась и уплыла было отъ берега въ море, бросился вплавь за нею голый, не смотря на холодную, какъ ледъ, воду, настигъ ее и притащилъ назадъ на прежнее мѣсто.

22-го числа прибиты были бурею къ Гохланду два судна, плывшія изъ Ревеля въ Финляндію; ими воспользовались оставленные нами на этомъ островѣ люди, которые наняли этѣ суда, и 24-го числа благополучно прибыли къ намъ въ Ливонію, съ лошадьми и со всѣми остальными пожитками.

Отсюда всѣ вмѣстѣ отправились мы въ Кунду (Kunda), въ домъ любезнаго тестя моего, Іоанна Миллера, отстоявшій отъ берега всего на 2 мили. Мы прожили въ этомъ домѣ 3 недѣли, и послѣ передрягъ на морѣ почти всѣ переболѣли, впрочемъ, никто не пролежалъ въ постели болѣе трехъ дней. Но какъ намъ надо было исправить и починить нѣкоторыя дорогія вещи, испортившіяся во время крушенія, то мы отправились въ Ревель, гдѣ это удобнѣе было исполнить, и 2-го Декабря благополучно прибыли въ этотъ городъ.

Какое искреннее сочувствіе и участіе принимали въ нашемъ несчастіи жители города Ревеля, можно судить не только по восторгу и радости ихъ, при встрѣчѣ посланнаго впередъ къ нимъ Іоанна Христофора Фонъ Ухтерица, но также и по послѣдующимъ дѣйствіямъ ихъ, какъ, на примѣръ, по благодарственнымъ молебнамъ ихъ въ церквахъ и другимъ публичнымъ торжествамъ въ Гимназіи, ради нашего спасенія. Это мореплаваніе наше по Бал-

тійскому морю было въ высшей степени опасно: почти каждый день мы видѣли передъ глазами смерть, и жизнь наша была не что иное, какъ продолжительная кончина; по этому, спасеніе наше мы приписываемъ особенной милости Божіей къ намъ, за которую благодаримъ и славимъ Всевышняго.

ГЛАВА VI.

Стихотвореніе М. Павла Флеминга о нашемъ кораблекрушеніи.

Объ этомъ кораблекрушеніи, въ послѣдствіи, на р. Волгѣ, передъ Нижнимъ, за 100 миль отъ Москвы, мы совершали, по нѣкоторымъ причинамъ, на нашемъ кораблѣ торжественное молебствіе; при чемъ Г. Флемингъ, любезный спутникъ мой, написалъ стихи, которые подарилъ мнѣ и которые я взялъ теперь изъ его сочиненій и привожу ихъ сдѣсь, въ память о немъ:

На рѣчь Олеарія о кораблекрушеніи при Гохландѣ, 1635 года, Ноября мѣсяца. *

ГЛАВА VII.

О Княжескомъ и Посольскомъ Высочайшихъ наказахъ, которыми руководствовались мы въ Посольствѣ.

Такъ какъ Гг. Послы собрали въ Ревелѣ всѣхъ сопровождавшихъ ихъ, въ полномъ составѣ, то они объявили теперь высочайшій Княжескій Наказъ, полученный ими въ Готторфѣ; онъ состоялъ въ слѣдующемъ:

«Мы, Фридрихъ, Божіею милостію, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигскій, Голштинскій, Стормарнскій и Дитмарсен-

---

* Содержаніе стихотворенія переводить считаемъ излишнимъ. Подъ стихотвореніемъ слѣдующая подпись: «1636 г. Передъ Астраханью. 3-го Октября.» Прим. Пер.

скій, Графъ Ольденбургскій и Дельменгорскій и проч. и проч., объявляемъ всѣмъ и каждому, кто находится при настоящемъ нашемъ Посольствѣ въ Москву и Персію, нашу милость, при чемъ даемъ знать, что, по важнымъ причинамъ, мы выбрали и назначили надежныхъ, высокоученыхъ, нашихъ Совѣтниковъ и любезныхъ и вѣрныхъ намъ, Филиппа Крузе, Лиценціята (Licentiatum) правъ, и Оттона Бругмана, въ наши Посланники къ Великому Князю Московскому, Государю Михаилу Өеодоровичу, нашему любезному дядѣ и зятю, и къ Шаху Персидскому, и снабдили ихъ почетнымъ сопровожденіемъ (Comitat). Для того же, чтобы, при исполненіи возложеннаго нами на нихъ порученія, наше, ввѣренное имъ, Княжеское достоинство содержалось всѣми, и особенно помянутымъ ихъ сопровожденіемъ, въ достодолжномъ высокомъ почтеніи, и чтобы, по уваженію къ намъ, оказывалась имъ подобающая честь, покорность, служеніе и послушаніе, повелѣли мы изготовить настоящій Высочайшій Наказъ, который всѣ и каждый въ особенности должны исполнять безпрекословно, въ той мѣрѣ и такимъ образомъ, какъ ниже слѣдуетъ:

1. Сначала и прежде всего должны всѣ и каждый, кто только находится при этомъ Посольствѣ нашемъ, по уваженію къ намъ, оказывать помянутымъ нашимъ обоимъ Посламъ всю слѣдующую имъ честь, повиновеніе и услугу; также все то, что они или сами, смотря по надобности, или же черезъ установленнаго Маршала, повелятъ, поставятъ, прикажутъ, безъ всякаго противорѣчія, или возраженій, исполнять и оказывать всевозможное долженствующее послушаніе. Сообразно съ симъ, мы даемъ сказаннымъ нашимъ Посламъ полномочіе и власть противящихся и непослушныхъ, по изслѣдованіи обстоятельствъ дѣла, строго судить и наказывать.

2. И такъ какъ Богопочтеніе должно быть началомъ, срединой и концемъ всякаго дѣла, и въ особенности въ такомъ далекомъ путешествіи оно должно быть преимущественно прилежно соблюдаемо каждымъ, то всѣ и каждый, кто находится въ этомъ сопровожденіи, прежде всего должны быть въ высшей степени преданы истинному благочестію, должны всегда являться на обычныя проповѣди и богослуженія и принимать участіе въ призываніи Все-

могущаго Бога на поданіе помощи въ счастливомъ успѣхѣ нашего важнаго предпріятія; отъ божбы же и клятвы, отъ богохульства и другихъ грубыхъ пороковъ, должны совершенно отказаться и воздержаться, во избѣжаніе нашей немилости и наказанія, которое Послы наши опредѣлятъ преступнику, по важности преступленія, не взирая ни на какія лица.

3. Равнымъ образомъ мы строго воспрещаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякую непорядочную жизнь въ объѣденіи, пьянствѣ и другихъ излишествахъ, такъ какъ подобная жизнь порождаетъ неудобства всякаго рода.

4. Но въ особенности должны всѣ и каждый, находящійся въ этомъ Посольствѣ нашемъ, стараться о согласіи; каждый, прилично своему состоянію, долженъ жить съ своими товарищами въ добрыхъ, дружескихъ отношеніяхъ и оказывать другъ другу всякое доброе расположеніе, любовь и помощь; отъ ссоры же и вражды, неумѣстнаго грубаго обращенія, брани и драки, напротивъ, должны всѣ воздерживаться. Если же возникнутъ между кѣмъ ни будь какія недоразумѣнія, то, не приступая къ самоуправству, слѣдуетъ заявлять о томъ, чѣмъ одинъ оскорбилъ другого, Маршалу, который, или самъ устраняетъ недоразумѣніе и возстановляетъ доброе согласіе, или же, если онъ самъ этого достигнуть не можетъ, долженъ представить объ этомъ, съ достодолжнымъ почтеніемъ, нашимъ Посламъ, которые, по извѣстному намъ ихъ безпристрастію, должны дать свое рѣшеніе, коему каждый обязанъ повиноваться. И мы ни коимъ образомъ не дозволяемъ при этомъ нашемъ Посольствѣ и въ сопровожденіи его ни какого самоуправства, буйства и поединковъ, такъ какъ этѣмъ легко можетъ быть нанесено оскорбленіе нашему высокому Княжескому достоинству, особенно у чужихъ народовъ; но, напротивъ, вмѣстѣ съ симъ, мы строго и совершенно воспрещаемъ всѣ подобныя дѣйствія, о чемъ и должны быть въ точности оповѣщены и вразумлены, какъ высшіе чины, Офицеры, такъ равно и простые слуги.

5. А чтобы въ этомъ придворномъ составѣ нашихъ Пословъ все обстояло въ найлучшемъ и законнѣйшемъ порядкѣ, и чтобы, напротивъ, всякое замѣшательство и происходящіе отъ того непорядки могли быть устранены, то, назначенный при нашихъ По-

слахъ, Маршалъ долженъ, какъ на пути, такъ и во время стоянокъ, все принимать къ заботливому своему наблюденію.

6. Во время путешествія, когда Послы наши назначатъ ему (Маршалу) время отъѣзда, обязанъ онъ снарядить и приготовить всѣхъ и каждаго, находящихся подъ его начальствомъ, чтобы укладка поклажи, и въ особенности сами люди всѣ были готовы къ назначенному времени, при чемъ онъ долженъ старательно наблюдать, чтобы все приказанное имъ было въ точности исполняемо, и вообще долженъ распорядиться такъ, чтобы Послы наши не имѣли ни малѣйшаго неудовольствія отъ замедленія въ чемъ либо.

7. Равнымъ образомъ онъ, Маршалъ, обязанъ наставлять всѣхъ и каждаго въ томъ, чтобы все дѣлалось въ добромъ согласіи и съ должною вѣжливостію, безъ всякой неприличной суматохи, или шуму.

8. Во время же стоянки онъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы у Пословъ нашихъ всегда, для всякаго случая, днемъ и ночью, были какъ Гофъ-Юнкеры, такъ Пажи, лакеи и проч., и чтобы люди этѣ въ точности исполняли и прилежно услуживали во всемъ, если что прикажутъ имъ Послы наши.

9. А такъ какъ отъ такого старательнаго служенія весьма много зависитъ поддержаніе нашего высокаго Княжескаго достоинства, то Гофъ-Юнкеры, Пажи, лакеи и другіе люди, въ порядкѣ, который установятъ для этого Послы наши, должны находиться въ ежедневномъ служеніи, всегда съ охотою, прилежаніемъ и готовностію для того, чтобы они были всегда подъ рукою у Пословъ нашихъ при обычныхъ посѣщеніяхъ ихъ чужестранцами, и чтобы все при этомъ дѣлалось съ соблюденіемъ надлежащаго достоинства.

10. Если Маршалъ поручитъ, постановитъ и прикажетъ что кому либо изъ придворнаго состава, именемъ нашихъ Пословъ, то всему тому каждый, находящійся подъ его начальствомъ, обязанъ повиноваться безпрекословно. Но онъ уполномоченъ также о про-

ступкахъ и не подчиненныхъ ему лицъ доносить нашимъ Посламъ, которые не преминутъ поступить съ виновцымъ съ надлежащею строгостію; за преступленіе остальныхъ лицъ Маршалъ самъ распоряжается наказаніемъ; кромѣ того мы сами не оставимъ безъ нашего особеннаго наказанія и нашей немилости каждаго, кто заявитъ себя какимъ либо непохвальнымъ образомъ.

11. Если Послы наши заблагоразсудятъ послать къ кому либо изъ начальствующихъ Управителей, Намѣстниковъ, Магистратовъ, или другихъ чиновъ въ крѣпостяхъ, городахъ и вообще въ мѣстахъ, проѣзжаемыхъ ими, то тѣ, которыхъ они найдутъ способными для этого, безо всякаго неудовольствія и прекословія должны исполнить въ точности и съ подобающею вѣжливостью возложенное на нихъ порученіе и обо всемъ, что они сдѣлаютъ по этому, должны представить вѣрное донесеніе нашимъ Посламъ; и такъ какъ Послы наши лучше разумѣютъ, кто изъ состоящихъ при нихъ найболѣе заслуживаетъ подобное, возлагаемое ими, порученіе, то ни коимъ образомъ не должно быть между служащими ни тайной, ни явной, зависти, соревнованія и кичливости другъ передъ другомъ въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ будетъ предпочтенъ Послами другому.

12. Во время пути, равно какъ и во время остановокъ, ни кто не долженъ порицать, или осмѣивать чуждые народы, но относиться къ нимъ болѣе кротко и дружелюбно и вообще вести себя такъ, чтобы расположить и привлечь чужестранцевъ оказывать нашимъ всевозможныя добрыя услуги и добрыя взаимныя отношенія. По этому, если Маршалъ замѣтитъ въ комъ либо какую неумѣстную шалость, или наглость, то немедленно долженъ подвергнуть виновнаго строгому показанію и во всякое время долженъ употреблять предоставленную ему власть.

13. Всѣ, находящіеся въ этомъ Посольствѣ, должны состоять при нашихъ Послахъ во время всего ихъ путешествія, и безъ ихъ вѣдома ни кто ни коимъ образомъ не можетъ переходить въ другую службу свою, или иностранную; по этому, такъ какъ мы приставили къ нашимъ Посламъ на это ихъ путешествіе собственнаго нашего Лейбъ-Медика, Гартмана Граманна, то онъ долженъ

состоять при нихъ во все время пути, впередъ и обратно, и вмѣстѣ съ ними же возвратиться опять къ намъ назадъ.

14. А такъ какъ въ этомъ Высочайшемъ Наказѣ нашемъ не могли быть исчислены и опредѣлены постановленіями всѣ, могущіе встрѣтиться случаи, то во всемъ остальномъ, что сдѣсь не обозначено, мы полагаемся на извѣстную намъ добрую волю Пословъ нашихъ, которые, по данной имъ нами полной власти, постановятъ дальнѣйшія правила и разовьютъ ихъ, сообразно съ временемъ, мѣстностію и другими, имѣющими быть, обстоятельствами, и все то, что такимъ образомъ будетъ самими ими, или черезъ другихъ, для поддержанія нашего высокаго Княжескаго достоинства и добраго порядка, а равно и для поддержанія достоинства нашихъ Пословъ, предписано, приведено на память и приказано, всѣ и каждый безъ исключенія должны со всею точностію исполнять и всему безусловно повиноваться точно такъ, какъ бы изложенному и постановленному въ этомъ самомъ, нами данномъ, Высочайшемъ Наказѣ нашемъ.

15. Чтобы каждый могъ знать свое мѣсто, по состоянію своему и должности, во время шествія, бесѣды за столомъ, въ поѣздѣ и при другихъ обстоятельствахъ, снарядили мы цѣлую свиту, въ извѣстномъ порядкѣ, сообразно съ обычаями нашего Княжескаго двора (Порядокъ этотъ указанъ выше сего).

Въ заключеніе милостиво повелѣваемъ всѣмъ и каждому вести себя вполнѣ согласно со всѣми статьями этого нашего Высочайшаго Наказа и всего того, что далѣе постановятъ, велятъ и прикажутъ, въ дополненіе къ нему, Послы наши; повелѣваемъ отнюдь не дѣлать ни чего, противнаго этѣмъ постановленіямъ, и вообще поступать такъ, чтобы не навлечь на себя нашей немилости и наказанія, которымъ неминуемо подвергнутся всѣ противящіеся и ослушные. Съ другой стороны, по благополучномъ совершеніи путешествія, мы не преминемъ всѣмъ и каждому доказать и Княжескую нашу милость. Все это мы строго подтверждаемъ. Подлинный утвердили мы съ приложеніемъ нашей Княжеской печати Тайной Камеры и за собственноручною подписью.

Данъ въ нашемъ замкѣ и Княжескомъ пребываніи Готторфѣ, Октября 1-го дня, 1635 года.

(М. П.) Фридрихъ.

Кога Послы наши примѣтили, что нѣкоторые изъ состоящихъ при Посодьствѣ стали забывать такой строгій Высочайшій Наказъ, вздумали жить по собственному своему разумѣнію и волѣ, отъ чего, по видимому, замѣтно начали вкрадываться всякаго рода нечестіе, шалости и роскошь, то они порѣшили всѣми силами отвратить такой безпорядокъ и довести дѣло до того, чтобы въ такомъ далекомъ и долгомъ путешествіи водворилась между нами и велась жизнь, угодная Богу и людямъ. По этому, въ дополненіе къ Высочайшему Наказу, они составили подробнѣйшія правила, которыя и объявили всѣмъ намъ въ Ревелѣ.

Наказъ Княжескихъ Голштинскихъ Пословъ, объявленный въ Ревелѣ Декабря 8 дня, 1635 года.

Во время совершеннаго до сихъ поръ путешествія обоими Княжескими Послами, по снаряженному Свѣтлѣйшимъ Высокороднымъ Княземъ и Государемъ Фридрихомъ, Наслѣдникомъ Норвежскимъ, Герцогомъ Шлезвигскимъ, Голштинскимъ и проч. и проч. Посольству въ Москву и въ Персію и обратно, Гг. Послы, съ чувствомъ особеннаго негодованія, скорби и даже отвращенія, особенно же при опасностяхъ, постоянно грозившихъ, по Божьему попущенію, отъ сильныхъ морскихъ бурь здоровью и жизни, при понесенномъ за тѣмъ кораблекрушеніи, и наконецъ при достиженіи, по милости и съ помощью Божіей, твердой земли въ Ливоніи, усмотрѣли и дознали, что помянутый выше Высочайшій Наказъ Его Княжеской Свѣтлости, съ особенною строгостію установленный и объявленный всѣмъ Гофмаршаломъ, многими изъ служащихъ въ Посольствѣ далеко не исполняется, что истинный страхъ Божій, призываніе и прославленіе Его имени, и разные обѣты вести себя лучше, даваемые обыкновенно въ виду крайнихъ опасностей для здоровья и жизни, тотчасъ же, едва только минетъ опасность, изглаживаются изъ памяти, и что даже самыя тяжкія несчастія, горько оплакиваемыя, скоро совершенно за-

бываются и начинается прежняя непорядочная жизнь. При этомъ также замѣчено, что строго предписанное соблюденіе достодолжнаго уваженія къ Гг. Посламъ, а въ лицѣ ихъ и уваженія къ самому, Его Свѣтлости, Князю, почти ни кѣмъ, или весьма слабо оказывается, и всѣ ведутъ себя такъ, какъ будьто и не слѣдуетъ соблюдать ни какого порядка и подчиненія; возложенныя же на каждаго обязанности исполняются дурно. Если водворившееся во всѣхъ такое нечестіе, такая противная Богу непорядочная жизнь, не будутъ заблаговременно искоренены и исправлены, то ни чего другого ожидать нельзя, какъ развѣ того, что прогнѣванный нами Богъ, явивши намъ уже свою кару, въ предстоящемъ еще дальнѣйшемъ путешествіи, проявитъ на насъ еще болѣе жестокую кару и не пощадитъ за тѣмъ никого. Кромѣ того, такимъ непорядочнымъ поведеніемъ унижается и въ высшей степени оскорбляется и самое высокое достоинство Его Свѣтлости, Князя, въ особенности въ глазахъ иностранцевъ и чуждыхъ народовъ. Въ виду всего этого, оба Княжескіе Гг. Послы нашли крайне необходимымъ, въ силу милостиво данной имъ полной власти и права, въ дополненіе къ выше изложенному Высочайшему Княжескому Наказу, ради искорененія всякаго нечестія, ради поддержанія, въ лицѣ ихъ, надлежащаго достоинства Его Княжеской Свѣтлости, и ради устраненія всякихъ непорядковъ и неурядицы, дать нижеслѣдующія правила для всѣхъ и каждаго, по состоянію ихъ, при Посольствѣ находящихся, не исключая никого; правила этѣ объявить и утвердить для всѣхъ обязательными, подъ опасеніемъ, за неисполненіе оныхъ, неминуемаго строгаго наказанія.

1. Прежде всего всѣ тѣ, которые плыли на кораблѣ отъ Травемюнды, должны еще свѣжо помнить, въ какомъ ужасѣ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи и крайней ежечастной и ежеминутной опасности для здоровья и жизни, находились мы всѣ безъ исключенія 29 Октября ночью, между 10 и 11-мъ часами у Ёланда, 3-го Ноября, ночью же, за Ёландомъ, 7-го, ночью же, между 10-мъ и 11-мъ часами, передъ Ревелемъ, когда потеряли мачту, за тѣмъ 8-го у Чудскихъ шхеръ, и 9-го, вечеромъ въ 10 часовъ, ниже Гохланда, когда мы потерпѣли окончательное крушеніе, такъ что, если бъ не поддержала насъ особенная помощь, благость и милосердіе Божіе, то всѣ мы безъ исключенія

попадали бы въ море и потонули. Но какъ Всеблагій Богъ, вмѣстѣ съ гнѣвомъ своимъ, явилъ намъ и милосердіе свое, вырвавъ насъ изъ рукъ смерти, столько разъ намъ грозившей, то всѣ мы вмѣстѣ, и каждый въ отдѣльности, дали обѣтъ постояннаго благодаренія, покаянія и исправленія всякой грѣховной жизни, и чтобы все это исполнить, каждый долженъ былъ воздерживаться отъ грѣха, долженъ сердечно молить Бога объ отпущеніи грѣховъ, объ отвращеніи дальнѣйшаго наказанія и о ниспосланіи во всемъ благопріятнаго успѣха, счастія и благословенія на предстоящее намъ далекое путешествіе.

Для приведенія этого въ дѣйствительное исполненіе, Гг. Княжескіе Голштинскіе Послы постановили, чтобы каждое утро и вечеръ отправляемы были извѣстные часы молитвы, покаянія и благодаренія; а чтобы всякій могъ знать этѣ часы и являться на нихъ во время, обязанъ Маршалъ утромъ, какъ только начнетъ заниматься день, приказать трубить, и по этому первому зову каждый долженъ одѣваться; спустя четверть часа за тѣмъ Маршалъ приказываетъ снова трубить уже къ молитвѣ, по каковому зову каждый, оставивъ всякую работу, или занятіе, долженъ немедленно явиться въ извѣстное мѣсто на молитву, и тамъ принять участіе въ пѣніи и моленіи, съ приличнымъ благоговѣніемъ. Равнымъ образомъ и вечеромъ, послѣ стола, каждый долженъ присутствовать въ обыкновенномъ мѣстѣ на молитвенныхъ часахъ, съ подобающимъ благоговѣніемъ, съ строгимъ предостереженіемъ, что тѣ, которые, отъ важнѣйшихъ особъ и до пажей, лакеевъ и младшихъ слугъ, явятся поздно, когда уже пѣніе будетъ начато, должны заплатить четверть рейхсталера, а за совершенное отсутствіе—половину рейхсталера, въ кружку бѣдныхъ, безъ всякаго противорѣчія, и прежде чѣмъ будетъ заплачено это взысканіе, виновные воздерживаются отъ стола, а пажи, лакеи и младшіе слуги, всѣ безъ исключенія, не взирая на лицо, должны быть наказаны, отправленіемъ или на поварню, или инымъ образомъ Маршаломъ.

2. Тоже самое должно быть исполняемо и при обыкновенныхъ, воскресныхъ и недѣльныхъ, проповѣдяхъ. Каждый обязанъ являться на нихъ къ началу, участвовать въ пѣніи, молитвѣ и

слушаніи слова Божія съ должнымъ благочестіемъ, отправлять должную службу Всемогущему Богу и сердечно молить Его о счастіи и благословеніи Его на желанное исполненіе нашего далекаго путешествія и благополучное возвращеніе, все это, во избѣжаніе указаннаго здѣсь взысканія, о чемъ будетъ старательно наблюдать Г. Пасторъ, имѣющій тщательно смотрѣть за тѣмъ, чтобы бѣдные ни чего не потеряли изъ этѣхъ взысканій.

3. Такъ какъ многіе весьма непростительные пороки, особенно же богопротивныя клятвы, недобрыя: брань, пожеланіе, божба, вмѣстѣ съ срамными шутками и неприличной болтовней, въ такомъ ходу у многихъ изъ сопутствующихъ, что у большей части изъ нихъ это сдѣлалось уже привычкой, не считается грѣхомъ и разсматривается даже какъ бы хорошее дѣло, а черезъ это часто навлекается справедливый гнѣвъ Божій и тяжкая кара, такъ что, изъ за одного такого нечестиваго человѣка, не рѣдко наказуется цѣлая община: по этому Княжескіе Гг. Послы такія легкомысленныя клятвы, божбу, брань, срамныя, непристойныя шутки и всякое другое, въ высшей степени воспрещаемое словомъ Божіимъ и его 10-ю заповѣдями, излишество и непотребную жизнь, вмѣстѣ съ симъ совершенно и строго воспрещаютъ, и съ тѣми, которые окажутся виновными въ этомъ, вынуждены будутъ поступать неупустительно строго, подвергая ихъ примѣрному наказанію, даже, смотря по обстоятельствамъ, и тѣлесному, не менѣе какъ и тѣхъ, которые слышали подобныя непотребныя рѣчи и не донесли о нихъ.

4. За тѣмъ, какъ многое зависитъ отъ добраго порядка, а порядокъ ни чѣмъ лучше не поддерживается, какъ тѣмъ, когда каждый прилежно отправляетъ свою должность и вѣрно исполняетъ, во всякое время, не медля то, что ему приказано, по этому Княжескіе Гг. Послы всѣмъ, и каждому въ особенности, прежде всего напоминаютъ и строго увѣщеваютъ, чтобы всѣ жили въ должномъ подчиненіи, согласно помянутому выше Княжескому Высочайшему Наказу, милостиво объявленному въ Готторфѣ 1-го Октября, 1635 года, и составленному именно для этого Посольства, по всѣмъ статьямъ и по буквальному смыслу этого Наказа, и вообще такъ бы себя вели сообразно съ нимъ,

чтобы Гг. Послы могли имѣть основаніе отнестись съ похвалою о каждомъ послушномъ Его Свѣтлости, Князю, и не были бы вынуждаемы употреблять данную имъ власть противъ непокорныхъ.

5. Для того же, чтобы каждый могъ знать, въ какомъ почетѣ Гг. Княжескіе Послы, какъ на пути, такъ и на стоянкѣ, должны быть у сопровождающихъ ихъ, они постановляютъ и приказываютъ сдѣсь, чтобы какъ въ мѣстахъ пребыванія, такъ и на выѣздахъ и ночлегахъ, въ особенности въ присутствіи иностранцевъ, всегда былъ на лицо Маршалъ съ высшими Офицерами и Гофъ-Юнкерами, сопровождалъ ихъ въ приличномъ порядкѣ изъ дому и домой, оказывалъ имъ подобающую честь, какъ бы и самому, Его Свѣтлости, Князю, и вообще держалъ себя такъ, чтобы каждымъ, особенно иностранцемъ, высокое имя и достоинство Его Княжеской Свѣтлости тѣмъ болѣе уважались и оцѣнивались; ибо на Посольства всѣхъ народовъ обращаютъ тщателное вниманіе, и по нимъ выводятъ заключеніе о состояніи, величіи, свойствахъ и могуществѣ отсутствующихъ Государей.

6. Маршалъ обязанъ держать постоянный, должный порядокъ, чтобы ежедневно нѣсколько пажей и лакеевъ по очереди состояли во всѣхъ мѣстахъ въ покояхъ Княжескихъ Гг. Пословъ и были бы всегда у нихъ подъ рукою для того, чтобы ни кто, въ особенности изъ чужестранцевъ, не могъ войти въ покой безъ доклада. Этѣхъ лицъ Гг. Послы могутъ употреблять также и для разсылокъ.

7. Когда протрубятъ къ обѣду, всѣ и каждый должны являться тотъ же часъ, чтобы ни кто не смѣлъ заставлять ждать себя, и если кто, въ особенности за столомъ у Гг. Пословъ, придетъ уже послѣ молитвы, когда уже всѣ сядутъ, тотъ, безъ всякаго возраженія, обязывается немедленно заплатить 6 Любецкихъ (Lübisch) шилинговъ въ кружку бѣдныхъ.

8. Пажи, какъ только услышатъ звукъ трубы къ столу, должны тотчасъ же отправиться въ поварню, чтобы въ порядкѣ принести кушанья, поставить ихъ на столъ и подать воду.

9. Какъ только кушанья поставлены на столъ, Маршалъ съ нѣсколькими Юнкерами идетъ къ Гг. Посламъ просить и сопровождать ихъ къ столу.

10. За тѣмъ тотчасъ должно подавать воду, читать молитву и садиться всѣмъ за столъ, по порядку и чину, указанному Княжескимъ Высочайшимъ Наказомъ; но если при этомъ присутствуютъ чужестранцы, то каждаго, сообразно его состоянію, или положенію, сажаетъ на мѣсто и подчуетъ самъ Маршалъ.

11. Пажи обязаны безъ перемѣны, въ продолженіи недѣли, прежде и послѣ всякого стола читать молитвы, и по тому тотъ, котораго очередь, долженъ быть всегда на лицо, иначе должно послѣдовать наказаніе отъ Маршала.

12. Кравчій у стола Гг. Княжескихъ Пословъ выбирается изъ Гофъ-Юнкеровъ и Стольниковъ и перемѣняется еженедѣльно по ихъ приказу (или по очереди).

13. Точно также Маршалъ обязанъ имѣть добрый надзоръ и надъ другими столами, чтобы за ними не происходило ни какихъ неприличныхъ шутокъ и непристойныхъ рѣчей и дѣйствій во время ѣды и питья.

14. Послѣ стола каждый долженъ отправляться исполнять возложенныя на него обязанности; тѣ же, которые назначены для прислуживанія Посламъ, должны оставаться при нихъ, чтобы во всякое время быть готовыми исполнять ихъ приказанія. При этомъ Гг. Княжескіе Послы совершенно и строго воспрещаютъ безпрестанныя отлучки и бѣганія по трантирамъ, погребамъ и другимъ заведеніямъ.

15. Особенно же не должны отлучаться, или не ночевать дома, пажи, лакеи и другіе слуги, безъ вѣдома и позволенія Маршала; по этому Гг. Княжескіе Послы совершенно и строго запрещаютъ сдѣсь подобныя отлучки и проведеніе ночей внѣ дома, подъ опасеніемъ большого взысканія съ виновныхъ.

16. Равнымъ образомъ отнюдь не дозволяется и совершенно возбраняется пьянство и кутежъ послѣ стола. По этому Главный

Кравчій (Оберъ-Шенкъ) долженъ заботиться о томъ, чтобы до пиршества и во время онаго доставлялось и подавалось на каждомъ столѣ потребное количество напитковъ; по окончаніи же стола онъ долженъ опять запереть погребъ и ключъ взять къ себѣ. Люди, приставленные къ погребу, должны также смотрѣть бдительно, чтобы не было какого тайнаго похищенія вина, отъ чего могутъ произойти дурныя послѣдствія и замѣшательство; если же они кого замѣтятъ въ такомъ похищеніи, то виновный немедленно же строго наказывается. Этѣмъ, впрочемъ, не возбраняется никому употребленіе напитковъ, но воспрещается только безполезное излишество въ немъ. Если кто во время стола пожелаетъ какого вина, то онъ получаетъ его съ вѣдома Главнаго Кравчаго, который соблюдаетъ въ этомъ отношеніи должное приличіе и въ напиткахъ, или яствахъ, никому не отказываетъ.

17. Если Гг. Княжескіе Послы дадутъ какое пиршество, или просто пригласятъ къ себѣ чужестранцевъ, то люди Пословъ, особенно тѣ, которые будутъ приставлены къ нимъ для прислугъ, или же имѣютъ свои извѣстныя обязанности, каковы: пажи, лакеи, юноши и проч., должны совершенно воздерживаться отъ опьяненія, но каждый долженъ прилежно прислуживать и въ точности исполнять все, что назначитъ ему Маршалъ.

19. Равно когда Гг. Княжескіе Послы сами будутъ приглашены къ кому либо въ гости, прислуга ихъ тоже должна воздерживаться отъ пьянства и, напротивъ, должна самымъ ревностнымъ образомъ прислуживать имъ и исполнять приказанное, а виновные противъ этого ни чего инаго ожидать не могутъ, кромѣ наказанія.

Такъ какъ въ путешествіи, при выѣздѣ и проѣздѣ въ городахъ, возбуждается различнаго рода безпорядокъ отъ того, что всѣ запаздываютъ укладкою до послѣдняго часа, когда уже надо трогаться съ мѣста, или же нѣкоторые пойдутъ прощаться съ знакомыми и задерживаютъ тѣмъ Гг. Пословъ, то они строго приказываютъ, какъ только Маршалъ объявитъ отъѣздъ, чтобы каждый неотлагательно укладывалъ свои вещи, былъ бы самъ наготовѣ и на лицо, чтобы къ назначенному времени все уже было уложено, и когда затрубятъ отъѣздъ, чтобъ ни кто не

смѣлъ заставлять ждать себя. Если же кто замѣшкается при отъѣздѣ, за прощаніемъ, или за чѣмъ либо другимъ, то ни кого отнюдь не ждать, но, смотря по состоянію его и должности, не взирая на лицо, подвергать наказанію.

20. Трубачи также при отъѣздѣ должны совершенно воздерживаться отъ опьяненія, обязаны быть на готовѣ и на лицо, чтобы трубить отъѣздъ по приказанію Маршала и вполнѣ удовлетворительно отправлять свою должность; въ противномъ же случаѣ, какъ это не разъ уже бывало, что нѣкоторые изъ трубачей оказывались неисправными, Гг Княжескіе Послы вынуждены будутъ подвергнуть ихъ строгому взысканію.

21. Какъ и что прикажетъ Маршалъ въ поѣздѣ, такъ все каждый и долженъ исполнять и занимать мѣсто, назначенное ему въ Княжескомъ Высочайшемъ Наказѣ, и по тому всякій непорядокъ въ верховыхъ, или въ экипажахъ, на пути окончательно воспрещается и требуется, напротивъ, во всякое время совершенный порядокъ въ пути.

22. Въ отношеніяхъ къ чужестранцамъ каждый долженъ держать себя миролюбиво и дружелюбно, не издѣваться надъ ихъ церковными обрядами и ни надъ чѣмъ другимъ, а тѣмъ менѣе браниться съ ними, или драться, но, напротивъ, каждый долженъ имъ оказывать доброе расположеніе и вообще поступать съ ними такъ, какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы съ нимъ поступали другіе.

23. Если въ этомъ Наказѣ, который Гг. Княжескіе Послы всегда могутъ распространить, или, по надобности, измѣнить, если что либо еще не указано, то дополнитъ Маршалъ, который, именемъ Княжескихъ Пословъ, для соблюденія должнаго достоинства и добраго порядка, даетъ приказанія, и ихъ каждый, состоящій подъ начальствомъ Маршала, долженъ въ точности исполнять точно также, какъ бы приказанія эти содержались въ настоящемъ Наказѣ, и до тѣхъ поръ, пока Гг. Послы не измѣнятъ этого приказанія.

За тѣмъ Гг. Княжескіе Послы строго и крѣпко требуютъ и повелѣваютъ всѣмъ и каждому изъ находящихся при нихъ это-

му ихъ Наказу, вмѣстѣ съ объявленнымъ имъ прежде Княжескимъ Высочайшимъ Наказомъ, во всѣхъ ихъ статьяхъ и во всемъ, чего они касаются, тотчасъ же, по объявленіи его, вполнѣ повиноваться и слѣдовать, и ни какими путями, прямо и не прямо, его не обходить.

Въ заключеніе Гг. Княжескіе Послы надѣются, что всякій, кому только любезно высокое достоинство Его Княжеской Свѣтлости и собственная его честь, будетъ достойно вести себя такъ, чтобы ни какія жалобы и другія неудовольствія не безпокоили ихъ въ ихъ высокомъ порученіи, и чтобы они не были вынуждаемы прибѣгать къ примѣрнымъ наказаніямъ противъ ослушныхъ.

Было бы излишне говорить, что, кромѣ этѣхъ главныхъ Наказовъ, было дано и нѣсколько другихъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ предметамъ. Вначалѣ такіе строгіе Наказы исполнялись въ точности, и виновные противъ нихъ тотчасъ достойно наказывались, но, спустя не много времени, не только нѣкоторые смотрѣли на нихъ сквозь пальцы, но и самъ Посланникъ Бругманъ, въ противность имъ, вооружилъ нѣкоторыхъ изъ лакеевъ своихъ и другую низшую прислугу топорами, съ придѣланными на нихъ ружейными стволами, которыми удобно было и рубить и стрѣлять, и далъ имъ власть встрѣчать ими самовольно и враждебно жителей Ревеля, если бы этѣ хотѣли подойти къ нимъ поближе, такъ что сказанные дѣльные Наказы скоро стали упускаться изъ виду и забываться. Въ слѣдствіе этого, такъ какъ мы пробыли въ Ревелѣ цѣлые 3 мѣсяца, въ ожиданіи новыхъ вѣрительныхъ грамотъ изъ Голштиніи, то въ это время между нашими и Ревельскими купеческими прислужниками происходили нерѣдкія ссоры, которыя заключились наконецъ даже убійствомъ. Такъ, 11-го Февраля, ночью, не далеко отъ Посольскаго пребыванія, купеческіе слуги и наши люди, изъ шалости, такъ расходились, что камердинеръ Бругмана, Исаакъ Мерси, Французъ и вообще человѣкъ очень тихій, услыхавши ужасный крикъ спорящихъ, выбѣжалъ изъ своего жилья на помощь нашимъ; но купеческіе прикащики такъ приняли его шестомъ, на которомъ носятъ ушаты, что разбили ему черепъ, и онъ къ утру умеръ, проживъ только 4 часа въ безпамятствѣ. Тѣло его, 22 числа,

сопровождено не только Послами и при нихъ состоящими, но и досточтимымъ Совѣтомъ (Rath) и важнѣйшими гражданами въ церковь Николая, и погребено съ почетною церковною торжественностью. Хотя Послы, при содѣйствіи Совѣта (Rath), употребили все свое стараніе открыть виновнаго, но онъ такъ и остался не открытымъ.

ГЛАВА VIII.

О городѣ Ревелѣ.

Городъ Ревель (Колывань) лежитъ подъ 59°, 25′ широты и подъ 48° и 30′ долготы, у Балтійскаго моря въ Вирландскомъ округѣ Эстонскаго Княжества. Ливонія тогда, отъ р. Двины до Чудскаго залива, раздѣлялась на Летію (Letthia) и Эстонію, и эта послѣдняя заключала въ себѣ 5 главныхъ округовъ: Гаріенъ, Вирландъ, Алентакенъ, Ервенъ и Викъ, и всѣ они весьма плодородныя и богатыя хлѣбомъ мѣстности.

Хотя многолѣтнія войны опустошили и обратили въ дикія весьма многія здѣсь мѣста, тѣмъ не менѣе въ настоящее время ежегодно выжигается бездна кустарнику и лѣсу на этѣхъ пространствахъ и онѣ дѣлаются пригодными для пашни, на которой въ первые годы бываетъ превосходный урожай. Удивительно, какъ густо и хорошо ростетъ здѣсь хлѣбъ, хотя сѣмя прямо бросается въ золу, безъ удобренія почвы. Такъ какъ одна зола сама по себѣ не имѣетъ ни чего, способствующаго такому явленію, то полагаю, что это зависитъ отъ сѣры и селитры, остающихся въ землѣ отъ сожженнаго лѣсу и угольевъ; ибо извѣстно, что угольная пыль очень удобряетъ и дѣлаетъ землю плодородною. Я нахожу подобное у Страбона въ концѣ 5-й книги, когда онъ говоритъ, что около горы Везувія, лежащей близъ Неаполя, должна быть весьма плодородная почва, по тому что по временамъ гора «извергаетъ пламя (горитъ).» Fortassis, говоритъ онъ, haec etiam causa fertilitatis est locorum circumjacentium, quemadmodum Catanae perhibent partes, quae cineribus ab Aet-

naeo igne sursum egestis fuerunt infectae, fuisse vini feraces redditas. Habent enim pinguedinem et glebae, quae igni ardescunt et quae fructus profert, eaque, dum abundat pinguedine, apta est incendio, sicut omne, quod sulphureum est; consumta pinguedine et gleba restincta ac in cinerem conversa, ad fruges producendas redacta est. commodior. Т. е., это очень можетъ быть причиной плодородія вокругъ лежащихъ мѣстностей, точно также, какъ, говорятъ, что въ Катанѣ земля около горы Этны весьма плодородна къ произращенію винограда, въ слѣдствіе изверженій горы. Также и земляныя глыбы, содержащія въ себѣ много жирныхъ частицъ и сѣрнаго вещества, если перегорятъ и обратятся въ погасшій пепелъ, приносятъ богатый плодъ.» Такъ какъ въ этой странѣ, въ Ливоніи весьма хорошее хлѣбопашество, то случается, что Ревель одинъ отпускаетъ нѣсколько тысячъ ластовъ ржи и ячменю. Сдѣшніе жители варятъ хорошее и крѣпкое пиво, и вовсе не такъ дурное, какъ говоритъ о немъ Цейлеръ (Zeilerus), въ 31-й главѣ своего «Itinerarium.» Въ Ливоніи также и очень хорошее скотоводство, и много мелкой дичи и дикой птицы, такъ что, сравнительно съ Германіей, сдѣсь можно имѣть превосходный столъ съ гораздо меньшими издержками. Такъ, мы часто платили за зайца по 8 мелкихъ мѣдныхъ монетъ (Мишненской монеты, равняющіяся 2-мъ грошамъ), а за глухаря по 3 гроша и дешевле.

Городъ Ревель построенъ Вольдемаромъ II, Королемъ Датскимъ въ 1230 году, по Р. Х. По величинѣ, постройкамъ и укрѣпленіямъ, онъ не много уступаетъ Ригѣ, издавна обнесенъ высокою стѣной, съ сторожевыми башнями и раскатами, и хотя Москвитяне дважды осаждали его и сильно обстрѣливали (слѣды бомбардированія до сихъ поръ еще видны въ замкѣ, на горѣ (Tonnings), но должны были наконецъ отойти безъ успѣха. Въ настоящее время онъ еще болѣе укрѣпляется, окружается сильными больверками и валами, по указаніямъ тамошняго Математика Г. Гемзеля (Hemselius), весьма умнаго и свѣдущаго человѣка, и въ то время, когда я былъ тамъ, были уже готовы два больверка. Онъ находится подъ покровительствомъ Его Величества, Короля Шведскаго, есть важный торговый городъ и, по прекрасному мѣстоположенію своему, какъ бы самою природою назначенъ для торговли, имѣетъ общественную пристань, превосходный рейдъ

и, преимущественно передъ другими мѣстами, большое удобство для кораблеплаванія и складочныхъ амбаровъ, дарованное ему Богомъ и природой. По этому въ городѣ этомъ, вскорѣ послѣ его основанія, торговля сама собою развилась до такой степени, что съ каждымъ днемъ привлекала туда все болѣе и болѣе жителей, которые скоро составили себѣ огромныя богатства и самый городъ великолѣпно обстроили церквами, монастырями, прекрасными домами, крѣпкими стѣнами. По безпрестанно увеличивающейся въ немъ торговлѣ, улицы и жилища вездѣ состоять въ немъ изъ отличныхъ каменныхъ домовъ и складочныхъ амбаровъ, для предохраненія отъ огня и другихъ опасностей множества различныхъ товаровъ, безпрестанно привозимыхъ, или отпускаемыхъ, и все вообще сдѣсь приспособлено къ торговой дѣятельности такъ, что городъ Ревель, какъ у себя, такъ и за границей, по справедливости можетъ считаться самымъ удобнѣйшимъ торжищемъ (emporium) въ Чудскомъ заливѣ, преимущественно для Русской торговли и складки товаровъ. Часто посѣщаемый кораблями всѣхъ народовъ и странъ, онъ скоро, подобно Ригѣ и Юрьеву въ Ливоніи, былъ принятъ въ достохвальный, болѣе 400 лѣтъ существующій уже, Ганзейскій Союзъ. Въ особенности же городъ Ревель важенъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ 4-ю Ганзейской квартирой и главнымъ городомъ Любекомъ, заключивъ союзъ (collegium) въ Великомъ Новгородѣ, въ Россіи, въ теченіи 300 лѣтъ сдерживалъ вторженія Русскихъ войскъ въ Ливонію, составлялъ важный членъ Союза и имѣлъ такую власть, что безъ его совѣта или согласія ни чего не дѣлалось и ни кто не имѣлъ права торговать изъ Ливоніи, или моремъ съ Россіей. По этому онъ прежде другихъ мѣстъ пріобрѣлъ и пользовался Jus stapulae и Jus sistendi mercatus (право таможенное и право имѣть ярмарки (или мѣста для торга), которыя въ послѣдствіи утверждены были мирными договорами различныхъ владѣтельныхъ особъ, и между прочимъ Короля Шведскаго и Великаго Князя Московскаго, а именно въ 1595 году въ Тявсинѣ (Teusina), въ 1607 году въ Вибургѣ (Wieburg) и въ 1617 году въ Столбовѣ (Stolwowa).

Хотя, въ слѣдствіе вторженія Русскихъ войскъ, а равно и послѣ замиренія съ ними, въ слѣдствіе клеветы нѣкоторыхъ чуже-

странцевъ, несправедливо обвинявшихъ г. Ревель въ своекорыстіи, тогда какъ онъ обладаетъ только своимъ правомъ и гильдейскими преимуществами, подобно другимъ Ганзейскимъ городамъ, торговля въ немъ значительно упала, тѣмъ не менѣе онъ и до сихъ поръ пользуется превосходными льготами, которыя получилъ онъ отъ цѣлаго ряда своихъ Гермейстеровъ и Королей. Онъ пользуется Любецкимъ правомъ, имѣетъ собственныхъ Суперъ-Интендентовъ и Консисторію. Жители Ревеля чистой Евангелической Вѣры по Аугсбурскому Исповѣданію, отправляютъ общественныя богослуженія въ нѣсколькихъ церквахъ, съ ежедневными почти проповѣдями, произносимыми отличными проповѣдниками. У нихъ есть прекрасная Гимназія, изъ которой хорошо обученые ученики ежегодно посылаются въ Дерптъ, въ Ливонскую и другія Академіи. Правленіе сдѣсь народовластное, съ участіемъ гильдій, почетныхъ (Olderleuten) и старѣйшихъ людей, и Синдикомъ: въ настоящее время состоитъ Г. Д. Іоаннъ Фестрингъ (Vestring), превосходный и ученый человѣкъ. Въ то время, когда мы были въ Ревелѣ, граждане его, особенно же члены Совѣта, Ministerii и Gimnasii, были между собою такъ согласны и дружелюбны, что мы со стороны любовались ими; они часто собирались на бесѣды и въ гости другъ къ другу, приглашали и насъ, и оказывали намъ при этомъ много чести, любви и дружбы. Въ лѣтнее время для такого рода веселыхъ сходбищъ представляется чрезвычайно подручное удобство, въ лежащихъ около города увеселительныхъ садахъ, храмахъ и другихъ мѣстахъ прогулки. Между ними, въ сѣверной части, у пристани, въ полумили отъ города, находится древній разрушившійся монастырь Св. Бригитты, отъ котораго и етнерь еще можно видѣть остатки стѣны и подземныхъ ходовъ со сводами. Бывши еще прежде нѣсколько лѣтъ назадъ въ Ревелѣ, я видѣлъ у названнаго выше Г. Д. Фестринга, моего весьма досточтимаго друга, старую книгу, въ которой подробно описано основаніе, учрежденіе и наконецъ уничтоженіе этого монастыря. Закладка этого монастыря сдѣлана была въ 1400 г. по Р. X., при Мейстерѣ Кордѣ (Cord), Прусскомъ Гохмейстерѣ, и при Мейстерѣ Кордѣ Фитингсгофѣ (Vitingshoff), Мейстерѣ Ливонскомъ, а также при Іоаннѣ Оке (Oke), Епископѣ Ревельскомъ, однимъ богатымъ купцемъ, по имени Гунсомъ (Huns) Свальбертомъ (Swal-

bert), который, изъ особаго благочестія, отрѣшился отъ свѣта, вступилъ въ иноческій чинъ, употребилъ много денегъ, труда и работы на учрежденіе этой обители. Къ нему присоединились еще двое богатыхъ купцевъ, Гунсъ Купертъ (Huns Kupert) и Герлахъ Крузе (Gerlach Kruse), которые были прежде мирянами и сдѣлались потомъ Священниками. Это былъ мужской и женской монастырь. Сестры посвящены были въ немъ 1431 г., въ Воскресенье передъ С. Іоанномъ, а братья въ Воскресенье послѣ Св. Іоанна, и Г. Герлахъ Крузе былъ избранъ въ немъ отцемъ и исповѣдникомъ (Pater et Confessor). Монастырь этотъ отъ нечаяннаго пожара въ 1564 г., въ день «Exaudi», совершенно сгорѣлъ и обратился въ пепелъ.

Въ этой же книгѣ говорится, что иноки и инокини придумали себѣ особый способъ понимать другъ друга, безъ разговоровъ, а посредствомъ различныхъ знаковъ пальцами и руками. Такъ, на примѣръ: притрогиваясь указательнымъ пальцемъ глаза, поднятаго вверьхъ, означали они Христа. Касаясь тѣмъ же пальцемъ головы, означали отца исповѣдника (духовника). Х на головѣ значило Діякона, а два пальца, касающіеся головы, означали Игуменью. Указательный палецъ, сложенный съ мизинцемъ, значилъ пить. Пять пальцевъ, сложенные вмѣстѣ, воду. Указательный палецъ, приставленный къ груди, означалъ читать. Кулакъ, съ несложеннымъ и двигающимся большимъ пальцемъ, значилъ не обращать вниманія. Кулакъ съ указательнымъ, длиннымъ и большимъ пальцемъ, несложенными, означалъ стыдъ. И такъ далѣе, что все упоминать сдѣсь было бы длинно, равно какъ довольно и о самомъ разрушенномъ монастырѣ, къ которому обыватели Ревеля часто отправляются для прогулокъ.

Граждане Ревеля живутъ въ добрыхъ отношеніяхъ и дружествѣ съ Земскимъ Дворянствомъ, отъ чего также замѣтно укрѣпляется и увеличивается торговля и продовольствіе (промышленность).

Нахожу удобнымъ упомянуть сдѣсь о Ливонскомъ Земскомъ Дворянствѣ, проживающемъ въ Эстонскомъ Княжествѣ, еще нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ славѣ этого Дворян-

ства. Рыцарство въ Эстонскомъ Княжествѣ состоитъ изъ свободныхъ Дворянъ, которые издавна крѣпко и мужественно держались противъ Русскихъ, значительно превышавшихъ ихъ числомъ и такою постоянною храбростью своею и вообще благородными, истинно рыцарскими доблестями, которыми отличались, снискали себѣ расположеніе Датскихъ Королей, въ особенности же благосклонность Короля Вольдемара II, который въ 1215 году даровалъ имъ первыя рыцарскія права, утвержденныя въ 1252 году грамотою Короля Эриха VII. За тѣмъ Дворянству этому дарованы были въ разное время многія, весьма почетныя и превосходныя, преимущества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденіе отъ всякихъ повинностей, кромѣ конной службы, разными лицами: Магистрами Ордена Меченосцевъ, Великими Магистрами Прусскими, въ числѣ коихъ Г. Конрадъ Юнгигенъ (Jungiegen) сообщилъ Дворянству Гаріена и Вирланда право передавать имущество сыновьямъ и дочерямъ до 5-го колѣна, и наконецъ Магистрами Ливонскими Нѣмецкаго Ордена (между которыми Г. Вальтеръ Фонъ Плетенбергъ въ 1495 году былъ избранъ, а въ 1513 первый возведенъ былъ въ Князья Священной Римской Имперіи и оставилъ Княжеству Эстонскому много превосходнѣйшихъ постановленій). Когда же въ послѣдствіи, во время войнъ съ Русскими, Рыцарство увидало себя всѣми оставленнымъ, оно отдалось подъ покровительство Шведской Короны, при королѣ Эрихѣ, и всѣ сказанныя, мечемъ завоеванныя, унаслѣдованныя и укоренившіяся права, укрѣплены были за нимъ и вполнѣ ему предоставлены этѣми достохвальными Королями Даніи.

Политическое устройство и судебное управленіе сдѣсь заключается въ Земскомъ Судѣ, въ которомъ засѣдаютъ 12 благородныхъ Земскихъ Судей. (Landrathen) и которое обыкновенно собирается въ Енерѣ (Jenner) каждый годъ. Предсѣдателемъ въ этомъ Судѣ состоитъ Королевскій Г. Губернаторъ Эстоніи, который, выслушавъ краткое, двукратное письменчое объясненіе тяжущихся, рѣшаетъ частныя дѣла короткимъ судомъ и произноситъ приговоръ.

Въ бытность нашу тамъ Губернаторомъ былъ именитый Г. Филиппъ Шейдингъ (Scheiding), Совѣтникъ Его Величества Короля

и Королевства Швецін. По смерти его былъ Его Графское Сіятельство, Эрихъ Оксенштирнъ (Oxenstirn), Баронъ Кимитскій (Kymitho), владѣтель Фигольмскій, Герингсгольмскій, Велигардскій и проч. и проч., Совѣтникъ Его Величества Короля и Королевства Швеціи, котораго городъ Ревель не зналъ какъ достойно и прославить за его высокія доблести и котораго по этому лишился онъ весьма неохотно. Когда Г. Эрихъ Оксенштирнъ снова потребованъ былъ въ Королевство, для занятія еще болѣе высшихъ должностей, то на почетное мѣсто Губернатора назначенъ былъ недавно высокознаменитый Графъ Генрихъ Фонъ Турнъ, также Его Величества Короля и Королевства Швеціи Совѣтникъ и проч. и проч., на котораго городъ Ревель возлагаетъ тоже неменьшія надежды.

О всѣхъ Земскихъ нуждахъ начальникъ Рыцарства, избираемый изъ Дворянъ на каждое трехлѣтіе безсмѣнно, доноситъ и объясняетъ Губернатору и Земскимъ Судьямъ. Въ разрѣшеніе тяжбъ о границахъ, которыя, по причинѣ великихъ и тяжкихъ войнъ съ Русскими и Поляками, очень часто возникаютъ, назначаются, черезъ каждые 3 года, особые трое судей, въ Гаріенѣ, Вирландѣ и Викѣ, которые, съ Засѣдателями (Adsessoren) своими и Секретаремъ, объѣзжаютъ спорныя границы и рѣшаютъ на мѣстѣ споры тяжущихся. Недовольный этѣмъ рѣшеніемъ можетъ жаловаться Земскому Суду, который назначаетъ особыхъ извѣстныхъ Коммиссаровъ осмотрѣть спорныя мѣста, выслушать тяжущихся и за тѣмъ или утвердить рѣшеніе прежняго Судьи, или измѣнить его. Кромѣ того сдѣсь есть еще 4 Земскихъ Судей, въ 4-хъ округахъ Эстонскаго Княжества: Гаріенѣ, Вирландѣ, Ервенѣ (Jerven) и Викѣ, коворымъ поручается наблюденіе надъ мостами, дорогами и мостками или кладками (доски, для прохода черезъ ровъ, или ручей), которыя, по причинѣ множества болотъ, вообще очень дурны.

ГЛАВА IX.

О жителяхъ не Нѣмецкаго племени или о Древне-Ливонскихъ.

Древніе обитатели въ Эстоніи, равно какъ и во всей Ливоніи, были язычники и идолопоклонники до 1170 года по Р. Х., т. е., до времени Императора Фридриха Рыжебородаго (Barbarossa), какъ свидѣтельствують о томъ Кранцъ, въ 6-й книгѣ своей «Вандаліи» (Wandaliae), и Хитрей, въ своей «Саксоніи» (Saxonia); въ это же время, въ слѣдствіе торговыхъ сношеній, которыя завели съ ними Бременскіе и Любецкіе купцы, они обращены въ Христіанство, что произошло такимъ образомъ. Около помянутаго времени Бременскіе купцы, торговавшіе по Балтійскому морю, занесены были бурею въ заливъ у Риги (Рижскій), въ мѣстность, тогда еще не извѣстную Нѣмцамъ, познакомились тамъ съ береговыми, до Пернова обитавшими, жителями, подружились съ ними, обмѣнивались товарами и такимъ образомъ завели съ ними торговыя сношенія. Жители этѣ въ началѣ были довольно простоваты, такъ что, на примѣръ, они выжимали изъ воска медъ, котораго въ Ливоніи множество, а воскъ бросали, какъ вещь никуда не годную. Когда монахъ Мейнардъ Фонъ Зегебергъ (Segeberg) узналъ объ этомъ, то, изъ особеннаго благочестія и по внушенію Св. Духа, отправился туда на кораблѣ, выстроилъ на небольшомъ островку Двины хижину или простую часовню, поселился въ ней съ своимъ слугой, съ великимъ трудомъ выучился языку этѣхъ дикарей, старался своими дружескими бесѣдами познакомить ихъ съ истинной Вѣрой и богослуженіемъ и, такимъ образомъ, мало по малу, распространилъ Христіанскую Вѣру и многихъ обратилъ въ нее. А такъ какъ остальной, необращенный, необузданный и наглый народъ часто нападалъ на обосновавшихся сдѣсь новыхъ Христіянъ, то этѣ послѣдніе, для защиты своей, укрѣпили мѣсто своего жительства и назвали его Керкгольмомъ (Kerckholm). Помянутый Мейнардъ, за неутомимую ревность свою, сь которою онъ продолжалъ просвѣщать народъ, по распоряженію Папы, Александра III, былъ посвященъ Архіепископомъ Бременскимъ въ перваго Ливонскаго Епископа.

По смерти Мейнарда слѣдовалъ за нимъ Бертольдъ, Аббатъ Цистертіянскаго Ордена, котораго Бременское Архіепископство послало туда въ качествѣ Епископа. Такъ какъ этотъ Бертольдъ старался обратить дикарей къ покорности и Христіянству не только словомъ, но и мечемъ, воевалъ съ ними, то въ одной схваткѣ, ѣхавши на горячей лошади, онъ былъ занесенъ ею въ средину непріятелей варваровъ и убитъ ими. Въ этой битвѣ погибло 1100 Христіянъ и 600 Эстонцевъ, какъ повѣствуетъ о томъ одна древняя Саксонская Бременская лѣтопись, находящаяся въ библіотекѣ моего милостивѣйшаго Государя. Этому же Бертольду слѣдуетъ приписать и основаніе города Риги. Іоаннъ Магнусъ, въ своей «Gothorum Sueonumque Historia,» въ 19 книгѣ, говоритъ, что сказанное побоище случилось въ 1186 году по Р. Х

Послѣ Бертольда, Бременцы, въ 1196 году послали, изъ своей Коллегіи, третьяго Епископа, по имени Альбрехта. Этотъ окончательно достроилъ Ригу и въ 1200 году обвелъ ее стѣною. Онъ счастливо управлялъ сдѣсь въ продолженіи 33 лѣтъ и способствовалъ распространенію Христіянства въ Ливоніи. Мы знаемъ изъ упомянутой выше Исторіи (MS), что Альбрехтъ, Каноникъ Бременскій, изъ ревности къ Христіянству, самъ заявилъ желаніе отправиться въ Ливонію и дѣйствовать тамъ противъ Нехристіянъ. Для этого онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ и былъ утвержденъ Папою въ санѣ Епископа. Кромѣ того Папа уполномочилъ его основать въ Ливоніи новый Орденъ, которому предоставлялась 3-я часть завоеванной страны, для того, чтобы онъ могъ имѣть средства къ сопротивленію противъ язычниковъ. Возвратившись изъ Рима домой, Епископъ Альбрехтъ взялъ съ собою нѣсколько храбрыхъ мужей изъ своего братства, отправился съ ними, послѣдуемый и многими другими, въ Ливонію, учредилъ тамъ съ этѣми спутниками Орденъ Меченосцевъ, въ которомъ первымъ Магистромъ выбранъ былъ Вино (Wieno), и такимъ образомъ этѣ Меченосцы съ свѣжими силами двинулись на варваровъ. Орденъ этотъ Польскій Король, Сигизмундъ, покоривши всю Ливонію, уничтожилъ въ 1561 году по Р. Х., послѣ 357-лѣтняго его существованія. Знакъ его былъ 2 красные меча, сложенные крестообразно, и носили его на мантіи, какъ свѣдѣтельствуетъ Францискъ Меденій (Mennenius) въ своемъ «De

originibus Ordinum Militarium.» Такъ какъ варвары были числомъ сильнѣе Меченосцевъ и часто побѣждали ихъ, то этѣ послѣдніе призывали къ себѣ на помощь Гохмейстеровъ, или братьевъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи (основателемъ котораго долженъ быть Фалько, Король Іерусалимскій, какъ полагаетъ Хитрей). Такими то соединенными силами братья этѣхъ обоихъ Орденовъ одолѣли наконецъ варварскіе народы, привели ихъ къ повиновенію и весьма много распространили между ними Христіянскую Вѣру.

Въ Летіи и Эстоніи и по сіи дни осталось еще много потомковъ этѣхъ варваровъ, которые не имѣютъ ни городовъ, ни селъ, но суть рабы или крѣпостные, и находятся въ услуженіи у Земскаго Дворянства и у граждамъ въ городахъ. Они сохранили еще свой древній языкъ, и хотя Эстонцы не имѣютъ ни какого сродства съ жителями Летіи (Латышами), тѣмъ не менѣе ихъ называютъ общимъ именемъ Ненѣмцевъ (Undeutschen).

Они имѣютъ свою собственную одежду, въ особенности женщины, носятъ узкія платья, въ родѣ мѣшковъ, у которыхъ сзади навѣшаны мѣдныя цѣпочки съ шелягами, а въ низу обшито зубцами, яркими стеклянными коралами (бусами). Зажиточныя (болѣе знатныя) и обыкновенныя, простыя мамки (кормилицы), носятъ на шеѣ гладкія, круглыя серебряныя лапостки (лапки), величиною въ половину и въ цѣлый талеръ; бѣднѣйшія же (низшія) носятъ ихъ гораздо большія, но изъ тонкой жести.

Незамужнія ходятъ съ непокрытой головой, зимой и лѣтомъ; волосы у нихъ подстрижены и висятъ неподвязанные до шеи, такъ что головою дѣвицы совершенно сходны съ мужчинами, неженатыми парнями. Платья ихъ дѣлаются изъ шерстяной матеріи, или изъ полотна, которыя они сами ткутъ и изготовляютъ. Обувь носятъ лѣтомъ изъ лыкъ (лапти), зимою же изъ невыдѣланной, грубой бычачьей, или коровьей, шкуры. Большинство ихъ бѣдные люди, не имѣютъ ни чего, кромѣ того, чтобы пропитать себя коекакъ; по этому, когда они справляютъ свадьбу, то собираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что подаритъ имъ въ такомъ случаѣ ихъ господинъ, все, что могутъ, и пируютъ при этомъ такъ хорошо, какъ только могутъ.

Торжества и обряды на ихъ свадьбахъ большею частію слѣдующіе: когда женихъ и невѣста живутъ въ разныхъ селеніяхъ, то онъ везетъ ее обыкновенно на верховой лошади. Невѣста садится бокомъ позади жениха и охватываетъ его правою рукою. Впереди ѣдетъ волыньщикъ (музыкантъ, играющій на волынкѣ), за нимъ слѣдуютъ два засѣдателя (спутника, провожатые, дружки), съ обнаженными мечами, которыми они насѣкаютъ крестообразно дверь брачнаго дома, за тѣмъ втыкаютъ этѣ мечи въ потолокъ, въ балку, гдѣ садится женихъ. Женихъ, въ то время, когда везетъ сказаннымъ образомъ невѣсту, держитъ въ разщепленной палкѣ два мѣдныхъ пенязя или монеты, которые и отдаетъ людямъ, стоящимъ у изгороди или плетня, за то, чтобы они пропустили его. Невѣста же имѣетъ при себѣ красныя ленты, которыя бросаетъ по дорогѣ, преимущественно тамъ, гдѣ она сходится кресгообразно и гдѣ стоятъ кресты на могилахъ некрещеныхъ дѣтей, которыхъ обыкновенно не хоронятъ на кладбищахъ, а гдѣ ни будь на дорогѣ.

За женихомъ слѣдуютъ, также верхомъ на лошадяхъ, другіе гости, мужья съ своими женами и молодые парни съ дѣвицами.

Невѣста во все время, пока сидитъ за столомъ, имѣетъ на головѣ платокъ, который покрываетъ ей лицо. Подобный же обычай покрывать лице существуетъ не только у Москвитянъ или у Русскихъ, но также у Персовъ и Армянъ.

Покрытіе лица невѣстъ есть, кажется, даже исконный древній обычай, какъ полагаетъ и Плиній (Plinius lib. 21, c. 8). Это свѣдѣтельствуетъ и Луканъ (Lucanus lib 2 de Dello Pharsalico):

Non timidum nuptae leviter tectura pudorem,
Lutea demissos velarunt flammea vultus.

Подобное же встрѣчаемъ и у Тертуліана (Tertullianus libro de virginibus velandis), когда онъ, говоря о Ревеккѣ, что она покрытая вышла на встрѣчу жениху, присовокупляетъ, cap. 11: «Atquin etiam apud Ethnicos velatae ad virum ducuntur.» Обычай

этотъ встрѣчается и у язычниковъ. Изъ этого обычая должно происходить и Латинское названіе свадьбы, «nuptiae;» ибо слово «nubere» означало у древнихъ покрывать, прятать, о чемъ подробнѣе можно прочесть у Розина (Rosini, De antiqu. Romanis lib. 5, c. 37).

Когда не Нѣмецкіе женихъ и невѣста посидятъ нѣсколько времени за столомъ и поѣдятъ, то ихъ зовутъ и отводятъ на брачную постель, хотя бы это было во время бѣлаго дня. Гости между тѣмъ весело и дружно веселятся, а черезъ два часа новобрачные снова призываются и приводятся на пиръ, и тогда уже всѣ пляшутъ и пьютъ во всю ночь до того, что гдѣ кто ни повалится, тамъ и заснетъ.

Что касается до ихъ Вѣры и богослуженія, то предки ихъ, какъ сказано выше, за 400 лѣтъ передъ симъ обращены были въ Христіянство и въ настоящее время, вмѣстѣ съ Нѣмецкими Ливонцами, держатся Аугсбургскаго Исповѣданія (Augspurgischen Confession). По городамъ и селамъ у нихъ есть свои церкви и проповѣдники, которые глашаютъ имъ слово Божіе на не Нѣмецкомъ языкѣ и совершаютъ надъ ними Св. Таинства.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, впрочемъ, Христіянскіе обряды и въ наше время исполняются довольно небрежно, такъ что часто работа предпочитается богослуженію. По этому жители этѣ находятся въ большомъ невѣжествѣ, и у многихъ изъ нихъ сердца исполнены не столько Христіянскою ревностію къ истинному богопочтенію, сколько наклонностями къ языческому и безбожному образу жизни. Такъ, въ различныхъ мѣстахъ, въ особенности же на холмахъ, они выбираютъ извѣстныя деревья, вырѣзываютъ на нихъ до самой вершины разные знаки, обвязываютъ ихъ красными лентами и совершаютъ подъ ними свои суевѣрные обѣты и моленья, направленныя только къ полученію и увеличенію ихъ временнаго благополучія.

Между Ревелемъ и Нарвою, въ 2 миляхъ отъ помѣстья Кунды, не далеко отъ приходской церкви, находится древняя развалившаяся часовня. Къ этой-то часовнѣ окрестные жители не Нѣмцы, ежегодно отправляются ко дню Благовѣщенія

на поклоненіе (богомолье), и нѣкоторые изъ нихъ, у лежащаго въ часовнѣ большаго камня, нагіе ползаютъ на колѣняхъ вокругъ камня, приносятъ тамъ свои безкровныя (отъ снѣди) жертвы, испрашивая, чтобы имъ и скотинѣ ихъ ниспослано было благополучіе на цѣлый годъ, а болящимъ изъ нихъ выздоровленіе. При такихъ путешествіяхъ на поклоненіе вездѣ является множество разнаго рода торговцевъ, и тутъ-то богомольцы предаются обжорству, пьянству, любодѣянію и всевозможнымъ грубымъ порокамъ, даже убійству. Въ бытность нашу тамъ такое безчиніе далеко еще не вывелось, хотя туземные Священники усердно стараются объ этомъ и своимъ вліяніемъ значительно ослабили уже вкоренившееся зло.

Народъ этотъ считаютъ за колдуновъ и говорятъ, что колдовство у нихъ до такой степени обыкновенно, что старики обучаютъ ему молодыхъ, и хотя нѣкоторые сохранили этѣ чародѣйныя идолопоклонническія дѣйствія, переданныя имъ отъ родителей и предковъ ихъ, не болѣе какъ голые обычаи, или пріемы въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ не менѣе они воображаютъ, что, не исполняя ихъ, не будутъ имѣть ни какого счастія въ дѣлахъ своихъ. Такъ, на примѣръ, когда они бьютъ скотину, или варятъ какое кушанье, пиво, то либо прежде чѣмъ употребляютъ изготовляемое, бросаютъ, или льютъ, часть его въ огонь, или въ извѣстное мѣсто, и оставляютъ, чтобы часть эта пропала, или уничтожилась. Съ малыми дѣтьми они также продѣлываютъ свое мороченье. Намъ разсказывали, что нѣкоторые новорожденныхъ своихъ, если они въ продолженіи 6 недѣль были неспокойны, тайно перекрещивали и давали имъ другія имена изъ того убѣжденія, что дѣти этѣ будьто бы получили ненадлежащія и неудобныя имена, и по тому были такъ непокойны. Если они такъ сильно преданы чародѣйству, то, будучи обложены всегда тяжелой работой, они должны были бы сдѣлать, если бъ только могли, надъ своими господами чиновниками то же самое, что въ древнія времена дѣлали колдуны въ Италіи. Блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи «De civ. Dei, lib. 18, c. 18, пишетъ, что въ его время разсказывали, будьто бы нѣкоторые трактирщики въ Италіи, посредствомъ чародѣйнаго сыра, превращали гостей своихъ, когда они поѣдятъ его, въ

лошадей и быковъ для того, чтобы въ этомъ видѣ отработали имъ извѣстныя по хозяйству работы; по исполненіи же работъ они опять возвращали этѣмъ гостямъ прежній видъ и разумъ.

О будущей жизни они имѣютъ также довольно странное представленіе. Сельскій Священникъ близъ Риги разсказывалъ намъ, что одна вдова Латышка положила въ гробъ съ тѣломъ мужа своего иглу и нитки. Когда ее спросили, за чѣмъ она дѣлаетъ это? отвѣчала: для того, чтобы мужъ ея могъ въ той жизни починить свое платье, когда оно разорвется, и чтобы другіе тамъ не могли смѣяться надъ его изорваннымъ платьемъ.

Въ слѣдствіе такой крайней грубости и невѣдѣнія въ дѣлахъ Вѣры, обусловливаемой большею частію тѣмъ, что владѣльцы (помѣщики) не обращаютъ надлежащаго вниманія на то, чтобы крестьяне ихъ были прилежнѣе къ слушанію слова Божія, происходитъ то, что крестьяне этѣ просто пренебрегаютъ словомъ Божіимъ и Таинствами. Протопопъ въ Лиггенгузѣ (Propst zu Liggenhusen), лежащемъ близъ Нарвы, Г. М. Андрей Безикъ (Besick), добрый мой другъ, разсказывалъ мнѣ нѣсколько примѣровъ подобного небреженія и, между прочимъ такой, что однажды его потребовали къ старому не Нѣмецкому крестьянину, лежавшему уже на смертномъ одрѣ, съ просьбою причастить больнаго. Когда Протопопъ спросилъ больнаго: по чему онъ пожелалъ только теперь принять Св. Причастіе, тогда какъ прежде, когда былъ здоровъ, онъ нѣсколько лѣтъ не думалъ объ немъ и не причащался? Больной отвѣчалъ, что его уговорили къ тому друзья, съ тою цѣлію, что если уже суждено ему умереть, то, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ честно погребенъ на Христіянскомъ кладбищѣ. Другой же крестьянинъ ругательски скверно и богохульно издѣвался надъ своимъ сосѣдомъ, услыхавши, что этотъ послѣдній ходилъ къ Причастію (zum Tisch des Herrn).

Такому варварству, кромѣ упомянутой выше причины (суроваго порабощенія), даютъ поводъ отчасти и нѣкоторые необразованные и неискусные проповѣдники, которыхъ нѣкоторые Дворяне, имѣющіе право опредѣлять Священниковъ (jus patronatus), назначаютъ изъ учителей своихъ дѣтей, не обращая вниманія на то, какъ бы дуренъ онъ ни былъ.

Когда достохвальная Шведская Корона узнала о такихъ непорядкахъ и о такомъ въ высшей степени опасномъ состояніи Христіянской Церкви, то, побуждаемая Государственнымъ Канцлеромъ, Г-мъ Акселемъ Оксенштирномъ, оказавшимъ Государству и Церкви многократныя высокія услуги, она повелѣла, по предначертанію этого Канцлера, измѣнить все и привести въ наилучшее состояніе. Въ слѣдствіе этого, около 18 лѣтъ, устроено похвальное учрежденіе, чтобы все духовенство въ странѣ, подъ управленіемъ Епископа, живущаго въ Ревелѣ при соборѣ, имѣло ежегодныя собранія (съѣзды), на которыхъ бы совѣщалось о церковномъ благосостояніи и дальнѣйшемъ распространеніи и укрѣпленіи въ народѣ истиннаго богослуженія. Такъ какъ на этѣхъ съѣздахъ ведутся пренія и сужденія о различныхъ предметахъ, то они, подробно испытаніямъ, заставляютъ сельскихъ Священниковъ обращаться къ книгамъ и побуждаютъ ихъ къ прилежанію.

На такихъ собраніяхъ и первыхъ съѣздахъ, установленныхъ въ разное время, находились такіе плохіе члены, которые на самые главные вопросы давали невѣжественные и даже глупые отвѣты, такъ что нельзя не удивляться и не сожалѣть объ этомъ.

При такихъ необходимыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ не Нѣмецкой Церкви прославился Г. М. Генрихъ Стааль (Staal), нынѣ Нарвскій Суперъ-Интендентъ, мужъ ученый, который перевелъ на Эстонскій или на не Нѣмецкій языкъ малый Катехизисъ Лютера, Евангелія съ толкованіями и много другихъ полезныхъ книгъ, и напечаталъ ихъ, такъ что книги этѣ могли служить пособіемъ и тѣмъ, которые не въ состояніи были посѣщать церковь.

Не менѣе славы достоинъ въ этомъ случаѣ и покойный высокоученый мужъ, Г. Генрихъ Брокманъ (Brockmann), бывшій прежде Профессоромъ Греческаго языка, а потомъ проповѣдникомъ не Нѣмецкой общины, который перевелъ на Эстонскій языкъ прекрасными стихами множество Лютеранскихъ церковныхъ пѣсенъ и псалмовъ, которыя и теперь еще поются въ церквахъ.

Форма одной Латышской или не Нѣмецкой клятвы.

«Нынѣ стою я (имя рекъ) здѣсь, такъ какъ ты, судья, требуешь отъ меня, чтобы я показалъ тебѣ истину, что эта земля, на которой я стою, есть земля, данная Богомъ и заслуженная мною, что я искони владѣю ею и обработываю ее. По этому я клянусь передъ Богомъ и его Святыми, такъ какъ и самъ Богъ будетъ судить меня въ будущей жизни, что эта земля есть отъ Бога мнѣ данная и мною заслуженная, которою я и отецъ мой издревле владѣли и пользовались; если же я клянусь въ этомъ ложно, то да погибну я тѣломъ и душею, и не только я, но и всѣ мои дѣти, и да погибнетъ все благосостояніе мое и потомковъ моихъ до 9 колѣна!»

Латыши около Риги (Рижскіе) кладутъ на голову глыбу торфу, а въ руки берутъ бѣлую палку (посохъ) и клянутся, произнося, что если клятва ихъ окажется въ чемъ ложною, то да изсохнутъ, почернѣютъ и пропадутъ подобно торфу, они сами, семейные ихъ и ихъ скотъ!

Такъ какъ народъ этотъ, какъ я сказалъ уже, находится въ рабствѣ и обложенъ тяжкими работами, то у нихъ нѣтъ ни чего, кромѣ того, что есть на нихъ и ихъ жилищъ въ селеніяхъ. Имъ дозволяется воздѣлывать едва лишь такое количество земли и поля, которое могло бы только скудно прокормить ихъ съ семействомъ. Въ мѣстахъ, обильныхъ лѣсомъ, крестьяне по этому самовольно забираются въ кустарникъ, или въ лѣсную глушь, тайно распахиваютъ тамъ участокъ земли, сѣютъ, жнутъ хлѣбъ и прячутъ его тамъ въ ямахъ. Если узнаетъ объ этомъ ихъ начальство, то хлѣбъ отбираютъ, а крестьянъ наказываютъ и бьютъ палками.

Это наказаніе у нихъ обыкновенное, которому ихъ подвергаютъ. При этомъ виновный долженъ снять рубаху и обнажиться до бедеръ, за тѣмъ его кладутъ на землю, или привязываютъ къ столбу, а другой не Нѣмецъ (крестьянинъ) стегаетъ его тонкими палками по обнаженному тѣлу, и, смотря по преступленію, присуждается извѣстное число ударовъ. Во всякомъ случаѣ для

наказанія берется пара палокъ, которыми бьютъ такъ, что хлещетъ кровь, особенно когда помѣщикъ еще приговариваетъ: «Selcke nak mahapexema, т. е., драть такъ, чтобы не осталось кожи на ребрахъ!» Нечего говорить, каково бываетъ состояніе наказанныхъ такимъ образомъ.

Не смотря на то, это такой грубый народъ, что онъ охотнѣе подвергается описанному тѣлесному наказанію, нежели денежному взысканію. Въ Ливоніи, въ имѣніи Гг. Де ла Баръ Гозе (De la Barre Hose) намъ разсказывали достовѣрные люди, что одинъ старикъ крестьянинъ, за какое-то преступленіе въ томъ имѣніи, долженъ былъ подвергнуться наказанію палками. Но такъ какъ крестьянинъ былъ уже старъ, то супруга Де ла Бара, изъ состраданія къ нему, выпросила, чтобы тѣлесное наказаніе было замѣнено ему ничтожнымъ денежнымъ взысканіемъ, равнявшимся только одному Шведскому талеру или восьми грошамъ. Крестьянинъ же поблагодарилъ за такую милость, раздѣлся и легъ для наказанія, съ слѣдующими словами: «На старости лѣтъ я не желаю ни чего новаго, не хочу вводить ни какихъ перемѣнъ, и удовольствуюсь наказаніемъ, которому подвергались отцы мои».

У нихъ, правда, денежныхъ средствъ весьма мало, по тому что часто имъ не оставляютъ ни чего, кромѣ жизни. Если чего не выжмутъ съ нихъ, по своей строгости, Господа, то доберутъ, или додѣлаютъ, ихъ приказчики; ибо каждый Господинъ (Помѣщикъ), котораго крестьяне называютъ Изандъ (Isand), имѣетъ у себя въ имѣніи Войта и Подвойтововъ. Этѣ послѣдніе называются Кубіасъ (Kubias), а первые Управляющими, и этѣ-то лица, особенно если они не получаютъ отъ своихъ Господъ извѣстнаго жалованья, должны продовольствоваться отъ крестьянъ, такъ притѣсняютъ и разоряютъ сихъ бѣдняжекъ, что тѣ не знаютъ, что и дѣлать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось тамъ дѣло, и теперь еще извѣстное въ цѣлой Ливоніи, что одинъ такой преслѣдуемый крестьянинъ, у котораго Управляющій грозилъ отнять и послѣднія средства къ жизни, съ отчаянія повѣсилъ въ своемъ домѣ свою жену, малаго ребенка, а потомъ и самъ тутъ же повѣсился. Когда Управляющій пришелъ по утру для исполненія своей угрозы, и вошелъ въ темную избу, то за-

дѣлъ головою ноги повѣсившагося, и когда разсмотрѣлъ печальное зрѣлище, пришелъ въ ужасъ, бѣжалъ домой и съ той поры твердо рѣшился человѣчнѣе обращаться съ крестьянами. Ливонцы сложили слѣдующіе стихи о своей сурово-рабской и трудовой жизни:

Ick bin ein Liffländisch Bur,
Min Levend werdt my sur,
Ick stige ub den Bercken Bohm,
Darvan haw ick Sadel und Tohm,
Ick binde de Schoe mit Baste,
Und fülle dem Juncker de Kaste,
Ick geve dem Pastor de Pflicht,
Und weth van Gott und sin Worde nicht.

То есть:

Я крестьянинъ Ливонскій,
Моя жизнь мнѣ горька;
Я взберусь на березу,
И изъ нея у меня сѣдло и узда.
Я подвязываю башмаки лыкомъ,
И наполняю казну юнкера (воина);
Я даю должную дань Пастору,
И не знаю ни Бога, ни его слова.

Полагаютъ, что вредно было бы предоставить имъ болѣе свободы и давать наживаться, что отъ этого они сдѣлались бы упрямѣй и непокорнѣй. У нихъ всегда лежитъ на мысли, что предки ихъ были обладателями земли, но что Нѣмцы поработили ихъ и подѣлали ихъ своими рабами. Вотъ по чему, особенно зимою, когда они возвращаются изъ города пьяные, то неохотно уступаютъ дорогу встрѣчающимся Нѣмцамъ и провожаютъ ихъ бранью. Духъ ихъ обнаружился также во время волненій, происшедшихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ слѣдствіе вторженія главнаго посла (des Obersten Botts), когда нѣкоторые крестьяне возмутились противъ своихъ Господъ и охотно, при первой возможности, выдавали ихъ въ руки непріятелей, если это было возможно, а то и сами умерщвляли ихъ. За такіе поступки ихъ, многіе изъ нихъ были преданы потомъ смертной казни въ разныхъ мѣстахъ.

ГЛАВА X.

Путешествіе изъ Ревеля въ Нарву, а также и о городѣ Нарвѣ.

Обращаемся снова къ нашему путешествію.

На 13-й недѣлѣ пребыванія нашего въ Ревелѣ возвратились наконецъ люди, которые были посланы изъ Кальмара въ Шлезвигъ, съ ожидаемыми вещами, а также и нашъ Русскій переводчикъ, Гансъ Арпенбекъ (Arpenbeck), который ѣздилъ въ Москву для извѣщенія Великаго Князя о причинахъ нашего продолжительнаго отсутствія и о претерпѣнномъ нами кораблекрушеніи. По возвращеніи этѣхъ лицъ начали и мы снаряжаться въ дальнѣйшее путешествіе, послали впередъ на 30 саняхъ Гофмейстера съ частью прислуги, съ нашею утварью и вещами, которые и выѣхали изъ Ревеля 24 числа Февраля мѣсяца, а 2-го Марта отправились и Послы съ остальными. Цѣлую милю ихъ провожали нѣкоторые изъ членовъ Совѣта и многіе добрые друзья; въ этотъ день мы сдѣлали 7 миль до Кольки (Kolka), имѣнія, принадлежащаго Шведскому Полководцу, Г. Якову Де ла Гарди. 3-го Марта проѣхали до Кунды, имѣнія Г. Іоанна Миллера, моего любезнаго тестя. 4-го числа, еще далѣе на 5 миль, до имѣнія Г. Іоанна Фокена (Fockens). Наконецъ, 6-го Марта, проѣхавши еще 5 миль, прибыли въ городъ Нарву, гдѣ вторично провѣтствованы были выстрѣломъ изъ двухъ крѣпостныхъ орудій.

Городъ Нарва лежитъ въ Алентакіи, на Ижорской границѣ, подъ 60 градомъ отъ равноденственника, при быстрой рѣкѣ, называемой горожанами Бекъ (Beck). [1] Рѣка эта у города Нарвы также широка, какъ и Лаба (Elba) въ Германіи, имѣетъ темную (коричневую) воду, беретъ свое начало изъ большаго озера, Пейпусъ, лежащаго въ 5 миляхъ отъ города Юрьева (Дерпта), въ полумили передъ городомъ Нарвой имѣетъ высокій водопадъ, гдѣ съ

---

[1] Теперешнее имя этой рѣки Нарова. Перев.

страшнымъ шумомъ низвергается съ скалистаго уступа, и въ 2 миляхъ за городомъ (ниже города) впадаетъ въ Чудскій заливъ. Низвергаясь на скалу, вода брызжетъ высоко мелкими брызгами, и по тому сдѣсь, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, до обѣда и послѣ образуется всегда цѣлая радуга, доставляющая пріятное зрѣлище. По причинѣ большаго водопада, суда, съ кладью идущія отъ Пскова и Юрьева на Нарву въ море, должны выгружаться за добрую полумилю передъ городомъ и въ городъ доставляться уже сухимъ путемъ.

Городъ Нарва должно быть построенъ Вольдемаромъ II, Королемъ Датскимъ, въ 1223 году по Р. Х. На одномъ берегу рѣки стоитъ хорошо устроенный замокъ, въ которомъ жилъ, въ нашу бытность тамъ, Градоначальникъ (Stadthalter); на другомъ же берегу, у самой рѣки находится крѣпкій, 3-мя каменными стѣнами окруженный, замокъ Иваньгородъ. Этотъ послѣдній, какъ полагаютъ, былъ чрезвычайно скоро построенъ тираномъ Иваномъ Васильевичемъ и названъ его именемъ. Въ 1558 году по Р. Х. тиранъ взялъ городъ Нарву, но въ 1581 г. Полководецъ Шведскаго Короля, Іоанна, Понтусъ Де ла Гарди, снова завоевалъ его Швеціи. Позади замка и по нынѣ еще есть укрѣпленіе, называемое Русскою Нарвою, которое должно быть построено въ 1492 г., какъ свѣдѣтельствуетъ Хитрей въ своей «Saxonia», и въ которой жили чистые Русскіе, свободно отправлявщіе свое богослуженіе въ особой приходской церкви. Теперь же всѣ Русскіе выбрались оттуда и переселились по эту сторону въ городъ. Городъ этотъ хоть и не великъ, но, какъ пограничная крѣпость, окруженъ крѣпкими окопами, каменной стѣной и снабженъ добрымъ охраннымъ войскомъ. Сдѣсь въ одной насыпи (валѣ), находящейся не далеко отъ Ливонскихъ воротъ, я нашелъ замѣчательное явленіе, именно: вода, просочившаяся со свода (такъ какъ насыпь внутри полая и сдѣлана сводомъ) и ниспадавшая внизъ, сдѣлалась твердою, подобно камню, и съ земли она имѣла видъ, какъ бы разжиженнаго тѣста.

Такъ какъ торговля, бывшая сдѣсь прежде обширной и упавшая потомъ въ слѣдствіе войнъ, въ настоящее время опять увеличивается, то самый городъ распространился новыми по-

стройками, гораздо большими, чѣмъ былъ старый городъ, раздѣленъ на правильныя, или ровныя улицы и укрѣпленъ весьма надежно. Не много лѣтъ назадъ въ немъ возведено нѣсколько богатыхъ и роскошныхъ каменныхъ домовъ, да и теперь еще продолжаются постоянно все каменныя постройки, такъ какъ бывшія прежде деревянныя постройки нынѣ запрещены, и это еще болѣе привлекаетъ сюда съ каждымъ днемъ купцовъ и промышленниковъ, которыхъ въ минувшемъ 1654 году прибыло сюда множество; они поселились сдѣсь, подѣлались сдѣшними гражданами, и тогда, въ весьма короткое время (особенно въ слѣдствіе прекращенія пути и торговли въ Архангельскѣ, во время войны Англичанъ съ Голландцами) сюда стеклось такое громадное количество богатства, что, какъ сообщали мнѣ за вѣрное, въ одинъ этотъ годъ прибыло въ Нарву болѣе 60 кораблей съ запада и востока, и они присезли на себѣ дорогихъ товаровъ на 500,000 талеровъ. И кажется, что, въ слѣдствіе обычныхъ перемѣнъ и превратностей во всемъ, городъ Ревель, въ природномъ своемъ соперничествѣ съ Нарвою, скоро упадетъ, а Нарва, напротивъ, снова усилится и распространится. Въ видахъ дальнѣйшаго приспособленія къ торговлѣ, задумано тамъ предпріятіе: расчистить въ Аминдѣ занесенную пескомъ глубину Нарвской рѣки Бекъ, у морскаго берега, въ 2 миляхъ отъ города, для того, чтобы самые большіе корабли въ будущемъ съ полнымъ грузомъ могли подъ самый городъ приплывать и отплывать и имѣть, такимъ образомъ, надежную пристань.

Его Величество, Король Шведскій, совершенно освободилъ городъ Нарву отъ притѣсненій разнаго рода Придворныхъ чиновъ и Намѣстниковъ, и посадилъ въ немъ Бургграфа: въ настоящее время Бургграфомъ тамъ состоитъ благородный и почтенный Филиппъ Крузенштернъ, Совѣтникъ Его Величества, Короля Шведскаго, и Главный Начальникъ торговли въ Эстоніи и Ижоріи, мой многолюбимый своякъ, которому предоставлена церковная и политическая высшая власть, такъ что онъ обязанъ, вмѣсто Короля, вездѣ предсѣдательствовать и всѣмъ управлять.

Прежде въ Нарвѣ была только одна каменная церковь, принадлежавшая Нѣмецкой общинѣ, въ которой по временамъ от-

оправляли службу и Шведы; теперь же и Шведская общиніа построила особую прекрасную каменную церковь, такъ что и Шведская и Нѣмецкая общины имѣютъ нынѣ свои собственныя церкви. Сдѣсь же находится и Г. Маг. Генрихъ Стааль, Суперъ-Интендентъ Ижоріи и Аллентакена, который нѣсколько лѣтъ ревностно трудится обучать живущихъ тамъ Русскихъ, съ цѣлію обратить ихъ въ нашу Вѣру; но дѣло это доставляетъ ему болѣе тяжелаго труда, чѣмъ счастливаго успѣха.

Между Ревелемъ и Нарвою, равно какъ въ Ижоріи и во всей почти Ливоніи, по причинѣ огромныхъ лѣсовъ, находится множество дикихъ животныхъ, равно и домашнихъ; много также хищныхъ звѣрей, особенно медвѣдей и волковъ, которые дѣлаютъ много вреда поселянамъ.

Волки зимою безбоязненно бѣгаютъ по дворамъ, и если скотина заперта, подкапываются подъ заборы и таскаютъ овецъ. Часто таскаютъ и собакъ со двора и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги ночью отъ нихъ весьма опасны. Чтобы попугать ихъ и воздержать отъ нападенія въ дорогѣ, привязываютъ на длинной веревкѣ палку, которую и оставляютъ волочиться за санями.

Въ 1634 году, Генваря 24, въ полуторѣ мили отъ Нарвы, повстрѣчался небольшой волкъ, вѣроятно, бѣшеный, двѣнадцати Русскимъ крестьянамъ, ѣхавшимъ одинъ за другимъ на саняхъ съ сѣномъ. Волкъ этотъ бросился на перваго, впереди бывшаго, крестьянина, наскочилъ на него, схватилъ за горло и разорвалъ его; то же сдѣлалъ онъ и со вторымъ, слѣдовавшимъ за нимъ. Третьему онъ содралъ кожу съ головы, четвертому искусалъ носъ и щеки, пятаго и шестаго также очень изранилъ. Тогда остальные, видѣвши это, собрались вмѣстѣ, дали отпоръ волку, одолѣли и убили его.

Одного изъ этѣхъ Русскихъ, пораненыхъ волкомъ, я посѣтилъ въ Нарвѣ съ нашимъ Врачемъ и видѣлъ, что у него страшно изуродованы были лицо и голова. Несчастный этотъ умеръ, равно какъ и всѣ остальные, укушенные волкомъ отъ бѣшенства.

Изъ шкуры этого волка сдѣлали чучелу, показывали ее Посламъ, и, на память о такомъ страшномъ событіи, ее доставили въ Нарву.

Подобную же почти исторію разсказывалъ намъ о медвѣдѣ одинъ охотникъ въ Ермесѣ, въ Ливоніи, именно: въ 1630 году, въ одномъ селеніи въ этой странѣ, одинъ крестьянинъ, везши кадку съ сельдями для продажи, остановился у корчмы и зашелъ въ нее, оставивъ возъ на улицѣ; въ это время изъ кустарника вышелъ огромный, здоровый медвѣдь: онъ распорядился кадкою, пожралъ находящееся въ ней и за тѣмъ забрался въ дворъ къ лошадямъ: увидавши это, крестьяне выскочили было изъ корчмы, для защиты своихъ лошадей, но медвѣдь напалъ и на крестьянъ, переранилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ лошадьми, такъ что люди принуждены были спасаться бѣгствомъ. Потомъ медвѣдь пробрался въ домъ, припалъ къ пивному чану, въ которомъ было свѣжее пиво, и напился тамъ до отвалу. Хозяйка дома, сидѣвшая съ двумя дѣтьми на печи, въ большомъ страхѣ и тишинѣ, должна была смотрѣть на своеволіе такого недобраго гостя. Насытившись вдоволь, медвѣдь опять потянулъ въ лѣсъ. Крестьяне же, увидавъ, что медвѣдь начинаетъ пошатываться, пошли за нимъ, и когда медвѣдь, будьто пьяный человѣкъ, упалъ на дорогѣ и заснулъ, они напали на него и убили.

Говорили, что вѣроятно у этого медвѣдя, оказавшагося самкой, ушли дѣти, и онъ бродилъ такимъ образомъ, отыскивая ихъ.

Другой случай былъ такой: одинъ крестьянинъ пустилъ свою лошадь на ночь въ кустарникъ на траву, и когда на другое утро пришелъ за нею, то нашелъ медвѣдя, который сдѣлалъ себѣ уже изъ лошади добрый завтракъ. Увидавши крестьянина, медвѣдь оставилъ ѣду свою, погнался за человѣкомъ, схватилъ его на переднія лапы и потащилъ было уже его къ мѣсту своей прежней трапезы. Къ счастію, съ крестьяниномъ была небольшая собака, она погналась съ лаемъ за медвѣдемъ и укусила его за голень. Желая схватить собаку, медвѣдь выпустилъ изъ лапъ крестьянина, и этотъ послѣдній тотчасъ же бѣжалъ, и такимъ образомъ спасся. Медвѣди здѣсь, и особенно въ Ижоріи, вѣ-

роятно, пожираютъ много лосей, такъ какъ этѣ животныя робки. Медвѣди же нерѣдко не щадятъ и человѣческія тѣла, въ землѣ погребенныя, особенно же такія, которыя неглубоко зарыты: они вырываютъ этѣ тѣла изъ могилъ и пожираютъ ихъ. Такъ, осенью 1634 г., недалеко отъ Нарвы, за лѣснымъ дворомъ, медвѣди разрыли на кладбищѣ могилы, вытащили 13 труповъ, лежавшихъ въ гробахъ, и всѣхъ ихъ унесли вмѣстѣ съ гробами.

Еще разсказывали намъ, что недавно одна важная Госпожа, хорошо извѣстная въ тамошнихъ мѣстахъ, какъ-то на дорогѣ повстрѣчала медвѣдя, который несъ на лапахъ покойника, волоча за собою и саванъ этого покойника; лошадь, на которой она ѣхала въ саняхъ, при такомъ зрѣлищѣ захрапѣла, взбѣсилась и понесла ее куда попало, по бревнамъ и камнямъ.

Намъ разсказывали много и другихъ замѣчательныхъ происшествій съ медвѣдями въ тѣхъ мѣстахъ. Такъ, на прим., какъ однажды медвѣдь схватилъ близъ Риги женщину, и продержалъ ее у себя въ берлогѣ 14 дней; потомъ, какъ охотники застрѣлили этого медвѣдя, какъ сказанная женщина нашла охотниковъ, какъ угощала ихъ и какимъ чудомъ она была спасена ими и проч. и проч. Всѣ этѣ разсказы читателю, особенно такому, который ни чего подобнаго не слыхалъ, могутъ показаться даже неправдоподобными, по чему я и не стану больше приводить ихъ сдѣсь.

ГЛАВА XI.

Отъ Нарвы до Новгорода и о городѣ Новгородѣ.

7-го Марта мы снова отправились изъ Нарвы и къ вечеру прибыли въ Лиліенгагенъ, (Lilienhagen), находящійся въ 7 миляхъ отъ Нарвы; 8-го числа прибыли въ Зарицу (Saritz), 6 миль далѣе. 9-го до обѣда сдѣлали 4 мили, до Шведскаго селенія Орлина, гдѣ переводчикъ нашъ, посланный впередъ, встрѣтилъ насъ съ вѣстью, что Приставъ ожидаетъ насъ на границѣ.

Послы призвали къ себѣ главныхъ чиновъ изъ сопровождающихъ насъ, дружески напомнили имъ еще разъ, чтобы они, по

уваженію къ Его Княжеской Свѣтлости, воздавали имъ, Посламъ, должный почетъ, и вообще вели себя такимъ образомъ, какъ требуютъ того обязанности каждаго, занимающаго извѣстную должность. Это особенно нужно было по тому, что Русскіе, во владѣнія которыхъ мы скоро должны были пріѣхать, обращаютъ особенное вниманіе на то, какимъ уваженіемъ и почетомъ пользуются Послы у сопровождающихъ ихъ. Мы обѣщали исполнить эту просьбу Пословъ, какъ нашу обязанность и добровольное наше желаніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили Пословъ, чтобы и съ нами обращались вѣжливо и сообразно съ положеніемъ и происхожденіемъ каждаго изъ насъ, а не относились грубо и съ бранью одинаково ко всѣмъ. Намъ это также было обѣщано, и тогда мы мирно и въ должномъ порядкѣ отправились на встрѣчу Приставу, котораго нашли въ одной милѣ за Орлинымъ, подъ открытымъ небомъ, среди снѣга, въ лѣсу, съ 24-мя стрѣльцами и 90 санями. Какъ только Приставъ, называвшійся Константинъ Ивановичъ Арбузовъ (Constantino Ivanowitz Arbusow), замѣтилъ, что Послы вышли изъ экипажа, то вышелъ и самъ изъ саней и остался стоя; онъ былъ въ зеленомъ шелковомъ кафтанѣ, съ золотою цѣпью, а сверху накинутъ былъ длинный охабень (Rock), подбитый куницей. Когда Послы стали подходить къ Приставу, подошелъ и онъ на встрѣчу къ нимъ, на нѣсколько шаговъ, съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Гг. Послы, снимите шляпы!» Но такъ какъ Послы коснулись уже своихъ шляпъ, то и отвѣчали черезъ переводчика: «Любезный Приставъ! Мы уже сдѣлали это.» За тѣмъ Приставъ началъ читать бумагу, что, по повелѣнію Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Михаила Θеодоровича, Самодержца всея Россіи и проч. и проч., Воевода Новгородскій, Князь Петръ Александровичъ Репнинъ (Knees Pieter Alexandreowitz Repnin), прислалъ его, Пристава, принять ихъ, Пословъ, Филиппа Крузе и Отона Бругмана, доставить имъ подводы и жизненные припасы и препроводить ихъ въ Новгородъ и Москву. Послы отвѣчали благодарностію, и тогда Приставъ, подавъ имъ первый руку, спросилъ ихъ о здоровьи и благополучно ли они ѣхали? За тѣмъ въ наши сани впрягли лошадей, и въ тотъ же день мы проѣхали еще 6 миль, до селенія Чверина (Tschwerin).

10-го Марта, въ полдень, пріѣхали мы въ Десаву (Desaw), а къ вечеру въ село Мокрицу (Mokritza), въ 8-ми миляхъ отъ Чвери-

на. 11-го достигли мы Великаго Новгорода. При въѣздѣ въ городъ Приставъ силою протѣснился впередъ для того, чтобы занять при Послахъ главное мѣсто, и хотя этѣ послѣдніе оказали было сопротивленіе ему, но онъ настоялъ на своемъ и продолжалъ путь на занятомъ имъ главномъ мѣстѣ. По прибытіи на жилье онъ извинялся предъ Послами, черезъ переводчика, въ своей невѣжливости при въѣздѣ въ городъ, объясняя ее тѣмъ, что сдѣлалъ это не отъ себя, а по приказанію Воеводы, и если бы онъ не исполнилъ этого приказанія, то объ этомъ было бы донесено Великому Князю, и ему, Приставу, была бы чрезъ то большая непріятность.

Великій Новгородъ считается отъ Нарвы въ разстояніи 40 Нѣмецкихъ миль. Высоту полюса я нашелъ сдѣсь въ 58 градусовъ, 23 минуты. И хотя Лундорпъ (Lundorpius) въ «Продолженіи сочиненія Шлейдана» (in Sleidano continuato) считаетъ 62 градуса, а Павелъ Іовій (Paulus Jovius) даже 64, но этѣ градусы лежатъ гораздо далѣе на сѣверъ. Такъ, послѣдній, въ книгѣ «О посольствѣ Московскомъ» (De legatione Muscovitarum), говоритъ: «Novogardia perpetua quasi hyeme et tenebris longissimarum noctium premitur. Nam polum arcticum ab horizonte sexaginta quatuor gradus elevatum videt.» Но я самъ, въ полдень 15-го Марта, 1636 года, въ точности изчислялъ высоту солнца и нашелъ, что оно стояло тогда на 33 гр. 45 минутъ надъ небосклономъ. Склоненіе солнца, такъ какъ это былъ високосъ, считая вдоль около 55, было 2 град. 8 минутъ. Отнявъ этѣ числа отъ высоты солнца, высота равноденственника выйдетъ 31 гр. и 18 мин. А вычтя этѣ послѣднія числа изъ 90 гр., высота полюса выйдетъ 58 гр. 23 мин. Въ этомъ случаѣ со мною согласенъ и Андрей Бурей, бывшій Шведскій Посолъ, о которомъ мы уже говорили выше, и который, какъ ученый и въ Математикѣ весьма опытный и глубоко свѣдущій мужъ, мѣстность эту обозначаетъ также въ своей картѣ Швеціи и Россіи, и ставитъ ее на 10 мин. еще ниже моего исчисленія.

Новгородъ довольно большой городъ, раскинутый на милю въ окружности, а прежде былъ гораздо еще обширнѣйшимъ, какъ это можно заключать по древнимъ стѣнамъ, оставшимся тамъ и симъ отъ разрушившихся уже церквей. Снаружи онъ

очень красивъ по множеству монастырей, церквей и башенъ; но дома въ немъ, равно какъ валы и городскія укрѣпленія, построены изъ еловаго лѣсу, или балокъ, положенныхъ одна на другую, точно также, какъ теперь строятся они и въ большей части остальныхъ городовъ по всей Россіи. Городъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ, при обильной рыбою рѣкѣ Волховѣ (Wolchou), въ которой, кромѣ другой хорошей рыбы, водятся огромные, прежирные и превкусные лещи, продающіеся весьма дешево. Окрестная страна представляетъ отличныя пахатныя поля и луга для пастбищъ; сдѣсь множество пеньки, льну, меду и воску. Сдѣсь же выдѣлываются найлучшія юфтяныя кожи, составляющія богатый предметъ торговли. Страна эта, по своему положенію, весьма удобна для торговли, по тому что по ней течетъ судоходная рѣка Волховъ, которая вытекаетъ изъ озера Ильменя, лежащаго въ полумили за городомъ, и впадаетъ въ Ладожское озеро, соединяющееся у Орѣшка (Noteburg), р. Невою съ Чудскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Въ прежнія времена сдѣсь вели обширную торговлю Ливонцы, Литовцы, Поляки, Шведы, Датчане, Нѣмцы и жители Фландріи; отъ того-то Новгородъ былъ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ городомъ. Въ древности онъ былъ и главнымъ городомъ всей Россіи, столицею Князя, равно какъ и вся область (которая была обширна и пдостиралась до Торжка) составляла особое Княжество, не подвластное Царю, но имѣвшее своего собственнаго Князя и монетный дворъ. По большой населенности, великому богатству и силѣ, Новгородъ былъ такъ славенъ у Русскихъ, что величіе его вошло даже въ пословицу: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» Но Сенека говоритъ на этотъ счетъ иное: «Nihil tam magnum, quod perire non possit. Ни что не велико на столько, чтобы не могло погибнуть.» Такъ было и съ Новгородомъ: въ 1427 году по Р. Х. Витовтъ, Великій Князь Литовскій съ Польскимъ войскомъ такъ сильно поразилъ и устрашилъ Новгородцевъ, что они принуждены были выйти на встрѣчу къ нему съ великими подарками и просить о мирѣ. Объ этомъ пишетъ Соломонъ Нейгебауръ, въ 5-й книгѣ своей «Historia rerum Polonicarum», такимъ образомъ: «Vitoldus Polonicis militibus Novogardensibus Russis, libero populo, praetextu controversorum finium bellum intulit, superataque praeter spem

eorum difficultate itineris, cum ad Oposcam (Опочка) castra faceret, supplicibus et ingentia dona adferentibus, pacem dedit.»

За тѣмъ, въ 1477 году, тиранъ Иванъ Васильевичъ Грозный (Grotzdin), послѣ семилѣтней борьбы, одолѣлъ наконецъ Новгородъ и, по совѣту и съ помощію Новгородскаго же Архіепископа Ѳеофила, вооруженною силою вошелъ въ городъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что желалъ, будьто бы, возвратить Греческой Церкви нѣкоторыхъ Новгородцевъ, перешедшихъ въ Римскую Церковь. При этомъ онъ отнялъ имущество у всѣхъ купцевъ и важнѣйшихъ гражданъ, даже у самаго Архіепископа обобралъ все золото и серебро и, нагрузивъ на 400 подводахъ бездну золота, серебра, драгоцѣнныхъ вещей, отправилъ все это въ Москву, равно какъ и самихъ сказанныхъ гражданъ, а въ Новгородъ переселилъ своихъ преданныхъ людей, которые должны были платить ему ежегодно большія подати. Объ этомъ подробно пишетъ Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, жившій во время этѣхъ событій, и [1] Александръ Гваньини (Gwagninus).

Извѣстно также, что вытерпѣли Новгородцы въ 1569 году при страшномъ и грозномъ Иванѣ Васильевичѣ, который, по несправедливому подозрѣнію, будьто бы они, вмѣстѣ съ своднымъ братомъ его, [2] котораго онъ приказалъ отравить, замышляли противъ него возмущеніе и хотѣли отдаться Польскому Королю, явился съ войскомъ въ Новгородъ, опустошилъ и разрушилъ въ окрестной странѣ и въ самомъ городѣ все, что только попадалось ему и воинамъ его, загналъ множество гражданъ въ кучу на большой мостъ и, разрушивъ этотъ мостъ, потопилъ въ рѣкѣ бездну Новгородцевъ; однимъ словомъ, онъ произвелъ сдѣсь такое страшное кровопролитіе, о какомъ никогда не было и слышно въ Россіи. Въ этой рѣзнѣ погибло 2770 важнѣйшихъ Новгородскихъ гражданъ, не считая ихъ женъ, дѣтей и остального простаго народа. Въ самой Новгородской области онъ разграбилъ 175 монастырей, обративъ часть ихъ въ пепелъ, перебилъ въ

---

[1] Но Герберштейнъ родился въ 1486 году. О. Б.

[2] Вѣроятно, сдѣсь говорится о двоюродномъ братѣ Царя, Князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, погибшемъ, какъ извѣстно, по приказанію Ивана IV. Перев.

нихъ иноковъ, имущество же этѣхъ монастырей, уцѣлѣвшее отъ пламени, увезъ съ собою, какъ объ этомъ повѣствуетъ Гваньини въ «Descriptione Moschoviae.»

Одинъ Датскій Дворянинъ, Якобусъ (Jacobus), бывшій Посломъ Датскаго Короля Фридриха II у этого грознаго Великаго Князя, прибавляетъ къ описанному выше, въ своемъ «Hodoeporicon Ruthenicum,» что рѣка Волховъ до того была полна трупами тысячъ людей, такъ безжалостно погубленныхъ, что остановилась въ своемъ обычномъ теченіи, вышла изъ береговъ и потекла по окрестнымъ полямъ. Посолъ этотъ былъ въ Новгородѣ спустя 8 лѣтъ послѣ этого событія, и ему сообщали это за достовѣрное Новгородцы, у которыхъ онъ прожилъ цѣлый мѣсяцъ. Такъ говоритъ онъ объ этомъ, въ помянутомъ выше описаніи путешествія: «Hoc etsi minus credibile videtur, tamen omnia sese in rei veritate sic habere a fide dignis in Russia cognovi; ab iis, scilicet, qui adhuc sub potestate Muscovitae Novogardiae commorantur, alias tabulae huic non admovissem;» т. е., хотя это кажется невѣроятнымъ, но я слышалъ отъ достойныхъ вѣры Русскихъ людей, и нынѣ еще живущихъ въ Новгородѣ, что это было дѣйствительно такъ.» И далѣе онъ прибавляетъ, что еще тогда, когда онъ тамъ былъ, страна около Новгорода, послѣ такого погрома, была такъ бѣдна и пуста, что если бъ Приставъ не распорядился доставкою провольствія изъ другихъ мѣстъ, то они перемерли бы съ голода.

Упомянувъ о страшномъ тиранствѣ Ивана Васильевича въ Великомъ Новгородѣ, я приведу сдѣсь читателю изъ Гваньини еще два ужасные примѣра жестокости, совершенные имъ въ то же время.

Послѣ описаннаго безчеловѣчнаго избіенія Новгородцевъ тираномъ Великимъ Княземъ, его пригласилъ къ себѣ въ гости правившій въ Новгородѣ Архіепископъ, вѣроятно, изъ страха, желая заискать у него милость. Тиранъ не отказался отъ приглашенія, и въ назначенный часъ явился къ Архіепископу съ своими вооруженными тѣлохранителями и стражей; но во время обѣда онъ послалъ часть своихъ тѣлохранителей въ богатую золотомъ и серебромъ церковь Св. Софіи, въ которую важнѣй-

шіе граждане попрятали также и свои дорогія имущества, какъ въ найболѣе безопасное мѣсто, приказавъ посланнымъ разбить церковь и забрать изъ нея все, хранившееся въ ней богатство. Послѣ пиршества онъ обобралъ у Архіепископа всѣ его дорогія одежды, всѣ Епископскія украшенія и убранства, и сказалъ: «Теперь тебѣ неприлично оставаться Архіепископомъ, будь лучше волынщикомъ, води медвѣдя и заставляй его плясать за деньги! Ты долженъ теперь взять жену, которую я тебѣ пріискалъ и присудилъ!» Къ остальнымъ же Игуменамъ и Настоятелямъ, бѣжавшимъ изъ монастыря въ городъ и также находившимся на пиршествѣ, онъ обратился за тѣмъ и сказалъ: «Вы всѣ должны явиться на свадьбу Архіепископа и, какъ приглашенные мною, должны принести съ собою и хорошіе свадебные подарки.» При этомъ, пощадивъ ихъ имущество, онъ наложилъ на каждаго изъ нихъ извѣстное количество денегъ, требуя доставить его въ точности. Когда же этѣ иноки принесли деньги даже охотно, думая, что они пойдутъ въ пользу низложеннаго Архіепископа, тогда тиранъ забралъ всѣ этѣ деньги себѣ, а для Архіепископа приказалъ привести бѣлую жеребую кобылу, сказавши, указывая на нее пальцемъ: «Вотъ твоя жена, садись на нее и поѣзжай въ Москву! Тамъ я прикажу опредѣлить тебя въ разрядъ волынщиковъ, чтобы ты игралъ подъ пляски медвѣдя.» Несчастный бѣднякъ принужденъ былъ сѣсть на лошадь въ одномъ толстомъ суконномъ кафтанѣ. Ему связали ноги подъ брюхомъ лошади, на шею навѣсили лиру, цитру и волынку и въ такомъ видѣ заставили ѣздить по Новугороду, приказывая ему играть на волынкѣ, хотя онъ и не умѣлъ этого. Какіе звуки издавалъ онъ играя, легко себѣ представить. Наругавшись такимъ образомъ надъ Архіепископомъ, тиранъ прогналъ его; остальныхъ же Настоятелей и чернецовъ предалъ разнаго рода ужасной смерти, большею частію приказалъ изрубить ихъ топорами, поколоть копьями, загнать въ рѣку и потопить ихъ.

Послѣ этого долженъ былъ поплатиться еще одинъ знатный, богатый гражданинъ, по имени Ѳедоръ Сырковъ (Theodorus Sircon). Тиранъ потребовалъ его къ себѣ въ станъ, не далеко отъ Новгорода, приказалъ обвязать его поперекъ тѣла веревкой, и на этой веревкѣ протащить черезъ рѣку Волховъ подъ водою. Когда

все это исполнили, и тиранъ замѣтилъ, что несчастный скоро долженъ былъ захлебнуться подъ водою, онъ велѣлъ его вытащить изъ воды и спросилъ его: «Что хорошаго видѣлъ онъ подъ водою?» Сырковъ отвѣчалъ: «Я видѣлъ, Великій Князь, что всѣ черти этой рѣки, а также изъ Ладожскаго озера и изъ другихъ окрестныхъ водъ, собрались вмѣстѣ и ждутъ тамъ твою душу, чтобы отправить ее въ преисподнюю.» «Хорошо», замѣтилъ на это тиранъ: «ты видѣлъ правду, и я хочу отблагодарить тебя за такое твое пророчество видѣннаго тобою.» За тѣмъ онъ приказалъ принести котелъ съ кипячей водою, велѣлъ поставить несчастнаго въ этотъ котелъ по колѣна и продолжать кипятить воду до тѣхъ поръ, пока онъ не откроетъ, гдѣ спрятаны его деньги и сокровища, такъ какъ Сырковъ былъ очень богатъ и на свой счетъ основалъ и построилъ 12 монастырей. Когда мученикъ не вынесъ и велѣлъ принести 30 тысячъ гульденовъ серебряной монетой, тиранъ приказалъ изрубить его вмѣстѣ съ братомъ его Алексѣемъ, и потомъ изрубленные трупы побросать въ воду.

Такое-то пораженіе, сопровождаемое такими страшными убійствами, потерпѣлъ добрый городъ Новгородъ, и тогда-то онъ увидѣлъ, какъ могъ онъ стоять противъ силы. За тѣмъ, еще въ свѣжей памяти у него то, что въ 1611 году могъ сдѣлать противъ него Шведскій Полководецъ, Яковъ Де-ла-Гарди, который и доказалъ Новгороду, что существовавшая пословица объ его могуществѣ обратилась въ ничто.

Въ настоящее время Великій Князь Московскій поставляетъ обыкновенно въ Новгородъ одного Воеводу или Правителя и одного Митрополита, которые оба живутъ въ кремлѣ, по сю сторону рѣки, окруженномъ крѣпкою каменною стѣною; посредствомъ этихъ двухъ лицъ онъ и управляетъ городомъ и цѣлою областью въ гражданскихъ и духовныхъ дѣлахъ.

Новгородцы, когда были еще язычниками, имѣли идола, называвшагося Перуномъ, т. е. богомъ огня, ибо Русскіе огонь называютъ перунъ; и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ ихъ идолъ, построенъ монастырь, удержавшій имя идола и названный: Перунскимъ монастыремъ (Perunski monastir). Божество это

имѣло видъ человѣка, съ кремнемъ въ рукѣ, похожимъ на громовую стрѣлу (молнію) или лучь. Въ знакъ поклоненія этому божеству содержали неугасаемый ни днемъ, ни ночью огонь, раскладываемый изъ дубоваго лѣсу, и если служитель при этомъ огнѣ, по нерадѣнію, допускалъ огню потухнуть, то наказывался смертію. Когда же Новгородцы приняли крещеніе и сдѣлались Христіанами, то этого идола низвергли въ р. Волховъ, въ которой, разсказываютъ, онъ долго плылъ противъ теченія, и когда достигъ моста, то изъ рѣки выброшена была на мостъ къ народу палка и слышенъ былъ голосъ, сказавшій: «Это Новгородцы, вамъ на память обо мнѣ!» Этотъ голосъ Перуна послѣ того ежегодно слышался въ извѣстные дни, и тогда Новгородцы толпами съ крикомъ бѣгали по городу и били другъ друга палками съ такимъ увлеченіемъ и силою, что Воевода съ трудомъ разгонялъ ихъ. Какъ свѣдѣтельствуетъ достойный вѣры Баронъ Герберштейнъ, обычай этотъ существовалъ въ Новгородѣ еще и въ его время; теперь же забылся и [illegible].

На другомъ берегу рѣки, противъ кремля, стоитъ монастырь Св. Антонія. Построенію этого монастыря, какъ разсказываютъ Новгородцы, далъ поводъ самъ Св. Антоній великимъ чудомъ своимъ. Русскіе выдаютъ за правду и сами вѣрятъ, что Св. Антоній, сѣвши въ Римѣ на большой жерновъ, спустился по Тибру въ море, объѣхалъ Испанію, Францію, Данію, проплывъ Зундъ, Балтійское море, Ладожское озеро и далѣе, поднявшись вверхъ по рѣкѣ Волхову, достигъ Великаго Новгорода и здѣсь высадился на берегъ, вмѣстѣ съ своимъ камнемъ или жерновомъ. Увидѣвши на берегу рыбаковъ, собиравшихся ловить рыбу, Св. Антоній вошелъ съ ними въ такую сдѣлку, чтобы все, что поймаютъ они первымъ уловомъ, было отдано ему одному; и по этой сдѣлкѣ они вытащили сѣтью на берегъ огромный ящикъ, въ которомъ находились ризная церковная утварь, книги и деньги Св. Антонія. Этотъ послѣдній выстроилъ на томъ мѣстѣ часовню, и поселился въ ней на житье; въ ней же умеръ и похороненъ. Новгородцы говорятъ, что тѣло Св. Антонія, нетлѣнное, можно видѣть тамъ и въ настоящее время, и что оно творитъ чудеса надъ больными, приходящими къ нему на поклоненіе; но изъ иновѣрцевъ и чужестранцевъ туда ни кто не впускается; толь-

ко одинъ жерновъ, прислоненный къ стѣнѣ, показывали нѣкоторымъ изъ нихъ. Во имя такого великаго чуда и въ память Св. Антонія, Новгородцы выстроили на мѣстѣ часовни великолѣпный монастырь и надѣлили его богатыми вкладами.

Мы прожили въ Новгородѣ 5 дней: въ продолженіи этого времени Воевода пожаловалъ однажды Посламъ 24 разныхъ блюдъ кушанья и 16 напитковъ; то же сдѣлалъ и Канцлеръ Богданъ Ѳедоровичъ Обобуровъ (Oboburow),[1] который въ первое Посольство наше былъ при насъ Приставомъ. Послы отдарили Воеводу новою Нѣмецкою каретой.

ГЛАВА XII.

Путешествіе отъ Новгорода до Москвы, и о нашемъ въѣздѣ въ эту послѣднюю.

16-го Марта мы выѣхали на 129 свѣжихъ лошадяхъ въ саняхъ, и вечеромъ того же дня прибыли въ Бронницу (Brunitz), сдѣлавши 4 мили; сдѣсь мы опять перемѣнили лошадей, на которыхъ въ слѣдующій день до обѣда сдѣлали 40 верстъ или 8 миль до Мѣдной (Miedna), а послѣ обѣда еще 25 верстъ до яма Кресты (Крестцы, Kressa). 18-го числа до Яжельбицы (Jaselbitza), 6 миль, и потомъ далѣе до Зимней Горы (Simna gora, Зимногорье), 4 мили. 16-го проѣхали до Коломны (Columna), 50 верстъ, и 20-го Марта въ ямъ Вышній Волочокъ (Wuisna Wolloka), сдѣлавши 5 миль.

Въ этомъ селѣ къ намъ приводили мальчика 12 лѣтъ, который женился за нѣсколько недѣль предъ нашимъ пріѣздомъ, а позднѣе въ Твери мы видѣли замужнюю женщину 11 лѣтъ. Въ Россіи и Финляндіи уже такой обычай — женить дѣтей 12 и моложе лѣтъ. Такіе браки большею частію бываютъ между вдовами и мальчиками сиротами, собственно для того, чтобы

---

[1] Ададуровъ?

этѣ послѣдніе, оставаясь послѣ родителей, находились лучше на попеченіи доброй жены, чѣмъ друзей, или опекуновъ.

Вечеромъ, послѣ 7-ми миль пути, прибыли мы въ бѣдное село Видропускъ (Windrapusck), имѣли прескверный постоялый дворъ, по тому что во всемъ селѣ было не болѣе 3-хъ домовъ, въ которыхъ помѣщенія походили скорѣе на свиные хлѣва, чѣмъ на комнаты. Хотя по селеніямъ во всей Россіи во время нашего путешествія курныя избы не много бывали лучше, но гостинницы или постоялые дворы все таки были удобнѣе.

21-го Марта мы сдѣлали 7 миль до города Торжка (Torsock). 22-го переправились черезъ рѣчку и проѣхали 6 миль до Троицко-Мѣдной (Troitzka Miedna), [1] и еще 6 миль до города Твери (Twere). Такъ какъ сдѣсь на гористыхъ мѣстахъ снѣгу не было вовсе и не возможно было берегомъ ѣхать въ саняхъ, то въ этотъ и слѣдующій день мы ѣхали низомъ, по р. Волгѣ, на которой былъ еще довольно крѣпкій ледъ и, сдѣлавши 6 миль, вечеромъ пріѣхали въ с. Городню (Gorodna). 24-го числа мы опять поѣхали берегомъ, перебрались черезъ двѣ рѣчки и проѣхали села Завидово (Sawidowa) и Заулокъ Спасъ (Saulka Spas), [2] отъѣхавши 7 миль отъ вчерашняго ночлега.

Въ этотъ день мы должны были перебраться черезъ нѣсколько рѣчекъ, и такъ какъ ледъ на этѣхъ рѣчкахъ оттаялъ и сдѣлался рыхлымъ, то переправы наши были очень неудобны и стоили намъ много труда. За большимъ селеніемъ Клиномъ (Klien), которое мы проѣхали 25 Марта, протекаетъ рѣка Сестра (Sestrea), впадающая въ р. Дубну (Dubna), а эта послѣдняя въ Волгу. На этой-то рѣкѣ Сестрѣ мы должны были вбить въ ледъ нѣсколько кольевъ для того, чтобы теченіемъ ея не снесло его: по нему мы и проѣхали въ саняхъ нашихъ. 26-го числа, въ полумили отъ вчерашняго мѣста переправы, мы опять прибыли къ р. Сестрѣ, которая течетъ извиваясь, и по тому опять была у насъ на пути: мы опять переправились черезъ нея и вечеръ

---

[1] Теперь Мѣдное. *О. Б.*

[2] Спаское Заулокъ. *О. Б.*

того дня остановились въ Вешкахъ (Beschik) въ 17 миляхъ отъ Клина. 27-го Марта мы снова переправлялись черезъ двѣ рѣки и, проѣхавши 6 миль, остановились въ с. Черкизовѣ (Zerkisowo). 28-го мы проѣхали только 3 мили, до Никольской Деревни⁴ (Derebne), отстоящаго на 2 небольшія мили отъ г. Москвы, гдѣ мы, также какъ и другіе Посланники, проѣзжающіе черезъ это мѣсто, должны были ждать, пока о нашемъ прибытіи не доложатъ Великому Князю и пока отъ него не получится приказаніе о торжественной встрѣчѣ насъ. Въ это время мы разобрали наши служебныя одежды (мундиры) и готовились къ въѣзду. Когда Приставъ получилъ приказъ проводить насъ на слѣдующій день, ровно въ полдень, въ Москву, мы расположили нашъ поѣздъ и совершили его на другой день въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Впереди ѣхали верхомъ 24 стрѣльца, которые были тѣ самые Казаки, что, вмѣстѣ съ Приставомъ, сопровождали насъ отъ границы и до сихъ поръ.

2. За ними ѣхалъ нашъ Маршалъ одинъ.

3. Потомъ Высшіе Чины и Гофъ-Юнкеры, по 3 въ рядъ: старшіе впереди.

4. Три трубача (музыканта) съ серебряными трубами.

5. Оба Гг. Послы, каждый въ особыхъ саняхъ.

Передъ Послами шли 6 тѣлохранителей съ своими ружьями. Потомъ другіе 6 же тѣлохранителей съ бердышами. Позади саней отроки или пажи, за которыми слѣдовали остальные на лошадяхъ. Позади всего везли поклажу тоже въ надлежащемъ порядкѣ. Приставъ ѣхалъ верхомъ подлѣ Пословъ, съ правой руки. Когда мы были въ полумили отъ города, съ нами повстрѣчалось нѣсколько отрядовъ Русскихъ и Татарскихъ всадниковъ, въ богатыхъ одеждахъ, а также и нѣсколько Нѣмцевъ; они объѣхали вокругъ нашъ поѣздъ и поскакали обратно въ городъ.

---

⁴ Нынѣ Никола Дербеновскій въ самой уже Москвѣ. О. Б.

Вскорѣ за тѣмъ пріѣхали другіе Русскіе отряды, которые раздѣлились на двое и поѣхали съ нами по обѣимъ сторонамъ у насъ.

Въ разстояніи не болѣе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ города Москвы, на встрѣчу къ намъ выѣхали два Пристава, въ сопровожденіи большаго числа всадниковъ, и почти точно въ такомъ же порядкѣ, какъ это было во время перваго нашего въѣзда въ Москву. Когда Приставы были отъ насъ не далѣе 20 шаговъ, то прислали сказать: не угодно ли Гг. Посламъ выйти изъ саней и итти къ нимъ, Приставамъ, пѣшими? Сами Приставы вышли изъ саней и сняли свои шапки не прежде, какъ сдѣлали это Послы. Такіе обычаи знатнѣйшіе слуги Великаго Князя, и особенно Пристава (которымъ въ Москвѣ подражаютъ и переводчики), ради своего Государя, должны соблюдать со всевозможною точностію, если не желаютъ впасть въ немилость, или подвергнуться наказанію кнутомъ.

Пріемъ Пословъ совершился точно такимъ же образомъ, какъ и во время перваго нашего Посольства. Старшій Приставъ началъ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Великій Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ (здѣсь по записнѣ онъ прочиталъ полный Великокняжескій титулъ), повелѣлъ намъ принять васъ, тебя, Филиппа Крузе, и тебя, Оттона Бругмана, Великихъ Пословъ Великаго Государя Фридриха, Князя Голштинскаго, и препроводить васъ въ стольный городъ Его Царскаго Величества.» Другой Приставъ продолжалъ: «Его Царское Величество приставилъ этого, предстоящаго здѣсь, Дворянина (т. е., Гофъ-Юнкера), Павла Иванова сына Салманова (Paul Iwanjo sin Salmanow) (т. е., старшаго Пристава), и меня, Андрея Ивановича Заборова (Andre Iwanowitz Zabarow), Приставами къ вамъ, служить вамъ, Посламъ.» Потомъ выступилъ Конюшій Великаго Князя, также сказалъ свое привѣтствіе и предложилъ Посламъ 2 превосходныя бѣлыя, рослыя лошади, убранныя богатыми украшеніями, какъ и въ первое наше Посольство, и 12 другихъ лошадей для важнѣйшихъ Чиновъ Посольства, на которыя сѣвши, всѣ мы тронулись далѣе. Въ средину города, называемую Китай городъ (Kitai gorod), мы проѣхали сквозь ряды нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ, которые отъ наружныхъ воротъ до Посольскаго

дома стояли въ два ряда по всѣмъ улицамъ, по которымъ мы ѣхали, и въ такомъ порядкѣ прибыли въ большой каменный домъ, находившійся не далеко отъ Дворца и принадлежавшій Архіепископу Сусинскому (Susinski), [5] который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, попалъ въ немилость и сосланъ въ Сибирь. Въ этомъ домѣ помѣстили насъ по тому, что обыкновенный Посольскій домъ занятъ былъ Персидскимъ Посломъ, пріѣхавшимъ въ Москву не задолго передъ нами.

ГЛАВА XIII.

О нашемъ ежедневномъ и особомъ милостивомъ продовольствіи, также о первомъ общемъ и первомъ и второмъ тайномъ представленіи.

Только что прибыли мы въ Москву и помѣстились въ нашемъ жильѣ, какъ пришли къ намъ Русскіе и принесли изъ поварни и погреба Великаго Князя всевозможныя кушанья и напитки: для обоихъ Пословъ и шести высшихъ Чиновъ ихъ напитки были особые. Послѣ этого постоянно, во все время пребыванія нашего въ Москвѣ, Русскіе заботливо старались о нашей кухнѣ и погребѣ, и намъ доставляли именно:

Ежедневно:

62 хлѣба, по 1-й копѣйкѣ или Любецкому шилингу за штуку.
Четверть быка.
4 овцы, 12 куръ и 2 гуся.
Одного зайца, или рябчика.
50 яицъ, 10 копѣекъ на свѣчи.
5 копѣекъ на кухню.

Еженедѣльно

1 пудъ масла, т. е., 40 фунт.
1 пудъ соли.
3 ведра уксусу.
2 овцы и 1-го гуся.

---

[5] Суздальскому? *О. Б.*

Напитковъ ежедневно:

15 штофовъ (или кружекъ) водки и 3 самыя малыя для Гг. Пословъ и Гофъ-Юнкеровъ, 1 съ Испанскимъ виномъ, 8 съ медомъ разныхъ сортовъ, и 4 съ пивомъ. Сверхъ того, для остальныхъ приносили: 1 бочку пива, боченокъ меду и маленькій боченочекъ водки.

Такое продовольствіе удвоивалось въ день нашего прибытія, въ Вербное Воскресенье и въ дни Пасхи и рожденія молодаго Князя. Мы брали, впрочемъ, продовольствіе только въ сыромъ видѣ и приготовлялъ ее намъ нашъ поваръ, по Нѣмецкому образцу. Вообще намъ оказывали всегда добрую услугу не только люди, приставленные въ нашемъ дворѣ для служенія намъ, но и сами Пристава, которые ежедневно навѣщали Пословъ. И хотя у воротъ нашего дома приставленъ былъ десятникъ или капралъ съ 9 стрѣльцами, но послѣ открытаго пріема, или, какъ говорятъ Русскіе, послѣ того какъ мы удостоились видѣть ясныя очи Его Царскаго Величества, мы пользовались, относительно выхода и возвращенія, также приглашенія и посѣщенія нашихъ добрыхъ знакомыхъ, совершенно прежней свободой, даже болѣе чѣмъ прежде, безъ всякаго со стороны Русскихъ возраженія.

3-го Апрѣля Послы приглашены къ открытому представленію, для чего присланы для нихъ были опять тѣ же лошади въ обычномъ великолѣпномъ убранствѣ. Во время поѣзда на представленіе соблюдался тотъ же порядокъ, какъ и при въѣздѣ въ городъ, съ тою только разницею, что теперь передъ Послами ѣхалъ Секретарь Посольства одинъ и держалъ въ простертой рукѣ Княжескія вѣрительныя грамоты на красной тафтѣ. Стрѣльцы и народъ густою толпою стояли по улицамъ отъ Посольскаго двора до Дворца и пріемнаго покоя. Верховые гонцы безпрестанно и поспѣшно скакали по обыкновенію отъ Дворца къ Посламъ и обратно, передавая приказанія подвигаться скорѣе, или тише, или же и совсѣмъ остановиться. Дѣлалось это для того, чтобы Его Царское Величество могъ возсѣсть въ пріемномъ покоѣ именно во время, не ранѣе и не позднѣе того, какъ было нужно.

Дальнѣйшій ходъ и торжественность представленія были тѣ же ые, какъ и въ прошломъ году, при первомъ нашемъ представленіи, именно: какъ изъ передняго покоя, въ которомъ сидѣло множество знатныхъ Русскихъ Бояръ, вышли двое изъ этѣхъ Бояръ на встрѣчу Посламъ, приняли ихъ и повели передъ Его Царское Величество, какъ далѣе самъ Царь спрашивалъ Пословъ о здоровьѣ Его Княжеской Свѣтлости, какъ держалъ онъ себя, принимая вѣрительнныя грамоты, допуская къ цѣлованію своей руки и милостиво приглашая Пословъ кушать отъ его стола: все это подробно описано уже было выше, куда и прошу обратиться благосклоннаго читателя.

Заявленіе (Proposition), выраженное въ этомъ представленіи Посломъ Крузе, было слѣдующее:

«Пресвѣтлѣйшій, Могущественнѣйшій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ! (сдѣсь прочитанъ былъ полный титулъ, Нашъ Свѣтлѣйшій, Высокорожденный Князь и Государь, Фридрихъ, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигскій, Голштинскій, Сторнмарнскій и Дитмарсенскій, Графъ Ольденбургскій и Дельменгорскій, милостивѣйшій нашъ Князь и Государь, шлетъ тебѣ свой дружескій, родственный привѣтъ и желаетъ тебѣ всего добраго и хорошаго, чего только можетъ пожелать онъ по родственному своему расположенію.

Прежде всего Его Княжеской Свѣтлости въ высшей степени пріятно было узнать, что Ваше Царское Величество съ юнымъ наслѣдникомъ (Herrschafft) и всѣмъ высокимъ Царскимъ домомъ, находитесь въ совершенно добромъ тѣлесномъ здоровьѣ, при счастливомъ, мирномъ управленіи и при всѣмъ высокомъ Царскомъ благополучіи (преуспѣяніи). Отъ всего сердца желаетъ онъ, да соблюдетъ Всевышній въ своей милости Ваше Царское Величество и со всѣмъ Царскимъ домомъ на многія лѣта.

За тѣмъ Его Княжеская Милость приноситъ Вашему Царскому Величеству свою дружественно родственную благодарность за дозволеніе свободнаго проѣзда чрезъ Государство и земли Вашего Царскаго Величества въ Персію и обратно къ Его Княже-

ской Милости. Въ слѣдствіе этого дозволенія, Его Княжеская Милость вторично послалъ насъ съ настоящими вѣрительными грамотами, приказавъ въ то же время, согласованное и рѣшенное уже по дѣлу о свободномъ проѣздѣ въ Персію и обратно, на основаніи даннаго намъ подтвердительнаго письма Его Княжеской Милости, исполнить, о другихъ же важныхъ дѣлахъ представить Вашему Царскому Величеству.

По этому Его Княжеская Свѣтлость дружески родственно проситъ Ваше Царское Величество соблаговолить принять насъ въ тайномъ представленіи, чтобы выслушать нашу просьбу и за тѣмъ слѣдующее рѣшеніе на эту просьбу повелѣть объявить намъ. Его Княжеская Свѣтлость поручаетъ себя за тѣмъ всей дружественно родственной снисходительности и пріязни Вашего Царскаго Величества, о чемъ отъ имени Его Свѣтлости мы имѣемъ честь сдѣсь докладывать. Да не оставитъ Ваше Царское Величество и насъ своею Царской милостью!»

Послѣ этого представленія къ намъ пріѣхалъ верхомъ одинъ изъ Великокняжескихъ Стольниковъ, Князь Семенъ (Simon) Петровичъ Львовъ, съ пожалованнымъ Великокняжескимъ столомъ, который принесли въ слѣдъ за нимъ. Столъ этотъ состоялъ изъ 40 блюдъ, все изъ вареной, жареной рыбы, разныхъ печеній и овощей, но мясного ни чего не было, по причинѣ бывшаго у Русскихъ поста, и 13 штофовъ (кружекъ) разныхъ напитковъ.

Когда столъ былъ накрытъ и совсѣмъ изготовленъ, Стольникъ собственноручно подалъ Посламъ и важнѣйш имъ Чинамъ, ихъ сопровождающимъ, каждому по чарѣ отличной водки. За тѣмъ, взявши самъ въ руку большую золотую чашу, предложилъ выпить за здравіе, сперва Его Царскаго Величества и молодаго Князя, а потомъ Его Свѣтлости, нашего милостиваго Государя: чаша эта обошла всѣхъ кругомъ. Князю подаренъ былъ при этомъ большой бокалъ, а прислугѣ, принесшей обѣдъ, нѣсколько рублей деньгами, послѣ чего Князь поѣхалъ отъ насъ.

Мы сѣли за столъ, поѣли нѣкоторыя Русскія кушанья, вареныя и изготовленныя большею частію съ чеснокомъ и лукомъ,

и остатки стола послали переводчику и нашимъ добрымъ друзьямъ въ городъ.

Въ это же время Персидскіе Послы, помѣщавшіеся на сосѣднемъ дворѣ, забавлялись музыкой на литаврахъ, свирѣляхъ а трубахъ, и мы съ удовольствіемъ слушали эту игру. Подготовленные питьемъ за здоровье къ веселью, мы провели этотъ день какъ нельзя болѣе пріятно и весело, чему не мало содѣйствовали превосходные напитки, присланные Великимъ Княземъ.

5-го Апрѣля намъ дано было первое тайное представленіе. Бояре и Чины, учавствовавшіе въ немъ, были тѣ же самые, которые были и въ прошломъ году, кромѣ Государственнаго Канцлера Грамматина, который, за преклонностію лѣтъ, уже уволенъ. Мѣсто его занималъ теперешній Канцлеръ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лихачовъ (Foedor Foedorow sin Lichozow).

Въ продолженіи этого представленія у насъ на дому умеръ одинъ изъ нашихъ слугъ, Пфальцскій уроженецъ, Францъ Вильгельмъ, который 8 дней передъ тѣмъ отпрокинулся изъ саней и на грудь ему упала шкатулка или дорожный ларецъ Бругмана, бывшій у него на храненіи. На 3 день были его похороны, и какъ покойникъ былъ Реформатскаго Исповѣданія, то отпѣваніе происходило въ Реформатской церкви: прочитано было надгробное слово и погребеніе тѣла послѣдовало на Нѣмецкомъ кладбищѣ. Для похороннаго поѣзда Великій Князь прислалъ намъ съ Приставомъ 15 своихъ бѣлыхъ лошадей.

9-го Апрѣля мы имѣли второе тайное представленіе.

ГЛАВА XIV.

Какъ Русскіе празднуютъ Вербное Воскресенье и праздникъ Пасхи.

10-го Апрѣля, въ Вербное Воскресенье, въ которое у Русскихъ празднуется шествіе Христа во Іерусалимъ, былъ торжественный крестный ходъ. Для присутствованія при этомъ торжествѣ,

Великій Князь, у котораго на канунѣ мы испрашивали позволенія, прислалъ Посламъ ихъ обычныя двѣ лошади, а для остальныхъ еще 15 другихъ лошадей. Приказано было помѣстить насъ на возвышенномъ нѣсколько мѣстѣ, противъ дворцовыхъ воротъ, и отсторонить отъ насъ Русскихъ, которыхъ собралось у Дворца болѣе 10 человѣкъ, собственно для того, чтобы лучше намъ видѣть крестный ходъ. За нами, тоже на нѣкоторомъ возвышеніи, помѣщены были Персидскіе Послы и состоящіе при нихъ. Крестный ходъ, совершавшійся отъ Дворца въ церковь Іерусалимъ, происходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Прежде всего Великій Князь съ своими Боярами отправился въ церковь Маріи (Успенскую), и слушалъ тамъ обѣдню; потомъ онъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ, началъ торжественное шествіе изъ Дворца.

Впереди всего, на большихъ широкихъ, но низкихъ, дрогахъ везли дерево, увѣшанное яблоками, финиками и изюмомъ; на деревѣ (около?) сидѣло 4 мальчика, въ бѣлыхъ рубахахъ и пѣли: «Осанна!»

За тѣмъ слѣдовали Священники, въ бѣлыхъ же пѣвческихъ и дорогихъ церковныхъ облаченіяхъ, несли хоругви, кресты и образа, водруженные на длинныхъ древкахъ, и также пѣли: нѣкоторые были съ кадилами, которыми и кадили къ народу. За этѣми шли знатнѣйшіе гости или купцы, а потомъ Дьяки, Писаря, Секретарь и наконецъ Князья и Бояре, изъ которыхъ иные несли пальмовыя вѣтви (вербы).

За тѣмъ уже шелъ Царь въ богатой одеждѣ и съ короной на головѣ. Его вели подъ руки два знатнѣйшихъ Царскихъ Совѣтника, Князь Иванъ Борисовичъ Черкаскій (Iwan Boriswitz (Cyrcaski) и Князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ (Alexee Michaelowitz Lwow). Самъ Царь велъ на длинномъ поводу лошадь Патріарха. Лошадь покрыта была попоной, съ длинными ушами, на подобіе ослиныхъ. Патріархъ сидѣлъ бокомъ, на немъ была бѣлая круглая шапка, унизанная крупнѣйшимъ жемчугомъ, и посверхъ нея тоже корона. Онъ держалъ въ правой рукѣ золотой, усыпан-

ный драгоцѣнными камнями, крестъ и благословлялъ народъ, толпившійся вокругъ. На этѣ благословенія народъ низко кланялся и молился на крестъ. По сторонамъ и позади Патріярха шли Митрополиты, Епископы и другіе Священники, кто съ книгой, кто съ кадиломъ. До 50 мальчиковъ, одѣтыхъ въ красномъ, забѣгали впередъ Великаго Князя, снимали съ себя этѣ красныя одежды и постилали ими дорогу, другіе же, вмѣсто одеждъ, постилали на землю разноцвѣтные куски сукна, локтя въ два длиною; и то и другое дѣлалось для того, что Великій Князь и Патріярхъ шествовали по этѣмъ одеждамъ и сукну. Поровнявшись съ Послами, которые поклонились ему, Великій Князь пріостановился, послалъ къ нимъ главнаго своего переводчика, Ганса Гельмса, спросить о здоровьѣ ихъ, и, обождавъ возвращенія къ себѣ переводчика, продолжалъ свое шествіе въ церковь. Пробывъ тамъ съ полчаса, всѣ вышли обратно въ прежнемъ порядкѣ; Великій Князь, опять поравнявшись съ мѣстомъ, гдѣ были Послы, въ другой разъ пріостановился, приказавъ сказать имъ, что они этотъ день будутъ кушать отъ его стола; вмѣсто того, впрочемъ, продовольствіе намъ въ этотъ день выдано было обыкновенное, только въ двойномъ количествѣ.

Патріярхъ даетъ обыкновенно Царю за то, что этотъ ведетъ его лошадь, 200 руб. или 400 рейсталеровъ. Этотъ праздникъ Вайй празднуется и во всѣхъ другихъ Русскихъ городахъ съ такою же обрядностью. Мѣсто Патріярха занимаетъ тогда Епископъ, или Священникъ, а Великаго Князя—Воевода.

17-го Апрѣля былъ праздникъ Св. Пасхи, и Русскіе проводятъ этотъ праздникъ въ большомъ веселіи, частію по воспоминанію о радостномъ времени, въ которое воскресъ Христосъ, частію же по тому, что этѣмъ днемъ заканчивается весьма продолжительный ихъ Великій Постъ. Въ этотъ день, а также и въ слѣдующіе за нимъ 14 дней, Бояре и простой народъ, старый и малый, всѣ носятъ съ собою крашеныя яица. На всѣхъ улицахъ въ этѣ дни сидитъ множество торговцевъ, которые продаютъ вареныя и всѣми возможными цвѣтами окрашенныя яица.

При встрѣчѣ другъ съ другомъ на улицѣ Русскіе въ это время цѣлуются въ губы, и одинъ говоритъ: «Христосъ воскресе,» а другой отвѣчаетъ: «Во истину воскресе.»

Всѣ рѣшительно, мужчины и женщины, высшаго и низшаго званія, привѣтствуютъ въ этѣ дни другъ друга такимъ поцѣлуемъ и крашеными яицами. Самъ Великій Князь заботливо исполняетъ это, надѣляетъ пасхальными яйцами важнѣйшихъ Придворныхъ чиновъ и прислугу, и даже имѣетъ обыкновеніе, въ ночь подъ Пасху, прежде чѣмъ отправиться въ церковь къ ранней обѣднѣ, посѣщать темницы, приказываетъ отпирать ихъ, и самъ каждаго узника (которыхъ всегда множество) одѣляетъ крашенымъ яйцомъ и бараньимъ тулупомъ, обращаясь къ нимъ съ такимъ привѣтствіемъ: «Вы должны радоваться: ибо Христосъ, умершій за грѣхи ваши, во истину воскресе нынѣ!» За тѣмъ онъ приказываетъ снова запереть темницы и уже идетъ въ церковь.

Во все время Святой Пасхи Русскіе не только ходятъ въ гости къ друзьямъ своимъ, по домамъ, но всѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе люди, мужчины и женщины, ревностно посѣщаютъ питейные дома (Kabacken), и другія лавочки съ продажею пива, меда и водки. При чемъ они такъ напиваются, что валяются по улицамъ, и ужь тутъ родственники такихъ напившихся хлопочутъ, чтобы свезти ихъ на телѣгѣ, или саняхъ, домой, по тому что при такихъ случаяхъ не рѣдко бываетъ, что на другой день находятъ на улицахъ много убитыхъ и ограбленныхъ до нага. Такой безпорядокъ и безобразіе въ посѣщеніи кабаковъ, впрочемъ, въ настоящее время нѣсколько уменьшились по настояніямъ Патріарха.

ГЛАВА XV.

Объ особенномъ представленіи Бругмана, о нашихъ: 3, 4, 5 и послѣднемъ тайныхъ представленіяхъ, о представленіи другихъ народовъ и о прочемъ, что было въ это время.

29-го Апрѣля Посолъ Бругманъ, по собственному желанію, имѣлъ тайное представленіе съ одними Боярами, безъ своего товарища, и поѣхалъ туда только съ немногими изъ Посольскихъ; его приняли въ дворѣ Государевой казны, и онъ имѣлъ совѣщаніе въ особомъ покоѣ около 2 часовъ. Объ этомъ его совѣщаніи и за-

явленіи, сдѣланномъ имъ не во исполненіе Княжескаго Приказа, а по собственному его желанію, не зналъ ни чего другой Посланникъ, Г. Крузе.

6-го Мая оба Посла вмѣстѣ имѣли, третье, 17-го четвертое и 27-го пятое и послѣднее тайное представленіе.

30-го Мая Гофмейстеръ молодаго Князя, по желанію Великаго Князя, устроилъ соколиную охоту и пригласилъ на нее важнѣйшихъ изъ Чиновъ Пословъ нашихъ. Онъ прислалъ за нами собственныхъ своихъ лошадей и повезъ насъ на прекрасный лугъ, въ 2 миляхъ отъ Москвы, гдѣ, послѣ весьма занимательной и веселой охоты, угощалъ насъ въ палаткѣ водкой, медомъ, пряниками, Астраханскимъ виноградомъ и маринованными вишнями.

1-го Іюня былъ день рожденія молодаго Князя, Ивана Михайловича, которой Русскіе праздновали съ большимъ торжествомъ. Чтобы и насъ сдѣлать причастными такому торжеству, намъ удвоили обычное продовольствіе наше.

3-го числа Посолъ Бругманъ вторично ѣздилъ одинъ и тайно совѣщался съ Боярами.

4-го Іюня, на канунѣ Духова дня, Его Царское Величество, съ своими Боярами и Совѣтниками, принималъ опять при всѣхъ насъ и разрѣшилъ отъѣздъ всѣмъ другимъ Посламъ, которые находились въ Москвѣ въ одно время съ нами.

Первый пріѣхалъ на представленіе Персидскій Посолъ, который былъ купчина, или купецъ. Онъ вышелъ изъ представленія въ накинутомъ на него Русскомъ кафтанѣ изъ краснаго атласа, подбитомъ прекраснымъ соболемъ. Это уже такой обычай, какъ и у Персовъ, при отъѣздѣ Пословъ.

За этѣмъ пріѣзжали Греки и Армяне, а наконецъ и нѣсколько Татаръ, которые всѣ возвращались обратно изъ представленія, держа открыто въ рукахъ вѣрительныя грамоты и полученные ими подарки.

12-го Іюня пріѣхалъ изъ Германіи къ Москвѣ нашъ кухонный Писарь, Яковъ Шеве, котораго мы оставили за границей, чтобы онъ привезъ нѣкоторые подарки для Персидскаго Шаха, изготовлявшіеся въ Гданскѣ. Но онъ былъ задержанъ подъ городомъ цѣлыхъ 3 дня, пока Канцлеръ могъ доложить объ его пріѣздѣ и получить на впускъ его въ Москву разрѣшеніе Его Царскаго Величества, ѣздившаго въ это время на богомолье за городъ.

15-го числа Великій Князь возвратился съ супругой омой. За Великимъ Княземъ ѣхали его Бояре и придворные, за Великою Княгинею 36 ея Боярышень и дѣвушекъ, въ красныхъ одеждахъ и бѣлыхъ шапочкахъ, отъ которыхъ вдоль спины висѣли длинные красные снурки. Вокругъ шеи у нихъ были бѣлыя покрывала, сами же онѣ были нарумянены очень замѣтно. Онѣ ѣхали верхами на лошадяхъ, какъ мужчины.

17-го Послы поручили мнѣ отправиться въ Канцелярію по дѣламъ къ Государственному Канцлеру, и такъ какъ этотъ послѣдній желалъ, для соблюденія большаго почета, чтобы я введенъ былъ съ Приставомъ, то я и долженъ былъ порядочно таки подождать въ передней комнатѣ, вмѣстѣ съ простымъ народомъ Русскимъ и прислугою, пока не отыскали и не привели одного изъ Приставовъ нашихъ.

Главный Канцлеръ и его помощникъ приняли меня весьма благосклонно и дали по дѣлу желаемое рѣшеніе. Въ присутственномъ покоѣ окно и столъ были покрыты прекраснымъ ковромъ, а на столѣ, передъ Канцлеромъ, стояла большая серебрянная, изящная чернильница, только пустая, безъ чернилъ. Мнѣ сообщили за тайну, что ковры были положены и чернильница поставлена только при моемъ прибытіи и по уходѣ моемъ тотчасъ же опять убраны; вообще Канцеляріи Русскія не отличаются особенною чистотою. Можетъ быть это-то и было причиною, что меня заставляли ждать въ передней.

ГЛАВА XVI.

Какъ приготовлялись мы къ путешествію въ Персію, и сколько людей взяли съ собой въ Москвѣ.

20-го Іюня явились къ намъ Приставы и Писарь и объявили Посламъ отъ имени Его Царскаго Величества, что они могутъ теперь, если желаютъ, отправиться въ Персію; что къ рукѣ Его Царскаго Величества они допущены въ настоящее время не будутъ, а допустятся къ ней по возвращеніи изъ Персіи, такъ какъ они еще не совсѣмъ прощаются и не ѣдутъ домой къ себѣ. Тогда же, въ послѣднемъ явномъ представленіи, они получатъ отвѣтныя вѣрительныя Его Царскаго Величества и имъ поручено будетъ передать и поклонъ Его Свѣтлости, нашему Государю, чего всего теперь, при предстоящемъ Гг. Посламъ пути въ Персію, и быть не можетъ.

И такъ мы стали снаряжаться къ дальнѣйшему пути, велѣли изготовить нѣсколько ботовъ, для проѣзда изъ Москвы до Нижняго, и такъ какъ, по описанію Русскихъ, дорога въ мѣстахъ, по которымъ намъ предстояло ѣхать, особенно по рѣкѣ Волгѣ, была весьма опасна, по причинѣ своеволія Казаковъ и разбойниковъ, то, съ дозволенія Его Царскаго Величества, Послы приняли на службу къ себѣ 30 человѣкъ изъ его Офицеровъ и солдатъ, и взяли ихъ съ собою въ Персію. Имена этѣхъ лицъ слѣдующія:

Гуго Крафертъ (Kraffert), Іоаннъ Китъ (Kitt), Эрдваль Юнгеръ — Шотландцы. Лейтенанты.
Вильгельмъ Morrhoi, Алексаndръ Эйкенгудтъ (Eickenhundt) — Убиты въ Испагани Индійцами.
Вильгельмъ Burlai, Георгъ Uropoesen — Charganten.
Даніилъ Gloen, армейскій Капитанъ.

Простые воины (Knechte):

Товій Гансенъ (Tobias Hansen), барабанщикъ, упалъ въ рѣкѣ Окѣ съ бота и утонулъ.

Александръ Чамерсъ (Tschammers), найденъ за Шамахой въ повозкѣ мертвымъ, бывши прежде болѣнъ нѣсколько дней.

Карлъ Штексъ (Stecks), убитъ въ Испагани Индійцами.

Андрей Тодтъ (Todt), тоже убитъ Индійцами.

Петръ Шмокъ (Shmock).

Михаилъ Зиберсъ (Sibers).

Куртъ Янсонъ (Janson).

Генрихъ Доль (Doll).

Лоренцъ Римъ (Rim).

Давидъ Лонде (Londe).

Вильгельмъ Morrhoi.

Grilies Tomson.

Якобъ Якобсонъ.

Іоаннъ Китъ.

Георгъ Ватсонъ (Watzon).

Рихардъ Рёлингъ (Röling).

Карлъ Ольсонъ, убитъ въ Испагани Индійцами.

Вильгельмъ Hoi, на обратномъ пути изъ Тарку, зашедши далеко отъ стана, захваченъ Татарами.

Ѳома Штокдомъ (Thomas Stockdom).

Вильгельмъ Групсъ (Grups), умеръ въ Испагани поносомъ.

Ричердъ Мейсонъ (Ritzerd Meison).

Георгъ Шееръ (Scheer), Профосъ.

Кромѣ того, для гребли и для всякаго рода ручной работы на сушѣ и на водѣ, взято было нѣсколько Русскихъ, а именно:

Симонъ Кириловъ сынъ (Simon Kirilof sin).

Ларикс (Larike) (Ларька, Ларіонъ??).

Филька Юрга (Filka Jurga).

Ларивонъ Ивановъ сынъ (Lariwon Iwanof sin).

Иванъ Ивановъ сынъ, умеръ въ Персіи отъ поноса.

Всѣ этѣ люди, 24 и 25 чиселъ Іюня мѣсяца, отправлены были впередъ въ Нижній Новгородъ съ нѣкоторыми металлическими вещами, привезенными нами изъ Германіи, съ разными каменными предметами, купленными нами въ Москвѣ, вмѣстѣ съ нашими напитками и разною другою утварью и посудой.

ГЛАВА XVII.

О Польскихъ Послахъ: какъ прибыли они къ Москвѣ и какъ держали себя въ отношеніи къ Русскимъ.

26-го Іюня прибыли къ Москвѣ Польскіе Послы или, какъ Русскіе называютъ ихъ, Великіе Гонцы (Posl), и приглашены были въѣхать въ городъ. Послы этѣ, завидѣвши нѣкоторыхъ изъ нашего Посольства, поѣхавшихъ взглянуть на торжественный въѣздъ ихъ, дружески поклонились и привѣтствовали насъ, снимая шляпы; проѣзжая же мимо Русскихъ Приставовъ, оставались неподвижны и сидѣли гордо.

Приставы принуждены были также, хотя съ большой неохотою, первые сойти съ лошадей и снять передъ Послами шапки. Поляки требовали этого на томъ основаніи, что иначе сдѣлать было бы для нихъ неприлично, такъ какъ они пріѣхали не для того, чтобы принимать Русскихъ, но быть принятыми ими, Русскими.

Съ другой стороны и Посламъ этѣмъ не давали для въѣзда Великокняжескихъ лошадей, какъ это обыкновенно дѣлается, по тому что не задолго передъ тѣмъ одинъ великій Польскій Посолъ не принялъ Княжескихъ лошадей и въѣзжалъ въ городъ на своихъ собственныхъ. Этотъ-то великій Посолъ (о которомъ я хочу сдѣсь сказать кстати, мимоходомъ) присланъ былъ къ Великому Князю вскорѣ послѣ осады города Смоленска и разбитія Русскихъ подъ этѣмъ городомъ и, какъ разсказывали намъ, велъ себя по отношенію къ Русскимъ самымъ вздорнымъ образомъ и спорилъ обо всемъ. На открытомъ представленіи онъ говорилъ свое заявленіе сидя, а не стоя, и когда, при произнесеніи титула Короля его, Бояре, по обычаю своему, не снимали шапокъ, онъ рѣзко и съ ругательствомъ возсталъ противъ этого, и до тѣхъ поръ не хотѣлъ продолжать начатую рѣчь свою, пока Его Царское Величество не далъ головою знака Боярамъ, чтобъ они сняли шапки.

Такъ какъ Польскій Король не присылалъ отъ себя ни какихъ подарковъ, то этотъ же самый Посолъ самъ отъ себя подарилъ Великому Князю прекрасную карету. Когда же, въ отвѣтъ на это, прислано было и ему отъ Царя нѣсколько сороковъ соболей, то Посолъ не принялъ ихъ. По этому и Великій Князь возвратилъ ему назадъ его карету.

Посолъ приказалъ за это спустить Пристава съ лѣстницы, и такой поступокъ до того оскорбилъ Его Царское Величество, что онъ приказалъ спросить Посла: «Съ чего Посолъ позволяетъ себѣ такое недостойное поведеніе? По приказанію ли Короля своего, или же по собственному произволу? Если по приказанію Короля, то Его Царское Величество будетъ ожидать отъ Бога милости и средства воздать ему тѣмъ же: побѣда въ рукѣ Божіей, и Богъ даетъ ее тому, кому захочетъ, и хотя Его Королевское Величество разъ одержалъ побѣду, однако въ другой разъ можетъ и не одержать ее. Если же Его Царское Величество узнаетъ, что Посолъ все это позволялъ самъ по себѣ, то онъ не замедлитъ отписать о томъ Королю, который, безъ сомнѣнія, съумѣетъ достойно наказать Посла.»

Въ слѣдствіе того, что этотъ Посолъ не уважалъ такъ Русскихъ обычаевъ и пріемовъ въ бытность свою въ Москвѣ, и вновь прибывшій, упомянутый выше великій Послапникъ (welike Poslanick) или великій гонецъ, принятъ былъ съ меньшимъ, противъ обыкновенія, почетомъ.

ГЛАВА XVIII.

Содержитъ въ себѣ Русскій видъ для пріѣзда.

Устроивши свои дѣла въ Москвѣ, собрались мы въ дальнѣйшее путешествіе и получили открытый видъ (Pass) Его Царскаго Величества, который должно было предъявлять во всѣхъ мѣстахъ находящимся Боярамъ и Чинамъ Великаго Князя. Видъ этотъ переведенъ Царскимъ переводчикомъ, и мы приводимъ его сдѣсь, какъ образчикъ Канцелярскаго слога Русскихъ.

Его Царскаго Величества открытый видъ, данный Княжескимъ Голштинскимъ Посламъ:

«Отъ Великаго Государя и Великаго Князя всея Россіи, Михаила Θедоровича, симъ повелѣвается Нашимъ Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ и вообще всѣмъ начальствующимъ Нашимъ людямъ, во всѣхъ мѣстахъ отъ Москвы до Коломны, Переславля, Рязани, Касимова, Мурома, Нижняго Новгорода, Казани и Астрахани, чинить свободный пропускъ Посламъ и Совѣтникамъ Князя Голштинскаго, Фридриха, Филиппу Крузе и Отону Бругману, которымъ дозволено Нами отправиться изъ Москвы въ Персію, къ Персидскому Шаху Сефи, для переговоровъ о проѣздѣ и торговлѣ Голштинскихъ купцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволено имъ Нами взять съ собою, отпущенныхъ также изъ Москвы въ Персію, изъ Голштинскихъ Нѣмцевъ 85 человѣкъ, и для прикрытія взятыхъ ими изъ служащихъ въ Нашей службѣ, Московскихъ Нѣмцевъ, въ числѣ 30 человѣкъ каковое число могутъ они, Послы, увеличить въ Нижнемъ, въ Казани, или Астрахани, для усиленія прикрытія еще 11 человѣками изъ Русскихъ, или Нѣмецкихъ, вольныхъ людей. Дозволено также имъ пріискать и нанять въ Нижнемъ двухъ проводниковъ (лоцмановъ), которые бы хорошо могли ходить по Волгѣ, и если они, Послы, побывши въ Персіи, снова будутъ возвращаться въ свою землю Гольштинію черезъ Наше Московское Государство, то имъ, Голштинскимъ Посламъ, соблаговолено и дозволено Нами, буде имъ то понадобится, взять себѣ для прикрытія, или для иныхъ работъ, до 40 человѣкъ въ Астрахани, или Казани, или гдѣ имъ будетъ удобно, изъ Русскихъ, или Нѣмецкихъ, вольныхъ людей, сколько имъ будетъ нужно; при этомъ чтобы тѣ изъ Нашихъ людей, которые наймутся къ сказаннымъ Посламъ, заявили свои имена Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ, съ обозначеніемъ мѣста ихъ жительства, отъѣзда и возвращенія, чтобы о всемъ этомъ было вѣдомо тѣмъ Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ и велся ими тѣмъ наемнымъ людямъ надлежащій списокъ. Если же сказанные Послы будутъ возвращаться изъ Персіи зимою, то они могутъ на свой счетъ брать столько людей и подводъ, сколько они найдутъ необходимымъ, для продолженія пути ихъ.

Приставомъ къ названнымъ Посламъ приставили Мы Астраханскаго Дворянина, Родіона Горбатаго (Rodion Gorbato), дабы онъ сопровождалъ Пословъ отъ Москвы до Астрахани, и по тому Мы повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ Боярамъ, Воеводамъ и Дьякамъ и всѣмъ начальствующимъ людямъ, чинить во всѣхъ городахъ и мѣстахъ ему, Родіону, и сказаннымъ Посламъ Голштинскимъ, свободный пропускъ, безъ малѣйшаго задержанія, или препятствія; и когда они, побывши въ Персіи, будутъ возвращаться въ свою Голштинскую землю черезъ Наше Московское Государство, то да будетъ дозволено имъ, Голштинскимъ Посламъ, если имъ будетъ нужно, для прикрытія въ плаваніи по Волгѣ и по дорогамъ, нанимать, для увеличенія своей безопасности, до 40 человѣкъ, въ Астрахани, или Казани, или тамъ, гдѣ имъ заблагоразсудится, и нанять столько людей, сколько имъ будетъ нужно. И сколько будетъ нанято ими людей, и въ какихъ городахъ, въ поѣздку ли въ Персію, или на обратномъ пути изъ Персіи, приказывается собирать по городамъ справки объ этѣхъ людяхъ, и записывать ихъ имена, чтобы не попался въ числѣ ихъ какой разбойникъ, или бѣглый холопъ (Golop). И если Голштинскіе Послы будутъ возвращаться изъ Персіи зимою, то дозволяется имъ, за свои деньги, нанимать Нашъ Русскій народъ и съ подводами столько, сколько имъ будетъ нужно, и чтобы имъ, Посламъ, какъ во время пути изъ Москвы въ Персію, такъ и на обратномъ пути изъ Персіи къ Намъ, въ Москву, нигдѣ, ни въ какомъ городѣ, или деревнѣ, не было ни какой задержки и ни отъ кого ни какой непріятности, или притѣсненія. И приказывается соблюдать Голштинскихъ Пословъ въ почтеніи, равно какъ и всѣмъ людямъ ихъ оказывать всякое дружелюбіе; также и сами Голштинскіе Послы и ихъ люди, какъ на пути въ Персію, такъ и изъ Персіи къ Намъ, въ Москву, Нашимъ Русскимъ людямъ равномѣрно не должны дѣлать ни какихъ притѣсненій, насилія или разбоя. И Мы отнюдь не дозволяемъ Посламъ брать продовольствіе для себя, или для людей своихъ, насильно у кого бы то ни было, но повелѣваемъ и дозволяемъ имъ покупать для себя и для своей прислуги, равно какъ для взятыхъ ими изъ Москвы и нанятыхъ людей, на пути въ Персію и обратно изъ Персіи, всякаго рода продовольствіе на свои собственныя деньги, и у тѣхъ людей, которые сами хотятъ

продать имъ это продовольствіе. Писано въ Москвѣ 7144 года, Іюня 20.» Къ этому дорожному виду приложена Царская печать [1] и подпись:

Царь и Великій Князь всея Русіи
Михаилъ Θедоровичъ.

Дьякъ Максимъ Матюшкинъ.

---

[1] Печать представляетъ двуглаваго орла, у коего въ середкѣ между главами крестъ осмиконечный, на груди орла Георгій на конѣ, а въ лапахъ ни чего нѣтъ, крылья же опущены внизъ. Вокругъ орла слѣдующая надпись по Русски: «Божіею млтию великіи гдрь црь и великии кнзь михаилъ θедоровичъ всея русіи самодержецъ владимерскіи московскіи новгородцкий црь казанскіи астораханский црь сибискіи (Сибирскій) гдрь псковскіи великии кнзь тве(р)скіи югорскіи пермскіи ватцкіи болгарскіи и иныхъ гдрь и великіи кнзь новагорода низовские земьли.» *О. Б.*

V.

СМѢСЬ

МИРНЫЙ ДОГОВОРЪ МЕЖДУ ШВЕЦІЕЮ И РОССІЕЮ,

заключенный 10 Мая, 1595 г., близъ Нарвскаго озера, на сторонѣ Ивань-города, въ Тявзинѣ.

Мы, Шведскіе Уполномоченные, Великіе Послы, со стороны Великомощнаго Господина Короля Сигизмунда и Шведскаго Государства, я, Стенъ Банеръ изъ Генделе и Бро, Кавалеръ и Королевско-Шведскій Совѣтникъ; я, Кристіянъ Клаесонъ (Горнъ), Господинъ изъ Омннета; я, Георгій Бое изъ Геннеса и Куллы, Намѣстникъ въ Ревелѣ и въ Эстляндіи; я, Арвидъ Эриксонъ Столарнъ изъ Линде и Грабакка, Дворянинъ, Полковникъ и Намѣстникъ въ Нарвѣ, и мы, Никласъ Раскъ изъ Мельстада, и Гансъ Кранкъ, оба Секретари, сходились вмѣстѣ съ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Ѳеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, и Его Царскаго Величества Полномочнымъ Великимъ Посломъ, Окольничимъ и Намѣстникомъ Калужскимъ, Княземъ Иваномъ Самсоніевичемъ Турениннымъ, и съ Дворяниномъ и Намѣстникомъ Елатомскимъ, Астафьемъ Михайловичемъ Пущинымъ, и съ Дьяками Григоріемъ Ивановичемъ Клобуковымъ и Посникомъ Дмитріевымъ, близъ Нарвскаго озера, на сторонѣ Иваньгорода, въ Тявзинѣ, чтобъ заключить миръ и хорошія великія дѣла; и мы, оба Великіе Послы, заключили и постановили вѣчный миръ, съ тѣмъ, чтобы съ этого дня ни съ той, ни съ другой стороны не начинать, или не предпринимать, ни какой войны ни тѣмъ, ни другимъ, и должно держать этотъ миръ крѣпко и ненарушимо, такъ какъ

Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Ѳеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, Посланники уступили Княжество

Эстляндію со всѣми замками, которые суть: Нарва, Ревель, Вейсенштейнъ, Везенбергъ, Падисъ, Тольсборгъ, Новгородокъ, Боркгольмъ, Гапсаль, Лоде, Леаль и Фикель, съ помѣстьями и землями, къ нимъ принадлежащими, какъ бы они ни назывались, Шведскому Государству. и не долженъ Великій Государь и Великій Князь, Θеодоръ Іоанновичъ, всея Русіи Самодержецъ, этѣхъ замковъ, земель и помѣстьевъ, которыя въ Эстляндіи Шведскому Государству подчинены, отнынѣ отнюдь касаться, и все это должно хранить свято и ненарушимо на вѣчныя времена.

И мы, Шведскіе Великіе Послы, возвратили, отъ имени нашего могущественнаго Господина и Короля, Сигизмунда, и Шведскаго Государства, Великому Государю и Великому Князю, Θеодору Іоанновичу, всея Русіи Самодержцу, Его Царскаго Величества вотчину, замокъ Корелу (Кексгольмъ), со всею землею и мѣстностью, которыя изстари находились подъ Великимъ Новгородомъ, въ такомъ положеніи, какъ они взяты Королемъ Іоанномъ.

И этотъ вѣчный миръ должно держать между нашимъ наимогущественнѣйшимъ Королемъ и всѣмъ Шведскимъ Государствомъ и Его Царскимъ Величествомъ такъ, чтобы со стороны Швеціи, Финляндіи, Эстляндіи и изъ Лапоніи и Каянской земли, со всѣми замками, которые лежатъ вдоль морскаго берега и всего Шведскаго Государства, не начинать войны ни подъ какимъ видомъ, или причинять вредъ Великому Новгороду и Новгородскому замку Иваньгороду, Яму, Копорью, Корелѣ (Кексгольму), Орѣшку, Ладогѣ и всѣмъ вотчинамъ и владѣніямъ, также Пскову и всѣмъ Псковскимъ замкамъ, и вотчинамъ, и владѣніямъ, съ замкомъ Колмогорскимъ и со всею Двинскою землею, такъ же какъ Соловецкимъ монастыремъ, Сумскимъ острогомъ, Каргополемъ и всею Каргопольскою землею, и Кольскимъ замкомъ, со всѣми его вотчинами и морскимъ берегомъ; и военныхъ людей, мало ли, или много, сухимъ путемъ, или водою, противъ нихъ не посылать и никакаго насилія не чинить.

Точно также со стороны Великаго Новгорода и Пскова, или Новгородскихъ и Псковскихъ замковъ, также Корелы (Кексгольма), и всей Новгородской и Псковской земли, равно со стороны Кол-

могорской и Двинской земли, вмѣстѣ съ Колою и прочихъ мѣстъ, по морскому берегу лежащихъ, не должно начинать войны и причинять вредъ Шведскому Государству, Финляндіи, Выборгу, Нейшлоту и всѣмъ замкамъ и владѣніямъ, которые лежатъ въ Финляндіи и замкамъ въ Княжествѣ Эстляндіи: Нарвѣ, Вейзенбергу, Толсборгу, Ревелю, Вейсенштейну, Лоде, Леалю, Гапсалю, Падису, Борктольму, Новогородку и Фикелю, со всею Каянскою землею, со всѣми мѣстами, которыя лежатъ по морскому берегу и въ Лапоніи, ни какихъ военныхъ людей, ни мало, ни много, сухимъ путемъ, или водою, не посылать, ни войны не начинать, ни чинить насилія ни съ какой стороны.

Торговыя и складочныя мѣста для всѣхъ чужеземцевъ, какое бы они имя ни носили, должны оставаться въ Выборгѣ и Ревелѣ свободными, безъ помѣхи, такъ какъ было въ старину. И имѣютъ право всѣ Шведскіе подданные изо всѣхъ городовъ Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи, безпрепятственно, съ ихъ кораблями и товарами, приходить въ Нарву, но только не изъ чужихъ городовъ, и торговлю должно производить на Нарвской, а не на Ивангородской, сторонѣ, на вѣсахъ, Pijnder, Bitzmar [1] и всякимъ другимъ вѣсомъ, точно также мѣрою, локтями, аршинами, Tijnno и кильметами, [2] какъ подобаетъ.

Русскіе люди и другіе иностранцы, которымъ дана свобода торговать на Нарвской сторонѣ, а не на Иваньгородской, ни на ту, ни на другую сторону не должны приносить ненастоящіе и попорченные товары, и ни какой товаръ не можетъ быть проданъ, который не записанъ, а запись и браковка должны производиться также.

И всѣ Шведскіе подданные должны имѣть свободное плаваніе и путь къ Орѣшку, Ладогѣ, Корелѣ (Кексгольму), Новгороду и куда пожелаютъ по Ладожскому озеру и въ другія мѣста на корабляхъ, шкутахъ, баркахъ и лодкахъ, куда только могутъ подойти для купли

---

[1] Безмѣнъ?

[2] Мѣра кильметами существуетъ въ Эстляндіи по сіе время. Прим. Перев.

и продажи, точно также по обѣимъ сторонамъ рѣки Наровы, начиная отъ устьевъ вверхъ до Пейпуса и Пскова и другихъ городовъ, такъ далеко, какъ можно по этому озеру идти. Точно также дозволяется подданнымъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Θеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, безпрепятственно ѣздить и плавать во всѣ города Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи, куда только сами пожелаютъ, и тамъ продавать и покупать такимъ же порядкомъ, какъ было прежде. И точно также подданные нашего могущественнаго Короля, какъ и подданные Великаго Государя, Его Царскаго Величества, должны платить пошлину со своихъ товаровъ одинаково, какъ тѣ, такъ и другіе. И изъ чужихъ городовъ никто не долженъ ходить на корабляхъ въ Нарву, или искать другія пристани на Русской сторонѣ, ни въ Любекъ, или Nijen, [1] ни въ другихъ мѣстахъ, но подданные Шведскаго Государства должны имѣть свободный доступъ во всѣ пристани и города, лежащіе на Русской сторонѣ, на своихъ корабляхъ, шкутахъ и ладьяхъ, куда хотятъ, точно также, какъ торговать во всѣхъ городахъ и пристаняхъ по всей Россіи на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, и въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ и прочихъ городахъ, подъ какимъ бы названіемъ этѣ города ни были извѣстны, точно также какъ и торговать въ тѣхъ земляхъ, которыя, Божьимъ соизволеніемъ, впредь могутъ достаться изъ чужаго господства Великому Государю, Его Царскому Величеству и Русіи, отъ Татаръ и другихъ. Точно также подданнымъ Шведскаго Государства должны быть предоставлены тѣ дома въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ мѣстахъ въ Русіи, которыми домами и дворами они прежде владѣли, со всѣми угодьями и вольностями. И въ городахъ, въ которыхъ прежде дворовъ не было, должно безпрекословно отводить оные для того, чтобы они (Шведскіе подданные) могли складывать свое имущество, и поданнымъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Θеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, должно быть предоставлено точно такое же право въ Выборгѣ, Ревелѣ, Абовѣ и другихъ мѣстахъ.

Также тѣ купцы Шведскіе, Финскіе и Эстонскіе, которые живутъ въ Шведскомъ Государствѣ и имѣютъ денежныя требова-

[1] Можетъ быть Луга и Нева. Перев.

нія въ Русіи, отъ кого бы то ни было, и на это имѣютъ письменныя доказательства, или если о долгахъ этѣхъ знаютъ вѣрные люди должны имѣть право свободно и безпрепятственно требовать этѣ долги, и Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Ѳеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, подданнымъ должно принадлежать тоже самое право относительно подданныхъ нашего Великаго Государя, Короля Сигизмунда, въ Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи, и долги Шведскихъ, Финскихъ и Эстонскихъ подданныхъ подданнымъ Его Царскаго Величества точно также, какъ будьто бы этѣ долги относились къ податямъ Нашего Великаго Короля, должны быть выплачены хорошими товарами, или наличными деньгами, въ Выборгѣ, либо Нарвѣ, гдѣ всего удобнѣе: точно также всѣ долги малые, или большіе, которые подданные нашего Великаго Короля и Государя имѣютъ въ Русіи и которые были собраны для собственныхъ потребностей Его Царскаго Величества, Великаго Государя, должны быть выплачены, и какіе бы долги его подданные ни имѣли, какъ бы велики они ни были, должны быть выплачены хорошими товарами, либо чистою монетою, безпрекословно въ Нарвѣ, или Выборгѣ, гдѣ будетъ удобнѣе, такъ чтобъ обѣимъ сторонамъ не происходило отъ того ни какихъ потерь и убытковъ.

Если кораблямъ, шкутамъ, или лодкамъ, съ купеческими товарами, или другимъ какимъ кораблямъ и шкутамъ, которые Его Величеству, Государю, Королю Шведскому, или Дворянамъ, или военному сословію принадлежатъ, случится потерпѣть кораблекрушеніе на Русской сторонѣ, какимъ бы образомъ это ни случилось, то Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Ѳеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, Царскаго Величества, подданные должны помогать и не дозволять, чтобы имущество съ нихъ было утаено, но безъ всякихъ отговорокъ собирать и безпрепятственно переправлять на Шведскую сторону; точно также должно поступать со стороны Шведовъ относительно подданныхъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества. Равно Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Ѳеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, Царскаго Величества Коронные Фохты, или другіе его подданные, не должны ни въ какомъ случаѣ препятствовать Короннымъ Фохтамъ нашего Высокомощнаго Короля взимать дань

съ Лопарей, начиная съ Остроботніи до самаго Варанга, [1] которые прежде и съ древнихъ временъ Шведскому Государству подчинены были и дань платили Шведскому Королю. И до тѣхъ поръ, пока рубежи съ обѣихъ сторонъ не будутъ вѣрно обозначены и записаны, до тѣхъ поръ, съ обѣихъ сторонъ не должно собирать дани съ Лопарей, подлежащихъ спору. Точно также и Шведскіе Коронные Фохты не должны отнюдь препятствовать Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Θеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, Царскаго Величества Короннымъ Фохтамъ собирать дань съ Лопарей, которые приписаны къ землѣ Двинской, Корельской (Кексгольмской), и Кольскому острогу. Равно мы, Великіе Послы, уговорились и рѣшили, что всѣ плѣнные, какъ Дворяне, такъ и простые люди, малые и большіе, съ обѣихъ сторонъ должны быть освобождены, безъ всякаго выкупа, или обмѣна, и никого отнюдь не принуждать оставаться, развѣ они, по собственному добровольному согласію, пожелаютъ остаться тамъ, гдѣ находятся. Также должны и всѣ плѣнные, будь то Шведы, Финны, или Эстонцы, которые были взяты въ плѣнъ въ земляхъ и замкахъ, находящихся подъ Шведскимъ владычествомъ, или которые были взяты на полѣ сраженія и служили Шведскому Государству, всѣ тѣ плѣнные также должны быть освобождены безпрекословно. Точно также какъ и тѣ (плѣнные), которые были взяты въ плѣнъ въ Русіи въ Татарской землѣ (Tattie), или такіе, которые взяты по замкамъ, либо на полѣ сраженія, и уведены въ Шведское Государство, должны быть тоже освобождены, и всѣ плѣнные съ обѣихъ сторонъ должны быть безопасно препровождены на рубежи. Русскому народу должно быть также предоставлено посылать своихъ людей отыскивать всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ въ Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи, и должны всѣ безпрепятственно быть освобождены. То же должно

---

[1] Въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Г. Р. Карамзина, въ Русскомъ подлинникѣ, читаемъ: «имать дань съ Лопарей на восточной сторонѣ къ Варангѣ.» Г. Соловьевъ приводитъ, въ своей Исторіи, это мѣсто тѣми же самыми словами. Koch (Abregé histoire des traités de paix), ссылаясь на Вервинга (Исторія Сигизмунда и Карла IX, 1746), переводитъ такъ: «qui Orientalem Botniam et Warangaiam inter jacent. Въ Шведскомъ изложеніи Вервинга: «emellan Oesterbotten och Waranger.» Перев.

быть предоставлено Шведамъ, Финнамъ и Эстонцамъ отыскивать всѣхъ плѣнныхъ въ Россіи, и ихъ точно также должно освобождать. Если же Божественное Провидѣніе допуститъ, что нашъ Могущественный Государь, Король Шведскій, отойдетъ смертью, и тотъ, кто будетъ Королемъ въ Швеціи послѣ него, пошлетъ къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Ѳеодору Іоанновичу, Самодержцу всея Русіи и дастъ ему знать о своемъ восшествіи на престолъ, тогда этотъ самый миръ долженъ быть утвержденъ на рубежѣ съ обѣихъ сторонъ посредствомъ Посланниковъ, и этѣмъ (событіемъ) ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть нарушенъ; то же самое должно быть учинено и съ Русской стороны.

Если случится, что воры, по обѣимъ сторонамъ рубежа, сдѣлаютъ вторженіе, или нанесутъ другъ другу вредъ убійствомъ, грабежомъ, пожаромъ, или другими худыми дѣлами, то этѣмъ миръ не долженъ быть нарушенъ и не должно изъ за того начинатѣ войны, но для подобныхъ дѣлъ Воеводы и Коронные Фохты съ обѣихъ сторонъ на рубежѣ, гдѣ случилось дѣло, должны сойтись и, обсудивъ совокупно, смотря по проступку, наказать, либо простить.

Въ случаѣ, кто съ обѣихъ сторонъ перебѣжитъ, по причинѣ предательства, убійства, воровства, долговъ, или другихъ мошенническихъ дѣлъ, то не должна ни одна изъ сторонъ принимать его, но немедленно, съ обѣихъ сторонъ, выдавать назадъ, какъ скоро того потребуютъ.

Если къ нашему Великомощному Государю и Королю, Сигизмунду, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Ѳеодоръ Іоанновичъ, всея Русіи Самодержецъ, будетъ посылать своихъ Великихъ Пословъ, гонцовъ и почту, то должны они имѣть свободный проѣздъ къ нашему Государю, Королю Сигизмунду, въ Шведское Государство, и опять обратно, свободно и безъ всякой задержки, препятствія и обиды. Точно также, когда нашъ Великій Государь, Король Сигизмундъ, будетъ посылать своихъ Великихъ Пословъ, гонцовъ и почту къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Ѳеодору Іоанновичу, всея Русіи Самодержцу, то точно также должны имѣть свободный проѣздъ туда и обратно, безъ

долженъ перейти во власть Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Θеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца. И Русскому народу, который живетъ на Корельской (Кексгольмской) землѣ, не должно чинить ни какого насилія посредствомъ грабежа, или кого ни будь изъ нихъ уводить, по рѣшенію обоихъ Великихъ Пословъ, въ Швецію, или Финляндію, и Шведскому и Финскому народу, который теперь живетъ на Корельской (Кексгольмской) землѣ, не должно препятствовать оттуда переселиться опять въ Финляндію. И всѣмъ Шведамъ, которые находятся въ Кексгольмѣ, должно позволить, безъ всякаго замедленія, свободно переселиться, со всѣмъ ихъ имуществомъ и всѣмъ, что имѣютъ, изъ Корелы (Кексгольма) въ Финляндію, безъ всякой хитрости, и должны быть снабжены продовольствіемъ отъ Русскихъ подданныхъ и въ ихъ нуждѣ должна быть (имъ) оказана помощь. И Шведскимъ подданнымъ должно быть позволено, безпрепятственно, безъ всякаго противорѣчія, вывозить изъ Корелы (Кексгольма) всѣ тѣ орудія, цейхаузъ, военные снаряды, порохъ, пули, корабли, шкуты, барки, лодки, съѣстные припасы, хлѣбъ и что бы тамъ у нихъ ни было, которые принадлежатъ къ Шведскому Государству, все это Русскими подданными должно быть препровождено и отправлено безъ всякой хитрости въ Финляндію. Точно также, кто сдѣлается врагомъ нашего Великаго Государя, Короля Сигизмунда, и Шведскаго Государства, и тому Великій Государь, Царь, Θеодоръ Іоанновичъ, всея Русіи Самодержецъ, не долженъ людьми и казною помогать. Точно также тотъ, кто сдѣлается врагомъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Θеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, и Его Царскаго Величества Государству, и всѣмъ тѣмъ врагамъ, нашъ Великій Государь, Король Сигизмундъ, и Шведское Государство, не должны помогать народомъ и казною. Когда нашъ Великій Государь Король, Сигизмундъ, пошлетъ своихъ Пословъ, гонцовъ и почту черезъ землю Великаго Государя и Великаго Князя, Θеодора Іоанновича, изъ Шведскаго Государства къ другимъ Государямъ, то этѣхъ Пословъ, гонцовъ и почту пропускать свободно и безъ прéпятствій, безъ всякой остановки и насилія, черезъ Его Царскаго Величества Государство; если же Послы, гонцы и почты, съ состоящими при нихъ отъ другихъ Государей пожелаютъ отправиться къ нашему Великому Государю, Королю Сигизмунду, и Шведскому Государству, то этѣмъ гонцамъ, Посламъ и почтѣ

и всякой при нихъ прислугѣ, точно также имѣть свободный проѣздъ, безъ всякаго задержанія, черезъ землю Великаго Государя, Царя, Θеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца; точно также, если какіе Послы, гонцы, или почта Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, Θеодоромъ Іоанновичемъ, всея Русіи Самодержцемъ, будутъ отправляемы къ Папѣ въ Римъ, къ Кесарю, къ Королю Испанскому, или другіе Государи будутъ посылать къ Его Царскому Величеству, Великому Государю, то всѣхъ ихъ черезъ Шведское Государство, Финляндію и Эстляндію, если будутъ проѣзжать, должно безъ всякаго препятствія и остановки пропускать. Точно также, тѣ купцы, которые съ ихъ товарами пожелаютъ проѣхать къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Θеодору Іоанновичу, всея Русіи Самодержцу, черезъ море изъ Римской Имперіи, Испаніи, Англіи, Даніи, Франціи, Любека и изъ другихъ мѣстъ, откуда бы то ни было, съ ихъ товарами и драгоцѣнностями (clenodier), которые Его Царскаго Величества казнѣ могутъ доставить пользу, то ихъ должно черезъ Шведское Государство, Финляндію, Эстляндію и черезъ тѣ мѣста, которыя теперь подвластны Шведскому Государству, пропускать безпрепятственно и безъ всякой хитрости, ѣдущихъ ли водою, или сухимъ путемъ, когда ихъ товары въ Выборгѣ, или Ревелѣ, объявлены и прописаны будутъ. Точно также, если врачи, судостроители и всякій другой служилый и должностной народъ, захотятъ отправиться къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Θеодору Іоанновичу, всея Русіи Самодержцу, то долженъ нашъ Великій Государь, Король Сигизмундъ, всѣхъ этѣхъ людей пропускать къ Великому Государю, Царю и Великому Князю, Θеодору Іоанновичу, всея Русіи Самодержцу, въ Его Царскаго Величества Государство, безпрепятственно и безъ задержки, не причиняя имъ ни какого вреда. По всѣмъ этѣмъ дѣламъ мы, Шведскіе Великіе Послы, Стенъ Банеръ изъ Генделе и Бро, Кавалеръ и Шведскій Государственный Совѣтникъ, Кристіернъ Клаесонъ, Господинъ изъ Оминета, Георгій Бое изъ Геннеса и Куллы, Намѣстникъ въ Ревелѣ и въ Эстляндіи, Арвидъ Эриксонъ изъ Линде и Грабакка, Дворянинъ, Полковникъ и Намѣстникъ въ Нарвѣ, и мы, Никласъ Раскъ изъ Мельстада, и Гансъ Кранкъ, оба Секретари, отъ имени нашего Великаго Государя, Короля, Сигизмунда, и Шведскаго Государства, съ Великими Послами отъ

имени Великаго Государя, Царя, Великаго Князя, Ѳеодора Іоанновича, всея Русіи Самодержца, Окольничимъ и Намѣстникомъ Калужскимъ, Княземъ Иваномъ Самсоновичемъ Туренинымъ, и съ Дворяниномъ и Намѣстникомъ Елатомскимъ, Астафьемъ Михайловичемъ Пущинымъ, и Дьяками Григоріемъ Ивановичемъ Клобуковымъ и Посникомъ Дмитріевымъ, учинили и заключили вѣчный миръ, и заключительную грамоту написали, наши печати къ той грамотѣ привѣсили и нашею рукою подписали, и на томъ всѣмъ цѣловали крестъ, чтобъ нашъ, Великій Государь, Король Сигизмундъ, держалъ тотъ вѣчный миръ точно такъ, какъ въ обѣихъ нашихъ грамотахъ про то писано, крѣпко и ненарушимо на вѣчныя времена, и въ нихъ (грамотахъ) ни чего не мѣнять. Писано на сторонѣ Иваньгорода, близъ рѣки Наровы, ниже Иваньгорода, въ Тявзинѣ, 18 Мая, по Р. Х. въ тысяча пятьсотъ девяносто пятомъ году.

С ъ Шведскаго подлинника * перевелъ

Соревнователь А. Чумиковъ.

---

* Подлинникъ находится въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ Стокгольма, откуда мною извлеченъ. Онъ также напечатанъ въ повременномъ изданіи 40-хъ годовъ на Шведскомъ языкѣ, называемомъ «Suomi», теперь выходящемъ уже на Чудскомъ. Договоръ этотъ никогда не былъ напечатанъ вполнѣ на Русскомъ, въ извлеченіи же находится у Карамзина въ его И. Г. Р., томѣ X-хъ, прим. 290. Исторіографъ ссылается на Русскій подлинникъ между Дѣлами Шведскими № 7, л. 1 и слѣд. Перев.

ПИСЬМО

ПЕТРА I-ГО КЪ ПОДПОЛКОВНИКУ.*

Господинъ Подполковникъ

Писмо ваше Декабря отъ 27-го дня до насъ дошло, в которомъ пишите, что вамъ до Эркетя итти за малолюдствомъ не безопасно отъ Контайшиныхъ войскъ. И понеже Губернатору Князю Гагарину при отпуске вашемъ данъ о томъ о всемъ полной Указъ, также и после в бытность ево въ Питербурхе доволно мы ему приказывали не только что по Указу исполнить, но и самому ему велено нарочно для тѣхъ дѣлъ к вамъ съѣздить и о всемъ подлинно определить, о чемъ і нынѣ с подтвержениемъ к нему писали.

Петръ.

С карабля Ингермоландъ отъ Копенгагена Августа въ 4 день 1716.

P. S. Что же пишите о салдатахъ, что отъ васъ бѣгутъ (для того что в Сибирскихъ городѣхъ всякихъ гулящихъ людей принимаютъ, и волно имъ тамъ жить), и о томъ отъ насъ к Губернатору писано, дабы о томъ запретить.

---

* Доставлено въ Общество Г-мъ бывшимъ Наказнымъ Донскимъ Атаманомъ, Генералъ-Адъютантомъ А. Л. Патаповымъ, въ Апрѣлѣ прошлаго 1867 года. Письмо это найдено имъ при разсмотрѣніи семейнаго архива. Означенное разбивкой приписано собственноручно самимъ Государемъ. О. Б.

ДОПОЛНЕНІЕ

къ

СТАТЬѢ: „ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГОСУДАРЫНИ ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ѲЕДОРОВНЫ."

Въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1865 года, въ кн. 3-й, была помѣщена статья моя: «О послѣднихъ годахъ жизни Царицы Евдокіи Ѳедоровны,» съ приложеніемъ нѣсколькихъ документовъ, доказывающихъ, въ какомъ почетѣ и довольствѣ жила въ Новодѣвичьемъ монастырѣ Царица Евдокія, во время царствованія своего внука и въ послѣдніе недолгіе годы ея жизни.

Изъ отысканныхъ мною документовъ видно, что во время пребыванія Царицы въ монастырѣ у нея былъ свой придворный штатъ, но какой именно, объяснено не было, за неимѣніемъ на то данныхъ.

Мнѣ не извѣстно было въ то время, что въ дѣлахъ Архива Министерства Юстиціи хранится подлинная Вѣдомость, кто именно при комнатѣ Царицы Евдокіи состояли придворные чины и прочіе служители, не только съ обозначеніемъ ихъ должностей и ранговъ, но даже съ показаніемъ ихъ лѣтъ отъ рожденія. *

---

* Архивъ Министерства Юстиціи кн. за № 17 $^{28}/_{1108}$, Кабинетскія дѣла 1732—1739 г., стр. 953. Указаніемъ этого документа я обязанъ Григорью Васильевичу Есипову.

А такъ какъ эта Вѣдомость пополняетъ имѣющійся въ моей статьѣ пробѣлъ о придворномъ штатѣ Царицы, то я и хочу сказать о немъ нѣсколько словъ.

Изъ Вѣдомости, при семъ прилагаемой, читатели могутъ усмотрѣть, что придворные чины, окружавшіе Царицу, состояли большею частію изъ ея ближайшихъ родственниковъ и находились при ней по день ея кончины. Вотъ краткій перечень придворныхъ лицъ и служителей Царицы: два Камергера: Алексѣй Лопухинъ, 57 лѣтъ, и Князь Василій Хилковъ, 49 лѣтъ; Шталмейстеръ Аврамъ Лопухинъ, 35 лѣтъ; три Камеръ-Юнкера: два Лопухиныхъ, Александръ и Алексѣй, и Иванъ Бибиковъ (это были самые приближенные къ Царицѣ); два Гофъ-Юнкера, два Камеръ-Пажа, четыре Пажа, Мундшенкъ и 6-ть лакеевъ, въ числѣ которыхъ былъ даже Князь Денисъ Елышевъ. При Канцеляріи: Секретарь, два Канцеляриста и два Копіиста, купчина и сторожъ. Въ числѣ конюшенныхъ служителей были: лейбъ-кучеръ, лейбъ-фурейторъ, кучера, фурейторы и верховые конюхи, Стряпчіе, скатертники, хлѣбники, и прочіе придворные служители.

По смерти Царицы почти всѣ, состоявшія при ней въ придворныхъ должностяхъ, лица были переименованы въ военные чины, кромѣ только Кармергера ея, Алексѣя Лопухина, да лакея Князя Дениса Елышева, отставленныхъ отъ службы; придворные лакеи отданы въ солдаты, а конюшенная прислуга, вмѣстѣ съ оставшимися послѣ кончины Царицы цуговыми и разъѣзжими лошадьми, съ каретами и прочими конюшенными уборами, отдана, по приказанію Г. Оберъ-Шталмейстера, Графа П. И. Ягужинскаго, въ Конюшенный Приказъ.

Николай Дубровскій.

ВѢДОМОСТЬ,

кто именно при комнатѣ блаженныя памяти Царицы Евдокіи Ѳедоровны были придворные и прочіе служители, изъ какихъ чиновъ и сколько каждому отъ рожденія лѣтъ.

А именно:

Камергеры:

Князь Василій Хилковъ, 49 лѣтъ, взятъ отъ полку и былъ при Генералѣ Фелтмаршалѣ Князѣ Репнинѣ Флигель-Адъютантомъ, а по смерти его аттестованъ въ Маіорскій рангъ.

Алексѣй Лопухинъ, 57 лѣтъ, изъ комнатныхъ Стольниковъ.

Шталмейстеръ:

Аврамъ Лопухинъ, 35 лѣтъ, изъ Поручиковъ.

Камеръ-Юнкеры:

Александръ Лопухинъ, 29, лѣтъ, морскаго флота изъ Подштурмановъ.

Иванъ Бибиковъ, лантмилицкихъ полковъ изъ Капитановъ, а сколько лѣтъ, не вѣдомо, для того нынѣ его въ Москвѣ нѣтъ, а поѣхалъ въ Коширскую свою деревню.

Алексѣй Лопухинъ, 30 лѣтъ, взятъ отъ флота изъ Штурманскихъ учениковъ.

Гофъ-Юнкеры:

Сергѣй Измайловъ, 20 лѣтъ, изъ недорослей.

Князь Федоръ Лобановъ, 14 лѣтъ, изъ недорослей.

Камеръ-Пажи:

Иванъ Матюшкинъ, 20 лѣтъ, изъ недорослей.

Николай Матюшкинъ, 19 лѣтъ, изъ недорослей.

Пажи:

Петръ Лопухинъ,	22 лѣт.	изъ недорослей.
Василій Лопухинъ,	14 »	
Василій Дурной	17 »	

Николай Зотовъ. Оной Зотовъ, по Указу блаженныя памяти Государыни Царицы, опредѣленъ къ комнатамъ Ея Величества въ Пажи, а сколько лѣтъ, не вѣдомо, для того, что отпущенъ въ деревню въ Володимерской Уѣздъ до Указу.

Муншенокъ Яковъ Аргамаковъ, 23 лѣтъ, опредѣленъ изъ учениковъ Московской Академіи.

Лакеи:

Князь Денисъ Елышевъ, 54 лѣтъ, опредѣленъ изъ отставныхъ Подпрапорщиковъ Архангелогородскаго гварнизона.

Василій Чеглоковъ, 18 лѣтъ } изъ недорослей.
Василій Шарыгинъ, 19 »

Иванъ Есиповъ, 20 } изъ недорослей.
Иванъ Култашевъ, 18

Николай Грековъ, 14 лѣтъ. Онаго Грекова отецъ былъ въ Приказѣ Большой Казны Дьякомъ, а опредѣленъ Указомъ Государыни Царицы въ 730 году.

Канцелярскіе служители:

Секретарь Алексѣй Ѳедоровъ, 31 года. Опредѣленъ изъ Канцеляристовъ комнаты Ея Величества.

Канцеляристы:

Егоръ Федоровъ, 29 лѣтъ.
Борисъ Поповъ, 31 года.

Копіисты:

Александръ Ѳедоровъ, 18 »

} До опредѣленія къ комнатѣ Государыни Царицы были у дѣлъ въ Соляной Конторѣ, а въ комнатной Канцеляріи къ дѣламъ опредѣлены 729 году.

Иванъ Лобановскій, 25 лѣтъ. До опредѣленія къ комнатѣ Государыни Царицы въ другихъ Канцеляріяхъ у дѣлъ не былъ, а въ Комнатной Канцеляріи опредѣленъ въ 730 году.

Купчина Сила Солодовниковъ, 53 лѣтъ, а опредѣленъ Барашской слабоды изъ купецкихъ людей.

Сторожъ Александръ Степановъ, 30 лѣтъ, Государыни Цесаревны Елисаветы Петровны крестьянинъ.

Конюшенные служители:

Андрей Подчертковъ. Онъ былъ въ С.-Питербургскомъ Адмиральтействѣ у оконишнаго дѣла до ваканціи за комплектомъ.

Марко Алферьевъ, изъ недорослей.

Лейбъ-кучеръ Иванъ Столбовъ.

Лейбъ-фурейторъ Петръ Михайловъ.

Кучеры:

Иванъ Гоголевъ, Филиппъ Сѣдой, Иванъ Новиковъ.

Ѳурейторы:

Иванъ Козловъ, Прокофій Акинфіевъ, Борисъ Блиновскій.

Верховые конюхи:

Семенъ Морозъ, Иванъ Марма, Тимофѣй Лукинъ, Родіонъ Кузминъ.

Сего Ноября 20 дня о оныхъ конюшеннныхъ служителяхъ Шталмейстеръ Лопухинъ сказкою показалъ: оные служители, по объявленному ему, Лопухину, отъ Генерала, Кавалера и Оберъ Шталмейстера, Графа Павла Ивановича Ягушинскаго, тако жъ оставшіе послѣ кончины блаженныя памяти Государыни Царицы цуговыя и разъѣзжія лошади и кареты и протчіе конюшенные всякіе уборы, съ докладу Генерала и Кавалера, Андрея Ивановича Ушакова, сего 1731 года, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, отданы въ Конюшенный Приказъ.

Стряпчіе:

Андрей Протасьевъ, 57 лѣтъ, Костянтинъ Маневской, 53 лѣтъ, Дмитрій Дедюлинъ, 30 лѣтъ, Подполковникъ Иванъ Козловской, 47 лѣтъ.

Дворцовые служители:

Уксусникъ Василей Артемевъ, 45 лѣтъ, квасоваръ Петръ Ивановъ, 33 лѣтъ.

Повары:

Андрей Шетковъ, 77 лѣтъ, Афанасій Васильевъ 39 лѣтъ, Андрей Ивановъ, 50 лѣтъ, по мясы Семенъ Михайловъ 22 лѣтъ.

Скатертники:

Яковъ Ивановъ, 45 лѣтъ, Иванъ Семеновъ 30 лѣтъ.

Хлѣбники:

Фома Федоровъ, 70 лѣтъ, Козьма Степановъ, 64 лѣтъ, Иванъ Алексѣевъ, 20 лѣтъ.

Портной мастеръ Левъ Шубниковъ, 38 лѣтъ, рыбныхъ ловель Управитель Андрей Мининъ.

Кузнецы:

Василій Петровъ, 50 лѣтъ, Лукьянъ Петровъ, 30 лѣтъ.

А въ Указѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра II-го, состоявшемся въ Верховномъ Совѣтѣ Маія 31-го дня, 728 году, написано:

«Обрѣтающимся при комнатѣ Государыни Царицы Евдокіи Ѳедоровны придворнымъ чинамъ рангъ имѣть противъ того, какъ такимъ чинамъ опредѣлено рангъ имѣть при комнатѣ Ея Высочества, Государыни Великой Княжны, Наталіи Алексѣевны.»

А по Вѣдомости, сообщенной изъ Дворцовой Канцеляріи, показано:

«Комнаты Ея Высочества, Государыни Натальи Алексѣевны, служители объявлены въ рангахъ:

Гофмейстеръ—Генералъ-Маіора.
Камергеръ—Полковника.
Камеръ-Юнкеръ—Маэора.
Гофъ-Юнкеры—Капитана.
Муншенкъ—Лейтенанта.»

А прочіе служители показаны безъ ранговъ.

Вѣдомость эту скрѣпили: Секретарь Степанъ Притокинъ и Подканцеляристъ Артемонъ Ананьевъ.

При этой Вѣдомости приложена роспись, писанная вся рукою Графа А. И. Остермана.

Копія съ росписи:

Князя Василья Хилкова.	Въ Полковничей (но слово это зачеркнуто, а написано: Маіорской) рангъ.
Алексѣя Лопухина.	Отставить къ дѣламъ въ Герольдмейстерскую.
Аврама Лопухина.	Въ Капитаны при артиллеріи (но слово это зачеркнуто, а написано: при армѣи).
Александръ Лопухинъ.	Во ѳлотъ съ перемѣною чина.
Алексѣй Лопухинъ.	Во ѳлотъ съ перемѣною чина.
Иванъ Бибиковъ.	Въ Маіоры въ ландъ-милицкіе полки.

Сергѣй Измайловъ въ Прапорщики, Князь Ѳедоръ Лобановъ въ кадеты, Иванъ Матушкинъ (Матюшкинъ) въ Прапорщики, Николай Матушкинъ въ Прапорщики, Петръ Лопухинъ въ Сержанты, Василей Лопухинъ въ кадеты, Василей Дурной въ Сержанты, Николай Зотовъ въ кадеты, Николай Аргамаковъ въ артиллерію употребить по достоинству ученія, Князя Дениса Елышева отставить; лакеевъ въ солдаты отъ гвардіи (слова эти зачеркнуты, а написано: поставить къ смотру для опредѣленія въ гвардію, или въ армейскіе); Николай Грековъ во ѳлотъ въ гардемарины. Канцелярію отослать въ Сенатъ для опредѣленія къ дѣламъ; купчина въ Ратушу; сторожа Александра Степанова по прежнему въ крестьянство. Дворцовыхъ отослать въ Дворецъ.

О

КАРАВАННОЙ ТОРГОВЛѢ

СЪ ДЖУНГАРСКОЙ БУХАРІЕЙ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Малая Бухарія. [1]

Къ югу отъ Русской пограничной линіи въ половинѣ прошлаго столѣтія кочевали Киргизы и Калмыки; Киргизы кочевали на западѣ, а Калмыки на востокѣ; послѣдніе составляли господствующее племя въ не существующемъ теперь Ханствѣ, носящемъ у насъ названіе Джунгаріи. Ханство это въ особенности сдѣлалось могущественно и обширно въ половинѣ прошлаго столѣтія. Замѣчательно, что границы его были слишкомъ растянуты съ сѣвера на югъ: оно простиралось отъ Тибета до Алтая, и даже сѣвернѣе, до Барабы (только въ 1752 г. удалось Русскимъ прекратить сборъ дани въ пользу Джунгарскаго Хана съ Барабинскихъ Татаръ, производившійся сборщиками, пріѣзжавшими съ этой цѣлью ежегодно изъ Джунгаріи); съ запада же на востокъ Ханство простиралось отъ Ташкента до р. Джулдусъ. Господствующее племя, Калмыки, кочевали въ высокихъ хребтахъ этой страны и занимались скотоводствомъ; самъ Ханъ кочевалъ лѣтомъ, но зимой велъ удобную жизнь въ городѣ, нарочно устроенномъ. На югѣ Государства обитали осѣдлые Бухарцы, хвалившіеся древностью своего образованія и принужденные платить Джунгарскому Хану

---

[1] Эта статья написана на основаніи извѣстій, извлеченныхъ изъ Архива Областнаго Правленія Сибирскихъ Киргизовъ въ Омскѣ.

тяжелую дань, терпѣть притѣсненія и невѣжественное обращеніе его чиновниковъ. На сѣверѣ Государства, въ черняхъ Алтая, бродили Татарскія племена, ведшія звѣроловный образъ жизни и называвшія сами себя Теленгитъ, а у чужеземцевъ извѣстныя подъ названіемъ Уранхайцевъ.

Осѣдлое населеніе, состоявшее изъ Бухарцевъ, населяло только ту часть Государства, которая лежала къ югу отъ Тьянь-Шаня; вся же страна къ сѣверу отъ Тьянь-Шаня была занята кочевыми Калмыками; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были основаны болѣе могущественными удѣльными Князьями осѣдлыя поселенія для зимовокъ, и заведено при нихъ хлѣбопашество, которое производилось руками пашенныхъ Бухарцевъ. Съ этой сѣверной части были слѣдующія поселенія: Колзу-Хаиннякъ-Бакъ, на рѣкѣ Илѣ, который былъ обнесенъ глиняной стѣной въ вышину человѣка, сидящаго на лошади; внутри этого города находились сады Хана Галданъ-Церена и глиняные дворы, въ которыхъ жили пашенные Бухарцы, а зимою и сами Ханы; лѣтомъ же послѣдніе кочевали на Альпійскихъ поляхъ, при подошвѣ Ханъ-Тенгри, по рѣкамъ Албанъ-Шиберу и Текесу. При сѣверной подошвѣ хребта Иренъ-Хабирганъ былъ другой подобный городокъ Нойона Септеня. состоявшій также изъ глиняныхъ дворовъ; пашенные Бухарцы сѣяли сдѣсь Сарачинское пшено. Третье поселеніе было на р. Емилѣ, принадлежавшее Нойону Даваци, и иногда въ Русскихъ бумагахъ упоминаемое подъ названіемъ Турфановыхъ пашень. Наконецъ четвертое на р. Кара-Бугѣ, у сѣверной подошвы Тарбагатая. Видѣнныя же Байковымъ въ XVII ст. на р. Беске и на Иртышѣ находились въ это время уже въ развалинахъ. Вѣроятно, подобныя осѣдлыя жилища находились и въ Алматахъ, и на Таласѣ.

Калмыцкія кочевья простирались отъ озера Норъ-Цзайсана до рѣкъ Джулдуса и Таласа. Лѣто Калмыки проводили на высокихъ хребтахъ, на зиму же—спускались къ ихъ подошвѣ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ черномъ хребтѣ Тарбагатаѣ, по сѣвернымъ его скатамъ, и по прилегающей равнинѣ Цзайсана до вершинъ Иртыша, кочевало поколѣніе Дурбетъ и Обитъ, подъ управленіемъ Нойоновъ Даваци и Амурсана; на рѣкѣ Кабарги-Ба-

заръ (Кара-Буга-Базаръ) кочевалъ отокъ Эки-Манганъ; въ хребтѣ Зайръ (вѣроятно, нынѣшній Сауры) небольшая часть рода Торгоутовъ; на озерѣ Улункоръ—отокъ Бардамотъ; на р. Бороталѣ до 1000 кибитокъ отока Коточинеръ и Галзытъ; при сѣверной подошвѣ Ирень-Хабарга—поколѣнія Хадамы и Абагасы, подъ управленіемъ Септеня; по р. Емилю—родъ Хошотъ, при Зайсанѣ Габзунѣ, въ 3500 киб.; на р. Бошъ-Цаганъ-Усу (къ сѣверу отъ Лепсы)—отокъ Долотъ; между р. Шарга и Цаганъ-Усу (Сарканъ и Аксу)—отокъ Хонтъ; по Караталу и Кокъ-Усуну (Кокъ-су) кочевали Калмыки вѣдомства Нойона Саинъ-Белека, рода Торгоутъ, въ 4000 кибитокъ; при р. Талки—10,000 киб. рода Хонтъ, вѣдомства Нойона Энгеде; по р. Церимъ-Царъ—отокъ Цаганъ; въ долинѣ р. Целикъ (Чиликъ)—отокъ Харачинъ, въ 5,000 киб.; въ урочищѣ Шара-Бель (можетъ быть, при подошвѣ Кунгы Алапау, гдѣ нынѣ Алматы) 3700 киб. отока Долотъ; въ долинѣ рѣкъ Цои и Таласа—Торгоуты и Мингаты, подъ управленіемъ Нойона-Шереня, въ 1700 киб.; въ долинѣ р. Джулдусъ—поколѣнія Махусы и Шарусы.

Населеніе этого Государства, относительно степени образованія, представляло крайнее разнообразіе. Въ то время, какъ Алтайскіе инородцы ѣли сырое мясо и питались кореньями волчьяго зуба и піона, жители южныхъ городовъ, Бухарцы, наслаждались плодами своей древней образованости, изучали поэтовъ, и занимались садоводствомъ, тканьемъ хлопчато-бумажныхъ тканей и торговлей; караваны ихъ, какъ корабли средневѣковыхъ Итальянскихъ Республикъ, достигали самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Азіи; Бухарскаго купца можно было встрѣтить въ Астрахани, Тобольскѣ, Кяхтѣ и Архангельскѣ.

У Бухарцевъ въ Джунгаріи, т. е., къ востоку отъ Болора, считалось 12 крупныхъ городовъ; всѣ они лежали къ югу отъ Тянь-Шаня: самый извѣстный изъ нихъ былъ Яркендъ съ 8000 жителей; впрочемъ, въ Дневникѣ Подзорова 1747 г. самымъ многолюднымъ показанъ Турфанъ съ 20,000 жителей. Яркендъ славился лучшими хлопчато-бумажными тканями, которыя по тому и были извѣстны въ Сибири подъ названіемъ Иркетчины.

Къ западу, по другую сторону Болорскихъ горъ, также процвѣтали Бухарскіе города, но уже не такъ, какъ восточные: Палласъ въ Семипалатинскѣ замѣтилъ, что западные Бухарцы гораздо грубѣе и упрямѣе, нежели вѣжливые Бухарцы изъ восточной Бухаріи: ткани въ западной Бухаріи также выдѣлывались хуже, чѣмъ въ восточной.

Государственная жизнь Бухарской гражданственности была отмѣчена несчастіями. Возникнувъ на небольшомъ оазисѣ, посреди степей, способныхъ единственно къ скотоводческимъ занятіямъ, Бухарскій образованный міръ былъ окруженъ многочисленными дикарями, которые часто дѣлались завоевателями обширныхъ странъ. Въ раннюю пору своей исторической жизни Бухарцы потеряли свою независимость; съ той поры исторія ихъ представляетъ только рядъ неудачныхъ попытокъ свергнуть иностранное иго, рядъ вѣроисповѣдныхъ войнъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Газатовъ. Исторія этѣхъ войнъ коротко, но живо, изложена въ исторической запискѣ Чокана Валиханова, помѣщенной въ III книжкѣ «Записокъ Императорскаго Географическаго Общества» за 1861 годъ. Не повторяя этой исторіи, мы сдѣсь сообщимъ нѣкоторыя добавленія къ ней, которыя нами извлечены изъ Областнаго Архива.

Въ 1678 г. Джунгары завоевали Малую Бухарію, вмѣшавшись въ ихъ вѣроисповѣдныя распри и оказывая помощь главѣ партіи Бѣлогорцевъ, Аппакъ-Ходжѣ. Изгнавъ Черногорцевъ въ Кашмиръ, Аппакъ-Ходжа соединилъ въ себѣ духовную и свѣтскую власть надъ Малой Бухаріей, обязавшись платить Джунгарскому Хану 400,000 тяньга. Послѣ того завоеванія Калмыковъ на западѣ продолжались до половины прошлаго столѣтія; въ показаніяхъ плѣнныхъ, выбѣжавшихъ на Иртышскую Линію, сохранились извѣстія о слѣдующихъ нашествіяхъ Калмыковъ: Около 1732 г. они напали на Китминъ Дубя, въ вершинахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ владѣльцемъ былъ Мингли-Байби; [1] около 1734 г. былъ завоеванъ Ташкентъ, находившійся во владѣніи Якубъ-Ю-

---

[1] Показаніе Азіятца Ульдкина, вышедшаго 8 Авг., 1757 г.

Басаръ-Хана. [3] Около 1736 или 1738 г. Калмыки, Буруты и Алтайскіе Уранхайцы ходили войной, подъ предводительствомъ Нойона Еренцена въ Моллорскую землю (Боллоръ?). [4]

Въ 1744 г. была у Калмыковъ война съ сосѣдями своими, Бурутами. [5]

Въ 1748 г. Калмыки напали на улусъ Пуланичъ, на р. Регистанъ, владѣнія старшины Жегангера. [6]

Въ 1745 и 1746 г. Джунгары вели постоянную войну съ какимъ-то владѣльцемъ западнаго Туркестана, Абды-Карымомъ.

Въ западномъ Туркестанѣ или Большой Бухаріи Джунгарамъ были подвластны города Ташкендъ, Туркустантъ и Инакъ. Этѣми городами управляли или лица, присылаемыя изъ Урги, иногда даже Калмыцкаго происхожденія, или управленіе ими ввѣрялось тѣмъ членамъ прежней владѣльческой фамиліи, которые соглашались на Джунгарскія условія. Такъ, при Галданъ-Церенѣ Ташкентомъ управлялъ Бармасъ-Бекъ; въ 1747 г. были посланы управителями Калмыкъ Батырь-Делгиръ и Бухарецъ Маме Юсупъ Бекъ, а въ 1752 г. Ташкентомъ управлялъ, на правахъ подручника Киргизъ Большой Орды, Тюля-Бій. Туркустантъ былъ отданъ Джунгарскимъ Ханомъ Ша-Сентъ-Султану, племяннику Хана Средней Орды, Абулъ-Маметь-Хана, хотя послѣдній считалъ себя законнымъ владѣльцемъ этого города. Онъ и ѣздилъ въ Туркустантъ для полученія своего удѣла, но Ша-Сентъ-Султанъ не допустилъ его; по тому Абулъ-Маметь-Ханъ обращался съ просьбой къ Галданъ-Церену о введеніи его въ управленіе наслѣдіемъ, но Галданъ-Церенъ пригласилъ его прежде побывать въ Ургѣ, чтобъ убѣдиться, достоинъ ли онъ того; въ 1745 г. Абулъ-Маметъ-Ханъ

[3] Показаніе Бухаретина Реченъ-Охчи, 9 Сент., 1757 г.

[4] Показаніе Алтайскаго Зайсана Бурута и плѣннаго Ашира.

[5] Показаніе плѣнной женщины Даулатъ.

[6] Показаніе Бухарца, 17 Іюля, 1758 г.

собиралъ въ улусахъ Средней Киргизской Орды народный совѣтъ изъ старшинъ, чтобъ рѣшить, ѣхать ли ему въ Ургу, и подъ чьей властью выгоднѣе быть Киргизскому народу, Джунгарскаго владѣтеля, или Абды-Карыма, или Россіи. Чѣмъ кончился совѣтъ, осталось не извѣстнымъ, только въ 1747 г. Туркустантомъ управлялъ какой-то Цейсъ, а не Абулъ-Маметь-Ханъ; позже соперникомъ Абулъ-Мамета является племянникъ его, Ишимъ-Султанъ, и только послѣ завоеванія Джунгаріи Китайцами, Абулъ-Мамету удалось утвердиться въ Туркустантѣ, уступивъ часть этого города и нѣсколько второстепенныхъ городковъ Ишимъ-Салтану. Городъ Инакъ находился прежде во владѣніи Турсунъ-Хана, сынъ котораго, Баракъ-Султанъ, кочевалъ въ Киргизской степи и имѣлъ такое же значеніе, какъ Аблай, Галданъ-Церенъ предлагалъ Баракъ-Салтану нѣсколько Сартскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Инакъ, съ условіемъ признать надъ собой подданство Джунгаріи, и Баракъ согласился, но Абды-Карымъ помѣшалъ исполнить этотъ договоръ. Одно Архивное извѣстіе называетъ также подручникомъ Галданъ-Церена Шахъ-Хана, владѣльца городовъ Анжана и Намгана.

Вѣра, племенное происхожденіе и степень образованности разъединяли Бухарцевъ съ Калмыцкимъ народомъ, и оба народа относились другъ къ другу постоянно недружелюбно: Бухарцы жаловались, что будьто Калмыки насильствуютъ Бухарскихъ женъ и дѣтей и многія обиды дѣлаютъ; [7] на оборотъ, Калмыки обвиняли Бухарцевъ въ мошенничествѣ и своеволіи. Джунгарскій Посланникъ въ Россіи, Аюша (въ 1751 г.), говорилъ Русскому Офицеру: «Бухарцы плуты и своевольны; чрезъ ихъ все худо есть въ нашу землицу. Какъ я нынѣ слышалъ, много плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Казачьей Орды, посылаются, а они ихъ, не объявляя, у себя въ холопяхъ оставляютъ. По возвращеніи въ Джунгарію объявляю о нихъ своему владѣльцу.» При такой взаимной непріязни, всякое ослабленіе Джургарской власти давало Бухарцамъ поводъ къ возстанію и надежду на утвержденіе независимости. Въ Архивѣ Областнаго

---

[7] Показаніе Бухарца Адама, которое ниже мы помѣстимъ цѣликомъ.

Правленія сохранились извѣстія о возстаніяхъ Ахмета, сына Аппакъ-Ходжи, въ 1748 г., Юсуфа, въ 1754 г. и братьевъ Бурханъ-Эддинъ-Ходжи и Ханъ-Ходжи, въ 1758 г., а также о газатѣ 1763 г., предпринятомъ Мусульманскими Владѣтелями Западнаго Туркестана подъ главенствомъ Авганскаго Хана, Ахметъ-Шаха.

Извѣстіе о возстаніи Ахмета, сына Аппакъ-Ходжи, сохранилось, въ замѣчательномъ показаніи Бухарца Адама Хозекильдина, вышедшаго въ Октябрѣ 1749 г. въ Колывано-Воскресенскій заводъ, по его разсказамъ, въ качествѣ довѣреннаго отъ всѣхъ городовъ Малой Бухаріи, съ предложеніемъ принятія ихъ въ Русское подданство. Этотъ занимательный документъ мы помѣщаемъ вполнѣ:

«1. Зовутъ его Адамомъ Хози-Кельды, урожденіемъ бывалъ города Томска, ибо отецъ его живалъ въ Тобольску, а потомъ переѣхалъ въ тотъ городъ Томскъ; нѣсколько поживъ съ нимъ, Адамомъ, и матерью его, по старымъ книгамъ назадъ тому лѣтъ съ 20, отданъ во владѣніе Зенгорское, въ коемъ и понынѣ обрѣтался и жительство имѣлъ въ Ургѣ, въ слободѣ Мольло-Мамеде, отъ Владѣльцева кочевья, на примѣръ, верстъ съ 150, и кочевалъ при прочихъ Бухарцахъ вмѣстѣ съ Калмыками, и они, Бухарцы, становятся особыми кочевьями, коихъ, Бухарцевъ, при Ургѣ кочуетъ 1100 кибитокъ. А владѣльца ихъ зовутъ Анжанъ-Ханъ, [8] коему отъ роду 16 лѣтъ; владѣетъ тою землею послѣ отца, своего Галданъ-Церена. Нынѣ оный ихъ Владѣлецъ кочуетъ на Илѣ рѣкѣ, на мѣстечкѣ Махачи-Карачу, которое мѣстечко отъ Канъ-Карагаю, [9] отъ Зайсана Онбы, ѣзды одинъ мѣсяцъ, а отъ Ханъ-Карагаю же до здѣшней Чакырской крѣпости на легкой лошади можно однимъ днемъ переѣхать. При немъ, Владѣльцѣ, нынѣ находится военныхъ людей 27,000, который войну имѣетъ съ Бурутскими Калмыками, у коихъ, Бурутовъ, Водитель или Владѣлецъ, называемый Ахметъ, и оный, назадъ тому года

---

[8] Имя Хана Цебенъ-Доржи-Намжи, принятое имъ по вступленіи на Ханство послѣ отца, Галданъ-Церена.

[9] Рѣка Канъ, впадающая въ Чарышъ.

два, приходилъ Зенгорскаго владѣнія въ Большую Бухарію и городъ Кашгаръ, разорилъ 1000 дымовъ и людей въ полонъ побралъ, а Бурутовъ къ тому Кашкару подходило 10,000, и послѣ того разоренія въ то жь время, для отмщенія, на оныхъ Бурутовъ посылалъ войска съ Зайсаномъ Доржи 10,000, изъ котораго числа Бурутами побито 7,000, а возвратилось только 3,000, и послѣ того, сего года весною, въ Маѣ мѣсяцѣ, помянутый ихъ Владѣлецъ отъ рѣчки Хужигыра (въ которомъ мѣстѣ онъ кочевье имѣлъ, гдѣ имѣются его сады), въ другой разъ посылалъ брата своего, называемаго Лама-Доржи, и изъ тѣхъ военныхъ людей, бывшихъ съ нимъ, убили 10,000, и въ томъ походѣ были они времени съ три мѣсяца, а оттуда возвратилось только съ 20,000, назадъ тому съ три же мѣсяца, до которыхъ Бурутовъ изъ Урги прямымъ путемъ ходу будетъ съ одинъ мѣсяцъ.

2. Онъ, Адамъ, посланъ изъ Урги назадъ тому съ три мѣсяца отъ доброжелателей къ Россійской Имперіи, Бухарскихъ двѣнадцати Бековъ, изъ городовъ, Еркени, Кашкара, Нотона, Аксу и изъ прочихъ всѣхъ городовъ съ 6 человѣки Бухарцами жь, коихъ зовутъ: его, Адамомъ, а прочихъ Діясъ, Мамеде, Курбанъ, Кеперъ-Медъ, Ніазмедъ, и отъ тѣхъ Бековъ, также нынѣшняго Зенгорскаго Владѣльца отъ сестры родной, дочери Галданъ Церена, называемой Олонъ-Баиръ (которая отъ онаго брата своего послана въ заточеніе и содержится въ Бухарскомъ городѣ Акутѣ (по другимъ показаніямъ въ Аксу) въ тюрьмѣ, дано имъ было письмо за руками всѣхъ Бековъ, съ приложеніемъ 12 ихъ печатей, да въ презентъ Ея Императорскому Величеству 6 камней, одинъ золотой, Персидской работы, кафтанъ, да двумъ Генераламъ 6 камней, а къ кому именно, того онъ не знаетъ. А помянутое письмо писано по Русски въ Ургѣ, и о томъ между Беками былъ совѣтъ по 3 дни, и утвердили присягою, чтобъ то было тайно: а писали тѣ письма и въ совѣтѣ были находящіеся тамо Русскіе люди купцы, одинъ Казанецъ Иванъ, Герасимовъ, другой Тобольскій, Алексѣй, а чей сынъ и прозванія не знаетъ. Ѣхали они черезъ Ханъ-Карагай, по тому что лѣтомъ на Ямышевъ, за жарами, не ходятъ; черезъ 13 дней достигли они до Ноена Дебачи, кочевавшаго на р. Имелѣ; Ноенъ пропустилъ одного Адама, а прочихъ, обобравъ скарбъ, отправилъ на легкѣ въ Ургу, будто

было повелѣніе отъ Владѣльца Бухарцевъ изъ дальнихъ городовъ не пропускать въ Россію, а изъ нихъ одинъ Адамъ былъ изъ «ближней Урги.» Отъ Дебачи Адамъ пришелъ къ Зайсану Онбѣ и жилъ 15 дней, пока сынъ Онбы, Самуръ, собирался въ Чакырскую крѣпость для собиранія долга. Самуръ усмотрѣлъ у него во вьюкахъ золотой кафтанъ, и взялъ его себѣ, обѣщая купить; кромѣ того велѣлъ показать серебра 5 фунтовъ и 60 червонныхъ, лежавшихъ вмѣстѣ съ каменьями; при развязываніи кошелька камни выпали изъ него и были перехвачены Самуромъ. Адамъ не смѣлъ сопротивляться. По прибытіи въ Чакырскую крѣпость, Адамъ старался улучить время, чтобъ передать письма Русскому Офицеру Нестерову, и однажды показывалъ ему кошелекъ за 12 печатями Бековъ, но передать не могъ, по тому что Самуръ слѣдилъ за его поступками. Въ одну ночь чемоданъ у Адама разрѣзали и вынули кошелекъ съ 12 печатями, съ каменьями и съ письмами.

3. А посланъ онъ, Адамъ, отъ помянутыхъ Бухарцевъ за тѣмъ, что оные 12 Бековъ и Владѣльцева сестра, Галданъ-Церена дочь, Олонъ-Баиръ, желаютъ быть въ Россійскомъ подданствѣ, и они, Беки, будучи, по обыкновенію ихъ (понеже они каждогодно изъ своихъ городовъ въ Ургу собираются для совѣтовъ по одному разу) въ Ургѣ, сбирались по 3 дни для совѣту; въ томъ числѣ былъ главнѣйшій надъ ними всѣми Беками Газибекъ, и, усовѣтовавъ, его, Адама съ товарищами, отдавъ имъ письма и посылку, сюда въ Россію послали, и велѣли ему объявить, что минувшаго лѣта пріѣзжалъ въ Ургу Канъ-Карагай Зайсанъ Онба съ сыномъ Самуромъ, и жаловался Владѣльцу своему, что Русскіе около его улусовъ промыслы ихъ отняли и промышлять не допускали, и оный Владѣлецъ ему приказалъ, что, гдѣ есть въ близость къ Канъ-Карагаю Русскія жилища, сѣно и хлѣбъ, грабить и жечь, людей въ полонъ увозить и бить, когда случай допуститъ, а отъ себя въ помощь хотѣлъ ему, Онбѣ, послать военныхъ людей съ 23,000, тогда какъ трава будетъ и лошади исправятся, къ Иртышу на Россійскія мѣста, и для того посланнаго съ Россійской стороны Посла Подзорова и съ имѣющимися при немъ людьми держать въ тюрьмѣ подъ крѣпкимъ карауломъ въ кочевьяхъ главнаго Зайсана Олжи, Цаганова сына. И при томъ

же оные Беки писали и ему, Адаму, велѣли объявить, что когда, за несостояніемъ Зенгорскаго войска, на нихъ, Зенгорцевъ, пошлются Россійскіе войска, то тѣ Беки желаютъ съ своими Бухарцами чинить съ Россійской стороны вспоможеніе, и можетъ у оныхъ Бековъ набраться для той помощи Россіянамъ людей 80,000 тысячъ.

4. Онъ же, Адамъ, будучи въ Канъ-Карагаѣ, въ разговорахъ и въ совѣтахъ отъ Зайсана Онбы и сына его Самура слышалъ, чтобъ нынѣ къ Россійскимъ людямъ показать ласку, ограбленныхъ минувшаго лѣта изъ Русской деревни лошадей и пожитки имъ возвратить, и между тѣмъ съѣздить до Чакырской крѣпости и имѣющіеся на Русскихъ людяхъ долги собрать; ибо, де, болѣе въ Русскія мѣста, кромѣ непріятельскаго нападенія, они уже не будутъ.»

Переводчикъ Текутьевъ подтвердилъ, что Адамъ дѣйствительно показывалъ Офицеру Нестерову кошелекъ за 12-ю черными печатями.

Другое показаніе Адама:

«Въ концѣ Ноября Уранхайцы навѣрно нападутъ на Чакырскую крѣпость.» Оные Уранхайцы, по своему суевѣрію, чрезъ огонь въ своей землицѣ о зломъ своемъ умыслѣ волшебствовали и уповали, на которое мѣсто огонь склонится, тутъ побѣда быть можетъ.

Двѣнадцать Бековъ, сирѣчь, 12 городовъ, совѣтовали, а одинъ изъ нихъ главный Азбекъ, у котораго въ вѣдомствѣ 32,000, и отправили меня изъ Бартахаю, гдѣ у нихъ совѣтъ былъ 3 дни, разстояніемъ отъ Урги 40 верстъ, вверхъ по Илѣ рѣкѣ. А со мною послано было 3 письма большихъ, писанныя по Русски, за тѣмъ, что ежели писать по Калмыцки, то поймаютъ на дорогѣ Калмыки, а Русское, де, письмо не такъ прилично имъ; а оное письмо писали Россійскіе купцы, Алексѣй и Герасимъ, которые съ тѣми Беками, какъ у нихъ совѣтъ былъ, присутствовали, и оныхъ купцовъ тѣ Беки къ присягѣ привели, чтобъ то имъ со-

держать секретно. И съ тѣми письмами дано мнѣ было отъ сестры Владѣльцевой Уламъ-Баира золотой кафтанъ къ Государынѣ, да разныхъ каменьевъ 12 и товару Иркецкаго 600 головъ, и по отправленіи моемъ поѣхалъ я отъ Урги къ Ноенъ Дебачи, а отъ Ноенъ Дебачи поѣхалъ къ Рунхайцамъ, къ Сотнику Самуру, который кочуетъ у рѣки Чарасъ; [10] ибо оный Самуръ имѣлъ на Русскомъ мастеровомъ человѣкѣ Кашинѣ 160 кожъ, а оный Чарасъ отъ Колывану разстояніемъ со 100 верстъ.» За тѣмъ слѣдуетъ опять разсказъ о потерѣ посылокъ и писемъ. «А какъ я объявилъ Поручику, что мѣшокъ у меня украденъ, то оный Поручикъ, взявъ меня, отправилъ въ Колывань того жъ числа, а при Чарасъ у караулу остался мой работникъ Торита, родомъ Казакъ, и при немъ собственнаго моего экипажа соболей съ хвостами 15, лисицъ 10, войлоковъ 3, ружье 1, сайдакъ со стрѣлами 1, лисій мѣхъ покрытъ коноватомъ 1, 2 тюфяка, одинъ кожанный, а другой войлочный, 2 блюда оловянныхъ, Китайскихъ 2 чашки, котелъ желѣзный, кожа моралья, 2 шубы бараньи новы, 3 лошади, 3 хама (три чалдара, 3 бязи, да въ Колыванѣ 1 лошадь). Въ нынѣшнемъ году весною походъ былъ на Ахметь-Киргизовъ въ 30,000, которые живутъ у рѣки Сыръ-Дарьи, къ Бухаріи, а при томъ войскѣ командирами были Калмыцкіе Лама-Доржи, Кандакъ-Доржи, Саамъ-Белекъ, и въ томъ походѣ были 2 мѣсяца, и пришли назадъ съ немалымъ урономъ еще при мнѣ; а убито войска 7,000 человѣкъ; также Лама-Доржи взятъ былъ въ полонъ и отрубили ему голову. [11] А какъ нынѣ назадъ пришли, то стали совѣтовать, яко бы имъ стало трудно отъ Россійской границы, и такое намѣреніе взяли, чтобъ по веснѣ итти на Россійскія границы и крѣпости очистить. А какъ оные Калмыки изъ походу пришли, то у насъ женъ и дѣтей насильствовали и много обиды сдѣлали. И для того наши Беки прислали меня сюда, ежели, де, Калмыки на Россійскія границы подымутся, то они, Бухарцы, готовы быть въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества, коихъ будетъ съ 127,000. А Калмыки болѣе хотятъ за то чинить напа-

---

[10] Чарышъ.

[11] Лама-Доржа, напротивъ, вскорѣ послѣ того вступилъ на Ханскій престолъ.

деніе, что Урунхайцы принесли жалобы, что промыслы собольные у Алтайскихъ горъ утѣснены отъ Россійскихъ людей, кои промышляютъ руду и каменья, и на то тѣмъ Урунхайцамъ Гонбо-Олжой, Баха-Манжи, Намжинъ-Черинъ, Улжу-Урушка, Нима-Аргазъ, Хотонъ-Хушъ, объявили, что гдѣ Россійскіе городы, или посѣянный хлѣбъ и покосы имѣются, жечь; однако нынѣшней зимы до весны у тѣхъ Калмыковъ намѣренія къ нападенію на Россійскія границы не слышно.»

Показаніе Адама о сидѣніи въ тюрьмѣ Русскаго Посла Подзорова не подтвердилось, а также и о намѣреніи Джунгаровъ и Урунхайцевъ напасть на Русскія крѣпости, по чему Государственная Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ нашла опасенія Сибирскаго Начальства неосновательными и приготовленія, сдѣланныя имъ, преждевременными; Адама же, который былъ подъ карауломъ привезенъ въ Тобольскъ, велѣно отпустить, при чемъ Сибирскому Начальству замѣчено, что его не только не слѣдовало садить подъ караулъ, но слѣдовало отпустить «съ приласканіемъ.» [12]

О возстаніи Юсуфа сообщилъ извѣстіе Нойонъ Шеренъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію: кочевавшіе въ ихъ Зенгорскомъ владѣніи особыми аулами Бухарцы, называемые Хотонъ, управлялись Бухарскимъ Ходжей, который при Галданъ-Деренѣ имѣлъ власть надъ всѣми городами Малой Бухаріи и собиралъ для него съ нихъ дань; во время распри Дебачи съ Амурсаною, Ходжа со всѣми Бухарцами и подговоривъ съ собою 3000 Калмыкъ, ушелъ въ города Малой Бухаріи, Кашкаръ и Еркентъ; этѣ Калмыки и теперь тамъ находятся въ своей Вѣрѣ, только у нихъ владѣльцевъ, кромѣ Зайсановъ и Демечей, нѣтъ. [13]

Въ 1760 г. Тарскій Бухаретинъ Алимъ Шиховъ, бывшій въ степи, привезъ извѣстіе, что бывшій въ городѣ Еркени Владѣ-

---

[12] Указъ изъ Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ отъ 14 Февраля, 1750 г.

[13] Въ извлеченіи, сообщенномъ въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества» Г. Венюковымъ, изъ путеваго дневника путешественника по Памиру не извѣстнаго Людвига Фонъ .... говорится, кажется, о потомкахъ этѣхъ Калмыковъ.

лецъ Ходжанъ-Бачи со всѣми родственниками и ближними бѣжалъ къ Эрдени-Беку, Узбецкому Владѣльцу, въ г. Кооку, гдѣ и былъ принятъ; за ними было послано въ погоню 9,000 Китайцевъ, но Узбеки, обще съ Киргизами, или Бурутами, побили ихъ до 7,000. Это извѣстіе Алимъ Шиховъ слышалъ отъ Бухарскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ къ Аблаю изъ города Кооку (Коканъ?).

Въ 1759 г. Русскій переводчикъ, Араповъ, развѣдалъ, что впереди урочища Иренъ-Хабирга Китайцы поставили 3,000 войска, для воспрепятствованія прохода въ Россію Кашкарскому и Еркендскому Владѣльцамъ, Аи-Хози и Кунъ-Хози, которые уже три Китайскихъ отряда разбили; къ Аблай Султану былъ отправленъ изъ Кашкара посланецъ съ просьбою о помощи и съ подарками; Аблай говорилъ, что онъ и Кашкарцы, Еркенцы, Самарканцы, Ташкенцы и Туркестанцы одного Мухамеданскаго Закона; такъ бы единственно уже всѣмъ противу Китайцевъ примириться, или войною поступить, однако жь не осмѣлился принять на себя обязанности безпокоить Китайцевъ отгономъ лошадей и набѣгами и не давать имъ селиться въ Зенгоріи.

Въ слѣдующемъ показаніи Бухарца, Тюлякъ-Хутжи, кажется, заключается извѣстіе объ убійствѣ Бурханъ-Эддина и Ханъ-Ходжи: Китайцы склоняли Бухарцевъ въ подданство, по чему они бѣжали къ Авганскому Хану; за ними была послана погоня, но какъ бѣглецы, такъ и погоня, были до Авгановъ не допущены и на дорогѣ побиты въ городѣ Кулябъ, называемыми Калчинцами (Галчи?). Къ Куханскому Хану, Ертене-Бію, были присланы послы единовременно и отъ Авганскаго и отъ Китайскаго Хановъ; послы сдѣсь поссорились, послѣ чего Авганскій Ханъ, уже намѣревавшійся вступить въ войну съ Китаемъ, еще болѣе озлобился на Китайцевъ.

Первыя торговыя сношенія Сибири съ Малой Бухаріей.

Торговыя международныя сношенія, которыя нынѣ происходятъ чрезъ города Семипалатинскъ и Кульджу, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ международныхъ сношеній Азіятскаго материка. Русскіе приняли въ нихъ участіе только во время послѣд-

нихъ трехъ столѣтій, и только въ это время они дѣлаются намъ извѣстными точнымъ образомъ. Но они вѣроятно существовали за долго до этого времени и начались съ самой зари исторической жизни въ средней Азіи, когда у подножія Тьянь-Шаня возникла Бухарская образованность.

Самое древнее свѣдѣтельство о существованіи пути изъ средней Азіи въ восточную Европу, мимо подошвы Алтая, сохранилось въ извѣстіи, помѣщенномъ въ Географіи Эдризи о путешествіи толмача Салама, въ 846—847 г. по Р. Х., посланнаго Абассидскимъ Халифомъ, Вазикомъ, къ крайнимъ сѣвернымъ горамъ, Гогу и Магогу. Саламъ ѣхалъ туда черезъ Арменію, земли Алановъ и страну Бесгертъ (Башкирію); отъ Башкиріи путешественники шли 10 дней по обширной черной странѣ, по которой разстилался паръ съ такимъ отвратительнымъ запахомъ, что путешественники должны были постоянно употреблять благовонія. Это можетъ быть болотистая Ишимско-Барабинская степь, которая и теперь извѣстна своими сѣрно-водородистыми испареніями. Потомъ, послѣ мѣсячнаго путешествія по пустынѣ, Саламъ достигъ до Государства Адкашъ (по мнѣнію Риттера, это Хакалъ, въ вершинахъ Енисея и Катуни), лежавшаго у подошвы хребта Кокая, который Риттеръ принимаетъ за Тьянь-Шань.

Въ V, VI и VII столѣтіяхъ черезъ Біармію, т. е., нынѣшнюю Пермь, производилась торговля пушными Сибирскими товарами, вмѣстѣ съ которыми шли въ сѣверную Европу также и произведенія отдаленной срединной и южной Азіи. Въ Соликамскомъ и Красноуфимскомъ Уѣздахъ находятъ клады съ Арабскими, Сассанидскими, Византійскими и Бактріянскими монетами V, VI и VII столѣтій.

Во время завоеваній Монголовъ международныя сношенія между средней Азіей и сѣверо-восточной Европой, вѣроятно, усилились; въ особенности нужно предполагать учащеніе сношеній между сѣверной Сибирью и Бухаріей. Со времени завоеваній Монголовъ Киргизская степь дѣлается убѣжищемъ разныхъ изгнанниковъ изъ Средне-Азіятскихъ Государствъ и преслѣдуемыхъ племенъ; члены владѣльческихъ фамилій, послѣ переворотовъ, спасались

бѣгствомъ въ Киргизскую степь и часто становились смѣлыми предводителями Казачьей Орды и при ея помощи дѣлали набѣги и завоеванія на западѣ, сѣверѣ и югѣ. Въ концѣ XV вѣка утверждается въ Тюмени Князь Шейбани, вѣроятно, при помощи Казачьей Орды (нынѣшнихъ Киргизъ); объ участіи Казачьей Орды въ завоеваніяхъ Шейбани можно заключать по извѣстію Русской Лѣтописи, по которому Тюменскій Князь Ибакъ (т. е., Ивакъ, Шейбани) съ 10,000 Казаковъ убиваетъ Хана Золотой Орды, Ахмата; подъ Казаками не кого болѣе разумѣть, кромѣ Киргизовъ. [14] Вѣроятно, при помощи той же Казачьей Орды Средне-Азіятскіе выходцы основали въ Сибири, послѣ Шейбани, нѣсколько другихъ независимыхъ Княжествъ съ господствующимъ Турецкимъ и подчиненнымъ Турецко-Чудскимъ племенами. Таковы были Татарскія Княжества Эдигера, Чингія, Епанчи. Нѣсколько позже, вѣроятно, также при помощи Казачей Орды, вторгается въ Сибирь Кучумъ и утверждается въ Искерѣ. Нѣкоторыя западныя Татарскія Княжества остались независимыми, но съ появленіемъ Кучума все таки многія разъединенныя мѣста Бухарско-Татарской поселенности въ Сибири слились въ одно владѣніе съ Кучумомъ, и вообще, съ основаніемъ осѣдлыхъ жилищъ, начало усиливаться Бухарское вліяніе въ Сибири. Кучумъ внесъ въ Сибирь Исламъ, который былъ ревностно распространенъ имъ между туземцами; съ утвержденіемъ его, вѣроятно, усилились торговыя сношенія съ Бухаріей; въ то время уже существовало караванное сообщеніе по Иртышу, по тому что Ермакъ на третій годъ послѣ завоеванія Сибири получилъ извѣстіе объ идущемъ по Иртышу Бухарскомъ караванѣ. Съ Кучумомъ даже выѣхалъ изъ Ургенча въ Сибирь на жительство Бухарецъ Динъ-Али-Ходжа и женился на дочери Кучума, Налъ-Ханшѣ (обезпеченіе успѣховъ торговыхъ предпріятій посредствомъ заведенія родства съ вліятельными лицами въ краѣ и теперь составляетъ торговую политику Бухарцевъ въ иностранныхъ земляхъ). Динъ-Али-Ходжа положилъ основаніе одной Сибирской Бухарской фамиліи Сеидъ.

Съ этого врамени въ Турецкомъ населеніи Сибири нужно различать по происхожденію три поселенности:

---

[14] Киргизы называютъ сами себя «Казакъ».

1. Сибирскихъ Татаръ, древнѣйшихъ поселенцевъ Сибири Турецкаго племени, спустившихся съ Алтая въ доисторическія времена и ведшихъ бродячій и звѣроловный образъ жизни подобно Остякамъ и Самоѣдамъ; они составляли волости: Сергачъ, Коурдакъ, Туралы, Аялы, Барама, Чатъ, Еушты, Телеутъ, которыя располагались отъ устья Тобола до Алтая; большая часть ихъ во время Кучума оставались еще идолопоклонниками; сѣверные Татары жили, по крайней мѣрѣ, зимой въ постоянныхъ жилищахъ; южные, занимавшіеся скотоводствомъ, кочевали; крайніе изъ первыхъ были Туралы, называвшіеся такъ отъ слова тура, городъ; сосѣдніе съ ними крайніе кочевые — Аялы.

2. Выходцевъ изъ Киргизской степи и Бухаріи, Князей съ своими дружинами и купцовъ. Выходцы изъ кочеваго Туркестана, т. е., изъ Киргизской степи, кажется, смѣшались въ послѣдствіи въ устахъ Русскихъ, съ туземными Татарами подъ именемъ служилыхъ Татаръ. Бухарцы - купцы составили отдѣльное сословіе.

3. Въ Сибирь выселялись также Татары изъ Европейской Россіи, Казанскіе и Касимовскіе; въ Томскѣ онѣ не смѣшались съ Бухарцами и составляютъ отдѣльную волость, въ отличіе отъ Бухарской называемую Казанскою.

Въ 1581 г. Царство Кучума падаетъ подъ ударами Казачьей дружины Ермака. Съ этого времени начинается борьба за утвержденіе въ Сибири Русской и Татарской образованности, продолжающаяся и послѣ прекращенія вооруженныхъ возстаній, подъ мирными формами торговаго соперничества и миссіонерской дѣятельности.

Съ укрѣпленіемъ Русскихъ въ Сибири и съ установленіемъ болѣе прочной осѣдлости въ ней, сношенія съ Бухаріей еще болѣе усилились; многолюдность каравановъ увеличилась. Сначала они, спускаясь внизъ по Иртышу, доходили только до озера Ямышъ (гдѣ нынѣ Ямышевская станица), а потомъ незначительная часть стала на верблюдахъ проникать и далѣе, въ новые Сибирскіе города, Тобольскъ и Томскъ. Впрочемъ, озеро

Ямышъ оставалось едва ли не до начала XVIII стол. торговой станціей; съ юга сюда приходили Бухарскіе караваны, съ сѣвера Русскіе поднимались на судахъ за солью, которую ломали въ Ямышѣ и вымѣнивали сдѣсь Бухарскіе товары, ясырей (рабовъ), ревень и шаръ (табакъ). Въ половинѣ XVII столѣтія сосланный въ Сибирь Сербъ Крижаничъ дѣлаетъ указанія на важность этой торговли и строитъ обширные планы не только о развитіи торговли съ Джунгаріей и Бухаріей, но и о торговомъ пути въ Индію черезъ Бухарію. «Мы могли бы, говоритъ онъ, построивши острогъ при Сланомъ озерѣ на Иртышѣ, покупать тамъ 30,000, или 40,000, кожъ воловьихъ и овечьихъ и за дешевую цѣну множество скота, а также говядины и баранины, солить ихъ, сушить и коптить, и въ этомъ видѣ отправлять въ Европу; могли бы тысячу пудовъ и болѣе добывать сдѣсь грубой шерсти для простаго сукна; могли бы получать кожухи, лошадей, воловъ, сколько хотѣли; изъ Индіи могли бы ити къ намъ этѣмъ путемъ хлопокъ, шелкъ и шелковыя матеріи, драгоцѣнные камни, бисеръ, коралъ, сахаръ, перецъ, шафранъ, гвоздика, орѣшки, корица, имбирь, а также шелковыя крашенины, сукна, бархаты, атласы, камки, тафта, бумажныя крашенины, называемыя китайками, аріамми, зенденми и беарми. Въ замѣнъ этѣхъ товаровъ мы бы давали Калмыкамъ, Бухарцамъ, Монголамъ и дальнимъ Индѣйцамъ свои Сибирскіе пушные и Нѣмецкіе суконные и другіе товары.» [15]

Въ 1652 и 1653 г. отъ Ямышевскаго озера приходилъ въ Томскъ Томскій уроженецъ Бухаретинъ Шарипъ Яріовъ съ товарищемъ и привезъ товаровъ:

	1652 г.	1653 г.
Зенденей семендеи	368	400
Азъямовъ зендениыхъ	58	—
Выбоекъ и пестрядей	60	180
Ревеню копытчатаго		9 пуд.
Ревеню черенковаго		32 пуд.
Тулуповъ овчинныхъ		68

[15] «Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка,» ч. I, стр. 14—16.

Въ 1653 году вверхъ по Иртышу было отправлено Русское Посольство въ Китай подъ начальствомъ Ѳедора Исаковича Байкова. Изъ Тары онъ проѣхалъ вверхъ по Иртышу до озера Ямыша, потомъ до Бухарскихъ палатъ, около нынѣшняго Семипалатинска, сдѣсь переправился на лѣвый берегъ Иртыша, перешелъ черезъ горы въ котловину озера Цзайсана и прошелъ далѣе по южному берегу этого озера, за тѣмъ онъ перешелъ черезъ черный Иртышъ, на его сѣверную сторону, и вступилъ въ Монголію путемъ, лежащимъ сѣвернѣе вершинъ Чернаго Иртыша. Путешествіе Байкова занимательно для насъ тѣмъ, что оно сообщаетъ намъ свѣдѣнія о зарождавшейся тогда на берегахъ Иртыша Бухарской поселенности: Байковъ нашелъ палаты на Иртышѣ не далеко отъ устья неизвѣстной теперь рѣчки Елхуле, вѣроятно, извѣстныя въ послѣдствіи подъ названіемъ «Семи палатъ». Въ палатахъ жили пашенные Бухарцы. На рѣкѣ Кара-Буга, въ юго-западномъ углу Цзайсанской котловины, Байковъ нашелъ близъ урги, т. е., пребыванія Калмыцкаго Тайши, Аблая, другое Бухарское поселеніе; кромѣ того Аблай устраивалъ третье на р. Беске. Во всѣхъ этѣхъ поселеніяхъ жили Бухарцы и занимались хлѣбопашествомъ; по свѣдѣніямъ Байкова они сѣяли пшеницу.

Не смотря на точность географическихъ извѣстій, принесенныхъ Байковымъ о верхнемъ теченіи Иртыша, благодаря скупости Правительства къ распространенію подобныхъ знаній въ средѣ внѣ правительственной, они были погребены въ грудѣ Архивныхъ дѣлъ, и мы, къ удивленію, находимъ, что послѣ этого путешествія не только Русское купечество, но и само Правительство, имѣетъ смутныя понятія о верхнемъ теченіи Иртыша. Долго Русскіе знали точно только положеніе торговой станціи у озера Ямыша: но гдѣ находились тѣ города, откуда приходили караваны, оставалось не извѣстнымъ едва ли не до половины прошлаго столѣтія. Сначала этѣ города были извѣстны подъ именемъ Камбалы и Грустинца. Ихъ ставили не только современники, но и послѣдующіе историческіе изслѣдователи, въ системѣ Оби и Иртыша; въ послѣдствіи оріенталисты открыли, что Камбалыкъ есть Монгольское названіе Пекина, но о Грустинцѣ еще и теперь послѣдній Статистико-Географическій Словарь, составленный Г. Семеновымъ, удерживаетъ мнѣніе Страленберга, полагавшаго подъ этѣмъ

именемъ Татарское племя Сушты, близъ города Томска. Но вѣроятнѣе всего, что Грустинецъ находится столь же далеко отъ Сибири, какъ и Камбалы, и что подъ этѣмъ именемъ скрывается какой ни будь городъ изъ окресностей озера Хуху-Нора.

Патеръ Авриль, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія, повторяетъ извѣстіе Байкова о существованіи дороги въ Китай по Иртышу; онъ говоритъ, что третья дорога въ Китай, посѣщаемая часто Узбецкими Татарами и Калмыками, занимающимися торговлей, а также и Москвитянами, идетъ изъ Тобольска вверхъ по Иртышу до соленыхъ озеръ, потомъ еще выше по Иртышу до города Синкаме, откуда ѣдутъ черезъ земли Калмыковъ и Монголовъ до Китайскаго города Кокутана. Подъ именемъ Синкаме, вѣротно, Аврилю передано было извѣстіе о городахъ Сининъ и Хами или Сининъ и Ганьджоу.

Города Яркендъ и Кашкаръ стали извѣстными едва ли только не въ концѣ XVII столѣтія. Въ 1713 Князь Гагаринъ посылалъ Тобольскаго Дворянина, Θедора Трушникова, въ Малую Бухарію за песочнымъ золотомъ, и Трушниковъ добылъ это золото въ Бухарскихъ городахъ Селинѣ и Дабѣ, близъ озера Хуху-Нора. Но Русскія свѣдѣнія о срединной Азіи до половины прошлаго столѣтія оставались ничтожными, такъ что Петръ, посылая Бухгольца для завоеванія Яркенда, опредѣляетъ маршрутъ его только направленіемъ теченія Иртыша.

Съ основаніемъ крѣпостей по Иртышу, въ началѣ прошлаго столѣтія, начинаютъ развиваться и наши познанія о той части Азіи, изъ которой исходили Бухарскіе караваны; подробности, сохранившіяся въ Архивѣ Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ объ этой караванной дорогѣ, собственно и составятъ предметъ нашей статьи. Въ этомъ Архивѣ сохранились свѣдѣнія и о путяхъ, которыми слѣдовали караваны, и о товарахъ, въ обмѣнѣ которыхъ состояла торговля Сибири съ Джунгаріей.

Караванная дорога.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія караванный путь изъ Бухарскихъ городовъ въ Сибирь проходилъ не тамъ, гдѣ онъ прохо-

дитъ нынѣ; теперь Кульджинскіе караваны ходятъ черезъ Балхашскую низменность, западнѣе снѣжныхъ горъ Алатау, ограждающихъ съ востока Семирѣчинскій край. Въ прошломъ столѣтіи караванная дорога была восточнѣе; намъ, впрочемъ, извѣстна одна сѣверная половина этого пути, начиная отъ Владѣльческой урги на Илѣ; объ этой части ея мы имѣемъ слѣдущія отрывочныя извѣстія:

1. Показаніе переводчика Текутьева для пути отъ Семипалатинской крѣпости чрезъ Боротала до Урги.

2. Показаніе Калмыковъ, братьевъ Баасуновыхъ и Татарскаго юртовскаго Бухаретина, Рембаки Амирова, о пути отъ Семипалатинской крѣпости до урочища Ирень Хабарга, и

3. Свѣдѣнія о проходахъ каравановъ внутри Сибири отъ Семипалатинской крѣпости до Томска и Ирбити.

Мы сдѣсь предлагаемъ сводъ этѣхъ извѣстій.

Изъ Семипалатинской крѣпости караванъ шелъ вверхъ по рѣкѣ Чаръ-Гурбану, въ вершинахъ его переваливалъ черезъ хребетъ Халма (нынѣ Калба), далеко не достигающій снѣжной линіи, но ущелья котораго и теперь извѣстны сильными вѣтрами; спустившись по вершинамъ рѣкъ Бекони и Чегуляка (Буконь и Чигилекъ), при отдѣльной возвышенности Калмы - Тологой, онъ вступалъ въ котловину Цзайсана и шелъ чрезъ рѣки Кара-Буга, Кабарга-Базаръ и другихъ, подлѣ сѣверной подошвы хребта Тарбагатая, до горнаго прохода Хамаръ-Табанъ (Киргизы теперь называютъ Хабаръ-Асу); до сюда купцы ѣхали частью и на телѣгахъ; сдѣсь телѣги разбирались и вьючились на вербюдовъ. По другую сторону хребта опять ѣхали на телѣгахъ до рѣки Имель; сдѣсь караванъ находилъ осѣдлыхъ Бухарцевъ, пахавшихъ тутъ пашню; сдѣсь телѣги оставлялись и далѣе товары везлись на верблюдахъ. Отъ Имеля дорога шла черезъ Шара-Хулусунъ (это урочище назначено на картѣ Клапрота къ югу отъ Чугучака), чрезъ западные отроги хребта Заиръ (нынѣ, вѣроятно, Сауры), на озеро Халтарышъ-Иге (Халтаръ Узике-Норъ или Балкатзи-Норъ на картѣ Клапрота); отсюда на рѣкѣ Боротала, при озерѣ

Талки караванъ переходилъ третью цѣпь и спускался на Илю, а потомъ достигалъ урги при рѣкѣ Текесъ.

Весь этотъ путь отъ урги до Иртыша караваны совершали въ 60 дней; отъ урги Саинъ Белека, который кочевалъ на рѣкахъ Коксу и Караталъ, въ 40 дней, отъ урги Септеня, кочевавшаго при сѣверной подошвѣ хребта Ирень-Хабирганъ, въ 20, и отъ урги Даваци, на рѣкѣ Имели, въ 16 дней.

По выходѣ на Иртышъ караванъ часто дѣлился на двѣ части: одна шла внизъ по Иртышу въ Тобольскъ и Ирбить, другая въ Томскъ. Это раздвоеніе происходило чаще при Убинской заставѣ (при устьѣ рѣки Убы), гдѣ караваны переправлялись черезъ Иртышъ, но иногда и въ степи, не доходя до Иртыша, съ какой-то р. Колсуты (?), откуда одна половина шла на Убинскую заставу, а другая въ Долонъ, Карагайскій форпостъ, ниже Семипалатинской крѣпости. Въ Томскъ караванъ шелъ черезъ деревню Касмалу; въ Тобольскъ по правому берегу Иртыша до Такмыцкой слободы; сдѣсь переходилъ на лѣвый берегъ и чрезъ Тобольскъ достигалъ Ирбити.

Изъ этого краткаго очерка можно заключить, на сколько этотъ старинный путь былъ восточнѣе и длиннѣе нынѣшняго. Причина, по чему караваны предпочитали этотъ путь менѣе затруднительному, безъ горныхъ проходовъ, болѣе прямому и кратчайшему чрезъ Балхашскую низменность, вѣроятно, заключалась въ томъ, что этотъ путь былъ очень опасенъ, по тому что лежалъ чрезъ кочевья неспокойныхъ Киргизъ, представлявшихъ тогда дикую орду безъ сильной власти. Въ своихъ набѣгахъ на караваны Киргизы такъ были смѣлы, что нападали на нихъ даже, когда они скрывались въ надолбы Русскихъ редутовъ; такъ, на прим., въ Октябрѣ 1752 г. Киргизы преслѣдовали Бухарскій караванъ до Прѣснаго редута, а въ Февралѣ Киргизы напали на тотъ же караванъ при крѣпости Становой и отбили 15 верблюдовъ, 42 лошади и взяли въ плѣнъ 7 Бухарцевъ. Путь по Балхашской низменности до того избѣгался, что Нойонъ Шеренъ, выводя изъ Джунгаріи въ 1758 г. улусъ Торгоутовъ, избралъ путь чрезъ Хамаръ-Табанъ и съ р. Таласа и Чу долженъ былъ идти сначала чрезъ рѣки Чиликъ и Илю, потомъ черезъ Боротала и Тарбагатай.

6

Съ успокоеніемъ Киргизской степи, съ уменьшеніемъ баранты, караванная дорога принимаетъ все болѣе прямое направленіе, и теперь товаръ изъ города Кульджи въ ту же Ирбить можетъ поспѣть гораздо скорѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Вотъ сравнительное указаніе дороги прошлаго и нынѣшняго столѣтія.

Караванная дорога XVII столѣтія:

Отъ Кульджи (прежней Урги) до Чугучака	365	в.
— Чугучака до Кокбектовъ........	150	»
— Кокбектовъ до Семипалатинска...	245	»
— Семипалатинска до Омска........	689	»
— Омска до Тары................	266	»
— Тары до Тобольска.............	576	»
— Тобольска до Ирбити...........	420	»
Всего..........	2711	верстъ.

Караванная дорога XIX столѣтія:

Отъ Кульджи до Копала.............	200	в.
— Копала до ур. Козу-Курпечъ......	300	»
— ур. Козу-Курпечъ до ур. Кызыль-Соръ..................	920	»
— ур. Кызыль-Соръ до Петропавловска	210	»
— Петропавловска (чрезъ Камышловъ) до Ирбити...........	749	»
Всего	2379	верстъ.

Разница между старой и новой дорогой простирается до 332 верстъ. Нужно желать, чтобы путь этотъ еще болѣе сократился посредствомъ усовершенствованій самыхъ путей сообщеній, удобствъ переѣзда, а также и окончательнаго установленія въ степи личной безопасности.

Караваны приходили на Иртышъ почти всегда осенью, въ Августѣ, Сентябрѣ, иногда даже въ Декабрѣ, но иногда въ Іюлѣ.

Въ Ирбить онъ поспѣвалъ по этому не ранѣе Генваря и Февраля, что, вѣроятно, и обусловило сохраняющійся донынѣ зимній срокъ Ирбитской ярмарки.

Въ Архивѣ Правленія Областныхъ Сибирскихъ Киргизовъ сохранились извѣстія о слѣдующихъ пріѣздахъ:

27 Іюля, 1733 г., въ Тобольскъ прибылъ караванъ при посланцѣ Зунду-Замсу. Въ 1737 и 1738 г. были пропущены на Ирбитскую ярмарку купчина Камалай-Ходжа и посланецъ Авасбай. На ту же ярмарку 22 Генваря, 1739 г., 12 Генв., 1742, 25 Генваря, 1743 и 12 Генв., 1744 г., были пропущены Бухарскіе купцы: Ніязбай, Орозобай, Сепербай, Адзіаферъ, Мулла Наурусъ и его братъ Сулейманъ. 7 Декабря, 1744 г., прибылъ въ Ямышевъ купчина Ніязбай съ караваномъ изъ 600 верблюдовъ; въ Тару съ нимъ прибыло 280 Бухарцевъ и Калмыковъ. 16 Декабря, 1744 г., чрезъ Убинскую заставу прошелъ Бухаретинъ Адылбай съ 64 челов., на 200 верблюдахъ и 300 лошадяхъ. Осенью 1745 г. прибылъ къ Семипалатинской крѣпости караванъ при Зайсанѣ Юсупъ-Ходжѣ и Бухарскомъ башлыкѣ Уразбаѣ, съ 450 челов. и съ 1300 вербл.; изъ нихъ 750 челов. и 500 вербл. при старшинѣ Рахманъ-Кули свернулъ въ Томскъ. 2 Декабря, 1747 г. въ Ямышевскую кр. прибылъ Юсупъ-Ходжа съ 16 Калмыками и 219 Бухарцами, съ 300 вербл. и 300 лошадьми; 6 Декабря того же года въ Семипалатинскъ прибылъ караванъ изъ 129 челов. при старшинѣАту-Долотѣ, Дарханѣ Абдукаримовѣ и проч. 10 Сент., 1748 г., при Худай-Кули вышло въ Семипалатинскъ 42 чел., 23 Декабря при старшинѣ Абраимѣ Сайзысовѣ 348 челов. (въ томъ числѣ 3 женки), 568 звѣрей вьючныхъ и 540 лошадей. 13 Мая, 1749 г., при Маметѣ Бакеевѣ 83 чел., 97 вербл. 30 Августа, 1750 г. при Шашлымѣ Мреевѣ 104 челов., звѣрей 94, лошадей 212; 15 Сентября при Етимбаѣ Бакеевѣ 88 челов., 54 вербл., 200 лош.; 30 Сент. прибылъ послѣдній Бухарскій караванъ при старшинѣ Абедля-Зайсанѣ, Карярды-Хужемъ-Яровѣ и др., въ числѣ 485 челов., 755 вербл. и 729 лошадей. Онъ оставилъ Семипалатинскъ 27 Октября, 1752 г. и съ того времени уже болѣе караваны не посѣщали Сибири до возстановленія этой торговли, послѣ окончанія Джунгарскаго переворота.

Вотъ свѣдѣнія о числѣ людей и вьючныхъ животныхъ, которыя были заняты этой торговлей. Пришло въ Ямышевъ и Семипалатинскъ:

въ	1747	1748	1749	1750	1752 г.
Буахрцевъ	350	348	118	261	599
Калмыковъ	34	—	—	54	30
Киргизовъ (въ кашеварахъ)	—	2	—	—	—
звѣрей (т. е., верблюдовъ)	522	760	97	155	629
лошадей	494	537	152	744	764

Привозъ.

Иркетчина. Бухарскіе караваны привозили изъ Джунгаріи бумажныя ткани, извѣстныя тогда въ Сибири подъ общимъ названіемъ Иркетчины, по городу Яркенду, по тогдашнему Русскому выговору Иркету.

Въ 1747 г. въ караванѣ Юсупъ-Ходжи было привезено Владѣльческихъ товаровъ 532 тюка и частнаго 265 т. По показанію Абраима Сайзысова на каждаго верблюда навьючивали по 2 тюка, а каждый тюкъ заключалъ въ себѣ 100 головъ. По этому расчету въ караванѣ Юсупъ-Ходжи было привезено въ 797 тюкахъ 79,700 головъ. Кромѣ того, въ томъ же году прибыли въ Семипалатинскъ два небольшихъ каравана, въ которыхъ вмѣстѣ было 352 вьючныхъ верблюда; число тюковъ не обозначено. По тому же разсчету 352 в. × 2=704 тюк. × 100=70,400 головъ. Всего въ 1747 г. было привезено Иркетчины 150,000 головъ.

Въ 1748 г. было привезено въ караванѣ Абраима Сайзысова 113,500 головъ; кромѣ того, въ другихъ караванахъ 12,000, всего 125,500 головъ.

Въ 1749 г. донесено только объ одномъ караванѣ при старшинѣ Маметѣ Бакеевѣ, въ которомъ было въ 164 звѣринныхъ тюкахъ 19,200 головъ, т. е., по 117 въ тюкѣ.

Въ 1750 г. въ пяти караванахъ было привезено 16,900 тюковъ.

Въ 1752 въ одномъ караванѣ было привезено 1,000 головъ и въ другомъ 14,000 головъ, всего 15,000 головъ. Такимъ образомъ Иркетскаго товара было привезено:

1747	1748	1749	1750	1752 г.
150,000	125,000	19,200	16,9000	15,000

Такое быстрое уменьшеніе можно приписать начавшимся раздорамъ въ Джунгаріи. Впрочемъ, сильныя колебанія въ количествѣ ввозимыхъ въ страну товаровъ, вѣроятно, составляло въ прошломъ столѣтіи обыкновенное явленіе; при медленныхъ и трудныхъ сообщеніяхъ, часто въ странѣ происходилъ недостатокъ въ товарахъ, что вызывало значительный привозъ въ слѣдующемъ году; неумѣренный привозъ ронялъ цѣну товара и на слѣдующій годъ привозъ сильно сокращался. Въ Архивѣ мы нашли извѣстіе, что въ 1748 г. Русскіе купцы привезли бобровъ въ Ямышевскую крѣпость, но Бухарцы ихъ не брали, такъ что Русскіе купцы принуждены были ихъ отвезти назадъ въ Тобольскъ съ убыткомъ, и на слѣдующій годъ бобровъ въ привозѣ въ Ямышевъ уже не было; между тѣмъ въ этотъ-то годъ въ Бухаріи и открылся спросъ на бобровъ; прибывшій въ 1749 г. караванный старшина Абраимъ Сайзысовъ жалуется, что въ Ямышевѣ нѣтъ нужныхъ для него товаровъ, какъ, на прим., бобровъ, и проситъ разрѣшенія отправиться для покупки ихъ въ Тобольскъ.

Кромѣ того, въ 1733 г., при посланцѣ Зунду-Замсу было привезено въ Тобольскъ 5,590 головъ.

Свѣдѣнія о количествѣ этѣхъ товаровъ по сортамъ остались только по нѣкоторымъ привозамъ; именно за Тобольскій привозъ 1733 и Семипалатинскій (старшина Абраимъ Сайзысовъ) въ 1848 году:

	1733	1748	1749 г.
Хамовъ	600	25,500	4,000
Зенденей шанскихъ	2,300	8,700	6,000
малыхъ	50		11

Чалдаровъ	»	20,500	2,000
Бязей	»	11,800	2,200
Выбоекъ	1,100	47,000	5,000
Занавѣсъ	70	»	»
Китаекъ	800	»	»
Кушаковъ	220	»	»
	5,590	113,500	19,200

Этѣ ткани обстоятельно были описаны Миллеромъ въ его статьѣ: «О сибирскихъ торгахъ», [*] которою мы сдѣсь и пользуемся.

Зендень такъ называемая по Русски, по Бухарски ренгенъ, по Калмыцки шаръ, была хлопчато-бумажная ткань зеленаго, краснаго, желтаго и синяго цвѣта. Ея различали два сорта: малой и большой руки; по Русски первый сортъ назывался одноголовной зенденью, второй двойною; кусокъ одноголовной зендени служилъ мѣрой при мѣновой торговлѣ въ Джунгаріи. Хотя всякій кусокъ ткани назывался по Бухарски мата, но, оцѣнивая какой-либо товаръ на число матъ, подъ матой разумѣли не другую ткань, какъ одноголовную зендень. Одноголовныя зендени были шириною $^3/_4$ арш. и длиною 8 и 9 арш., а двойныя шириною аршинъ и длиною около 12 арш. и чище первыхъ. Одноголовныя зендени въ Сибирь рѣдко вывозили, напротивъ двойныя, по свѣдѣтельству Миллера, были самымъ употребительнымъ въ Сибири товаромъ. Въ Тобольскѣ и Томскѣ двойныя зендени, по Миллеру, продавались по 40 и 50 коп.

Хамомъ назывался другой родъ хлопчато-бумажной ткани, очень разнообразный въ цѣнѣ и величинѣ; самые простые хамы были длиною $8^1/_2$ и $9^1/_2$ арш. и назывались однопортищными; они были черные, васильковые, зеленые и алые; тѣ, которые были лучшей отдѣлки, и въ Ургѣ стоили до 5 матъ, ткались только въ Кашкарѣ, а по тому и слыли подъ названіемъ Кашкарскихъ хамовъ; по Бухарски же послѣдніе назывались Алтибакъ-

[*] Ежемѣсячныя сочиненія 1755 и 1756 г.

хамъ. [17] Въ Томскѣ хамы продавались по 40, 50 и 60 к., а въ Тобольскѣ по 50 и 70 к.

Двойные или шанскіе хамы, по Бухарски Орда-хамъ, были отъ 12 до 13, а также до 15 и 16 аршинъ длиною, чище портищныхъ; они были также только трехъ цвѣтовъ: зеленые, красные и желтые. Зеленые длиннѣе 13 арш. не дѣлались, а красные и желтые обыкновенно были въ 15 и 16 арш. Въ Томскѣ онѣ стоили по 90 коп., по 1 руб. и по 40 алтынъ, въ Тобольскѣ не много дороже. Имя шанскіе значило казенные (шанъ по Калмыцки казна), по тому что этѣми хамами собиралась дань со многихъ Бухарскихъ городовъ. Орда-хамъ переводъ того же слова на Бухарскій языкъ.

Чалдаръ была некрашеная, бѣлая, но лощеная бумажная ткань: ея различали три руки: первая, хуже прочихъ, называется просто чалдаромъ, и была длиною 8 арш. и въ одной цѣнѣ съ одноголовной зенденью. Чалдаръ средней руки, по Бухарски хамъ-чалдаръ, длиною въ 9 арш. и чище первой, цѣнилась въ 2 и 3 маты; этотъ сортъ предпочтительно передъ другими вывозился въ Сибирь; третьей, самой лучшей руки чалдаръ, шанъ-чалдаръ, былъ длиною 13 арш. и продавался по 3 и по 4 маты. Въ Томскѣ цѣна была первому сорту 15 и 20, второму 35 и 40, а третьему 45 и 50 к.

Бязь, по Бухарски бесъ, тотъ же чалдаръ, только не лощеный и не много толще. Она также была трехъ сортовъ, которые были въ одной цѣнѣ съ чалдарами.

Бухарская выбойка, по Бухарски басма, похожа на чалдаръ, но съ рисунками. Бязь, дѣлаемая въ Ташкентѣ, уже, но чище выдѣлкою. Цѣна одинаковая съ чалдаромъ.

Занавѣсы выбойчатые, по Бухарски богдшемаль, раскрашивались особыми рисунками и были съ каймами; въ Сибири

---

[17] Алтибакъ кажется старинное названіе Алтышара.

на нихъ былъ большой спросъ; различались два сорта: Яркентскій и Ташкентскій; первый былъ больше, второй чище; оба были въ одинаковой цѣнѣ съ чалдаромъ средняго сорта.

Кушаки Бухарскіе, по Бухарски люньги, съ красными и васильковыми полосами, а также шахматные, были 2 и 2¼ арш. стоившіе по 1 матѣ, и въ 3 и 3¼ арш., цѣною въ 2 маты. Въ Томскѣ первые продавались по 15 к., а послѣдніе по 25 к.; былъ сортъ еще меньшей руки, одноцвѣтные зеленые.

Хлопчатая бумага попадается въ нашихъ извлеченіяхъ изъ Архива Областнаго Правленія Сибирскихъ Киргизовъ только одинъ разъ, въ 1748 г. Миллеръ замѣчаетъ, что хлопчатая бумага изъ Китая предпочиталась въ Сибири нечистой Бухарской, а по тому послѣдняя мало вывозилась въ Сибирь. [18] Въ Тобольскѣ и Томскѣ она стоила, по Миллеру, 10 коп. фунтъ.

Хотя Бухарскія ткани были грубѣе Китайскихъ, Персидскихъ и Индѣйскихъ, но для нетребовательныхъ жителей Сибири они были болѣе приличны, по тому что были крѣпче и дешевле. Они были выгоднѣе даже Русскихъ холстовъ; бязь, самая простѣйшая ткань изъ иркетчины, въ 8 арш. длиною, стоила въ Томскѣ 15 и 20 коп.; 8 арш. грубаго холста (въ 1730 году) по 3 к. арш. [19] стоили тамъ же 16 коп., а между тѣмъ бязь бываетъ шире холста; двойной зендень, 12 арш. длиною и 1 арш. шириною, наиболѣе употреблявшійся въ Сибири, стоилъ въ Томскѣ 50 к.; тонкій холстъ въ Омскѣ въ прошломъ столѣтіи продавался по 10 коп.; а такъ какъ зендень былъ вдвое шире холста, то кусокъ зенденя, слѣдовательно, равнялся 24 арш. холста, которые стоили 2 рубля 40 коп. Еще выгоднѣе покупка дабъ была въ Нерчинскомъ краѣ. По словамъ сочинителя статьи прошлаго столѣтія «Сибирь—золотое дно», сдѣсь промѣнивали на 5 рублевую лошадь

---

[18] Въ Кяхту было вывезено въ 1792 г. хлопчатой бумаги не болѣе 45 пудовъ. Письмо Радищева, въ Собраніи его сочиненій, Москва, 1811 г.

[19] Томскія Губернскія Вѣдомости 1865 г.

отъ 10 до 15 концовъ дабы; на деньги же дабы покупались по 2 р. и выше, и по тому за лошадь выручали такимъ образомъ свыше 30 рублей.

По этой выгодѣ Бухарскія ткани, по свѣдѣтельству Миллера, распространялись по всей Сибири даже до Камчатки. Сибирское населеніе въ прошломъ столѣтіи одѣвалось преимущественно въ этѣ ткани; правда, и изъ Россіи привозили еще въ XVII столѣтіи холстъ и крашенину; такъ, на примѣръ, въ 1652 г. было привезено въ Томскъ холста хрящу и тонкаго 17,085 арш., да крашенинъ портичныхъ и Ярославскихъ 413 концовъ; въ тотъ же годъ было привезено въ Томскъ зенденей 369 головъ, т. е., 4,416 арш.; удвоивая это количество, по тому что зендени были вдвое шире холстовъ, получимъ 8,832 арш. Да выбоекъ было привезено 60. Въ 1653 г. въ Томскъ было привезено Русскихъ тканей: холста 12,927 арш.; крашенинъ 355 концовъ; Бухарскихъ тканей 400, т. е., 9,600 арш., да 180 выбоекъ. Привозъ холщевыхъ издѣлій нѣсколько увеличится еще числомъ готовыхъ рубахъ и штановъ, которые тогда привозились въ Томскъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о ввозѣ въ Сибирь Русскихъ холщевыхъ товаровъ, чтобъ сравнить съ нимъ ввозъ Бухарскихъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ за половину XVIII стол. Не смотря на неполноту нашихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ Архива Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ, мы можемъ и изъ нихъ заключать, какъ значительно усилился ввозъ бумажныхъ товаровъ изъ Бухаріи; мы можемъ принять среднимъ числомъ ввозъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ, чрезъ Ямышевскую и Семипалатинскую крѣпости, въ 40,000 головъ ежегодно; въ то же время ввозились въ Сибирь бумажные товары изъ Китая, чрезъ Кяхту именно, въ половинѣ прошлаго столѣтія китаекъ отъ 150,000 до 180,000 тюней и дабъ отъ 60,000 до 70,000 концовъ, а въ концѣ столѣтія китаекъ болѣе 300,000 тюней и дабъ отъ 200,000 до 380,000 концовъ. [20] Китайскія китайки, по словамъ Радищева,

[20] Сборникъ Статист. Свѣд о Россіи, ч. 11, Историческія и Статистическія свѣдѣнія о Кяхтинской торговкѣ, ст. Самойлова.

употреблялись простымъ народомъ и въ Россіи, а дабы всѣ оставались въ Сибири; изъ нихъ и въ селахъ и въ городахъ дѣлали рубахи, зажиточные—повседневныя, прочіе—праздничныя. Въ Восточной Сибири Русскимъ холщевымъ товарамъ еще было затруднительнѣе соперничать съ Азіятскими бумажными товарами, по отдаленности этого края. По этому въ Сибири, по словамъ Радищева, въ прошломъ столѣтіи мало сѣяли льна. Въ Нерчинскомъ краѣ никто не зналъ, что такое гребень и веретено. Только послѣ 1792 г., т. е., съ года закрытія Китайскаго торга началось въ Сибири разведеніе льна въ большомъ количествѣ, и изъ Тары и Томска стали привозить холсты партіями въ Иркутскъ. До какой степени была важна для Сибири свободная торговля съ Азіей, можно видѣть изъ разсказа Радищева, что, послѣ закрытія Китайскаго торга, Сибирское населеніе, употреблявшее прежде рубашки изъ Китайской фанзы и китайки, должно было замѣнить первую тонкимъ Ивановскимъ полотномъ и миткалемъ, а вторую нитяными тканями Ярославскихъ фабрикъ и даже крашениной. Радищевъ, разсматривая послѣдствія запрещенія Китайскаго торга съ общегосударственной точки зрѣнія, дѣлаетъ заключеніе, что запрещеніе Китайскаго торга не имѣло вредныхъ послѣдствій для Русской промышленности. Но для Сибирскаго населенія, конечно, не все было равно промѣнять фанзу на миткаль, а китайку на крашенину.

Шелковыхъ товаровъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ вовсе не упоминается. Миллеръ упоминаетъ только двѣ шелковыя матеріи: дараи и мопота; первая гладкая, или полосатая, и никогда не дѣлалась съ рисунками, въ наведеніи которыхъ Бухарцы были неискусны; она была шириной $^3/_4$ арш.; а длиной отъ 7 до 9 арш. Малые куски дараи цѣнились въ Ургѣ по 10 и 12 матъ, большіе по 20 матъ; въ Сибирь вывозились мало. Мопота была разноцвѣтная, или шахматная; размѣры ея были въ родѣ кушаковъ, на которые она и употреблялась. Малые куски дѣлались въ $2^1/_2$, а большіе въ $3^1/_4$ арш.; какъ тѣ, такъ и другія, шириною въ $^3/_4$ арш. стояли въ одной цѣнѣ съ дараи.

Изъ мягкой рухляди Бухарцы привозили въ Сибирь, по свѣдѣтельству Миллера, ирбисовъ, рысей, волковъ, лисицъ, кор-

саковъ, степныхъ кошекъ, бобровъ, соболей и мерлушки. По нашимъ свѣдѣніямъ, было въ Ямышевъ и Семипалатинскую крѣпость привезено изъ Джунгаріи и Алтая:

въ	1747	1748	1749	1750	1752 г.
соболей	34	76	—	—	21
лисицъ	8	300	300	200	259
волковъ	4	5	300	300	269
корсаковъ	—	6	—	—	—
лисицъ и волковъ	—	—	—	235	50
овчинъ	55	на 7 лошад.		—	—
мерлушекъ	—	5	—	400	105
тулуповъ	—	200	—	254	—
рысей	—	—	—	—	4

Часть этой рухляди вывезена при караванахъ изъ Джунгаріи въ крѣпости на Иртышѣ, часть отдѣльными партіями Калмыковъ изъ Алтая, въ Русскіе рудники и Колыванскій заводъ. Все количество соболей, именно 131, которое сдѣсь показано, вывезенно изъ Алтая, изъ кочевьевъ Канскихъ и Каракольскихъ Калмыковъ. Отсюда же вывезены 4 рыси и 6 корсаковъ. Изъ остальной рухляди изъ Алтая вывязены 22 лисицы, 18 волковъ, 255 овчинъ и 40 мерлушекъ. Остальное все вывезено изъ Джунгаріи, именно: 1000 лисицъ, 860 волковъ, 485 волковъ и лисицъ вмѣстѣ, 470 мерлушекъ и 454 тулуповъ.

Ирбисъ, видъ кошки, въ Ургѣ стоилъ 10—15 въ матъ, Томскѣ 1 и 2 рубля. Рысь, по Бухарски шлеусюнъ, въ Ургѣ 7 и 10 матъ, въ Сибири рѣдко продавалась выше $1\frac{1}{2}$ рубл.; Бухарская цѣнилась хуже Сибирской.

Волки покупались по 5 и 6 матъ, а въ Томскѣ продавались по 60 и 70 коп.

Лисицы Бухарскія были въ одной цѣцѣ съ волками; какъ волки, такъ и лисицы Бухарскія были гораздо ниже Сибирскихъ. Средне-Азіятскія лисицы, по свѣдѣтельству Рычкова, шли въ Польшу и Украйну.

Корсаки, которые ловились также и въ верхнихъ частяхъ Иртыша, только въ небольшомъ количествѣ, изъ Джунгаріи привозились во множествѣ и шли въ Китай и Турцію. Одинъ корсакъ въ Ургѣ стоилъ 3 маты, въ Томскѣ 35, 40, а иногда и 50 коп. Въ Троицкѣ и Оренбургѣ ежегодно промѣнивалось до 40 и до 50 т. корсаковъ; Русскіе купцы, особливо Курчане, отправляли ихъ отсюда въ Турцію. Корсачья шкура служила у Киргизъ въ прошломъ столѣтіи мѣновой единицей вмѣсто денегъ, какъ одноголовная зендень въ Джунгаріи. [21]

Бухарскіе бобры считались ниже Китайскихъ и по величинѣ и по рѣзкости красокъ; въ Ургѣ стоили 15 и 20 матъ, въ Томскѣ 3 и 4 рубля. Барсы изъ Бухаріи не привозились.

Соболи привозились, какъ пишетъ Миллеръ, изъ Калмыцкой землицы Канкарагай. Такъ называлась горная возвышенность въ Алтаѣ, въ вершинахъ рѣкъ Кана и Чарыша, на которомъ кочевало Татарское племя Теленгитъ, извѣстное у окрестныхъ туземцевъ подъ именемъ Уранхайцевъ, а въ Русскихъ бумагахъ половины прошлаго столѣтія Канскихъ и Каракольскихъ Калмыковъ, у Риттера горныхъ Калмыковъ; этѣ Уранхайцы привозили соболей въ Колыванскій заводъ, въ Бикатунскую крѣпость, Чакырскій рудникъ и проч., а въ послѣдствіи, когда этѣ мѣста были закрыты для торговли въ 1746 г., стали вывозить въ Устькаменогорскъ, или Семипалатинскъ. Въ 1747 г. было вывезено соболей 34, въ 1748—76, въ 1752—21, всего 131 соболь. Вѣроятно, соболей было въ десятеро болѣе, по тому что въ Колыванскомъ заводѣ опись товаровъ производилась очень небрежно.

О мерлушкахъ у Миллера сообщены слѣдующія замѣтки: Привозимыя изъ Азіи въ Россію мерлушки различались на Бухарскія и Калмыцкія; первыя привозились прежде только въ Астрахань и назывались тамъ Трухменскими баранками; въ Сибирь же, пишетъ Миллеръ, только нѣсколько лѣтъ назадъ стали привозить ихъ. Калмыцкія же мерлушки, при большомъ вы-

---

[21] Ежемѣсячныя сочиненія, 1762 г. Оренбургск. Топографія, стр. 542.

возѣ изъ Сибири, продавались по 1 рублю и по 1½ р.; черныя Калмыцкія продавались въ Тобольскѣ по 12 и 15 р. сотня, а на выборъ по 18 р.; въ Томскѣ была обыкновенная цѣна имъ 10 р. Бѣлыя Калмыцкія мерлушки стояли въ половинной цѣнѣ.

О сырыхъ кожахъ ни у Миллера, ни въ нашихъ свѣдѣніяхъ не упоминается, но на Иртышскую Линію пригоняли скотъ, о чемъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Ревень вывозился изъ Бухаріи въ половинѣ прошлаго столѣтія изрѣдка. Съ 1744 по 1757 г. ревень былъ привезенъ только два раза: въ 1744 г. было привезено Ламой Дашей 300 пудовъ; въ 1747 г. Юсупъ-Ходжа привезъ его 268 пуд. 17 ф.

Этотъ корень растетъ на Альпахъ около озера Хуху-Нора, близъ города Сининъ, который и до настоящаго времени извѣстенъ какъ первый рынокъ этого товара. Отсюда онъ расходился повсемѣстно на западъ и на сѣверъ, и въ томъ числѣ шелъ къ оз. Ямышу. Вѣроятно, въ XVII ст. и ранѣе онъ этѣмъ только путемъ и приходилъ въ Сибирь.

Едва ли не впервые упоминается объ его привозѣ въ Сибирь въ таможенной книгѣ города Томска, 1653 г. Въ этомъ году Бухарецъ Ширипъ Яріовъ привезъ съ озера Ямыша копытчатаго ревеню 9 пуд. и черенковаго 32 пуд. Въ 1657 г. вышелъ Указъ, запрещавшій частнымъ лицамъ торговать этѣмъ корнемъ подъ страхомъ смертной казни. Съ тѣхъ поръ онъ дѣлается предметомъ Государственной исключительной торговли и называется въ Русскихъ актахъ «секретнымъ коренемъ ревенемъ.» Съ установленіемъ торга на Кяхтѣ и съ завоеваніями Китайцевъ въ Бухаріи, Кяхта сдѣлалась главнымъ рынкомъ, чрезъ который ревень шелъ въ Европу; во времена Палласа его привозилъ въ Кяхту и ставилъ въ казну Бухаретинъ Абду-Саламъ съ сыномъ Адауломъ, наслѣдовавшій эту торговлю отъ своего отца, захватившаго ее съ самаго начала Кяхтинскаго торга. Этѣ Бухарцы были родиною изъ того самаго города Синина, близъ котораго ревень произростаетъ (у Палласа городъ названъ Селинъ). Въ 1752 г. ежегодный привозъ въ Сибирь простирался до 25,000 фунт.; при Екатеринѣ

привозъ ревеня увеличивается, и съ 1772 г. въ Кяхту сталъ ежегодно приходить караванъ изъ 30, или 40, верблюдовъ съ этимъ корнемъ. По Риттеру исключительная поставка ревеня принадлежала въ это время семейству Абдраимъ.

Впрочемъ, чрезъ Джунгарію ревень вывозили Бухарцы и въ позднѣйшее время. Въ 1801 г. было привезено въ Семипалатинскъ ревеню черенковаго 104 пуд. на 312 р. и копытчатаго 12 пуд. на 240 рубл.

Торговля ревенемъ, какъ въ Сибири, такъ и въ Джунгаріи, была исключительно Правительственной. Ревень, привезенный Юсупъ-Ходжей, принадлежалъ самому Джунгарскому Хану и былъ присланъ на собственныхъ Ханскихъ верблюдахъ. Въ Россіи, какъ выше сказано, торговля ревенемъ была запрещена частнымъ лицамъ въ 1657 г. Въ 1704 г. было поручено Иркутскому Воеводѣ, Ларіону Сенявину, покупать по 300 пуд. ревеню на юфти и мягкую рухлядь, которыя онъ долженъ былъ посылать къ Ямышъ озеру и въ Бухарскіе города Турфанъ и Камынь (Хами?). Частнымъ лицамъ подтверждено запрещеніе покупать у Бухарцевъ этотъ дорогой ревень, для надзора же за контрабандой Ларіонъ Синявинъ долженъ былъ учредить особыхъ таможенныхъ головъ, и при помощи ихъ «вѣдать осмотръ ревеню» и частныхъ лицъ во всей Сибири; такимъ образомъ. частныя лица и дома подвергались тогда въ Сибири многочисленнымъ обыскамъ отъ таможенныхъ кабацкихъ и ревенныхъ головъ.

Ревень, провозимый чрезъ Джунгарію, оказывался по большой части дурнаго качества; такимъ образомъ ревень, привезенный въ 1742 г., былъ возвращенъ купцамъ по негодности; той же участи подвергся и ревень, привезенный Юсупъ-Ходжей. Юсупъ-Ходжѣ предлагали за ревень указную цѣну 9 р. 80 коп. за пудъ, но онъ просилъ по 15 р.; проба была послана въ Петербургъ, по тому что въ Тобольскѣ не оказалось достаточно знающихъ людей; отказъ вышелъ только въ 1749 г., т. е., черезъ два года; Юсупъ Ходжа просилъ хранить ревень въ гостинномъ дворѣ до присылки отъ Хана подводъ, но ревень пролежалъ въ Ямышевѣ до 1757 г., когда Джунгарское Ханство

пало, и самъ послѣдній Ханъ его, Амурсана, сдѣлался Русскимъ подданнымъ.

Китайскій табакъ упоминается только разъ въ 1752 г. въ количествѣ 20 бахчей. Торговля этѣмъ произведеніемъ существовала уже давно; Китайскій табакъ или шаръ Бухарцы привозили къ озеру Ямышу уже въ XVII стол., и вѣроятно ранѣе; шаръ, какъ и ревень, принадлежалъ къ числу запрещенныхъ товаровъ. Миллеръ не упоминаетъ его въ числѣ Бухарскихъ товаровъ, но помѣщаетъ въ числѣ Кяхтинскихъ. «Шаръ въ послѣдніе годы, пишетъ Миллеръ, цѣною поднялся цыбикъ до 25 и до 35 рубл., а для него и Китайскихъ курительныхъ трубокъ въ Сибири много покупаютъ» [22] Это можно понимать въ такомъ смыслѣ: что цѣна шара повысилась не въ слѣдствіе малаго предложенія, а въ слѣдствіе увеличившагося запроса. Сибирь имѣла и свой табакъ, но онъ былъ, вѣроятно, дурнаго качества; для лѣченія Сибирской язвы въ Тобольскѣ покупали (1748 г.) пудъ табаку по 1 р. 70 коп., Черкаскій же табакъ продавали въ Барнаулѣ (1757 г.) по 17 к. фунтъ, т. е., по 6 р. 80 к. пудъ. Первые посѣвы табаку произведены, вѣроятно, въ Тобольскѣ; Крижаничъ видѣлъ табакъ, выращенный въ Тобольскѣ изъ Греческаго сѣмени; въ Тюмени началъ разводить табакъ какой-то Украинецъ въ 1767 г. [23] Геодедизистъ Шишковъ, описывавшій въ 1742 г. Телецкое озеро, нашелъ уже въ окрестностяхъ его, по р. Лебеди, инородцевъ, воздѣлывающихъ табакъ.

Нашатырю, который былъ извѣстенъ въ Сибири подъ названіемъ Бухарскаго и вѣроятно добывался съ многочисленныхъ сольфатаръ Джунгаріи, было привезено въ 1747 г. 10 фунт. и въ 1752 г. 15 гиновъ. Бухарскій нашатырь продавался по $41\frac{1}{4}$ коп ф., и Нѣмецкій по 65 к. ф. По этому перваго расходилось

---

[22] Астрономъ Делиль встрѣтилъ этѣ мѣдныя трубки на пути своемъ изъ Тобольска въ Березовъ въ 1740 г. у Каримскихъ Татаръ, близъ деревни Сленкиной. См. Путеш. въ Березовъ, изд. Пекарскаго, стр. 36.

[23] Словцовъ, стр. 75.

въ Сибири больше. Нашатырь въ Сибири употреблялся въ большомъ количествѣ вмѣстѣ съ табакомъ для лѣченія Сибирской язвы.

Серебра было вымѣнено въ 1750 г. Русскими купцами 9 пудовъ 8 золотн., въ казну 1 пуд. 15 ф. 39 зол.; въ 1752 году 150 русей. Золота въ 1750 г. 13 золотниковъ. Казна вымѣнивала серебро на кирпичный чай и на сукно; фунтъ обходился по 9 р. 60 коп.

Рабы. Торговля рабами на Иртышѣ существовала во времена отдаленнѣйшей Сибирской древности; объ ней упоминается вмѣстѣ съ первыми извѣстіями о торговлѣ при озерѣ Ямышъ.

Киргизская степь въ половинѣ прошлаго столѣтія была такимъ же рынкомъ рабовъ, какъ нынѣ Туркменія. Киргизы не только нападали на проходившіе чрезъ ихъ землю караваны, но даже вторгались въ населенныя области сосѣднихъ Государствъ и уводили жителей въ рабство; почти до половины прошлаго столѣтія Русскія поселенія нынѣшнихъ Ишимскаго и Курганскаго округовъ были не безопасны отъ ихъ набѣговъ. Русскія деревни подвергались ихъ опустошенію, и въ половинѣ прошлаго столѣтія изъ степи иногда выбѣгали рабы и рабыни изъ Русскихъ; вѣроятно, впрочемъ, большая часть Русскихъ плѣнныхъ отправлялась въ продажу въ Туркестанъ. На оборотъ, жители Туркестана часто являлись на рынкѣ въ Ямышевѣ и въ крѣпости Св. Петра; нѣкоторыя времена отличались особеннымъ переполненіемъ рынка рабами; это были времена смутъ и войнъ въ средней Азіи. Такими временами были: смуты и паденіе Джунгаріи, походы Аблая на Каракалпаковъ и бѣгство Калмыковъ въ 1771 г. изъ Россіи въ Китай.

Въ 1740 году Джунгары, желая наказать Киргизъ за безпорядки на границѣ, совершили опустошительное нашествіе въ степь, послѣ котораго Киргизы присмирѣли до 1751 года, когда въ Джунгаріи начались смуты. Съ этого времени Киргизы начинаютъ вторгаться въ Джунгарскія кочевья, грабить и захватывать Калмыковъ и ихъ женъ въ плѣнъ. Много батырей прославилось тогда

отдаленностью и смѣлостью своихъ набѣговъ, какъ, на пр., Кашкарбай, Барыкъ-Батырь, Каибабай, Хоже-Мергень и другіе; но всѣхъ далѣе, конечно, проникалъ Аблай. Извѣстія, сохранившіяся объ нихъ въ Областномъ Архивѣ, приводятъ въ изумленіе: одинъ набѣгъ Аблай совершилъ въ вершины Чернаго Иртыша; тогда Киргизы опустошили весь Алтай; ихъ шайки достигали до р. Катуни и Чуи; въ Тарбагатаѣ они проникали за камень Заиръ (нынѣшніе Сауры), въ долину Хобука; далѣе, они производили опустошенія по р. Бороталѣ, на урочищѣ Иренъ-Хабирга, и наконецъ, подъ предводительствомъ Аблая, они проникли въ сердце Джунгаріи, до урочица Конъ-Тюбе-Ахаръ-Карагай, въ вершинѣ Или, т. е., до подошвы Мусарта или Ханъ Тенгри. Этотъ послѣдній набѣгъ былъ совершенъ зимой 1757 года, Киргизы выгнали тогда изъ Джунгаріи 385 плѣнныхъ, которые были, связанные и пѣшіе, приведены въ Киргизскіе улусы, подъ прикрытіемъ шайки Батырей Просагана и Оуруса: они должны были пройти не менѣе 700 верстъ, подвергаясь суровостямъ зимы, утомительности далекаго путешествія; вѣроятно, болѣе половины погибло ихъ въ равнинѣ Балхаша. Положеніе рабовъ въ Киргизскихъ улусахъ было ужасное: ихъ били безпрестанно, по ночамъ держали связанными, а иногда днемъ въ цѣпяхъ, и кормили скудной пищей; тѣ, которымъ удавалось спастись бѣгствомъ въ Русскія крѣпости, всегда заканчивали свои показанія, что бѣжали «отъ нестерпимаго житія, отъ всегдашнихъ побоевъ и отъ голодной смерти.» Нечего и говорить, что семейныя узы рабовъ Киргизами пренебрегались и разрывались самымъ варварскимъ образомъ; для примѣра приводимъ два случая: въ Генварѣ 1763 года въ Семипалатинскую крѣпость выбѣжалъ изъ степи плѣнный, по имени Таймасъ; мать его была Башкирка, взята въ плѣнъ и жила у Киргиза вмѣсто жены; Таймасъ былъ сынъ этого Киргиза и этой Башкирки; когда Башкирка устарѣла, Киргизъ продалъ ее другому, а Таймаса оставилъ у себя въ холопствѣ. Въ 1750 г., въ Августѣ, въ Ямышевъ выбѣжала изъ Киргизскаго плѣна Русская дѣвица, Татьяна, которая была назадъ тому 20 лѣтъ взята въ плѣнъ съ пашни изъ Вагайской слободы Киргизами вѣдѣнія Баракъ-Салтана Басентіинской волости, при чемъ мужчины были побиты, а ребята и дѣвицы уведены въ степь. Татьяна досталась въ наложницы Киргизу Нуръ-Маметю, съ кото-

рымъ и прижила троихъ дѣтей; но другая его жена, Бола, постепенно убивала этѣхъ дѣтей и была до Татьяны «лиха». Когда волость приблизилась къ Иртышу, одинъ Киргизъ посовѣтовалъ Татьянѣ бѣжать въ Русскую крѣпость: она шла пѣшкомъ по ночамъ, безъ пищи, и шаталась по степи два мѣсяца, питаясь одними ягодами дикой смородины, и наконецъ вышла на Иртышъ.

Въ это время цѣны на рабовъ въ Ямышевѣ были необыкновенно ничтожны. Въ 1757 г. Тарскій юртовскій Татаринъ, Мурзалей Шиховъ, вымѣнялъ въ Верхъ-Иртышинскихъ крѣпостяхъ у вышедшихъ Калмыцкихъ Нойоновъ и Зайсановъ, подъ видомъ выкупа родственниковъ, до 20 холопей; цѣны, имъ данныя, были слѣдующія:

Баба, 40 лѣтъ, 12 руб. Бухарка, 40 лѣтъ, 12 руб.
Бурутка, 7 лѣтъ, 6 руб. Киргизъ, 20 лѣтъ, 10 руб.
Бухаретинъ, 34 лѣтъ, 12 руб. Бахарецъ, 30 лѣтъ, съ бабой 30 лѣтъ, меринъ одинъ съ жеребенкомъ и денегъ 6 рублей.
Бурутъ, 15 лѣтъ, 12 руб. Бурутка, 17 лѣтъ, 12 руб.
Бухаретинъ, 15 лѣтъ, 12 руб. Бухарка, 40 лѣтъ, 12 руб.
Бухарка, 16 лѣтъ. 12 руб. Бухарецъ, 13 лѣтъ, 8 руб.
Бухаретинъ, 12 лѣтъ, 1 меринъ и денегъ 1 рубль.
Бухарка, 12 лѣтъ, меринъ и двѣ желтыя зендени.
Киргизка, 40 лѣтъ, 1 меринъ и денегъ 6 рублей.
Бухарка. 30 лѣтъ, 1 меринъ, 1 кобыла съ жеребенкомъ и сукна цвѣтнаго 5 арш.
Бухарка 25 лѣтъ, кобыла съ жеребенкомъ и зипунъ сукна сермяжнаго.
Бухарецъ, кобыла и 10 коп. денегъ.
Дѣвка, 25 лѣтъ, сѣрый сермяжный зипунъ.

Такъ какъ всѣ этѣ народности: Буруты, Бухарцы, Киргизы принадлежали къ Мусульманскому міру, то должно думать, что Мурзалей Шиховъ выкупалъ ихъ не съ цѣлью будущей продажи, а изъ религіознаго побужденія доставить свободу своимъ угнетеннымъ единовѣрцамъ.

Въ 1757 году, въ Ноябрѣ и Декабрѣ, въ крѣпости Семипалатинской было вымѣнено у Киргизъ «ихъ дворовыхъ людей»: мужчина 21 года—за 5 юфтовыхъ красныхъ кожъ, цѣной на 7 руб. 50 коп., и мужчина 19 лѣтъ—за 5 аршинъ краснаго сукна, на 5 рублей.

Походовъ Аблая на Каракалпаковъ извѣстно намъ два: одинъ въ зиму 1746 и 1747 г., другой осенью въ 1762 году; оба были неудачны.

1771-й годъ опять доставилъ Киргизамъ множество плѣнныхъ, и поднявшаяся до того цѣна на рабовъ на Иртышѣ до 40 рублей, опять понизилась.

Коменданты крѣпостей и другіе Русскіе Чиновники очень хлопотали о пріобрѣтеніи рабовъ; они иногда сквозь пальцы смотрѣли на набѣги Казаковъ въ Киргизскіе улусы, которые выводили съ собой изъ степи полонъ и скотъ; Коменданты, Офицеры и Чиновники разбирали плѣнныхъ «въ услуженіе, и тотчасъ крестили, по тому что крещеныхъ уже и само Правительство не возвратитъ въ степь, хотя бы того требовали политическіе разсчеты. Подобный примѣръ описанъ въ Архивѣ Правленія Области Сибирскихъ Казаковъ, именно: въ Ноябрѣ 1743 года Сотникъ Дороховъ сдѣлалъ набѣгъ въ Казачью Орду съ отрядомъ 280 человѣкъ; онъ шелъ день и ночь въ продолженіи 5 сутокъ и при озерѣ Теке напалъ на Улусъ Алимбетъ-Батыря: 42 человѣка мужескаго и женскаго пола было взято въ плѣнъ, много побито и ранено, и захвачено 812 головъ скота. Скотъ и малыхъ ребятъ Дороховъ просилъ отдать «въ раздѣлъ» его командѣ, для поощренія; крупныхъ же плѣнниковъ разобрало высшее начальство края: Сибирскій Губернаторъ, Сухаревъ, взялъ женку Аимъ, Полковникъ Вендейгъ—женку Хурумзу и ея дочь, Секретарь Карташевъ—женку Сулуча и проч.; ихъ вскорѣ же и окрестили, такъ что, когда Оренбургскій Губернаторъ, Неплюевъ, сталъ хлопотать, по жалобѣ Аблая, о возвращеніи плѣнныхъ, то могъ только настоять на возвращеніи одного скота.

Иногда сосѣдніе инородцы, въ годы бѣдствій и голода, продавали въ Сибирь не только рабовъ, но и собственныхъ дѣтей;

такъ, на прим., Енкашъ и Дабхуръ, Старшины Алтайскихъ инородцевъ, по неимѣнію пищи, продали, въ 1756 году, переводчику Девятіяровскому мальчика и дѣвочку за 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ. Старшины показывали въ послѣдствіи, что этѣ дѣти взяты переводчикомъ въ видѣ взятки за то, чтобъ не отправлять улусы ихъ на Волгу для соединенія съ Торгоутами, а оставить въ Алтаѣ. Въ томъ же году выборный при Таможнѣ Сарахановъ донесъ, что Капитанъ фонъ Траубенбергъ (извѣстный герой 1772 года въ Уральскѣ) и другіе чины получили отъ Калмыковъ въ братейство золото, серебро и жемчугъ, и силой вымѣняли у Казаковъ въ услуженіе Калмыковъ и Калмычекъ. Фонъ Траубенбергъ отъ вымѣна серебра, золота и жемчуга отперся, а на счетъ взятыхъ въ услуженіе написалъ: «вступившіе въ подданство Телеутскій Зайсангъ Бату-Менко, да Уранхайскіе Калмыки Вѣдомства Зайсанга Кулчугая, Старшины Янкашъ и Дабхуръ, 17 Ноября, 1756 года, объявили, что, за разграбленіемъ отъ Мунгальскаго войска, нѣсколько человѣкъ раненыхѣ и малолѣтныхъ осталися въ горахъ и по тогдашнему зимнему воздуху и по неимѣнію у нихъ одежды могутъ, какъ гладомъ, такъ и отъ морозовъ, безвременно помереть, изъ которыхъ нѣкоторые мерли, а они, Старшины, себѣ ихъ взять не желаютъ, потому что и кромѣ посторонних, но и собственными своими людьми какъ пропитаться, знать не могутъ; ибо по тогдашнему къ зимѣ отъ Мунгалъ разбитію многіе и безъ одежды скитаться принуждены. По объявленію Старшинъ, въ горы были посланы люди съ санями, и привезли раненыхъ и не имѣющихъ отцовъ и матерей, всего 20 человѣкъ, которые всѣ были наги и оголодали такъ, что доброю пищею и возстановить было сумнительно. Изъ нихъ 10 человѣкъ Старшины взяли себѣ, а 10 отдано Россіянамъ, по согласію Старшинъ съ Зайсаномъ Наугатомъ.» При этомъ Фонъ Траубенбергъ приложилъ договоры Старшинъ, которые всѣ были написаны въ слѣдующемъ родѣ: «Сержанту Ердыкееву Старшины Янкашъ и Дабхуръ подарили раненую бабу съ сыномъ, для пропитанія, въ вѣчное услуженіе.»

Торговля рабами долго и послѣ этого времени существовала на Иртышѣ. Въ спискѣ Средне-Азіятскихъ товаровъ, сдѣланномъ въ Семипалатинской Таможнѣ въ 1794 г. для составленія

статистическаго описанія Колыванскаго Намѣстничества, рабы упоминаются въ числѣ другихъ таваровъ. Въ Вѣдомости о торговлѣ по Прѣсногорьковской Таможенной заставѣ за 1801 годъ показано 16 рабовъ, купленныхъ по цѣнѣ отъ 25 до 50 рублей. Она даже просуществовала до царствованія Александра, и только Сперанскимъ была прекращена. Во время ревизіи послѣдняго торговля эта находилась въ слѣдующемъ состояніи: Киргизы, во время баранты, похищали дѣтей и привозили ихъ на мѣновые дворы, гдѣ вымѣнивались на товары мѣщанами, занимавшимися этѣмъ промысломъ. Цѣна ихъ сдѣсь была отъ 10 до 25 рублей; рѣдко была выше. Промышленники содержали ихъ въ неволѣ и изнуреніи отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда производится вымѣнъ, до зимы, въ Декабрѣ же и Генварѣ, нагрузивъ ими повозки отвозили ихъ на Ирбитскую ярмарку, и тамъ продавали въ розницу купцамъ, или мѣщанамъ, которые ихъ опять перепродавали, или давали ими взятки (у Сперанскаго сказано мягче: «обращали въ подарокъ»).

Скотъ. Изъ Джунгаріи на Иртышъ выгоняли скотъ. Въ Верхне-Иртышскія крѣпости и въ Алтайскіе рудники было пригнано:

	коровъ и быковъ:	овецъ:	лошадей:
Въ 1747	31	10	»
1748	114	»	»
1750	376	327	243
1752	5690	960	1279

Скотъ этотъ пригонялся изъ ближайшихъ улусовъ кочевыхъ племенъ Джунгаріи, часть изъ долинъ Тарбагатая, часть изъ Алтая; Тарбагатайскій скотъ шелъ въ Семипалатинскую и Ямышевскую крѣпости; Алтайскій въ Бикатунскую крѣпость, Кабанову деревню и Чакырскій рудникъ, а также въ Устькаменогорскую крѣпость. Количество скота, пригнаннаго въ 1752 году, распредѣлялось по этѣмъ пограничнымъ мѣстамъ слѣдующимъ образомъ:

	лошадей.	рогат. скот.	овецъ
Семипалатинскую и Ямышевскую крѣп.	410	2100	60
Чакырскій рудникъ и Бикатунскую и Усть-Каменогорскую крѣпость.......	794	3590	900

Торговля скотомъ имѣла для Сибири такое же важное мѣстное значеніе, какъ и торговля хлопчато-бумажными товарами. Сибирь въ XVII и XVIII столѣтіи была бѣдна лошадьми и вообще скотомъ. Первые Русскіе поселенцы Сибири употребляли большую часть времени на завоевательныя предпріятія и на прибыльный пушной промыселъ; по тому въ первое время своего обладанія Сибирью этѣ поселенцы скорѣе были способны производить убыль скота и всѣхъ другихъ произведеній хозяйства въ странѣ, чѣмъ приращеніе. Поселенцы перваго времени состояли изъ трехъ неравныхъ разрядовъ: 1, людей служилыхъ, дѣлавшихъ открытія новыхъ земель и усмирявшихъ инородческіе бунты, продолжавшіеся до самаго XVIII столѣтія и далѣе, и по тому не имѣвшихъ времени заниматься ни скотоводствомъ, ни земледѣліемъ; 2, промышленныхъ людей, которые заняты были исключительно добычею пушнины, съ платою въ казну десятаго звѣря; этѣ тоже не находили достаточнаго времени для земледѣлія; наконецъ, 3, «опытовщики,» самый не многочисленный разрядъ; только этѣ исключительно занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, и снабжали первые два всѣми жизненными припасами. [24] Къ этому разряду нужно еще прибавить небольшое число Татаръ и Бухарцевъ, такъ же занимавшихся земледѣліемъ и скотоводствомъ еще до прихода Русскихъ. Но оба этѣ сословія не въ состояніи были вполнѣ прокармливать два первыя, которыя возрастали въ несравненно большемъ отношеніи посредствомъ сильнаго ежегоднаго наплыва гулящихъ людей изъ Европейской Россіи. По этому часто бывали случаи, что Сибирь терпѣла недостатокъ въ хлѣбѣ, или скотѣ. Между тѣмъ, во время подобныхъ случаевъ, изъ Европейской Россіи нельзя было и думать о пособіи: Уральскій не разчищеный хребетъ до такой степени затруднялъ сообщенія съ Сибирью, что торговыя отношенія Сибири съ своей метрополіей, Москвой, производились только разъ въ годъ, какъ и съ окрестностями озера Хухунора. По тому число лошадей въ Сибири никогда не могло въ то время достигнуть достаточной величины. Въ историческихъ актахъ сохранилось нѣсколько свѣдѣтельствъ объ этомъ; въ Томскѣ, Кузнецкѣ и Краснояр-

---

[24] Гагемейстеръ, Статистич. опис. Сибири, ч. II, стр. 312.

скѣ приходилась 1 лошадь на 3 служилыхъ человѣка; люди совершали свои странствованія по пустынямъ Сибири пѣшкомъ, волоча запасъ на себѣ въ нартахъ. Дорогъ не было; рѣки были единственными путями сообщенія, и Московскіе товары возились въ дощаникахъ по рѣкамъ; по тому-то тогда и установилось мнѣніе, что «владѣтель рѣкъ Сибири есть владѣтель и самой страны» (Крижаничъ). Для перевозки же товаровъ черезъ волоки и внутрь страны употреблялись нарты и гулящіе люди. Въ проѣзжихъ грамотахъ 1640 г. часто значится, что при транспортѣ товаровъ пропущено отъ 2 до 10-ти гулящихъ людей «для нартныя тяги». Посредствомъ нартной тяги доставляли и служилые люди пищевые и другіе припасы изъ одной рѣчной системы въ другую, какъ, на примѣръ, чрезъ Ленскій волокъ. Сборщики ясака ходили въ волости на лыжахъ, завоевательные походы также совершались большею частію зимой на лыжахъ; служилые люди, ходившіе за солью къ озеру Ямышъ, таскали соль на своихъ спинахъ отъ озера къ пристани, на что употребляли полдня. [25] Крижаничъ дѣлаетъ замѣчаніе, что если бъ мы сдѣсь же, у оз. Ямыша, завели торговлю скотомъ, то не ощущали бы въ немъ такаго недостатка.

Такое положеніе скотоводства первыхъ поселенцевъ вынуждало ихъ открывать торговыя сношенія съ инородцами скотоводами; съ этой цѣлью былъ открытъ въ 1609 году въ Томскѣ торгъ съ бѣлыми Калмыками, который продолжался до 1653 г. Калмыки пригоняли въ Томскъ лошадей и рогатый скотъ по нѣскольку разъ въ годъ, такъ что Томскіе Казаки писали, что они, благодаря этому торгу, скотомъ наполнилися; лошади отсюда отправлялись даже въ Енисейскъ. Правительство также съ своей стороны принимало мѣры къ увеличенію скота въ Сибири; оно обязывало поселенцевъ, при переселеніи въ Сибирь, имѣть при себѣ нѣсколько паръ домашнихъ животныхъ; иногда оно покупало скота въ Россіи и отправляло въ Сибирь для раздачи поселенцамъ. Выводъ лошадей изъ Сибири былъ запрещенъ во время Петра.

---

[25] «Русск. Госуд. въ XVII ст.», стр. 15.

Цѣны на Иртышѣ скоту были слѣдующія: съ 1748 года, при вымѣнѣ для казенной пашни на юфтовыя кожи, быки обходились въ 1 рубль и 1 р. 50 к., за которыхъ потомъ маркитанты давали по 5 рублей; лошади по 3 и 4 р. Во время проѣзда Палласа рогатый скотъ продавался по 2– 4 рубля; лошади по 7, 15 и 20 руб., овцы по 30—40 коп. Мясо говяжье продавалось въ Сибири (въ Барнаулѣ 1757 г.) по 30—40 к. пудъ, масло коровье по 4 к. фунтъ, молоко прѣсное по 8 коп. ведро, свѣча сальная по деньгѣ. [26]

Въ половинѣ, и въ особенности въ концѣ, XVIII ст. количество скота въ Сибири значительно увеличилось; число осѣдлыхъ поселенцевъ стало въ это время возрастать; звѣропромышленники стали выходить на берега рѣкъ и селиться. Радищевъ говоритъ, что въ его время особенно было замѣтно, какъ звѣроловы стали выходить на Оку и Лену, для занятія земледѣліемъ; вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ увеличивалось въ странѣ и количество съѣстныхъ припасовъ и скота. Аббатъ Шапъ въ 1761 г. уже нашелъ, что въ Тобольскѣ довольно экипажей, по тому что, объясняетъ онъ, сдѣсь дерево, лошади и кормъ ихъ въ очень низкой цѣнѣ. Но все таки недостатокъ скота и лошадей ощущался въ Сибири и въ половинѣ прошлаго столѣтія. Перевозка продовольствія на судахъ все еще оставалась исключительнымъ способомъ, и на Сибирскомъ населеніи продолжалась тяжелая повинность постройки дощаниковъ для этой цѣли.

Кромѣ того частыя опустошенія, которыя производила въ Сибири Сибирская язва, требовали постоянныхъ пополненій посредствомъ покупки у степныхъ народовъ. Сибирская язва въ прошломъ столѣтіи едва ли не была опустошительнѣе, чѣмъ нынѣ. Въ городѣ Тарѣ и въ Тарскомъ вѣдомствѣ, въ луговыхъ и дубровныхъ мѣстахъ, бывалъ ежегодно лошадиный и другому скоту упадокъ; [27] точно также каждый годъ падежи бывали и

---

[25] По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ Архива Областн. Правленія въ Омскѣ.

[26] Отвѣтъ Тарской Воевод. Канц. Секундъ-Маіору Гакенаку въ 1750 г.

въ Верхъ-Иртышскихъ крѣпостяхъ. [28] Судя по описанію болѣзни и по способу лѣченія, падежи происходили отъ Сибирской язвы. Одинъ изъ опустошительнѣйшихъ падежей былъ въ 1750 г.; онъ свирѣпствовалъ особенно въ Тарскомъ, Тобольскомъ и Тюменскомъ округахъ, гдѣ пало 4364 лошади; но также скотъ водился въ Краснослободскомъ, Туринскомъ, Верхотурскомъ и Ишимскомъ дистриктахъ, въ Пелымѣ, въ Верхъ-Иртышскихъ крѣпостяхъ, въ Томскомъ вѣдомствѣ, въ Чеусскомъ и Сосновскомъ острогахъ и въ Бикатунской крѣпости; всего пало въ Западной Сибири 5337 лошадей; кромѣ того въ Верхъ-Иртышскихъ крѣпостяхъ заболѣло отъ той же болѣзни 241 человѣкъ, которые, однако жь, всѣ были вылѣчены.

Этѣ опустошенія, сопровождавшія начало Сибирской гражданственности, можетъ быть, слѣдуетъ приписать борьбѣ еще не свыкшихся съ климатомъ степныхъ породъ скота, ежегодно приводимыхъ съ юга, въ суровой и чуждой имъ Сибирской природѣ. Суровый климатъ и, при недостаткѣ скота сначала, утомительныя работы вели скотъ, приведенный съ юга, къ скорому изнуренію, за чѣмъ слѣдовали болѣзни и падежъ; изъ пригнанныхъ лошадей могли уцѣлѣть только немногія, одаренныя особыми свойствами. Такимъ путемъ, съ одной стороны, образовалась собственная Сибирская порода, съ другой это же породило Сибирскую язву.

Вывозъ.

О вывозѣ изъ Сибири сохранились извѣстія только за 1750 и 1752 годы. Въ этѣ два года были вывезены слѣдующіе товары:

	1750 г.	1752 г.
Юфтей	2,757	28,072
Сукна васильковаго, кармазиннаго, Голландскаго корковаго	294 арш.	572 арш.

[28] Промеморія Сиб. Гур. Канц., 3 Марта, 1748 г.

	1750 г.		1752 г.	
Епанечъ и кафтановъ висильковыхъ	—	»	24	
Сахару	35	пудъ	60	головъ.
Чаю кирпичнаго [29]	391	кирпичъ	11,326	кирп.
Выдръ	204		837	
Бобровъ Нѣмецкихъ и Русскихъ	288		700	
Краски кубовой или брусковой	5	пуд. 20 ф.	—	
Киновари	20	ф.	—	
Меду	3	пуда.	—	
Перцу	3	пуд. 20 ф.	—	
Мишуры	400	цѣвокъ	14,300	цѣвок.
Румянъ	70	листовъ	3,300	листов.
Зеркалъ	452		4,200	
Олова въ тореляхъ	10	фун.	—	
Ящиковъ	—	»	13	
Котловъ мѣдныхъ	—	»	9	
Иголъ	—	»	7,000	

Русскіе въ Малой Бухаріи въ XVII столѣтіи.

Торговля Сибири съ Малой Бухаріей производилась при посредствѣ Русскихъ купцовъ и Бухарцевъ. Участіе Русскихъ купцовъ было, конечно, слабѣе, чѣмъ Бухарцевъ; по всей вѣроятности, оно постепенно увеличивалось, пока учрежденіе таможенъ на Иртышѣ и завоеваніе Джунгаріи Китайцами не положили этому конецъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, по сказкѣ вышедшаго изъ Джунгаріи 1746 году купца Алексѣя Верхотурова, въ Джунгаріи проживало для сбора долговъ Русскихъ купцовъ 21 человѣкъ, да кромѣ того въ подданство Галданъ-Церена вступило 23 мужчины и 2 женщины, которые жили въ разныхъ городахъ, въ Ургѣ,

[29] Въ послѣдніе годы правленія Джунгаріей Галданъ-Церена отношенія послѣдняго къ Китаю сдѣлались дурны, и Китайцы прервали торговыя сношенія съ Джунгаріей. Въ слѣдствіе этого Китайскіе товары, и преимущественно чай, въ Джунгарію привозился, въ теченіи нѣкотораго времени, изъ Сибири, чрезъ Кяхту, Томскъ и Ямышевъ; и на оборотъ, въ то же время изъ Джунгаріи шли, чрезъ Семипалатинскъ и Кяхту, въ Китай Джунгарскій скотъ и верблюды, для Китайскаго войска, сражавшагося на поляхъ Джунгаріи.

Еркендѣ, Кашкарѣ, въ деревнѣ Аксускаго Акимъ-Бека, Гульбакѣ, и другихъ мѣстахъ. По разнымъ извѣстіямъ, собраннымъ тогдашнимъ пограничнымъ начальствомъ, въ Джунгаріи жили: города Устюга Иванъ Шубинъ съ племянникомъ и Терентій Рудаковъ, города Гороховца дворовый человѣкъ и прикащикъ Ширяева Иванъ Михайловъ, города Симбирска Илья Твердышевъ, Вологенинъ, прикащикъ купца Шапкина, Иванъ Мыльниковъ, изъ Екатеринбурга Нефедъ Буринъ, Тобольскіе Ѳедоръ Плотниковъ, Иванъ Евсевьевъ, Иванъ Серебряковъ, Ѳедоръ Рыхторовъ и Иванъ Васильевъ, Тарскіе Иванъ Пановъ, Яковъ Лоскутовъ, Кузьма Суминъ, Герасимъ и Ѳедоръ Кузнецовы, и работникъ умершаго купца Бабушкина, Григорій Жулистовъ, Томскіе Михайло Греченинъ и Татаринъ Трапанъ Пьянковъ, изъ Малышевой слободы съ Оби Ѳедоръ Малышевъ, и изъ Иркутска Иванъ Литвинцевъ. Кромѣ того вышли въ 1745 году Тарскій разночинецъ Иванъ Ушаковъ и Тарскій Казакъ Семенъ Ушаковъ, разночинецъ Пономарёвъ, Устюжскій купецъ Лука Журавинъ и прикащикъ Томскаго купца Мельникова Иванъ Брюховъ, да въ 1746 году купецъ Алексѣй Верхотуровъ.

Русскіе купцы жили въ Джунгаріи по 6, 7 и 8 лѣтъ; они разъѣзжали по Джунгаріи отъ Урги на Текесѣ до Яркенда и продолжали торговлю; такое продолжительное пребываніе въ Джунгаріи отчасти происходило отъ тогдашней вялости веденія торговыхъ дѣлъ: товары, завезенные въ страну, могли быть проданы только по истеченіи не мѣнѣе 7, 8 лѣтъ; Бухарскіе товары были завезены въ Сибирь въ послѣдній разъ въ 1752 году и еще въ 1760 г., т. е., черезъ 8 лѣтъ, вывозились изъ Тобольска въ Киргизскую степь. Также, вѣроятно, и привлекательная жизнь на тепломъ югѣ, красота женщинъ и вольные Кашкарскіе нравы, [30] долго удерживали Русскихъ людей отъ выѣзда въ Россію. На требованіе Русскаго пограничнаго Начальства не задерживать Русскихъ купцовъ, Калмыки отвѣчали: «находящимъ тамъ (т. е., въ Малой Бухаріи) Россійскимъ купецкимъ людямъ имѣется свободность, и кто похочетъ обратно ѣхать, тѣмъ

---

[30] Въ Кашкарѣ существуетъ обычай жениться на опредѣленный срокъ, иногда

задержанія не чинится, а есть изъ тѣхъ Русскихъ и такіе, что товары свои пропили и проиграли, и пьянствуютъ тамъ, и другія непотребныя дѣла чинятъ, и за тѣмъ иные ѣхать оттолѣ обратно вскорѣ сами не желаютъ, а другимъ безъ товаровъ всякихъ, яко не съ чѣмъ и ѣхать стыдно.» Этѣмъ словамъ можно повѣрить, по тому что то же случалось съ Русскими людьми въ Пекинѣ; развязность Русскихъ въ Китайской столицѣ часто навлекала негодованіе Китайцевъ и служили поводомъ къ неудовольствіямъ между Китайскимъ и Русскимъ Правительствами.

Бухарцы въ Сибири.

Вмѣстѣ съ закладкой первой осѣдлости въ Сибири являются и Бухарцы, не только въ качествѣ купцовъ и миссіонеровъ, но даже и постоянныхъ поселенцевъ. Они старались вступить въ родство съ мѣстными владѣльцами, и на сколько были орудіемъ для управленія и сборовъ доходовъ страны, на столько и сами имѣли вліяніе на управленіе. Уже съ Кучумомъ, какъ мы упоминали, выѣхалъ изъ города Ургенца Бухарецъ Динъ-Али-Ходжа, женившійся на дочери Кучума, Налъ-Ханшѣ, и положившій начало Сибирской фамиліи Сеидовъ. Съ приходомъ Русскихъ выходъ Бухарцевъ и распространеніе Бухарской образованности въ Сибири не прекращается; XVII и половина XVIII столѣтій проходятъ въ борьбѣ двухъ образованностей между собою: съ одной стороны выставлено Христіянство и военное могущество, съ другой Исламъ и торговля. Въ то время уже, какъ Сибирь была занята Русскими войсками, Бухарцы распространили Исламъ на Татарскія племена: Аялы, Бараму, Чатъ, Еушты и друг., которыя находились подъ ихъ торговымъ вліяніемъ; Барабинцы были обращены въ Исламъ только въ 1745 г. какимъ-то Сеитомъ. Бухарскіе купцы разъѣзжали по всей Сибири даже до Иркутска, жили по 8 и болѣе лѣтъ въ Сибирскихъ городахъ и деревняхъ, составляли при нихъ многолюдныя Факторіи и, по сознанію самаго Сибирскаго Начальства, отлично знали состояніе Сибири. Джунгарскій Ханъ, Гал-

---

только на время пребыванія каравана въ городѣ; затворничества женщинъ, какъ въ другихъ Мусульманскихъ земляхъ, здѣсь не существуетъ.

данъ-Церенъ, умѣлъ ими пользоваться, употребляя ихъ для посольства и, безъ сомнѣнія, благодаря имъ, зналъ Сибирь лучше, чѣмъ пограничный Генералъ Киндерманъ, его современникъ, зналъ о состояніи Джунгаріи. Рѣдко выѣзжавшіе Русскіе купцы подавали сказки, такъ мало знакомывшія съ тогдашнимъ состояніемъ Джунгаріи, что возстаніе Даваци и Амурсаны и всѣ другія событія въ Джунгаріи были неожиданностью для Сибирскаго Начальства.

Бухарцы совершенно господствовали въ торговлѣ Бухарскими товарами въ Сибири. Если Русскіе сами предпринимали торговыя поѣздки въ Джунгарію, то ни какъ не могли обойтись безъ прикащиковъ изъ Бухарцевъ; даже на Кяхтѣ торговцами произведеніями При-Хуху-Норской области явились Бухарцы; поставку ревеня на Кяхту во времена Палласа дѣлалъ Бухарецъ Абду-Саламъ, а до него занимался этой торговлей его отецъ почти съ самаго начала Китайскаго торга. Бухарцы сами разъѣзжали не только по Сибирскимъ городамъ, но и по деревнямъ, и вели розничную торговлю, или вели ее ихъ родственники, Сибирскіе Татары, или Бухарцы же, которые вступили въ Русское подданство. Усмотрѣть за этой торговлей не было ни какой возможности, а по тому контрабанда, т. е., продажа безпошлинно дозволенныхъ товаровъ, и, что особенно было важно для Русской казны, ввозъ и вывозъ запрещенныхъ товаровъ, достигли въ Сибири значительныхъ размѣровъ; по этому Бухарцы всегда вывозили изъ Сибири на гораздо большую сумму, чѣмъ ввозили. Въ числѣ запрещенныхъ къ вывозу товаровъ была мягкая рухлядь; между тѣмъ это было единственное произведеніе, на которое могли Сибирскіе инородцы вымѣнивать дешевыя ткани Бухаріи; обращеніе этого произведенія въ Государственную исключительную торговлю имѣло роковое значеніе для Сибирскаго населенія, которое, вѣроятно, до прихода Русскихъ уже успѣло привыкнуть къ нѣкоторому удобству, доставляемому Бухарской торговлей. Эта Государственная мѣра, безъ всякаго сомнѣнія, сближала инородцевъ болѣе съ Бухарской народностью, чѣмъ съ Русской. Вотъ чѣмъ легко можно объяснить и легкое распространеніе Ислама и Татарскаго языка не только между туземными Татарскими племенами, но даже и между Самоѣдами и Остяками.

Въ этомъ отатареніи Сибири участвовали одновременно съ Бухарцами и Татары, выходившіе изъ Европейской Россіи, и тѣ Бухарцы, которые родились въ Сибири и были давно Русскими подданными. Исламъ связывалъ ихъ на столько, что и Татары, а не только Сибирскіе урожденцы-Бухарцы, тяготѣли къ Бухарскимъ выгодамъ; иногда Бухарцы становятся посланцами и ходатаями предъ Русскимъ Дворомъ отъ Тобольскаго и Тарскаго Татарскихъ обществъ, какъ, на примѣръ, въ 1751 г., Бухаретинъ Мурзалей Шиховъ.

Бухарцы не только господствовали въ Сибирской торговлѣ произведеніями своей родины, но даже, на ряду съ Русскими купцами, были посредниками въ торговлѣ Сибирскими и Русскими товарами между Сибирскими городами; главнымъ скупщикомъ лосинныхъ кожъ въ Томскѣ, въ 1652 г., былъ Бухаретинъ Сафаръ Абулинъ, который отправлялъ ихъ въ Тобольскъ, и въ то же время онъ и другой еще Бухарецъ, Азейка-Баба-Сеитовъ были единственными доставщиками ржи изъ Тобольска въ Томскъ.

Въ XVII ст. вѣроятно, и вся внутренняя торговля въ Сибири была въ ихъ рукахъ, какъ это было, безъ сомнѣнія, до прихода Русскихъ въ Сибирь; было нужно цѣлыхъ полтора столѣтія, чтобъ Русскіе отняли у нихъ эту исключительность. Только развѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, можно сказать, Русское вліяніе водворилось повсемѣстно въ Сибири.

Бухарцы, выѣзжавшіе въ разное время въ Сибирь и поселявшіеся въ ней, составили особое Сибирское сословіе. Историческія свѣдѣнія о первыхъ переселеніяхъ Бухарцевъ въ города Сибири скудны; въ 1698 году, Указомъ 28 Марта, было велѣно Бухарцевъ спросить въ Приказной Палатѣ въ Тобольскѣ, давно ли они, изъ какихъ земель выѣхали и по какимъ даннымъ, или крѣпостямъ, владѣютъ землями и дворами? Къ сожалѣнію, до насъ не дошли этѣ сказки. Намъ приходится довольствоваться отрывочными свѣдѣніями, заключающимися въ Бухарскихъ обществахъ, преданіемъ.

Первый извѣстный поселенецъ изъ Бухарцевъ былъ Динъ-Ала-Ходже, выѣхавшій еще при Кучумѣ; въ Тюмени Бухарцы

поселяются въ 1596 г. [31] въ 1652 г., уже упоминается уроженецъ Томска, Бухаретинъ Ширинъ Яріовъ; въ 1709 г. вышелъ изъ Бухаріи Билихты-Дранжанъ-Имачи Журбаевъ съ товарищами, всего 41 человѣкъ, и поселился съ ними въ Тарѣ; въ 1832 году потомки ихъ считались въ Порушной волости, всего 133 души. [32]

Можетъ быть, одновременно съ Журбаевымъ вышелъ и Абазъ-Бачки Шейхъ изъ города Серайма, положившій начало Тарской фамиліи Шиховыхъ, одинъ изъ членовъ которой, Алимъ Шиховъ, съ 1742 г., былъ постояннымъ Агентомъ Русскаго Правительства въ средней Азіи: По семейному преданію, предки этой фамиліи назывались Шейхами и происходили отъ внука Али, Имама Зейнулъ-Абидаха, сына Имамъ Хусейна; потомки Имама перешли изъ Аравіи въ Бухарію и были правителями города Серайма, но въ послѣдствіи, когда образовалось тутъ Коканское Правительство, лѣтъ за 150 передъ симъ, пишетъ въ своемъ прошеніи потомокъ Шиховыхъ 1846 г., Маметей Мурзалеевъ Шиховъ, прадѣдъ мой Абазъ-Бачки Шейхъ изъ Серайма вышелъ въ Россію, склонивъ къ тому многихъ Бухарцевъ (Дѣло Главнаго Правленія Западной Сибири, № 4081, по прошенію Тарскаго Бухарца Маметея Мурзалеева Шихова). Вѣроятно, подобно фамиліи Шиховыхъ, и другія Бухарскія фамиліи хранятъ въ своей памяти преданія о выходѣ ихъ предковъ изъ Бухаріи; собраніе и обнародованіе этѣхъ преданій имѣетъ большую важность для исторіи Сибирской населенности.

Въ 1761 г., по переписи Щербачова, Бухарцевъ считается въ Тарѣ 105, и въ Уѣздѣ 669 душъ.

Въ Тобольской Губерніи по 7 ревизіи считалось въ округахъ: Тобольскомъ 1404 души, Тюменскомъ 977, Ялуторовскомъ 43, Туринскомъ 5, Тарскомъ 935, и того 3346 душъ, а кромѣ того въ Ишимскомъ округѣ Ташкинцевъ 37. Въ 1838 г., по

---

[31] Сибирская ист., Миллера, въ Ежемѣс. Соч., 1760 г.

[32] Прошеніе довѣрителя Парушной волости Ніяза Кучукова, 28 Марта, 1832 года.

Гагемейстеру, въ разныхъ городахъ Тобольской Губерніи считалось Бухарцевъ 4437 д. м. п., и 4073 д. ж. п., и того 8510 душъ обоего пола.

Въ Томской Губерніи по 6 ревизіи 128 душъ, по 7-й 131. Кромѣ того въ настоящее время Бухарцы живутъ въ городахъ Петропавловскѣ, Семипалатинскѣ и Устькаменогорскѣ.

Сословіе это хотя и немногочисленно, но, по своему купеческому искуству, грамотности, нѣкоторымъ услугамъ, оказаннымъ Сибири, заслуживаетъ вниманія; ему обязана Сибирь началомъ нѣкоторыхъ родовъ промышленности; безъ всякаго сомнѣнія они была первыми основателями земледѣлія въ Тобольской Губерніи, существовавшаго тамъ уже до прихода Русскихъ; преданіе приписываетъ имъ введеніе кожевеннаго и ковроваго производства въ Тюмени; [33] Бухарецъ Аширъ вывезъ изъ Западнаго Китая Китайскую пшеницу, извѣстную теперь подъ именемъ дорогой; онъ же открылъ въ Каркаралинскомъ округѣ минералъ, названный по его имени, аширитомъ.

Путешественники прошлаго столѣтія вообще отзывались о Бухарцахъ съ хорошей стороны. Белль и Делиль хвалятъ ихъ за опрятность, гостепріимство и честность. «Благодаря послѣднему качеству, говоритъ Бель, и прочіе торговые люди имѣютъ къ нимъ великую довѣренность.» Кромѣ этѣхъ Мусульманскихъ качествъ, они отличались также своего рода образованностью. Они вывозили изъ Бухаріи книги и занимались наукой. До появленія въ Сибири плѣнныхъ Шведовъ послѣ Сѣверной войны, Бухарцы были самые образованные люди въ Сибири. У нихъ встрѣчались историческія и географическія сочиненія. Шведъ Табберть нашелъ, у одного Бухарца въ Тобольскѣ извѣстную хронику *Абульгази*, и обнародовалъ ея переводъ. Спутникъ Делиля, Кенигсфельдъ, сошелся въ Тобольскѣ съ однимъ Татариномъ, Габисъ-Алимомъ. Слово алимъ, по объясненію самаго Кенигсфельда, значитъ рап-

---

[33] Памят. кн. Тоб. Губ. на 1864 г., въ ст.: «Описаніе городовъ Табольской Губ.,» стр. 79.

sophos, т. е., человѣкъ, обладающій всѣми знаніями. Ученый Татаринъ принесъ Кенигсфельду въ подарокъ Арабскую рукопись въ четверку, заключавшую въ себѣ дѣянія нашего Спасителя. Онъ ее передалъ, какъ очень любопытную, узнавъ, что Кенигсфельдъ Христіянинъ. У Габисъ-Алима была еще другая важная рукопись: въ ней излагалась Татарская астрономія съ раскрашенными буквами и изображеніями и было нѣчто о теченіи времени. Хозяинъ цѣнилъ ее дорого и продалъ Делилю. Касательно содержанія книги Алимъ разсказывалъ, что по ея счисленію міръ существовалъ прежде Адама 620,000 лѣтъ, и что съ Адама до нашего времени прошло около 7000 лѣтъ.

Въ сношеніяхъ съ Средней Азіей Бухарцы были не избѣжны; Правительство часто употребляло ихъ по дипломатической и торговой части; въ 60 годахъ прошлаго столѣтія Бухаретинъ Алимъ Шиховъ употреблялся постоянно въ посылки въ Киргизскую степь для развѣдыванія объ «иностранныхъ обращеніяхъ.»

Цѣня этѣ качества и желая покровительствовать Бухарской торговлѣ, Русское Правительство награждало Бухарцевъ преимуществами, какъ, на прим., льготой отъ рекрутской повинности, правомъ безпошлинной торговли и правомъ покупки земель; кромѣ того, при выходѣ ихъ изъ Бухаріи съ цѣлью поселиться въ Сибири, они иногда получали еще денежныя награды; такимъ образомъ Мачи Журбаевъ съ товарищами, вышедшіе въ Тару, были награждены единовременнымъ жалованьемъ по 20 рублей каждому и хлѣбомъ и солью «по Указамъ», отъ чего они, однако жь, отказались.

Грамоты, которыми Правительство снабжало выходящихъ Бухарцевъ и на которыя они въ послѣдствіи ссылаются въ своихъ прошеніяхъ, заключаютъ въ себѣ обезпеченіе имъ нѣкоторыхъ льготъ безъ опредѣленія срока, въ слѣдствіе чего въ послѣдствіи и возникло въ Сибири Бухарское привилегированное сословіе. Грамота Михайла Ѳеодоровича, отъ 3 Ноября, 1645 года, освобождаетъ Бухарцевъ отъ платежа выдѣльнаго хлѣба; грамота 1687 г. даетъ права проѣзда по Русскимъ городамъ и свободы отъ суда, кромѣ дѣлъ уголовныхъ; 5 Марта 1701 г. предоставлены

права пользоваться купленными и закладными землями и свобода отъ платежа тягла и отъ службы; 23 Марта, 1724 г. подтвержденъ Указъ 1701 г. не брать съ Бухарцевъ рекрутъ, ради ихъ иноземства и за доброхотный выѣздъ; 20 Августа, 1769 г., и 19 Декабря, 1787 г., предоставлено Бухарцамъ право учредить свой Словесный Судъ и свобода отъ мѣщанскихъ службъ и податей, съ оставленіемъ на правѣ ясачныхъ.

Основываясь на этѣхъ грамотахъ, Бухарцы пользовались многими привилегіями на равнѣ съ Дворянствомъ, не ставили рекрутъ, покупали земли и безпошлинно торговали, платя ничтожный и, вѣроятно, не однообразный ясакъ; Тарскіе, на прим., Бухарцы Порушной волости платили съ 1712 года по 1767 г. по 5 горносталей и деньгами по 50 коп. Щербачовъ, изучавшій бытъ инородцевъ по порученію Правительства въ 1764 г., нашелъ, что въ разныхъ городахъ Сибири Бухарцы, за дачею имъ по прежнимъ Указамъ льготы, живутъ многіе годы безъ всякаго въ казну платежа праздно, а нѣкоторые, хотя по старымъ грамотамъ обложены, точію весьма малымъ оброкомъ, а именно въ Тобольскѣ съ 800 душъ платятъ 78 р. 46¾ коп. сбору бываетъ, а они промыслы по купечеству имѣютъ довольные.

Въ концѣ XVII ст. Правительство начинаетъ стараться обложить Бухарцевъ податями на равнѣ съ прочими жителями Сибири. 28 Марта, 1698 года, выходитъ Указъ о взиманіи съ Бухарскихъ земель податей, а съ торговыхъ Бухарцевъ оброка, смотря по пожиткамъ и промыслу, «по тому что они многіе годы живутъ въ льготѣ, землями владѣютъ, утѣсненія и обидъ въ ихъ Вѣрѣ нѣтъ; а Русскіе посадскіе и Татара служатъ въ службѣ; и того нѣтъ и въ Бусурманскихъ странахъ, чтобъ пришлому иностранцу жить безъ всякой дани и землями владѣть и торговать свободно.» Съ цѣлью приведенія ихъ земель въ извѣстность, въ Тобольскъ былъ присланъ переписчикъ Иванъ Кочановъ, который сталъ облагать Бухарцевъ налогомъ съ ржаной десятины по 2 гривны, съ овса и ячменя по гривнѣ, а съ сѣнныхъ покосовъ по деньгѣ въ годъ. Это вызвало со стороны Тобольскихъ Бухарцевъ просьбу, поданную Муллою Максюткой Алимовымъ, 16 Іюля, 1701 г., въ которой они писали, что они разорились отъ недав-

нихъ пожаровъ и наводненій, а по тому просятъ, ради ихъ иноземчества, убавить оброкъ на 5 алтынъ съ ржаной десятины, и 10 денегъ съ яровой десятины. Челобитье ихъ утверждено.

Съ этого времени до 1828 года продолжаются попытки Русскаго Правительства прекратить дарованныя льготы, а Бухарцы протестуютъ противъ нихъ, въ своихъ прошеніяхъ Бухарцы ссылались на данныя имъ грамоты, стараясь представить дарованныя имъ льготы вѣчными въ награду за предпочтеніе новаго отечества старому. Въ прошеніи, поданномъ въ 1701 г. Муллой Максюткой Алимовымъ, Тобольскіе Бухарцы писали, что ихъ дѣды и отцы выѣхали въ Россію и кормились пашенными, купленными, закладными и данными землями и сѣнными покосами, и Указами 1645, 1649, 1669 и 1687 гг. имъ дарованы права, ради иноземчества и за выѣздъ въ Россію, изъятіе отъ платежа выдѣльнаго хлѣба и пятиннаго хлѣба и пятой и десятой денежной пошлины и отъ всякой службы, по чему у нихъ «изстари ни какихъ оброковъ не бывало». [34] Въ 1761 году пограничное начальство Сибири искало переводчика Бухарскаго и Киргизскаго языка, знакомаго вообще съ Средней Азіей и способнаго быть лазутчикомъ въ Киргизской степи; на предложеніе это въ Тарѣ, выборные отъ Тарскихъ юртовскихъ Бухарцевъ, Кучукъ Абреимовъ и Карандатъ Жаминъ, подали челобитныя и просили ихъ отъ этой службы уволить. Бухарцы писали, что по грамотамъ Сибирскаго Приказа, 17 Сентября, 1687 г., и 20 Іюня, 1701 г., и по Указу Сената 19 Марта, 1724 г., за добровольный ихъ выходъ въ Россію, ихъ не велѣно, не только въ дальнія посылки, но даже и въ подводы и работы, опредѣлять; кромѣ того, изъ нихъ никого нѣтъ прожиточныхъ, а также и бывшихъ въ Киргизской степи (?). Бухарцы, Алимъ Байзы Шиховы, Сеиды Бахметевъ и Зейнуди Бабинъ въ рапортахъ написали, что изъ нихъ 180-ти человѣкъ прожиточныхъ имѣется только двое: Алимъ Шиховъ и Арембаки Ашировъ, которые и въ Зенгоріи бывали; изъ нихъ Алимъ Шиховъ самъ вызвался на службу. [35]

[34] Полн. Собр. Зак., т. IV, стр. 169.

[35] Слѣдующая далѣе исторія опредѣленія правъ Бухарцевъ основана на свѣдѣ-

Въ 1764 г. Щербачовъ, посланный въ Сибирь для улучшенія быта инородцѣвъ, нашелъ, что Бухарцы платятъ, сравнительно съ другими жителями Сибири, мало, и представилъ предположеніе объ увеличеніи съ нихъ ясака. Послѣ него, Тарскіе юртовскіе Бухаретины платятъ съ 1767 г. до 1824 г. по 1 руб. 70 к. съ души.

Въ 1822 г. вышло Сибирское Уложеніе; Сибирскіе инородцы, извѣстные до того подъ названіемъ ясачныхъ, раздѣлены въ Уложеніи по своимъ правамъ на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ; о Бухарцахъ въ Уложеніи ни чего не было сказано. Въ слѣдствіе этого молчанія Уложенія Сибирское Начальство стало примѣнять къ Бухарцамъ правила объ осѣдлыхъ инородцахъ, что вызвало со стороны Тобольскихъ, Тюменскихъ и Тарскихъ Бухарцевъ прошеніе, поданное 7 Іюля, 1823 года за подписью повѣренныхъ Ніятбаки Айтмаметева, Абдулъ Залила Якубова и Маметея Шихова. [36] Въ этомъ прошеніи Бухарцы снова хлопочатъ о подтвержденіи тѣхъ льготъ, которыя были даны имъ ради иноземчества и за доброхотный выѣздъ полтора столѣтія назадъ; они пишутъ, что молчаніе Уложенія о Бухарцахъ они принимаютъ не иначе, какъ за обезпеченіе имъ «спокойствія и священнѣйшаго уваженія правъ ихъ, тѣмъ болѣе, что три малочисленныя общества ихъ сословія, въ городахъ Тобольскѣ, Тюмени и Тарѣ обитающія, состоя подъ общимъ управленіемъ премудраго и благодѣтельнаго закона, по образу жизни и самой промышленности, ни мало не заслуживаютъ лишенія правъ, издревле дарованныхъ»; за тѣмъ они просили разъяснить Сибирскому Начальству, чтобы оно не смѣшивало ихъ съ осѣдлыми инородцами.

Журналомъ Сибирскаго Комитета, Высочайше утвержденнымъ 28 Генваря, 1824 г., вопросъ о Бухарцахъ оставленъ полу-

---

ніяхъ, извлеченныхъ изъ Дѣлъ Главн. Управл. Зап. Сибири, о составленіи правилъ для торгующихъ Бухарцевъ, № 1093.

[36] Рапортъ Тарской Воевод. Канц. 17 Генв., 1761 г. Архивъ Правленія Области Сиб. Губ., т. LVII, стр. 544.

разрѣшеннымъ. Объясненіе, сдѣланное Бухарцами относительно молчанія о нихъ въ Сибирскомъ Уложеніи, Журналъ Сибирскаго Комитета принялъ только въ такомъ смыслѣ, что Уложеніе оставляетъ неопредѣленными одни права Бухарцевъ по торговлѣ; опредѣленіе же прочихъ правъ Журналъ отыскиваетъ слѣдующимъ образомъ. Разсмотрѣвъ грамоты, относящіяся до Бухарцевъ, именно 1645, 1688, 1701, 1764, 1769 и 1787 г., [37] Комитетъ нашелъ, что этѣми грамотами, кромѣ особеннаго покровительства ихъ промысламъ, Бухарцамъ не было предоставлено никакихъ особенныхъ преимуществъ; однимъ словомъ, онъ отрицалъ вѣчность тѣхъ льготъ, которыя были дарованы за иноземчество и, вопреки мнѣнію самихъ Бухарцевъ. за исключеніемъ правъ по торговлѣ, считалъ въ остальномъ равными съ прочими жителями Сибири. А такъ какъ Бухарцы дѣлились на два разряда, на земледѣльцевъ и на занимающихся торговлей, то Комитетъ и нашелъ справедливымъ, на земледѣльцевъ Бухарцевъ распространить во всей силѣ правила Сибирскаго Уложенія объ осѣдлыхъ инородцахъ, опредѣленіе же правъ торговли торгующихъ Бухарцевъ предоставить мѣстному начальству Западной Сибири, какъ болѣе знакомому съ условіями края, рекомендуя ему сохранить согласіе съ общимъ духомъ Манифеста 1 Генваря, 1807 года, «дабы ни въ какомъ случаѣ заѣзжіе иностранцы не пользовались преимущественными выгодами въ ущербъ вѣрноподданному купечеству.»

Ходъ опредѣленія торговыхъ правъ Бухарцевъ тянулся до 12 Февраля, 1834 года, когда они были установлены мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Для опредѣленія этѣхъ правъ въ Сибирскіе Окружные Совѣты были приглашены почетные члены отъ мѣстнаго Русскаго купечества и депутаты отъ Бухарскихъ торговыхъ обществъ, Тобольскаго, Тюменскаго, Тарскаго и Томскаго. Русскіе купцы въ своихъ запискахъ жаловались на неравенство правъ, и доно-

---

[37] Бухарцы въ своемъ прошеніи ссылались на грамоты 1645, 1687, 29 Іюля, 1734, 12 Генваря, 1741, и 9 Декабря, 1787 г.

сили, что Бухарцы самовольно присвоили себѣ права безпошлинной торговли; что грамоты, на которыя они ссылаются, предоставляли имъ свободную торговлю только «своимъ товаромъ», т. е., Бухарскими тканями, дабами, выбойками и проч.; относительно же торговли Русскими товарами Бухарцамъ не было предоставлено ни какихъ особыхъ преимуществъ передъ Русскими купцами. Это было сдѣлано въ современныхъ видахъ развитія торговли съ Средней Азіей, когда Русское купечество въ Сибири было малолюдно; когда вышло положеніе о гильдіяхъ, и купцы стали оплачивать свои права высокой пошлиной, Бухарцы съумѣли отклонить отъ себя распространеніе этѣхъ правилъ и не только стали пользоваться безпошлинно правами, присвоенными всѣмъ тремъ гильдіямъ, но захватили въ свои руки даже торговлю мѣщанъ и посадскихъ. Присвоивъ такія права, бухарцы оставили торговлю съ Средней Азіей, стали торговать одними Русскими товарами между Сибирскими городами и, такимъ образомъ, удалились отъ того значенія, во имя котораго были покровительствуемы закономъ. Пользуясь этѣми преимуществами, Бухарцы стали подрывать торговлю Русскихъ купцовъ пониженіемъ цѣнъ и злоупотребленіями, продавая право вести торговлю отъ своего имени лицамъ, не имѣвшимъ правъ торговли. Такимъ образомъ, часто богатые Русскіе люди, избѣгая пошлинъ за гильдейскія права, торговали безпошлинно, прикрываясь именемъ какого ни будь бѣднаго Бухарца, платя ему за то ничтожное количество денегъ. Привилегіи Бухарцевъ были такъ заманчивы, что многіе инородцы, не будучи выходцами изъ Бухаріи, записывались въ Бухарцы, «по простотѣ прежняго времени».

Бухарцы въ своихъ запискахъ старались отвергнуть доводы Русскихъ Депутатовъ, и такимъ образомъ въ Сибири возгорѣлось прѣніе между Бухарцами и Русскими купцами, доходившее до взаимнаго поруганія.

Тобольскіе Бухарцы написали огромную записку, къ сожалѣнію, не заключающую въ себѣ ни какихъ подробностей о бытѣ, нравахъ, устройствѣ и исторіи Бухарскаго торговаго общества въ Сибири. Она наполнена только выраженьями о прежнихъ заслугахъ предковъ и о надеждахъ, какія они возлагаютъ на Мо-

нарха, внука «Великія Монархини, Всемилостивѣйшей покровительницы Бухарцевъ.»

Какъ ни были основательны объясненія смысла Царскихъ грамотъ, данныхъ Бухарцамъ, дѣланныя Русскими купцами, Бухарцевъ было трудно убѣдить въ томъ, что они незаконно пользуются своими привилегіями. Выраженія «оставить на прежнихъ правахъ,» употребляемыя въ теченіи цѣлыхъ полутораста лѣтъ при разрѣшеніи Бухарскихъ прошеній, возникавшихъ при намѣреніи измѣнить ихъ права, подтвержденія старыхъ правъ, дѣлаемыя въ позднѣйшее время, въ смыслѣ согласія на сохраненіе установившихся въ послѣдствіи сами собою особенныхъ преимуществъ, были вполнѣ достаточны, чтобъ воспитать въ Бухарцахъ увѣренность, что ихъ привилегіи обезпечены самимъ законодательствомъ и коренятся въ самихъ древнихъ грамотахъ, въ дѣйствительности безгласныхъ, объ этомъ предметѣ. Бухарцы приводятъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ, что само Правительство, даже въ позднѣйшее время, признавало ихъ особенныя права: такъ, на прим., недавно Тобольскій служилый Татаринъ, Курбанъ Баніевъ, за свои услуги по заграничнымъ Азіятскимъ дѣломъ, былъ пожалованъ Императоромъ Александромъ I золотою медалью и возведеніемъ изъ служилаго состоянія въ члены Бухарскаго торговаго общества; если бъ Правительство не признавало за послѣднимъ особыхъ наслѣдственныхъ правъ, то подобная перемѣна званія не имѣла бы смысла награды; а если Бухарцы будутъ сравнены съ осѣдлыми инородцами, или Государственными крестьянами, то награда Курбанъ Бакіева обратится въ наказаніе.

Бухарцы съ гордостью расписываютъ заслуги, оказанныя ихъ предками Россіи; они разсказываютъ цѣлую исторію, хотя и смутную, объ соревнованіи, какое оказывали ихъ предки въ осуществленіи плановъ Петра Великаго относительно Средней Азіи, какъ они «прославляли Россію въ Средней Азіи за покровительство Бухарскому торговому обществу,» и какъ тѣмъ не только пріохачивали новыхъ переселенцевъ въ Сибирь, но и поселили въ Средне-Азіятскихъ владѣльцахъ уваженіе къ Россіи. Пріѣзжая въ Малую Бухарію, которая была тогда еще независима

отъ Китая, они «возвѣщали величіе и славу Россіи», и «дружествомъ и дарами» склоняли своихъ единоплеменниковъ вступить подъ покровительство Россіи, и къ чему многіе начальные Беги изъявили свою наклонность. И въ то время, какъ предки ихъ мечтали о распространеніи Русской торговли до Индіи, «Сибирское Начальство открыло къ сословію ихъ свои притязанія,» сравняло ихъ съ прочими подданными въ подушный окладъ и произвело въ ихъ средѣ рекрутскій наборъ; [58] это, будьто бы, произвело такое дурное впечатлѣніе на Азію, что жители Бухаріи перестали выѣзжать въ Сибирь на жительство, а владѣльцы перестали имѣть довѣріе къ Сибирскимъ Бухарцамъ и даже запретили своимъ подданнымъ продолжать съ Россіей торговлю. Когда извѣстіе объ этомъ впечатлѣніи достигло Верховнаго Правительства, подушный окладъ и рекрутскій наборъ съ Бухарцевъ были немедленно отмѣнены «и во всемъ прочемъ прежнія права ихъ были подтверждены.» Императрица Екатерина II, «взирая сколько на внѣшнія приношенія, а болѣе на внутреннее духа расположеніе и усердіе,» и находя, что выгоды отъ обложенія ихъ малолюднаго сословія для казны малозначущи въ сравненіи съ выгодами, доставленными Россіи ихъ предками, и которыя и теперь они могутъ доставить своими связями съ Средней Азіей, подтвердила ихъ прежнія права, освободила ихъ отъ обязанностей по новому Городскому Положенію, и предоставила имъ право составить свой особый Словесный Судъ, а въ послѣдствіи и Ратушу, а также переходить изъ Русскаго подданства въ иностранное. Люди, протестующіе противъ ихъ преимуществъ, продолжаютъ Бухарцы, только видятъ права ихъ, а за что ихъ имѣютъ, не знаютъ, и о дѣяніяхъ предковъ легко мыслятъ. И въ прежнее время были купцы, которые торговали и подать платили, но жили только сами для себя, а на общеполезныя предпріятія и вліянія не имѣли, кромѣ собственныхъ корыстей и пріобрѣтеній и рекомендовать себя не могли, то и остались безъ вниманія, а ихъ, Бухарцевъ, предки прямымъ усердіемъ и рѣшительными предпріятіями въ пользу Государства не только служили всѣмъ имѣніемъ своимъ, но даже и самою жизнію своею жертво-

---

[58] Объ этомъ событіи мы не нашли ни какихъ достовѣрныхъ данныхъ.

вать были готовы, и за таковую преданность были особенно противъ тѣхъ предпочтены и получили Монаршую признательность, что грамотами ихъ и сравнивать съ купечествомъ и прочими подданными не велѣно; слѣдовательно, они въ томъ не виноваты, что тогда ни за что ни кого не награждали.» Къ сожалѣнію, Бухарцы не подтвердили примѣрами, какъ велики были труды ихъ предковъ на пользу распространенія Русской торговли въ Азіи. Это, по крайней мѣрѣ, придало бы ихъ своекорыстной запискѣ историческое значеніе.

На это высокомѣрное о себѣ мнѣніе Русскіе отвѣчали Бухарцамъ совершеннымъ отрицаніемъ ихъ заслугъ и какихъ либо достоинствъ. Совѣтникъ Коллетъ въ своемъ мнѣніи, поданномъ въ Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири, находилъ, что великія и важныя пользы, доставленныя, будьто бы, Бухарцами Россіи, оставались до нынѣ пользами для ихъ самихъ только: Бухарцы скупили и пріобрѣли закладомъ у Сибирскихъ Татаръ земли послѣднихъ, и пользуются ими, не платя ни налоговъ, ни неся ни какихъ земскихъ повинностей, и обработывая ихъ руками тѣхъ же Татаръ, прежнихъ ихъ обладателей; большею частью промышляютъ скупаніемъ произведеній изъ первыхъ рукъ, и вообще кормятся посредствомъ чужихъ рукъ; нѣкоторые занимаются кожевеннымъ производствомъ, но и тому научились въ Россіи, и изъ своей родины ни кто изъ нихъ не вывезъ какого либо нововведенія, или общеполезнаго свѣдѣнія; словомъ, они люди, коихъ блаженство состоитъ въ праздности ума и тѣла, и кои употребленіе своихъ душевныхъ способностей обращаютъ безъ изнуренія себя работою.»

Эта препираніе Русскихъ купцовъ и торгующихъ Бухарцевъ, веденное посредствомъ записокъ, поданныхъ Сибирскому Начальству въ разныхъ городахъ, обнаруживаетъ достаточно, въ какомъ неправильномъ отношеніи стояло Бухарское торговое общество къ остальному купечеству и какая супротивность скрывалась между этѣми сословіями.

Бухарцы по своимъ правамъ были до 1834 года самыми привилегированными лицами въ Сибирскомъ населеніи. Бухарцы

были почти единственными землевладѣльцами въ Сибири и пользовались правомъ, наравнѣ съ Дворянами, пріобрѣтать земли; они не платили за свои земли ни какого оброка и были свободны отъ всякихъ земскихъ, денежныхъ и натуральныхъ, повинностей, отъ рекрутскаго набора, отъ обязанности брать паспорты, и вели заграничную, повсемѣстную въ Сибири и Россіи, и розничную по инородческимъ стойбищамъ, торговлю, и заключали съ казной договоры на обширные подряды, не платя гильдейскихъ пошлинъ. Они жили по разнымъ городамъ и селеніямъ въ Сибири: въ Тобольскѣ, Тюмени, Тарѣ, Томскѣ, Барнаулѣ и на Кяхтѣ. Только нѣкоторые изъ нихъ около Тобольска и Тары занимались, на собственныхъ земляхъ, хлѣбопашествомъ, и то посредствомъ найма работниковъ; нѣкоторые Тарскіе Бухарцы занимались рыбной ловлей, Томскіе—перевозкой кладей и содержаніемъ почтъ; въ Тюмени два Бухарца имѣли кожевенные заводы, оба выдѣлывавшіе не болѣе 4000 кожъ на «Бухарскій образецъ.» Большая же часть занималась торговлей розничной и оптовой. [39] Тюменскіе скупали по селеніямъ кожи и сало; Туринскіе и Ишимскіе торговлей не занимались; Ялуторовскіе торговали мелочью на суммы не болѣе 50—200 рубл.; Томскіе также не принимали большаго участія въ торговлѣ; Бухарцы же Тарскіе, Тобольскіе и Тюменскіе производили значительную внутреннюю и заграничную торговлю: по свѣдѣніямъ 1830 года въ Тобольскомъ Округѣ 4 торгующіе Бухарца производили въ общей сложности торговлю на сумму 55,000 р.; въ Тарскомъ общая сумма оборота показана въ 164,000 р.; въ Тюменскомъ общая цыфра не опредѣлена, потому что торгуютъ «соединенными артелями.» Богатѣйшія фамиліи въ 1830 г. были: въ Тобольскомъ Округѣ, въ Иртышатскихъ юртахъ, Абдыбакъ Абрасаковъ, торговавшій на 20,000 р.; въ Тюменскомъ Ніязъ Байгашинъ Коченевъ; въ Енбаевскихъ юртахъ, на 30,000, и Абдуцалимъ Ягуповъ Матіяровъ, въ Матіяровскихъ юртахъ; Коченевъ и Матіяровъ имѣли кожевенные заводы; въ Тарскомъ Округѣ самую значительную торговлю вели братья Айтыкины, Ніязъ на 40,000, и Ярымъ на 10,000 р.; они ли

[39] Дѣло Главн. Управл. Западн. Сибири, 3 Апрѣля, 1830 г., № 1154, о доставленіи свѣдѣній о торговыхъ Азіятцахъ.

въ самомъ городѣ и торговали бумажнымъ, шелковымъ, холщевымъ товарами и мяхкою рухлядью; въ деревнѣ Себеляковой Маметей Шиховъ торговалъ на 20,000 р. Въ городѣ Петропавловскѣ Бухарецъ Рузи Гумировъ велъ торговлю на 15,000. Въ городахъ Семипалатинскѣ и Устькаменогородскѣ общая цыфра оборотовъ 3 Бухарцевъ показана въ 4,500 р.

Всѣ члены этого сословія, разсѣянные по Сибирскимъ городамъ и деревнямъ, составляли одно цѣлое по своимъ общимъ правамъ и стремленіямъ. Они образовали наслѣдственную корпорацію, которую сами называли Бухарскимъ торговымъ обществомъ. Общество это соединяло въ себѣ Бухарцевъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ; члены его были связаны между собою «взаимными другъ съ другомъ сношеніями, совѣтами, наставленіями, ревностными вспомоществованіями и общимъ кредитомъ»; [40] сильнѣе всего сплочивали общество, конечно, взаимный кредитъ и «ревностныя вспомоществованія.» Обанкротившійся по несчастію Бухарецъ находилъ тотчасъ поддержку въ своемъ обществѣ: Бухарцы складывались и доставляли ему сумму, съ которою онъ снова предпринималъ торговлю; ссуды дѣлались въ своей средѣ съ исключительнымъ довѣріемъ. Въ Сибири, какъ въ странѣ съ неразвитой торговлей, кредитъ былъ въ младенческомъ состояніи; каждая торговая фирма пользовалась кредитомъ только извѣстной среды; у каждой рѣчной системы, по которой были разсѣяны инородческія стойбища, былъ свой купецъ, которому инородцы осмѣливались ввѣряться; общій уровень честности въ торговлѣ былъ такъ низокъ, что иначе и быть не могло; всякій дорожилъ своей репутаціей только въ той средѣ, гдѣ постоянно имѣлъ дѣла; гдѣ же имя его было не извѣстно, и гдѣ обманъ могъ пройти безнаказанно для общаго хода его дѣлъ, онъ не стѣснялся сбыть инородцу гниль и старье, или фальшивую монету; по этому раздѣленіе потребителей на округи, отдѣленные между собою стѣнами, проницаемыми только для извѣстныхъ довѣренныхъ людей, было необходимымъ обезпеченіемъ про-

---

[40] Записка Тобольскихъ Бухарцевъ, въ дѣлѣ Главнаго Управленія Западной Сибири о составленіи правилъ для торговли Бухарцевъ.

тивъ обмановъ и надувательствъ. Монополія кредита у инородцевъ почти исключительно принадлежала Бухарскому торговому обществу, которому недоставало только Правительственнаго устройства. Екатерина II, освобождая Сибирскихъ Бухарцевъ отъ обязанностей по новому Городскому Положенію, предоставила имъ право составить свой Словесный Судъ, а со временемъ и Ратушу, съ дѣлопроизводствомъ на своемъ Бухарскомъ языкѣ. Новыя узаконенія и сравненіе съ осѣдлыми инородцами угрожали Бухарцамъ не только неисполненіемъ ихъ надежды «когда либо видѣть желаемое Екатериною II нераздѣльное и совокупное существованіе Бухарскаго торговаго общества», но и разрушеніе сложившагося «отлично признаннаго и удостоеннаго сословія, отъ котораго останутся потомкамъ одни только воспоминанія.» [41]

Бухарцы не умѣли вполнѣ пользоваться своими правами, по недостатку техническихъ знаній и односторонности Мусульманскаго образованія. «Если бы права, подобныя ихнимъ, пишетъ Совѣтникъ Коллетъ, были предоставлены Евреямъ, то въ кратчайшее время обнаружилось бы, какъ они несправедливы и опасны для общаго блага; ими было не только подорвано Сибирское купечество, но и торговля всего Государства; и изъ того, что Бухарцы оказались въ торговыхъ дѣлахъ не столь расторопны, чѣмъ Евреи, не должно заключать, чтобъ они всегда оставались въ той дремотѣ, въ которую до сей поры были погружены.» [42] Коллетъ, впрочемъ, преувеличивалъ опасность, угрожавшую со стороны Бухарскихъ привилегій; этѣ же самыя привилегіи разслабили нѣкогда полезное и дѣятельное сословіе; въ послѣднее время Бухарцы, какъ видно изъ ихъ собственной записки, были заняты только пожинаніемъ лавровъ своихъ предковъ и не старались о поддержаніи доброй славы своего сословія новыми трудами. Обезпеченное привилегіями и богатыми угодьями, сословіе это, по выраженію Словцова, «плѣсневѣло въ безпечной лѣности», Бухарцы не старались о пріобрѣтеніи Европейскихъ знаній, и ограничивались первоначальнымъ религіознымъ об-

---

[41] Записка Тобольскихъ Бухарцевъ.

[42] Дѣло Главнаго Управл. Зап. Сиб. о составленіи правилъ для торг. Бухарцевъ.

разованіемъ своихъ школъ, тогда какъ могли бы учредить Бухарскую Гимназію. По этому Бухарское торговое общество очутилось внѣ общей Сибирской жизни: остальное Сибирское общество начало тяготиться этѣмъ безполезнымъ учрежденіемъ, которое было предано только своимъ сословнымъ выгодамъ, а не общему благу страны, въ которой они жили.

Наконецъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, 13 Февраля, 1834 г., сему неправильному явленію въ Сибирской общественной жизни былъ положенъ конецъ. Этѣмъ мнѣніемъ Бухарцамъ и Ташкенцамъ Русскимъ подданнымъ, согласно съ грамотой 1645 г., предоставлено право торговли безъ гильдейскихъ пошлинъ, по Азіятской границѣ и въ городѣ, къ которому по ревизіи приписаны, только товарами Азіятскаго произведенія; Русскими же произведеніями торговля безъ гильдейскихъ пошлинъ предоставлена имъ лишь внѣ Государства; за тѣмъ производство всякой другой торговли поставлено не иначе, какъ на равныхъ правахъ съ прочими подданными Имперіи; съ Бухарцевъ, занимающихся земледѣліемъ, положено взимать подымную подать, по 10 р. съ каждаго дыма, независимо отъ платежа земскихъ повинностей и оброка за отводимыя казенныя земли; Бухарцы же, занимающіеся земледѣліемъ на собственныхъ земляхъ, отъ такого оброка освобеждены.

Очеркъ торговли съ Джунгаріей съ 1745 по 1752 г.

Изъ всего сказаннаго нами выше можно уже судить о значеніи этой торговли для Сибири; сдѣсь мы еще подробнѣе изложимъ этотъ предметъ.

Сибирь снабжалась фабрикатами съ двухъ сторонъ: изъ Россіи и съ Азіятскаго юга. Оба пути, какъ съ юга, такъ и съ запада, были затруднительны: одинъ проходилъ по песчанымъ пустынямъ, другой по лѣсамъ и тундрамъ. Произведенія и юга и запада могли приходить въ Сибирь только разъ въ годъ; Русскіе товары лежали зиму въ Тобольскѣ, и только съ открытіемъ рѣчнаго плаванія отправлять на дощаникахъ по рѣкамъ до Енисейска и далѣе. Равнымъ образомъ только съ вскрытіемъ же

рѣкъ отправлялись и Сибирскіе товары въ Россію. Впрочемъ, благодаря нѣкоторому благоустройству Китая, Китайскіе товары въ Кяхту приходили во всякое время года на телѣгахъ; по этому недостатокъ въ нихъ былъ менѣе ощутителенъ, чѣмъ въ Русскихъ. Сообщеніе чрезъ лѣсистый и гористый Уралъ было труднѣе, чѣмъ черезъ пустыни Азіи, и этотъ хребетъ уединялъ Сибирь отъ Россіи болѣе, чѣмъ Алтай и Саянъ отъ Бухаріи и Китая. Затрудненія, которыя испыталъ Делиль, переѣзжая его въ 1740 г., подали ему поводъ принять его за естественную границу между Европой и Азіей. «Сама природа, пишетъ онъ, отдѣлила Европу отъ Азіи этою цѣпью высокихъ горъ. Я не понимаю, какимъ образомъ нѣкоторые географы могли продолжать границы Европы до р. Оби, а другіе, напротивъ, сократили ихъ до р. Камы. Я держусь мнѣнія тѣхъ, которые Европу доводятъ до Верхотурскихъ горъ: чрезъ нихъ было намъ такъ трудно перебраться, и онѣ какъ будьто бы созданы природою для того, чтобы заграждать Европейцамъ проходъ въ Азію.»

Цѣны на Русскіе произведенія были высоки, и тѣмъ выше, чѣмъ далѣе на востокъ; въ Иркутскѣ товары достигали даже тройной и четверной цѣны. Миллеръ разсказываетъ, что простой бѣлый сахаръ, покупаемый въ Архангельскѣ по 5 руб., въ Ирбити и Тобольскѣ продавался уже по 7 руб., въ Енисейскѣ по 10 руб., въ Иркутскѣ по 14, 16 и 20 руб., въ Якутскѣ иногда по 40 р. Простое красное вино, двадцативедерная бочка котораго въ Архангельскѣ продавалась по 18—20 руб., слѣдовательно, ведро обходилось по 1 руб., въ Ирбити обыкновенно продавалось по 2 и по 3 руб. ведро, а во время малаго привозу по 8 и 10 руб., въ Иркутскѣ же и во время большихъ привозовъ продавалось не ниже 8 руб., а иногда тамъ и въ Якутскѣ цѣна его поднималась до 20 и 40 рублей. Губернаторы, Воеводы и другіе знатные Чиновники, отправляясь въ Сибирь, запасались всѣмъ нужнымъ сразу при отправленіи изъ Россіи, на все время служенія, въ томъ числѣ и виномъ; часто случалось, что виноградннаго вина вовсе нельзя было найти въ городѣ. Аббатъ Шапъ, пріѣзжавшій въ Тобольскъ въ 1761 г., разсказываетъ, что въ этомъ городѣ «вино извѣстно только по преданію; пріѣзжающіе изъ Петербурга, или Москвы, привозятъ иногда нѣсколько буты-

локъ, но вообще при этомъ переѣздѣ мало обращали вниманія на вино, когда болѣе важныя жизненныя средства нужно имѣть въ виду. Народъ сдѣсь пьетъ квасъ, а другіе обитатели пиво, медъ и наливки, сдѣланныя изъ водки »

При такихъ условіяхъ Азіятскіе товары составляли необходимость Сибирской жизни, и Русскимъ товарамъ было трудно съ ними соперничать. Почти вся Сибирь ходила въ бѣльѣ и платьяхъ изъ Китайскихъ и Бухарскихъ тканей. Радищевъ разсказываетъ, что жители Сибири ходили въ дабовыхъ и фанзовыхъ рубахахъ; холста, вѣроятно, также привозили много изъ Россіи, но холстъ не могъ вполнѣ вытѣснить дабу; голь, шелковая Китайская матерія, была распространена по всей Сибири, и въ нее наряжались крестьянки и солдатки; въ Западной Сибири, изъ нея шили красные голевые сарафаны и голевые чепцы, обшитые позументами; даже чернилъ другихъ долго не знали въ Сибири, кромѣ Китайской туши, и на крайнемъ западѣ Сибири, на Иртышѣ, крѣпостныя Канцеляріи писали бумаги Китайской тушью.

Сознавая важность этой Азіятской торговли, Правительство постоянно покровительствовало ей и старалось привлечь Бухарскихъ купцовъ въ Сибирь большими льготами; съ Бухарцевъ, пріѣхавшихъ въ Сибирь въ первый разъ, велѣно брать не десятую, а двадцатую, пошлину; Бухарцы, желающіе поселиться въ Сибири, получали льготы отъ податей и становились землевладѣльцами; въ 1735 году была дозволена Бухарцамъ безпошлинная торговля Бухарскими товарами во всѣхъ городахъ Россіи.

Однако жь торговыя сношенія совершались подъ грузомъ неблагопріятныхъ условій; караванные пути были опасны; караваны ходили всегда вооруженные; [43] особенно было опасно про-

[43] Въ каравань Юсупъ-Ходжи было на 235 человѣкъ 32 турки, на каждую по фунту пороху и свинцу, 4 сайдака и 5 панцырей; въ караванѣ 1752 г., при Старшинѣ Абедли-Зайсанѣ, на 485 челов. 98 турокъ, и на каждую пороху и свинцу по 20 выстрѣловъ, панцырей 3, сайдаковъ 53, стрѣлъ 1060, сабель 45.

ходить тѣ пространства, которыя лежали пустыми между Калмыцкими и Киргизскими кочевьями; сдѣсь доставалось караванамъ отъ Киргизъ и Уранхайцевъ. Туринскій купецъ Колмогоровъ былъ ограбленъ Казачьей Ордой въ 1732 г.; Киргизы вѣдомства Старшины Ходжи-Мергеня напали на караванъ, шедшій въ Семипалатинскъ, и отобрали до 70 головъ иркетчины; въ Алтаѣ, на урочищѣ Шара-Чумугень были убиты Русскіе купцы въ числѣ 6 человѣкъ въ 1743 году, и имущество ихъ осталось въ рукахъ грабителей. Сами мирные родоначальники Калмыцкаго народа допускали своеволіе и грабили караваны подъ видомъ взиманія пошлины; караваны, проходя чрезъ ихъ владѣнія, были часто отвлекаемы съ пути, задерживаемы и наконецъ разграбляемы; такъ въ 1751 г. Амурсана разграбилъ Бухарскій караванъ, шедшій въ Россію, и самихъ Бухарцевъ обратилъ въ рабство; Галданъ-Церенъ казнилъ Русскаго купца, Ярышникова, и его богатство «на многія тысячи» присвоилъ себѣ.

Въ Россіи эта торговля была стѣснена одноторговлей и запрещеніями; торговля ревенемъ составляла право одного Государства; нѣкоторые товары были запрещены изъ неумѣстнаго страха; такъ, были запрещены къ вывозу порохъ, свинецъ, оружіе, латы, ножи, рогатины; мало этого, по распоряженію пограничнаго Генерала Киндермана въ 1750 г. была запрещена продажа Бухарцамъ и Киргизамъ всякихъ желѣзныхъ вещей, тагановъ, ножей, косъ сѣнокосныхъ, топоровъ; была только допущена продажа чугунныхъ котловъ. Это распоряженіе было сдѣлано изъ опасенія, «чтобы Азіятскій народъ изъ тѣхъ вещей не могъ сдѣлать себѣ оружіе и къ стрѣламъ копейцы.» Предосторожности пограничнаго начальства простирались до того, что Бухарскихъ купцовъ зимой не впускали въ крѣпости въ избы обогрѣться. Посланный въ Февралѣ, 1748 г., въ конвоѣ съ Бухарцемъ Юсупъ-Ходжею до Тобольска Прапорщикъ Толстовъ доносилъ, что Юсупъ-Ходжа въ каждомъ станцѣ неотступно проситъ впустить въ крѣпость въ избы обогрѣться, на что Прапорщикомъ съ довольными резонами было представляемо о невозможности этого допущенія; Бухарцамъ было позволено входить только въ загородныя избы и землянки, если гдѣ есть такія, которыя было велѣно на этотъ случай очистить и вытопить, и только въ Омскѣ было позволено

впускать ихъ и въ обывательское жило. Къ каравану, пришедшему въ Ямышевъ, приставлялся караулъ, и Бухарцамъ не позволяли отлучаться изъ ихъ «урги» въ Киргизскіе аулы для покупки на пищу барановъ, по чему они принуждены были покупать барановъ у Киргизъ тайно.

Русскіе нравы также представляли препятствія спокойному движенію торговли: Комменданты крѣпостей старались оставлять торговлю за собой; Директоръ Ямышевской Таможни, Бушуевъ, жаловался въ 1760 г., что Коммендантъ крѣпости Св. Петра, Лестокъ, стѣсняетъ свободу торговли въ пользу своихъ дворовыхъ людей; пріѣхавшимъ въ крѣпость Св. Петра купцамъ, Быкову и Голубину, Лестокъ запретилъ прямыя сношенія съ Киргизами, также запретилъ толмачамъ быть у нихъ для переводовъ съ Киргизскаго языка; такимъ образомъ торговля въ кр. Св. Петра очутилась въ рукахъ военныхъ чиновъ и дворовыхъ людей Лестока, которые вымѣнивали лошадей на товары, взятые у тѣхъ же купцовъ, Быкова и Голубина: изъ 118 лошадей 45 было вымѣнено дворовыми людьми. По ходатайству Бушуева Лестокъ былъ смѣненъ; преемникъ его, Тюменевъ, продолжалъ дѣлать насилія купцамъ и даже одного купца избилъ, за что также былъ смѣненъ.

Одноторжіе въ Сибири въ XVII и XVIII стол. царствовало во всей странѣ. Всѣ роды промышленности и торговли составляли предметъ его или частныхъ лицъ, или Правительства. Такой порядокъ былъ послѣдствіемъ свойства Сибирской поселенности. Казаки, звѣровщики и гулящіе люди, наполнявшіе Сибирскіе лѣса, были люди таковаго рода, которые не были способны положить начало земледѣльческому поселенію; это были люди, не заботившіеся далѣе завтрашняго дня. Увлекаясь прибылью Сибирскихъ промысловъ, они быстро распространили свое нашествіе до Таймырской земли и до Камчатки, не заботясь объ основаніи позади себя, изъ своей среды, опора, который обезпечивалъ бы ихъ существованіе въ странѣ; заботы объ ихъ пропитаніи должны были принять на себя другіе люди; эту роль приняло на себя Правительство. Оно приняло на себя заботы объ обезпеченіи промышленниковъ хлѣбомъ и мясомъ и объ улуч-

шенія путей; безъ него этѣ многочисленныя партіи и артели промышленниковъ должны были бы погибнуть въ неравной борьбѣ съ дикой природой, или начать отступленіе. Правительство приняло на себя отправленіе обязанности общественной предусмотрительности, которой были лишены сами поселенцы, конечно, не изъ другихъ побужденій, какъ только фискальныхъ. Доставляя пищевые припасы этой многочисленной арміи соболевщиковъ, бугровщиковъ и проч., Правительство становилось хозяиномъ всей годичной добычи драгоцѣнныхъ Сибирскихъ мѣховъ, которые тогда составляли такую же славу Сибири, какъ нынѣ золото. Правительство завело сдѣсь пашни и деревни, скотоводство и ямы; не въ рукахъ поселенцевъ, а въ рукахъ Правительства, раздавался стукъ топора, валившаго Сибирскій лѣсъ Управленіе Сибири въ теченіи всѣхъ трехъ столѣтій озабочено снабженіемъ Сибири хлѣбомъ; оно отличается самыми обширными проектами по этому предмету; съ одной стороны принимаетъ необыкновенные размѣры Правительственная опека, проникающая въ семейную жизнь и въ домашнее хозяйство, съ другой рабочій народъ теряетъ всякую способность къ самоуправленію и самодѣятельности, частный трудъ нисходитъ на степень обязательнаго, или кабалы; рабочее сословіе превращается въ поденьщика, поставляющаго въ казну, или купцу, дорогія произведенія страны за обезпеченіе существованія: въ его рукахъ не скопляется богатства; богатство это въ рукахъ одноторжниковъ, Правительства и немногихъ купцовъ. Все рабочее сословіе Сибири поголовно состояло изъ покрученниковъ; по свѣдѣтельству Радищева, «всѣ Сибирскіе крестьяне, исключая Барабинскихъ поселенцевъ, хотя и ѣдятъ мясо, но одинъ изо ста, или двухъ сотъ, живетъ не въ долгъ; другіе всѣ наемщики и работаютъ на задатки.» Почти вся торговля въ Сибири въ XVII ст. была въ рукахъ только двухъ домовъ, Босаго и Ревякина. Правительство удержалъ за собой почти всѣ колоніяльные промыслы: пушной, мамонтовой кости, торговлю ревенемъ, табакомъ, виномъ и даже весь Кяхтинскій торгъ.

Въ 1693 г., въ Наказѣ Тарскому Воеводѣ, частнымъ лицамъ запрещалось торговать, пока инородцы не заплатятъ ясака, чтобъ купцы не выкупили лучшую рухлядь; а какъ ясакъ выплатится

сполна, тогда дозволить купцамъ и Бухарцамъ торговать на Тарѣ, на Гостинномъ дворѣ.[44] Въ томъ же году и въ Наказѣ Таможеннымъ Головамъ въ Сибири запрещается торговать съ Бухарцами деньгами, золотыми, ефимками, ружьемъ, свинцомъ и порохомъ, а соболей пропускать въ Китай и другія земли только такихъ, которые стоятъ не болѣе 40 рублей сорокъ, а лисицъ черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ не отпускать.[45] Самимъ Воеводамъ Сибирскимъ было запрещено имѣть шубы и шапки изъ соболей и черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ лисицъ, а дозволялось только имѣть мѣха лисьи, песцовые красные, бѣльи хребтовые и черевьи, да и то только не болѣе 2, или 3, мѣховъ.[46] Въ Наказѣ Тобольскимъ Воеводамъ, 1697 г., было подтверждено запрещеніе продавать Бухарцамъ соболей, бобровъ, лисицъ и прочую добрую мягкую рухлядь. Русскіе торговые люди были обязаны купленныхъ въ Сибири соболей и черныхъ лисицъ объявлять, по пріѣздѣ въ Москву, въ Сибирскомъ Приказѣ, а на сторону ни кому не продавать; въ Сибирскомъ Приказѣ имъ выдавали за рухлядь Русскіе товары по оцѣнкѣ. Лисицъ черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ, цѣною отъ 8 и до 50 рублей, было приказано также отбирать у частныхъ людей въ казну.[47] Въ томъ же году велѣно было купить въ Москвѣ разныхъ товаровъ на Сибирскую руку и послать въ Сибирскіе города, въ Сургутъ, въ Березовъ, въ Кузнецкъ, въ Томскъ, въ Иркутскъ, Якутскъ и проч. на 300, 400, 600 и 1000 рублей, на которые Воеводы должны были покупать у частныхъ лицъ и инородцевъ мягкую рухлядь по опредѣленной таксѣ, на прим., за лучшихъ Якутскихъ полныхъ соболей велѣно давать по 5 р., за плохихъ по 20 алт., и по полтинѣ; за Мангазейскіе лучшіе по рублю, и по 30 алтынъ; за лучшихъ соболей Западной Сибири по 13 алт. 2 деньги; за добрыхъ черныхъ лисицъ по 10 р. Соболей этѣхъ Воеводы должны были вымѣнивать какъ на присланные изъ Москвы товары, такъ и на таможенные доходы, на день-

---

[44] Полное Собр. Зак., т. III, стр. 586.

[45] Тамъ же, стр. 160.

[46] Полное Собр. Зак. т. III, стр. 335.

[47] Тамъ же.

ги, на хлѣбъ и даже на вино. Кромѣ того Иркутскому, Енисейскому и Илимскому Воеводамъ было велѣно отпускать покрученниковъ для соболинаго промыслу, и платить имъ изъ казны.[48] Въ 1699 году Верхотурскому Воеводѣ подтверждено, соболей, оставшихся у инородцевъ за сборомъ ясака, вымѣнивать на Рускіе товары, «чтобъ во всей Сибири соболи были въ одной Его Великаго Государя казнѣ.»[49]

Обративъ лучшіе сорты Сибирскихъ мѣховъ въ Государственную принадлежность, Правительство слѣдило, чтобъ они не выходили за границу чрезъ частныя руки. Въ 1701 г. еще разъ было подтверждено запрещеніе продавать Бухарцамъ и Калмыкамъ соболей и черныхъ и сиводущатыхъ лисицъ. Но такъ какъ у Сибирскихъ жителей не было ни какихъ товаровъ для обмѣна на Бухарскіе, кромѣ пушнины, то Бухарская торговля была бы сведена перечисленными мѣрами къ провозной торговлѣ одними Русскими товарами, если бъ въ Сибири не развилась обширная повсемѣстная контрабанда, въ которой Бухарцы принимали самое живое участіе. Бухарцы, не смотря, на всѣ этѣ запрещенія, вывозили изъ Сибири мягкую рухлядь. Верхотурскому Воеводѣ въ 1699 г. писали изъ Москвы: «а нынѣ явилось, что понаровками Воеводъ соболи сбираются не вполнѣ и продаются Бухарцамъ для отвоза въ Китай.» Еще съ конца XVII столѣтія начинаются мѣры къ сокращенію этой контрабанды; съ этой цѣлью Бухарцы обязаны были торговать не иначе, какъ въ гостинномъ дворѣ и сами; въ 1767 г., въ Наказѣ Верхотурскому Воеводѣ было велѣно, «чтобъ Бухарцы торговали въ гостинномъ дворѣ сами, а мимо Бухарцевъ Бухарскими товарами подставою торговать ни кому не велѣть.»[50] Въ 1701 г. Нерчинскому Воеводѣ было прописано то же самое повелѣніе. Но едва ли этѣ мѣры можно было привесть въ исполненіе въ послѣдствіи, когда возрасло число Бухарскихъ поселенцевъ въ Сибири: въ половинѣ прошлаго столѣ-

---

[48] Полн. Собран. Закон., т. III, стр. 406.

[49] Тамъ же, томъ IV, стр. 59.

[50] Тамъ же том. III, стр. 335.

тія мы уже не находимъ, чтобъ это повелѣніе исполнялось мѣстною властью. Миллеръ разсказываетъ, что прежде въ Тобольскѣ для Бухарцевъ и Калмыковъ былъ построенъ особенный Посольскій Дворъ, въ которомъ иностранцы должны были жить и складывать свои товары; вокругъ двора ставились караулы, и тогда ни чего нельзя было ни привезти, ни вывезти безъ вѣдома Таможни; но въ послѣдствіи дворъ этотъ сгорѣлъ, и новый не былъ построенъ; караваны стали останавливаться въ Татарской слободѣ, у живущихъ въ Тобольскѣ Бухарцевъ, которые ихъ братья и знакомцы; тамо и отправляютъ они свои торги; осмотры и караулы тамо мало служатъ.»

Чтобъ положить конецъ безнаказаннымъ злоупотребленіямъ Бухарцевъ, которыхъ Правительство не рѣшалось круто преслѣдовать, перенесли платежъ таможенныхъ пошлинъ съ Бухарцевъ на Русскихъ купцовъ, торгующихъ Бухарскими товарами: контрабандистовъ подданныхъ, думали, можно будетъ съ лучшимъ успѣхомъ преслѣдовать. До того времени Бухарскіе караваны, вступая на Русскую землю, были осматриваемы и платили пошлину; осмотръ этотъ производился для каравановъ, шедшихъ въ Ирбить, въ Ямышевѣ, а для каравановъ, шедшихъ въ Томскъ, въ Коснахѣ, куда высылался Дворянинъ изъ Кузнецка. 2 Мая, 1732 г., Русскій посолъ, Маіоръ Угримовъ, сдѣлалъ въ Ургѣ, на «конференціи» Хана Галданъ-Церена и Зайсановъ, предложеніе заключить договоръ, чтобъ не брать пошлинъ ни съ Русскихъ купцовъ въ Джунгаріи, ни съ Бухарскихъ въ Россіи, и дозволить купцамъ проѣздъ по всему Государству, но только допустить осмотръ товаровъ при вступленіи Бухарцевъ въ предѣлы Государства и при выходѣ изъ него, а также обязать ихъ объявлять имена купцовъ, которымъ они продадутъ свои товары. Галданъ-Церенъ и Зайсаны согласились на это предложеніе, но только требовали, чтобъ и осмотра не было: если не брать пошлинъ, то къ чему будетъ служить осмотръ, возражали они. Однако жь, договоръ былъ заключенъ въ 1733 г., и Указомъ 23 Сентября, 1735 г., былъ открытъ свободный безпошлинный ввозъ и вывозъ товаровъ по Иртышской границѣ. Вмѣсто того Таможни въ Тобольскѣ и Томскѣ брали за торговлю съ Бухарцами пошлину

съ Русскихъ купцовъ. Эта система продержалась только 10 лѣтъ, т. е., до 1745 года.

Тайный провозъ не уничтожился: Бухарцы всячески старались уклониться отъ осмотра; первый же караванъ, прибывшій послѣ заключенія договора, отказался и въ Ямышевѣ и въ Тобольскѣ допустить осмотръ, и только послѣ долгихъ споровъ предъявилъ опись товаровъ; описи этѣ Бухарцы подавали невѣрныя, стараясь сколько возможно уменьшить цифру; при возвращеніи каравана Бухарцы также упорствовали. Они еще сильнѣе стали вывозить изъ Сибири не очищенную пошлиной пушнину и запрещенные товары, какъ, на пр., оружіе. Русскій купецъ, Плотниковъ, находившійся въ Зенгоріи, увѣдомилъ, въ 1753 г., Русское Начальство, что Зенгорскіе купцы провозятъ изъ Россіи въ верблюжьихъ жилахъ, т. е., сѣдлахъ, ружья съ замками. Ревень Бухарцы старались провезти до Москвы, и на пути, не смотря на строгое запрещеніе, продавали его тайно мимо Правительства; съ цѣлью воспрепятствовать этому, было запрещено пропускать ревень далѣе Тобольска. Бухарцы не только свои привозные, но и товары Сибирскихъ Бухарцевъ и Татаръ, распродавали въ Сибири и Россіи безпошлинно тайно, отъ чего они часто вывозили изъ Сибири товаровъ на сумму большую, чѣмъ привозили: такъ въ 1732 году «послы повезли изъ Москвы товаровъ на 20,000 рублей, чего у нихъ и въ привозѣ въ Сибирь не было.» Одинъ актъ прошлаго столѣтія говоритъ слѣдующее о связяхъ Бухарцевъ въ Сибири: «а усмотрѣть за ними ни которыми мѣрами не возможно, понеже у нихъ, Бухарцевъ, не токмо друзей въ Тобольскѣ и въ другихъ Сибирской Губерніи городахъ, но и свойственниковъ много изъ Бухарцевъ и изъ Татаръ, да и то мнится не хорошо, что они съ Сибирскими Бухарцами и съ Татары посвоились и побрали дочерей у Сибирскихъ иноземцовъ.»[51] Разъѣзжая по всей Сибири до Иркутской Губерніи, они без-

[51] Экстрактъ, учиненный въ Сибирской Губернскій Канцеляріи изъ мнѣній, посланныхъ отсюда въ 1733 и 1742 гг., Апрѣля 9 и Августа 31 числа, въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, о учрежденіи и постановленіи Зенгорскимъ Владѣльцемъ, Галданъ-Чиреномъ, коммерціи о торгу при Ямышевской и Семипалатинской крѣпостяхъ, и о бывшихъ сдѣсь въ Тобольскѣ купчинахъ, Аваз-

пошлинно покупали у Сибирскихъ инородцевъ пушной товаръ. Инородцы и другіе жители Сибири, получившіе отъ Бухарцевъ дешевыя бумажныя ткани, овчины и проч., при недостаткѣ сношеній съ Европейской Россіей, не могли не покровительствовать этой тайной торговлѣ; и такъ какъ у инородцевъ, да и у Русскихъ Сибиряковъ, единственной вывозной статьей былъ пушной товаръ, то воспретить безпошлинный вывозъ его въ Бухарію было не возможно иначе, какъ воспретивъ въѣздъ Бухарцамъ съ товарами внутрь страны. На сколько Бухарцы старались какъ можно дальше проѣхать, на столько Русское Правительство должно было стараться сократить ихъ путь внутри Имперіи.

По этому Сибирское Начальство стало хлопотать о прекращеніи свободнаго въѣзда Бухарцевъ въ Сибирь: оно утверждало, что отъ этой мѣры, кромѣ пользы, ни чего нельзя ожидать; что для Русскихъ купцовъ, съ закрытіемъ имъ воротъ въ Джунгарію, ни какого убытка не будетъ, по тому что они ѣздили туда не въ большомъ числѣ, да и то при помощи Бухарскихъ прикащиковъ; въ Ургѣ Русскіе купцы не рѣдко терпѣли разореніе, были задерживаемы мѣстнымъ Правительствомъ, казнимы, а на пути подвергались грабежамъ Киргизовъ, всѣ этѣ случайности, думало Сибирское Начальство, съ закрытіемъ Сибирской границы, будутъ падать только на Бухарцевъ. Кромѣ того, оно прибавляло еще, что купцы, не имѣющіе друзей Бухарцевъ, которымъ могли бы ввѣрить свои товары, а также не имѣющіе возможности посылать на свой счетъ въ Ургу, «остаются бездовольны отъ Иркетскихъ товаровъ; а какъ у Ямышева будетъ въ одномъ мѣстѣ торгъ, то всѣ Россійскіе купцы будутъ довольствоваться Иркецкимъ товаромъ равно.» По этому Сибирское Начальство предлагало: Бухарцамъ въѣздъ въ Сибирь съ Бухарскими товарами далѣе Ямышева воспретить, но въ Ямышевской и Семипалатинской крѣпостяхъ дозволить имъ торговать съ Русскими купцами безпошлинно и товаровъ ихъ не осматривать; у Русскихъ же куп-

---

бѣ и прочихъ.» Этѣмъ экстрактомъ мы пользуемся для дальнѣйшаго разсказа. Онъ напечатанъ вполнѣ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1867 г., кн. I, въ числѣ другихъ Сибирскихъ матеріяловъ.

цовъ осматривать при пріѣздѣ въ Ямышевъ Русскіе товары, а при выѣздѣ изъ Ямышева Бухарскіе, и съ нихъ брать таможенную пошлину. Предложеніе Сибирскаго Начальства было принято. Только въ пользу Хана сдѣлана была уступка: самому Хану было предоставлено право по прежнему посылать безпошлинно внутрь Имперіи товары на 50 верблюдахъ ежегодно. Съ 1745 года свободный пропускъ Бухарцевъ за Иртышъ прекращается; но Бухарцы стараются проникнуть въ Тобольскъ, подъ видомъ коммиссіонеровъ самаго Хана; въ 1747 году прибылъ въ Ямышевъ съ караваномъ Юсупъ-Ходьжа, и сталъ требовать пропуска въ Тобольскъ съ 300 верблюдами, которые будьто бы были навьючены товарами самаго Джунгарскаго владѣльца. Послѣ долгихъ споровъ Юсупъ-Ходжа былъ пропущенъ въ Тобольскъ съ 100 верблюдами и съ 50 человѣкъ провожатыхъ. Въ 1749 году старшина Абраимъ, вышедшій съ караваномъ изъ Урги, жаловался на недостатокъ товаровъ въ Ямышевѣ и просилъ пропуска въ Тобольскъ: онъ писалъ, что не нашелъ въ Ямышевѣ нужныхъ для двора Джунгарскаго Владѣльца: 10 косяковъ штофу, 100 выдръ Камчатскихъ, 100 паръ добрыхъ Нѣмецкихъ черныхъ бобровъ, половину добраго сукна, кармазину чернаго, кармазину темнозеленаго. 10 аршинъ кармазину цвѣту мясного, 10 ф. лазоревой киновари, 50 козловъ красныхъ, черныхъ и желтыхъ, на 5 портищъ горносталей, крымзы 10 ф. и 200 выдръ.

Джунгарскій Ханъ также протестовалъ. Въ 1750 г. онъ прислалъ письмо Тобольскому Генералу, изъ котораго мы приводимъ отрывокъ, замѣчательный, какъ мнѣніе о торговлѣ кочеваго Азіятца: «Когда два Государства въ добромъ согласіи состоятъ, то есть ли такое опредѣленіе, чтобъ въ какое время и до котораго мѣста, по многому, или по малому, числу купцовъ посылать? А я вѣдаю, что въ великихъ Государствахъ такого обыкновенія нѣтъ, чтобъ купцовъ считать, и время имъ опредѣлять, и мѣста имъ назначивать. Что же съ вашей стороны сіе постановлено яко бы за тѣмъ, что наши купцы ѣздятъ многолюдствомъ и чинятъ обиды, не чаю я, чтобъ наши купцы въ проѣздахъ своихъ внутри вашего Государства чрезъ обыкновеніе какія обиды чинить стали, и ежели-бы, паче чаянія, какую обиду и учинили, то каждый изъ насъ не можетъ ли въ томъ учинить несправедливость? Ибо и напредь

съ обѣихъ сторонъ учиненныя обиды по сущей справедливости разбираемы были, и весьма бъ было хорошо, ежели бъ и нынѣ отъ каждаго изъ насъ такія обиды чинить накрѣпко запрещено было. Но что принадлежитъ до купечества, то оно хотя за нужное и необходимое и не почитаю, однако же, по мнѣнію моему, за полезное признаваю, такимъ обыкновеніемъ и добропорядочно въ томъ поступать, какъ отъ временъ Великаго Бѣлаго Царя до нынѣ, купцы наши въ пожелаемый ими городъ, не имѣя термину, свободно ѣздили, и съ обѣихъ сторонъ обидъ не происходило, но добропорядочно купечество отправлялось.»

Русскіе купцы въ Ямышевѣ, съ своей стороны, дѣлали протесты, если замѣчали колебаніе Начальства при подачѣ этѣхъ жалобъ. Ограниченіе торговли двумя крѣпостями, Ямышевской и Семипалатинской, передовало торговлю съ Малой Бухаріей въ руки только тѣхъ немногихъ Сибирскихъ капиталистовъ, которые были въ состояніи завезти товары въ эту даль, а главное, терпѣть убытки отъ непохода товаровъ, какъ случилось въ 1748 г. съ бобрами. Въ Декабрѣ 1747 г. купцы въ Ямышевѣ, Тульскій Овчинниковъ, Тобольскій Полуяновъ, Тарскіе Вехтинъ, Бекишевъ, Татары Тобольскіе: Шигаевъ, Сафаровъ и Тарскій Татаринъ Итыгеровъ, подали прошеніе слѣдующаго содержанія: «Въ 1746 г. было публиковано о торгѣ съ Бухарцами при Ямышевской крѣпости, далѣе которой ихъ пропускать не повелѣно; по тому мы въ 1746 и 1747 г. прибыли въ Ямышевъ съ разными товарами, «на ихъ Бухарскую потребу,» съ сукнами, парчами, лисицами, чаемъ и проч., чрезъ дальныя разстоянія, съ немалымъ трудомъ и убыткомъ. 26 Ноября, 1747 г. прибылъ въ Ямышевъ, съ Зайсаномъ Юсупъ-Ходжею, караванъ болѣе 500 верблюдовъ, и просится въ Тобольскъ съ 300 верблюдовъ и 300 лошадей; если они будутъ отпущены, то останется въ Ямышевѣ тѣхъ Бухарцевъ съ товары недовольное число, понеже что имѣется при насъ товаровъ на ихъ потребы, привезенныхъ въ здѣшнюю Ямышевскую крѣпость довольное число. Потерпѣвъ убытки при перевозѣ товаровъ, нанимая подводы и работныхъ людей, а также, по отбытіи купцовъ Бухарскихъ въ Тобольскъ, принужденные ѣхать обратно въ свои мѣста, мы должны прійти въ разореніе, такъ какъ, пріѣзжая для торгу въ верхъ Иртышскія крѣпости,

охотности не будетъ, за отбытіемъ тѣхъ Бухарцевъ въ Тобольскъ безъ торгу, то не повелѣно ль будетъ намъ въ Ямышевскую и Семипалатинскую крѣпость съ товары впредь пріѣзжать для торгу, отмѣнить?»

Такимъ образомъ мѣра эта, уничтожая одноторжіе Бухарцовъ, передала ее скопу Сибирскихъ купцовъ, которые одни и воспользовались ея благодѣяніями, Сибирское же население только потеряло отъ нея. Бухарскіе товары, конечно, поднялись въ цѣнѣ, и Сибирское населеніе должно было почувствовать нѣчто подобное, какъ при закрытіи Кяхтинскаго торга: мелкая пограничная торговля скотомъ и рухлядью по Иртышу и у подошвы Алтая, которая приносила большую пользу прилежащему деревенскому населенію, прекратилась; Калмыковъ и Киргизъ, пріѣзжавшихъ въ этѣ мѣста, стали отсылать въ Семипалатинскъ и Ямышевъ. Въ 1750 г. на рѣку Бію пріѣхалъ Калмыкъ Самуръ съ 16 коровами, и ему было отказано въ торговлѣ и предложено ѣхать въ Ямышевъ, или Семипалатинскъ. Въ 1757 г. Киргизы привезли соль на продажу къ крѣпости Кабаньей, на Ишимской Линіи, и ихъ до торговли не допустили, а сказали, чтобъ ѣхали въ Семипалатинскъ, или Троицкъ. Такіе же отвѣты получали Киргизы, пріѣзжавшіе въ Усть-Каменогорскую крѣпость, въ Лебяжій и Семіярской форпосты.

Эта мѣра также прекратила выѣзды Русскихъ людей въ Джунгарію, вносившихъ соисканіе въ нѣдра средней Азіи. Этѣ выѣзды предпринимались купцами небогатыми, которые слабость своихъ денежныхъ силъ разсчитывали замѣнить смѣлостью въ предпріятіи; такъ, на прим., Колмогоровъ, въ 1742 г., отправилъ, съ своимъ прикащикомъ, товаровъ всего на 1700 рублей. Этѣ путешествія Русскихъ купцовъ до Яркенда и далѣе приносили большую пользу, внося въ Россію точныя свѣдѣнія о промышленности и произведеніяхъ Бухаріи, о выгодахъ сношеній съ нею, распространяя въ Русскомъ купечествѣ географическія знанія и развивая духъ торговой предпріимчивости. Конечно, все это прекратилось бы съ паденіемъ Джунгаріи, но закрытіе въѣзда каравановъ предупредило это событіе.

27 Октября, 1752 г., изъ Семипалатинска вышелъ послѣдній караванъ описываемаго времени. Въ 1751 г. начинаются въ Джунгаріи большія смуты: караваны не могутъ безопасно ходить внутри своего Государства, сами Джунгарскіе Князья начинаютъ грабить караваны, да и въ Бухаріи начинается возстаніе; вскорѣ все пространство отъ Алтая до Болора приходитъ въ движеніе, кончающееся всеобщимъ разореніемъ.

Когда вновь возникла торговля съ Джунгаріей на Иртышѣ, намъ не извѣстно. Въ Іюнѣ, 1760 г., въ крѣпость Св. Петра прибыли изъ Киргизскихъ улусовъ, вмѣстѣ съ Киргизами, 4 Кашкарскихъ Бухарца, которые промѣняли Русскимъ до 30 лошадей, до 75 лисицъ, корсаковъ и волковъ и до 20 золотниковъ серебра рупейнаго; они объявили, что въ крѣпости нѣтъ нужныхъ имъ товаровъ: кармазиннаго сукна, бархату, Нѣмецкихъ бобровъ, черныхъ лисицъ, выдръ, кубовой краски, канцелярскаго сѣмяни и пр. Директоръ Ямышевской Таможни, Бушуевъ, публиковалъ въ разныхъ городахъ Сибири приглашеніе купцамъ ѣхать въ крѣпость Св. Петра для торговли съ Бухарцами, но Бухарцы болѣе не пріѣзжали. Въ 1761 г. въ Семипалатинскую крѣпость пріѣхали 4 Бухарца города Ташкента съ небольшимъ количествомъ зенденей, выбоекъ и бязей; они вышли изъ Ташкента въ Киргизскія волости въ числѣ 30 человѣкъ, и провели въ Ордѣ 6 мѣсяцевъ, ходили, вмѣстѣ съ Киргизами, въ Китай, въ городокъ Урюмчи, и отсюда пришли въ Семипалатинскъ. Послѣ этого Бухарцы въ Семипалатинскъ не пріѣзжали.

Между тѣмъ въ 1763 г. Екатерина II посылаетъ на Иртышъ Генерала Шпрингера, которому, между прочимъ, приказываетъ построить при устьѣ Бухтармы крѣпость, и открыть тутъ торговлю съ Индіей (?).

Торговыя сношенія Алтайскихъ инородцевъ.

Русское поселеніе въ половинѣ прошлаго столѣтія едва достигало подошвы Алтая; оно примыкало къ нему только вдоль большихъ рѣкъ: Иртыша, Чарыша, Біи и Томи; перешейки между рѣками только въ 1755 г. были закрыты линіей форпостовъ

отъ устья Шульбы, гдѣ былъ заводъ Демидова, чрезъ Колывано-Воскресенскій заводъ, до рѣки Біи, на Біѣ, съ 1710 г., существовала Бикатунская крѣпость. Восточнѣе линіи не было; на Иртышѣ, южнѣе этой Линіи, стояла Усть-Каменогорская крѣпость; на Чарышѣ самыми крайними точками Русскаго разселенія были деревни Демидовскихъ крестьянъ, Харлова и Кабанья, на Біѣ Иконникова деревня, на Томи городъ Кузнецкъ и Кузедѣевскій форпостъ.

Къ югу отъ этой Линіи Алтай былъ занятъ инородцами.

Самая значительная часть инородцевъ Алтая принадлежала къ племени, извѣстному у другихъ народовъ Азіи подъ названіемъ Урянхай; по свѣдѣтельству Гельмерсена, недавно посѣтившаго озеро Косоголъ, этотъ народъ занимаетъ обширную страну отъ Алтая до озера Косогола; нѣкогда онъ составлялъ сильную Монархію Алтынъ-Хана; въ настоящее время племя это столь же многочисленно и дѣлится на три отдѣленія: 1) Сойотъ-Урянхай, 2) Алтай или Теленгитъ-Урянхай, и 3)? Отдѣленіе Теленгитъ занимаетъ средній Алтай: оно недавно посѣщено путешественникомъ Радловымъ. Сами себя они называютъ Теленгитъ, а Кузнецкіе Татары зовутъ ихъ Урянхай. Въ половинѣ прошлаго столѣтія оно дѣлилось на 12 колѣнъ, о чемъ можно заключить по числу Зайсановъ, вступившихъ, въ 1756 г., въ подданство Россіи; въ настоящее время, по извѣстіямъ, сообщеннымъ Г. Радловымъ, оно состоитъ изъ 24 колѣнъ, что составляетъ только удвоеніе предыдущаго числа. Въ Русскихъ Правительственныхъ бумагахъ прошлаго столѣтія народъ этотъ не носилъ общаго имени: одно колѣно, кочевавшее по Нарыму и рѣкѣ Аблакеткѣ, называлось Урунхайцами; тѣ же колѣна, которыя обитали въ вершинахъ Чарыша и Кана, извѣстны были подъ именемъ Канскихъ и Каракольскихъ Калмыкъ или Канъ-Карагайской землицы; позднѣе у Ритгера они называются Горными Калмыками, а Русскія географіи называютъ ихъ Алтайскими Калмыками. Вообще позднѣйшіе географы ошибочно считали ихъ частью Калмыцкаго народа, и, для отличія отъ другихъ поколѣній послѣдняго, придавали Теленгитамъ какой ни будь эпитетъ собственнаго сочиненія; между тѣмъ такое смѣшеніе ихъ съ Калмыками стоитъ въ проти-

ворѣчіи съ происхожденіемъ, хранящимся въ памяти обоихъ этѣхъ народовъ.

Этотъ народъ занимался звѣроловствомъ и скотоводствомъ; звѣроловство было, однако жь, господствующимъ промысломъ; поколѣнія бродили въ слѣдъ зз дикими звѣрями; такъ, на пр., поколѣніе, управляемое Зайсаномъ Бабаемъ, лѣто проводило на Альпахъ, въ вершинахъ Бухтармы, а на зиму приходило на рѣку Аблакетку, въ слѣдъ за спускавшимися изъ Алтая козулями и маралами, которые составляли сдѣсь предметъ ихъ зимней охоты. Изъ домашнихъ животныхъ у нихъ были: лошади, коровы и овцы. Они сѣяли также хлѣбъ въ глубокихъ долинахъ, какъ, на прим., по рѣкѣ Семѣ и Нарыму, именно: пшеницу, ячмень и яровую рожь, но въ очень ограниченномъ количествѣ, а осенью, въ Августѣ мѣсяцѣ, обыкновенно разсѣявались для копанья на пищу дикихъ корней сараны и Марьинаго корня. Нравы ихъ были дики: они ѣли сырое мясо. Бухарцы и Калмыки относились къ нимъ съ отвращеніемъ. Они платили Джунгарскому Хану дань соболями: это были единственные соболи въ Джунгарскомъ Государствѣ.

Къ сѣверовостоку отъ народа Урянхаевъ или Теленгитовъ бродили не менѣе дикія Татарскія племена, не входившія въ составъ его. Это рѣзко обнаруживается изъ того, что у этѣхъ восточныхъ инородцевъ не было Зайсановъ, какъ у Урянхаевъ, а были только Старшины. По р. Наймѣ бродили Тау-Телеуты; низовья Біи занимали Командинцы; отъ нихъ вверхъ по Біѣ Кузенская, Комляжская и Кергешская волость; послѣдняя простиралась на 26 в. далѣе по берегу Телецкаго озера; по Телецкому озеру и Чулышману жили Телесцы и Саяны; по р. Лебеди Шерская волость; по р. Кондомѣ и Мрасѣ Кондомскіе и Мраскіе Татары. Всѣ они занимались звѣроловствомъ, и переходы ихъ совпадали съ переходами звѣрей: лѣто они проводили въ долинахъ, удалялись на высокія горы, какъ дѣлаютъ это и доселѣ Алтайскія козули. Скотоводство у нихъ было ниже, чѣмъ у Урянхаевъ: у нихъ были одни только лошади; коровъ и овецъ они не имѣли; они занимались также земледѣліемъ, и воздѣлывали пшеницу, ячмень, яровую рожь, горохъ, а около Телецкаго озера даже табакъ. Но чѣмъ ближе къ вершинамъ рѣкъ, тѣмъ земледѣліе

становилось ограниченнѣе и урожаи были рѣже. У этѣхъ инородцевъ былъ, однако жь, одинъ замѣчательный промыселъ: это плавка желѣзной руды, которую они находили въ горахъ во множествѣ. Они дѣлали желѣзныя лопаты для оранья пашни, котлы, ножи, и пр., и этѣмъ даже платили дань Джунгарскому Хану.

Въ Архивѣ Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ сохранились слѣдующія извѣстія о внутренней торговлѣ въ Алтаѣ. Уранхайцы Саянской волости, спускавшіеся лѣтомъ съ Чулышмана на Катунь, сходились сдѣсь съ Канскими и Каракольскими Калмыками, спускавшимися съ Канъ-Карагая, и обмѣнивали хлѣбъ, табакъ, сѣру горючую, селитру и желѣзо, а у Каракольцевъ брали соболей, лисицъ, лосинныя кожи и другую мягкую рухлядь.

Изъ Канъ-Карагая существовала торговая дорога въ Кузнецкъ; эта дорога пересѣкала р. Катунь при устьѣ Наймы, а Бію при ея выходѣ изъ озера. По этой дорогѣ Канъ-Каракольцы привозили Бійскимъ и Кузнецкимъ Татарамъ свои произведенія; такъ, въ 1745 г. въ Кумандинскую и Кондомско-Итиберскую волость пришли 24 Канскихъ Калмыка, которые привезли соболей, волковъ, лосины, шубы, войлоки, и пригнали 100 лошадей; не дойдя до Кузнецка, они успѣли исторговаться, промѣнявъ свои товары на козлины (т. е., шкуры козуль), котлы и желѣзныя абылы (земледѣльческія лопаты); въ то же время пришло въ Камляжскую волость 10 Канскихъ Калмыковъ.

По всей Русской границѣ происходила торговля съ Русскимъ хлѣбомъ; на востокѣ, впрочемъ, въ Русскихъ деревняхъ покупали только Татары однихъ крайнихъ волостей: на Біѣ Командинской, на Томи Борсояцкой; въ слѣдующія за тѣмъ волости Русскій хлѣбъ не ввозился.

На западѣ Канскіе Калмыки спускались къ Бійской крѣпости и къ Колывано-Воскресенскому заводу. До 1745 г., до закрытія границы отъ въѣзда Бухарцевъ, въ Колывано-Воскресенскомъ заводѣ существовала порядочная торговля съ ними. Въ 1749 г. Колывано-Воскресенская Контора доносила, что пріѣзды

торговцевъ подъ заводъ были часты. Кромѣ Колывани Канскіе Калмыки посѣщали Бикатунскую крѣпость, Бехтемирскую и Кабанью деревни, Чагырскій и Гальцовскій рудники. Они привозили сюда овчины, овечью шерсть, мерлушки, маралины, соболей, лисицъ, волковъ, а также пригоняли скотъ. Проживавшій въ Колыванѣ купецъ Густокашинъ промѣнивалъ имъ иглы, карты, гребни, мишуру, ленты, зеркала и нитки; кромѣ того они сдѣсь покупали муку, соль, топоры и ножики.

Уранхайцы, зимовавшіе по рѣкѣ Аблакеткѣ, привозили въ Усть-Каменогорскъ предметы своей охоты; такъ, въ 1745 г., въ Февралѣ и Мартѣ, пріѣзжало въ Усть-Каменогорскъ съ маральими и другими кожами 22 челов.; въ 1756 г., съ Генваря до Марта, 200 Уранхайцевъ.

Иногда на сѣверной сторонѣ Алтая показывались и Бухарцы, свѣдѣтельствовавшіе о торговыхъ связяхъ внутренняго Алтая съ Малой Бухаріей. Бухарцы выходили сюда изъ Большой Урги; въ Русскія жила они приходили изъ Канъ-Карагая; въ Канъ-Карагай они шли чрезъ р. Имель, Иртышъ, который переходили въ вершинахъ, наконецъ чрезъ р. Чую и Курлукъ. Этотъ путь они совершали не менѣе, какъ въ 5, или 6, мѣсяцевъ: Бухарецъ Салтонъ, прибывшій въ Колыванскій заводъ въ Декабрѣ 1847 г., объявилъ, что вышелъ изъ Урги въ 37 человѣкахъ назадъ тому 5 мѣсяцевъ, и что товарищи его остались на р. Чуѣ; 8 Іюля 1752 г. изъ Канской волости прибылъ въ Чакырскій рудникъ караванъ изъ 34 Бухарцевъ, при Сотникѣ Урусѣ Дашевѣ; они вышли изъ Урги въ бѣломъ мѣсяцѣ, т. е., въ Генварѣ; слѣдовательно, въ дорогѣ были 5 мѣсяцевъ; въ Октябрѣ 1752 года въ Усть-Каменогорскую крѣпость вышли 37 Бухарцевъ, при Старшинѣ Абдыкаримѣ Дуряковѣ; изъ Урги вышли назадъ тому 6 мѣсяцовъ; чрезъ Иртышъ перешли въ вершинахъ и въ Усть-Каменогорскую кр. вышли изъ горъ по Русской сторонѣ Иртыша. Всего чрезъ Алтай пришло Бухарцевъ: въ 1745 г. 15 челов., въ 1747—1, въ 1752—80 челов. Всѣ они выходили изъ Урги съ иркетчиной, но на дорогѣ промѣнивали ее на скотъ, и въ Русскія пограничныя селенія выходили по большей части съ лошадьми, коровами и овцами.

Въ 1745 г. торговля съ Алтайскими инородцами, какъ и по всей Южно-Сибирской границѣ, была запрещена: Уранхайцевъ, выѣзжавшихъ съ нѣсколькими караванами въ Бикатунскую крѣпость, приглашали или ѣхать съ ними въ Семипалатинскъ, или удалиться въ свои улусы. Въ 1750 г. драгунъ Давыдовъ, по возвращеніи изъ Алтая по казенному порученію, доносилъ, что онъ чуть не сталъ жертвою неудовольствія Алтайцевъ на эту мѣру: Алтайцы нѣсколько разъ нападали на него среди степи, грозили зарѣзать, и однажды два человѣка, поймавъ его за волосы, таскали на лошадяхъ по степи, приговаривая, «что онъ ѣздитъ къ нимъ яко бы для обману, а товаровъ ни какихъ не привозитъ.» Зайсаны заявили ему также просьбу объ учрежденіи для нихъ торжка при горахъ Кеспы, въ 30 верстахъ отъ Бикатунской крѣпости, между Біей и Катунью, куда бы можно было пріѣзжать «съ быками, коровами и овцами,» по тому что въ Семипалатинскъ ѣздить чрезъ высокія горы трудно. Въ Усть-Каменогорской крѣпости, въ 1756 г., также возникъ вопросъ объ учрежденіи особаго торга; отъ Ямышевской Таможни былъ посланъ Выборный Сарахановъ убѣдиться въ необходимости открытія тамъ особаго торга; Сарахановъ донесъ, что Усть-Каменогорская крѣпость не имѣетъ условій для развитія торговли, «распространеніе торгу не полезное и не надежное.» По его донесенію сюда пріѣзжали Уранхайцы, вымѣнивавшіе сдѣсь ковры, серебро, мягкую рухлядь, частью жемчугъ, на хлѣбъ и скотъ; [52] но при торговлѣ съ ними, какъ съ вступившими уже тогда въ подданство, пошлины брать не слѣдуетъ, кромѣ конскихъ. Такимъ образомъ вступленіе Теленгитовъ въ подданство Россіи снова открыло сдѣсь пограничную торговлю. Не такъ было на Иртышской и Ишимской Линіи.

Торговля у Киргизъ.

Киргизы въ прошломъ столѣтіи занимали своими кочевьями обширную страну отъ Оренбурга до Семипалатинской крѣпости; самыя восточныя ихъ кочевья лежали по р. Чаръ-Гурбану. Они

[52] Въ 1756 г. Уранхайцы, вѣроятно, уже сильно пострадали отъ смутъ, по чему и покупали въ Усть-Каменогорскѣ скотъ, тогда какъ прежде сами его продавали.

дѣлились, какъ и нынѣ, на три Орды: Большую, Среднюю и Малую. Изъ нихъ только поколѣнія Средней Орды, управляемыя Султанами, Аблаемъ и Баракомъ, примыкали къ Сибирской украйнѣ. Около 1750 г. Баракъ умеръ, а Аблай подчинилъ своему управленію весь сѣверъ степи. Но это единство власти было болѣе внѣшнее; всякая власть сдѣсь была слаба: какъ власть Ханская, такъ и власть Батырей надъ своими поколѣніями. И Батыри, и Ханъ, не рѣдко въ своихъ письмахъ къ Русскимъ пограничнымъ начальникамъ жаловались на непокорность своихъ подданныхъ. Когда Русское Начальство обращалось къ нимъ съ жалобами на воровство Киргизъ, Батыри совѣтовали Русскимъ Командирамъ самимъ ловить воровъ. Требованіе Русскаго Начальства возвритить плѣнныхъ Теленгутовъ Аблай могъ исполнить только въ улусахъ, кочевавшихъ вмѣстѣ съ нимъ; болѣе отдаленные улусы Уваковъ и Кипчаковъ не слушались его, и Аблай просилъ Русскаго Генерала въ Омскѣ захватить изъ тѣхъ улусовъ, когда они прикочуютъ къ Иртышу на зимовку, 5, 6 лучшихъ людей и не освобождать, пока не представятъ плѣнныхъ Теленгутовъ, «чтобъ и тебя боялись, и меня знали,» прибавлялъ въ своемъ письмѣ Аблай. Старанія Аблая ввести въ степь общекиргизскую политику постоянно терпѣли неудачи. Если Аблай думалъ изъ общенародныхъ расчетовъ покровительствоватѣ какимъ ни будь дружелюбнымъ сношеніямъ съ сосѣдями, то независимый образъ мыслей какого ни будь могущественнаго Батыря прерывалъ ихъ. Неудачи Аблая на этомъ поприщѣ бывали иногда забавны: когда Китайцы завоевали Джунгарію, Аблай понялъ, что съ этѣмъ могущесувеннымъ сосѣдомъ нужно вступить въ дружественныя сношенія, принялъ подданство, и, когда въ его улусы пріѣхали Послы изъ Китая, то старался всячески показать покорность Китайскому Императору, какъ свою, такъ и своего народа; между тѣмъ какой-то Лаволасъ Киргизъ, безразличный къ народнымъ выгодамъ, завелъ непозволительное знакомство съ любимицей Китайскаго Посла и укралъ ее; а когда обиженный иностранецъ хотѣлъ силою возвратить свою жену, Киргизъ подрался съ нимъ и отшибъ ему носъ. Это событіе угрожало въ началѣ разрывомъ мирныхъ отношеній Китайцевъ съ Аблаемъ. Конечно, такое состояніе Орды не могло благопріятствовать торговлѣ, и Киргизская степь служила болѣе препятствіемъ къ развитію мир-

ныхъ международныхъ сношеній, чѣмъ мостомъ для всемірной торговли.

Очеркъ торговли у Киргизъ можно раздѣлить на два періода: 1, до паденія Джунгаріи, т. е., до 1756 г., и 2, послѣ 1756 года.

До паденія Джунгаріи. Крайніе восточные улусы Киргизовъ до 1756 г. кочевали по рѣкѣ Чаръ-Гурбану, а крайніе улусы Калмыковъ находились по рѣкамъ Кара-Бугѣ и Базару. Сдѣсь, въ мирное время, происходила постоянная торговля; разстояніе между улусами было на три дня ѣзды, и Киргизы и Калмыки «повседневно съѣзжались для торгу;» Киргизы промѣнивали здѣсь лисицъ и корсаковъ на иркетчину, верблюдовъ и хлѣбъ. Иногда Калмыки и сами возили хлѣбъ въ Киргизскіе улусы, а равно и Киргизы ѣздили сами для покупки верблюдовъ внутрь Джунгаріи. Спокойное время, предшествовавшее Джунгарскому перевороту, благопріятствовало отдаленнымъ торговымъ предпріятіямъ: Бухарцы, Ташкентцы и Калмыки углубляются въ степь до улусовъ Аблая, до горъ Кокчатау; въ Киргизскіе улусы ходятъ караваны изъ Ташкента; караваны изъ Малой Бухаріи также рѣшаются прорѣзывать степь и направляются въ Оренбургъ и Троицкъ чрезъ улусы Аблая. Въ 1747 г. въ Оренбургъ приходилъ караванъ, подъ управленіемъ Старшины Сарыпова, въ числѣ 31 челов.: изъ Урги караванъ отправился въ Маѣ 1747 г. и дошелъ до улуса Аблая при Копчинскомъ озерѣ въ три мѣсяца, отсюда до Бакланской крѣпости въ двѣ недѣли, и отъ Бакланской крѣпости до Оренбурга въ два мѣсяца. 1 Октября караванъ отправился изъ Оренбурга обратно. Въ 1749 г. въ Ямышевъ выѣхали два Бухарца изъ каравана, идущаго чрезъ Киргизскія волости въ Оренбургъ, въ числѣ 70 человѣкъ при 80 верблюдахъ.

Восточные улусы Киргизовъ достаточно снабжались хлѣбомъ изъ Джунгаріи, но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ недостатокъ въ хлѣбѣ былъ сильнѣе, по тому что съ Русскими прежде не было торговли ни на Ишимѣ, ни на Иртышѣ. По тому потребность завести торговыя сношенія съ Русскими была настоятельна; драгунъ Доновъ, бывшій въ 1747 г. въ западныхъ улусахъ на Ишимѣ, доносилъ, что Киргизы ни на что такъ не «жадны,» какъ

на муку: «аржаную, или пшеничную, за одно считають,» а «о сукнахъ только просятъ: какихъ хотятъ лучшихъ лошадей выбирай, и смотрѣть приводятъ иноходцевъ и парами, коней же великихъ и хорошихъ.» Киргизы, пріѣхавшіе въ Иртышскія крѣпости, спрашивали ножей, удилъ и топоровъ. Потребность въ хлѣбѣ, суннѣ и желѣзѣ заставила Аблая, въ 1745 г., хлопотать объ открытіи торговли въ Ямышевской крѣпости: сначала ему было отказано, подъ предлогомъ, что въ крѣпостяхъ продажнаго хлѣба нѣтъ. Однако жь нужда въ лошадяхъ для драгунскихъ полковъ, часто умиравшихъ отъ Сибирской язвы, и въ быкахъ для только что заведенной пашни, была такъ велика, что принудила само же пограничное Начальство хлопотать объ открытіи торга въ какой ни будь Иртышской крѣпости. Въ томъ же 1745 г. Генералъ Киндерманъ разрѣшилъ торговлю въ Семипалатинской и Ямышевской крѣпостяхъ, только предписывая принимать нѣкоторыя предосторожности во время пріѣзда Киргизовъ. Съ этого времени Киргизы стали часто пріѣзжать въ Ямышевъ, гдѣ, вѣроятно, было довольно и товаровъ и хлѣба; въ Семипалатинской крѣпости, впрочемъ, торговля съ Киргизами осталась незначительною. Киргизы пріѣзжали въ Ямышевъ обыкновенно въ зимнее время, съ Октября до Марта, когда зимнія ихъ кочевья прилегали къ Иртышу, и привозили овчины, тулупы, лисицъ, корсаковъ, сайгачьи кожи, и пригоняли лошадей, быковъ и барановъ. Въ зиму 1747—1748 г. въ Ямышевскую крѣпость пріѣзжало 590 Киргизъ, которые, кромѣ исчисленныхъ выше товаровъ, пригнали 142 лошади; въ зиму 1748—1749 г. 259 Киргизъ, которые привезли 112 лисицъ и корсаковъ, 402 овчины, 11 волковъ, 49 войлоковъ, и пригнали 187 лошадей, 37 быковъ и 114 барановъ; въ зиму 1750 г. пріѣзжало 150 Киргизъ.

После паденія Джунгаріи. Съ 1752 г. прекращается Русская торговля, какъ съ Джунгаріей, такъ и съ Киргизами. Въ Джунгарію вступаютъ Китайскія войска, опустошающія ее отъ Алтая до Малой Бухаріи; они проникаютъ до Телецкаго озера, до Усть-Каменогорской крѣпости и даже показываются у Семипалатинска. Киргизы, пользуясь разореніемъ Калмыковъ, дѣлаютъ смѣлые набѣги, которые простираются до озера Зайсана, до рѣки Біи въ Алтаѣ, до горъ Барлукъ въ Джунгаріи и до

Ханъ-Тенгри въ Небесномъ хребтѣ. Въ 1759 г. Джунгарія была уже пуста; нѣкоторые Киргизскіе улусы заняли ее и стали сосѣдями Китайцевъ; Китайцы, которые и прежде снабжали свои войска лошадьми изъ Киргизскихъ и Джунгарскихъ степей, привлекли Киргизъ къ мѣнѣ лошадей на товары, и такимъ образомъ прежняя торговля на Востокѣ возникла снова, только Джунгаровъ замѣнили Китайцы.

Въ 1758 г. Киргизы въ первый разъ поѣхали, въ числѣ 100 человѣкъ, для продажи лошадей въ Китайское войско на оз. Баркуль. Въ 1760 г. Киргизы ѣздили въ Октябрѣ, въ числѣ 1000 человѣкъ, въ городъ Урюмчи, и должны были вернуться не раньше, какъ весной на другой годъ; той же осени 100 Киргизъ ходило въ Китайскій городокъ Кумакъ-Алтакъ; городокъ находился за р. Илей въ 1 верстѣ, и Киргизы должны были переправляться черезъ Илю. Киргизы водили въ Китай только однихъ лошадей, а вымѣнивали на нихъ много голей, серебра и плѣнныхъ.

Во время Джунгарскихъ безпокойствъ въ Русскихъ крѣпостяхъ торговля почти прекратилась. Таможенные доходы въ Ямышевѣ такъ уменьшились, что, въ видахъ увеличенія, Директоръ Ямышевской Таможни рѣшился нарушить существовавшее съ 1745 г. запрещеніе выѣзда Русскихъ купцовъ за границу. Въ 1758 г. Тарскіе Бухарцы, жившіе въ Ямышевѣ Аширъ-Тюлюхъ-Маметевъ и Мулла Байзинъ, получили раздѣшеніе выѣхать изъ Ямышева въ Киргизскіе улусы, для пріохочиванія Киргизовъ къ торговлѣ. Опытъ этотъ удался, но въ дѣлахъ Архива Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ не найдено цифръ о Ямышевской торговлѣ.

Одновременно съ открытіемъ торговли въ Ямышевѣ, открывается торгъ и въ крѣпости Св. Петра на Ишимѣ. Первый пріѣздъ Киргизъ упоминается еще до основанія крѣпости, въ 1750 г. [53] Въ 1757 г. въ крѣпости Прѣсную и Кабанью и окрестные редуты пріѣзжали Киргизы съ солью почти повседневно; но имъ всѣмъ

---

[53] Въ Декабрѣ 1750 г. Киргизы пріѣхали къ урочищу Красный Яръ, на р. Микулиху, въ 80 верстахъ вверхъ по Ишиму отъ Каркиной слободы.

отказывали въ торговлѣ, и предлагали ѣхать въ Ямышевъ, или Семипалатинскъ, гдѣ исключительно былъ открытъ для нихъ торгъ. Въ 1759 г. Аблай-Салтанъ просилъ открыть въ кр. Св. Петра сатовку яшной крупы, пшеничной муки и пшеничной крупы, для чего Киргизы будутъ приходитъ съ коровами и овчинами; о томъ же настойчиво просили Батыри Кулары и Куляки. По представленію о томъ Сибирскаго Губернатора, Соймонова, въ 1759 г., въ кр. Св. Петра была учреждена сатовка въ зимнихъ мѣсяцахъ. Впрочемъ, начало этой торговлѣ положилъ годомъ раньше Тарскій юртовскій Бухаретинъ, Алимъ Шиховъ, который ѣздилъ въ 1758 году изъ кр. Св. Петра отчасти съ политическимъ порученіемъ, а также возилъ туда и товары. Онъ выгналъ изъ степи 146 лошадей, 65 рогатыхъ скотинъ и 198 барановъ; кромѣ того вывезъ 509 лисицъ, 479 корсаковъ, 77 волковъ и 10 овчинъ; всего на 1084 р. Товаровъ же продано имъ въ Ордѣ: Русскихъ на 238 р., Азіятскихъ и Нѣмецкихъ на 1403 р., всего на 1641 р.

Съ 1759 г. и сами Киргизы начинаютъ пріѣзжать въ кр. Св. Петра; для торговли съ ними сюда пріѣхало нѣсколько домовъ Тюменскихъ купцовъ и Тарскихъ Бухарцевъ. Вотъ количество скота и товаровъ, какъ привезенныхъ въ крѣпость самими Киргизами, такъ и Алимомъ Шиховымъ, не перестававшимъ ѣздить въ Орду, или посылать прикащиковъ:

	въ 1758	1759	1760	1761 г.
Лошадей	208	11	97	301
Рогатаго скота	65	»	91	137
Овецъ и козловъ	195	»	45	191
Лисицъ	509	22	75	255
Корсаковъ	479	5	»	79
Овчинъ	10	66	58	141
Волковъ	77	1	»	54
Мерлушекъ	»	28	54	20
Кошемъ	»	8	10	33
Медвѣдинъ	»	»	»	6
Коньскихъ и коровьихъ кожъ	»	»	»	344

	1758	1759	1760	1761
Армячины или армяковъ.	»	»	12 арщ.	4 штуки.
Серебра рупейнаго.....	5 ф. 17 руп. 20 зол. или 63¾ золотн.			2 ф. 20 зол.
Червонцевъ...........	»	»	»	2

Вывезено было изъ крѣпости Св. Петра:

Шелковыхъ товаровъ:	1758	1760	1761
Голей красныхъ и зеленыхъ	25 постав. и 6 полов.	11 постав.	5 пост. 2 кос. и 112 арш.
Голей двоеличныхъ.......	»	5 арш.	18 кон. и 23 арш.
Атласу черпаго:..........	»	»	9 арш.
Канфы черной............	1 кус. и	3½ куска	2 кос. 45 арш.
Усъ красный..............	1 штук.	»	»
Бархату краснаго.........	1 кусокъ	»	20 арш.
Китайскаго чернаго	4 к.	3 куск.	29 куск.
разбивнаго.......	45 арш.	»	145 арш.
лудану...........	»	»	32 арш.
Шелку Персидскаго.......	1 ф.	»	»
Китайскаго........	1 гинъ	3 мот. ½ ф. и 2 гиня	
Нѣмецкаго........	»	»	5 фун.

Бумажныхъ товаровъ:

	1758	1760	1761
Китайки разной...........	»	»	»
бѣлой лощеной...	»	»	8 кон.
одноконечной....	99 к.	205 конц.	10 тюн. и 976 кон.
Ламской.........	»	36 тюней	»
торговой.........	»	12 тюн.	133 тюн.
Кумачу краснаго.........	»	9 конц.	1 кон.
Пестряди полосатой Нижегородской................	300 арш.	310 арш.	95 арш.
Жижиму Московскаго съ нитью.............	»	»	532 арш.
Крашенины............	700 арш.	520 ар. 9 конц. и 37 арш.	

	1758	1760	1761
Чеканской	»	800 арш.	»
Грезету нитнаго	»	»	75 арш.
Соломенка	1	»	»
Полуколоменки Московской	»	»	149 арш.
Нѣмецкой	»	»	40 арш.
Кежу синяго полосатаго.	»	450 арш.	100 арш.
Дабъ зеленыхъ	4	»	»
Бѣлыхъ	»	3 конц.	105 конц.
Бязей разныхъ	392	»	100
Чалдаровъ	34	»	50
Хамовъ	21	»	100
Кушаковъ Персидскихъ Нитныхъ	3	»	21

Холщевыхъ товаровъ:

Холста ровнаго	500 арш.	2,150 арш.	95 арш.
Хрящу	»	700 арш.	40 арш.

Шерстяныхъ товаровъ:

Сукна разныхъ цвѣтовъ.	13 пол.	10 пол.	1 пол. и 302 арш.
Сермяжнаго	»	80 арш.	»
Полуколоменки шерстяной съ нитью	»	»	168 арш.
Ковровъ Каменскихъ	1	»	2
Турапу (?) Татарскаго	»	30 арш.	»

Опоясокъ шерстяныхъ:

Слобоцкихъ и полуяицкихъ	»	11	75
Азямовъ, сшитыхъ изъ армяжнаго сукна.	»	16	»
Стараго платья, кафтановъ и епанечь	1	15	13

Мягкой рухляди:

	1758	1760	1861
Лисицъ сиводушныхъ...	29	15	14
Выдръ...............	18	32	17
Бобровъ...............	»	»	1

Кожевенныхъ товаровъ:

Кожъ юфтовыхъ красныхъ	46	55	69
Кожъ красныхъ кониныхъ, ядовыхъ и телячьихъ	»	»	340
Козловъ черныхъ.......	»	»	10

Металлическихъ издѣлій:

Чугунныхъ котловъ.....	»	»	11
Варгановъ желѣзныхъ...	»	90	»
Перстней мѣдныхъ со вставками.............	»	30	»
Юпраковъ оловянныхъ...	700	»	»
Шелеховъ мѣдныхъ Польскихъ..............	»	300	»
Иголъ Нѣмецкихъ.......	1,000	»	»
Китайскихъ.............	2,400	»	»

Деревянныхъ подѣлокъ:

Телѣгъ и одноколокъ....	»	43	23
Ложекъ деревянныхъ.....	»	200	»

Съѣстныхъ припасовъ:

Муки ржаной............	»	92 пуд. 16 чет. и	144 пуд
Крупъ яшныхъ..........	»	2 пуд. 25 фун.	2 пуд.
Чаю кирпичнаго и байховаго..............	5 кирп.		15 бах.

Разной мелочи:

	1758	1769		1761
Квасцовъ	2 пуд.	18 ф.	9½ фунт.	8 ф.
Купоросу		10 ф.	»	»
Турскаго		»	¼ ф.	»
Чернильнаго		30 ф.	»	»
Румянъ	34 круга	»		»
Бисеру	20 ф.	2 ф.		»
Маржану	11 ф.	6½ ф.		1¼ ф.
Корольковъ Нѣмецкихъ синихъ	3000	2 нитки		»
Зеркалъ въ кожѣ	»	»		1 дюж.
въ деревѣ	»	»		10 шт.
Чашекъ Китайскихъ	»	17		»
Гребней	70	»		»
Кремней	»	500		»
Беркутъ	»	»		1

Г. Потанинъ.

ПИСЬМА

МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО МИТРОПОЛИТА

ФИЛАРЕТА

къ

ГАВРІИЛУ, АРХІЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ И ЗАРАЙСКОМУ. *

Получено 8-го Августа.

1.

Съ истинною радостію, Милостивый Государь, Егоръ Ивановичъ, узналъ я, что Вы избрали состояніе наиболѣе благопріятствующее духовному просвѣщенію. Тотчасъ писалъ въ Петербургъ, прося справедливаго Вамъ вниманія и покровительства: хотя, впрочемъ, слышалъ, что и мѣстное Начальство отдаетъ Вамъ справедливость. Давно бы писалъ я къ Вамъ, естьли бы не опасался изъ сего для Васъ могущаго произойти безпокойства, по извѣстнымъ Вамъ обстоятельствамъ. Желаніе же мое не безпокоить, или Васъ, или кого либо, а усердствовать, чѣмъ могу, добрымъ людямъ и благу общему. Богъ да совершитъ Ваше начинаніе, и да утвердитъ Васъ на предлежащемъ пути. Пріимите сіе желаніе и искренне почтеніе

Вашего покорнѣйшаго слуги А. Ф.

Тверь, въ проѣздъ.
26 Іюля, 1815.

---

* Городковъ, Магистръ Санктъ-Петербургской Духовной Академіи 1-го выпуска или курса, стало быть, ученикъ Филарета, въ то время Ректора ея (съ 11-го Марта, 1812 г.); съ 1818 г. Ректоръ Нижегородской Семинаріи, съ 1828 Епископъ Калужскій, съ 1831 Могилевскій, съ 1834 Архіепископъ, а въ Іюлѣ 1837 г. переведенъ въ Рязанскую Епархію, гдѣ въ 1858 г., 10-го Мая, по собственному прошенію, уволенъ на покой въ Ольговскій монастырь (въ 12 верст. отъ Рязани по Касимовской дорогѣ); умеръ въ 1862 году. См. «Исторію С.-Пе-

Слышалъ я и о замѣшательствѣ касательно Вашего классного жалованья: о семъ писать еще не успѣлъ: естьли не исправлено еще, надѣюсь, будетъ исправлено. *

2.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Ректоръ!

Любезнѣйшій Братъ!

Опять Вамъ путь: надѣюсь, однако, что Вы не скажете: левъ на пути. Вы переводитесь въ Семинарію Нижегородскую и въ монастырь Макарьевскій. Надобно признаться, что дѣла тамошней Семинаріи усмотрены не въ устройствѣ: даже до высшаго Начальства доходили жалобы учениковъ, основательныя, или нѣтъ, по крайней мѣрѣ означающія неустройство мѣста. Видѣли Ваше правильное дѣйствованіе въ настоящемъ мѣстѣ; и повѣряютъ Вамъ другое, чтобы Вы постарались привести оное въ правильное состояніе. Съ симъ вмѣстѣ открылся случай и по монастырю исправить неправильное прежнее перемѣщеніе Васъ: Вамъ не должно быть непріятно, что не хотѣли отложить сего далѣе.—Для новаго мѣста Вашего сообщу Вамъ мои мысли, которымъ Вы столько можете послѣдовать, сколько оправдаются онѣ собственными Вашими наблюденіями. Во первыхъ, какъ можно точно надлежитъ Вамъ уставить все по Уставу: тогда ни вѣтеръ сверху, ни вода снизу не поколеблютъ того, что Вы уставите. Какъ скоро будутъ отъ Васъ требовать чего бы то ни было, не опредѣленнаго Уставомъ: не допускайте при самомъ первомъ случаѣ, и естьли нужно не огорчить отказомъ, просите разрѣшенія отъ Высшаго мѣста. Инспекторъ дается Вамъ изъ Москвы: постарай-

---

тербургской Духовной Академіи, соч. Ил. В. Чистовича. Спб. 1857, стр. 268 и 441; также: «Обзоръ Русской Духовной Литературы, соч. Филарета, Архіепископа Черниговскаго,» кн. 2. Черниговъ, 1863, изд. 2-е, стр. 297; «Сборникъ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Рязанской Епархіи, соч. Архимандрита (нынѣ Епископа Орловскаго) Макарія», въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1863 г., кн. 2, стр. 108, и кн. 4, стр. 300. О. Б.

* Правописаніе вездѣ удержано подлинника. О. Б.

тесь стяжать единомысліе, которое и всегда, и особенно по обстоятельствамъ мѣста, Вамъ необходимо. Не оставьте его Вашими совѣтами во всемъ его дѣйствованіи и поведеніи. Ошибаюсь, или нѣтъ: но думаю, что онъ имѣетъ въ семъ не малую нужду, какъ человѣкъ и въ должности и въ мѣстѣ сугубо новый. Прошу Васъ показать ему сію часть сего письма: ибо мнѣ некогда особо сообщить ему мои мысли. Экономія Семинарская требуетъ вѣрнаго человѣка. Доселѣ такой едва ли былъ. Прежній Семинаріи Префектъ выведенъ изъ Епархіи; Коммиссары въ подозрѣніи по жалобамъ учениковъ и по приходорасходнымъ книгамъ. Выберите Эконома съ осмотрительностію.

Есть въ Семинаріи духъ ябеды. Лѣчите сію болѣзнь, не запуская. Перваго буяна, который окажется, исключите съ безчестіемъ, естьли не раскается со смиреніемъ: такимъ образомъ отпадетъ злая охота и у другихъ. Дай Богъ, чтобъ сего не случилось: а въ случаѣ нужды не медлите; или совсѣмъ изъ духовнаго вѣдомства, для чего и разрѣшенія отъ Высшаго Начальства просить не нужно; или естьли въ Епархіальное, то не медля испросить особенное разрѣшеніе, буде не во время обыкновеннаго исключенія встрѣтится такой случай. Впрочемъ мѣсто довольно образованное людностію; способныхъ учениковъ довольно; есть надъ чемъ потрудиться съ удовольствіемъ. Ко Владыкѣ Вашему * по сему я постараюсь написать о Васъ, хотя и не имѣю чести быть знакомъ ему. Простите. Господь да благословитъ и путь Вашъ и дѣло Ваше святымъ своимъ благословеніемъ. Съ симъ желаніемъ есмь

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшій слуга

Филаретъ Е. Ревельскій. **

Авг. 16, 1818.

---

* Моисею, въ свѣтѣ Михаилу Близнецову-Платонову, которой учился въ Троицкой Семинаріи, гдѣ съ 1792 преподавалъ Греческій, 1795 Еврейскій языки, того же года постригся и опредѣленъ Префектомъ, съ 1800 Префектъ Московской Академіи, 1804 Ректоръ, 1808 Епископъ Пензенскій, а съ 1811 г. Нижегородскій; скончался въ началѣ 1825 г. О. Б.

** Съ 5-го Августа, 1817 г., Епископъ Ревельскій, Викарій С.-Петербургскій, и по прежнему Ректоръ Академіи. О. Б.

Пишите ко мнѣ, о чемъ разсудите: о нужномъ отвѣчать постараюсь не медля.

Получ. 21-го Окт., 1818.

3.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Ректоръ!

Сѣтующее писмо Ваше изъ Рязани, съ сѣтованіемъ и получено мною. Сдѣсь не воображали, что перемѣщеніемъ поставляютъ Васъ въ такое искушеніе. Но дѣло было уже сдѣлано. Надѣюсь впрочемъ, что сіе не поколеблетъ Вашего духа.. Не всегда лучше тамъ, гдѣ пріятнѣе. Чѣмъ менѣе собственнаго удовольствія въ служеніи общему благу, тѣмъ чище совершается служеніе Богу. При томъ настоящее положеніе Ваше облегчается благонамѣренностію Архипастыря, и сотрудниками, которые, какъ мнѣ кажется, соединены къ Вашему спокойствію. Естьли не устроено мѣсто: тѣмъ болѣе пріобрѣтете Вы права на признательность Начальства, созидая не на чужемъ основаніи, чему, какъ Вамъ извѣстно, нѣкто весьма радовался. Разлука съ родными также есть выгода, хотя болѣзненная: замѣчено, что въ нашемъ состояніи близость родныхъ болѣе стѣсняетъ, нежели облегчаетъ, и вообще, когда Промыслъ отторгаетъ отъ частнаго любленія, сіе, по намѣренію его, есть влеченіе ко всеобщей любви, къ которой, ей, надобно поспѣщать, хотя и не безъ утомленія на пути. Послѣдуйте Промыслу, ведущему въ тѣсноту: онъ и на широту изведетъ Васъ. Примите благодушно трудную довѣренность Начальства: и оно не забудетъ Вашего послушанія. Надѣюсь, что Вы такъ и расположились. Пишите ко мнѣ, о чемъ найдете нужнымъ: поелику теперь сія переписка не будетъ преступленіемъ, то я буду стараться отвѣтствовать Вамъ о всемъ потребномъ.

Вашего Высокопреподобія
покорнѣйшій слуга
Филаретъ Е. Ревельскій.

Окт. 8, 1818.*

---

* Въ подлинникѣ и на подлинникѣ, кажется, ошибочно 1817 г., судя по предыдущему и послѣдующему письмамъ. О. Б.

4.

Благодарю, Высокопреподобнѣйшій Отецъ и Братъ, за извѣщеніе о Вашемъ переселеніи. Радуюсь, что нашли добрый пріемъ отъ Владыки. Господь да даруетъ Вамъ служеніе съ благословеніемъ во первыхъ Небеснаго Пастыреначальника, а по сему благословенію съ добрымъ расположеніемъ и земнаго Архипастыря и съ любовію стада словесныхъ агнцевъ.

Поспѣшаю извѣстить Васъ, что предшественникъ Вашъ по монастырю началъ дѣло о приписаніи новостроющейся на мѣстѣ ярмонки церкви къ монастырю. Не знаю, по чему онъ взялъ свѣтскую дорогу. Но дѣло выходитъ на прямый путь. Думаю, что отъ Владыки Вашего найдутъ справедливымъ и приличнымъ потребовать свѣдѣнія и мнѣнія; и дѣло, кажется, сбудется къ вознагражденію потерянныхъ Вашимъ монастыремъ пособій.

О выпискѣ книгъ есть правило въ Уставѣ. О выпискѣ новыхъ надобно представлять Академическому Правленію; а о принятыхъ уже классическихъ, для поспѣшности, прямо въ К. Д. У.,* чрезъ посредство Епархіальнаго Преосвященнаго, которому Семинарское Правленіе должно сдѣлать представленіе съ приложеніемъ реэстра званій и съ показаніемъ числа.

Больше некогда. Простите и благословите.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Филаретъ Е. Ревельскій.

Нояб. 22, 1818.

5.

Вопль обители Вашей, Любезный Отецъ и Братъ, старался я сдѣлать слышимымъ. Къ сожалѣнію приписаніе церкви къ Собору допущено уже Синодомъ. Однако мнѣ подана для обители

---

* Коммиссію Духовныхъ Училищъ. О. Б.

Вашей надежда. Начните опять дѣло такъ, чтобы оно достигло до Св. Синода, то есть, подайте Преосвященнѣйшему Вашему прошеніе о приписаніи церкви къ монастырю, съ изъясненіемъ причинъ, и просите, чтобы представить о семъ С. Синоду. Надобно и сіе послѣднее написать именно въ прошеніи, съ прибавленіемъ условія, естьли дѣло сіе, по какимъ либо обстоятельствамъ, Епархіальною властію разрѣшено быть не можетъ.—Владыкѣ Вашему нынѣ же пишу я коротко, что слышалъ отъ Васъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ Вашего монастыря, и прошу его на сіе вниманія и помощи. Не забудьте въ прозбѣ сказать и о удобности исправлять священнослуженіе монашествующимъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Филаретъ А. Т. *

Спб. Маія 23, 1819.

6.

Преподобнѣйшій Отецъ Ректоръ!

Любезный Братъ!

Благодарю за желаніе мнѣ постоянной радости: взаимно желаю, чтобы ничто не могло поколебать Вашей, и все могущее поколебать, отражено было, при помощи Божіей, терпѣніемъ, твердостію духа и осторожностію.

Позвольте мнѣ искренно сказать мои мысли о томъ, что слышится отъ Васъ.

Четыре учителя не по желанію Правленія: это вредно, естьли желаніе Правленія законно. И естьли въ опредѣленіи нежелаемыхъ отступлено отъ порядка: то можно было настоять силою разрядныхъ списковъ. Естьли же сіе не противорѣчило разряднымъ спискамъ: то не на что жаловаться.

---

* Архіепископъ Тверской, съ 15-го Марта, 1819 года, и вмѣстѣ членъ Св. Синода. О. Б.

Касательно участи служителей Вы исполнили долгъ и службы и человѣколюбія. Произшедшее за тѣмъ остается на совѣсти другаго, и не касается Вашей.

Кто чему подвергался прежде, за это Вы конечно уже не отвѣчаете. По сему о томъ и говорить не нужно.

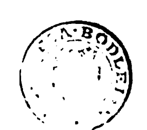
Естьли дѣло рѣшено безъ изслѣдованія; естьли ученикъ уволенъ изъ училища не по Уставу: вотъ время стать за правду. Съ сохраненіемъ скромности и должнаго уваженія къ Епархіальному Начальству, опираясь на необходимость законную, Семинарское Правленіе должно довести о семъ до Академическаго.

Что Семинарское Правленіе не признало виновнымъ учителя, который наказывалъ лозою: сего на законѣ съ точностью утвердить не можно. Такимъ рѣшеніемъ, а особливо наложеніемъ еще поклоновъ наказанному лозами, Правленіе подало противъ себя оружіе. Надобно было выйти изъ сего дѣла гораздо тише; но, разумѣется, не подвергать учителя никакому уничиженію.

Естьли какой исключенный ученикъ произведенъ во Священника ранѣе, нежели его товарищи, оставшіеся въ Семинаріи: Семинарское Правленіе можетъ довести о семъ до Академическаго Правленія на разсмотрѣніе, какъ о случаѣ, дѣлающемъ подрывъ порядку училищному.

Вотъ, по моему мнѣнію, что надобно дѣлать, а не бѣжать, ни пѣшкомъ, ни на конѣ. А щ е гонятъ вы во градѣ, бѣгайте въ другій: сія власть дана служителямъ не города, или дома, но служителямъ міра, которые, куда бы ни пришли, вездѣ у своего мѣста. Требовать себѣ такого права для насъ много. Естьли всѣ побѣгутъ, и никто не останется на мѣстѣ, то бѣгущимъ некуда будетъ и прибѣжать: сія нелѣпость указываетъ на истинную обязанность каждаго стоять на своемъ мѣстѣ и охранять его.

Вы хотите имѣть опытъ въ другомъ мѣстѣ: по чему Вы знаете, что (не) попадете въ мѣсто еще труднѣйшее? Чего же Вы себѣ просите такъ рѣшительно?

Сдѣлайте милость, Любезный Братъ, укрѣпитесь вновь, и продолжите подвигъ, который Вамъ ввѣренъ. Бывало говорили, что тамъ и пространная дверь, гдѣ сопротивніи мнози. Опасенія, при соблюденіи осторожности по силамъ, должно повергнуть въ руки Провидѣнія, котораго рука еще съ Вами въ томъ, что здѣсь извѣстны и добрыя свидѣтельства о службѣ Вашей въ прежнихъ мѣстахъ, и нынѣшнія обстоятельства Вашего мѣста. Вамъ вѣрно помогутъ въ томъ, чего справедливо просить будете. Для перемѣщеній съ приличіемъ надобно время.

Думаю, что Вамъ часто нужно возобновлять добрые совѣты сотруднику Вашему Инспектору. Съ разныхъ сторонъ слышно, что онъ имѣетъ въ томъ нужду.

Впрочемъ Тотъ, Кто далъ заповѣдь быть мудрыми яко змія, и непорочными, яко голуби, да поможетъ Вамъ исполнить сію заповѣдь во всѣхъ обстоятельствахъ жизни внутренней и внѣшней. Съ симъ желаніемъ есмь

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшій слуга

Филаретъ А. Ярославскій. *

Спб. Генв. 14, 1821.

Получ. 19 Маія, 1821.

7.

Преподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ и Ректоръ!

Благодарю за общеніе радости. Да даруетъ Господь и Вамъ радость Свою исполнену.

Благодарю и за вѣсть о чудесномъ событіи. Но вѣсти разнообразны. Да утвердится истина. Да вознесется рука Господня, не отвергающая и нашъ скудный вѣрою вѣкъ!

* Съ 26-го Сентября, 1820 г. О. Б.

Великъ у Васъ расходъ на учениковъ въ Гражданскую службу. Дай Богъ, чтобы сіе не означало, что свѣтскій духъ господствуетъ въ Духовномъ училищѣ. А что изъ малаго числа окончившихъ курсъ нѣкоторые и теперь не опредѣлены, сіе что значитъ?

Вѣроятно, Ваша Семинарія посѣщена будетъ членомъ Академіи. Готовьтесь показать и успѣхи и потребности Вашего мѣста.

Естьли правду Вы говорите, что между любопытными есть столь непроницательные, которые дѣлятъ свое любопытство между Грузіею и Ярославлемъ: то Вы могли бы сказать имъ, что Ярославль въ сравненіи съ Грузіею отнюдь не заслуживаетъ любопытства, и нѣкоторые изъ Ярославскихъ съ внутреннимъ убѣжденіемъ и охотно въ семъ признаются.

Во избытцѣхъ дѣлъ твоихъ не любопытствуй. Многи бо прельсти мнѣніе ихъ. Сир. III.

Не любопытства и мнѣнія, но истины и блага Вамъ желаю.

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшій слуга

Филаретъ А. Ярославскій.

Спб. Маія 16, 1821.

8.

Преподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ и Ректоръ! *

Слово радости, препосланное Вами ко мнѣ во имя Воскресшаго Спасителя міра, принялъ я съ сорадованіемъ и благодар-

* Писано чужою рукой, кромѣ 3-хъ послѣднихъ строкъ и приписки. О. Б.

ностію Молю Его благость, да будетъ Онъ для Васъ всегдашнимъ источникомъ чистой, укрѣпляющей во благомъ и ни чѣмъ неотъемлемой радости.

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшій слуга

Филаретъ А. Московскій. *

15 Апрѣля, 1824.

Непонятно, какъ могло случиться, что прошеніе Г. Благообразова о постриженіи не принято. Сколько я его знаю, онъ подаетъ о себѣ желаемую надежду. Естьли онъ чувствуетъ себя внутренно расположеннымъ къ сему званію: скажите ему, чтобы не колебался первымъ искушеніемъ.

9.

Давно бы надлежало мнѣ писать къ Вамъ, Преосвященнѣйшій, и благодарить Васъ за извѣщеніе о благополучномъ вступленіи Вашемъ въ паству. ** Простите мнѣ умедленіе. Не вижу, какъ проходитъ время. Не мало пробылъ въ Лаврѣ, и тамъ не безъ дѣла. Потомъ еще нѣсколько странствовалъ по Епархіи.

Имѣю къ Вамъ и прозбу отъ помѣщицы одного Вашего села, Евдокіи Михайловны Нарышкиной. При семъ записка. А можетъ быть, теперь уже и лично слышали Вы сію прозбу. Помогите: она не стала бы просить безъ нужды.

Но теперь особенно пробуждаетъ меня писать къ Вамъ отношеніе Ваше къ нашему Генералъ-Губернатору о Раскольническомъ попѣ.

---

* Съ 3-го Іюля, 1821 г. О. Б.

** Калужскую въ 1828 г. О. Б.

Что у Васъ за сношеніе съ Раскольниками, которыхъ Вы величаете Старообрядцами, какъ будто мы Новообрядцы? Какъ Вы сами хотите выдать имъ бѣглеца, когда Гражданское Начальство Вамъ выдаетъ его? Какъ не сдѣлалъ онъ преступленія? Побѣгъ отъ церкви, измѣна Священнической присягѣ, развѣ у Васъ не важное преступленіе? Возмите бѣглеца, и предайте законной отвѣтственности; иное дѣло терпѣть, когда таковыхъ не выдаетъ Гражданское Начальство; а Епископу самому отпускать бѣглеца и раскольника есть предательство Іерархіи. Естьли Вы продолжите Вашу поблажку: то какъ попъ сей развращалъ людей въ моей Епархіи, я обязанъ буду донести Святѣйшему Синоду о Вашемъ послабленіи. Чтобы мнѣ не быть вынуждену къ сему, прошу извѣстить меня, что Вы сдѣлаете послѣ сего письма.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.*

Авг. 16, 1828.

10.

Миръ со духомъ Вашимъ, Преосвященнѣйшій!

Вторымъ отношеніемъ Вашимъ о бѣгломъ я доволенъ, и споръ съ Вами кончился.

О лѣсныхъ церковныхъ дачахъ неудобь сказаемое слово. Помнится, было представленіе въ Синодъ, и Синодъ усомнился дозволить продажу. А естьли бы и дозволена была продажа: деньги слѣдуютъ не на сиротъ, а должны составить постоянный капиталъ въ пользу тѣхъ церквей и причтовъ, которымъ дачи принадлежатъ. Мнѣ кажется, лучше сперва для опыта продать отъ ста до

* Съ 22-го Августа, 1826 г. О. Б.

трехъ сотъ десятинъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сіе вѣрнѣе сдѣлано быть можетъ: опытъ указалъ бы путь для будущаго. Естьли Евфимій отрекся доказывать: почему не приступить къ выпискѣ? Но едва ли удобно предварительно представлять о семъ С. Синоду: а надобно рѣшиться Вамъ съ Коммиссіею, естьли дѣло дастъ основаніе къ сей рѣшимости.

Словъ Преосвященнаго Григорія * о Семинарскомъ зданіи не понимаю. Не то ли они значатъ, что на семъ мѣстѣ нечего дѣлать, а надобно избрать другое, и назначить одно для Семинаріи, а другое для низшихъ училищъ?

Знаю, что занятіе мѣстъ въ Вашей Епархіи при нѣкоторыхъ Вашихъ предшественникахъ было не на радость преемникамъ. Что дѣлать? Надобно то, что досталось, употреблять съ разумомъ и со страхомъ Божіимъ. Да поможетъ Вамъ Богъ и доброе сохранить, и худое исправить.

Филаретъ М. Московскій.

Окт. 4, 1828.

11.

Преосвященнѣйшій Владыко! **

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Благословенъ Христосъ Господь, Начальникъ мира, Ходатай благоволенія Божія, Обновитель человѣчества: Благословенъ Онъ и за сей даръ, что даже донынѣ торжественное воспоминаніе

---

* Предшественника Гавріилова въ Калугѣ, въ свѣтѣ Егора Постникова, сотоварища его по Академіи, Профессора и Ректора ея; съ 1822 г. онъ Епископъ Ревельскій и Викарій С.-Петербургскій, 1825 Калужскій, съ 1829 Рязанскій Архіепископъ, съ 1831 Тверской, съ 1848 Казанскій, съ 1856 Митрополитъ Новогородскій и С.-Петербургскій; скончался въ 1860 г. О. Б.

** Не собственноручное, кромѣ 2-ой строки, а также двухъ послѣднихъ и всей приписки. О. Б.

спасительнаго явленія Его знаменуется миромъ и взаимнымъ соутѣшеніемъ между вѣрующими въ Него и служащими Ему. Съ такою благодарностію получилъ я отъ Вашего Преосвященства слово утѣшенія и доброжелательства во имя Рождшагося Спаса нашего. Молю благость Его, да сохраняетъ Васъ нынѣ въ мирѣ и Благодати, въ здравіи и обновленіи жизни, ко благу Церкви.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

31 Декабря, 1828.

Представленіе о Протоіереѣ поздно: дѣло о награжденіяхъ кончено. Не знаю, можно ли будетъ что сдѣлать. Да, сколько я слышалъ, и Протоіерею ближе думать о смерти, нежели о митрѣ.

Дѣло о братѣ Вашемъ лежитъ у меня, по недоумѣнію. Противорѣчить Вамъ не хочется; а множество опытовъ показываютъ, что Архіерею брать къ себѣ брата значитъ брать себѣ искушеніе. Даже свѣтскіе начальники это знаютъ: и отсылаютъ близкихъ родственниковъ служить къ другимъ начальникамъ. Представите брата къ наградѣ: въ Синодѣ будетъ вопросъ: по достоинству, или по братству? Разсуждайте сами, пока дѣло не сдѣлано, и рѣшитесь на то, что найдете лучшимъ.

12.

Ходатайства къ Вашему Преосвященству проситъ Анна Михайловна Хитрова, дочь Князя Смоленскаго, чтобы, по случаю перемѣны Архимандрита Иннокентія, поставили Вы преемника его во вниманіе къ монастырю, которому она усердствуетъ въ память своего супруга. Знаю, что и безъ ходатайства Вы сіе сдѣлаете, но я обѣщалъ ей, чтобы успокоить ее; а обѣщанное

должно уже исполнить. Для меня желательно знать, какъ Вы найдете сего Архимандрита.

На переведенiе брата Вашего согласился, исполнивъ долгъ искренности, сказать Вамъ мысли мои о семъ предметѣ. Желаю, чтобы въ семъ случаѣ удовольствiе Ваше совершенно согласно было съ пользою.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшiй слуга

Филаретъ М. Московскiй.

Генв. 21, 1829.

13.

Преосвященнѣйшiй Владыко! *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Слава въ Вышнихъ Богу и нынѣ. Еще Ангелы Церкви благовѣствуютъ миръ Хрiстовъ землѣ и благоволенiе Божiе къ человѣкамъ. Съ радостiю слышу, радость Господню благовѣствующiй гласъ Вашего Преосвященства. Откликаюсь сорадованiемъ, и молюсь, да Воплотившееся Слово продолжитъ и умножитъ Вамъ силу гласа и духа, и обновитъ здравiе Ваше, для подвиговъ распространенiя Евангелiя Царствiя въ познанiи и въ житiи вѣрующихъ.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшiй слуга

Филаретъ М. Московскiй.

Генваря 2 дня, 1830.

---

* Не собственноручное, кромѣ двухъ послѣднихъ строкъ и приписки. О. Б.

Землю упраздняемой церкви отдать Попечительству закона нѣтъ. И какъ будетъ управлять ею Попечительство? Но естьли она съ своею церковію припишется къ ближайшей церкви по закону, и будетъ приносить доходъ: то можно будетъ часть сего дохода велѣть отдавать Попечительству.

Естьли Профессоры, вступившіе въ бѣлое духовенство, должностей училищныхъ оставлять не хотятъ, а упущенія въ нихъ дѣлаютъ: нечего церемониться; вредъ училищу попустить хуже, нежели сдѣлать непріятность одному учителю лѣнивому.

Что у Васъ восемь Священниковъ ушло въ Расколъ, я слышалъ уже прежде Вашего письма, и хотѣлъ писать къ Вамъ, что не должно сего оставить безъ вниманія. По моему мнѣнію, Вы правильно поступите, естьли о нихъ съ обстоятельною справкою донесете С. Синоду однимъ донесеніемъ, для обращенія вниманія на то, что попущеніемъ таковыхъ побѣговъ во множествѣ ненаказанно, Расколъ пріобрѣтаетъ лжеучителей, къ усиленію своему и ко вреду Церкви. Естьли которые изъ нихъ состоятъ подъ судомъ, или за ними есть церковныя деньги, сего не надобно пропустить въ представленіи, которое тѣмъ болѣе необходимымъ и сильнымъ должно предшествоваться.

Представленіе по Боровскому монастырю удобопріятно: только продавать драгоцѣнности нынѣ время не самое благопріятное.

14.

Простите меня, Преосвященнѣйшій, что я умедлилъ отвѣтомъ на писмо Ваше съ двумя проповѣдями.

Въ первой остановило меня приложеніе къ выбору судей заповѣди о рукоположеніи Святительскомъ. Двѣ вещи очень разныя: и смѣшеніе ихъ мнѣ показалось очень страннымъ. Но довѣренность къ Вамъ препятствовала моей довѣренности къ моему

соображенію: и по тому я рѣшился прочитать Владыкѣ * сію часть Вашей проповѣди. Онъ утвердилъ меня въ моихъ мысляхъ. Поелику же на изреченіи: руки не скоро возлагай основано все вступленіе проповѣди, то я и не знаю, что съ симъ дѣлать.

Обратился я къ другой Вашей проповѣди, въ надеждѣ, что буду согласенъ съ Вами. И здѣсь обращеніе къ судіямъ изъ устъ ласкателей изреченія, сказаннаго Богомъ о Богѣ: сіи людіе устами и пр. показалось мнѣ принужденнымъ; но это черта частная. И Наѳанъ пророкъ, а не судія; и потому примѣръ его только бокомъ прислоненъ къ дѣлу: но за сіе также не много спора.

Когда же дочитался я до того мѣста, гдѣ Вы Валаама представляете въ примѣръ безкорыстія; и вспомнилъ слова Апостола Іуды: въ лесть Валаамовы мзды устремишася, Іуд. 11, то прошу не прогнѣваться, не могу себя заставить согласиться съ Вами, что Валаамъ есть примѣръ безкорыстія, а лучше соглашусь съ Апостоломъ, что Валаамъ есть примѣръ мздоимства и корыстолюбія.

Ошибаюсь, или нѣтъ, предоставляю судить Вамъ, или избрать другаго совѣтника: только я не могу подать голоса на печатаніе сихъ проповѣдей въ настоящемъ ихъ видѣ. Возвращаю ихъ.

Преосвященному Никодиму не слѣдовало посылать бѣглаго чрезъ Духовную команду: но естьли уже послалъ, то можно бы и принять, чтобы не уничижать собрата.

Что за раскольническое дѣло, по которому судятся Полицемейстеръ и Священникъ, и кто далъ ему сіе направленіе? Какъ бы то ни было, Священника, или Протоіерея, не могутъ наказать безъ Васъ: а Вы властны представить Синоду, естьли онъ невиненъ, или извинителенъ.

---

* Викарію Иннокентію, съ 23-го Мая, 1827 г. по 1831 г., когда переведенъ въ Курскъ, оттуда въ Волынь, а послѣ въ Орелъ, гдѣ и скончался. О. Б.

О искушеніи, встрѣтившемся съ Вами въ Рождество Христово, много скорбѣть не надобно. Клевета открыта тихо, и причина уничтожена. Та же клевета могла открыться доносомъ, и сіе было бы затруднительнѣе. Это благополучно, что имѣете близъ себя человѣка благоговѣйнаго и правдолюбиваго.

По дѣлу о пятнинѣ Угачова ничего еще сказать не могу.

Желаю Вашему Преосвященству въ радость Воскресенія Христова внити полную и неотъемлемую.

Филаретъ М. М.

Марта 31, 1830.

15.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Въ свѣтломъ торжествѣ Церкви во славу Воскресенія Спасителя и Бога нашего, Іисуса Христа, какъ явственно, даже донынѣ продолжающееся, событіе предсказанія Его: возрадуется сердце Ваше, и радости Вашея никто же возметъ отъ Васъ, и уже нынѣ начинающееся событіе, въ вѣчность простирающейся молитвы Его о вѣрующихъ: да вси едино будутъ! Какъ расширяются сердца и объятія, какъ соединяются души любовію въ вѣрѣ.

Въ сихъ помышленіяхъ и чувствованіяхъ простираю къ Вашему Преосвященству взаимныя объятія, и цѣлую Васъ во Господѣ, въ Которомъ, по благодати Его, соединены мы единымъ общимъ служеніемъ, и молю Его, да радость Его не престанетъ

---

* Не собственноручное, кромѣ послѣднихъ 3-хъ строкъ и приписки. О. Б.

исполнять духъ Вашъ, и жизнь Его обновлять жизнь Вашу, къ благопоспѣшному продолженію полезнаго и спасительнаго служенія Церкви Его.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Апрѣля 14 дня, 1830.

Желаю, чтобы сонъ О. Филадельфа предвѣщалъ полезное ему и службѣ.

Въ Лютиновъ выбирать Ваше дѣло. Но спѣшить ли выводить въ Архимандриты полувыздоровѣвшаго Инспектора, подумайте пристально. Много уже больныхъ ученыхъ Іеромонаховъ и Архимандритовъ, и тѣмъ хуже, что и Архимандритовъ.

По представленію о училищныхъ зданіяхъ еще не докладывано.

16.

Благодарю Вашему Преосвященству за доброе желаніе на мое возвращеніе домой.

Простите, что умедлилъ писать. Тѣмъ больше дѣла, чѣмъ менѣе живу въ Москвѣ, не первый уже годъ.

Мнѣніе о иконныхъ комитетахъ не кажется мнѣ самымъ удобнымъ. Предстоятъ: менежрія, притѣсненія, споры и суды. А искуства любятъ свободу. И то правда, что трудно придумать легкій способъ противъ злоупотребленій. Подождемъ, что разсудитъ С. Синодъ по многому совѣту.

Настоятель для Лютинова отдаленный конечно неудобенъ: это на время. Естьли продлится: Вы въ правѣ напомнить.

Діакона во Священника произвесть недоученаго, по моему мнѣнію, явно противно Высочайше утвержденному положенію:

ибо у Васъ избытокъ ученыхъ. По наслѣдству отдавать мѣста есть правило запрещающее, а позволяющаго нѣтъ.

Не знаю, заслужилъ ли я, чтобъ и Вы благодарили меня за Преосвященнаго Павла: * но посмотрите, что я у него выслужилъ. Онъ до сихъ поръ не увѣдомилъ меня, здорово ли доѣхалъ до Костромы, хотя я и просилъ его о томъ.

Много благодарю Васъ, что терпѣливо приняли мои прежнія, не знаю, вѣрно ли справедливыя, но искреннія, мысли.

Прошу Вамъ помощи Божіей во всемъ благомъ.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Іюля 26, 1830.

17.

О Боровскомъ оказательствѣ раскола процессіею и наружными, церквамъ присвоенными, принадлежностями часовни, совѣтую Вашему Преосвященству смиренно отнестись къ Первенствующему Члену С. Синода.

Отъ Малоярославецкаго Архимандрита о займѣ прозбу принять и представить можно. Предлагаемое обезпеченіе подаетъ надежду къ успѣху: а естьли бы и не удалось, нѣтъ никакого стыда.

Вчера отвѣчалъ Вамъ поздно: за то на нынѣ полученное писмо отвѣта не отлагаю до завтра.

Филаретъ М. Московскій.

Іюля 27, 1830.

---

* Петръ, въ монашествѣ Павелъ Подлипскій, Кандидатъ С.-Петербурской Духов-

18.

Посмотрите, Преосвященнѣйшій, что иногда и я не такъ лѣнивъ, какъ въ другое время. Сейчасъ получилъ писмо Ваше отъ 17 дня, и отвѣтствую.

За довѣренность касательно Вашего покаяннаго слова благодарю. Я очень радъ одобрить его: но это было бы не оффиціально; а и малое недарованное восхищать не должно. По тому я предложилъ слово Ваше Цензурному Комитету, и, по одобреніи, отдамъ для напечатанія.

Вы скажете, что я печатаю же свои проповѣди безъ цензуры. Отвѣтствую: и это дерзость, но меньшая. Употребилъ я ее для скорости: ибо двѣ изъ четырехъ проповѣдей, въ сіе время напечатанныхъ, мнѣ вздумалось предложить Священникамъ для прочтенія въ церквахъ (что и сдѣлано), и по тому надлежало не пропустить времени. Для Васъ подобной скорости, или поспѣшить, по мѣстному разстоянію быть не можетъ: и по тому нѣтъ подобнаго основанія выйти изъ обыкновеннаго порядка.

Радуюсь и тому, что Богъ хранитъ Вашу область, и тому, что мысль объ опасности обращаетъ людей къ Богу. И здѣсь, кромѣ больныхъ, Духовенство занято здоровыми, какъ великій постъ, или болѣе.

Кадеты Корпуса захотѣли пріобщаться Святыхъ Таинъ: а начальники ихъ испугались сего такъ, что и по моимъ чрезъ Священника словамъ не рѣшились дозволить. Надлежало доложить Государю Императору. Онъ не только дозволилъ: но перекрестился отъ удовольствія о расположеніи кадетовъ.

Пожертвованіе изъ кошельковой суммы для страждущихъ съ древними Церковными правилами согласно.

Обращаюсь къ Вашимъ прежнимъ писмамъ.

ной Академіи 1-го выпуска, съ 1838 года Епископъ Костромской, съ 1836 Черниговскій, съ 1839 Архіепископъ; умеръ въ 1861 г. О. Б.

Соединять ли Училище съ Семинаріею, судите сами. Я сказалъ О. Ректору, и опять скажу мое мнѣніе, что соединить въ одинъ домъ 800 человѣкъ Семинаристовъ и учениковъ низшихъ училищъ до крайности неудобно, и въ отношеніи къ хозяйству и въ отношеніи къ нравственности. Какой полицмейстеръ усмотритъ за такой многочисленною толпой? Въ Кадетскихъ Корпусахъ военная дисциплина помогаетъ порядку: но и при семъ томъ, въ многолюдныхъ и беречь и исправлять нравы оказывается чрезвычайная неудобность. Гдѣ 100 въ Семинаріи и 100 въ Уѣздномъ Училищѣ: тамъ пусть соединяютъ ихъ.

Не прогнѣвайтесь, естьли еще остается, на что не отвѣчаю. Столько успѣваю.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Окт. 22, 1830.

Проповѣди мои пошлю Вамъ или при семъ, или особо.

Изъ монашествующихъ для Боровскаго Ректорства не имѣю въ виду. Извольте поискать сами.

19.

Преосвященнѣйшій Владыко! *

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Въ духѣ мира и любве Христовы срѣтаюсь со святительскимъ духомъ Вашего Преосвященства, дабы, въ единствѣ слу-

---

* Не собственноручное, кромѣ 2-ой, 3-хъ послѣднихъ строкъ и всей приписки. О. Б.

женія, вмѣстѣ съ Вами прославить Бога, еще обновляющаго намъ лѣта житія долготерпѣніемъ и благодатію, дабы просить отъ Него Вамъ храненія и споспѣшествованія ко благу Церкви Его, и дабы наконецъ просить мнѣ молитвъ Вашихъ, Богу угодныхъ, немощи моей потребныхъ.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Генваря 8, 1831.

Сожалѣю, что искушеніе болѣзнію коснулось и Вашего града и духовенства. Слава Богу, что не продолжилось. А что за странность, что Духовенство особенно пострадало? Не отъ холеры же? У меня одинъ Священникъ точно такъ умеръ, только отъ назначенія ходить въ холерную больницу, не бывъ еще въ больницѣ. И холера увѣщеваетъ, чтобъ уповали на Бога.

Естьли Вы дозволите обрядъ раскольническій одинъ, одному: то какъ запретите другимъ, другіе?

20.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Естьли единеніе вѣрующихъ со Хрістомъ, и во Хрістѣ между собою было высокимъ предметомъ Его собственной молитвы, и есть основаніе блаженства: то по истинѣ благословенны торжественныя минуты, въ кои хотя начатокъ сего единенія, съ именемъ Хріста воскресшаго въ сердцѣ и въ устахъ, выражается

---

* Тоже не собственноручное, кромѣ 2-ой строки, 2-хъ послѣднихъ и приписки. О. Б.

восклицаніями, объятіями, и въ отдаленіи и писменами. Въ таковомъ общеніи съ Вашимъ Преосвященствѣ, славлю Господа, благодарю Васъ, молю Его о преуспѣяніи въ Васъ и чрезъ Васъ Его священнодѣйственной благодати, и себя молитвамъ Вашимъ поручаю.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М: Московскій.

Апрѣля 28 дня, 1831.

Позабочусь, чтобъ въ Семинарію Вашу не опредѣлили не полезнаго.

21.

Простите, Преосвященнѣйшій, что я умедлилъ благодарить Васъ за писмо отъ 1 Маія. Меня часто недостаетъ для приличій. Нужда пробуждаетъ меня скорѣе. Такъ хочу отвѣчать на писмо отъ 17 дня сего мѣсяца.

Захарій, по служенію, лучшій діаконъ въ Соборѣ. Только, кажется, искушается первенстволюбіемъ. Естьли угодно, возмите его. Я никогда не желаю держать человѣка по неволѣ. У меня же въ Архангельскомъ Соборѣ діаконы лучше Успенскихъ.

Послушники изъ разныхъ состояній съ увольненіями естьли не опредѣлены въ монастырь указомъ, не принадлежатъ къ духовному вѣдомству, и по тому не йдутъ подъ указъ о разборѣ. Изъ нихъ неодобряемаго въ поведеніи надобно просто выслать за монастырскія ворота. Опредѣленные указомъ, и не одобряемые въ поведеніи, или прямѣе, безнадежные, должны быть отданы въ военную службу. А одобряемые въ поведеніи, хотя и сверхштатные, должны быть оставлены. Таковъ, по моему мнѣнію, смыслъ указа.

Ученики, исключенные по окончаніи Философскаго курса, не слѣдуютъ къ разбору: слѣдственно также исключенные изъ

Богословій, поелику и они окончили курсъ Философскій. Изъ приведеннаго выраженія указа слѣдуетъ, что исключенные изъ Философіи прежде окончанія курса слѣдуютъ въ военную службу: Такъ разрѣшилъ я своей Консисторіи. Ученики, исключенные за худое поведеніе, изъ какого бы класса ни были, должны быть отданы въ военную службу, по общему разуму указа; хотя о семъ нѣтъ въ немъ особой статьи.

Приватно обучающіеся, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ разряду исключенныхъ, доколѣ не приняты въ училище формально, и по тому слѣдуютъ въ военную службу. Но мои Консистористы думаютъ иначе, придираясь къ слову обучающіеся, поставленному въ докладѣ. Я думаю представить о семъ на разрѣшеніе С. Синода.

Впрочемъ, слушаясь Васъ, я пишу толкованія на такой актъ, въ составленіи котораго я не участвовалъ, и который и для меня во многихъ случаяхъ не сказываетъ, что хотѣли сказать сочинители. На примѣръ: они говорятъ: единственнаго сына пятидесятилѣтняго Священника, дѣйствительно служащаго, имѣющаго мѣсто и содержаніе, такого Священника сына оставить ему въ подпору. А единственнаго сына сорокадевятилѣтней вдовы, безмѣстной, бездоходной, имѣющей, может быть, еще дочерей на рукахъ, не во сто ли разъ нужнѣе оставить ей въ подпору? Но они не говорятъ о семъ. Подумываю и о семъ представить; но еще нѣтъ въ виду прозбы сего рода; и непріятно доводить и у насъ до того, что нерѣдко у свѣтскихъ, чтобы на одинъ законъ было много дополнительныхъ постановленій; и когда поворотиться въ четыре мѣсяца?

Господь да умудряетъ Васъ во благое. Прошу молитвъ Вашихъ.

Филаретъ М. Московскій.

Іюля 22, 1831.

22.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Въ выборѣ Вашемъ въ Могилевъ не имѣлъ я участія. Тѣмъ удобнѣе признаете Вы безпристрастнымъ то, что скажу Вамъ о семъ, соотвѣтствуя довѣренности Вашей откровенно.

Что въ Могилевѣ труднѣе, нежели въ Калугѣ, это правда. Но то совершенно ложно, будто туда посылаютъ въ наказаніе. Святѣйшій Синодъ смотритъ на высшія мѣста, какъ на высшія, на трудныя, какъ требующія преимущественно людей способныхъ и достойныхъ. Преосвященный Павелъ пользуется добрымъ мнѣніемъ Владыки: и по сему мнѣнію избранъ прежде въ Могилевъ, а теперь въ Тобольскъ. И Васъ избрало вѣрно доброе мнѣніе, а не худое.

Просить оставленія въ Калугѣ, то есть, требовать, чтобы Синодъ и Государь перемѣнили свое рѣшеніе, было бы, по моему мнѣнію, и не довольно скромно, и не довольно надежно, чтобы послушали. Порядокъ управленія неохотно терпитъ таковыя произвольности. Знаю, что въ прежнее время иногда угождали людямъ: но, можетъ быть, отъ того не выигрывало управленіе, и дошло до того, что нужнѣе угождать потребностямъ управленія, нежели людямъ.

Просить Вамъ отставки, мнѣ кажется, рано. Мало ли изъ насъ нездоровыхъ? Взять ли со всѣхъ иго Хрістово, и положить на крѣпкихъ силою воловъ и ословъ? Естьли Вы служили бы еще въ Калугѣ: то, по моему мнѣнію, надобно служить и въ Могилевѣ. Легче ли Вашего шествовать Павлу въ Тобольскъ, и Мелетію * въ Иркутскъ? По крайней мѣрѣ не въ холодной климатъ пойдете Вы съ Вашею немощію.

* Михаилъ Леонтовичъ, Магистръ С.-Петербургской Академіи 1-го выпуска, съ 1819 г. Инспекторъ, съ 1824 Ректоръ Кіевской Академіи; скончался Архіепископомъ Харьковскимъ 1840 года. О. Б.

Надобно признаться, что и мнѣ приходитъ мысль объ отставкѣ, какъ то случилось именно на сихъ дняхъ, когда я черезъ силу ѣхалъ изъ Лавры, получивъ указъ о рукоположеніи Михаила въ Оренбургъ. Да и сего дня, тщетно силившись преодолѣть немощь, я принужденъ былъ не быть на молебнѣ по случаю взятія Варшавы. Однако и я еще не рѣшился. А мнѣ череда, кажется, прежде Васъ.

Кратко сказать, совѣтую Вамъ о себѣ, какъ можно, слѣдовать указанію Провидѣнія Божія, и не избирать себѣ своего пути безъ крайней нужды. Возмите на путь въ Могилевъ терпѣніе, осторожность, намѣреніе, ищущее не своихъ си, но яже Господа, и Господь поможетъ Вамъ.

Не безъ основанія могу сказать Вамъ, что вниманіе Государя Императора, по особеннымъ причинамъ, обращено на Могилевъ болѣе, нежели на Калугу, и Ваше дѣйствованіе благоразумное съ терпѣніемъ, твердое съ кротостію, обратитъ на Васъ взоръ Его благоволенія.

Впрочемъ молю Бога, чтобы Онъ Васъ и наставлялъ и сохранялъ, поручая и себя взаимно молитвамъ Вашимъ.

Ваше Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Сент. 8 дня, 1831 года.

Для полученія Инспектора напишите къ Преосвященному Тверскому. Я не знаю, что теперь дѣлаетъ Коммиссія Д. У.

Указные причетники въ разборъ не йдутъ, по моему мнѣнію, и, кажется, по недавнему объяснительному указу Святѣйшаго Синода.

23.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Благодарю за благовѣстіе радости Христа рождшагося. Радость сія да будетъ исполнена въ Васъ, и съ обновленіемъ лѣта обновленіе и приращеніе благодати да подастъ Вамъ въ подкрѣпленіе и утѣшеніе Ваше, и на пользу благаго служенія.

Теперь Вы знаете, что я правду говорилъ Вамъ о перемѣщеніи Вашемъ по благоволенію, а не по неблаговоленію. Съ новымъ знаменіемъ благоволенія Государя могу Васъ поздравить. Благодушествуйте паче и паче, и дѣйствуйте въ чистотѣ Божіей, въ кротости, но и съ твердостію, достойною истины.

Правительство обращаетъ вниманіе на то, какъ помѣщики Католики вредятъ Православію, и не дѣлаютъ должнаго для церквей Православныхъ. Можно надѣяться, что побудятъ.

Дѣла о Стратоновичѣ не слышу еще въ Синодѣ. Тогда увижу, будетъ ли основаніе поставить Вашу мысль. Отвѣтъ Вашъ на его рѣчь я пересказалъ сотрудникамъ, и мы сказали Вамъ спасибо.

Вспомогательные оклады Вашему Духовенству назначены несравненно щедрѣе, нежели по другимъ Епархіямъ.

Выдавать ли окладъ мѣщанамъ, правящимъ должность за Дьячковъ? Не умѣю отвѣчать: по тому что законъ не знаетъ сего, а требуетъ Дьячковъ.

Что окладъ можно давать цѣлому причту, а иногда Священнику и причетникамъ землю, это, помнится, сказано въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ.

Просить оклады въ полное распоряженіе Архіерея, у иного Архіерея полезно было бы, а у иного нѣтъ. Такая прозба не

будетъ по мысли Министерству Финансовъ. Вездѣ любятъ нынѣ контроль.

Разсужденія и вопросы Ваши меня не безпокоютъ. Что умѣю, охотно говорю, прося и Васъ говорить мнѣ, что на пользу видите.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Генв. 3 дня, 1832 года.

24.

Преосвященнѣйшій Владыко! *

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Велія сила Воскресенія Хрістова, не только тогда, когда оно благовѣствуется вѣдущими невѣдущимъ во спасеніе, но и тогда, когда благовѣтствуется вѣдущими вѣдущимъ, для обновленія и умноженія радости спасенія.

Съ возрастающею радостію обрѣтаю себя во взаимномъ съ Вашимъ Преосвященствомъ общеніи слова Хрістова, и, не смотря на разстояніе, пріемлю отъ Васъ, и простираю къ Вамъ, цѣлованіе во имя Воскресшаго Спасителя нашего.

Молю Его, да будетъ Вамъ выну присущъ благодатію Своею, миромъ и радостію Своею, и всесильною помощію Своею во ввѣренномъ Вамъ дѣлѣ царствія Его.

Съ искреннимъ почтеніемъ и, яже о Господѣ, любовію есмь

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Апр. 21 дня, 1832 года.

---

* Не собственноручное, кромѣ 2-й, послѣднихъ 3-хъ строчекъ и цѣлой приписки. О. Б.

Обращеніе Унитовъ приняли здѣсь съ радостію всѣ, начиная отъ Государя Императора. Сіе должно Васъ утѣшить въ трудностяхъ, кои встрѣчены Вами въ сей Епархіи.

О поіезуитскомъ костелѣ беремъ свѣдѣніе. Увидимъ, что дѣлать.

Государь Императоръ, по собственному побужденію, повелѣлъ осмотрѣть церкви и Вашей Епархіи, по примѣру Подольской и Волынской. Естьли бы мы спрошены были: то, вѣроятно, сіе дѣлалось бы чрезъ Васъ. Но какъ объявлено повелѣніе: то надлежало исполнить оное по прежнему. Я предлагалъ послать кого нибудь изъ Петербурга, такъ какъ изъ Москвы и Кіева уже посылали: но по разнымъ обстоятельствамъ въ Петербургѣ не нашлось, кого послать. Назначили Протоіерея изъ Москвы: онъ занемогъ. Принуждены были назначить изъ Калуги Протоіерея Звѣрева. Колебались между двумя мыслями: могло быть на пользу, что будетъ осматривать человѣкъ, Вамъ знакомый, тѣмъ свободнѣе сношеніе съ Вами; могла быть и неловкость въ томъ, что человѣкъ, недавно Вамъ подчиненный, явится съ порученіемъ отъ Святѣйшаго Синода. Нужда заставила рѣшиться: ибо надобно было, чтобы посылаемый былъ извѣстный. Сіе разсказываю, чтобы Вы усмотрѣли, что Вамъ надлежитъ извлечь изъ сего распоряженія возможную пользу, а не выводить никакихъ непріятныхъ заключеній.

Нѣкоторый случай заставляетъ меня написать къ Вамъ мысль, которую конечно и безъ меня Вы имѣете и соблюдаете: въ отношеніи къ людямъ разныхъ исповѣданій надобно со всею свободою и силою открывать убѣжденіе въ достоинствѣ Православнаго исповѣданія; но въ обличеніи заблужденій и заблуждающихъ терпимость, спокойствіе, кротость, снисхожденіе, осторожность также нужны, какъ и ревность.

25.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Въ чемъ желали Вы прощенія 20 Августа, въ томъ дайте мнѣ прощеніе 19 Ноября,—въ долгомъ молчаніи.

Естьли съ одной стороны прискорбно видѣть, вмѣстѣ съ Вами, паству Вашу въ расточеніи: то утѣшительно съ другой, что Вы, хотя по немногу, пріобрѣтаете Церкви.

Просить ли пренесенія мощей Преподобныя Евфросиніи, надобно много подумать, прежде нежели рѣшиться. Естьли при семъ Богу угодно будетъ явить руку Свою, какъ теперь въ Воронежѣ: польза очевидна. Но кто разумѣ умъ Господень? Кто предскажетъ, что сотворить угодно Ему будетъ! Естьли же дѣло будетъ состоять въ одной церемоніи: то враги найдутъ, что сказать противъ сего.

Разговоръ о Православіи печатанъ отъ Синода. Изъ сего видно, гдѣ искать его, естьли нужно.

Мы слушали въ Коммиссіи Д. У. два представленія объ одномъ предметѣ въ противномъ смыслѣ, Ваше и Преосвященнаго Подольскаго. Чтобы лучше понять дѣло, я рѣшился предложить Вамъ обоимъ вопросы. Его спросилъ я: почему онъ хочетъ закрыть классъ Польскаго языка, когда Вы открываете? А Васъ спрашиваю: почему Вы открываете классъ Польскаго языка, когда Преосвященной Подольскій хочетъ закрыть оный?

Вы хотите вдругъ сдѣлать пять или шесть кавалеровъ: но какъ люди думаютъ, что цѣлаго стада отличныхъ не бываетъ, то представленіе многихъ вдругъ затрудняетъ успѣхъ и для немногихъ достойныхъ, которые заброшены въ кучу представленныхъ.

Загадочно для меня выраженіе Ваше, что переводомъ Архимандрита Амвросія въ другую Епархію можно сохранить честь его. Естьли онъ хорошъ: то почему не бережете Вы его у себя?

Что ксендзы вмѣсто любви проповѣдуютъ злобу: о томъ будетъ извѣстно, кому знать должно.

Съ братскою во Христѣ Господѣ любовію есмь

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Нояб. 22, 1832.

26.

Преосвященнѣйшій Владыко! *

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Хотя радость воскресенія Христова по предмету своему полна и совершенна: однако, чрезъ взаимное сообщеніе между соединенными единомысліемъ вѣры въ общаго Спасителя и Бога, подобно какъ свѣтъ чрезъ преломленіе и отраженіе, пріемлетъ новый блескъ, услаждающій душу созерцателя. Посему слово радости и благихъ желаній, которое Вы преподали мнѣ во имя Господа воскресшаго, принялъ я съ искреннею благодарностью, какъ благое пріобрѣтеніе. И взаимно привѣтствуя Васъ тою же радостію, Щедродаровитаго Виновника ея молю, да Своею Божественною радостію и миромъ исполняя, подкрѣпляя и обновляя жизнь Вашу, выну споспѣшествуетъ Вамъ въ служеніи слову истины и спасенію душъ.

Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

11 Апрѣля, 1833 г.

---

* Не собственноручное, исключая 2-ой строки, 3-хъ послѣднихъ и всей приписка. О. Б.

Отзывъ Вашъ о Польскомъ языкѣ я предлагаю К. Д. У. Онъ имѣетъ свои основанія, хотя противоположное сему мнѣніе Преосвященнаго Подольскаго признано доказаннымъ и утверждено. Желательно видѣть переводъ или извлеченіе лучшаго изъ книгъ, писанныхъ на Польскомъ въ защиту нашей Церкви.

Хорошо, что взаимное перемѣщеніе Архимандритовъ уладилось безъ огорченія ихъ, съ предупрежденіемъ непріятностей. Өеофилъ имѣетъ способности, которыя у Васъ могутъ быть употреблены съ пользою. Обратите на сіе вниманіе, и побудите его къ такому дѣйствованію, которое исправляло бы прежнія о немъ мнѣнія.

Ревизіею займемся. Слушали общій отчетъ о двухъ предшествовавшихъ Вашей? На сихъ дняхъ дойдетъ очередь до Вашей, естьли Нева не пойдетъ, и не прикажетъ намъ сидѣть.

Латины умѣютъ доказать Правительству, что надобно быть Епископу и тамъ, гдѣ онъ не нуженъ. Будемъ умѣть доказывать истину такъ, какъ они умѣютъ доказать, что хотятъ.

Естьли я забылъ отвѣчать Вамъ на вопросъ о крещеніи дѣтей родителей разновѣрныхъ въ Православной вѣрѣ: то отвѣчаю. Поелику въ законѣ не означено ни будущаго срока, ни изключенія: то онъ со времени изданія дѣйствуетъ на все, и на браки, и на крещеніе рожденныхъ отъ браковъ, связанныхъ прежде закона, тѣмъ паче, что трактатъ, служившій основаніемъ прежнему порядку, давно умеръ съ Рѣчью Посполитою. Но, безъ сомнѣнія, не безъ споровъ будетъ.

27.

Привѣтствую Ваше Высокопреосвященство на новой степени, * въ благословеніи Церковномъ и благоволеніи Монаршемъ. Благодушествуйте, благодушествуя укрѣпляйтесь, укрѣпляясь успѣвайте,

---

* Архіепископской. О. Б.

не воспящаясь препятствіями, безъ коихъ добрые подвиги не бываютъ.

Мы затруднились было, когда Вы съ прихожанами, присоединившимися отъ Уніи, взяли церковь, право, или неправо, называвшуюся монастырскою. Но, слава Богу, затрудненіе разрѣшилось легко. *Впрочемъ объ осторожности и намъ говорятъ, и мы должны къ Вамъ препосылать слово.

Любопытно узнать сочиненіе новаго Савла, и да будетъ онъ новымъ Павломъ.

А выпискою изъ Польской книги Согласіе и разность В. и З. Ц. * (естьли нельзя имѣть полнаго перевода) особенно меня обяжете. При семъ прошу упоминаемыя брань и клеветы перевесть безъ уменьшенія и ослабленія. Надобно знать вещь, какъ есть, чтобы поступить, какъ должно.

Не прогнѣвайтесь, что недовольно пишу къ Вамъ. Отъ дѣлъ необходимости не остается силъ и времени для дѣлъ добраго произвола.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ есмь

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Спб. Генв. 16, 1834 г.

---

* Восточной и Западной Церкви. О. Б.

28.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Еще сподобилъ насъ Богъ торжествовать спасительную Пасху Хрістову, и наше въ ней преведеніе отъ смерти и страха осужденія вѣчнаго къ жизни и надеждѣ блаженства вѣчнаго.

Благодаря Его за то, что сподобилъ меня быть причастникомъ сей радости, благодарю вмѣстѣ и за Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, споспѣшествовавшаго мнѣ въ сей радости словомъ благимъ, изнесеннымъ отъ благаго сокровища.

Да возмѣритъ Онъ братолюбію Вашему обильно благословеніями и утѣшеніями своей Божественной любви, благодатнымъ храненіемъ жизни Вашей и споспѣшествованіемъ Вамъ въ дѣлахъ общаго блага и пользы церковныя.

О семъ молю Его, побуждаемый чувствованіемъ взаимныя о Немъ къ Вамъ любви и совершеннаго почтенія.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

29 Апрѣля, 1834 года.

За переводъ изъ Польской книги много благодарю. Мнѣ хочется сдѣлать къ разговорамъ о Православіи прибавленія, которыя бы служили противуядіемъ, не касаясь впрочемъ бранныхъ словъ, которыя остаются въ распоряженіи того, кто ихъ произноситъ. Но не знаю, какъ позволятъ недосуги. Довольно не кстати между тѣмъ вышло новое Руское изданіе разговоровъ, между тѣмъ какъ я и прежде помышлялъ, въ случаѣ новаго изда-

* Не собственноручное, кромѣ 2-ой и 3-хъ послѣднихъ строкъ съ припиской. О. Б.

нія, пересмотрѣть книжку, а думать о новомъ изданіи не почиталъ принадлежащимъ до меня.

Нѣкоторыя обстоятельства побудили меня написать нѣсколько статей относительно раскола, изъ коихъ первая уже напечатана въ Христіанскомъ Чтеніи. Не знаю, найду ли время продолжать сіи статьи.

Теперь гляжу въ Москву по обычаю.

29.

Долженъ я отвѣтомъ Вашему Высокопреосвященству о предположеніи Вашемъ отказаться отъ крестьянъ, и просить оклада. Перемѣна сія такова, что естьли рѣшиться на нее, то удобнѣе вообще, нежели частно для одного мѣста: а это всѣмъ ли понравится, и полезно будетъ? Оклада богатаго ожидать трудно; окладъ посредственный по времени можетъ сдѣлаться скуднымъ: достоинство недвижимаго имѣнія болѣе постоянно. Слышалъ я и отъ инославныхъ духовныхъ жалобы на затрудненія во владѣніи имѣніемъ: но возми у нихъ имѣніе,—будетъ вопль.

Чтобы лучше судить о Вашемъ предположеніи, не составите ли проэктъ окладовъ въ замѣнъ крестьянъ? И о семъ лучше писать къ Стефану Дмитріевичу; * ибо я отправляюсь въ Москву на лѣто.

Неудачно предположили Вы, что Рязанскій Преосвященный будетъ во Псковѣ, гдѣ онъ уже былъ. **

---

* Нечаеву, тогдашнему Синодальному Оберъ-Прокурору. О. Б.

** Евгеній, въ свѣтѣ Андрей Казанцевъ, изъ Троицкой Семинаріи, съ 1804 г. Префектъ Виѳанской Семинаріи, 1809 Инспекторъ С.-Петербургской Академіи, 1810 Ректоръ Троицкой, съ 1814 Московской Семинаріи, съ 1818 Епископъ Курскій, 1822 Архіепископъ Псковскій, 1825 Тобольскій, 1831 Рязанскій, 1837 Ярославскій, а съ 1854 на покоѣ, съ пожалованіемъ въ члены Св. Синода и управленіемъ Московскимъ Донскимъ монастыремъ. О. Б.

Вы же не пренемогайте. Знаю, что трудно Вамъ болѣе иныхъ, но не Вамъ же однимъ. Пекутся о Васъ, сколь возможно: пекитесь и Вы о дѣлѣ Господнемъ, не унывая, но уповая, съ терпѣніемъ и молитвою.

Путешествуетъ мимо Васъ Преосвященный Епископъ Іосифъ Семашко. * Примите его съ миромъ и довѣріемъ, какъ человѣка, который пріемлетъ словеса мира, и желаетъ блага Церкви и Царству.

Миръ со духомъ Вашимъ.

Филаретъ М. Московскій.

Маія 23, 1834.

30.

Много благодарю Вашему Высокопреосвященству за доставленіе мнѣ перевода первой и третьей частей книги: Апокризисъ. Подлинникомъ воспользоваться мнѣ некогда, и, можетъ быть, не нужно. При семъ онъ возвратится. Доставленный переводъ не весь прочитанъ мною. Но, имѣя нужду отправиться на нѣсколько дней изъ Москвы, и полагая, что Вашъ посланникъ можетъ отбыть въ сіе время, поспѣшаю приготовить къ возвращенію книгу, и сказать, что могу, о переводѣ.

Первая часть книги имѣетъ болѣе частное достоинство, для нѣкоторыхъ мѣстъ и людей. Вторая, сколько можно судить по заглавію, можетъ даже содержать такія сужденія, которыя не всѣ удобозащищаемы. Третія часть имѣетъ общую занимательность и большое достоинство. Четвертой части достоинство по заглавію опредѣлить трудно. Сочинитель остороженъ: но всю ли нужную осторожность употребилъ тутъ, только чтеніе текста показать можетъ.

По сему на вопросъ: всю ли книгу напечатать?—отвѣтствовать я не рѣшаюсь. А что третью часть напечатать полезно и нужно, сіе мнѣ кажется несомнительнымъ.

* Нынѣ Митрополитъ Литовскій и Виленскій. О. Б.

Вотъ что могу сказать Вамъ наскоро. Богъ да вспомоществуетъ Вамъ во благой ревности по истинѣ Вѣры и Церкви.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Іюля 30, 1834.

31.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Радость воскресенія Христова есть лучшее украшеніе жизни настоящей, такъ какъ и лучшее основаніе надежды для жизни будущей. Посему пріятно дѣлиться сокровищемъ сей радости во взаимномъ общеніи. Радостно привѣтствуя Ваше Высокопреосвященство сею радостію Господнею, вмѣстѣ и благодарю Васъ за слово той же радости, отъ Васъ мнѣ препосланное. Воскресшій Начальникъ жизни да продолжитъ сохранять дни Ваши въ мирѣ, и служеніе Ваше Церкви Его въ благопоспѣшеніи.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Ваше Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

21 Апрѣля, 1835.

Любопытно знать, до какого степени удастся опытъ надъ Темкинымъ.

---

* Не собственноручное, кромѣ 2-ой строки, 2-хъ послѣднихъ и приписки. О. Б.

О благонамѣренности Пр. Іосифа * есть доказательства, весьма убѣждающія. Не одного легковѣрія остерегаться должно: но и недовѣрчивости, не допускающей единства, когда его ищутъ.

Желательно слышать, что теперь у Васъ съ Уніею, и что разумѣете подъ именемъ рѣшительныхъ мѣръ.

Не прогнѣвайтесь, что долго не писалъ. Не умѣю исправенъ быть въ перепискѣ. То дѣло, то немощь. Худо глаза слушаютъ.

Естьли разсудите писать ко мнѣ, и письму надобно притти не ранѣе второй половины Маія: то, думаю, надобно писать въ Петербургъ.

32.

Преосвященнѣйшій Владыко, **

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Знаменательно Евангельское сказаніе, что вѣсть о родившемся Христѣ Господѣ скорѣе всѣхъ услышали Пастыри, и тотчасъ человѣцы Пастыріе рѣша другъ ко другу, и взаимно согласились итти поклониться Рождшемуся Спасителю, и потомъ славить Его.

Благо есть, когда и нынѣ, при торжественномъ воспоминаніи Рождества Христова, сподобившіеся быть Пастырями въ Церкви, говорятъ другъ ко другу о Его славѣ, и согласно притекаютъ къ Нему съ молитвами другъ за друга.

---

* См. примѣч. на стр. 149. О. Б.

** Тоже, не собственноручное, кромѣ 2-ой и 3-хъ послѣднихъ строкъ съ припискою. О. Б.

Радостно встрѣчаюсь съ Вами, Преосвященнѣйшій Владыко, въ семъ общемъ для насъ теченіи, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Дек. 31, 1835.

Мыслію о училищахъ Униатскихъ Вы угадали мысль Правительства. Они подчинены Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. Любопытно слышать, что по сему случаю скажетъ Униатское Духовенство.

И жаль, и странно видѣть, что Архимандритъ Ѳеофилъ нѣсколько разъ спотыкается на тотъ же камень. И мнѣ кажется, что не истиннаго добра желаютъ ему тѣ, которые желаютъ ему остаться въ Оршѣ. Подайте ему совѣты съ большею пользою и миромъ для своей души употреблять свои способности и свѣдѣнія.

Вашъ нареченный миссіонеръ Темкинъ изобрѣталъ было проэкты, которые дали бы ему нѣкоторую область надъ Евреями, но которые не оказались удобными къ исполненію. Надобно Вамъ заняться имъ, чтобы онъ не остался титулярнымъ только миссіонеромъ.

33.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Преклоняясь вмѣстѣ съ Вами предъ веліею благочестія тайною, славлю съ Вами Бога явльшагося во плоти, и, благодаря Васъ за сіе святое общеніе, призываю Вамъ отъ Великаго Пастыреначальника обновленіе и умноженіе благодати, мира, и дней къ пользѣ паствы и Церкви.

О новокрещенномъ Сергіи давно хочу писать къ Вамъ: къ немощи и дѣла должностныя всегда дѣлаютъ меня медленнымъ и неисправнымъ въ писмахъ.

Онъ сначала испугалъ меня раввинскою ученостію, которая казалась ему очень важною, но въ которой я не видалъ убѣдительности. Я сказалъ ему рѣшительно, что ни его учености, ни его книгѣ ничего не обѣщаю: а естьли онъ желаетъ Христа и спасенія, то посмотримъ. Богъ далъ ему смириться предъ симъ, и я утѣшенъ былъ, что, по крещеніи его въ утренніе часы праздника Преподобнаго Сергія, въ сей праздникъ на торжественной Литургіи могъ пріобщить его трапезѣ Господней, и имѣть съ собою за нашею соборною трапезою, поставляемою, по обычаю нашей Лавры, въ церковной трапезѣ. Теперь, когда смиреніе и ближайшее познаніе Христіанства научило его лучше употреблять, что онъ знаетъ, надобно отдать ему справедливость, что Еврейскія его познанія несравненно выше познаній Вашего Темкина, которому (мимоходомъ сказать) ни какъ не надлежало попускать печатать Еврейскими буквами: Родица Дѣва, слишкомъ грубо прегрѣшительно, естьли не неблагонамѣренно. Теперь забота какъ бы употребить Сергія, съ миромъ для него, и съ пользою общею. Не дадите ли Вы мнѣ мысли. А при томъ отъ него и отъ меня есть къ Вамъ просьба. У него остался въ Вашемъ краю сынъ, котораго ему хочется пріобрѣсть въ Христіанство. Естьли писать къ нему о семъ прямо: то возбудится противоборство, и ему помѣшаютъ. Отцу думается, что естьли бы сынъ какимъ нибудь случаемъ попалъ къ намъ, и могъ слушать отца, не бывъ смущаемъ другими: то, вѣроятно, покорился бы истинѣ. Не придумаете ли Вы средства открыть сему дѣлу путь безъ преткновеній. Сдѣлайте что можете, или скажите, что могли бы мы сдѣлать. Симъ такъ долго уже я промедлилъ, что поскорѣе окончу писмо, и пошлю.

Съ любовію о Господѣ есмь

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Генв. 3, 1836.

34.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Достопочтенный о Господѣ Братъ! *

Съ благоговѣніемъ смотрю я на обычай, по которому, торжествуя Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа, Пастыри Церкви Его преносылаютъ другъ другу во имя Его словеса радости и молитвы. Это одно изъ торжественныхъ выраженій соединенія церковнаго священноначалія въ Великомъ Архіереѣ, прошедшемъ небеса. Симъ общеніемъ, искренно простираемымъ и пріемлемымъ, радость возвышается, молитва воскрыляется, любовь питается. Съ такимъ расположеніемъ принявъ радостоподательное и благожелательное писаніе Ваше, молю Господа Воскресшаго, да сохраняетъ Вашу въ Немъ радость исполнену, и Вашу жизнь на пользу Церкви многолѣтну и благоденственну; пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и любовію

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

11 Апрѣля, 1836 года.

Поздравляю Ваше Высокопреосвященство съ знакомъ Высочайшаго благоволенія, которое и въ грядущее время сохранять и пріобрѣтать Вамъ желаю.

Архимандрита Өеофила конечно жаль. Но по чему бы и ему не пожалѣть самому себя, послѣ неоднократныхъ опытовъ однимъ и тѣмъ же путемъ входить въ состояніе, достойное сожалѣнія? По полученіи о немъ Синодальнаго рѣшенія, я не рѣшился бы такъ скоро представлять о измѣненіи сего рѣшенія.

Разговоръ его о Уніи, признаюсь, не прельстилъ меня. Самыя имена Іосафата и Семена представляютъ неприличный на-

* Чужою рукой, кромѣ 2-ой и послѣднихъ 3-хъ строчекъ съ припиской. О. Б.

мекъ на лица, стоящія рядомъ подъ сими именами. Прилично ли рисовать такія картины, какъ: Уніатскій Священникъ, взявшій у мужика послѣднюю овцу, и съ нею, въ картузѣ, съ крестомъ, сидящій въ телѣгѣ? Что естьли Неправославные вздумаютъ рисовать подобнымъ образомъ Православныхъ Священниковъ? Прилично ли говорить, что Латинскіе Попы дѣйствуютъ для того же, для чего дьяволъ? Послужитъ ли сіе къ утвержденію Православія? И что естьли Неправославные вздумаютъ отвѣчать Православнымъ подобными нѣжностями?

Не больше усладилъ меня поддѣльный разговоръ панагіота съ азимитомъ, гдѣ сочинитель не умѣлъ даже притвориться знающимъ Славенскую грамматику. Не уже ли прекрасно сказано, что Папа безъ брады истая обезьяна? Не уже ли позволительно бритвенную язву на брадѣ называть печатью Антихріста? Подумалъ ли сочинитель, кто въ Россіи употребляетъ брадобритіе, и на кого хочетъ онъ положить Антихрістову печать? Не стыдно ли мнимому панагіоту грезить съ Стоглавнымъ Соборомъ и съ раскольниками, будто есть правило, запрещающее и молиться за брадобритыхъ? Стыдно переговаривать болѣе нелѣпости сихъ разговоровъ. Совѣтую Вамъ сжечь сіи граматки, которыя, естьли дойдутъ до Правительства, не принесутъ ни чести, ни удовольствія ни сочинителямъ, ни распространителямъ. Простите моей откровенности, которая, естьли ошибаюсь, не имѣетъ намѣренія, кромѣ добраго.

Уфимскаго Ректора неудобно было оставить въ прежнемъ монастырѣ, по надобности для преемника: но его перемѣщеніе, кажется, сообразно съ Вашею цѣлію, то есть, съ пользою его здоровья.

Вредъ отъ Уніатскихъ духовныхъ, остающихся безъ мѣстъ по обращеніи приходовъ, долженъ быть принимаемъ въ расчетъ при предварительномъ соображеніи предосторожностей при обращеніи. Ибо людей сихъ нельзя уничтожить, или перетворить. Надобно, чтобы обращеніе созрѣвало подъ дѣйствіемъ слова силы и духа: тогда оно надежно, а не тогда, когда болѣе рукою плоти совершается.

Еще вопросъ: сказка о бѣломъ клобукѣ, осужденная Соборомъ 1667 года, будетъ ли полезна Православію, и какъ? Этого я не понимаю; можетъ Вы мнѣ подадите мысль и разрѣшеніе.

35.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Достопочтенный о Господѣ Брать!

Утѣшительно соединяюсь съ Вами въ радостномъ воспоминаніи Господа Іисуса воскресшаго отъ мертвыхъ, и молю Его, да Его святая радость исполняетъ Васъ истинною, изъ Него истекающею, жизнію, чистымъ свѣтомъ, и благотворною силою, къ просвѣщенію и облаготворенію душъ, подъ Вашимъ блюстительствомъ поставленныхъ.

Сына новопросвѣщеннаго Сергія, видно, трудно просвѣтить когда онъ отъ тмы душевной дошелъ до тмы темницы. Въ такомъ случаѣ, естьли и освободится, едва ли полезно будетъ посылать его къ отцу. Изъ сего можетъ только произойти затрудненіе отцу и намъ. Развѣ не клеветою ли доведенъ онъ до настоящаго своего положенія?

Что касается до Сергія: сколько узнаю, онъ хорошо входитъ въ себя и въ Христіанство, и можетъ болѣе принести пользы, нежели Темкинъ.

Можетъ быть еще скажу Вамъ о семъ, когда буду въ Лаврѣ. Ибо скоро надѣюсь отправиться во своя.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію пребыть имѣю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Маія 4 дня, 1837 года.

36.

Преосвященнѣйшій Владыко,*

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Богъ, явившійся во плоти, чтобы небо и землю, и раздѣленное на земли, соединить въ ощущеніи мира и радости, да будетъ благословенъ и за то, что сею же радостію взаимно приближаетъ и соединяетъ сердца призванныхъ въ служеніе святынѣ Его, которымъ паче прочихъ достоитъ быти едино въ Немъ.

Утѣшительно соединяюсь съ Вашимъ Высокопреосвященствомъ въ благоговѣйной радости о Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа, и въ мысли о даруемомъ Имъ обновленіи лѣта, притекая къ Его щедротамъ со смиренною мольбою, да даруетъ Вамъ обновленіе духа и силъ къ продолженію подвиговъ служенія, Ему благоугодныхъ и благопотребныхъ сонму вѣрующихъ во имя Его.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію о Господѣ пребыть имѣю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

С.-Петербургъ.
5 Генваря, 1838 года.

Обширность Вашей паствы **, думаю, не чрезмѣрна. Но слыхалъ я отъ предшественниковъ Вашихъ, что много въ ней людей непокойныхъ и невѣрныхъ въ дѣлѣ и въ словѣ. Это требуетъ и бдительности и осторожности.

---

* Чужеручное, кромѣ 2-ой и 3-хъ послѣднихъ строкъ съ припискою. О. Б.

** Рязанской, куда переведенъ въ Іюлѣ 1837 года. О. Б.

Случаемъ посѣтить древнюю святыню Кіевскую и должно было воспользоваться; и я на Вашемъ мѣстѣ искалъ бы сего утѣшенія, котораго обстоятельства моей службы до сихъ поръ имѣть не позволяли.

Примите милостиво Ректора, переведеннаго къ Вамъ изъ Костромы. Бывъ употребленъ здѣсь при переводѣ церковныхъ правилъ, онъ оказался и знающимъ и охотникомъ до дѣла. Только для живости характера его не излишни еще совѣты остепеняющіе.

37.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Еще сподобилъ насъ Господь внити въ праздственную радость славнаго воскресенія Его, и для насъ живоноснаго.

Предаваясь свойственному сей живой радости движенію, простираю къ Вашему Высокопреосвященству и взаимное слово сорадованія, и взаимныя объятія любви о Господѣ, и взаимныя желанія, да Воскресшій Господь, Источный животъ нашъ, не престаетъ исполнять Своею жизнеподательною благодатію духъ Вашъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и естественную жизнь Вашу сохранять и обновлять, да обильно распространяется Вами жизнь Его въ сонмъ душъ вѣрующихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и всегдашнею во Христѣ любовію пребыть имѣю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

15 Апрѣля, 1838 года.

---

* Не собственноручное, кромѣ 2-ой и послѣднихъ 3-хъ строкъ. О. Б.

38.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Прилично сподобившимся служенія Пастырскаго собираться и встрѣчаться у смиренныхъ яслей Божественнаго Пастыреначальника своего, и соединяться въ прославленіи Его, въ любви къ Нему и въ братолюбномъ другъ съ другомъ общеніи во имя Его. Такъ понимаю и Вашу со мною въ сіи дни бесѣду, и съ утѣшеніемъ духовнымъ оную пріемлю, и искреннимъ сердцемъ отвѣтствую.

Благословенъ Безлѣтный, родившійся во спасеніе наше, обновляющій намъ не только лѣто, или лѣта, но и вѣчность! Да будетъ онъ и Вашимъ обновленіемъ въ духѣ и тѣлѣ, въ силѣ и дѣйствіи, къ распространенію благословенія и благодати Его па множайшія души и сонмъ душъ, Имъ искупленныхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою о Господѣ любовію пребыть имѣю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

3 Генваря, 1839 года.

39.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Родственникъ мой села Раменокъ Священникъ Іосифъ Аѳанасьевъ, имѣя нужду пристроить къ приличному мѣсту сына своего, обучавшагося въ Семинаріи, проситъ моего предстательства

---

* Тоже, какъ и предыдущее, писано чужою рукой. О. Б.

предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ. Какъ онъ пріемлетъ участіе въ скорбяхъ присныхъ: то и я не могъ отказать ему въ участіи. По сему покорнѣйше прошу оказать сыну его милость, какую онъ, по мѣрѣ своего достоинства, получить способенъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребыть имѣю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Іюля 17 дня, 1839 года.

40.

Преосвященнѣйшій Владыко,*

Достопочтенный о Господѣ Брате!

Естьли отъ поклоненія Виѳлеемскому Младенцу возвратишася Пастырiе, славяще Бога о всѣхъ, яже слышаша и видѣша, хотя то были пастыри безсловесныхъ, и видѣли только зарю славы Еммануила: то кольми паче свойственно Пастырямъ словесныхъ, и служителямъ слова, возвѣщать славу Богочеловѣка, высокую въ Его смиреніи, и нисходящую до нашего уничиженія въ Его человѣколюбіи, да пріобщитъ славы Своея и наше смиреніе. Съ утѣшеніемъ услышалъ я отъ Васъ гласъ сея славы, и, въ единомысліи вѣры и единодушіи любви, славя купно съ Вами Возродителя міра, молю Его, да, обновляя Вашу жизнь и силы, въ возрастающемъ преспѣяніи продолжитъ Ваше служеніе распространенію славы Его и спасенію душъ.

* Кромѣ послѣднихъ 3-хъ строкъ и приписки не собственноручное. О. Б.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

11 Генваря, 1840

Къ поясненію Могилевскаго строительнаго дѣла, довольно испорченнаго, приняты мѣры.

41.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Когда путешествовавшіе въ Эммаусъ поспѣшали къ единонадесяти Апостоламъ, чтобы возвѣстить имъ радость воскресенія Христова: они обрѣтоша единонадесять глаголющихъ, яко во истину воста Господь. Такъ я, когда помышляю простерти къ Вамъ слово общенія въ радости Господа Воскресшаго: обрѣтаю Васъ, простирающихъ ко мнѣ тоже общеніе. Кто бы ни упредилъ: слава Богу, что имѣемъ Господню радость и братское общеніе. Благодарю, и купно молю Воскресшаго, да имѣете отъ Него нынѣ радость духовную совершенную, и всякій даръ благій, благопотребный ко спасенію и къ служенію Церкви Его.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребыть имѣю

Вашего Высопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

20 Апрѣля, 1840.

Благодарю за устроеніе сына Раменскаго Священника.

---

* Тоже не собственноручное, кромѣ 2-ой, 3-хъ послѣднихъ строкъ и приписки. О. Б.

42.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Естьли церковный обычай повелѣваетъ Христіанамъ, особенно служителямъ вѣры, славить рождество Христово предъ собратіями, а мысль къ сему, безъ сомнѣнія, взята отъ Ангеловъ, воспѣвавшихъ славу Богу и возвѣщавшихъ миръ человѣкамъ въ рождествѣ Христовомъ: то, я думаю, тотъ же обычай внушаетъ и то, чтобы возвѣщающихъ намъ сіе слушать и принимать, какъ Ангеловъ Божіихъ.

Такъ принялъ я слово славы Христовой и мира и благоволенія къ моему смиренію отъ освященныхъ устъ Вашихъ.

Пріимите отъ меня, купно съ благодарностію, искреннее желаніе, да Обновитель жизни нашея, въ новое лѣто сіе, подастъ Вамъ новыя силы, дары и благословенія, къ распространенію славы и свѣта Его въ Церкви.

Съ чуствованіемъ истиннаго почтенія, и еже о Господѣ братолюбія, пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Спб.
1 Генваря, 1841.

Правила о крестномъ родствѣ не ясны. Въ Указѣ 1810 года хотѣли слишкомъ облегчить ихъ, но и опасались прерѣканія: отъ того выразились темно, и вошли въ противорѣчіе съ Соборными Правилами. Соборное правило запрещаетъ двѣ степени

* Тоже и такъ же не собственноручное. О. Б.

въ семъ родствѣ; сего, по моему мнѣнію, и должно держаться, и при томъ имѣть въ виду, что и по Кормчей Книгѣ крестное родство не дѣйствуетъ на боковыя степени.

43.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Естьли не познавшимъ еще воскресенія ученикамъ Господнимъ бесѣда любви и печали о Господѣ пострадавшемъ принесла ту пользу, что Онъ Самъ приближался къ нимъ, вразумилъ ихъ о воскресеніи, исполнилъ сердце ихъ ощущеніемъ Своего присутствія, и наконецъ познался имъ въ преломленіи хлѣба: то для познавшихъ уже воскресеніе можетъ ли не быть благотворна бесѣда вѣры, любви и радости о Господѣ воскресшемъ, и торжественно обѣщавшемъ пребывать съ нами до скончанія вѣка?

Посему съ жаждою я услышалъ отъ Васъ вѣчно новую вѣсть воскресенія Хрістова, и съ услажденіемъ сердце мое отдаетъ Вашему сердцу ея отголосокъ: во истину воскресе Хрістосъ!

Молю Воскресшаго, чтобы Онъ, приближаяся къ Вамъ выну благодатію Своею, какъ приснотекущій Источникъ свѣта и жизни, непрестанно исполнялъ свѣтомъ истины Своея разумѣніе Ваше, и пламенемъ любви Своея сердце Ваше, и чрезъ Васъ распространялъ чистую истину и святую жизнь въ вѣрующемъ народѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Апрѣля 1841.

---

* Кромѣ 2-ой строки, 3-хъ послѣднихъ и приписки, чужеручное. О. Б.

Съ новымъ знакомъ Высокомонаршей милости поздравляя Ваше Высокопреосвященство, сорадуюсь искренно.

44.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Достопочтенный о Господѣ Брать!

Много утѣшили Вы меня извѣщеніемъ о прибытіи Вашемъ въ Петербургъ и о вступленіи въ Синодальныя занятія. Господь да управитъ и сію часть служенія Вашего, ко благу Церкви, съ миромъ Вашимъ.

У меня мѣсяцъ прошелъ въ лѣченіи, но такъ, что частію лѣченіе мѣшало занятіямъ, частію занятія лѣченію. Плода не много примѣчаю: можетъ быть, окажется по времени.

На сихъ дняхъ думаю отправиться въ Лавру, и для испытаній, и для праздника.

Лѣто здѣсь жарко, и нерѣдки громы и грады. Въ нѣкоторыхъ селахъ въ долгъ посѣянная рожь побита градомъ. На сіи случаи сберегъ я нѣсколько изъ данной отъ С. Синода заимообразно суммы: но не много.

Есть по ввѣренной мнѣ Епархіи въ С. Синодѣ дѣло о вкладахъ въ церковь Грузинской Царевны Тамары и на женское при ней общежитіе. Предложившіе вклады приступаютъ ко мнѣ съ требованіемъ окончанія дѣла. Предъ моимъ отъѣздомъ оно слушано было, и С. Синодъ полагалъ утвердить представленное. Не примете ли труда напомнить.

Еще не излишнимъ считаю обратить вниманіе Ваше на слышанное нынѣ мною отъ Симоновскаго Архимандрита, будто отчетъ о построеніи Симоновской колокольни предполагается препроводить въ Государственный Контроль. Чѣмъ болѣе онъ искусенъ получать вѣсти: тѣмъ менѣе я полагаюсь на сіе искуство.

Но на случай скажу, что какъ въ семъ дѣлѣ деньги не казенныя, а данныя вкладчикомъ въ монастырь, и слѣдственно монастырскія или церковныя, то подведеніе сего дѣла подъ ревизію Государственнаго Контроля не отворило бы сему Контролю дверей къ суммамъ, отъ которыхъ съ трудомъ ихъ затворили при попечительномъ содѣйствіи Графа Николая Александровича.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребыть имѣю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

М. Іюня 24, 1841.

45.

Благодарю Вашему Высокопреосвященству, что вспомнили меня немоществующаго. Хотя я недовольно укрѣпился: но мнѣ желательно самому вечеромъ быть у Высокопреосвященнѣйшаго Кіевскаго. * Буду надѣяться, что не лишусь Вашего посѣщенія въ другой день. **

13 Мар., 1842.

46.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Благодарю за Ваше благословеніе моему возвращенію во своя. Путь мой совершился благополучно. Въ Москвѣ не вижу

---

* Филарета Амфитеатрова. О. Б.

** Писано въ отвѣтъ на записочку Архіепископа Гавріила, просившаго назначить ему часъ, «въ который бы посѣщеніе его было для него (Митрополита Филарета) менѣе обременительно.» О. Б.

времени между занятіями по Церкви, по управленію, и по обращенію съ чадами паствы въ мирѣ. И глаголемые Старообрядцы Рогожскаго кладбища посѣтили меня, и бесѣдовали со мною мирно. Слава милосердію Божію о всемъ.

Естьли Ваше Высокопреосвященство будете на пути чрезъ Москву: не мините раба Вашего. Но, признаюсь, я желалъ бы, чтобы Вы продлили трудъ Вашъ въ Петербургѣ, къ общей церковной пользѣ. Впрочемъ Богъ да устрояетъ благое десницею Благочестивѣйшаго Государя, его же сердце въ руцѣ Божіей.

Позвольте ходатайствовать за новоустроенный Уфимскій женскій монастырь. . Одна помѣщица усердствуетъ построить тамъ церковь, что нужно по ветхости существующей деревянной. Дѣло и планъ представлены въ Святѣйшій Синодъ. Благоволите напомнить о благосклонномъ и неукоснительномъ разрѣшеніи, чтобы дѣло дѣлалось, пока усердіе вкладѣлицы горитъ, и она здравствуетъ.

Молитвъ Вашихъ себѣ прося, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

М. Маія 30, 1842.

47.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Извѣстно Вамъ по Святѣйшему Синоду дѣло о Сокращенной Герменевтикѣ, не оконченное. По стеченію обстоятельствъ мнѣ довелось разсматривать сіе сочиненіе, въ тѣснотѣ времени.

предъ моимъ отбытіемъ изъ Петербурга. Нѣсколько замѣчаній съ поспѣшностію положено мною но бумагу. Совѣщаться не было времени; а дѣло, по моему мнѣнію, требуетъ совѣта. Примите трудъ прочитать прилагаемыя при семъ замѣчанія. Естьли найдете ихъ правильными: споспѣшествуйте охраненію ученія отъ уклоненій, благонамѣренныхъ, по цѣли охранить преданіе, но не безопасныхъ по мыслямъ, унижающимъ достоинство Священнаго Писанія. Естьли же усмотрите въ моихъ замѣчаніяхъ неправильное: сообщите мнѣ Ваше сужденіе, не ради меня, но также ради охраненія ученія въ точности строгой и безопасной.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Іюня 1842.

Обратите вниманіе на прилагаемую записку о построеніи церкви, нельзя ли ускорить.

48.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Достопочтенный о Господѣ Братъ!

Братскія Ваши воспоминанія много меня утѣшаютъ. Благодарю о семъ Бога, и молю Его, да сохраняетъ насъ въ единомысліи вѣры и въ единодушіи любви, во имя Его, ко благоугожденію святой волѣ Его.

Блага воля Благочестивѣйшаго Государя, благоволившаго продолжить служеніе Ваше въ Святѣйшемъ Синодѣ. Да подкрѣпляетъ Васъ Господь на пользу Церкви Своея. Моя же немощь высматриваетъ въ семъ надежду оставаться дома, утверждающуюся: такъ какъ Васъ теперь довольно.

Вашихъ сужденій относительно мыслей моихъ о Герменевтикѣ, видно, долго мнѣ ждать. А въ совѣтѣ я имѣлъ тѣмъ болѣе нужды, что мнѣ оказалось нужнымъ продолжать неоконченное разсмотрѣніе. Чтобы Вамъ не было не извѣстно и остальное, препровождаю съ такимъ же расположеніемъ, какъ и прежде. Что справедливо, то подкрѣпите: а въ чемъ недостаточествую, или погрѣшаю, въ томъ исправьте и предохраните меня, естьли не для меня, то для самаго дѣла, относящагося къ общей пользѣ.

Слава Богу, что Владыка Новогородскій * возмогаетъ и что Государь являетъ ему новые знаки благоволенія. Да будетъ сіе, благодатію Божіею, во благо Церкви Божіей.

О дѣлѣ О. О. С. В. И. соболѣзную и для него, и для впечатлѣнія онаго на другихъ. Непонятно, какъ обманула его надежда: но надежда исправить обманутую надежду будетъ ли болѣе вѣрна? Богъ да поможетъ скорби его, ими же вѣсть судьбами. А воронъ ворону едва ли выклюнетъ глазъ.

Естьли Маякъ хочетъ провозглашать догматъ о преданіяхъ: какая бѣда? Пусть хотя одинъ журналъ свѣтскій проповѣдуетъ догматы, когда многіе празднословятъ противъ догматовъ и заповѣдей!

Миръ Преосвященному Анатолію: ** но миръ ли Сызранскому монастырю, котораго выгоды, кажется, требуютъ дѣятельности.

Преосвященному Ѳеодотію *** да подастъ Богъ довольно силы и искуства, дабы благоустроить Епархію вновѣ обветшавшую.

---

* Серафимъ, въ свѣтѣ Стефанъ Глаголевскій, изъ Калужской Семинаріи, учился потомъ въ Троицкой 1779 г., съ 1782 въ Филологической Семинаріи Московскаго Университета, 1785 Учитель въ Троицкой же Семинаріи, 1787 въ Московской Академіи и принялъ монашество, 1790 Префектъ, 1799 Ректоръ ея и Викарій Дмитровскій, 1804 Вятскій, 1805 Смоленскій, 1812 Архіепископъ Минскій, съ 1821 г. Митрополитъ Новогородскій и С.-Петербургскій. О. Б.

** Андрей Максимовичъ, съ 1809 г. Ректоръ С.-Петербургской Семинаріи, съ 1812 г. Епископъ Полтавскій и Переяславскій, съ 1836 Симбирскій; умеръ 1842 г. О. Б.

*** Ѳедоръ Озеровъ, Москвичъ, Магистръ С.-Петербургской Академіи 5-го выпуска,

Единовѣрецъ храмоздатель вопрошаетъ меня, есть ли разрѣшеніе Святѣйшаго Синода о передачѣ изъ Успенскаго Собора въ созидаемую церковь нѣкоторыхъ иконъ, не имѣющихъ мѣста въ Соборѣ. Аще возможно, споспѣшествуйте, чтобы мнѣ можно было дать ему отвѣтъ.

Прося молитвъ Вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

М. Ав. 8, 1842.

49.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Думаю, помните дѣло о построеніи кладбищенской церкви въ городѣ Юрьевѣ, по особенному усердію нѣкоторыхъ, и по довольно общему города. Изъ состраданія къ затрудняемымъ продолженіемъ сего дѣла, сими строками напутствую прозбу къ Вашему Высокопреосвященству, чтобы Вы благоволили по возможности споспѣшествовать недолгомедленному и желаемому окончанію сего дѣла.

Съ истиннымъ почтеніемъ любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва.
1842, Іюня 12.

Инспекторъ Виѳанской, Ректоръ Рязанской Семинаріи, Викарій Новгородскій, потомъ Архіепископъ Симбирскій; скончался 1858 г. О. Б.

50.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Печально и я воспомянулъ отшествіе Преосвященнаго Аѳанасія, * которое не успѣли предварить переселеніемъ въ лучшій край, какъ не безъ пользы сдѣлано было съ покойнымъ Преосвященнымъ Мелетіемъ. ** Господь да вселитъ его тамо во страну свѣта.

Соскорблю и скорбямъ О. Василія Ивановича. Господь сохранитъ его въ духѣ кроткаго терпѣнія: да сохранитъ его и въ неизнеможеніи силъ для его семейства и для пользы служенія.

Переписываю росписаніе родства:

Родъ 1. Родъ 2. Родъ 3. Родъ 4.

Умре. Ксенія, мужъ Іоаннъ, другая ж. Анна, род. Андрей, ж. Марія

Павелъ ———————— желаетъ ———— Елисавета

Тутъ не два, и не три, а четыре рода. Но два рода написаны напрасно.

---

* Въ мірѣ Александра Протопопова, Магистра С.-Петербургской Академіи 1-го выпуска; съ Августа 1814 г. Инспекторъ ея, съ 1816 Ректоръ Казанской Академіи, потомъ былъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ то: въ Твери и т. п., и умеръ Архіепископомъ Тобольскимъ въ 1842 году. О. Б.

** См. примѣч. на стр. 138. О. Б.

Вотъ истинное росписаніе:

Іоаннъ ж. Анна род. Андрей.

(Отъ другой жены) |

Павелъ. Елисавета.

Теперь видите, что это четвертая степень отъ двухъ, а не отъ трехъ родовъ. И, слѣдственно, не должно разрѣшать сей бракъ.

Благодарю С. Синоду, что Ректора въ Виѳанію дали нечужаго * и знакомаго съ обстоятельствами.

Теперь можетъ случиться, что лишусь нынѣшняго Викарія. ** Пользоваться его добрымъ сотрудничествомъ желаю: но не желаю препятствовать, естьли Господь призоветъ его къ самостоятельному служенію на паствѣ. Желаю только, чтобы онъ призванъ былъ на каѳедру, соотвѣтственно его службѣ, достоинству и ожидаемой пользѣ. Мнѣ же въ такомъ случаѣ утѣшеніе бы сдѣлано было, естьли бы извлекли отъ пещи желѣзны въ Москву Преосвященнаго Рижскаго. *** А естьли сіе не окажется возможнымъ: то хорошъ бы былъ Московской Семинаріи Ректоръ Іосифъ, **** человѣкъ благочестивый, разсудительный, съ ува-

---

* Филоѳея? О. Б.

** Виталія, въ свѣтѣ Василія Щепетева, Магистра С.-Петербургской Академіи 5-го выпуска, за тѣмъ съ 1833 Ректора Московской Семинаріи, потомъ съ конца Іюля 1837 г. Епископа Викарія Дмитровскаго, съ 1842 Костромскаго, гдѣ и скончался. О. Б.

*** Филарета, въ мірѣ Димитрія Гумилевскаго, воспитывавшагося въ Тамбовской Семинаріи, съ 1826 въ Московской Академіи, гдѣ, будучи еще студентомъ, постригся въ монахи и былъ ея Ректоромъ, съ 1841 года Епископъ Рижскій, 1848 Харьковскій, за тѣмъ возведенъ въ Архіепископы, съ 1859 Черниговскій; скончался въ Августѣ 1866 года въ Конотопѣ. О. Б.

**** Посвященъ въ Епископа Викарія 27-го Декабря, 1842 г., послѣ Епископъ

женіемъ знаемый въ Москвѣ, знакомый съ мѣстными обстоятельствами. Коротко зная Семинарію, онъ облегчалъ бы мнѣ размѣщеніе Семинаристовъ, по способности и достоинству. Или преждевременно сужу и ряжу, что не дано мнѣ? По крайней мѣрѣ имѣйте исповѣдь моихъ мыслей. Господь же да сотворитъ благое предъ очима Его, по милости Его, и не по грѣхомъ нашимъ.

Молитвамъ Вашимъ и любви поручаю. Себя съ истиннымъ почтеніемъ и любовію.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій

Москва.
Окт. 20, 1842.

Удосужась пошлю Вамъ одну или нѣсколько моихъ проповѣдей, напечатанныхъ слушателями.

51.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Брать!

Имѣю къ Вамъ вопросъ, на который, кажется, безгрѣшно можете Вы отвѣчать, такъ какъ и я, кажется, безгрѣшно спрашиваю. Нѣтъ ли какихъ особенныхъ свѣдѣній о Игуменѣ Михаилѣ, которыя воспрепятствовали назначить его въ Настоятеля монастыря? Я ни мало не сѣтую на рѣшеніе С. Синода; для меня довольно, что съ моей стороны я исполнилъ долгъ мой предъ покойнымъ Преосвященнымъ Кирилломъ. * Но разрѣшеніе

Оренбургскій, за тѣмъ Архіепископъ Воронежскій, нынѣ на покоѣ въ Воронежскомъ Митрофанскомъ монастырѣ. О. Б.

* Константиномъ Богословскимъ-Платоновымъ, Магистромъ С.-Петербургской Академіи 1-го выпуска, гдѣ 3 года былъ Наставникомъ по Общей Церковной

предложеннаго мною вопроса нужно мнѣ, чтобы не погрѣшить въ томъ, что далѣе дѣлать съ Игуменомъ. Онъ живетъ хорошо, и не подаетъ причины къ сомнѣніямъ, какія раждало извѣстное странное завѣщаніе. Впрочемъ, можетъ быть, я непроницательно смотрю; и потому желаю, чтобы Вы показали мнѣ истину.

Обращеніе Бурятскаго Тайши къ Христіанству, естьли совершится съ ожидаемыми послѣдствіями, есть великій даръ Божій и Россіи. Господь да поможетъ С. Синоду найти способныхъ дѣлателей для сей новой нивы Господней.

Нижегородскія дѣла печальны и невѣроятны. Едва ли не нужно было Преосвященному болѣе бдительности, дѣятельности и согласія съ гражданскимъ начальствомъ, чтобы или предупредить, или прекратить подозрѣнія. *

Миръ душѣ О. Архимандрита Палладія. ** Мнѣ думалось, не возмутъ ли на его мѣсто Иларія, котораго Владыка знаетъ съ хорошей стороны, и, кажется, Государь Императоръ изволитъ знать съ благоволеніемъ. Господь да сотворитъ благое Лаврѣ Святаго Александра, ими же вѣсть судьбами.

Исторіи, съ 1817 г. Ректоръ Полтавской въ Переяславѣ Семинаріи, изъ нея поступилъ въ 1819 г. въ Ректоры Московской Духовной Академіи, потомъ 1824 г. Епископъ Дмитровскій, съ 1827 Вятскій, съ 1832 Архіепископъ Подольскій; скончался въ Петербургѣ 1841 г. и погребенъ въ Лаврѣ. О. Б.

* Въ это время былъ тутъ Преосвященнымъ Іоаннъ, въ свѣтѣ Михаилъ Доброзраковъ, Магистръ С.-Петербургской Академіи 2-го выпуска, Докторъ Богословія (съ 1825 г.), Профессоръ Черниговской Семинаріи, съ 1819 г. Петербургской Академіи Профессоръ Церковнаго Краснорѣчія, 1821 Баккалавръ Богословія, 1822 Экстра-Ординарный, 1826 г. Ординарный Профессоръ, также Инспекторъ этой Академіи съ 1821 г. въ санѣ соборнаго Іеромонаха (съ 1819), потомъ Архимандрита, съ 1824 Ректоръ Петербургской Семинаріи, 1826 Академіи, 1830 Епископъ Пензенскій, 1832 Нижегородскій, 1847 Архіепископъ Донской и Новочеркаскій; съ 1867 на покоѣ въ Кременскомъ монастырѣ Донской Епархіи. О. Б.

** Городкова, родственника Гавріилова, кончившаго ученіе въ С.-Петербургской Академіи въ санѣ Іеродіякона Кандидатомъ 9-го выпуска въ 1831 г.? О. Б.

Не сказать ли Вамъ новости, которую надлежало бы отъ Васъ услышать? Здѣсь говорятъ, что Преосвященный Херсонскій* будетъ Екзархомъ Грузіи. Вѣроятно, что Грузія требуетъ другаго Екзарха, но едва ли сего, которому и по лѣтамъ поздно учиться Грузинскому языку.

Г. Востоковъ необыкновенный трудолюбецъ для древностей. Желательно видѣть изданіе Остромирова Евангелія.** Листъ изъ Описанія Музея надобенъ ли Вамъ обратно? Хочу по нему поискать одной книги въ Лаврѣ.

Примите отъ меня цѣлованіе мира съ искреннимъ почтеніемъ

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Нояб. 4, 1842.

Росписаніе родства:

Родъ 1.	Родъ 2.	Родъ 3.
	Нѣкто.	
	Нѣкто род. нѣкто	
Игнатій ж.	Евдокія двоюр. умре	Павелъ ж. Анна.

Изволите видѣть, что тутъ три рода, и что это четвертая степень отъ трехъ родовъ. Слѣдственно, по извѣстному Нискому (?) правилу Кормчей Книги о родствѣ отъ трехъ родовъ, сіе можетъ быть разрѣшено къ браку.

---

* Гавріилъ, Ректоръ Вологодской Семинаріи, съ 1821 г. Епископъ Орловскій, потомъ Архіепископъ Херсонскій, съ 1848 Тверской; скончался въ 1858 г. О. Б.

** Извѣстно, что Духовная Ценсура желала имѣть мнѣніе Митрополита Московскаго объ изданіи въ свѣтъ сего драгоцѣннаго памятника, который и вы-

52.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Въ минуту полученнаго обличенія, приношу Вамъ покаяніе. Признаю вину моего молчанія, и прошу прощенія. Но не приписывайте молчанію моему инаго значенія, кромѣ неисправности, которой неволею, или неумѣніемъ уловить время, нерѣдко подвергаюсь. Ваше же о мнѣ памятованіе и всегда для меня цѣнно было, и особенно нынѣ утѣшительно, свидѣтельствуя, что общеніе наше есть во Господѣ. Предъ нимъ и въ молчаніи къ Вамъ приближаюсь, миръ Его Вамъ призываю, и на новое лѣто, и на многія лѣта.

Я думалъ, что съ прекращеніемъ странствованій моихъ изъ Москвы, буду имѣть здѣсь болѣе свободнаго времени. Но до сихъ поръ сего не встрѣчаю. Дѣло и люди безъ остатка разбираютъ у меня часы дневные, а нощнаго времени не допускаетъ много употреблять немощь. Предъ симъ неимѣніе Викарія умножило мои занятія.

Послѣ Бога, благодарю Благочестивѣйшаго Государя и Святѣйшій Синодъ, что Викарій дарованъ мнѣ знаемый и удобный къ сотрудничеству. *

Писалъ я къ Графу Николаю Александровичу, ** чтобы въ Ректора Московской Семинаріи перевесть Виѳанскаго Филоѳея, а

сказался въ пользу онаго. Существенное изъ мнѣнія его вошло, кажется, даже въ самое Предисловіе Г-на Востокова (стр. VI—VIII). Это Евангеліе напечатано въ С.-Петербургѣ 1843 года. О. Б.

* Іосифъ. См. письмо 50. О. Б.

** Протасову, Оберъ-Прокурору Св. Синода. О. Б.

туда назначить Московскаго Инспектора Алексія. Прошу по возможности споспѣшествовать сему.

Господь да поможетъ Владыкѣ Новогородскому въ его здравіи и мирѣ души.* Онъ утѣшилъ меня благосклоннымъ отвѣтомъ на мое письмо.

Преосвященному Іеремія ** трудновато будетъ служеніе: но думаю, что онъ мѣсту полезенъ будетъ.

Господь да споспѣшествуетъ Вамъ и сподвизающимся съ Вами право правити слово истины къ миру и благу Церкви Его.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва,

Генваря 18, 1843.
11 часъ вечера.

53.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Сперва обычная косность моя, потомъ болѣзненность, отъ которой и праздникъ Святителя Алексія въ келліи довелось мнѣ

---

* Серафиму Глаголевскому. О. Б.

** Студентъ Іеродіяконъ С.-Петербургской Академіи 7-го выпуска, послѣ Архимандритъ, съ Сентября 1830 г. Инспекторъ, съ Октября 1839 Ректоръ Кіевской Академіи, за тѣмъ съ 1841 Епископъ Викарій Чигиринскій, 1843 Кавказскій, съ 1849 Полтавскій, 1850 Нижегородскій, нынѣ на покоѣ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ. О. Б.

праздновать, воспрепятствовали мнѣ ранѣе бесѣдовать съ Вашимъ Высокопреосвященствомъ.

Кончина блаженныя памяти Владыки Серафима, * моего рукоположителя, и во многихъ случаяхъ благодѣтеля, хотя не не ожиданная по его древности, погрузила меня на время въ глубокое чувство сиротства. Первымъ утѣшеніемъ моимъ тогда было, что не задолго получилъ я отъ него благословеніе въ писмѣ. Совершивъ самъ литургію и паннихиду по преставшемся, я пригласилъ Духовенство ввѣренной мнѣ Епархіи къ четыредесятидневному церковному поминовенію его. Въ Москвѣ поспѣшили послѣдовать моему приглашенію, и первая паннихида была въ самый день его погребенія. Чрезъ нѣсколько дней я видѣлъ его во снѣ: повидался съ нимъ какъ обыкновенно, и, продолжая видѣть его въ самомъ снѣ, имѣлъ сознаніе, что вижу преставльшагося.

Получивъ извѣстіе о новомъ Владыкѣ Новогородскомъ, ** я болѣе утѣшился. По свѣдѣніямъ о немъ, и по вѣрѣ, что Господь воздвигнулъ благопотребнаго, возглаголавъ въ сердце Царево, уповаю, что служеніе его будетъ къ миру и благу Святыя Церкви. Долго не слышно о его прибытіи. Здѣсь на сихъ дняхъ пронесся слугъ, что онъ возметъ путь чрезъ Кіевъ и Москву. Милости просимъ, да пріиметъ благословеніе Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, и Преподобнаго Сергія.

Очень опечаленъ былъ болѣзнію Кіевскаго Владыки, *** очень утѣшенъ я вѣстію о улучшеніи его здоровья.

За назначеніе знаемаго Ректора въ Московскую Семинарію много благодаренъ я Святѣйшему Синоду и Графу Николаю Алек-

* Скончался 1843 года.

** Антоніи, передъ тѣмъ Архіепископѣ Варшавскомъ, скончавшемся въ 1848 году. О. Б.

*** Филарета, въ свѣтѣ Өедора Амфитеатрова, изъ Сѣвской Семинаріи, послѣ Ректора Московской Академіи, съ 1819 г. Епископа Калужскаго, 1825 Архіепископа Рязанскаго, 1828 Казанскаго, 1836 Ярославскаго, а съ 1837 Митрополита Кіевскаго, умершаго въ концѣ 1867. О. Б.

сандровичу. * Будемъ стараться оправдать благоволеніе. Равно благодарю и за вниманіе къ Инспектору Академіи Московской. ** Съ радостію будутъ творить свое дѣло, и съ молитвою о благодѣющемъ начальствѣ.

Въ преддверіи поста, прося отъ Васъ прощенія и благословенія, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію пребываю

Ваше Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва
Февр. 17, 1843.

Просятъ меня быть предстателемъ у Вашего Высокопреосвященства за ученика Богословія Арсенія Чистосердова, который ищетъ Священническое мѣсто въ Дѣдновѣ. Сотворите милость, естьли правда согласна будетъ.

---

* Филоѳея Успенскаго, Магистра, Архимандрита, съ 1838 Баккалавра и Инспектора, съ 1842 Ординарнаго Профессора Богословія въ Петебургской Академіи, съ 1848 Ректора Харьковской, потомъ Виѳанской Семинаріи, за тѣмъ Московской Академіи, съ 1849 г. Епископа Дмитровскаго, далѣе Костромскаго, нынѣ же Архіепископа Тверскаго? О. Б.

** Евсевія Орлинскаго, Магистра, Архимандрита, Инспектора и Ректора Московской, а съ 1847 г. и Петербургской Академій въ санѣ Епископа Винницкаго, съ конца 1850 Самарскаго, потомъ Иркутскаго, нынѣ Архіепископа Могилевскаго? О. Б.

54.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Брать!

Во истину воскресе Христосъ!

Съ любовію пріемлю и воздаю Вамъ цѣлованіе мира и радости во имя Господа Воскресшаго. И изъявленіе благихъ желаній пріемлю отъ Васъ какъ благословеніе и назиданіе. Господь да умножитъ Вамъ свой миръ и свою радость, которыхъ міръ не можетъ дать, и отнять не можетъ; и да сохранитъ Вашу жизнь и крѣпость, для продолженія служенія мира и спасенія въ Церкви Его Святой.

Естьли суждено продолжиться служенію Вашему въ столицѣ, да благословится оно тамъ; естьли въ предѣлахъ Вашей паствы, да благословится здѣсь.

Въ случаѣ же путешествія Вашего да обрѣту благодать предъ Вами, да не минете меня, готоваго срѣтить Васъ съ искреннимъ почтеніемъ и любовію, съ какимъ и всегда есмь и пребывать уповаю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва.
Апр. 14, 1843.

Призванію Преосвященнаго Владимірскаго * мы сорадуемся. Но врачъ, котораго совѣтами много лѣтъ онъ пользуется, нахо-

---

* Пареенія Черткова, Учителя Краснорѣчія въ Московской Академіи, съ 1811 Префекта ея, 1814 Ректора Виеанской Семинаріи, 1821 г. Епископа Владимірскаго, съ 1850 Архіепископа Воронежскаго, скончавшагося 1853 года. О. Б.

дитъ весьма сомнительнымъ, чтобы могло сбыться его путешествіе вдаль и къ сѣверу. Впрочемъ Господь да устроитъ то, что къ благу его и общему.

55.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Пріимите мое цѣлованіе сородованія о Воскресшемъ Господѣ и Спасителѣ нашемъ. Его свѣтъ, миръ и радость да исполняютъ душу Вашу, да въ крѣпости и благодушіи подвизаетесь въ славу имени Его, въ благо Церкви Его.

Особенно Вы обязали меня, что не прогнѣвались на мое долгое молчаніе. Съ первыхъ чиселъ Генваря до конца мѣсяца просидѣлъ я въ келліи отъ простуды, полученной въ концѣ прошедшаго года, и со дня на день ожидая, что укрѣплюсь, и буду писать свободно, не примѣтилъ, какъ наступилъ постъ.

Естьли упорныя дѣти покойной Уніи порядочные люди нравственно: то не бѣда, что остаются въ нашихъ монастыряхъ. Время можетъ уменьшить упорство и дать мѣсто безпристрастному разсмотрѣнію и вразумленію.

Архимандритъ Лаврентій въ здравомъ ли умѣ, когда такъ поступаетъ? Я долженъ Вамъ признаться, что къ удивленію присоединяется во мнѣ сожалѣніе. Бывшій Ректоръ Московской Академіи, нынѣшній Рижскій Епископъ, * обозрѣвая Семинарію, нашелъ его Инспекторомъ, и сказалъ мнѣ, что для ученой службы онъ неудовлетворителенъ, а можетъ быть полезнымъ Настоятелемъ. Я повѣрилъ, предложилъ Святѣйшему Синоду, и онъ опре-

---

* Филаретъ Гумилевскій, послѣ Архіепископъ Черниговскій. См. прим. на стр. 171. О. Б.

дѣленъ въ Спасо-Евѳиміевъ, оттуда и Вамъ достался. Непохвально, по моему мнѣнію, похвалами человѣку недостойному освобождать отъ него одно мѣсто, чтобы обременить имъ другое. Впрочемъ, можетъ быть тогда, когда мнѣ похвалили Лаврентія, еще не прозябло въ немъ то, что теперь процвѣтаетъ неблагоухающими цвѣтами. Богъ да поможетъ Вамъ привести его въ разумъ истины.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Мар. 29, 1844.

56.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Славя Бога мира и Отца щедротъ, даровавшаго намъ Свой миръ и Свое благоволеніе въ спасительномъ для насъ Рождествѣ Хріста Господа, во взаимномъ общеніи сихъ чувствованій съ Вашимъ Хрістолюбіемъ, обрѣтаю радость къ радости. Благословенъ Господь, миръ нашъ, творящій насъ едино въ вѣрѣ и любви. Благодареніе Вамъ за слово соутѣшенія. Обновляющій намъ лѣто, да даруетъ Вамъ новую помощь въ дѣлахъ служенія Ему, и Святой Церкви Его, и спасенію души.

Съ истиннымъ почтеніемъ, и яже о Господѣ любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва.
Генваря 1, 1845.

Въ Министерствѣ бывшіе и здѣсь слухи сколько имѣютъ основанія, не знаю, а что присутствующіе въ Святѣйшемъ Синодѣ оставлены еще на годъ, это вѣрно.

57.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Естьли не усты ко устомъ, то сердцемъ къ сердцу, на Ваше слово вѣры и радости, отвѣтствую: во истину Воскресе Христосъ!

Благодарю за святыя, и назидательныя для меня, желанія, которыми сопровождаете ко мнѣ слово радости. Молю и я Господа воскресшаго, да является духу Вашему благодатію Своею, да подастъ Вамъ выну миръ и радость, и да хранитъ и укрѣпляетъ Васъ къ распространенію Вами славы Его въ Церкви.

Надъ штатами трудимся и мы, и еще не знаю, какъ выйдемъ изъ сего труда, многими обстоятельствами затрудняемаго. Уже нѣсколько сотъ безмѣстныхъ учениковъ бѣдныхъ имѣемъ. Что будетъ, естьли еще многія цѣлыя семейства, по сокращеніи штатовъ, останутся безъ пропитанія? Священникъ съ однимъ причетникомъ какъ будетъ исправлять службу олтарную и клиросную, чтеніе и пѣніе? Что будетъ съ церковнымъ правиломъ о невхожденіи мірскихъ въ олтарь, которое и теперь уже неточно соблюдается? При забвеніи его не уменьшится ли, не потеряется ли благоговѣніе къ олтарю, такъ прекрасно отличающее Православную Церковь? Желалъ бы я, чтобы Вы помогли мнѣ размышлять о семъ, и притти къ несомнительному заключенію. По крайней мѣрѣ молитвъ Вашихъ прошу, и имъ себя вручаю съ искреннимъ почтеніемъ и любовію

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Апр. 22, 1845.

58.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Надобно, естьли не ранѣе, хотя уже въ постъ, принести Вамъ покаяніе въ моемъ долгомъ молчаніи. Хотѣлъ написать и скоро, чтобы написать свободно: потомъ болѣзнь много отняла времени.

Прискорбно слышать, что склонность къ жалобамъ, на которую жаловались Ваши предшественники, еще не совсѣмъ упразднена въ Вашихъ подчиненныхъ: надежда на свѣтское вліяніе въ духовный судъ, вѣроятно, поддерживаетъ сіе расположеніе. Средство противъ сего правосудіе съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ въ наказаніяхъ, которое и на исправляемаго лучше дѣйствуетъ, и предохраняетъ рѣшеніе отъ высшаго перевершенія, дающаго новый поводъ къ переносу дѣлъ.

Неожиданно, что Надеждинъ, не пользовавшійся обыкновенною довѣренностію власти, употребленъ для порученія, требующаго лица, преимущественно заслуживающаго довѣріе. Господь да устроитъ полезное.

Угадываю, за какую статью могли подвергнуть преслѣдованію. Онъ благонамѣренъ: но ревность его иногда переступаетъ предѣлы. Впрочемъ жаль, естьли прещеніе убьетъ его.

Странная у насъ судьба книгъ. Въ иныхъ и вредное не преслѣдуется: а въ иныхъ строго преслѣдуется то, что хотя и не совсѣмъ правильно и непріятно, но не вредно.

Но теперь время не другихъ судить, а себя осуждать.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Февр. 19, 1846.

59.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Простите, что не въ началѣ, а уже по преполовеніи праздника откликаюсь на Ваше праздничное слово. Во истину воскресе Христосъ! Его жизнь, Его радость и миръ да обитаютъ въ Васъ, и да распространяются Вами обильно въ кругѣ Вашего Священнаго дѣйствованія.

Что я занятъ обязанностію писать къ Вамъ, извольте примѣтить изъ того, что пишу сіе въ Перервинскомъ монастырѣ, отпраздновавъ Святителю Николаю, и пользуясь остаткомъ дня, и въ праздникъ болѣе свободнымъ здѣсь, нежели дни мои въ Москвѣ.

А что я думалъ о семъ и ранѣе, то покажетъ Вамъ приготовленный и препровожденный къ Вамъ (надѣюсь, и полученный Вами) списокъ съ записки о текстѣ седмидесяти толковниковъ и о Славенскомъ текстѣ Библіи. * Она составлена по нѣкоторому весьма немаловажному требованію, и по сему самому была подвергнута сужденію нѣкоторыхъ изъ братій нашихъ, старѣйшихъ и опытнѣйшихъ, и предложенное въ ней удостоено ихъ согласія. Сообщаю Вамъ оную, по братской довѣренности, для того, что въ ней можете найти причины, по которымъ и я полагалъ бы, согласно съ Вами, пріостановиться благословеніемъ на предположеніе Архимандрита Поликарпа,** сдѣлать новый переводъ текста седмидесяти толковниковъ.

---

* Она напечатана въ «Прибавленіяхъ» къ 3-й книжкѣ «Твореній Св. Отцевъ въ Русскимъ переводѣ,» за 1858 годъ, и отдѣльно подъ заглавіемъ: «О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи Греческаго седмидесяти толковниковъ и Славенскаго переводовъ Священнаго Писанія. Синодальнаго Члена Филарета, Митрополита Московскаго.» Москва, 1858, въ 8-у, 32 стран. О. Б.

** Поликарпа, въ мірѣ Петра Гайтанникова, Магистра С.-Петербургской Академіи 1-го выпуска, съ 1822 г. Доктора Богословія, съ 1817 Инспектора и потомъ

По чему Архимандритъ знаетъ, что переводъ Св. Мученика Лукіана во всемъ согласенъ съ переводомъ седмидесяти, когда Лукіановъ переводъ не существуетъ? И на что было бы дѣлать новый переводъ на одинъ и тотъ же языкъ, во всемъ согласный съ прежнимъ?

Нерѣдкая въ наше время черта, что нѣкоторые люди мнятъ знать дѣло, ревновать о пользѣ, службу приносити Богу, а въ самомъ дѣлѣ угадываютъ (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь въ модѣ, и покровительствуется сильными, и служать ей, въ надеждѣ, что и она имъ послужитъ. Не такъ созидается истинное благо Святыя Церкви. Простите меня.

Кстати же, можетъ быть, не безполезно было бы, естьли бы и Вы сказали мнѣ, что думаете о содержаніи сообщенной Вамъ записки.

Что въ моихъ словахъ и рѣчахъ находятъ несовершенства, противъ того не имѣю ни малѣйшаго спора. И естьли въ нихъ внутренній недостатокъ окруженъ типографской каймою: то внутренній недостатокъ принадлежитъ мнѣ, но кайма отнюдь не мнѣ, а издателямъ, которымъ послѣ настоятельной прозбы отдалъ я рукопись безъ всякихъ условій, и хоть потомъ, увидѣвъ образецъ изданія, говорилъ, что роскошное изданіе не обогатитъ содержанія книги, но они поставили на своемъ. *

Паки прошу простить мою недѣятельность и не подражать ей.

Съ искреннимъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Маія 9, 1846.

Ректора С.-Петербургской Семинаріи, съ 1824 Московской Академіи и Новоспасскаго Архимандрита, скончавшагося 1837 года? О. Б.

* Рѣчь идетъ объ извѣстномъ изданіи его «Словъ и рѣчей» въ 1845 г., предпринятомъ А. Н. Лобковымъ. О. Б.

60.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Съ радостію и благодарностію пріялъ отъ Васъ слово радости о Воскресшемъ Господѣ. Призываю Вамъ обновленіе и умноженіе Его благодати, свѣта, мира и силы, да угоднымъ Ему Священнымъ служеніемъ Вашимъ умножается слава Его въ Церкви и духовное благо призываемыхъ имъ ко спасенію.

Винюсь предъ Вами, что долго молчалъ, и благодарю за снисхожденіе, что не наказываете моего молчанія Вашимъ молчаніемъ. Живу между не уменьшающимся избыткомъ требуемыхъ занятій, и между возрастающимъ недостаткомъ силъ. Въ прошедшій постъ, бывъ по надобностямъ въ Лаврѣ, возвратился я во вторникъ на шестой недѣлѣ въ большомъ изнеможеніи, и только въ навечеріи Пасхи ночью началъ чувствовать себя выздоравливающимъ. У насъ не малое уже время продолжается не смертоносное, но на многихъ дѣйствующее повѣтріе головной боли и кашля.

Да поможетъ Вамъ Богъ устроить дѣло штатовъ сельскаго духовенства. Намѣреніе благодѣтельное: но исполненіе не легко, при возрастающемъ избыткѣ. Говорятъ, въ Епархіяхъ, гдѣ дѣло въ полномъ ходу, и то оказывается, что оклады не удовлетворяютъ, а прихожане взыскательно многаго требуютъ отъ Священника, какъ отъ работника, которому уже заплачено.

Со мною опять особенное. Всѣмъ окрестнымъ Епархіямъ по сему предмету предписано: а мнѣ еще нѣтъ. Видно, Провидѣніе сей трудъ предоставляетъ, не такъ немощному, какъ я, моему пріемнику. Между тѣмъ умноженіе опытовъ поможетъ благонадежности распоряженій. Московскую Епархію при сокращеніи штатовъ труднѣе успокоить, нежели другую. Она привыкла къ полному и благолѣпному чину Священнослуженій. Въ маленькомъ селѣ находятъ неблаголѣпною службу, естьли нѣтъ Діакона, и докучаютъ прозбою, чтобы дали Діакона.

Прося себѣ продолженія братскаго общенія и молитвъ Вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва.
Мар. 30, 1847.

61.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Благодареніе Всеблагому Богу, еще даровавшему намъ участіе въ радости веліей, отъ превыспреннихъ небесъ низпосланной, Ангелами возвѣщенной, землю обновившей, яко родися намъ Спасъ, иже есть Хрістосъ Господь. Блаженна сія радость, поколику соединяетъ насъ съ самымъ ея источникомъ: но блага и та доля ея, которая соединяетъ насъ между собою въ вѣрѣ и любви. Съ утѣшеніемъ пріемлю отъ Васъ, и простираю къ Вамъ общеніе въ сей радости, и благодарю за подаваемое мнѣ отъ Васъ утѣшеніе. Обновитель человѣковъ и временъ да обновитъ дни Ваши и во грядущее, и грядущія лѣта да продолжитъ исполнять Васъ Своимъ свѣтомъ и жизнію къ распространенію Его свѣта и жизни во множествѣ вѣрующихъ Ему.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва.
Дек. 31, 1847.

---

* Не собственноручное, исключая 2-ой и 2-хъ послѣднихъ строкъ съ припискою. О. Б.

Что причетнику одному при церкви неудобно быть, по разнымъ причинамъ, о томъ я представлялъ мое мнѣніе С. Синоду, и въ проэктѣ штата при церквахъ Московской Епархіи вездѣ положено по два причетника. До сихъ поръ предписанія по сему не имѣю, и желаю мудрости моему преемнику для сего труднаго дѣла. Судъ Божій за наши грѣхи въ томъ, что тогда, какъ людей дѣвать некуда, еще уменьшаютъ мѣста. При семъ приходитъ на мысль на всякой случай просить Вашего вразумляющаго слова, что бы можно было придумать, чтобы избыточествующему числу дѣтей духовенства дать законное постоянное въ обществѣ существованіе, дѣло и хлѣбъ?

Второбрачныхъ причетниковъ допускать до жертвенника было бы не совсѣмъ противно правиламъ, естьли бы жертвенникъ устроялся и нынѣ, какъ въ древнихъ церквахъ, отдѣльно отъ олтаря. Но нынѣ во многихъ церквахъ нельзя иначе подойти къ жертвеннику, какъ подходя близко къ престолу. По сему, думаю, лучше перемѣщать второбрачнаго причетника къ такой церкви, гдѣ олтарную должность можно поручить другому. Немощны мы нынѣ для строгаго исполненія правилъ: но съ другой стороны ослабленіе правилъ въ клирѣ, въ однихъ раждаетъ неуваженіе къ клиру, въ другихъ увеличиваетъ небреженіе о себѣ самихъ. Естьли церковники не исполняютъ древнихъ правилъ: почему міранину не жить, какъ захочетъ?

62.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Виновато предъ Вами мое долгое молчаніе: и естьли Вамъ не пріятно было замѣтить мое, то не меньше и мнѣ. Причина не новая, и не состарѣвающаяся: не успѣваю дѣлать дѣло; отъ того долго не доходитъ очередь до писемъ. Немощь увеличивается: а дѣла не уменьшаются. Въ Маіѣ поѣхалъ было я въ Лавру от-

дохнуть и лѣчиться: оказалось, что и лѣчиться было некогда, и отдыхать. Возобновившаяся епидемія въ Москвѣ позвала меня въ Москву. Въ другой разъ поѣхалъ въ Лавру для продолженія обозрѣнія Академіи: опять надобно было спѣшить, и въ самый праздникъ преподобнаго Сергія вечеромъ держать засѣданіе Конференціи, чтобы на другой день возвратиться въ Москву, между прочимъ для ускоренія занятія Священническихъ мѣстъ, которыя епидемія оставила безъ служащихъ, во время, требующее усиленныхъ занятій служенія.

Отъ утомленія и простуды занемогъ было и я, впрочемъ не нынѣшнею болѣзнію: и теперь оживаю.

Много у меня сослужителей взяла епидемія, и при занятіи мѣстъ сиротство затрудняетъ.

Утѣшительно иногда видѣть, что бѣдствіе открываетъ добродѣтели. На примѣръ, Благочинный приходитъ съ донесеніемъ о смерти Священника и жены его, и со слезами проситъ вниманія къ сиротамъ, которыя для него чужія.

Желаю знать отъ Васъ доброе и прошу молитвъ Вашихъ.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва.
Іюля 12, 1848.

Раменскій Священникъ просилъ моего къ Вамъ предстательства о переведеніи сына его Діакона Льва изъ Ѳедяпина въ Малово, по избранію прихожанъ. Соглашаюсь ходатайствовать по тому, что дѣло, кажется, въ порядкѣ Діакона перевесть на другое Діаконское мѣсто по избранію. Бѣда, говорятъ, въ томъ, что по записямъ недостаетъ семи душъ въ приходѣ, коихъ народилось уже болѣе, нежели есть въ записяхъ. Естьли можно, утѣшьте стараго Іерея.

63.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Представитель Вашему Высокопреосвященству сего писма сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе, побудивъ меня, хотя не загладить, по крайней мѣрѣ прекратить долго лежащую на мнѣ предъ Вами вину молчанія. Непрестанно я чувствовалъ оную, и со дня на день намѣревался принести Вамъ мое покаяніе: наконецъ приношу оное.

Вы милостиво сказали 2 Апрѣля, что не много пишете по несвободному тогда для меня времени: справедливо могли сказать, что я не имѣю права и на короткое писмо Ваше.

Какъ Вы не строго судили меня молчащаго: такъ снисходительно простите меня признающаго свою вину.

Желательно, чтобы отъ Владыки Кіевскаго * произошла добрая книга Дѣятельнаго Богословія. Но вышедшая книга Догматическаго Богословія, естьли не ошибаюсь, не довольно сильна.**

О способѣ уменьшить излишество людей въ духовномъ вѣдомствѣ, есть Комитетъ, и по его направленію требуются. Св. Синодомъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Мнѣ кажется, жестоко не допускать причетническихъ дѣтей до высшихъ классовъ ученія, и не полезно, потому что Провидѣніе не обязано лучшія способности давать Священнослужительскимъ дѣтямъ, а церковнослужительскимъ въ семъ отказывать.

---

* Филарета Амфитеатрова. О. Б.

** Сочиненная тогдашнимъ Ректоромъ Кіевской Семинаріи, получившимъ за нея степень Доктора Богословія, Антоніемъ, послѣ Ректоромъ тамошней Академіи, съ 1858 г. Викаріемъ Епископомъ Чигиринскимъ, 1860 Смоленскимъ, съ 1867 Архіепископомъ Казанскимъ. О. Б.

Естьли писмо не дойдетъ до Васъ скоро: то, можетъ быть, не излишне сообщить Вамъ нынѣ полученное извѣстіе, что значительнѣйшій изъ Венгерскихъ мятежническихъ Генераловъ, Герги, сдался Россійскому войску безъ боя. Это подаетъ надежду близкаго добраго окончанія брани, которое и да даруетъ Богъ.

Чтобы поблагодарить вручителя писма за благодѣяніе, покорнѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство, выслушать его прозбу, и оказать ему милость, какую справедливость позволитъ.

Прося молитвъ Вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Москва Ав. 8, 1849

64.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Писмо Ваше отъ 25 Февраля, полученное мною вчера вечеромъ, содержитъ вопросъ, не легкій къ разрѣшенію.

Надобно было бы обратиться къ источнику, изъ котораго почерпнуто 55 правило Номоканона, чтобы опредѣлить важность онаго. Матѳей, на котораго оно ссылается, есть Властарь, собиратель церковныхъ правилъ, соборныхъ и отеческихъ, и частныхъ рѣшеній по дѣламъ церковнаго правосудія. Естьли вышеозначенное правило происходитъ отъ Собора, или Святаго Отца, то неудобно произнесть рѣшеніе, съ устраненіемъ сего правила. Священникъ, которому дано будетъ такое рѣшеніе, можетъ оставаться въ сомнѣніи совѣсти: а въ такое положеніе не должно поставлять.

Надобно, чтобы Священникъ жениху наединѣ прочиталъ правило, и сказалъ, что ему не по совѣсти приступить къ совершенію брака. При томъ увѣщевалъ бы жениха, чтобы онъ къ грѣху прежде допущенному не прилагалъ другаго. Вразумлялъ бы, что брачущемуся должно стараться пріобрѣсти благословеніе Божіе на продолженіе брака и на дѣтей: а сіе не пріобрѣтается приложеніемъ грѣха ко грѣху. Надобно прежній грѣхъ уменьшить и очистить побѣжденіемъ наклонности къ другому. По сему естьли хочетъ себѣ добра, надобно искать другой невѣсты.

Естьли сіе тщательно исполнено, и женихъ, не внимая увѣщанію, пришелъ къ Вамъ жаловаться на невѣнчаніе, а Священникъ отозвался, что не вѣнчаетъ по причинѣ, которую можетъ только открыть Архіерею по священству: то Вамъ надлежитъ сказать жениху: какъ Священникъ представляетъ, что имѣетъ тайную причину не вѣнчать, то испытай ты тщательно свою совѣсть, нѣтъ ли у тебя на совѣсти чего нибудь такого, что останавливаетъ Священника, и естьли что есть, то обдумай лучше свое положеніе, и поищи средства и свою совѣсть успокоить, и Священника изъ сомнѣнія вывести. Естьли женихъ будетъ стоять въ томъ, что за нимъ ни чего нѣтъ противнаго браку, то сказать: я рѣшу дѣло какъ могу; на твоей душѣ отвѣтъ предъ Богомъ, правъ ты, или виноватъ.

За тѣмъ, по моему мнѣнію, Вы можете дать рѣшеніе: какъ Священникъ представилъ сомнѣніе совѣсти противъ совершенія сего брака, то дабы не подвергать его смущенію совѣсти, освободить его отъ обязанности совершить сей бракъ и предоставить просителю обратиться къ другому Священнику по удобности, или по мѣсту жительства невѣсты, естьли она въ другомъ приходѣ.

Другой Священникъ начнетъ дѣло своимъ порядкомъ, и естьли ему не откроется препятствіе, совершитъ бракъ съ мирною совѣстію: а тотъ, который захотѣлъ скрытно носить тяготу на своей совѣсти, оставленъ будетъ Испытующему сердца и утробы, не тяготя собою совѣсти другихъ.

По долгу братскому предлагаю Вамъ свои мысли: Господь же да наставитъ Васъ на истину Свою, какъ лучше Самъ вѣсть.

Въ преддверіи поста, прося Вашего прощенія и благословенія, съ искреннимъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Въ Москвѣ.
Мар. 3, 1850.

65.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Взаимно привѣтствую Васъ радостію Воскресенія Хрістова, и для насъ живоноснаго. Да будетъ она въ Васъ полна и совершенна; и да будетъ силою Вашей жизни, къ продолженію дѣятельности на пользу Святыя Церкви и во спасеніе душъ.

Радъ я вызову Преосвященнаго Григорія * въ С. Синодъ, какъ по тому, что ему отдается справедливость, такъ и по тому, что сіе подаетъ надежду добрыхъ послѣдствій. Слышу, что и Новгородскій Владыка ** симъ доволенъ: и сіе есть доброе знаменіе. Да даруетъ имъ Богъ единомысліе во благое.

Прося молитвъ Вашихъ, съ искреннымъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Въ Москвѣ
Апр. 30, 1850.

---

* Въ то время Архіепископа Казанскаго, въ послѣдствіи (съ 1856 г.) Митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго. См. письмо 10. О. Б.

** Никаноръ, въ свѣтскомъ званіи Николай Клементьевскій, воспитанникъ Троиц-

66.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

И небесные служители Божіи пріемлютъ участіе въ радости Рождества Хрістова, и привѣтствуютъ ею земнородныхъ. Праведно убо и всѣмъ намъ, и особенно помилованнымъ, быти служителями таинъ Хрістовыхъ, и объимать другъ друга объятіями сердца, и привѣтствовать радостію Господнею, какъ и все, еже отъ Господа, къ Нему и обращаться должно, радость нашу обращать въ молитву другъ о другѣ. Слава Богу, что такъ и есть между мною и Вами. Благодарю любовь Вашу. Молю Рождшагося Обновителя нашего, да обновитъ силы и жизнь Вашу, къ продолженію дѣятельности благопотребной и полезной Церкви Его.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Въ Москвѣ.
31 Дек., 1850.

Ваши сверстники, для которыхъ я составляю предыдущій родъ, все поспѣшаютъ уходить отъ сего вѣка. Изъ осми Архіепи-

---

кой Семинаріи, съ 1809 г. Учитель Греческаго и Еврейскаго языковъ, 1812 Риторики, 1814 Баккалавръ Московской Академіи, Намѣстникъ Лавры, съ 1818 Ректоръ Виѳанской Семинаріи, 1826 Епископъ Викарій Ревельскій, 1831 Калужскій, 1834 Архіепископъ Минскій, 1840 Волынскій, 1843 Варшавскій, 1848 Новгородскій и С.-Петербургскій; скончался въ Сентябрѣ 1856 года. О. Б.

* Писано рукой чужой, кромѣ 2-ой, 3-хъ послѣднихъ строкъ и приписки. О. Б.

скоповъ, Преосвященный Венедиктъ * пошелъ пятый ** и остается Васъ трое. *** Помолитесь о мнѣ, да не безконечно пришельствуетъ много пришельствующая душа моя.

67.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Для усмотрѣнія, что родство Вами описанное, есть двуродное, надобно написать оное правильно.

Именно:

Какъ при Петрѣ не ставится въ счетъ степеней жена: такъ при Агаѳіи не нужно ставить въ счетъ мужа. Слѣдственно, это четвертая степень отъ двухъ родовъ; и Консисторія правильно осуждаетъ сей бракъ.

---

* Въ бѣльцахъ Василій Григоровичъ, Магистръ Санктъ-Петербургской Академіи 1-го выпуска, съ 1814 г. Ректоръ Могилевской Семинаріи, потомъ 1831 С.-Петербургской Академіи, 1834 Епископъ Викарій Ревельскій, въ послѣдствіи Архіепископъ Олонецкій и Членъ Св. Синода; сконч. 1850 года.

** Аѳанасій Тобольскій, Моисей Екзархъ Грузіи, Кириллъ Подольскій, Мелетій Харьковскій и Венедиктъ Олонецкій. О. Б.

*** Григорій Казанскій, Гавріилъ Рязанскій, Павелъ Черниговскій. Это и предыдущее примѣчанія сдѣланы рукою самого Преосвященнаго Гавріила. О. Б.

Жалѣю, что не видалъ Преосвященнаго Тамбовскаго.* Но я не могъ оставаться въ Москвѣ до его пріѣзда. Праздникъ Пресвятыя Троицы уже нѣсколько лѣтъ провожу я въ Лаврѣ, и по тому, что Лавра, какъ въ старину говорили, домъ Пресвятыя Троицы, и по тому, что, при уменьшающихся силахъ, служеніе сего дня удобнѣе мнѣ совершать въ Лаврѣ. За тѣмъ остаюсь я въ Лаврѣ для лѣченія, которому здѣсь менѣе препятствуютъ люди, особенно въ скитѣ, и болѣе благопріятствуетъ воздухъ.

Когда Преосвященный Николай ѣхалъ въ Петербургъ, я тогда уже нашелъ его здоровье измѣнившимся противъ прежняго: но не хотѣлъ безпокоить его моимъ наблюденіемъ. Надобно ему хорошо позаботиться о своемъ здоровьѣ.

Простите меня, что иногда не пишу къ Вамъ, когда должно. Дѣла у меня больше, нежели силы и времени. Добрую же о Васъ память храню съ любовію.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Въ Лаврѣ.
Іюня 18, 1851.

68.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Во истину воскресе Христосъ. Объемлю Васъ мысленно съ сорадованіемъ и съ желаніемъ Вамъ нетлѣнныхъ благъ, которыя пріобрѣлъ и подаетъ намъ Воскресшій Господь.

---

* Николая, вызваннаго въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ въ 1850 году. О. Б.

Вамъ правда, а мнѣ стыдѣніе лица. И молчащаго меня посѣщаете писаніемъ Вашимъ. Чувствую Ваше снисхожденіе, и благодарю.

Благодарю за принятое Вами участіе въ благопріятныхъ для меня и Московскаго Духовенства событіяхъ прошедшаго Августа. Я говорилъ, кому могъ, и не моего вѣдомства, что намъ стыдно будетъ, естьли не выразимъ особеннымъ образомъ благодарности нашей Государю Императору за его двадцатипятилѣтіе. Мысль сія была отчасти принята, но не произвела общаго дѣйствія, по обстоятельствамъ, о которыхъ долго расказывать. Потому поздно рѣшился я исполнить оную частно по моему вѣдомству: однако Богъ далъ исполнить благовременно. Золотой голубь изготовленъ былъ только за день до того дня, въ который надлежало употребить его. И въ присутствіи Государя Императора, и потомъ во время путешествій Высокихъ Особъ въ Лавру, провелъ я весьма утѣшительные дни, видя ихъ благочестіе, и пользуясь ихъ снисхожденіемъ моему смиренію. И здоровья моего сверхъ чаянія достало на нѣкоторые дни, довольно трудные. Слава Богу о всемъ! Господи, спаси Царя и родъ его!

Что одинъ изъ сослужителей Вашихъ оказался невѣрнымъ,—случай не небывалый. И со Апостолами бывали бѣды во лжебратіи. Хорошо, что добрые люди Васъ предостерегли. Не скорбите много, но воспользуйтесь указаніемъ, чтобы предохранять дѣла отъ неправды и людей отъ искушенія. Непріятно не довѣрять: но и довѣрять безъ осторожности опасно. Немалая предосторожность въ томъ, чтобы подчиненные, какъ можно, ближе и непосредственнѣе видѣли дѣйствія начальника, какъ исходящія отъ него самаго, а не управляемыя вліяніемъ посредниковъ. Можетъ случиться, что Секретарю заплатятъ, чтобы затмить важное обстоятельство въ дѣлѣ; и Консисторія не досмотритъ: но когда Архіерей, не докладъ слушая, а разсматривая подлинное дѣло, откроетъ истину и дастъ свое рѣшеніе, люди увидятъ, что не за что платить Секретарю, и Консисторія будетъ учиться вострѣе держать ухо.

Знаю, что Директоръ Придворной Капеллы * жалуется на здѣшній Комитетъ и на меня. Но что дѣлать? Онъ желаетъ, чтобы мы сказали о его предложеніяхъ, что это все прекрасно. А мы, не умѣя, можетъ быть, судить о прекрасномъ, говоримъ только: это сходно съ древнимъ напѣвомъ, а это недовольно сходно, и не удовлетворяетъ слуха, привыкшаго къ древнему. Справедливо ли послѣднее, или нѣтъ, желалъ бы я слышать Ваше мнѣніе.

Прося молитвъ Вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Апр. 6, 1852.
Въ Москвѣ.

69.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Виноватъ я предъ Вами, что давно не пишу къ Вамъ, и, можетъ быть, найдете меня виноватымъ въ томъ, о чемъ теперь хочу писать. Но я не могу отказать Маріи Романовнѣ Кикиной, чтобы не ходатайствовать предъ Вами о доставленіи приходу, въ, которомъ она живетъ, добраго Священника. Зная Христіанскій образъ мыслей ея, не сомнѣваюсь, что нравственная необходимость заставляетъ ее свидѣтельствовать противъ назначеннаго Вами ученика. Думаю, часто не безъ грѣха бываетъ, когда мы къ назначенію достойнаго во Священники привязываемъ мысль о невѣстѣ.

Но конечно не надобно простирать сей грѣхъ до того, чтобы произвесть во Священника, не одобряемаго завѣдомо прихожанами, и даже невѣстѣ непріятнаго. Прочитайте прилагаемую

* Львовъ? О. Б.

записку и, естьли угодно, укорите меня докучающаго Вамъ, но прихожанамъ сотворите правду и милость.

Прося молитвъ Вашихъ моей немощи, съ искреннимъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Мар. 13, 1853.

70.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Цѣлованіе Вамъ моего смиренія во имя Господа воскресшаго, въ соотвѣтствіе Вашему братскому цѣлованію, которое принялъ я съ любовію и благодарностію. Господь да сохранитъ Васъ во благодати и мирѣ.

Благодарю за рукопись о Патріархѣ Іовѣ. Она примѣчательна.

Церковныя пѣснопѣнія, положенныя на ноты Бортнянскимъ, пѣть въ церкви можно, кромѣ концертовъ, о которыхъ есть особое правило.

О Студентѣ Николаевскомъ Г. Помѣщица объяснитъ Вамъ сама. Говоритъ, что его не знали, пока былъ въ училищѣ: а какъ явился кандидатомъ священства, началъ поборы съ крестьянъ, и угрожаетъ большими, когда будетъ Священникомъ. Въ нынѣшнее время снисхожденіе ближайшихъ начальствъ въ надзорѣ часто бываетъ излишне; и по тому требуется отъ нашей братіи особенная бдительность и проницательность, чтобы паства видѣла добрые примѣры, а не соблазны.

Помолитесь о насъ, нѣсколько болящихъ. Болѣзнь у насъ, по милости Божіей, много легче, нежели въ Петербургѣ и, по видимому, обѣщала скорый конецъ, но въ сіи дни холодная и сырая погода можетъ быть причиною, что надежда не оправдывается.

Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

М. Маія 6, 1853.

Естьли у Васъ есть забота о Константинополѣ: то можно сказать Вамъ, что есть причина быть спокойными.

71.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Извѣстно, думаю, Вамъ, что въ Москвѣ нынѣ пребываетъ посланникъ Патріарха Александрійскаго, Ѳиваидскій Епископъ Никаноръ, * съ данною ему отъ С. Синода книгою для сбора приношеній въ пользу тамошней бѣдствующей Церкви. Теперь онъ посылаетъ съ сею книгою своего Іеромонаха Хрисанѳа въ нѣкоторые города, и проситъ меня напутствовать его къ Вамъ. Исполняя сіе, надѣюсь, что Вы даруете ему прибѣжище, и укажете путь къ благотворительности Вашей паствы.

Сѣтую на себя, что рѣдко пишу къ Вамъ: но Вы не сѣтуйте на мою немощь и молчащаго меня не лишайте воспоминанія въ

---

* Нынѣ Патріархъ Александрійскій. О. Б.

молитвамъ Вашихъ, которымъ искренно себя поручаю, пребывая съ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ и яже о Господѣ любовію

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Въ Москвѣ.
Окт. 12, 1853.

72.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Много виноватъ я предъ Вами, что давно не писалъ къ Вамъ. И дѣла, и немощь одолѣваютъ, и дѣлая, что могу, не могу дѣлать многаго, чего желаю. Благодарю Васъ, что не оставляете меня братскимъ расположеніемъ, и особенно въ общемъ нашемъ попеченіи о благѣ и мирѣ Святыя Церкви. Что пишете мнѣ отъ 18 дня сего мѣсяца, то не было уже не извѣстно мнѣ: тѣмъ не менѣе благодареніе Вамъ за сообщеніе свѣдѣній, требующихъ особеннаго вниманія. Видите, какъ далеко простирается дерзость враждующихъ противъ истинной Церкви. Но солга неправда себѣ, усиленнымъ лукавствомъ и дерзостію приближаетъ судъ на себя. Дремавшее прежде вниманіе возбуждено. И въ то самое время, какъ противъ усилившагося зла начинаютъ дѣйствовать, двое изъ начальниковъ зла, Рахмановы, * умираютъ. Есть вразумляющіеся. Помолитесь, да умножатся сіи.

---

* Рахмановы, вмѣстѣ съ другими богатыми раскольниками Рогожскаго кладбища, болѣе прочихъ хлопотали объ устройствѣ за границей Бѣлокриницкой Митрополіи Поповщинскаго толка съ 1846 и слѣд. годовъ, особливо братья Өедоръ и Алексѣй (безбрачный) Андреевы, двоюродный братъ Василья Григорьева, мужа Агаөьи Филипповны, «адаманта этого согласія», какъ называли ее Поповцы,

Прося молитвъ Вашихъ и моей немощи, съ искреннимъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Сент. 21, 1854.

73.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Въ первые вѣки Христіанства въ день Богоявленія праздновалось и Рождество и Крещеніе Христово. Это я вспомнилъ въ свое извиненіе, дабы представить Вамъ, что не очень поздно поздравляю Васъ съ праздникомъ Рождества Христова, когда поздравляю вмѣстѣ съ праздникомъ Крещенія Христова. Благодать и радость Виѳлеемская и Іорданская да будетъ присуща душѣ Вашей, да благодатно дѣйствуетъ въ Церкви Господней.

Ректоръ Вашъ * у меня былъ, но я не довольно съ нимъ бесѣдовалъ, по моему нездоровью, по которому и нынѣшній день

тоже не менѣе усердствовавшаго. Первые два умерли въ 1854 году. Но Ѳедоръ Рахмановъ, умирая, завѣщалъ въ распоряженіе Василія, Алексѣя Алексѣева, Семена Иванова Рахмановыхъ и племянника К. Т., сына брата Терентія, говорятъ, милліонъ рублей серебромъ на «благое дѣло,» около половины коего, по словесному распоряженію завѣщателя, назначено было передать въ Бѣлую Криницу. Алексѣй Алексѣевъ, Семенъ Ивановъ и Василій Григорьевъ Рахмановы вскорѣ тоже умерли, по чему завѣщанное перешло въ распоряженіе оставшагося въ живыхъ душеприкащика. О. Б.

* Антоній Смолинъ, изъ Саратовской Семинаріи и Московской Академіи, постригшійся еще во время ученія въ послѣдней въ монашество, по окончаніи же Профессоръ и Инспекторъ Ярославской съ 1832 года, въ концѣ 1834 пере-

проведенъ мною въ келліи. Я сохраняю о немъ доброе мнѣніе по прежнимъ воспоминаніямъ: но давно въ дѣлѣ его не вижу. Ваше свидѣтельство въ его пользу должно было имѣть силу. Чтобы о немъ было такое неблагопріятное мнѣніе, я не слыхалъ, и не думаю: а думаю просто не воспоминаютъ, или не знаютъ; по тому что онъ былъ на чередѣ во время болѣзни Митрополита Антонія, и это, кажется, не было время наблюденія и соображеній для будущаго. Впрочемъ надъ нашимъ невѣдѣніемъ и ошибками есть Провидѣніе Божіе, имѣющее благія цѣли, и вѣрныя средства, хотя не всегда согласныя съ мыслями нашими. Можно и въ средней службѣ быть довольну, пока Богъ устроитъ иначе. Мож о нынѣ и находящемуся въ высшей службѣ подумать, что покойнѣе было бы въ низшей.

Нынѣшнее время говоритъ строго, какъ Іоаннъ Креститель. А мы, кажется, мало приносимъ плодовъ покаянія, чтобы отдалить сѣкиру отъ корене древа. Молитесь о Православной Церкви и о Православномъ Отечествѣ. Помолитесь и о моемъ недостоинствѣ.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Въ Москвѣ.
Генваря 6, 1855

74.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Благословенъ Господь и Спаситель нашъ, изъ Своего живоноснаго гроба озарившій насъ блатодатною радостію, и у вер-

---

мѣщенъ въ Виеанскую, въ 1840 назначенъ Ректоромъ Рязанской, въ началѣ 1858 Орловской, и тогда же рукоположенъ въ Епископа Одесскаго, Викарія Херсонскаго, за тѣмъ Пензенскій, нынѣ же Пермскій. О. Б.

* Писано чужою рукою, за исключеніемъ 2-й, 3-хъ послѣднихъ строкъ и приписки. О. Б.

дившій ее для насъ Своимъ повелѣніемъ: радуйтеся. Живетъ она вѣки, и не старѣется: и нынѣ услаждаетъ насъ своимъ свѣтомъ и отсвѣтомъ взаимныхъ въ ней общеній.

Искренно благодарю Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, за общеніе со мною въ радости Господа; молю Его, Источника жизни, да обновляетъ и сохраняетъ жизнь и благоденствіе Ваше къ продолженію дѣятельнаго служенія благу Церкви и спасенію душъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и, яже о Господѣ, любовію пребываю.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

2 Апрѣля, 1855.

Простите мою изнемогающую руку, что она замѣняетъ себя чужою.

75.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Во истину воскресе Хрістосъ. Съ радостію пріемлю и подаю Вамъ цѣлованіе мира во имя Господа воскресшаго. Да сотворитъ Онъ Вашу о немъ радость совершенною и неотъемлемою, и да умножитъ дни Ваши и да продолжитъ дѣятельность къ умноженію спасаемыхъ.

Желаю и я встрѣтиться съ Вами прежде даже не отъиду и ктому не буду. Нынѣшнее лѣто подаетъ надежду исполненія сего желанія.

Прошу молитвъ Вашихъ, благопомощныхъ моей немощи.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

М. Апр. 21, 1856.

76.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Благодарю, что Вы посѣтили меня словомъ общенія въ радости Господней и благими желаніями. Привѣтствую и Васъ общею нашею радостію, и Пришедшаго обновить жизнь нашу, да обновитъ силы духа и тѣла Вашего къ подвигамъ въ благоугожденіе Ему и во благо Церкви Его.

Что дѣло о мѣщанинѣ, назначаемомъ въ Единовѣрческаго Священника, идетъ у Губернскаго Начальства не скоро, это можетъ быть и безъ вины. Надобно просить разрѣшеніе Сената, и едва ли не Высочайшаго разрѣшенія.

Но хорошо, что дѣло и не поспѣшило, и я благовременно могу доставить Вамъ свѣдѣніе, которое можетъ быть нужно. Вы не называете мѣщанина по имени. Мнѣ назвали его Иваномъ Ивановымъ; и не одобряютъ его, и увѣряютъ, что онъ двоеженецъ. Мнѣ нѣтъ повода узнавать сіе съ строгою точностію.

Прошу молитвъ Вашихъ и съ искреннимъ почтеніемъ и любовію пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

М. Дек. 28, 1856.

77.

Преосвященнѣйшій Владыко, *

Возлюбленный о Господѣ братъ.

Сейчасъ я получилъ письмо Ваше отъ 23 дня, и не отлагаю ни на часъ отвѣта.

Искренно скорблю о нанесенномъ Вамъ оскорбленіи. Происшествіе такъ странно, что однимъ вѣроятнымъ изъясненіемъ онаго представляется безуміе Варлаама. Но какъ бы то ни было. невольное ли это, или произвольное безуміе: Васъ могла обезпокоить нечаянность приключенія, но съ окончаніемъ онаго безпокойство Ваше должно прекратиться.

По разсужденію древняго философа ударомъ отъ осла не должно тревожиться.

Вы, конечно, слышали, что покойнаго Митрополита Новогородскаго Серафима однажды, при выходѣ его въ переднія комнаты, для выѣзда въ Св. Синодъ, неизвѣстный человѣкъ, какъ оказалось, раскольникъ, ударилъ по головѣ такъ, что наклонилъ его къ стѣнѣ. Владыка перенесъ ударъ, и остался въ покоѣ. Безумецъ былъ задержанъ; не знаю, какъ съ нимъ поступлено: но то вѣрно, что на оскорбленномъ не осталось никакой тѣни.

---

* Въ нашемъ собраніи писемъ Митрополита Филарета къ Архіепископу Гавріилу нѣтъ ихъ за 1857 и 1858 годы. Но въ прекрасномъ сочиненіи Н. В. Сушкова: «Записки о жизни и времени Святителя Филарета, Митрополита Московскаго» (Москва, 1868), упомянутъ случай (стр. 149), а въ Приложеніи XXXI-мъ (стр. 76—77) помѣщено и самое письмо Владыки къ Гавріилу, въ отвѣтъ на его извѣщеніе о постигшемъ его оскорбленіи; письмо это мы, съ согласія издателя, для полноты писемъ перваго къ послѣднему, помѣщаемъ тоже здѣсь. Безъ сомнѣнія, были и послѣ сего письма еще письма между ними, равно какъ и послѣ письма отъ 14-го Сентября, 1859 года, по счету 78-го, коимъ заключается это собраніе, вѣроятно, по самый 1862 годъ, въ которомъ скончался Преосвященный Гавріилъ, но они не дошли до меня. О. Б.

Прощая оскорбителя, Вы исполнили то, что согласно съ заповѣдію, Вашимъ званіемъ и саномъ. Ничего лучше нельзя было сдѣлать.

Не излишне, думаю, чтобы Вы Владыкѣ Новгородскому написали то же, что написали ко мнѣ. Что могло бы нужнымъ быть еще, не вижу.

Господь да сохраняетъ миръ души Вашей и здравіе Ваше. Прошу молитвъ Вашихъ о моей немощи и съ искреннимъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

М. Окт. 25, 1857.

78.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Долгомъ поставляю сказать Вамъ отвѣтное слово, что Поученія Ваши Цензурнымъ Комитетомъ одобрены. Да будутъ они въ назиданіе сынамъ Церкви.

Житіе же Ваше да продолжится еще, чтобы Вы помогали молитвою и примѣромъ намъ, борющимся съ молвою и волненіемъ дня.

Думаю, что и мнѣ время удалиться отъ нихъ: но и боюсь, чтобы это не было бѣгствомъ. Помогите, да наставленъ буду на лучшее.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

Сент. 14, 1859.

Сообщ. Св. Н. Гумилевъ.

ЗАМѢТКА НА ЗАМѢТКУ.

Въ долголѣтней и многоплодной жизни Митрополита Московскаго Филарета не мало заботъ и огорченій наводила ему излишняя и неразумная ревность объ его славѣ непризванныхъ и преждевременныхъ цѣнителей Архипастыря. Такъ иной, или иная, плѣнясь какимъ ни будь изреченіемъ проповѣдника, но не понявъ точнаго его смысла, передаетъ мудрое слово по своему, и молва возвращаетъ ему его духовное назиданіе въ видѣ свѣтскаго остроумія; его мирное соболѣзнованіе о какой ни будь обмолвкѣ Правительственной, въ видѣ выходки республиканца; его догматическія разъясненія тѣхъ или другихъ вопросовъ, въ видѣ мистическихъ гаданій; а сужденія объ отвлеченныхъ предметахъ, объ явленіяхъ, на примѣръ, изъ духовнаго міра, вообще не вполнѣ постигаемыхъ и не всегда понятныхъ мірской мудрости, сужденія чисто Философско-Христіанскія, а не прямо Богословскія, въ видѣ догматовъ Вѣры.,.. Такъ, приверженцы проницательнаго пастыря, не разумѣя, что отъ проницательности и даже прозорливости далекъ путь до чудотворенія, и что сила вѣры и молитвы, проявляющаяся не рѣдко въ исцѣленіи страждущаго, не чудо, а оправданіе ученія Церкви, прибѣгать въ болѣзни къ молитвамъ ея служителей, ставили его на высоту, о которой онъ не помышлялъ, и толки о святости молитвенника смущали смиреніе святителя. Какъ же онъ былъ, можно сказать, озадаченъ, когда однажды N. N., восторженная слушательница его поученій, воскликнула: «Ахъ, Владыко, какое будетъ счастье, когда явятся ваши мощи!».... Владыка быстро всталъ, и торопливо удалился въ другую комнату.

Не упоминаю уже о мнимомъ пророчествѣ Митрополита Платона, не Филарету еще, а Василію Дроздову, еще юношѣ, еще Семинаристу, что будетъ на немъ бѣлый клобукъ; это преданіе самимъ М. Филаретомъ опровергнуто. Не остановлюсь и на сказаніи въ Крестномъ Календарѣ о лѣности Дроздова, скрывавшагося на баркахъ отъ уроковъ! * А лѣнивецъ, какъ самъ вспоминалъ, «еще ребенкомъ, десяти, одиннадцати лѣтъ, пѣвалъ въ Коломнѣ на клиросѣ. Потомъ читалъ и Апостолъ.» Какъ же онъ, не учась, пѣлъ и читалъ въ церкви? Какъ же, при побѣгахъ своихъ изъ Училища, онъ на 17-мъ году дошелъ отъ азбуки до Философіи, подъ руководствомъ «преподавателя Грамматики, Дмитрія Өеодуловича Малинина?» Странная мысль: умалить, даже унизить, его, наперекоръ историческимъ свѣдѣтельствамъ, въ дѣтствѣ, чтобъ потомъ превознести въ старости... Убѣгающіе, куда глаза глядятъ, отъ уроковъ и ученія едва ли доходятъ до полной учености. Я увѣренъ, что издатель Крестнаго Календаря, имѣя теперь болѣе свѣдѣній, не сказочныхъ, о М. Филаретѣ въ повременныхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, самъ опровергнетъ это сказаніе, и составитъ, по новымъ даннымъ, подробную о немъ статью, въ поученіе народу.

Такъ, при раскрытіи Завѣщанія Александра I-го и Отреченія Цесаревича Константина Павловича отъ права на наслѣдованіе Престола, 18 Декабря, 1825, кому-то въ Успенскомъ Соборѣ послышалось: «Разрѣшаю и благословляю»... Осѣненіе присутствовавшихъ въ храмѣ крестнымъ знаменіемъ могло родить въ нихъ мысль о разрѣшеніи, при молчномъ, однако, благословеніи народа, отъ присяги. Благоговѣющіе предъ Архіепископомъ, плѣнились приписанными ему словами, и съ любовью, въ похвалу ему, разнесли ихъ по городу, не подумавъ о томъ, что Епархіяльный начальникъ не Патріархъ, не Митрополитъ всей Россіи, особенно же не Папа Римскій, чтобы разрѣшать народъ отъ присяги; что и Св. Пр. Синодъ не взялъ на себя

---

* «Нервный (?) ребенокъ долго, говорятъ, избѣгалъ школы и не разъ роднымъ приходилось отыскивать его скрывавшагося гдѣ ни будь въ баркахъ на рѣкѣ, чтобы снова представить въ школу.» Кр. Календ.

такого чисто Латинскаго дѣла, и, не разрѣшая никого отъ присяги, объявилъ только по духовному вѣдомству объ отреченіи Цесаревича и воцареніи Императора Николая I-го; что мудрый, всегда осторожный, догматикъ, на той степени Іерархическаго значенія, на которой стоялъ, и при подвѣдомственности своей Синоду, не могъ рѣшиться на такую сценическую выходку!...

Какъ объяснить усилія иныхъ, не многихъ, конечно, доказать, что Православный Іерархъ, отрицаясь отъ похвалъ, имъ не желаемыхъ, говорилъ не правду! И говорилъ постоянно, нѣсколько лѣтъ къ ряду, даже въ послѣдніе дни свои!.. Жизнь его, однако, доказала, что не бывало въ его устахъ лжи отъ младенчества до старости.

Никто, конечно, не заподозритъ въ умышленной неправдѣ и Гр. Комаровскаго. Я лично его зналъ и, какъ всѣ, близко знакомые съ нимъ, глубоко уважалъ и уважаю. Не менѣе того обмолвка, или описка, все же остается обмолвкой, или опиской, ни сколько, впрочемъ, не затмѣвая честнаго имени.

Не войду въ состязаніе съ Г. Комовскимъ и его свѣдѣтелями черезъ 43 года и по смерти уже обвиняемаго. Приведу печатное опроверженіе только этѣхъ двухъ словъ: «разрѣшаю и благословляю.»

1. 18 Декабря, 1825 года, предъ прочтеніемъ самимъ Архіепископомъ въ Успенскомъ Соборѣ Завѣщанія Александра I, Отреченія Цесаревича и Манифеста Императора Николая I, произнесено имъ нужное по обстоятельствамъ Слово, но въ немъ не сказано ни «разрѣшаю,» ни «благословляю,» а кончено оно такъ:

«Россіяне! двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи державной воли Александра Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните и найдете въ ней свое счастіе».

(Слова и рѣчи Ф. М. М. 1-ое и 2-ое изданіе 1845 и 1848—1861.)

2. Въ запискѣ, 23 года назадъ составленой, по приглашенію Высокой Особы (стр. 80 прил. къ Записк. о жизни и времени

Святителя Филарета М. Московскаго, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и разныя статьи въ современныхъ изданіяхъ), также не сказано ни полуслова о словахъ, которыя, какъ можно подумать, доставили Московскому Епархіяльному Начальнику Всемилостивѣйшую награду. Въ послужномъ же спискѣ его означено, что ему пожалованъ бриллiянтовой крестъ на клобукъ «въ слѣдствіе представленія Его Величеству описанія открытія хранившагося въ Успенскомъ Соборѣ акта» и проч. а не за громогласное провозглашеніе: «благословляю и разрѣшаю» (Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія 1868). Кто когда либо слыхалъ Филарета Московскаго, совершавшаго ли Литургію, поучавшаго ли въ церкви, или гдѣ либо бесѣдовавшаго, подтвердитъ, что онъ всегда, съ молоду, даже еще съ каѳедры Духовной Академіи, говорилъ не громогласно, а тихо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень внятно. Онъ и вообще не любилъ шумной рѣчи и громкаго разговора.

Въ этой Запискѣ, еще въ 1845 г., сказано:

«По требованію обстоятельствъ Архіепископъ нашелъ нужнымъ чтеніе формы присяги предначать слѣдующимъ образомъ:

«По уничтоженіи силы и дѣйствія прежней присяги непреклоннымъ отреченіемъ того, кому оная дана (за симъ слѣдовало осѣненіе народа крестнымъ знаменіемъ): Азъ, нижеименованный» и проч.»

Далѣе идетъ отрицаніе, впрочемъ, не долго носившихся, толковъ о происходившемъ въ Соборѣ:

«О семъ предисловіи присяги слышны были въ послѣдствіи времени не одинаковыя сужденія. Нѣкоторые говорили Архіепископу, что мысль о предшествовавшей присягѣ и о новой присягѣ при жизни того, кому дана предшествовавшая, дѣйствительно наводила на нихъ нѣкоторую мнительность, и вышеозначенное предисловіе дѣйствительно послужило для нихъ къ прекращенію сей мнительности. Другіе говорили, что Архіепископъ принялъ на себя не

принадлежащую ему власть разрѣшить отъ присяги. Но Архіепископъ отнюдь не признавалъ, чтобъ его дѣйствіе имѣло такое значеніе. Не разрѣшеніе отъ присяги произнесъ онъ, а только свидѣтельствовалъ, что сила и дѣйствіе прежней присяги сами собою уничтожились непреклоннымъ отъ престола отреченіемъ того, кому оная дана; онъ выразилъ словами мысль, которая должна была въ сіе время быть у каждаго, приступающаго къ присягѣ.»

3. По прочтеніи разсказа, помѣщеннаго въ Русскомъ Архивѣ 1867, № 10, Митрополитъ, уже на краю, такъ сказать, могилы, за 10 только дней до кончины, которую онъ ожидалъ вскорѣ, не удовольствуясь изустнымъ мнѣ объясненіемъ, что̀ и по чему было имъ сказано 18 Декабря, 1825 года, въ Успенскомъ Соборѣ, удивилъ меня неожиданной присылкой на другой день нѣсколькихъ строкъ, въ опроверженіе разсказа, помѣщеннаго въ Русскомъ Архивѣ. Такъ и за пять дней до своего послѣдняго часа, на замѣчаніе мое, за чѣмъ отвергать сказанное о немъ съ любовью, онъ отвѣтилъ: «Правда выше всего.» Упомянутыя строки, твердаго и крупнаго почерка, я предоставляю, какъ едва ли не послѣднія, кому угодно изъ редакторовъ повременныхъ изданій приложить въ снимкѣ къ одному изъ №№ своего изданія. Вотъ онѣ отъ слова до слова:

«При семъ возвращается Архивъ, и въ немъ записки Графа Комаровскаго.

«Вотъ примѣръ въ составъ доказательствъ того, что чистая исторія находится только въ Библіи и въ старыхъ Русскихъ лѣтописяхъ.

«Когда Архіепископъ вышелъ изъ алтаря и на амвонѣ положилъ на аналоіи ковчегъ съ Царственными актами: тогда приглашены были стать по одну сторону аналоія Московскій Генералъ-Губернаторъ, а съ другой Графъ Комаровскій; далѣе, по вынутіи изъ ковчега конверта, они засвидѣтельствовали собственноручную надпись блаженныя памяти Императора Александра Павловича и цѣлость печати. Здѣсь они и оставались до прочтенія отреченія Цеса-

ревича, Манифеста и присяги. И послѣ сего Графъ Комаровскій пишетъ не то, что было.

«Разрѣшаю и благословляю». Могли ли быть сказаны сіи слова, въ которыхъ нѣтъ опредѣленнаго понятія и смысла?

«Архіепископъ не принималъ на себя разрѣшить отъ присяги, да и не было въ семъ нужды: нужно было только объявить, что присяга уничтожилась сама собою.

«Вотъ слова и дѣйствіе Архіепископа:

«По уничтоженіи силы и дѣйствія данной присяги непреложнымъ отъ нея отреченіемъ того, кому она была дана (здѣсь крестообразное осѣненіе на присутствующихъ, на три стороны), азъ, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь,» и проч.

8 Ноября, 1867.»

Г. Комовскій заключилъ свою Замѣтку такъ: «Досточтимый Архипастырь писалъ свое письмо Н. В. Сушкову за 10 дней до кончины своей, и при томъ писалъ о томъ, что происходило 42 года назадъ.»

Нѣтъ, «досточтимый Архипастырь» не припоминалъ, а ясно помнилъ, и только повторилъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ давно, еще за 23 года, сказанное имъ въ Исторической запискѣ своей; стало быть, не вѣрно предположеніе Г. Комовскаго, что «въ этомъ случаѣ естественно слабѣющая съ лѣтами память Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита могла невольно измѣнить ему!»

Никто доселѣ не возбуждалъ, и никто, конечно, не возбудитъ сомнѣнія въ умственныхъ и духовныхъ силахъ Митрополита. Кому не извѣстно, что онъ сохранилъ до кончины своей вполнѣ и свѣтлый разумъ, и твердую, какъ гранитъ, память, и неопровержимую мѣткость, ясность и бодрость слова; что послѣдніе дни его были посвящены не безсознательнымъ занятіямъ полуотжившаго, безпамятнаго, впадающаго въ младенчество, ста-

рика, * а трудамъ и подвигамъ крѣпкаго духомъ старца; что онъ перебиралъ и пересматривалъ давнія бумаги, предположенія, замѣтки, служебную и частную переписку, кончалъ текучія дѣла, бесѣдовалъ съ близкими своими о Государственныхъ вопросахъ; что онъ принималъ посѣтителей, разсуждалъ съ ними о многихъ предметахъ, о духовныхъ, политическихъ, литературныхъ и т. д., а въ день призванія своего отъ земли, бодро отслужилъ, въ послѣдній разъ, Литургію, совершилъ свое послѣднее на земли служеніе Богу, и вкусилъ чаши спасенія.

Николай Сушковъ.

3 Сентября, 1868.

---

* Такимъ бы онъ долженъ быть по реченію Замѣтки объ его естественно слабѣющей памяти. Да отъ чего же надежнѣе и достовѣрнѣе память двухъ свѣдѣтелей, нежели память Митрополита? Одному изъ нихъ 87 или 88 лѣтъ, а другому 73—74 года! Не рѣшенъ еще вопросъ: когда память естественно слабѣетъ? Не отъ старости она ошибается: иные раньше 60—50 лѣтъ заговаривались. Я знаю такихъ. Если же память измѣняетъ намъ, когда мы о самихъ себѣ разсказываемъ, о своихъ дѣлахъ и приключеніяхъ вспоминаемъ, то уже, конечно, повѣствуя о чужихъ дѣяніяхъ и изреченіяхъ, мы еще менѣе въ правѣ отстаивать непогрѣшимость нашихъ словъ. Н. С.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ НОВАГО ТРУДА О СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРВОУЧИТЕЛЯХЪ.

Иногда появляются на свѣтъ Божій такія сочиненія, по прочтеніи которыхъ внимательный читатель выноситъ пропасть недоумѣній, а отвѣта на нихъ не находитъ. Къ числу подобныхъ сочиненій принадлежитъ, по нашему разумѣнію, и вышедшее на дняхъ произведеніе Петербургскаго ученаго, Г-на Бильбасова: «Кириллъ и Меѳодій. Часть первая: Кириллъ и Меѳодій по документальнымъ источникамъ. Спб. 1868.» Много страннаго, не доказаннаго и не объясненнаго найдетъ въ этой книгѣ человѣкъ, знакомый съ предметомъ, и посѣтуетъ на сочинителя за его таинственную скрытность. Изъ предисловія мы узнаемъ, что онъ имѣлъ главною цѣлью своею собрать въ одно всѣ памятники, говорящіе намъ о Славянскихъ Первоучителяхъ, при чемъ первая часть имѣетъ въ виду одни документальные памятники, которые дѣйствительно и помѣщены въ концѣ книги («Monumenta diplomatica, in quibus de SS. Cyrillo et Methodio agitur»). Зная цѣль сочинителя, мы, естественно, ожидаемъ, что онъ подробно выяснитъ намъ причины, вызвавшія его Сборникъ, и упомянетъ о трудахъ своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ. И дѣйствительно, въ предисловіи своимъ онъ упомянулъ, хотя и очень недостаточно, объ извѣстномъ «Собраніи памятниковъ, до жизни и дѣятельности Св. Первоучителей и Просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся», начатомъ О. М. Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», съ 1863 г., и о побужденіяхъ, заставившихъ сочинителя предпринять тождественный этому трудъ, но за то ни слова не сказано о Сборникѣ, составленномъ уже Гинцелемъ въ приложеніи къ его сочиненію: «Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method. Leitmeritz 1857,» подъ заглавіемъ: «Codex legendarum et monumentorum de SS. Cyrillo et Methodio nec non de liturgia Slavica agentium» (2-е изд. Wien 1861).» Читатель естественно недоумѣ-

ваетъ, чтобы могло означать такое молчаніе? Можетъ быть, Сборникъ Гинцеля такъ не полонъ и не исправенъ, что о немъ и упоминать не стоитъ? Собраніе Гинцеля дѣйствительно не исправно и не полно по отношенію къ источникамъ Славянскимъ, но Западные источники, особенно документальные, собраны у него въ надлежащей полнотѣ. Во всякомъ случаѣ, если бы этого даже не было, трудъ Гинцеля все таки заслуживаетъ вниманія, какъ первая попытка представить подобный сборникъ. При томъ, если мы сдѣлаемъ сравненіе его «Сборника» съ «Monumenta diplomatica» Г. Бильбасова, то найдемъ у послѣдняго нѣкоторые пропуски, которыхъ нѣтъ у перваго. По чему, на примѣръ, не помѣщено у Г. Бильбасова свѣдѣтельство о Кириллѣ Анастасія Библіотекаря, въ Предисловіи его къ Дѣяніямъ Константинопольскаго Собора 869 г. (Ginzel p. 43)? Или посланіе Папы Іоанна VIII къ Князю Коцелу «de uxoribus non dimittendis?» (Ginzel p. 57)? Хотя оно не говоритъ прямо о Кириллѣ и Меѳодіѣ, но, тѣмъ не менѣе, имѣетъ значеніе для ихъ исторіи. Можетъ быть, Г. Бильбасовъ находилъ, что это—свѣдѣтельства не вполнѣ документальныя, именно слова Анастасія? Что же въ такомъ случаѣ должны означать его собственныя слова въ предисловіи (стр. XI): «Подъ документами мы разумѣемъ всѣ болѣе или менѣе оффиціяльные акты, письма и меморіи, извѣщенія и грамоты, инструкціи и договоры, т. е., такіе письменные источники исторіи, которые не разсказываютъ о какомъ либо историческомъ событіи, но сами составляютъ частицу того событія, остатокъ отъ прошлаго?» [1]

---

[1] Мы ни слова не говоримъ о всей неясности и неточности этого опредѣленія. Замѣтимъ только, что, во всякомъ случаѣ, ставить на первый планъ можно только современные акты, а этой важной оговорки не сдѣлано, и отъ того видимъ у Г-на Бильбасова на самомъ первомъ мѣстѣ его «Monumenta diplomatica» два такіе акта, которые по времени ни какъ не могутъ красоваться на ономъ, а по существу своему, что ни говорилъ бы кто, и вовсе не заслуживаютъ такого предпочтенія. Въ противномъ случаѣ подобныхъ документовъ можно набрать цѣлой десятокъ. Или далѣе: самъ Г. Бильбасовъ, конечно, согласится съ нами, что Правительственный актъ, въ которомъ разсказывается, что Готскія письмена изобрѣтены извѣстнымъ еретикомъ Меѳодіемъ (постановленіе Сплитскаго Собора) немного прибавитъ къ нашему знакомству съ Славянскими Первоучителями. Актъ этотъ, правда, очень важенъ, по тому что объясняетъ намъ отношенія Католиковъ къ ихъ памяти, но это уже будетъ другое дѣло.

Признаемся, мы не понимаемъ послѣ этого, по чему письмо того же Анастасія къ Карлу Лысому (письмо помѣщено въ Сборникѣ Г-на Бильбасова) заслуживаетъ предпочтеніе передъ выше упомянутымъ свѣдѣтельствомъ въ оффиціяльномъ предисловіи къ Дѣяніямъ Собора? Или Г. Бильбасову не было извѣстно это свѣдѣтельство? Если сочинитель счелъ нужнымъ вовсе умолчать о трудѣ Гинцеля, совершенно тождественномъ съ ею собственнымъ, то не менѣе странно обращается онъ съ другимъ ученымъ, правда, ужь покойнымъ, именно Копитаромъ. Печатая въ своемъ Сборникѣ разсказъ Зальцбургскаго Неизвѣстнаго (Рихбальда?) объ обращеніи Хорутанъ, впервые исправно изданный Копитаромъ въ его «Glagolita Clozianus (Vindibonae 1836, p. LXXII—LXXVI), сочинитель, не сказавъ объ этомъ ни слова, спокойно перепечатываетъ примѣчанія Копитара на ряду съ своими собственными (таковы: большое примѣч. 2-е на стр. 112, 10-е на 113-й, 3 и 6 на 118, 4 на 119, 1 и 8 на 120, 2 на 125, 1-е на 126-й). Несвѣдущій читатель тѣмъ въ большемъ заблужденіи, что Г. Бильбасовъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, даже опровергаетъ Копитара (пр. 7, стр. 121), а читатель свѣдущій...... недоумѣваетъ. Если сочинитель такъ обращается съ своими учеными предшественниками, то нельзя похвалить обращенія его и съ источниками. Мы не давали себѣ труда провѣрять все, напечатанное имъ, но уже одного бѣглаго взгляда на посланіе Папы Адріана (подъ N III) достаточно, чтобы увидать, что оно напечатано имъ совершенно такъ, какъ оно находится у Ербена («Regesta Bohemiae»), тогда какъ въ Сборникѣ О. М. Бодянскаго это же посланіе въ болѣе древнемъ и исправномъ видѣ (по списку XII — XIII-го вѣка) напечатано на стр. 6-й («Чтенія» 1865 г., кн. I). Правда, что на этотъ разъ особенной бѣды не вышло, такъ какъ разнорѣчія между обоими списками сдѣсь только грамматическія, но не странно ли, что Русскій уче-

Кромѣ того, не можемъ не указать на непослѣдовательность Г. Бильбасова: Правительственные акты не исторія, по его опредѣленію, а сами составляютъ частицу Исторіи. Въ такомъ случаѣ за чѣмъ же было помѣщать «Anonymi Salisburgensis Historia de conversione Carantanorum?» Развѣ это не историческое изложеніе? Развѣ по тому только можно отнести его къ документамъ, какъ ихъ опредѣляетъ Г. Бильбасовъ, что написано оно въ формѣ памфлета, а не Житія?

ный, живущій въ Россіи и предпринимающій ученое изданіе, предпочитаетъ зарубежное своему, хотя и болѣе исправному, да еще находящемуся въ Сборникѣ, о которомъ отозвался съ такимъ уваженіемъ онъ самъ въ предисловіи? Странно, и очень странно, чтобы не сказать больше.... [2]

Не менѣе удивляется читатель, пробѣгая, на стр. VII, слѣдующія строки: «Пособія по исторіи Кирилла и Меѳодія многотомны, но до настоящаго времени очень немногія изъ нихъ удовлетворяютъ требованіямъ науки. За немногими исключеніями онѣ писаны съ заднею, предвзятою мыслью: Западные ученые, какъ, на пр., Г. Гинцель, стараются доказать, что Кириллъ и Меѳодій были Католики, Славянскіе же ученые, какъ, на пр., Г. Лавровскій, видятъ въ нихъ членовъ Православной Церкви. Ложно поставленная задача необходимо приводитъ тѣхъ и другихъ къ ложнымъ выводамъ,» и т. д. Изумленный читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: Кириллъ и Меѳодій не были ни Православные, ни Католики; да кто же они были? Не Магометане же, конечно? Или ужь не было ли въ то время какой ни будь средней, безразличной Церкви, къ которой принадлежали наши Первоучители?.... Только помощью догадокъ можно прійти къ тому заключенію, что Г. Бильбасовъ, вѣроятно, хотѣлъ этѣмъ сказать, что во времена Кирилла и Меѳодія не было еще полнаго раздѣленія Церквей, и что, слѣдовательно (?), они принадлежали къ сторонѣ, равнодушной къ этому раздѣленію.... Мы не станемъ

---

[2] Впрочемъ, такое же пренебреженіе къ Русскимъ изданіямъ видимъ мы у Г. Бильбасова многократно. Такъ, на пр., онъ пользуется, вмѣсто полнаго и исправнаго Русскаго перевода Славянскихъ Древностей, Шафарика, неполнымъ Нѣмецкимъ Мозига фонъ Эренфельда (отзывъ о Нѣмец. переводѣ см. въ предисловіи къ Русскому О. М. Бодянскаго стр. II). Этѣмъ, вѣроятно, объясняется и его пренебреженіе къ Русскимъ ученымъ изслѣдованіямъ: о почтенномъ трудѣ П. А. Лавровскаго «Кириллъ и Меѳодій, какъ Православные проповѣдники у Западныхъ Славянъ», и т. д. (Харьковъ. 1863) онъ отзывается черезчуръ легко, ставя на одну доску съ Гинцелемъ, а между тѣмъ нельзя не видѣть, что этотъ трудъ былъ весьма полезенъ и ему самому, хотя бы кромѣ документовъ. Довольно указать на его защиту буллы Стефана VI, которую почти всѣ Западные писатели считаютъ или подложною, или состряпанною Вихингомъ.

доказывать принадлежности Кирилла и Меѳодія къ Восточной Церкви, которую, замѣтимъ мимоходомъ, отвергать не только очень трудно, но, по нашему убѣжденію, и вовсе не возможно, и подождемъ продолженія труда Г. Бильбасова, въ которомъ, вѣроятно, найдемъ объясненіе и доказательства нѣкоторыхъ, покуда голословныхъ, его утвержденій: однако же не можемъ не посѣтовать на то, что онъ съ такою осторожностью и почти таинственностью, обходитъ пока подобные вопросы, даже не намекая на возможность ихъ разрѣшенія...

Не найдетъ также любознательный читатель отвѣта на свои недоумѣнія, по чему сочинитель находитъ «порядокъ, принятый О. М. Бодянскимъ, въ размѣщеніи памятниковъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, несообразнымъ съ требованіями науки» (стр. XV). По чему бы, кажется, Паннонскимъ Житіямъ, лучшему, что мы знаемъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, отступить на послѣдній планъ? Стоитъ вспомнить, что, вѣдь, безъ нихъ наши свѣдѣнія были бы чрезвычайно ограничены; изъ документовъ мы знали бы только, что былъ «quidam Graecus Methodius,» который пришелъ въ Паннонскія страны, былъ поставленъ тамъ Папами Архіепископомъ, но потомъ прогнѣвалъ ихъ употребленіемъ Славянскаго языка при богослуженіи, и за то признанъ еретикомъ... И только! Между тѣмъ какъ, по увѣренію Г. Бильбасова, въ сихъ-то документахъ и заключаются болѣе достовѣрныя свѣдѣнія. Но не все то болѣе достовѣрное заключаетъ въ себѣ, что содержится въ документахъ; такъ бы, конечно, слѣдовало по нашему умозаключенію, но не такъ весьма часто бываетъ на самомъ дѣлѣ. Основные законы критики, опирающіеся на такія мудрованія, тутъ, какъ говорится, приплетены ни къ селу, ни къ городу. Да и всегда ли Житіе или, по словамъ Г. Бильбасова, Легенда, содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, «прямо противоположныя степени достовѣрности документовъ?» Опять, такъ бы, казалось, по умозаключенію; но, опять, не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. При томъ, что толку въ такой документальности, которая то и дѣло показываетъ сама противу себя, которую не рѣдко нѣтъ возможности согласить ни съ собой, ни съ другими показаніями, и отъ которой въ послѣднемъ выводѣ остается только нѣчто, да и то нужно еще бываетъ обставить множествомъ иного другого, не исключая и своихъ ум-

ствованій и посылокъ, чему убѣдительнѣйшимъ примѣромъ можетъ служить вся статья Г. Бильбасова: «Римскіе Папы и Славянскіе Первоучители,» составленная яко бы по однимъ Латинскимъ документальнымъ источникамъ? Нѣтъ, на нихъ, какъ на Ванькѣ, не далеко уѣдешь! На оборотъ, не распространяясь о достоинствѣ Паннонскихъ Житій, мы напомнимъ только Г. Бильбасову, что знакомство съ этѣмъ источникомъ совершенно перемѣнило взглядъ на исторію Кирилла и Меѳодія и по истинѣ составляетъ эпоху въ исторіи разработки этого вопроса. Нѣтъ, еще разъ скажу и Г. Бильбасову, и Г. Гинцелю, не всякое Житіе непремѣнно уступаетъ въ значеніи всякому документу.

Какъ ни страненъ подобный взглядъ, но еще страннѣе покажется читателю увѣреніе Г. Бильбасова, что по «достовѣрности памятниковъ, говорящихъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, долженъ быть по языку такой порядокъ: сперва Латинскіе источники, потомъ Греческіе, потомъ уже Славянскіе, какъ самые поздніе» (стр. IX—X). Всякій, знающій хотя нѣсколько дѣло, перестанетъ даже недоумѣвать, а просто на просто усомнится въ достаточномъ знакомствѣ сочинителя съ тѣмъ предметомъ, за который онъ берется. Если Латинскіе источники (и то только Папскія посланія) еще могутъ быть, по его убѣжденію, древнѣе и достовѣрнѣе Славянскихъ, то какъ же можетъ это быть относительно Греческихъ? На этотъ вопросъ мы также не найдемъ отвѣта въ сочиненіи Г. Бильбасова, но за то, читая дальше, мы встрѣчаемъ еще другое дѣленіе. Онъ свое собственное сочиненіе подраздѣляетъ на 3 части:

1. Кириллъ и Меѳодій по документальнымъ источникамъ.

2. Кириллъ и Меѳодій по Западнымъ легендамъ.

3. Кириллъ и Меѳодій по Русскимъ (?!) сказаніямъ.

Въ объясненіе нѣкоторыхъ странностей этого дѣленія ни чего не сказано, и мы по прежнему остаемся въ недоумѣніи. А недоумѣніе наше на этотъ разъ велико; да и какъ не недоумѣвать? Куда же дѣлись, поставленныя сочинителемъ столь высоко, Греческія сказанія? Не уже ли же они скрываются подъ именемъ «Русскихъ»? Что значитъ также названіе «Русскія», т. е., подразумѣ-

ваются ли тутъ одни только Прологи или Сокращенныя Житія, или подъ это заглавіе вошли цѣликомъ и Паннонскія Житія (тоже Русскія?), и Греческіе (тоже Русскіе?) источники и т. п.? сочинитель по обыкновенію своему, ни чего не отвѣчаетъ, и намъ остается только недоумѣвать.... Не можетъ не поразить насъ также 3-е мѣсто, отведенное имъ Славянскимъ источникамъ, даже послѣ Западныхъ легендъ. Какія же легенды (сдѣсь рѣчь идетъ уже не о документахъ) поставлены нашимъ сочинителемъ выше Паннонскихъ Житій? Translatio ли Clementis, или, можетъ случиться, Моравская легенда? Отъ чего бы, кажется, не сообщить. И по чему? Дѣло въ томъ, что относительно этого предмета даже у Западныхъ Католиковъ (исключая, конечно, Гинцеля) утвердилось мнѣніе о превосходствѣ Паннонскихъ Житій передъ Латинскими. Чтобы убѣдить Г. Бильбасова, достаточно привести выписку изъ одного сочиненія Беды Дудика, котораго, какъ монаха Ордена Св. Бенедикта въ Моравіи, Г. Бильбасовъ, надѣюсь, не заподозритъ въ «патріотическомъ пристрастіи». «Was nun die Glaubwürdigkeit der verschiedenen Legenden anbelangt, so steht mir die Pannonische (Дудикъ разумѣетъ Житіе Меѳодія, о Житіи же Константина онъ, вопреки всѣмъ даннымъ, другого мнѣнія) oben an, an diese schliesst sich die Italienische, von den Bollandisten aufgenommene. Weniger Glauben schenke ich der Mährischen, dann der Böhmischen und der Bulgarischen etc.» (Mährens Allgemeine Geschichte, B. I. Brünn, 1860, S. 154, Anmerkung).[3]

Мы указали на нѣкоторыя недоумѣнія, вынесенныя нами изъ книги Г. Бильбасова; отвѣта на нихъ мы не нашли; остается терпѣливо дожидаться выхода 2-й и 3-й части его труда: можетъ быть, въ нихъ найдемъ мы разрѣшеніе этѣхъ недоумѣній. Нельзя, впрочемъ, умолчать тутъ еще о слѣдующемъ замѣчаніи его касательно изданія памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, предпринятомъ О. М. Бодянскимъ: «Печатается, говоритъ онъ, одно Житіе по различнымъ спискамъ, одинъ списокъ за другимъ, безъ филологической критики, безъ историческихъ указаній.»

---

[3] Замѣтимъ, что мы ни сколько не согласны вполнѣ съ мнѣніемъ Дудика, но дѣлаемъ эту выписку лишь съ выше указанною цѣлью.

(стр. X). Но на этотъ упрекъ издатель уже отвѣтилъ одному, подобному же совопроснику, еще въ 1-ой книгѣ «Чтеній» прошлаго года (1867, отд. V, стр. 179—182), и намъ остается только дивиться невѣдѣнію Г-мъ Бильбасовымъ этого «Объясненія». Видно, что онъ меньше всего знакомъ съ тѣмъ, что сдѣлано у насъ въ послѣднее время въ той области Исторіи, въ которой и онъ рѣшился потрудиться. Но, вѣдь, прежде чѣмъ за дѣло взяться по своему замышленію, нужно хорошо ознакомиться съ тѣмъ, что до насъ уже сдѣлано для него другими, чтобы не повторять задовъ понапрасну. Да не худо также присмотрѣться, точно ли нѣтъ того вовсе, что намъ хотѣлось бы видѣть. [1] Много и другихъ странностей замѣтили мы при чтеніи; но, не распространяясь о нихъ, предоставляемъ другимъ заняться подробнымъ критическимъ разборомъ и указаніемъ всѣхъ странностей Г. Бильбасова, каково, на примѣръ, хоть слѣдующее: въ одномъ мѣстѣ, какъ видѣли уже мы, говоритъ онъ (Предисл., стр. VII): «Пособія по Исторіи Кирилла и Меѳодія многотомны; но до настоящаго времени очень немногія изъ нихъ удовлетворяютъ требованіямъ науки», а въ другомъ (стр. VIII): «Кому извѣстно жалкое положеніе вопроса о Кириллѣ и Меѳодіѣ въ Русской наукѣ, кто знакомъ съ убожествомъ трудовъ по тому вопросу въ Русской Литературѣ», и проч. Шутитъ, что ли, Г-нъ Бильбасовъ съ многотомными пособіями по Исторіи Кирилла и Меѳодія у другихъ, и съ бѣдностью ихъ у насъ? Конечно, не шутитъ; за то, дѣлая это, едва ли основательно ознакомился съ тѣми и другими непосредственно. Но, повторяемъ, не распространяясь объ этомъ и многомъ иномъ, что касается до насъ, то мы указали на все сіе только мимоходомъ; цѣль нашей бѣглой замѣтки совершенно другая.

---

[1] Въ газетѣ «Русскій», № 50-й, Сентября 7-го, достопочтенный Редакторъ-Издатель, разбирая это же самое сочиненіе Г-на Бильбасова, и касаясь его отзыва о печатаніи О. М. Бодянскимъ Житій Кирилла и Меѳодія по извѣстнымъ ему спискамъ, замѣчаетъ, съ своей стороны, что «слѣдовало бы издать вѣрно одинъ лишь списокъ, подобравъ къ нему важнѣйшія разнорѣчія.» Но и его, какъ и Петербургцовъ, издатель можетъ тоже отослать къ упомянутому выше своему объясненію, прибавивъ, развѣ, только еще пословицу: «Про одни дрожди не говорятъ трожды!» Примѣч. 10-го Сентября.

«Обширность предпринятаго нами труда, говоритъ Г. Бильбасовъ въ концѣ своего предисловія, и сознаніе слабости нашихъ силъ, можетъ служить для всякаго надежнымъ ручательствомъ, что какъ указанія сдѣланныхъ уже нами недосмотровъ и упущеній, такъ и совѣты, касающіеся продолженія настоящаго труда, будутъ приняты нами съ полною благодарностью» (стр. XII). Основываясь на собственной просьбѣ Г. Бильбасова, мы рѣшились указать ему на одинъ изъ подобныхъ историческихъ промаховъ, попадающійся на самой первой страницѣ его сочиненія. Если въ предыдущемъ мы указывали только на наши недоумѣнія и сомнѣнія, ожидая видѣть ихъ разрѣшеніе въ послѣдующихъ выпускахъ «Кирилла и Меѳодія», то сдѣсь мы укажемъ на несомнѣнныя «недосмотръ и упущеніе.»

«Первый по времени (!) документъ (такъ начинаетъ Г. Бильбасовъ свое изслѣдованіе), относящійся къ исторіи Кирилла и Меѳодія—письмо Хозарскаго Царя Іосифа къ раввину Хисдаи — не помѣщенъ въ настоящемъ сборникѣ; мы не имѣли того письма подъ руками. Объ этомъ документѣ упоминаетъ Шафарикъ, говоря, что въ томъ письмѣ находится «извѣстіе объ ученомъ преніи Константина съ Іудеями въ Тавріи и Козарахъ; Славянскій ученый прибавляетъ, что это письмо сохранилось «въ книгѣ Сеферъ-Козри» (Разцвѣтъ, стр. 42, пр. 6). Отвѣтственность за достовѣрность этого извѣстія лежитъ на Шафарикѣ; мы поставлены въ невозможность провѣрить справедливость его словъ, но не можемъ умолчать о важности письма Іосифа къ Хисдаи: это письмо есть единственный документъ, сохранившій извѣстіе о Хозарской миссіи Константина, упоминанія о которой встрѣчаются въ легендахъ.» И такъ читателю, вмѣстѣ съ сочинителемъ, придется заключить, что существуетъ «очень важный» и «первый по времени» документъ относительно Кирилла, но составляетъ такую рѣдкость, что сочинитель нигдѣ не могъ отыскать его, что онъ былъ подъ руками у Шафарика, но тотъ, вѣроятно, по небрежности, не напечаталъ столь важнаго Хазарскаго свѣдѣтельства.... Такъ, видно, приходится заключить изъ словъ Г. Бильбасова... Но на дѣлѣ оказывается, что онъ слишкомъ мало искалъ этого источника, который извѣстенъ всякому, хотя нѣсколько занимающемуся Русскою Исторіею, по тѣмъ важнымъ

свѣдѣніямъ, которыя онъ заключаетъ въ себѣ для исторіи нашихъ древнихъ сосѣдей, Хазаръ. Дѣйствительно, письмо Испанскаго Раввина Хисдая ибнъ Ицхана ибнъ Эздры ибнъ Шапрута къ Хазарскому Царю Іосифу, равно какъ и отвѣтъ послѣдняго, вовсе не составляетъ рѣдкости въ ученомъ мірѣ: издаваемы они были нѣсколько разъ и въ подлинникѣ, и въ переводѣ на разные языки. Впервые напечатаны они были однимъ Евреемъ въ Константинополѣ, въ 1572 г., за тѣмъ перепечатаны Буксдорфомъ въ Базелѣ въ 1660 г., а въ позднѣйшее время Зеднеромъ въ Берлинѣ въ 1840 г. Нѣсколько разъ были они переводимы и на разные языки, какъ, на пр., Кармоли въ 1842 на Французскій (Itinéraires de la Terre Sainte), и Зелигомъ Касселемъ на Нѣмецкій въ 1848 (Magyarische Alterthümer). Послѣднее изданіе этой переписки, сколько намъ извѣстно, появилось въ сборникѣ Августа Бѣлевскаго: «Monumenta Poloniae historica.» (Tom pierwszy. Lwów 1864, стр. 51—83), гдѣ оба письма напечатаны какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ на Польскій языкъ. Тамъ же можно найти объясненія и библіографическія подробности. Если, впрочемъ, Г. Бильбасову не желательны иностранныя книги, къ которымъ онъ, однако, чувствуетъ такое пристрастіе, то мы можемъ объяснить ему, что выше упомянутая переписка нѣсколько разъ была переводима и на Русскій языкъ, и при томъ помѣщаема въ общедоступныхъ изданіяхъ. Такъ, на пр., переводъ отрывковъ изъ письма Хисдая къ Іосифу помѣщенъ въ «Сборникѣ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи, изд. Г. Валуева,» сдѣланный К. А. Косовичемъ (М. 1845, стр. 185 и слѣд.); переводъ же отвѣтнаго письма Іосифа находится въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1847, кн. VII, стр. 1—11 (Матер. Иностран.), подъ заглавіемъ: «Два Еврейскихъ письма о Хазарскомъ Царствѣ, переведенныхъ съ подлинника Даніиломъ Гартенштейномъ.» Наконецъ, чтобы привести источникъ самый общедоступный, мы укажемъ на «Учебно-историческій сборникъ по Русской Исторіи, составленный А. Добряковымъ,» томъ I-й. Санктпетербургъ 1865, въ которомъ, на стр. 199 и слѣд., помѣщенъ переводъ письма Хисдая по Косовичу, и вмѣстѣ упомянуто о существованіи отвѣта Іосифа въ Русскомъ переводѣ. Такова библіографія этихъ писемъ. Изъ всего этого оказывается, что вовсе не надо быть Шафарикомъ, чтобы пользоваться этимъ,

столь распространеннымъ, источникомъ, но надо имѣть только, по крайности, нѣкоторыя, познанія въ Русской Исторіи и знакомство, неговоря уже объ иностранной, съ Русскою ученою литературою, а этого, какъ видно, и недостаетъ Петербургскому ученому, хотя онъ и взялся за дѣйствительно ученое изданіе.

Это одна сторона медали; посмотримъ теперь на другую. Г. Бильбасовъ откровенно сознается, что отвѣтное письмо Іосифа ибнъ Ицхану осталось ему не извѣстно, а между тѣмъ онъ смѣло говоритъ о немъ, какъ о документѣ весьма «важномъ», да еще и «первомъ по времени». Не мудрено, что, не зная самыхъ писемъ, Г. Бильбасовъ не зналъ также и о времени жизни Рабби Хисдаи, но въ такомъ случаѣ къ чему же дѣлать такія смѣлыя утвержденія? Признакъ ли это историческаго умѣнья и сноровки? Дѣло въ томъ, что Раввинъ Хисдай, извѣстный Испанскій ученый Еврей, жилъ при дворѣ Кордовскаго Халифа Абдъ-ер-Рахмана III (ум. 961), во время правленія Оттона I (ум. 973) въ Германіи и Константина Багрянороднаго (ум. 959) въ Византіи, и скончался, какъ полагаютъ, около 960 г.; слѣдовательно, письмо его писано не ранѣе половины X-го вѣка. Такимъ образомъ и отвѣтъ Царя Хазарскаго Іосифа, подлинность котораго въ добавокъ отвергается нѣкоторыми учеными (впрочемъ, какъ кажется, безъ достаточнаго основанія), не могъ быть также писанъ ранѣе этого времени. Какимъ же образомъ свѣдѣнія о посольствѣ къ Хазарамъ Кирилла, какого бы рода они ни были, заключающіяся въ этомъ письмѣ, могутъ представлять «первый по времени документъ»? Развѣ «послѣдній»? Это все таки будетъ вѣрнѣе. Для насъ тѣмъ болѣе показалось страннымъ незнаніе Г. Бильбасовымъ времени жизни Хисдая, что упоминаніе о немъ мы находимъ не только въ Испанскихъ источникахъ, но даже въ современныхъ ему Нѣмецкихъ: Г. Бильбасовъ могъ бы найти свѣдѣнія объ этомъ ученомъ Евреѣ въ отчетѣ о посольствѣ Іоанна Горзейскаго, отправленнаго Оттономъ къ Абдъ-ер-Рахману въ 953 г., [1] у Пертца, а если не въ подлинникѣ, то,

[1] Judaeum quendam, cui nomen Hasdeu, quo neminem unquam prudentiorem se vidisse, aut audisse, testati sunt.» etc. Pertz, Monum. Germaniae IV, Vita Johannis Gorziensis, cap. 121, pag. 371.

по крайней мѣрѣ, въ изложеніи извѣстнаго Нѣмецкаго ученаго, Вильгельма Гизебрехта: «Geschichte der Deutschen Kaiserzeit». I-r Band, 3-te Ausgabe, S. 507 sqq., сочиненіе, которое не могло бы, кажется, не быть извѣстнымъ Г. Бильбасову, заявившему себя покуда, сколько намъ извѣстно, предпочтительно трудами по Всеобщей, и именно Нѣмецкой, Исторіи.

Теперь остается рѣшить только одинъ вопросъ: что же именно заключается въ этомъ Хазарскомъ источникѣ для исторіи Славянскихъ Первоучителей? Ибнъ Ицханъ, свѣдавъ, что существуетъ сильное Государство, исповѣдующее Еврейскую Вѣру, какъ патріотъ, проникается глубокою радостью, горитъ желаніемъ узнать подробности объ этомъ Государствѣ, и вотъ онъ пишетъ къ Хазарскому Царю, Іосифу, съ просьбою, отвѣтить ему на разные вопросы: какъ велика Хазарская земля, давно ли она существуетъ, какіе тамъ Цари и т. д., и, между прочимъ, что особенно важно было для Хисдая, когда у нихъ распространилась Еврейская Вѣра? Іосифъ, отвѣчая Раввину патріоту на его запросы, говоритъ, конечно, и о принятіи Вѣры. Что же онъ передаетъ намъ? Передавъ, состряпанный, въ подражаніе Библейскимъ, разсказъ о чудесномъ принятіи Вѣры (Еврейской), по внушенію ангела, Каганомъ Буланомъ (или Боляномъ) и его народомъ, Іосифъ повѣствуетъ далѣе, что слава Булана распространилась по всѣмъ странамъ; узнали объ этомъ владыки Едомитянъ и Измаильтянъ (Библейскія выраженія, вмѣсто Христіанъ и Магометанъ) и прислали къ Булану пословъ своихъ съ великими дарами и мудрецами земель своихъ, чтобы обратить Хазаръ въ свою Вѣру Мудрый Царь приказалъ вызвать изъ Израиля также мудреца, и приказалъ имъ всѣмъ вступить въ состязаніе, излагать каждому свое Исповѣданіе: толку, конечно, ни какого не вышло, мудрецы ни въ чемъ не сошлись. Тогда Царь придумалъ другой способъ, чтобы узнать, которая Вѣра лучшая: онъ призвалъ къ себѣ по одиначкѣ мудреца Едомитянъ и Измаильтянъ и спросилъ въ особенности каждаго: одного, которая Вѣра лучше, Измаильтянъ, или Евреевъ, другого, Едомитянъ, или Евреевъ? Оба отвѣчали, что, не смотря на всѣ заблужденія, все таки Еврейская Вѣра лучше. Тогда Царь свелъ ихъ вмѣстѣ и предложилъ тѣ же вопросы: отвѣты были такіе же, какъ и прежде. Тогда мудрый Царь произ-

несъ свое рѣшеніе: «Ваши собственныя уста изрекли, что Вѣра Еврейская лучше, я и принялъ ее, какъ законъ Авраама» и т. д. Это изложеніе передаетъ совершенно точно, хотя и въ сокращеніи, разсказъ Іосифа. Болѣе ни чего не находится въ этомъ письмѣ, ни о принятіи Вѣры, ни, тѣмъ болѣе, о Хазарскомъ посольствѣ Константина (Кирилла). Къ чему же сводится этотъ первостепенный источникъ? Къ баснословному, на половину вымышленному, разсказу о принятіи и испытаніи Вѣры, такъ часто встрѣчающемуся у разныхъ народовъ, въ которомъ можно видѣть развѣ только смутное преданіе Хазаръ о какой-то Христіянской проповѣди у нихъ; можетъ быть его и можно отнести къ Константинову пребыванію въ Хазаріи, но и только. Откуда же взялась первостепенная важность этого источника? Ужь не ввелъ ли Шафарикъ какимъ ни будь неосторожнымъ выраженіемъ въ заблужденіе Петербургскаго ученаго? Справляемся въ указанной статьѣ: «Разцвѣтъ Славянской письменности въ Болгаріи. («Чтенія» 1848, VII), раскрываемъ стр. 42-ю и читаемъ, въ примѣч. 6-мъ, слѣдующее: «Замѣтимъ мимоходомъ, что темное извѣстіе объ ученомъ прѣніи нашего Константина съ Іюдеями въ Тавріи и Козарахъ сохранилось въ посланіи тогдашняго Козарскаго Царя, Іосифа, къ Жиду Равви Хисдаю, въ книгѣ «Сеферъ Корзи.» И такъ, теперь намъ все становится яснымъ: выраженіе «тогдашній» Г. Бильбасовъ принялъ равносильнымъ «современникъ Кирилла,» а за тѣмъ ему уже, конечно, ни чего не стоило «темное извѣстіе» обратить въ документъ первостепенной важности! И вотъ такъ-то пишутся иногда ученыя сочиненія, съ шумомъ и громомъ провозглающія о новыхъ открытіяхъ, содержащихся въ нихъ, гонящіяся за «сообразнымъ съ требованіями науки» чуть не на каждой страницѣ своихъ издѣлій, разумѣется, понимая это требованіе по своему!

Мы надѣемся, что теперь, по крайней мѣрѣ, Г. Бильбасовъ не помѣститъ письмо Іосифа къ Хисдаю бенъ Ицхану въ числѣ документовъ «первыхъ по времени и важности.» Или, можетъ быть, Г. Бильбасовъ по прежнему, увлекаясь своею мыслью, что все, что ни сказано въ письмѣ, предпочтительнѣе высказаннаго въ Житіи, будетъ настаивать на своемъ мнѣніи о первостепенности этого извѣстія? Вольному воля.... Наше дѣло было только

сдѣлать указаніе. Только тогда мы бы уже посовѣтовали Г. Бильбасову, въ случаѣ втораго изданія своего сочиненія, нѣсколько исправить свое дѣленіе, и поставить во главѣ памятниковъ, вмѣсто источниковъ Латинскихъ, отдѣлъ источниковъ.... Хазарскихъ.

Москва.
28 Іюля, 1868.

П. Мельгуновъ.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

1868 года, Марта 3 дня.

1868 года, Марта 3-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, А. Н. Аѳанасьева, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Ю. Д. Филимонова, М. Л. Назимова, Соревнователя А. Е. Кудрявцева и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола послѣдняго Засѣданія Общества, 22-го Декабря, 1867 года, происходило слѣдующее:

1. Секретарь Общества, О. М. Бодянскій, читалъ статью сочиненія Д. Члена Архимандрита Леонида, присланную симъ для помѣщенія въ «Чтеніяхъ»: «Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вѣковъ по Русскимъ паломникамъ, съ объяснительными памятниками, планомъ и рисунками.»

За тѣмъ читаны были:

А. Отношенія.

2. Карамзинской Библіотеки, въ Симбирскѣ, отъ 1-го Генваря, 1868 г., благодарность за высылку «Чтеній» 1867 г. и просьба о продолженіи высылки и въ текущемъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію, а «Чтенія» продолжать высылать.

Б. Предложенія.

3. Редакціи «Православнаго Собесѣдника» при Казанской Духовной Академіи, отъ 14-го Декабря, 1867 г., пол. 22-го, объ обмѣнѣ «Собесѣдника» на «Чтенія» въ 1868 г. Опредѣлено: обмѣниваться.

В. Приношенія.

а. Статьями:

4. Д. Члена, Профессора Московской Духовной Академіи, П. С. Казанскаго, отъ 17-го Генваря, пол. 19-го: «Кто были виновники Соловецкаго возмущенія отъ 1666 до 1676 года?»

5. Д. Члена, И. П. Липранди, пол. 4-го Февр.: 1) «Война 1812 года. Съ замѣчаніями на книгу: «Исторія Отечественной войны 1812 года по достовѣрнымъ источникамъ, соч. Г.-М. Богдановича. Спб. 1859—60, въ 8-ку, 3 тома.» 2) «Восточный вопросъ и Болгарія.»

6. Ив. Жукова, пол. 26-го Декабря, 1867 года, черезъ Д. Члена А. М. Кубарева: «Мысли и замѣчанія при разборѣ мнѣнія Г. Богдановича о планѣ отступленія Русскихъ войскъ внутрь Имперіи при нашествіи Наполеона, изложенномъ въ «Исторіи Отечественной войны въ 1812 году. Спб. 1859.»

7. Д. Члена Архимандрита Леонида: 1) «Послѣдній Патріярхъ Болгарскаго Царства, Евѳимій, и его сочиненія; 2) Обозрѣніе Цареградскихъ памятниковъ и святынь XIV и XV вѣковъ по Русскимъ паломникамъ, съ объяснительными памятниками, планомъ и рисунками.»

б. Матеріялами:

8. Соревнователя Общества, Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, Ил. А. Чистовича, пол. 19-го Октября: «Дѣло Салникѣева.»

9. И. Щурова, пол. 30-го Ноября, 1867 г.: «Собраніе документовъ о Старообрядцахъ.»

10. Н. И. Попова, пол. 12-го Декабря, 1867 г.: «Матеріалы для Исторіи Безпоповщинскихъ Московскихъ согласій.»

11. Соревнователя Общества, А. А. Чумикова, изъ Спб., отъ 16-го Февр., пол. 17-го, 1868 г., переводъ съ Шведскаго: «Договора Шведовъ съ Россіею въ Тявзинѣ 1595 года.»

в. Книгами:

12. Московскаго Университета: «Рѣчи и Отчетъ Императорскаго Московскаго Университета 12 Генваря, 1868 года. М. 1868.»

13. Д. Члена, Макарія, Епископа Орловскаго и Сѣвскаго, отъ 5-гоГенваря, пол. 15-го, 1868 г., брошюра: «Прощаніе съ Нижегородскою паствою и привѣтствіе паствѣ Орловской. Спб. 1867 г.»

14. Д. Члена, А. Н. Аѳанасьева, пол. 23 Генваря: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу и пр. М. 1868 г. Выпускъ 2-й.

15. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, отъ 31-го Декабря, 1867 г., N 16,962, пол. 1-го Февр., 1868 г.: «Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ Исторіи Сѣверо-Западной Руси, издаваемый при Управленіи Виленскаго Учебнаго Округа. Томъ I-й. Вильна. 1867.»

16. Совѣта Лицея Князя Безбородька, отъ 30 Декабря, 1867 г., N 359, пол. 3-го Февр. 1868 г.: «Годичный торжественный актъ въ Лицеѣ Князя Безбородька и Нѣжинской Гимназіи 4-го Сентября, 1867 года. Кіевъ. 1867.»

17. Сербскаго Ученаго Общества въ Бѣлградѣ, отъ 18-го Дек., 1867 г., пол. 9-го Февр., 1868 г.: 1) «Гласникъ, кн. IV свезка XXI. У Београду. 1867; 2) Сербскія народныя пѣсни Босніи и Герцеговины. Пѣсни историческія старыя, собранныя Боголюбомъ Петрановичемъ. Бѣлградъ. 1867; 3) Исторія Сербской Словесности,

соч. Стояна Новаковича. Бѣлградъ. 1867; 4) Краткій прегледъ (обзоръ) гармоніи въ свѣтѣ, соч. Милоша Куюджича. Бѣлградъ. 1867 г.

18. **Югославянской Академіи Наукъ и Художествъ** въ Загребѣ, пол. 3-го Марта, 1868 г.: «Rad» a t. d., кн. II за 1868.»

19. **Канцеляріи Князя Юсупова** въ С.-Петербургѣ, отъ 31-го Генваря, 1868 г., N 99, пол. 20 Февр.: «О родѣ Князей Юсуповыхъ. 2 части. Спб. 1867.»

20. **Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета**, отъ 16-го Февраля, 1868 г., N 289, пол. 22-го: «Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ на 1867—1868 академическій годъ. Спб. 1868.»

21. **Д. Члена Н. В. Закревскаго**, пол. 15 Генваря, 1868 г.: «Описаніе Кіева, изд. 2-е, съ атласомъ. 2 части. М. 1868.»

Опредѣлено: статьи и матеріялы разсмотрѣть, книги же сдать въ Библіотеку Общества.

Г. Сообщенія:

22. О смерти Поч. Члена, Епископа Бачскаго и Новосадскаго (въ Южной Угріи), Платона Атанацковича, избр. 1842 года, Февр. 21-го, скончавшагося 9-го Апрѣля, 1867 года. Опредѣлено: умершаго исключить изъ списка Членовъ.

Въ концѣ засѣданія Г. Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную четвертую книгу «Чтеній» 1867 г., въ 45 $^{7}/_{8}$ листа. Содержаніе ея: I **Изслѣдованія**: Кто были виновники Соловецкаго возмущенія отъ 1666 до 1676 г.? Д. Члена П. С. **Казанскаго**. О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ Христіянской точки зрѣнія, соч. покойнаго Почетнаго Члена **Филарета**, Митрополита Московскаго. Мысли и замѣчанія при разборѣ мнѣнія Генералъ-Маіора М. Богдановича о планѣ отступленія Русскихъ войскъ внутрь Имперіи при нашествіи Наполеона, въ «Исторіи Отечественной войны 1812 года, составленной по достовѣрнымъ ис-

точникамъ. Спб. 1859 г., Ив. Жукова. II. Матеріялы Отечественные. Приложенія къ запискамъ А. П. Ермолова. Часть II 1816—1827 годы: Журналъ донесеніямъ Его Императорскому Величеству со времени вторженія Персіянъ въ границы Россіи. Сообщ. Н. П. Ермоловъ. III. Матеріялы Славянскіе. Историческое описаніе Сербской Царской Лавры Хиландаря и ея отношенія къ Царствамъ Сербскому и Русскому. Д. Члена Архимандрита Леонида. IV. Матеріялы Иностранные. Два сватовства иноземныхъ Принцевъ къ Русскимъ Великимъ Княжнамъ въ XVII столѣтіи. Перев. съ Нѣмецкаго (VII и X частей Magazins von Büsching). Д. Члена А. Н. Шемякина. V. Смѣсь. Ермакъ, покоритель Сибири. Н. А. Абрамова. Письма и записки Императрицы Елисаветы Петровны къ Великому Князю Петру Ѳедоровичу, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Кабинетъ-Секретарю И. А. Черкасову, С. В. Бутурлиной и разнымъ близкимъ къ Государынѣ лицамъ, 1741—61 г. Сообщ. М. И. Семевскій. Бумаги, относящіяся до Н. И. Новикова. Дѣло о Скопцѣ Камергерѣ Еленскомъ. Сообщ. Д. Членъ И. П. Липранди. Голосъ о необходимости имѣть одинаковые законы и Прибалтійскимъ Губерніямъ съ законами Россійской Имперіи, поданный въ Коммиссію сочиненія проекта Новаго Уложенія, Камеръ-Конторы Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ Депутатомъ Артеміемъ Шишковымъ. Женская доля по Малороссійскимъ пѣснямъ. А. Боровиковскаго. Знахарство на Руси. Сообщ. И. Щуровъ. Календарь народныхъ примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси. Сообщ. И. Щуровъ. Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1866 года, Октября 15 дня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древней Россіи и Польшѣ. Константина Алексѣева.. 1 — 108

Днѣпровскіе пороги по Константину Багрянородному. Д. Члена А. Ѳ. Вельтмана.................. 109 — 122

Нѣсколько замѣчаній на сочиненія Ф. Смита по поводу переводовъ ихъ съ Нѣмецкаго на Русскій Г-мъ Квитницкимъ.......................... 123 — 148

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть I. Пѣсни хороводныя.................. 83 — 244

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Паденіе Чехіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Д. Члена П. А. Лавровскаго.................................. 1 — 77

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова. Книга II................ 1 — 102

ОГЛАВЛЕНІЕ.

V.

СМѢСЬ.

Стран.

Мирный договоръ между Швеціею и Россіею, заключенный 10-го Мая, 1595 года, близъ Нарвскаго озера, на сторонѣ Иваньгорода, въ Тявзинѣ. Переводъ съ Шведскаго Соревнователя А. А. Чумикова.. 1 — 12

Письмо Императора Петра I-го къ Подполковнику 1716 года.. 13

Дополненіе къ статьѣ: «Послѣдніе годы жизни Государыни Царицы Евдокіи Θедоровны. Николая Дубровскаго.. 14 — 20

О караванной торговлѣ съ Джунгарской Бухаріей въ XVIII столѣтіи. Н. Г. Потанина............. 21 — 113

Письма Московскаго и Коломенскаго Митрополита Филарета къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому и Зарайскому. Сообщ. Св. Н. Гумилевъ........ 114 — 207

Замѣтка на замѣтку. Н. В. Сушкова.............. 208 — 214

Нѣсколько словъ по поводу новаго труда о Славянскихъ Первоучителяхъ. П. Мельгунова............... 215 — 228

Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Марта 3 дня, 1868 года.. 229 — 233

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Годъ 2-й: Цѣна
изъ 9-ти книгъ, каждая . . . 2 р.
За всѣ, безъ пересылки . . . 18 „
а съ пересылкой. . . . . . 21 „
Годъ 3-й тоже изъ 9-ти книгъ, каждая по . . . . 2 „
Года 4-го кн. I. . . . . . . 2 „
съ пересылкой. . . . . 2 р. 30 к.
Итого безъ пересылки . . . 38 р.
съ пересылкой . . . . 44 р. 30 к.

Годъ 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, по 4 книги въ годъ, безъ перес. каждый по 5 р. за всѣ 50 р.
съ пересылкой по 6 р. „ „ 60 „
За всѣ годы, безъ перес. „ „ 88 „
съ пересылкой же. . . 104 р. 30 к.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 года.

25 книгъ, каждая по . . 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ перес. . . 37 „ 50 „
съ пересылкой . . . . 45 „ — „

На пересылку всякой книги „Чтеній“ и „Временника“ безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Алексѣя Егоровича Кудрявцева, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у Коммиссіонéра Общества, Московскаго книгопродавца, Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

Славянскія Древности, соч. П. I. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848 г., ц. 6 р., перес. за 10 ф.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855 г., ц. 2 р., съ перес. 3 р.

Исторія Руссовъ или Малой Россіи, соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846 г., ц. 5 р. безъ пересылки.

Гусъ и Лютеръ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома, ц. 4 р.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г., ц. 1 р. 50 к.

О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма, соч. П. I. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1861 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Походы Викинговъ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Путешествія Венеціянца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Авг. Бюркомъ, перев. А. Н. Шемякинымъ, М. 1863 г., ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Жизнеописанія древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1865, ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, соч. Петра Петрея, изд. въ 1620 году въ Лейпцигѣ, перев. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1867 г., ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСК[...]

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ 1868 году, какъ повременное изданіе, четы[...] за въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печа[...] листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содер[...] каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: [...]чественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — пять рублей серебромъ въ Москвѣ, [...] пересылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями [...]щаться въ самое Общество, или къ Московскому Кни[...]давцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Вазу[...] на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типо[...]

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

при Московскомъ Университетѣ

выходятъ въ 1868 году, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, по одной книгѣ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — **пять** рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — **шесть**. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому Книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.